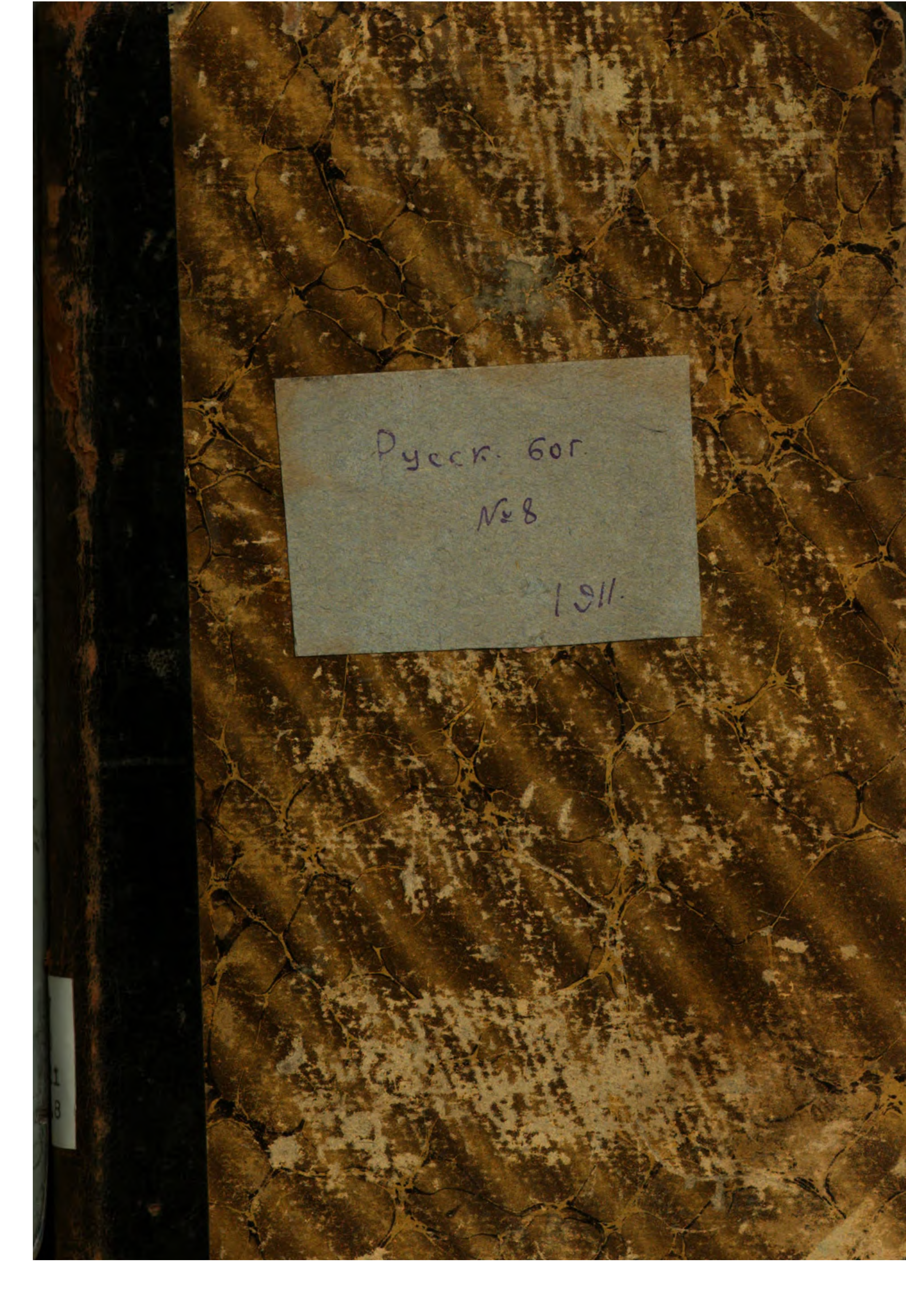
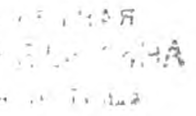

Русск. бог.
№ 8
1911.

Адресъ редакціи и конторы: Басковa ул., 9. Телефонъ № 20-83.

АВГУСТЪ. 1911.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 8.

СОДЕРЖАНІЕ:

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. *Пятое* изд. 1910 г.—218 стр. Ц. 75 к.

— ПИСЬМА КЪ ЖИТЕЛЮ ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЫ. *Второе* изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 к.

— СОРОЧИНСКАЯ ТРАГЕДІЯ (по даннымъ судебнаго разслѣдованія). Изд. 1907 г. Ц. 10 коп.

— ОТОШЕДШІЕ. Объ Успенскомъ. О Чернышевскомъ. О Чеховѣ. *Второе* изд. 1910 г. Цѣна 40 коп.

— ИСТОРІЯ МОЕГО СОВРЕМЕННИКА. I. Раннее дѣтство и годы ученія. Изд. *второе.* 1911 г.—461 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— БЫТОВОЕ ЯВЛЕНІЕ. Замѣтки публициста о смертной казни. 1910 г. 84 стр. Ц. 15 к.

Ѳ. Крюковъ. КАЗАЦКІЕ МОТИВЫ. 1907 г.—438 стр. Ц. 1 руб. Казачка.—Въ родныхъ мѣстахъ.—Станичники.—Изъ дневника учителя Васюхина.—Кладъ.—Картинки школьной жизни.—Къ источнику исцѣленій.—Встрѣча.

Н. Е. Кудринъ (Н. С. Русановъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к. Народъ и его характеръ.— Наука, литература и печать.— Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.—Дѣло Дрейфуса.—Идейное пробужденіе.

— ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ. Съ 12 портрет. Изд. 1906 г. 499 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пастэръ. — Додэ. — Золя. — Клемансо. — Вальдекъ Руссо. — Комбъ. — Рошфоръ.—Жоресъ.—Гэдъ.—Анатоль Франсъ.—Поль Бурже.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА. Изд. *третье.* 1906 г. — 380 стр. Ц. 1 р.

— ФОРМУЛА ПРОГРЕССА Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. НАУЧНЫЯ ОСНОВЫ ИСТОРІИ ЦИВИЛИЗАЦІИ. 1906 г. 143 стр. Цѣна 40 коп.

— ЗАДАЧИ ПОЗИТИВИЗМА И ИХЪ РѢШЕНІЕ. Теоретики сороковыхъ годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ. Изд. 1906 г.—143 стр. Ц. 40 к.

А. Леонтьевъ. РАВНОПРАВНОСТЬ. *Второе* изд. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

— СУДЪ И ЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ. Изд. 1905 г. 24 стр. Ц. 5 к.

Ек. Лѣткова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. I. Мертвая зыбь. *Третье* изд. 1906 г.—222 стр. Ц. 1 р.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. II (распроданъ).

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1903 г. — 316 стр. Ц. 1 р. Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамиліи. (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Четвертое* изд. 1907 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орленокъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Третье* изд. 1906 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к. Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Эпилогъ.—Post-scriptum автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Третье* изд. 1909 г.—

336 стр. Ц. 1 р. Любимцы каторги.—Искорка.—Маленькіе люди.—Чортовъ яръ.—Недосказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Ганя.—Юность (изъ воспоминаній неудачницы).

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г. *Распроданы.*

— ВМѢСТО ШЛИССЕЛЬБУРГА. I. Вѣсти изъ политической каторги. *Л. Мельшина.* — II. На Амурской колесной дорогѣ. *Р. Бравскаго.* Изд. 1906 г.—40 стр. Ц. 8 коп.

В. Муйжель. РАЗСКАЗЫ. Т. II. 1909 г. Цѣна 1 руб. Пока.—Волкъ.—Проклятіе.—Дача.—Въ мертвомъ углу.—Кошмаръ.—Нищій Ахитофелъ.

В. А. Мякотинъ. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА. Изд. *второе* 1906 г.—400 стр. Ц. 1 р. 25 к. Протопопъ Аввакумъ.—Кн. Щербатовъ.—На зарѣ русской общественности (Радищевъ).—Изъ Пушкинской эпохи.—Т. Н. Грановскій.—К. Д. Кавелинъ.—Памяти Глѣба Успенскаго.—Памяти Н. К. Михайловскаго.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. А. Николаевъ. КООПЕРАЦІЯ. Изд. 1906 г. 56 стр. Ц. 10 к. Распродано.

А. Б. Петрищевъ. ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА. Изд. 1906 г. Ц. 15 к.

— ДВА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХЪ ЗАКОНА. Спб. 1907 г. Ц. 10 к.

— ТРИСТА ЛѢТЪ (1606—1906). Изд. 2-ое. Ц. 25 к.

С. Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА.—Изд. 1905 г.—296 стр. Ц. 75 коп.—Московскій работный домъ.—По этапу.

— Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ.—Изд. 1905 г.—287 стр. Ц. 75 к.

А. В. Пѣшехоновъ. ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ. Основныя задачи аграрной реформы. Изд. *третье* 1906 г.—155 стр. Цѣна 60 к.

— НА ОЧЕРЕДНЫЯ ТЕМЫ. I. Наканунѣ. II. Въ темную ночь. Спб. 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

— СТАРЫЙ и НОВЫЙ ПОРЯДОКЪ ВЛАДѢНІЯ НАДѢЛЬНОЙ ЗЕМЛЕЙ. Ц. 10 к.

— КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изд. *третье* безъ перемѣнъ. 1906 г. 64 стр. Ц. 25 к.

— ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ. *Второе* изд. 1906 г. 80 стр. Ц. 30 к.

— АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. Изд. 1906 г. 135 стр. Ц. 40 к.

— СУЩНОСТЬ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ. Отдѣльный оттискъ изъ книги „Аграрная проблема". 1906 г. 32 стр. Ц. 6 к.

— КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. 1906 г. 103 стр. Цѣна 25 коп.

— ПРОГРАММНЫЕ ВОПРОСЫ. Вып. I. Основныя положенія. Ц. 10 коп. Вып. II. Историческія предпосылки. Ц. 10 коп.

— ВЪ ТЕМНУЮ НОЧЬ. Эра продолжается прежняя.— Революція наоборотъ.—Эпоха казней.—Указъ объ экспропріаціи.—Второе междудумье.—Третья Дума.—Въ обновленномъ строѣ.—«Санинцы» «Санинъ»—Оскудѣвающая семья.

С. А. Савинкова. ГОДЫ СКОРБИ (Воспоминанія матери). Изд. 1906 г. 64 стр. Ц. 15 коп.

П. Тимофеевъ. ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ ЗАВОДСКІЙ РАБОЧІЙ. 1906 г. 117 стр. Ц. 40 к.

Карлъ Шурцъ. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НѢМЕЦКАГО РЕВОЛЮЦІОНЕРА. 1907 г.—132 стр. Ц. 30 к.

Викторъ Черновъ. МАРКСИЗМЪ и АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ. Историко-критическій очеркъ. Ч. I Изд. 1906 г. 246 стр. Ц. 75 к.

Б. Эфруси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. *Второе* изд. 1906 г.—274 стр. Ц. 1 руб.

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

П. Я. — П. Якубовичъ (Л. Мельшинъ). СТИХОТВОРЕНІЯ.
Т. I. *Шестое* изд. } *Вышли въ книгоиздательствѣ*
Т. II. *Четвертое* изд. } *«Просвѣщеніе».*

РУССКАЯ МУЗА. Составилъ **П. Я.** Стихотворенія и характеристики 132 поэтовъ. Красивый компактный томъ въ два столбца; около 40.000 стиховъ. Переработанное и дополненное изданіе. 1908 г. Ц. 1 р. 75 к.

Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ. Съ 29 портретами, 30 біографіями. Изд. 1907 г. въ пользу бывшихъ шлиссельб. узниковъ. Цѣна 3 р.

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЕ МУЧЕНИКИ. Весь чистый сборъ въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Изд. 1906 г.—32 стр. Ц. 15 к.

М. Фроленко. МИЛОСТЬ. (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Изд. 1906 г. 16 стр. Ц. 10 к.

Вѣра Фигнеръ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Изд. 1906 г. Ц. 20 к.

Въ защиту слова. СБОРНИКЪ СТАТЕЙ и СТИХОТВОРЕНІЙ: IV-е изданіе (удешевленное) безъ перемѣнъ. 225 стр. Ц. 75 к.

Эдмъ Шампьонъ. ФРАНЦІЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ по наказамъ 1789 года. 1906 г. 220 стр. Ц. 50 к.

Даніэль Стернъ. ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848 г.—Изд. 1907 г. Два тома, по 75 к. каждый.

С. Н. Южаковъ. ВОПРОСЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ. Цѣна 1 р. 50 к.
— СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ. Т. II (т. I распроданъ). Цѣна 1 руб. 50 коп.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). НАРОДНИКИ И ПРОПАГАНДИСТЫ. Цѣна 1 руб.

В. И. Семевскій. ПОЛИТИЧЕСКІЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ИДЕИ ДЕКАБРИСТОВЪ. Спб. 1909 г. Ц. 3 р. 50 к.

А. Вернеръ. РАЗСКАЗЫ. Изд. 1909 г. Мск. 211 стр. Ц. 1 р.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ
ДЛЯ ЛИЦЪ СТРАДАЮЩИХЪ
Неврастеніей, половымъ безсиліемъ, старческой дряхлостью, истеріей, невралгіями, малокровіемъ, чахоткой, сифилисомъ, послѣдствіями ртутнаго леченія, сердечными болѣзнями (ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебіеніе, перебои, міокардитъ), артеріосклерозомъ, алкоголизмомъ, спинной сухоткой, параличами, слабостью отъ перенесенныхъ болѣзней, переутомленіемъ и проч.
Въ продажѣ появилось множество малоцѣнныхъ и вредныхъ для здоровья подражаній нашему СПЕРМИНУ, предлагаем. подъ разными на СПЕРМИНЪ похожими названіями, причемъ, для введенія больныхъ въ заблужденіе, подражатели приводятъ въ своихъ рекламахъ наблюденія врачей надъ нашимъ СПЕРМИНОМЪ-ПЕЛЯ, приписывая таковыя своимъ подражаніямъ. Въ виду этого мы считаемъ своимъ долгомъ предостеречь лицъ, пользующихся Сперминомъ, отъ подобныхъ средствъ. Всѣ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія выдающихся ученыхъ и врачей надъ благотворнымъ дѣйствіемъ СПЕРМИНА произведены исключительно надъ нашимъ СПЕРМИНОМЪ-ПЕЛЯ, а поэтому просимъ при покупкѣ обращать вниманіе на названіе СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ и на нашу фирму, т. к. всѣ другіе препараты суть не что иное, какъ плохія подделки СПЕРМИНА-ПЕЛЯ, но дѣйствію ничего общаго съ нимъ не имѣющія. Единственнымъ настоящимъ Сперминомъ является СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ, флакон. 3 руб.
Желающимъ высылается безвозмездно богатая литература о Сперминѣ.
ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ
ПРОФЕССОРЪ ДОКТОРЪ ПЕЛЬ и С-вья.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.—С.-Петербургъ, В. О., 7 лин. 18.
БОЛЬНЫМЪ.

Лучшая
минеральная
вода
БОРЖОМЪ
предохраняетъ
ОТЪ УПОРНЫХЪ ЗАБОЛѢВАНІЙ ЖЕЛУ-
ДОЧНО-КИШЕЧНЫХЪ и ПЕЧЕНИ, ОТ-
ЛОЖЕНІЙ ПЕСКА и КАМНЕЙ ВЪ
ЖЕЛЧНЫХЪ и МОЧЕВЫХЪ ПУТЯХЪ,
ПРОЯВЛЕНІЙ РАЗСТРОЙСТВА ОБ-
МѢНА ВЕЩЕСТВЪ: ПОДАГРЫ, ОЖИ-
РѢНІЯ и ДІАБЕТА.
БОРЖОМЪ ПРОДАЕТСЯ: ВЪ АПТЕКАХЪ, АПТЕ-
КАРСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ, ВЪ РЕСТОРАНАХЪ И
БУФЕТАХЪ — ВЪ БУТЫЛКАХЪ И ПОЛУБУТЫЛКАХЪ.

ZEISS
БИНОКЛИ
для охоты, спорта и путешествія.
Большое поле зрѣнія. Большая
свѣтосила. Проспекты Т. III,
выс. безпл. КАРЛЪ ЦЕИССЪ. Спб.,
Казанская, и въ опт. и фот. маг.

О-де-Колонъ
ЦИКЛАМЕНЪ
А. Сіу и Ко.

АВГУСТЪ. 1911.

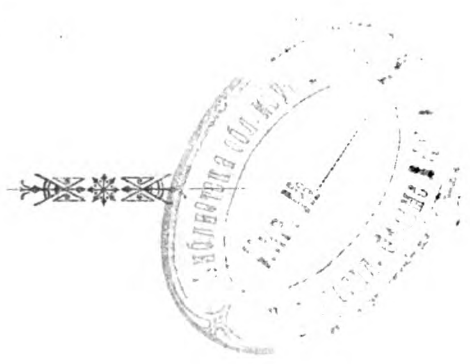
РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 8.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія 1-й Спб. Трудовой Артели — Лиговская, 34.
1911.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотъ).

ГОДЪ.

(Продолженіе).

Сергѣй проснулся ночью. Сначала онъ не понялъ, что такое случилось съ нимъ и почему такъ ужасно болитъ голова... Онъ сдѣлалъ попытку приподнять ее отъ подушки—тупая, давящая боль стиснула черепъ такъ, что онъ застоналъ. И тогда онъ вспомнилъ, что именно случилось съ нимъ, въ обрывочныхъ представленіяхъ всталъ передъ нимъ вчерашній день, и лѣнивый, медленный стыдъ поднялся откуда-то изъ глубины сознанія, и отъ него было еще тяжелѣе, чѣмъ отъ этой боли...

Съ огромнымъ усиліемъ Сергѣй всталъ съ лавки и, шатаясь, пошелъ въ сѣни. Въ ушахъ стоялъ звонъ, сердце билось медленно и отрывисто и все тѣло горѣло страннымъ сухимъ жаромъ, какъ будто онъ внезапно и страшно заболѣлъ.

Цѣпляясь ослабѣвшими, трясущимися ногами, онъ добрелъ до кадки съ водой и припалъ къ ней прямо губами. Холодная вода не освѣжила его, хотя онъ пилъ до того, что зубы зашлись отъ холода и по всему тѣлу выступила испарина, еще сильнѣе заболѣла голова и слабость внезапная охватила его. Шатаясь, какъ будто вчерашній хмѣль еще не прошелъ, онъ доползъ до крыльца, съ трудомъ отворилъ дверь и сѣлъ, почти упалъ на ступеньку.

Ночь шла надъ землею—свѣжая весенняя ночь, грозившая заморозкомъ къ утру. Темное небо стояло надъ крышами, казалось, низко наклонившись, и внимательно, съ чуждымъ любопытствомъ смотрѣли живыя молчаливыя звѣзды. Узкій рогъ мѣсяца, тонкій и блѣдный, уныло свѣтился въ этомъ черномъ небѣ и смотрѣть на него почему-то было страшно.

Неустаннымъ, ни на минуту не смолкающимъ хоромъ рокотали вдали на болотѣ лягушки. Чуть шелестѣли листья

въ шерстобитовомъ саду, а издали доносился странный, глухой крикъ болотной птицы.

Тоской глубокой и старой — или это казалось только Сергѣю—вѣяло отъ этой молчаливой, мертвой ночи. Все спало и все молчало, какъ заколдованное тьмой и холодомъ. Нигдѣ ни искры свѣта, ни звука, ни вѣянія. Вся огромная земля остановилась въ ночи и, тяжкимъ сномъ придавленные, не жили люди, пустыми лежали безгранныя поля и нѣмой тайной глядѣло безконечное небо. И далекой, странной представлялась человѣческая жизнь, полная какихъ-то волненій, споровъ, смѣшныхъ дѣлъ и ненужной борьбы...

Сергѣй сжималъ обѣими руками голову и старался представить, что такое должно случиться съ нимъ, о чемъ онъ постоянно думалъ, что двигало его жизнь?... Онъ перебралъ все, окружавшее его. Мать, умирающая старуха, сестры, Таня, деревня, передѣлъ...

Странное равнодушіе охватило его. Казалось, потухла жизнь и что-то оборвалось въ немъ самомъ и исчезло—все было скучнымъ и тяжкимъ, такимъ, о чемъ не стоило думать... И только боль, сжимавшая голову горячимъ желѣзнымъ обручемъ, мучала невыносимо...

Такъ онъ сидѣлъ на ступенькѣ крыльца, смутно думая о своей жизни, глядя на нее пустымъ, постороннимъ взоромъ.

Ночь все стояла надъ деревней и, казалось, ей не будетъ конца. Чуть-чуть повыше подался мѣсяцъ, сталъ еще уже и блѣднѣе, а звѣзды по прежнему пусто и холодно смотрѣли съ высоты и было такое ощущеніе, будто отъ нихъ и идетъ этотъ холодъ, отъ котораго тѣло начинало дрожать мелкой дрожью.

Глубокая тоска охватила его. Сжавшись всѣмъ тѣломъ, глубоко запрятавъ руки въ рукава рубахи, онъ прислушивался къ этой тоскѣ, какъ будто она шла извнѣ, отъ мѣсяца, отъ молчаливыхъ погруженныхъ въ тьму полей, отъ тѣхъ людей, что лежали теперь, разметавшись, по темнымъ избамъ—живые и не похожіе на живыхъ...

Смутнымъ шелестомъ пробѣжалъ вѣтеръ. Это былъ предразсвѣтный вѣтеръ, тотъ, что будитъ деревья отъ ихъ крѣпкаго сна, летитъ по полямъ и приникаетъ къ травамъ, и они тихо, дремотно колеблются въ отвѣтъ, морщитъ воду мелкой рябью и живой, бодрящей свѣжестью охватываетъ прижавшагося подъ кустомъ зайца. Выпь замолчала на дальнемъ болотѣ и какъ будто прислушивалась. Она не знала, вѣрить или нѣтъ этому вѣтру, пришло или нѣтъ утро и въ недоумѣніи выжидала...

Сергѣй всталъ и, какъ былъ, босой, въ одной рубахѣ и

ночныхъ портахъ, пошелъ со двора. Въ хлѣвѣ, громко стуча въ тишинѣ по деревянному помосту, поднялась лошадь. Слышно было, какъ стучатъ копыта по доскамъ и гремитъ цѣпь недоуздка; потомъ она стала отряхиваться и такъ сильно, что полъ задрожалъ подъ нею. Потомъ донеслось тихое гоготанье—это старая важная гусыня проснулась и будила свое многочисленное потомство. Куры озабоченно и тревожно закокали гдѣ-то подъ крышей повѣти, поцапались лапками въ темнотѣ и, какъ сторожъ, громко и неожиданно крикнулъ пѣтухъ что-то тревожное и угрожающее.

Въ маленькое, прорѣзанное въ одномъ бревнѣ окошко хлѣва доносилось шумное дыханіе коровъ и оттуда несло запахомъ теплаго навоза и парного молока.

Еще не было утра, но животныя уже чувствовали его и медленно пробуждались въ хлѣвахъ и закуткахъ.

„Нынче Егорьевъ день,—лѣниво думалъ Сергѣй, проходя на улицу,—чуютъ“.

Онъ не былъ суевѣрнымъ, такъ, какъ большинство деревни, но древняя вѣра во все непонятное и чуждое своей жизнью жизни человѣка таилась гдѣ-то въ глубинѣ его сознанія. Егорьевъ день—„животный“ праздникъ, какъ Фрола и Лавра, и звѣри чуяли свой день—вставали раньше обыкновеннаго.

Холодная земля освѣжала босыя ноги, чуть замѣтный вѣтерокъ шевелилъ волосы на головѣ и темный похмѣльный угаръ какъ будто отходилъ отъ него. Сергѣй подумалъ, что сегодня Егорьевъ день, когда назначенъ сходъ, и остановился. Въ первый разъ онъ почувствовалъ близость, странную близость этого дня, о которомъ такъ давно думалъ, къ которому готовился и которымъ такъ волновался. Всегда думалось, что онъ, конечно, будетъ, но еще когда-то будетъ, не теперь, сейчасъ, завтра, а когда-то не скоро, какъ несомнѣнно будетъ смерть, но такъ не скоро будетъ она, что и думать о ней почти не стоитъ... И въ первый разъ онъ ясно и опредѣленно почувствовалъ, что ничего изъ всего того, что онъ затѣялъ, не выйдетъ. Прежде онъ тоже думалъ объ этомъ, но такъ же, какъ о самомъ сходѣ—отдаленно и чуждо, а теперь исходъ этого дня ему показался придвинувшимся вплотную—какой-то черной ямой, въ которую онъ неминуемо упадетъ...

Онъ оглянулъ деревню—то, что было видно ему изъ прогона, въ которомъ стояла изба, и почувствовалъ, какъ сердце его сдало.

Молчаливыми пустыми дырами виднѣлись въ предразсвѣтномъ сумракѣ черныя окна. Деревня спала—спали всѣ—и тѣ, что были противъ него, и что стояли за него. И одинъ

онъ стоялъ на углу прогона и смотрѣлъ въ жуткой, сжавшей сердце тоскѣ, безсонный и томящійся, одинокій и заброшенный, какъ будто у него никого не было, кто могъ придти къ нему, ободрить, помочь въ тяжкую минуту...

— Конецъ... — задумчиво проговорилъ онъ, чувствуя, какъ полная безнадежность охватываетъ его,—совсѣмъ конецъ...

Тогда ему захотѣлось куда-нибудь спрятаться, уйти, такъ, чтобы не видѣть и не знать ничего, что будетъ сегодня. Но уйти некуда, не знать нельзя. То, что должно случиться, случится и исхода нѣтъ.

— Можетъ, какъ-нибудь; можетъ, можно,—съ странной просьбой неизвѣстно къ кому, шепталъ онъ и смотрѣлъ въ небо. Оно уже посвѣтлѣло, молочно-сѣрый плотный тонъ вошелъ въ его синеву и робко, прячась передъ просыпающейся земной жизнью, мигали звѣзды..

Поздняя ночная птица, неслышно паря крыльями, мягко скользнула надъ землею и растаяла въ сумеркахъ.

Сергѣю стало холодно и чувство одиночества и заброшенности сливалось съ ощущеніемъ холода. Можно было подумать, что холодъ проникалъ все его существо, охватывалъ сердце, отъ этого все казалось такимъ сѣрымъ, безрадостнымъ и потухшимъ.

Онъ вернулся домой, но у калитки остановился. Никто не могъ понять его дома, никто не посѣтовалъ бы съ нимъ на его долю. Спали тамъ, спокойные, не думали, что бродитъ одинокій человѣкъ въ пробуждающемся утрѣ, какъ звѣрь, что не можетъ найти мѣста, гдѣ помереть, тоскливый и отчаявшійся, слабо взывающій къ тому, чего онъ не зналъ:

— Можетъ, можно какъ-нибудь... Уйти, либо какъ еще...

Кто-то шелъ по улицѣ. Еще свѣтлѣе стало и свѣтъ этотъ влился въ сумракъ утренній незамѣтно и крадучись, словно не было смѣлости у наступающаго дня придти смѣло и свободно. Туманъ поднялся съ земли и лѣниво тянулся надъ освѣженною травою, оставляя сизую росу, отъ того и казалось, что стало свѣтлѣе...

Шелъ старикъ, котораго Сергѣй никакъ не могъ признать. Сѣдой, въ рваномъ армякѣ и подпоясанный, словно собирался въ далекую дорогу. Что-то длинное тащилось за нимъ, извиваясь живой змѣей по дорожной пыли.

Какъ тѣнь, прошелъ онъ мимо и скрылся за угломъ. И стало такъ, что Сергѣй не зналъ—былъ ли на самомъ дѣлѣ этотъ старикъ, таинственный и неизвѣстный, или ему почудилось только, что былъ онъ на дорогѣ и длиннымъ хвостомъ извивалось за нимъ что-то...

Въ этомъ было жуткое — какъ будто Сергѣй случайно подглядѣлъ то, чего не дано видѣть людямъ. Онъ остановился, стараясь припомнить, кто бы это могъ быть, но, припомнивъ всѣхъ мужиковъ деревни, перебравъ всѣхъ стариковъ, увидѣлъ, что такого у нихъ въ деревнѣ не было... Не могъ онъ быть и прохожимъ—время не такое, не могъ быть и гостемъ—одѣтъ не такъ...

И весь подъ страннымъ впечатлѣніемъ этого мужика онъ пошелъ въ домъ.

Уже гоготали требовательно гуси въ закутѣ, боровъ тоже настойчиво повизгивалъ въ углу подъ повѣтью, куры бродили по двору и при его входѣ удивленно посмотрѣли на него, какъ будто хотѣли спросить:

— А зачѣмъ ты тутъ бродишь?

— Ихъ праздникъ, ихъ праздникъ нынче,—мелькало въ головѣ Сергѣя, когда онъ проходилъ въ сѣни и далекой, пугающей загадкой скользнулъ опять передъ глазами странный старикъ, котораго онъ никакъ не могъ признать.

— ...Хозяинъ, болтаютъ, будто нѣтъ никакого хозяина, а кто знаетъ... Почемъ можетъ человѣкъ знать то, чего не дано ему?..

И ему уже казалось, что онъ разсмотрѣлъ зеленую мшистую плѣсень на тысячелѣтней бородѣ, и обросшее темной древесной корой лицо старческое, и слабо мерцающіе зеленые глазки, привыкшіе къ сумраку конюшень и темныхъ хлѣвовъ...

Въ сѣняхъ Сергѣй нашелъ тулупъ и, завернувшись въ него, присѣлъ на ступенькахъ крыльца. Ему не хотѣлось итти въ избу—могла проснуться мать или Луша, пойдутъ распросы...

День шелъ, незамѣтно вливая свой свѣтъ въ сѣрый, колеблющійся воздухъ. Уже синѣло небо—и чистымъ и трогательнымъ было оно, внезапно ушедшимъ въ вышину, отдѣлившимся отъ сѣрой, сумрачной земли...

Незамѣтно для себя самого онъ задремалъ. Сначала ему казалось, что онъ всталъ и прошелъ въ избу. Тамъ тихо было, какъ и на улицѣ, только тишина эта таила въ себѣ что-то такое, чего никакъ не могъ понять Сергѣй. Онъ оглянулся и хотѣлъ окликнуть мать—что-же это она спитъ, когда ему такъ трудно и тяжело; но—странное дѣло—какъ будто не было матери совсѣмъ у него, и пусто и темно было въ молчаливой избѣ...

— Мать, что жъ ты?—хотѣлъ онъ прошептать, но губы слиплись и шевелились туго, какъ будто разучился онъ говорить совсѣмъ и не было силъ выдавить слово...

— Мать, матушка...—силился онъ и въ предчувствіи тем-

наго, знакомаго ужаса растерянно оглядывался, искалъ на печи, а тамъ была пустота и въ этой пустотѣ пугающе колебались сумеречныя тѣни и дивный странный образъ вставалъ—знакомый образъ, жилецъ заброшенныхъ жильевъ—мохнатая, поросшая зеленоватымъ мохомъ борода шевелилась отъ неслышнаго насмѣшливаго хохота, глазки узкіе звѣриные сверкали лукаво... И не было матери...

Онъ понялъ, что ея нѣтъ. Не понялъ—а всѣмъ существомъ своимъ почувствовалъ пустоту на томъ мѣстѣ, гдѣ привычно было чувствовать ее,—и въ ужасѣ проснулся.

Совсѣмъ посвѣтлѣло, и голубое небо, сулящее жаркій день, опрокинулось бездонной пустотой надъ все еще сумрачной землей, сѣрыя тѣни стлались по двору, прятались, какъ ночные звѣри, подъ клѣть, въ углахъ повѣти, уползали отъ свѣта...

Большая важная ворона молчаливо сидѣла на обросѣвшей крышѣ напротивъ и задумчиво чистила перья, косясь чернымъ круглымъ глазомъ на Сергѣя...

Онъ опять закрылъ глаза и сладкое томленіе охватило его пріятной теплотой, кисловатый запахъ сухой шерсти полушубка опуталъ мозгъ неожиданнымъ уютомъ, и онъ заснулъ бы крѣпко и хорошо, какъ вдругъ поднялся, сбросилъ полушубокъ и, вздрагивая отъ холода, отъ студеной росы, пошелъ за ворота.

— Гдѣ онъ, гдѣ этотъ старичишка?! Онъ знаетъ, онъ долженъ знать,—торопливо бормоталъ Сергѣй, ежась отъ свѣжести утренней и съ тоской глядя въ пустынную улицу,—куда жъ онъ дѣлся, куда прошелъ?..

Ему надо было его, надо сейчасъ же, но старика нигдѣ не было. Онъ заглядывалъ во дворы, въ сѣни чужихъ, незнакомыхъ избъ—нигдѣ не было старика, и сонъ стоялъ въ сѣрыхъ отъ разсвѣта домахъ ненарушимый и тягостный, отъ котораго жуткое чувство еще больше охватывало смущенную душу...

— Спятъ...—бормоталъ Сергѣй, озирая нѣмыя стѣны,—всѣ спятъ... а мнѣ худо!..

Дальше и дальше шелъ онъ, уже забывъ про старика и съ изумленіемъ прислушиваясь къ мертвой тишинѣ, охватившей всю деревню... Все спитъ—спятъ Шерстобитовы, спятъ Мироновы и даже старый Авузинъ, надежда его, и тотъ спитъ, разметавшись огромнымъ тѣломъ подъ низкимъ потолкомъ старой избы...

Онъ долго стоялъ надъ нимъ, съ горькимъ изумленіемъ глядя на равнодушное сонное лицо правильнаго мужика, на его длинныя, сильныя, какъ корни стараго дерева, руки и шепталъ безнадежно:

— Мнѣ худо, душа моя болитъ, а ты спишь...

И хотѣлъ будить его, крикнуть ему—встань, не спи, смотри, какъ тяжко мнѣ, вѣдь судъ страшный начинается,—и съ темнымъ ужасомъ, отъ котораго волоса зашевелились у него на головѣ, видитъ вдругъ, что Авузинъ мертвъ, что это трупъ передъ нимъ—уже разлагающійся, страшный трупъ, уже смердитъ онъ и впадины глазъ точатъ гной мутный... И, не смотря на все это—это-то и было ужасно до того, что холодъ прошелъ по всему тѣлу—эти мертвыя, гнойныя впадины подмигиваютъ ему хитро, оскаленный ротъ раздвигается смѣшливой гримасой и хохотъ, мертвый, неслышный хохотъ, рвется вмѣстѣ съ зловоннымъ дыханіемъ...

Сергѣй хотѣлъ отскочить—но силъ не было, ноги, какъ каменныя приросли къ полу, хотѣлъ крикнуть—не было голоса и уже на границѣ безумія, окованный безмѣрнымъ ужасомъ, видитъ онъ, какъ медленно приподымается трупъ и тянетъ къ нему свои руки...

Онъ вскрикнулъ... и открылъ глаза.

Свѣтъ лился съ неба широко и властно, исчезли тѣни земныя и, какъ капли алмазныхъ слезъ, блистала на крышѣ, на темныхъ ступеняхъ крыльца, на большомъ камнѣ, положенномъ въ основу угла избы, чистая холодная роса...

Весь еще подъ впечатлѣніемъ страшнаго сна своего, онъ поежился, стараясь закутаться плотнѣе и опустилъ глаза...

Потомъ поднялъ ихъ и съ изумленіемъ увидѣлъ, какъ отворилась калитка и одинъ за другимъ стали входить на дворъ мужики—все свои столбухинскіе, знакомые мужики—Быковъ Семенъ, Фролъ Спиридоновъ, лавочникъ Ларіонъ съ бабой и еще и еще, и чуть не вся деревня собралась въ полномъ молчаніи на его дворъ—такъ странно и дико было видѣть ихъ всѣхъ здѣсь... Зачѣмъ они пришли? Что имъ нужно?.. Бабъ набилось до пропасти—всѣ расфранченныя, какъ на праздникъ, дѣвки тоже тискались въ калитку, уже не вмѣщалъ всѣхъ его небольшой дворъ, а они все шли, все шли и, казалось, конца не будетъ этому шествію...

Всѣ собрались около него—стали и смотрѣли неподвижными, поблескивающими глазами, задніе напирали на переднихъ, тянулись, заглядывали, толкались, подымались на носки и всѣ съ любопытствомъ и веселымъ задоромъ разсматривали его, какъ будто и вѣкъ не видали... Впереди стоялъ Алексѣй Мироновъ, только смотрѣлъ онъ серьезно и даже головой качалъ какъ будто укоризненно, Шерстобитъ старый угрюмо посматривалъ и, какъ вьюнъ, вился злобно веселый Дмитрій Прокофьевъ, заглядывалъ въ глаза, усмѣхался и хитро подмигивалъ...

И вдругъ все подалось, зашевелилось и раздалось на двѣ стороны: тяжело, медленно, важно шелъ во дворъ старый Ельниковъ, шелъ опустивъ глаза, разсматривая землю, по своему обычаю... Подошелъ вплотную, долго стоялъ такъ съ опущенными глазами какъ бы въ раздумчивости глубокой и вдругъ глянулъ прямо Сергѣю въ глаза... И въ тускломъ взорѣ старчески выцвѣтшихъ глазъ увидѣлъ Сергѣй тайный смѣхъ—веселый, заливистый смѣхъ важнаго старика. Вьюномъ вился около Дмитрія его сынъ, что-то подшептывалъ, подмигивалъ, на что-то намекалъ и вдругъ, не выдержавъ, тоже залился этимъ смѣхомъ, веселымъ и заразительнымъ... И не успѣлъ оглянуться Сергѣй, какъ увидѣлъ, что всѣ собравшіеся смѣются—ухмыляется старый Шерстобитъ, грохочетъ какъ жеребецъ кузнецъ Василій Семеновъ, тонко, заливисто вторитъ Семенъ Быковъ. И что всего обиднѣе—смущенно, конфузясь самъ своего смѣха, хохочетъ въ кулакъ старый Авузинъ... А дальше хохочутъ бабы, хохочутъ, пряча лица въ рукава, дѣвки, и парни ржутъ, и красная, отъ стыда, не знающая куда глаза дѣвать, смѣется Таня...

— О, Господи, я-то думалъ, охъ, прости, Владычица...—заливается старый Прокофій, махая безсильно рукой,—я-то думалъ... а онъ... о-хо-хо-хо-хо-хо...

И такъ стыдно стало, такъ совѣстно, словно голый стоялъ Сергѣй посреди этой грохочущей толпы, такъ больно было отъ этого, что хоть помереть впору... И уже думалъ бѣжать онъ, куда глаза глядятъ, думалъ рвануться сквозь плотный, кривляющійся отъ смѣха кругъ, оттолкнуть предательски издѣвающагося Дмитрія, что весь ходуномъ ходилъ отъ злобнаго, сатанинскаго хохота, какъ поднялъ голову и острымъ ножемъ рѣзнула по сердцу нечеловѣческая жалость.

Въ сторонкѣ, оттертая этимъ злобнымъ напоромъ, стояла мать—старая Данилиха и плакала тихонько, закрываясь трясущейся рукой, сморщенной, старой рукой, на которой жилы выступили синими веревками, мелкимъ бисеромъ роняла частыя слезы и вся тряслась отъ судорожнаго плача этого...

— Матушка...—простоналъ Сергѣй, порываясь къ ней,—матушка...

А она все плакала, качала головой и, слабая, шаталась вся отъ слезъ безысходныхъ своихъ и махала безсильно рукой обезсилѣвшей...

— Матушка...—взвылъ Сергѣй,—родимая!..

Страшный грохотъ потрясъ воздухъ—то грянула прорвавшимся хохотомъ вся толпа... Сергѣй ринулся на нихъ и за-

несъ руки, съ страшной силой готовясь поразить Ельникова... И безвольно упали руки и въ страстномъ томленіи, въ страстномъ страданіи поползъ онъ, цѣпляясь обезсилѣвшими руками по землѣ, туда, гдѣ попрежнему безысходно рѣкой разливалась мать...

И когда совсѣмъ доползалъ—проснулся.

Холодный, ѣдкій потъ покрывалъ его лицо. Ознобъ трясъ все тѣло, такъ что зубы стучали, и никакъ нельзя было сдержать эту дрожь. Сергѣй пожимался плечами, кутаясь въ полушубокъ, но ознобъ не проходилъ. Тогда онъ всталъ и прошелъ въ избу.

Старуха уже копошилась на печи, кряхтѣла и ворочала что-то тамъ. Сестры спали. Онъ прилегъ на скамью, гдѣ спалъ всегда, и хотѣлъ подремать. Но сонъ, не шелъ. Передъ глазами живо до странности мелькали хохочущіе мужики, плачущая мать, лица знакомыя и пугающія...

Медленно и тяжело, какъ грузныя, сѣрыя тучи, ползли несвязныя мысли.

Наконецъ ему удалось задремать. Это пришло неожиданно—какъ-то вдругъ спутались мысли, и тепло внезапное охватило его, и все потемнѣло. Сонъ былъ недолгій, но крѣпкій, во время котораго отдохнула измученная душа и тѣло накопило силъ.

А когда онъ открылъ глаза, съ трудомъ побарывая этотъ сладкій, животворящій сонъ, уже встали сестры, и солнце заливало потоками свѣта избу...

Какъ всегда въ большой праздникъ, деревня съ утра опустѣла. Всѣ, что были въ силахъ, отправились въ церковь и длинной, извивающейся змѣей тянулся народъ по дорогамъ и тропинкамъ, ведущимъ къ погосту.

Сергѣй стоялъ у себя въ саду и ему видно было, какъ черезъ паренину, на которую сегодня должны были выгонять скотъ, шли кучки народа, мелькали яркіе дѣвичьи платки, сверкали франтовскія рубахи парней.

Онъ не пошелъ въ церковь—посылалъ сестеръ, а самъ говорилъ, что не можетъ итти, такъ какъ надо кое-что сдѣлать дома. Но дѣлать ему рѣшильно нечего было, онъ бродилъ по двору, заходилъ въ садъ, останавливался возлѣ изгороди и съ чувствомъ, похожимъ на зависть, смотрѣлъ, какъ весело шла молодежь въ церковъ.

Глухой стыдъ за вчерашнее давилъ его. Какъ всѣ рѣдко пьющіе люди, которымъ пришлось испытать непривычное опьяненіе, онъ думалъ, что теперь опозоренъ навѣкъ и что вся деревня только и знаетъ, что его пьянство, о которомъ непрестанно говоритъ.

Деревня уже забыла совершенно объ этомъ, и не было времени и охоты ей заниматься такимъ пустякомъ, какъ какой-то захмелѣвшій парень, она сумрачно и сдержанно готовилась къ тому, что должно произойти сегодня, но Сергѣй долго не рѣшался выйти на улицу, а, выйдя, долго не могъ поднять глазъ при встрѣчѣ.

И теперь, стоя у изгороди и подставляя обтянутыя праздничной рубахой плечи теплымъ солнечнымъ лучамъ, онъ испытывалъ смущеніе, вспоминая, какъ неожиданно онъ вчера напился...

Скучно было ждать, когда нечего было дѣлать... Дома осталась только мать—все копалась съ чѣмъ-то у себя, прибирала, какъ будто отправлялась въ далекій путь, готовила икону и освященныя вербы. Нечего было дѣлать въ избѣ... Выходилъ онъ на улицу, но и тамъ никого не было—всѣ пошли въ церковь—и только ребята гонялись другъ за другомъ по улицѣ...

Онъ поймалъ было Авузинскую Фимку—маленькую, замазанную не по праздничному дѣвченку—и спросилъ про отца—старикъ тоже пошелъ къ обѣднѣ.

Онъ любилъ эту восьмилѣтнюю дѣвочку, по виду совсѣмъ крошечную, какъ будто ей было не восемь, а пять лѣтъ. Иногда, заходя къ Авузинымъ, онъ приносилъ ей что-нибудь изъ тѣхъ скромныхъ деревенскихъ гостинцевъ, на которые никогда не тратится денегъ, — какую-нибудь игрушку, подобранную въ клѣти изъ ненужнаго хлама, и каждый разъ говорилъ, что онъ женихъ ея. А Фимка смотрѣла на него серьезными глазами, о чемъ-то думала и не боялась его, какъ боятся обыкновенно крестьянскія дѣти большихъ.

Онъ присѣлъ было съ ней около Авузинскаго дома, но дѣвочкѣ стало скучно и она потихоньку, не желая обидѣть его, высвободилась и убѣжала. И ему показалось, что и она, такъ же, какъ и всѣ въ деревнѣ, стала относиться къ нему не такъ, какъ раньше.

Тоска мягко и сильно сжала его сердце. Можетъ быть, на самомъ дѣлѣ такъ и не было, но ему казалось, что всѣ сторонятся отъ него, и одинокій и всѣми оставленный бродитъ онъ по пустой деревнѣ, не находя себѣ мѣста.

Тепло было, такъ тепло, что похоже было, будто уже пришло лѣто; давно уже пора было работать, а праздники тащились одинъ за другимъ и никакъ нельзя было приняться за трудъ, котораго ждала земля, жаждали раскрытыя поля и звали настойчиво...

Листъ большой уже былъ на деревьяхъ, и цвѣтъ вотъ-вотъ готовъ былъ развернуться на яблоняхъ и вишняхъ—

такая ранняя весна была... Уже сильно припекало солнце, краснымъ шаромъ шло надъ землей, било прямыми лучами своими подсыхающую землю, и небо сверкало имъ, полное тепла и свѣта...

— Пора, пора...

Уже выносили пчеляки ульи въ сады и густо, трепеща страстнымъ порывомъ къ работѣ, гудѣли въ пронизанномъ солнцемъ воздухѣ пчелы, метались золотыми искрами надъ травой и хлопотливо садились на блѣдные первые цвѣты.

Спокойнымъ, властнымъ дыханіемъ дышала земля и тысячью голосовъ звала, а человѣкъ стоялъ, слушалъ ея голоса и не зналъ, куда дѣть ненужное время.

Первыми пришли изъ церкви бабы. Онѣ торопились домой, чтобъ приготовить все къ празднику, встрѣтить икону. Сразу по всей деревнѣ пошли хлопоты. Бабы сновали изъ избы во дворъ, со двора въ клѣть, въ хлѣвъ—праздникъ былъ такой хлопотный, что даже старая, отошедшая отъ жизни Данилиха, и та выползла изъ избы. Она обошла весь скотъ, присматриваясь къ каждой коровѣ, къ каждой овцѣ, словно дѣлая имъ смотръ, и что-то шептала при этомъ, косясь на дѣтей... Сергѣй смотрѣлъ на нее и новое, невѣдомое до сихъ поръ, чувство пробуждалось у него къ матери Все чудилась она ему такой, какъ онъ видѣлъ ее во снѣ своемъ,—плачущей и жалкой, словно его оплакивающей. А старуха все ползла—неторопливо и важно, словно дѣлала необходимое дѣло, которое знала только она одна...

Дунька копошилась въ сѣняхъ. Старуха подошла къ ней и долго смотрѣла на то, что она дѣлала.

— Каравай-то готовъ ли?—спросила она, жмурясь, какъ отъ солнца.

— Готовъ... Эвона въ избѣ стоитъ...

Старуха вышла на крыльцо и посмотрѣла на небо. И, словно не удовлетворившись тѣмъ, что увидала, сомнительно покачала головой.

— Ты, что, мать?—спросилъ Сергѣй.

Она такъ же, какъ на Дуню, долго смотрѣла на него, не отвѣчая. Въ послѣднее время у нея появилась эта манера отвѣчать не сразу, какъ будто обдумать раньше, стоитъ ли вообще отвѣчать, а потомъ уже сказать.

— Рано еще... Долго идти-то...

— Кому идти?

— Иконѣ... Въ Раменьѣ покуда отслужатъ, да въ Подберезьѣ, послѣ къ намъ.

Дѣйствительно, икона пришла поздно. Уже время къ

обѣду было, когда высланные впередъ на большакъ мальчишки пронеслись по всей деревнѣ съ крикомъ.

— Идетъ, идетъ...

Вмѣстѣ съ другими Сергѣй вышелъ навстрѣчу иконѣ.

Еще издали видно было, какъ черная кучка людей, странно маленькая въ широкихъ поляхъ, двигалась по пылившемуся большаку. Что-то сверкало надъ нею блестящее, колыхаясь, какъ на волнахъ, иногда солнце ударяло нестерпимо яркимъ лучемъ въ позолоту и тогда казалось, что неожиданнымъ огнемъ вспыхивала высокая, колеблющаяся хоругвь...

Чѣмъ ближе подходила черная кучка народа, тѣмъ виднѣе было, какъ, тяжело и неуклюже качаясь, плыла надъ полями сіяющая золотомъ икона. Она была, какъ ладья, въ этихъ поляхъ — вознесенная выше всѣхъ, предводительствуемая крестомъ и тусклымъ, не вяжущимся съ ликующимъ солнцемъ фонаремъ, окруженная неравномѣрно качающейся толпой народа...

Неровно, съ перерывами доносилось пѣніе—слабое въ пустотѣ полей, чуждое голосамъ весны. И щедро озолоченная солнцемъ, сверкающая поддѣльными камнями и блестящей фольгой икона казалась странно безсильной и затерянной подъ необъятнымъ небомъ и всепобѣждающимъ солнцемъ...

Всѣ оставшіеся въ деревнѣ выползали къ околицѣ встрѣчать ее. Бабы, едва только подошла она, стали нырять подъ выкрашенныя въ голубую краску носилки, на которыхъ несли ее, толкались и мѣшали богоносцамъ, а тѣ сурово оглядывали ихъ, пытались движеніемъ мускуловъ лица сбросить выступившія крупнымъ градомъ капли пота и, пыхтя и надсѣдаясь, старались выше поднять тяжелую икону...

Потный, обезсиленный солнцемъ отецъ Нилъ—въ старенькой ризѣ, сильно запыленной снизу, и рыжихъ сапогахъ, за каждымъ шагомъ выставлявшихся изъ-подъ подоткнутаго высоко подрясника.—тянулъ что-то ослабшимъ голосомъ и поглядывалъ по сторонамъ, ища мѣста, гдѣ приготовленъ столъ для молебна.

Столъ поставили на крестахъ—тамъ, гдѣ деревенская улица дѣлала поворотъ. Здѣсь была довольно широкая лужайка, гдѣ обычно происходили деревенскіе сходы и прежде, когда гулянье было въ самой деревнѣ, ставились качели. Впослѣдствіи качели вынесли за деревню, а это мѣсто отдали пришлому человѣку, кузнецу, у котораго Василій Семеновъ перекупилъ кузницу. Она примыкала къ самому повороту дороги, благодаря чему кузнецъ Василій Семеновъ

зналъ все, что происходитъ въ деревнѣ, не хуже Пѣгарихи: кто бы ни шелъ мимо, непремѣнно останавливался около кузницы.

Еще хозяева не успѣли обнести большимъ чернымъ караваемъ, украшеннымъ налѣпленной на верхнюю корку зажженной свѣчей, выгнанный на середину двора скотъ, еще бабы только бросали священную вербу въ воротахъ, чтобъ черезъ нее прошелъ скотъ, и мальчишки, сидя на лошадяхъ, подбадривали себя крикомъ, а попъ уже началъ молебенъ; такъ онъ усталъ и проголодался и такъ хотѣлъ поскорѣе отдѣлаться...

Данилиха съ тѣхъ поръ, какъ собралась помирать, неустанно слѣдила за всѣмъ, что должно было въ томъ или иномъ случаѣ дѣлаться. Всѣ примѣты, повѣрья, приговоры примѣняла она въ своемъ хозяйствѣ, какъ будто этотъ уходящій міръ уходилъ вмѣстѣ съ нею и она не могла спокойно оставить дѣтей и домъ, не выполнивъ каждой мелочи. Какъ солдатъ на посту—смотрѣла она за исполненіемъ всѣхъ обычаевъ, ревнивая къ исполненію ихъ, понимающая внутреннимъ чутьемъ, что вмѣстѣ съ нею уйдетъ все это, надъ чѣмъ теперь смѣется легкомысленная молодежь...

Прежде всего она достала изъ-за образовъ священную вербу и стала выгонять скотину на дворъ. Время отъ времени она прихлестывала вербой коровъ и овецъ, пришептывая что-то, чего никто, кромѣ нея, не зналъ и, сбивъ скотъ въ кучу посреди двора, пошла за Сергѣемъ.

Онъ стоялъ въ сѣняхъ, разбирая одежду. На сходъ онъ хотѣлъ придти хорошо одѣтымъ и ему все казалось, что новый пиджакъ, который онъ надѣвалъ только въ большіе праздники, былъ недостаточно хорошъ. Онъ вытащилъ отцовскій, давно сшитый, но сохранившійся благодаря аккуратности и крѣпкому матеріалу, и разсматривалъ его на свѣтъ—не будетъ ли лучше надѣть его?

Онъ примѣрилъ его—отецъ былъ сильно шире въ плечахъ, хотя ниже ростомъ, и пиджакъ ему не понравился. Тогда онъ снова переодѣлся и принялся отглаживать руками замявшіяся складки.

Старуха остановилась передъ нимъ и молча глядѣла на то, что онъ дѣлалъ.

Она, должно быть, поняла, чего хотѣлъ онъ, потому что сказала:

— Рубаху бы отцовскую взялъ... Онъ въ городѣ ее купилъ—никакъ рупь съ четвертакомъ отдалъ...

Ему стало совѣстно, что мать догадалась и онъ отвѣтилъ:

— Стоитъ того...

Тогда она пошла въ избу и вынесла оттуда большой хлѣбъ, на верхней коркѣ котораго стоялъ образокъ Георгія Побѣдоносца на конѣ, попирающаго змѣя, и была прилѣплена прямо воскомъ къ твердой черной коркѣ тонкая церковная свѣча.

— На-ко-сь возьми, чать хозяинъ...—проговорила она, передавая хлѣбъ,—законъ тоже сполнить надо...

— Какой законъ?—не понялъ сперва Сергѣй, но тотчасъ же вспомнилъ и принялъ хлѣбъ.

Это былъ обычай, о которомъ онъ совсѣмъ забылъ.

Съ трудомъ припоминая, какъ это дѣлается, и слегка усмѣхаясь надъ самимъ собою въ новой роли, казавшейся ему немного смѣшной, немного стыдной почему-то, онъ, держа обѣими руками тяжелый хлѣбъ и осторожно ступая ногами, словно боясь спотыкнуться и уронить нѣчто, имѣющее отношеніе къ Богу и вѣрѣ, пошелъ изъ избы.

Слѣдомъ за нимъ пошла старуха, откуда-то, какъ будто она дожидалась этого момента, вынырнула Луша, потомъ показалась Дуня. Всѣ вышли на дворъ, гдѣ скотина бродила, оставленная безъ призора; старуха той-же вербой, которую она не выпускала изъ рукъ, опять согнала ее въ кучу, и Сергѣй, стараясь сохранить подобающую случаю серьезность, три раза обошелъ вокругъ скота, неся передъ собою хлѣбъ. Когда онъ обходилъ второй разъ, вѣтеръ задулъ свѣчу—онъ остановился. Луша побѣжала въ избу и принесла огня—другую зажженную отъ лампадки свѣчу, которой затеплила потухшую.

Животныя съ изумленіемъ глядѣли на него, поворачивая за нимъ головы, лошадь переступала съ ноги на ногу, словно въ нерѣшимости—что же ей собственно дѣлать—и, когда онъ остановился, обойдя назначенныхъ три круга, она потянулась мягкими, далеко выпяченными губами къ хлѣбу.

— Ты еще...—замахнулась на нее старуха и она попятилась назадъ, разгоняя лѣзущихъ подъ ноги овецъ.

— Ну, и слава Богу,—бормотала старуха, беря обратно хлѣбъ и задувая свѣчу,—вамъ все смѣхъ, все насмѣшки...—ворчала она, замѣтивъ смущенную улыбку Сергѣя,—безъ меня будете жить своимъ умомъ, ужо помру скоро.

Она отнесла хлѣбъ въ избу, спрятала его въ торбу и вышла опять.

— Дунька, иди, бери хворостину-то, гони скотъ-то...—крикнула она, отворяя ворота.

Молебенъ надъ скотомъ служили долго. Пѣли всѣ, кто только умѣлъ, и часто это пѣніе похоже было на то, что десятки жуковъ собрались подъ яркимъ солнцемъ—черныхъ, корявыхъ, землистыхъ—и загудѣли вдругъ, перебивая одинъ

другого, отставая и догоняя, мало прислушиваясь къ тому, что пѣлъ сосѣдъ.

Раза три поднимали икону и, напружившись, съ потными, перекошенными отъ усилія лицами, мужики осѣняли ею скотъ.

Священникъ читалъ молитвы и каждая изъ нихъ особенно говорила толпѣ примолкнувшихъ жуковъ, каждая изъ нихъ была приноровлена къ этому и только этому случаю... И казалось, что этотъ годъ будетъ счастливѣе прошлаго, потому что ясный день, веселое солнце, сверкающія ризы иконы, на которой бѣлый конь Побѣдоносца былъ похожъ на собаку,—все это вселяло надежды, двигавшія громоздкое колесо крестьянской жизни...

Впереди всѣхъ стоялъ старый пастухъ Захаръ. Въ оборванномъ армякѣ, подпоясанномъ веревкой, съ торбой на боку, въ лаптяхъ, у которыхъ оборинками служили лычныя веревочки, онъ походилъ самъ не то на нищаго, не то на такого же звѣря, какъ всѣ эти коровы, лошади, овцы... Узкими, старчески сощуренными въ вѣчную усмѣшку глазами онъ оглядывалъ стадо и можно было подумать, что онъ понимаетъ и знаетъ, о чемъ думаетъ каждая корова... По старческому дѣлу своему онъ давно уже гонялся со скотомъ, зналъ его привычки и часто, присѣвъ гдѣ-нибудь около полденъ въ кустахъ возлѣ разлегшихся лѣниво коровъ, говорилъ съ ними, какъ съ людьми.

Теперь онъ слушалъ молитвы, шепталъ ихъ ушедшими подъ усы губами и потрагивалъ длинный кнутъ, заложенный короткимъ кнутовищемъ на плечо, словно не могъ дождаться, когда кончится все это и можно будетъ тронуть скотъ въ поле...

Еще не кончился молебенъ, а бабы уже тискались къ нему, передавали яйца и лепешки съ творогомъ, которыя онъ безъ разбору складывалъ въ торбу, шептали что-то о своихъ коровахъ, а онъ солидно поматывалъ головой, на все согласный и все обѣщающій.

Данилиха тоже втиснула ему въ руку пару яицъ и пирогъ и, наклонившись къ уху, прошептала:

— Моихъ-то, Захарушка, побереги, чай самъ знаешь, не обезсудимъ...

— Будь покойна, будь покойна, что за ребятами смотрѣть буду...

— Ужъ послѣ зайди, поснѣдай чего тамъ...

— Будь спокойна, будь спокойна...

Священникъ высоко поднялъ крестъ и трижды осѣнилъ имъ скотъ. Лошади не стояли, ихъ то-и-дѣло приходилось окрикивать, коровы мычали и рвались въ поле. Яркій день,

зеленая трава, тепло, обнимавшее ласковыми волнами землю, чуть вѣющее легкимъ вѣтромъ—все звало въ поле, на просторъ, гдѣ пестрѣютъ полевые цвѣты, гдѣ пчела тугимъ жужжаніемъ будитъ полуденную тишину.

Молодые телята-нынѣшники вдругъ задирали хвосты и останавливались неподвижно, оглядываясь съ недоумѣніемъ, потомъ вдругъ пригибались и пускались тяжелымъ, нескладнымъ галопомъ вокругъ стада. Бабы гонялись за ними, цыкали на нихъ свистящимъ шопотомъ изъ почтенія передъ службой, ребята, такіе же подвижные, какъ телята, носились за ними...

Порой какая нибудь корова внезапно раскорячивалась и мужики косились на нее, неодобрительно бормоча:

— Экъ тебѣ приспѣло, твари...

Отецъ Нилъ служилъ—и въ промежуткахъ между возгласами оглядывался кругомъ и чуть замѣтная улыбка мелькала на его губахъ. Онъ больше всего любилъ эти службы подъ открытымъ небомъ—Егорьевскіе молебны или прошенія о дождѣ, когда въ жаркій, душный полдень идетъ онъ между пышащихъ жаромъ стѣнъ ржи, а хоругви сверкаютъ такъ, что на нихъ невозможно поднять глазъ, и толпа ползетъ сзади, пыльная, усталая, потная и вѣрующая..

Когда онъ дѣлалъ послѣдній возгласъ и хоръ только что приготовился отвѣтить—чистой, задорной нотой прорвалось серебряное ржаніе жеребенка. И это было такъ хорошо, что даже старые мужики улыбнулись и посмотрѣли на него—тонконогаго, веселаго, готоваго вотъ-вотъ прыснуть легкими, широкими скачками прямо на икону...

Священникъ уже снималъ эпитрахиль послѣ молебна, какъ вдругъ, потрясая воздухъ и далеко отдаваясь въ чистомъ воздухѣ, грянулъ выстрѣлъ. Это кузнецъ Василій Семеновъ, по просьбѣ пастуха Захара, „дѣлалъ волку наметку“.

Старая Данилиха, дрогнувшая отъ выстрѣла, одобрительно качала головой и бормотала что-то про себя.

— Чего ты, старуха?—спросилъ ее Авузинъ.

— Такъ, такъ, пусть ему въ память, такъ, какъ слѣдоваетъ все, умный пастухъ Захаръ, недаромъ столько по свѣту ходилъ...

— То-то гляди, не тронетъ...

— А что-жъ? И не тронетъ, въ память ему, звѣрю лѣсному, чай побоится...

Молебенъ кончился, Захаръ вышелъ въ сторону и, ловко отведя руку съ кнутомъ, щелкнулъ имъ громко, словно выстрѣлилъ изъ пистолета.

— Айдате, айдате, родныя, го-го-го-го...

Въ сторонкѣ у кузницы баба Алексѣя Миронова, сурово поджавъ губы и нахмуривъ лобъ, отправляла старшаго Ваньку. Его взялъ Захаръ въ подпаски съ согласія деревни, уговорившейся платить пять рублей и куль муки въ выпасъ Алексѣю за мальчишку; десятилѣтній Ванька, похожій на шестилѣтняго ростомъ, усиливался не плакать, но слезы текли изъ глазъ, скатывались по щекамъ, оставляя на нихъ свѣтлыя борозды, попадали въ ротъ.

— Гляди жъ, сынокъ, слушайся Захара-то, не перечь ему... Дѣло свое сполняй, не спи въ полѣ-то... — говорила Лукерья, тоже готовая заплакать,—теперь ты не маленькій— отцу помощникъ... Гляди же...

Она помолчала немного, какъ будто хотѣла еще что-то сказать.

— Стерегись тоже,—она наклонилась совсѣмъ низко, такъ что закрыла собою сына,—гада опасайся... Не кусилъ бы... Сердитыхъ коровъ не задирай... Не подняли-бъ на рога... Ну, ступай, ступай, ступай...—почти закричала она, съ внезапнымъ сердцемъ, словно разсердившись на Ваньку,— ступай, гляди—гонитъ уже старикъ-то...

— Айдате, айдате, родныя, ох-хо-хо-хо...—гикалъ пастухъ, щелкая все время кнутомъ,—Вань, Вань, гляди, пеструха-то, пеструха... Ку-уды ты полѣзла, шалая... ого-го-го...

Ванька наскоро утеръ носъ рукой, глянулъ еще разъ на мать и пустился бѣгомъ за пестрой коровой.

А Лукерья долго еще стояла, глядя, какъ справляется сынъ со скотомъ, все такая же суровая и молчаливая.

Попъ отмоталъ эпитрахиль, передалъ ее Бутику, а самъ уже посматривалъ по сторонамъ и спрашивалъ:

— А кто тутъ у васъ очередь попа кормить держитъ? Гдѣ бы попить, что-ли?..

Очередь держалъ Быковъ. При каждомъ посѣщеніи священникомъ деревни онъ обязанъ былъ кормить весь причтъ. За то онъ пользовался пашней около Струкова, не платя ничего обществу.

Пашня была небольшая, но сѣно на ней было самое лучшее—и это обстоятельство служило предметомъ нескончаемыхъ препирательствъ жаднаго до денегъ Быкова съ мужиками. Быковъ твердилъ, что кормить поповъ не выгодно, потому что вся пашня съ воробьиный носъ, а деревня настаивала на томъ, что хитрый мужикъ кормитъ поповъ плохо, ставитъ имъ всяческую дрянь, а сѣно беретъ самое лучшее во всей Струковской дачѣ...

Не успѣли мужики сѣсть за обѣдъ, какъ деревенный

старшина Федоръ Романовичъ уже стучалъ палочкой подъ окнами.

— Православные, на сходъ, на сходъ торопись, толковать сходись...—выкрикивалъ онъ, переходя отъ избы къ избѣ.

Мужики высовывались изъ оконъ и, какъ будто не зная въ чемъ дѣло, спрашивали вдогонку:

— О чемъ сходъ-то? Ай огороды сутяжить?

— Приходи, приходи, тамъ видать будетъ о чемъ...—покрикивалъ дѣдъ, уходя дальше и опять громко стучалъ батожкомъ въ оконницу и звалъ:

— На сходъ, на сходъ сбирайся, православные...

А за нимъ слѣдомъ шелъ Шерстобитъ—сотскій деревенный и укоризненно качалъ головой, словно говорилъ про себя:

— И ничего изъ этого всего не выйдетъ, ужъ погодите: наживете еще бѣды, наживете, дайте срокъ...

На сходъ собирались лѣниво. Сразу какъ-то примолкла деревня, словно собирая силы для рѣшительнаго сраженія, молча и медленно обѣдали мужики, а, пообѣдавъ, долго копались, словно одѣваясь, справлялись дома, хмурились и оттягивали время.

Бабы опасливо поглядывали на мужей—спрашивать не рѣшались, боялись, не вышло бъ чего... Которыя посамостоятельнѣй—тоже собирались на сходъ и уже выбѣгали на улицу, поглядывали по направленію къ кузницѣ — собирается ли народъ...

Кое-гдѣ двѣ-три бабы, сойдясь за угломъ, толковали о сходѣ и сомнительно и сокрушенно мотали головами... Ничего хорошаго не ждала деревня отъ этого схода—свара и ссоры должны были подняться на немъ, боялись—не взялись бы, разгорячившись, мужики и за колья...

Дѣдъ обошелъ всю деревню, забѣжалъ домой и первымъ явился на лужайку къ кузницѣ.

Сразу же, едва только успѣлъ онъ присѣсть на сваленныя около кузницы бревна, подошли бабы, вдовы и сироты. Онѣ не пропускали ни одного схода, вѣчно толкались около, выпрашивая себѣ то огорода, то одворинки. Ихъ гоняли, ругали, но онѣ стояли твердо, скромно прижавшись гдѣ-нибудь въ сторонкѣ и выступая только тогда, когда толковали о водкѣ.

— Здравствуйте... — проговорила одна изъ нихъ, подходя, и опустила глаза.

Дѣдъ насмѣшливо посмотрѣлъ на нихъ.

— Приклещились, убогенькія...—встрѣтилъ онъ ихъ.— Чать опять просить?

— Наше дѣло...—потупясь, отвѣтила одна изъ бабъ,— самъ знаешь—бѣдность да сиротство...

— Шли бы вы, убогенькія, нынче по домамъ, не такой сходъ сегодня...

— Алибо какъ-нибудь...

— Авось смилуется міръ-отъ, нашу бѣдность увидавши...

Третья баба ничего не сказала. Она упрямо опустила голову, какъ быкъ, который рѣшилъ не двигаться съ мѣста, и подперлась рукой.

— А да вѣдь какъ хотите... Мнѣ что? Хоть вы тутъ до завтра стойте...

Одинъ за другимъ подходили мужики. Пришелъ Алексѣй Мироновъ и сѣлъ прямо на траву, словно не желая даже сидѣть рядомъ съ богатѣями.

Онъ молчалъ, и похоже было—какъ будто равнодушенъ совсѣмъ. Можно было подумать, что онъ уже переволновался задолго передъ сходомъ и теперь успокоился тѣмъ мертвымъ спокойствіемъ, какое бываетъ у людей уже вполнѣ отчаявшихся.

Потомъ пришли тѣ, что держались въ сторонѣ отъ всѣхъ деревенскихъ дѣлъ. Они смотрѣли на все, происходящее въ деревнѣ, и ждали, къ кому примкнуть. Это былъ народъ обезпеченный, не выигрывавшій и не проигрывавшій отъ того, какъ рѣшатъ съ землею. У всѣхъ были порядочные надѣлы, которые они не прочь были бы укрѣпить въ собственность, такъ же, какъ не прочь и передѣлиться—все же какъ ни какъ, а имъ могло перепасть и отъ передѣла...

Изъ такихъ были: Тихонъ Сидоровъ, Ермолай Сучковъ, Васильевъ Евдокимъ, еще кой-кто... Они смотрѣли на сходъ, какъ на возможность такъ или иначе выиграть—можетъ быть только оказавъ поддержку въ нужный моментъ хотя бы Прокофію Ельникову, который потомъ, конечно, не забудетъ этой услуги...

Всѣ они разсѣлись на бревнахъ и говорили о постороннихъ вещахъ, словно сошлись сюда не для схода, а случайно.

Каждаго новаго прибывшаго они встрѣчали равнодушно, здоровались и обмѣнивались замѣчаніями о погодѣ, о всходахъ, толковали о томъ, что пора бы приниматься за пахоту...

Когда явился Быковъ, они подвинулись и дали ему мѣсто—и это было похоже на тайное сочувствіе.

Собирались мужики, а невдали отъ нихъ собирались бабы. Тѣ, у которыхъ мужья были послабѣе, подходили

ближе, что-то шептали мужикамъ и вновь отходили, и въ сторонкѣ препирались между собою, сводя давніе счеты.

Выше и выше поднималось солнце, жаръ стоялъ надъ землею и томнымъ ароматомъ вѣяло отъ садовъ—тамъ готовились распуститься деревья и сирень выбросила уже свои гроздья... Уже почти всѣ мужики собрались, а толкомъ сходъ все еще не собирался—то-и-дѣло вставалъ кто-нибудь, отходилъ къ Панкратовымъ огородамъ и ложился тамъ въ тѣни подышать распускающейся черемухой и освѣжиться прянымъ дыханіемъ нагрѣтой земли...

Наконецъ пришелъ Ельниковъ. Онъ шелъ медленно, не глядя ни на кого, а, когда подошелъ вплотную, обвелъ глазами всѣхъ и всѣмъ стало какъ будто неловко отъ этого взгляда прячущихся въ глубокихъ ямахъ глазъ.

Ельниковъ былъ сельскимъ старостой а прежде и волостнымъ судьей, онъ долженъ былъ присутствовать на сходѣ, какъ довѣренное лицо, и первое время онъ такъ и велъ себя, словно ему не было дѣла до всего, что говорится здѣсь.

— Что жъ,—началъ онъ, обращаясь къ дѣду Федору,—начинать гомонить, что-ль?

— А да что жъ—начинать такъ начинать...

— Такъ вотъ какое дѣло...—Прокофій помолчалъ и посмотрѣлъ въ землю:—Всѣ что ль собрались?

— Кажись всѣ...

— Будто всѣ...

— Данилова нѣтъ... Сергѣя Данилова нѣтъ...

— Ишь ты...—усмѣхнулся Прокофій,—какъ же такъ?..

— Послѣ Митьки Прокофьева нѣтъ...

Старикъ оглянулся. Сказалъ это Алексѣй и онъ уставился на молодого мужика своими темными ямами.

— Митька не сходовой,—раздумчиво промолвилъ онъ, опуская глаза,—онъ не при чемъ тутъ...

— Чтожъ, старики, начинайте, что ль...

Выступилъ сухой, сморщенный старикъ въ домотканной рубахѣ, подпоясанной внизу живота, въ пестрядиновыхъ портахъ и босой.

— Вотъ что, господа сходовые,—началъ онъ, жмурясь отъ солнца больными глазами,—такое дѣло тутъ у насъ прилучивши... Да-а-а, вотъ оно какъ... Хотимъ мы съ Степкой моимъ такъ, чтобы въ раздѣлъ разойтиться, дд-а-а... Вотъ оно...

— Слыхали...—отозвался кто-то.

— То-то вотъ что слыхали... Какъ, значитъ, онъ сталъ обиждаться на меня со старухой и желаетъ, чтобы въ раздѣлъ разойтиться со своей, значитъ, бабой.

Старика звали Евдокимомъ Васильевымъ. Онъ былъ

сильно пьющій болѣзненный мужикъ, ворчунъ и драчунъ, не разъ пытавшійся поколотить своего взрослаго женатаго сына. О нихъ говорили въ деревнѣ, что хуже всѣхъ живутъ Евдокимовы—вѣчные свары и крикъ былъ у нихъ.

— Подождать бы съ этимъ-то...

— Чего лѣзетъ? Все такъ-то, толкомъ слова сказать не дастъ—все со своимъ дѣломъ...

— Чего еще дѣлиться и такъ некуда вылѣзти, не только что въ раздѣлъ тутъ итти...

Быковъ поднялся и, поправивъ волосы, началъ:

— Ждать бы съ этимъ-то, Прокофій Егорычъ, какъ онъ все свое толкуетъ, а тутъ можетъ и еще что будетъ...

— Чего будетъ...—заворчалъ Евдокимъ,—вамъ все ждать да ждать, а мнѣ какъ. Я вашихъ дѣловъ не знаю, мнѣ плевать, что вы тамъ задумали съ Сережкой своимъ, мнѣ трудно съ сыномъ-то...

Прокофій нахмурился.

— Какъ же сходовые—объ чемъ толковать будемъ? Его дѣлить, ай какъ?

Онъ улыбнулся подъ усами, зная отлично, что ни о какомъ раздѣлѣ теперь рѣчи быть не можетъ, такъ какъ есть дѣла поважнѣй.

Смутный гулъ разомъ поднялся надъ толпою. Всѣ лежавшіе стали подниматься и заговорили, болѣе спокойные прислушивались. Бабы придвинулись ближе, ловя краемъ уха, о чемъ спорятъ мужики.

Быковъ уже горячился и кричалъ тонкимъ голосомъ, наступая на Евдокима. Но тотъ тоже не отступалъ и требовалъ, чтобы его раздѣлъ съ сыномъ шелъ въ первую голову. Привыкшій ругаться дома, онъ какъ будто находилъ вкусъ въ этомъ и, заслышавъ въ голосѣ Быкова раздражительныя ноты, наступалъ на него, все подымая и подымая крикъ.

— Что ты мнѣ толкуешь—важно да важно, ты гляди—мнѣ не важно! Я тѣ говорю—мое дѣло, а тамъ вы себѣ хоть глотки перервите, плевать я на васъ хотѣлъ.

— Говорю тебѣ—дубовый ты старикъ, деревенныя раньше, апосля твои тамъ.

— Плевать хотѣлъ на деревенныя ваши, мнѣ что...—твердилъ Евдокимъ.—Вы тамъ передѣляться ай укрѣпляться хотите, а я съ сыномъ живи?.. А ежели онъ меня зарѣжетъ?..

— Полно тебѣ, Авдакимъ, эва грѣха-то ты не боишься...—пробовалъ остановить его Авузинъ, но тотъ только отмахнулся и съ злобой, которую самъ въ себѣ разжигалъ, накинулся уже на Прокофія:

— Ты чего стоишь, буркулы пялишь? Думаешь, боюсь тебя? Ты кто такой—староста либо нѣтъ? Ты чего законъ не сполняешь?..

Прокофій только посмотрѣлъ на него и ничего не отвѣтилъ. Кто-то оттащилъ злого старичишку въ сторону, толкуя ему что-то, на что онъ только моталъ бородой.

— Такъ вотъ какъ, сходовые,—опять обратился Ельниковъ ко всѣмъ, ни на кого не глядя,—какъ мнѣ извѣстно стало, что перво-на-перво надо порѣшить дѣла наши деревенныя, то какъ рѣшеніе ваше будетъ...

Онъ сказалъ—и, казалось, о чемъ-то спрашивалъ, но большинство не поняло, что именно говоритъ онъ, и только Быковъ и другіе изъ его партіи тотчасъ же встали впередъ и закричали, словно кто имъ мѣшалъ.

Опять поднялся гомонъ, въ которомъ отдѣльныя слова терялись, и нельзя было понять, въ чемъ дѣло.

Раза два въ воздухѣ прозвучало слово „передѣлъ", кто-то ругнулся и сразу, съ самаго начала схода выяснилось, что дѣло будетъ жаркое.

— На счетъ земли ты мнѣ не говори,—звенѣлъ острый голосъ Быкова,—что тамъ дѣлить, али такъ не жили?..

— Чего тамъ толкуешь, старая лиса, чего вступаешься? Не знаемъ, за что все это идетъ?..

Крикъ поднялся, уже толпились мужики плотной кучей, насѣдая одинъ на другого и вышло какъ-то такъ, что разомъ опредѣлились двѣ партіи. Появился лавочникъ Ларіонъ—сначала присматривался ко всему и прислушивался, потомъ вдругъ неожиданно накинулся на Ивана Калинина, съ которымъ у него были давніе счеты. И похоже было, что они сразу заговорили не о дѣлѣ, не о землѣ, а о какихъ-то своихъ отношеніяхъ, словно давно ждали случая поругаться на народѣ.

— Знаю я тебя, ядовитое сѣмя, обманывай другихъ, меня не обманешь...—кричалъ лавочникъ, красный отъ жары и возбужденія:—знаю, какимъ дѣламъ ты норовистя...

— Ты молчи... Ты молчи...—наступалъ на него Калининъ,—ежели я тебя на свѣтъ вытягивать учну—плохо, гляди, будетъ...

— Меня? Меня? Да что ты вытягивать-то можешь?

— Православные, али вы ума рѣшивши?—тщетно взывалъ дѣдъ Федоръ, сбитый съ толку этимъ крикомъ,—чего орете-то, али вѣкъ не видались?..

Но къ нему подскочилъ Алексѣй. Онъ не выдержалъ—прежнее равнодушіе исчезло и, напряженный, съ сжатыми зубами и унылымъ, злымъ взглядомъ, онъ вертѣлся въ

толпѣ, словно не зная, на кого накинуться, на комъ выместить всю долгую тоску своего неопредѣленнаго положенія.

Невдали отъ сходовыхъ, въ кругу бабъ, стояла его жена съ ребятами. Она пришла и стала, и похоже было, что она не двинется съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ рѣшенія на счетъ земли. Упрямое, тупое выраженіе застыло на ея лицѣ—исхудаломъ и темномъ, словно потерявшемъ всѣ краски жизни. Какъ будто нарочно одѣлась она въ самое лучшее платье и ребятъ одѣла въ чистыя рубахи—и напоминала этимъ солдатъ передъ сраженіемъ—приготовившихся или праздновать побѣду или умирать.

Алексѣй иногда взглядывалъ на нихъ и морщился напряженной, болѣзненной гримасой. Они всегда сидѣли дома, никуда не выходя въ люди, прячась во время гуляній и праздниковъ, и только теперь увидѣлъ онъ всю необъятную бѣдность, съ какой одѣты его жена и дѣти. Эта нищета какъ будто еще подчеркивалась стараніемъ быть почище, не хуже людей, смѣшной надеждой, что никто не замѣтитъ провалившихся отъ голода щекъ, обострившихся скулъ и потухшихъ глазъ. Каждый разъ, взглядывая на нихъ, Алексѣй испытывалъ мучительную жалость и стыдъ, и гнѣвъ, старый, знакомый гнѣвъ, разгорался въ немъ до того, что дышать становилось трудно. И какъ прижатый сворой собакъ волкъ—онъ оглядывался вокругъ и искалъ на кого кинуться.

— Молчать, старая лиса!..—заоралъ онъ на дѣда Федора такъ, что тотъ попятился отъ него,—молчать, Іуда, еще вякаетъ тутъ!..

— Что ты, что ты, что ты...—забормоталъ дѣдъ, отступая,—Господи помилуй—что ты...

— А то... Ты только глядишь, какъ бы тебѣ опять деревенской земли заграбить? Батька мой, не справившись, землю подъ деревню отдалъ. Ты ее за вино выпоилъ, теперь пользуешься, а я съ голоду сдыхай? Хоть бы разъ попомнилъ, Іуда проклятый... Сколь разъ я просилъ деревню—отдайте батькину землю, онъ не справился, отдалъ подъ деревню,—я сдержу, ты все время впоперекъ становился... Все время поилъ деревню—не отдавайте, не сдержитъ онъ, молъ, только опять перебивку придется дѣлать... Ахъ ты, старая лиса, дермовый хвостъ, ахъ ты, гадъ подколодный...

Матвѣй Шерстобитъ былъ около. Онъ вдругъ тоже загорѣлся и накинулся на дѣда:

— Давно мы тебѣ клапяемся, старый хрычъ, ужо будетъ тебѣ... Ты что про себя понимаешь, что ты такое есть, а? Награбилъ дармового, манилъ на манную кашку, поѣлъ чужой земли...

— Бѣси, сущіе бѣси, али вы бѣлены объѣвши?—вертѣлся дѣдъ, не зная кому отвѣчать.

— Бѣлены?—загремѣлъ Алексѣй, наскокомъ налетая на него,—бѣлены?..

— Ого-го, принялись потрошить стараго...—вставилъ подвернувшійся Быковъ, но и самъ не радъ былъ, что вмѣшался. Дѣдъ, какъ бѣшеный, накинулся на него—и не узнать было всегда спокойнаго, веселаго дѣда, у котораго всегда была шутка и прибаутка, всегда резонное слово.

— А ты зачѣмъ чужимъ ободворкомъ пользуестя?—закричалъ онъ на Быкова,—за то, что ты поповъ кормишь? А твой коромъ какой? На гривенникъ селедокъ, да на пятакъ луку? А ободворокъ что стоитъ? А? А пожня Струковская? То-то, то-то ты и въ кусты сичасъ...

— А тебѣ какое дѣло?—взъѣлся Быковъ,—тебѣ попы жалиться ходили, али какъ?..

Все смѣшалось на сходѣ. Уже не стояли другъ за друга богачи, какъ всегда это бывало, и какъ будто забыли всѣ, зачѣмъ собрались—ругань пошла такая, что Прокофій Ельниковъ только головой качалъ.

Напрасно Фролъ Спиридоновъ, всегда и во всемъ стоявшій за Ельникова, метался въ толпѣ отъ одного къ другому и уговаривалъ и просилъ—никто его и слушать не хотѣлъ, всѣ отмахивались отъ него, какъ отъ назойливой мухи, и лѣзли въ споры, чуть не готовы были драться, припоминая всѣ давнишнія несправедливости и обиды.

Въ сторонкѣ, не принимая участія во всей этой склокѣ, стоялъ кузнецъ Василій Семеновъ. Къ нему подошелъ Дмитрій Прокофьевъ, и оба они потѣшались тѣмъ, что происходитъ на сходѣ.

Время отъ времени кузнецъ толкалъ Дмитрія локтемъ и, сдерживая смѣхъ, говорилъ:

— Гляжь, гляжь—ей-ей сичасъ въ ухо дастъ...

— Ой, мать моя родная, вотъ бы ловко...

— Гляжь—Алешка-то, Алешка-то... О-хо-хо-хо...—уже не выдерживалъ онъ и заливался здоровымъ, громкимъ хохотомъ.

— У-у, бѣсы творожные...—поддерживалъ Дмитрій.

А на сходѣ уже шла настоящая война. Пришелъ Сергѣй, долго стоялъ молча, прислушиваясь, въ чемъ дѣло—сталъ рядомъ съ Авузинымъ и кое-что спросилъ его. Ельниковъ тотчасъ же замѣтилъ его приходъ, но не показалъ виду—онъ какъ и прежде не вмѣшивался въ споры и ждалъ, когда начнется самое главное. Онъ серьезно прислушивался къ тому, какъ отъѣдался отъ насѣдавшихъ мужиковъ дѣдъ Федоръ.

Алексѣй кидался къ нему, какъ будто онъ во всемъ виноватъ былъ, и уже кричалъ такъ, что слышно было на всю деревню:

— А Мутурихинской пожней за что пользуестя? А кто всегда первымъ клиномъ завладаетъ, думаешь, другимъ не нужно? А?

— Вина много ставишь, богатѣй...—звенѣлъ пронзительнымъ голосомъ съ другой стороны Быковъ,—думаешь—старшина, такъ тебѣ и поклонъ?..

— Не больше другихъ милостыни подаешь, нечего и ломаться-то—я-ста не я-ста, попова-то свинья-ста...

Даже обычно молчаливаго Шерстобита разобрало. Въ этомъ сказывалось долгое молчаніе и приниженность бѣднѣйшей части деревни. Всѣ долго копили недовольство и злобу, долго молчали, а когда пришло время—словно обрадовались, развязали языки, хотя потомъ, навѣрно, половина стала бы жалѣть объ этомъ.

Шумъ стоялъ надъ поляной—похоже было вотъ-вотъ сѣдобородые мужики возьмутся за колья и, какъ деревенскіе мальцы, не подѣлившіе дѣвокъ, начнутъ драться не на животъ, а на смерть.

Бабы уже пугаться стали—то одна, то другая подбѣгали къ толпѣ, оттаскивали мужей, а тѣ упирались, ловили, что кричитъ противникъ, и поймавъ какое-нибудь оскорбительное слово—внезапно вырывались и тонули опять въ возбужденной толпѣ.

— Мутуриха? Мутуриха?—стараясь перекричать противниковъ и напрягая голосъ до визгу, оралъ дѣдъ,—Мутуриха вамъ досталась—да я помню какъ вы изъ-подъ носу сопли ѣли, нечего вамъ учить ученова—поѣшьте спервоначалу дерьма толченаго...

— Дураки были, кланялись тебѣ, что этому ироду Ельникову, умнѣй будемъ, гнать васъ стервовъ надо... Еще укрѣпляться задумали, рады, живоглоты, землю всю подобравши...

— Передѣлять... —вдругъ неожиданно звонко крикнулъ Алексѣй, словно кнутомъ рѣзнулъ гудящую толпу.

На моментъ всѣ какъ будто притихли. И тотчасъ же разомъ поднялся такой содомъ, что ничего уже понять нельзя было.

Потные, возбужденные, сверкающіе вылѣзающими отъ натуги глазами, съ искаженными злобой лицами лѣзли одинъ на другого мужики. Сразу какъ-то раздѣлилась толпа и тѣ, что были за выдѣлъ—сгруппировались возлѣ Прокофія, такъ же какъ передѣльники окружили Сергѣя. Кричали другъ другу самыя оскорбительныя вещи, упрекали тѣмъ,

что давно, казалось, было забыто—и только два человѣка еще не вступали въ свалку—Прокофій и Сергѣй. Они слушали, оглядывались по сторонамъ и какъ будто учитывали силы. Но все опять смѣшалось—и трудно было разобрать, кто за что стоитъ, только видно было, какъ мелькаютъ въ воздухѣ руки, угрожая ударомъ, но все же еще удерживаясь отъ него.

Какъ глухой, отдаленный колоколъ гудѣлъ могучій голосъ Авузина. Старикъ стоялъ въ самой серединѣ толпы и, не обращая ни на кого вниманія, никого не оспаривая, уставившись глазами куда-то въ сторону, гремѣлъ:

— Силовъ нѣтъ, сами посудите, какъ же такъ будетъ, али Бога забыли?.. То поглядѣть—въ тринадцати семьяхъ земли акуратъ столь же, какъ въ пяти... Гляжьте, хрестьяне, Даниловы, Гусевы, Мироновъ, Калининъ, Никитьевы, Шерстобитовы, мои, Дудовьски, Сидоровы, Сучковьски, Васильевы, да еще Митьки Прокофьева, да еще убогенькихъ—а тамъ только что Ельниковы, лавошниковы, да Быковы, да Спиридоновы, да Собакины... Нешто мысленно? Слухайте, слухайте, хрестьяне...

Своимъ голосомъ, тѣмъ, что онъ стоялъ среди всѣхъ, выдаваясь ростомъ на голову надъ толпой, а главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ ни къ кому не обращался—онъ невольно заставилъ себя слушать. Какъ-то независимо отъ самихъ мужиковъ шумъ сталъ стихать и всѣ начали прислушиваться къ словамъ стараго Авузина.

А онъ, добившись этого, закинулъ голову еще выше, и уже смотря не поверхъ толпы, а куда-то въ небо, высчитывалъ:

— Бога забыли, кажиный за себя норовитъ, какъ же жить-то? Вѣдь надо жить-то, всѣмъ надо... Гляжь, что съ Лешкой Мироновымъ удѣлали? Али сраму нѣтъ? На что Митька Прокофьевъ сталъ годенъ? А мужикъ хоть куда, на работу золъ, дай ему земли—не угонистя... Али такъ надобно? Что сталось съ деревней-то, подумать такъ худо... Когда послѣднее ровнянье-то было? Шерстобитъ вонъ не запомнитъ... Какъ не дѣлиться—али Бога въ васъ нѣтъ...

Онъ такъ кричалъ, что закашлялся, и этимъ воспользовался Сергѣй.

— Сельчане...—закричалъ онъ. — Правду говоритъ Авузинъ, справедливый мужикъ, онъ не станетъ зря болтать—надо дѣлиться...

— Ты молчи... Молчи, когда старше тебя есть... — прервалъ его Быковъ; и тотчасъ же опять заварилась каша, въ которой все смѣшалось.

— По новому закону...—кричалъ уже и Ельниковъ,—за-

конъ такой есть—не желаю чтобы съ вами, скотами приблудными, жить, выдѣляться...

— Законъ? По новому закону? Нешто это законъ?.. Волкъ тебѣ законъ, вотъ что...

— Ты пьяница, тебѣ съ парнями пьянствовать, а не сходовымъ быть...

— Бить его надо, народъ смутьянитъ...

— Попробуй—подступись, я тебѣ хайло-то выверну...

— Песъ вамъ законъ, а не то чтобы...

— Охъ, будетъ тебѣ праздничекъ...

— Песъ? песъ? такія слова? Да ты знаешь, что я за такія слова тебя въ Сибирь упрячу...

— Руки коротки, напился гадъ крови...

— Ребята, вязать его надо, онъ противъ закону... Народъ смутьянитъ...

— Тебя связать, да въ воду надо... Чугунную медаль тебѣ начальство ужо подаритъ.

— А-а-а-о-о-а-а-го-го-гу-о-о...

Страшный гвалтъ поднялся столбомъ и взметнулся къ небу. Котломъ кипѣлъ народъ—и никто не понималъ, кто чего хотѣлъ. Вцѣпившись въ бортъ пиджака Сергѣя, Ельниковъ кричалъ ему что-то въ самое лицо, а Сергѣй, дѣлая неимовѣрныя усилія сдержаться и не ударить этого ненавистнаго человѣка, исковеркавшаго всю его жизнь, выкрикивалъ оскорбленіе за оскорбленіемъ, съ захватывающимъ чувствомъ ожидая, что вотъ-вотъ что-то оборвется—и онъ покатился куда-то, откуда уже нѣтъ возврата...

А рядомъ Алексѣй прыгалъ и тоже кричалъ—и то, что онъ кричалъ, было похоже на бредъ сумасшедшаго. Казалось, въ немъ порвалася послѣдняя нить, что держала его на границѣ отчаянія, и теперь, махнувъ на все рукой, онъ полетѣлъ въ бездну...

Напрасно его баба, вмѣшавшись въ толпу, теребила его за рубаху, распоясавшуюся во время свалки, напрасно говорила ему что-то, онъ не слушалъ и озлобленный, блѣдный, съ лицомъ, покрытымъ холоднымъ потомъ, рвался къ Ельникову, пытаясь его ударить...

— Черти, дьяволы, чего насѣли-то... — отмахивался отъ нихъ Ельниковъ,—въ Сибирь упрячу, къ земскому поѣду...

— А хоть къ самому бѣсу, плевать я на твоего земскаго хотѣлъ...

— Такія слова...

Уже собрался народъ и тѣ, что слыли горлопанами, поддерживающими то, что имъ было безразлично, только смотрящими на Ельникова и другихъ, орали, стараясь заглушить все кругомъ:

— Не быть передѣлу, не бы-ы-ыть...

— Да постойте, послушайте, черти мазанные, погодите,— тщетно старался остановить ихъ Авузинъ, но они уже ничего не слушали. Лавочникъ вертѣлся между ними, юлилъ и подговаривалъ, и они старались—орали до потери голоса, растаскивали тѣхъ, что соглашались идти противъ, уговаривали и ругались, готовые затѣять побоище...

— Не быть передѣлу, по новому закону, кто сколь земли держитъ, тотъ такъ и держать... На выдѣлъ, чтобы въ собственность...

— Да вы слушайте... Али на васъ креста нѣтъ...

— Въ укрѣпленіе, чтобы по закону... Собственность...

Прокофій, съ потемнѣвшимъ лицомъ и ощеренными, какъ у старой, обозлившейся собаки, зубами, кричалъ въ лицо Сергѣю:

— Пащенокъ, мальчишка, сопли съ носа сперва утри, слышишь, что міръ говоритъ-то? Захотѣлъ быть умнѣй другихъ? Али пользу свою почуялъ?.. Думаешь, твоя взяла, а?

— Міръ? Мі-и-иръ? — насѣдалъ на него Сергѣй, съ злобнымъ весельемъ ожидая, что вотъ онъ не выдержитъ и то, что такъ подступало откуда-то извнѣ, овладѣетъ имъ и все будетъ кончено, — это мі-и-иръ? Твои прихвостни, старый кобель, твои лизоблюды все, а не міръ... Зна-а-аю я твой міръ—гдѣ урвалъ, такъ и правъ, вотъ твой мі-и-иръ...

— А и къ бѣсу ваше общество, коли вы такъ...—вопилъ Алексѣй, окончательно убѣдившійся, что передѣлъ рухнулъ, погребая подъ собою всю его долгую, многострадальную жизнь, — міръ-міръ, а каждый въ собину норовитъ, каждый свой клокъ тянетъ, бѣсъ ли съ вами жить-то станетъ?.. Еще общество называется, а каждый подъ свой кустъ, до другихъ дѣла нѣтъ, ироды анаѳемскіе, лядъ бы васъ бралъ, колъ вамъ осиновый въ задъ, мошенники, арестанцы...

Онъ уже больше почти ничего не говорилъ, только выкрикивалъ безсмысленныя ругательства, какъ будто нарочно стараясь придумать самыя оскорбительныя, самыя обидныя. Весь онъ измѣнился—узнать нельзя было прежняго мужика: въ разорванной, распоясанной рубахѣ, съ вытаращенными дико глазами, потерявшими осмысленное выраженіе, потный, съ мокрыми волосами, стоялъ посреди самой гущи мужиковъ и ругался, каждый разъ поднимая и опуская руки, словно вбивалъ каждое слово съ неимовѣрнымъ озлобленіемъ:

— Дьяволы, черти, сучьи дѣти, мошенники...

— Что взяли, бунтовщики, что выкусили?—торжествовалъ Ельниковъ, скаля зубы.—Не быть передѣлу-у-у...—крикнулъ онъ куда-то въ пространство, заслыша побѣждающій крикъ

этотъ, и оставя Сергѣя, что бы кинуться туда, гдѣ кричали это собравшіеся кучей Тихонъ, Ермолай, Собакины, Быковъ и другіе...

— Не быть передѣлу!!!..—гремѣло изъ плотной толпы.

— Бы-ыть!—коротко отдавались отдѣльные голоса.

— Не быы-ть!

— Бы-ыть!

— Не быть!

— Быть!

И стало похоже, что все дѣло только въ томъ, чтобы переупрямить крикомъ другъ друга.

И такъ кричали долго, нѣкоторымъ даже надоѣло и успокаиваясь, они отходили, махнувъ рукой.

— Не быть!

— Быть!.. перекидывалось какъ мячъ надъ толпой...

Дѣло было ясно—передѣлъ не могъ состояться. Первымъ сказалъ это Шерстобитъ.

Онъ отошелъ въ сторону и, поднявъ кверху корявый, черный, какъ земля, палецъ, каркалъ такъ, что всѣ оборачивались на него:

— Я говорилъ, я говорилъ — я даве еще говорилъ—не бывать, чтобъ онъ не попомнилъ, я говорилъ...

И грозилъ, словно накликалъ на деревню какую-то невѣдомую бѣду.

За нимъ отошелъ Авузинъ. Онъ махнулъ рукой, растегнулъ воротъ рубахи, словно его душило что, и горько усмѣхнулся:

— Не добивайся ранняго вставанья, добивайся добраго часу... Видно не въ часъ начали...

И хотѣлъ было идти домой, какъ къ нему подбѣжала Луша, блѣдная, съ неестественно расширенными, горящими глазами, и схватила его за рукавъ.

— Титъ Мосеичъ, родненькій, Бога для—не оставляй ты Серегу, Бога для... Бѣда въ насъ большая—мать катышкомъ валяется, за него убивается—убьютъ, голоситъ, его, какъ есть убьютъ... Не оставляй ты его, хоть что хошь дѣлай—не оставляй...

— Да вѣдь я что-жъ... — пріостановился Авузинъ,—кто его убьетъ-то?.. Чего тамъ убьетъ... Да я могу, могу, мнѣ что...—согласился онъ, видя, что Луша готова заплакать,—ужо подожду его, мнѣ что...

Онъ, дѣйствительно, сталъ ожидать Сергѣя.

Многіе уже расходились; изъ тѣхъ, что надѣялись на передѣлъ, оставалось два-три человѣка. Они остались не потому, чтобы думали что-либо поправить или рѣшать другія дѣла, а потому, что еще продолжали ругаться и попрекать

выдѣляющихся. А тѣ, сбившись плотной толпой, уже успокоившіеся, смѣялись надъ ними и тоже ругали ихъ. И сразу видно стало, какъ мало было шедшихъ вмѣстѣ съ Сергѣемъ. Авузинъ смотрѣлъ на нихъ—и качалъ головой:—да гдѣ-жъ они? Съ кѣмъ же шли они всѣ съ Сергѣемъ противъ такой плотной, слитной кучи народа? И горько стало мужику—перекинулись мужиченки, поняли, что сила не на ихъ сторонѣ, перекинулись поганцы... Только и осталось съ ними, что Сергѣй, да Лешка, да Шерстобитъ, да онъ. А остальныхъ и слѣдъ простылъ, и не видать никого давно...

— Ахъ, мужики, мужики,—качалъ головой старый Авузинъ, — сорвали сходъ, пусто бъ вамъ, какъ васъ не гнуть, когда сами гнетесь тростинкой.

Ему было больно это, не смотря на то, что долгая жизнь научила его этому. Но теперь, когда было такое дѣло, когда вся будущая жизнь стояла на этомъ сходѣ, какъ на межѣ какой, теперь ему стало противно, тоскливо и больно. Онъ не могъ выразить этого, качалъ головой, хмурился и готовъ былъ заплакать, потому что не было словъ, даже мысли были смутныя и неясныя, какъ тѣни утреннія, только душа болѣла въ предчувствіи далекихъ и темныхъ горестей, что должна была принести новая жизнь...

Луша стояла рядомъ, поглядывала на него и не рѣшалась спросить — чего такъ затуманился добродушный Титъ Мосеичъ... Съ тревогой поглядывала она и на Сергѣя, что еще стоялъ около торжествующихъ, сводя какіе-то счеты, переругиваясь съ лавочникомъ Ларіономъ и съ Прокофіемъ.

Какъ капитанъ съ погибшаго корабля, не хотѣлъ онъ уходить отсюда, гдѣ погибло все, чѣмъ онъ такъ долго жилъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ Алексѣй—ему страшно было идти домой, сказать давно убѣжавшей къ ребятамъ бабѣ, что вся ихъ жизнь рушилась. Онъ еще ругался—такъ, неизвѣстно противъ кого, направляя свои ругательства, уже вяло, съ угасшимъ лицомъ и взглядомъ, опустивъ руки... Внезапно онъ взглянулъ на Сергѣя—и тотчасъ вновь загорѣлся, словно вспомнилъ самую страшную обиду, самое страшное оскорбленіе свое.

— А-а-а-а ты-ы-ы?.. заоралъ онъ, кидаясь на него,—ты-ы?.

Въ немъ проснулась злоба разбитаго на голову солдата, который, отчаявшись, бросается искать причины своего пораженія, и готовъ мстить тому самому, что велъ его на сраженіе.

— Ты-ы-ы?—выкрикивалъ онъ хриплымъ, срывающимся голосомъ.—Ты самъ передался, ты самъ все устроилъ!—Тебя я знаю, ты только мутить, а самъ тожь на укрѣпленіе!!! А-а-а,—думалъ, я не знаю? Все знаю!—все, ничего отъ меня

не скроешь, я-а-а зна-а-ю-у... Ты Дуньку замужъ отдаешь, ты уже пропилъ ее, самъ въ зятья норовишь, а-га, думалъ я молчать буду? Нѣ-ѣтъ, не таковскій, я тебя расчищу... Ты съ Ельниковымъ, старой собакой, стакнувши былъ, ты его руку все время держалъ, только видъ показывалъ, Іуда-предатель...

Онъ кричалъ въ слѣпомъ озлобленіи, не зная, какъ больнѣе уязвить Сергѣя, захлебываясь словами, подскакивая и норовясь ударить. Авузинъ поспѣшилъ къ нимъ, но не было возможности успокоить расходившагося мужика, теряющаго подъ ногами почву.

— Думаешь, я не знаю, что онъ за тебя выкупъ далъ, когда подати собирали? Меня продали, всего продали, а ты остался, а-а-а, я знаю, это ты съ Ельниковымъ стакнулся, онъ тебѣ денегъ далъ, его деньгами ты спасся, я все знаю...

Онъ размахнулся и—не успѣлъ Авузинъ подхватить его, какъ Алексѣй изо всей силы ударилъ Сергѣя въ лицо. Кровь разомъ брызнула, слѣпя глаза и разливаясь по блѣдной щекѣ чернымъ пятномъ. Сергѣй взмахнулъ руками, словно стараясь удержаться, за что-то схватиться, остановить уходящую изъ-подъ ногъ землю,—и упалъ бы, если бы, Авузинъ не принялъ его прямо на руки.

Алексѣй какъ будто опомнился. Онъ отступилъ два шага назадъ и смотрѣлъ, какъ Сергѣй медленно поднялъ руки и закрылъ ими лицо. Потомъ повернулъ голову и обвелъ всѣхъ недоумѣвающимъ взглядомъ, словно спрашивая, что же это такое случилось? и посмотрѣлъ на Лушу, что выла, извиваясь около брата. И вдругъ круто повернулся и пошелъ качающимся шагомъ, словно пьянъ былъ сильно, нелѣпо болтая свободными руками и переступая какъ во снѣ...

А Авузинъ уже уводилъ Сергѣя съ поляны, обнявъ, какъ раненаго, подъ плечи, и говорилъ что-то заплетающимся языкомъ, весь полный страннаго, неожиданнаго ужаса, отъ котораго все внутри у него упало и обезсилѣло...

И когда они шли такъ мимо Ларіона-лавочника, Быкова и Ельникова, словно нарочно не расходившихся, словно не увѣренныхъ еще, что они побѣдили,—Быковъ засмѣялся и крикнулъ:

— Такъ его, дурака, и надо, то ли молодецъ Лешка, здорово двинулъ...

Смѣялся лавочникъ, поглаживая бороду еще дрожащей отъ возбужденія споровъ рукой, смѣялся прилѣпившійся къ нимъ кузнецъ Василій Семеновъ, и Прокофій улыбался сдержанной улыбкой, показывая испорченные, почернѣвшіе зубы, улыбался и щурился, какъ человѣкъ, которому поло-

женіе не позволяетъ высказывать свою веселость явно, но который не можетъ удержаться отъ смѣха...

— Ловко его двинулъ! Не будь дуракомъ, не лѣзь, куда не спрашиваютъ,—говорилъ Быковъ,—то-то наука впередъ...

А Сергѣй шелъ качающимися, безсильными шагами, торопился—и, какъ во снѣ, не могъ справиться съ ними—и хотѣлъ проснуться отъ этого ужаснаго, страшнаго сна, въ которомъ какъ тысячью кнутовъ, билъ его злобный смѣхъ,—и не могъ...

Авузинъ отвелъ Сергѣя къ своему гумну. Онъ не рѣшился вести его домой, куда побѣжала Луша, чтобъ посмотрѣть за матерью. Здѣсь въ тѣни, гдѣ пахло плѣсенью и грибами и было прохладно, Сергѣй какъ будто успокоился. Онъ обтеръ лицо, подождалъ, когда Авузинъ принесетъ воды, попилъ и сидѣлъ въ смутной задумчивости, словно еще переживая только-что бывшее.

— Брось, чего тамъ, велико дѣло, что песъ шальной куситъ, али бо не помрешь,—пытался его успокоить Авузинъ, присѣвшій рядомъ,—собака лаетъ—вѣтеръноситъ.

Сергѣй подумалъ, опустивъ голову, и сказалъ:

— Не то... Алешка что... Алешка озлобился... Тутъ не въ Алешкѣ дѣло... Не съ нимъ воевать надо... И не съ Прокофіемъ, и не съ Быковымъ, и ни съ кѣмъ другимъ воевать надо... Намъ съ дуростью ихъ мужицкою воевать надо, вотъ съ чѣмъ... Надо темноту ихъ сломать, а не ихъ... Что они думаютъ такъ—такъ чтожъ подѣлаешь? Надо воевать не съ ними, а съ тѣмъ, что они думаютъ...

— Какъ такъ?—не понялъ Авузинъ.

— А такъ... Кабъ они думали-то не такъ... Кабы сдѣлать понятливѣе ихъ... Эхъ...—съ внезапной тоской вздохнулъ онъ,—нѣтъ у насъ человѣка настоящаго, никого нѣтъ въ деревнѣ, оставлены мы, что щенята слѣпые, некому показать... Ну что такое мы? Начнемъ что—и сичасъ носомъ объ земь луснемся... За то, что никого около насъ нѣтъ, нѣтъ совсѣмъ человѣка...—И онъ рвался, какъ отъ физической боли, вспомнивъ весь ужасъ, что только что пережилъ...

— Нѣтъ, тутъ никого!..—какъ въ бреду бормоталъ онъ—и также внезапно успокоился.

— Это правильно,—согласился Авузинъ,—человѣка чтобы понимающаго, этого, точно, нѣтъ въ насъ...

— То-то и есть... Вродѣ какъ въ лѣсу мы...

Они еще помолчали. Сергѣй, казалось, забылъ о томъ, что произошло съ нимъ, по крайней мѣрѣ, не мучился этимъ, какъ ожидалъ Авузинъ. Онъ сбоку поглядывалъ на него и удивлялся ему.

— „Треснули человѣка ни за что ни про что по мордѣ, а онъ хоть бы что... Чудно“...

— Такое дѣло...—началъ онъ, поглядывая по прежнему на Сергѣя,—идетъ это самое... не примѣтишь, какъ оно идетъ, а идетъ, явственно, что идетъ... Сдвинули мужика нашего, какъ есть съ мѣста сдвинули, идетъ по народу понятіе настоящее, а только что непримѣтно оно... Да и идетъ-то не кажній разъ, какъ требовается... Потому ищетъ народъ жизни настоящей... Мужичишки тоже башкой вертятъ, только что, конешно, не въ разъ упакаешь... Кой и заблудитъ куда...

— Плохо идетъ-то...

— А да вѣдь лучше нѣтъ, такъ и то хорошо... А лучше-бъ, кабъ спали-то?

— А лучше, какъ по мордѣ ни за што бьютъ?—вопросомъ на вопросъ отвѣтилъ Сергѣй. Авузинъ сконфузился.

— Это ужъ такъ... Такое дѣло вышло... Тожъ и ему теперь не сладко...

Они встали и пошли домой. У Сергѣя глазъ совершенно запухъ и зубъ шатался. Большой багровый синякъ расплылся по щекѣ возлѣ глаза и отъ этого его лицо было жалкимъ и смѣшнымъ. Встрѣтившаяся на тропинкѣ Аленка, старшая дочь Авузина, со страхомъ поглядѣла на него, потомъ перевела глаза на отца. И уже хотѣла было засмѣяться, какъ отецъ цыкнулъ на нее:—Шишь, паршивая...

Дѣвченка пропустила ихъ мимо и долго смотрѣла вслѣдъ удивленно и какъ будто со страхомъ...

— Такое дѣло...—толковалъ Авузинъ, провожая Сергѣя до прогона,—не добивайся ранняго вставанья—добивайся добраго часу... Не въ часъ зачали...

Они попрощались почти возлѣ самой избы. Луша уже выглядывала изъ дверей, очевидно, ожидая, что Сергѣй разбитъ или взволнованъ.

— Прощай, чтоль...—еще разъ промолвилъ Авузинъ, протягивая руку плоской дощечкой, такъ, какъ обыкновенно протягиваютъ крестьяне,—не тужись, али бо и на нашемъ краю пиво пить будутъ...

Онъ повернулся и пошелъ домой. Жалко ему было Сергѣя и сдѣлать ничего нельзя было—такое дѣло...

По улицѣ—странно притихшей, словно выжидавшей чего то походкой, шелъ Алексѣй. Онъ давно ушелъ со схода, но вѣрно не рѣшался все войти въ домъ и бродилъ гдѣ нибудь, подавленный всѣмъ, что свалилось на него. И шелъ онъ такъ же, какъ прежде: какъ будто ногами цѣплялся, словно пошатывался и не глядѣлъ по сторонамъ, словно не до того ему

было... Сущій пьяный—на-смерть пьяный человѣкъ пробирается домой, потупясь огрузшей отъ вина головой...

Авузинъ пропустилъ его и тоже, какъ на сходѣ, покачалъ головой.

— Пойдутъ дѣла...

А Алексѣй шелъ, не обращая ни на кого вниманія, не оглядываясь по сторонамъ, безсознательной привычкой идя къ дому, а не въ другую сторону.

Такъ прошелъ онъ свой прогонъ, миновалъ огородъ, и въ калитку вошелъ. И только на крыльцѣ пріостановился.

Тихо было кругомъ; солнце уже какъ будто садилось—нельзя было подумать, что уже такъ поздно. Весь день прошелъ въ этомъ сходѣ, ничѣмъ не кончившемся, словно и не было его... Поди даже староста волкъ-Прокофій и тотъ не запишетъ, что сходъ былъ—такъ, молъ, собирались своимъ дѣломъ потолковать... Ничѣмъ не кончили—ничего не рѣшили, ясно только стало, что никто не передѣлитъ деревни... Выдѣльщики тоже ясны стали, тоже мужики-волки, всѣ какъ на подборъ большенадѣльники, на пять да на шесть душъ держатъ—какъ тутъ не выдѣляться...

Онъ стоялъ на крыльцѣ, оглядываясь кругомъ, словно въ первый разъ зашелъ сюда... Бѣдно все было, такъ бѣдно, что нищета, послѣдняя деревенская, весенняя нищета глядѣла изъ каждаго угла, съ растрепанной, наполовину съѣденной за долгую зиму крыши, съ выпиравшихъ горбомъ стѣнъ разваливающейся избы, съ повалившагося тына... И какъ печальная, полная безнадежной тоски пѣснь ея—стлался по заросшему двору шорохъ буйно заполонившихъ все травъ—смутный шорохъ заброшенности и нерадивости...

А вверху, надъ крышей, надъ старой корявой грушей въ огородѣ, надъ березой въ Пѣгарихиномъ ободворкѣ—пылало тихимъ закатнымъ пламенемъ мѣдное солнце, усталое, покраснѣвшее, напряженное, какъ больной глазъ, токи крови разлившее по алому небу...

— Господи, чтожъ это такое?—съ бездонной тоской прошепталъ Алексѣй, оглядывая это молчаливое, равнодушное небо,—какъ же это такъ?...

Что-то оборвалось въ его груди, упало куда-то въ черную бездну и тьма объяла душу. Не было силъ переступить порогъ—казалось, сердце лопнетъ отъ одного взгляда измученной, худой, какъ скелетъ бабы, лихорадочнымъ взглядомъ упершейся въ дверь, ожидая его...

Онъ шагнулъ впередъ, опять пріостановился, и отворилъ дверь. Тихо было внутри, какъ будто никого не было, онъ оглянулся, ища жену—не было ея въ избѣ. Только присмотрѣвшись, замѣтилъ онъ, что на кровати лежитъ какой-то

комокъ—груда тряпокъ. Онъ подошелъ—и съ чувствомъ наростающаго страха неизвѣстнаго, еще не осознаннаго, какъ это бываетъ только во снѣ, заглянулъ.

Жена лежала, оборотясь лицомъ къ стѣнѣ крѣпко прижимая къ груди младшую дѣвочку, обнявъ другой рукой сынишку,—и не спала.

Алексѣй долго смотрѣлъ на нее, ловя ея взглядъ, но она не подняла головы, хотя—онъ чувствовалъ это—видѣла его.

Тогда онъ оперся колѣномъ на кровать—она подвинулась слегка, давая ему мѣсто,—медленно легъ, отвернувшись отъ нея, и закрылъ глаза. И лежалъ, сжавъ на груди руки, какъ будто ожидая сокрушающаго удара, который вотъ-вотъ долженъ обрушиться на голову его...

В. Муйжель.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Электронъ.

Его значеніе въ наукѣ и философіи.

IX.

Электронъ во вселенной.

Астрономія уже очень давно перестала быть наукой о стеклянномъ колпакѣ, покрывающемъ землю, съ прикрѣпленными на немъ звѣздами. Далеко позади и то время, когда она занималась въ предѣлахъ орбитъ, описываемыхъ планетами нашей системы вокругъ своего средоточія—солнца. Она раздвинула эти узкія грани и ввела въ свой обиходъ новое понятіе, понятіе вселенной, и съ нимъ открылись для этой науки безмѣрныя дали.

Что же представляетъ собою эта вселенная, это міровое цѣлое, по ученію новой астрономіи?

Въ безконечномъ пространствѣ со временъ, не знающихъ начала, разсѣяна вѣчная, неуничтожаемая матерія, одаренная вѣчной, неуничтожаемой энергіей. И все, что происходитъ во вселенной,—есть лишь превращенія, измѣненія формы этой матеріи и ея энергіи. Вѣчная смѣна, вѣчное превращеніе ихъ въ новыя формы—въ этомъ жизнь вселенной. Превращенія матеріи и энергіи творятъ міры, и міры эти проходятъ свой циклъ развитія. Сгущается по невѣдомымъ причинамъ уединенная туманность, изъ нея образуется звѣзда жаркая и яркая, она, вращаясь, отбрасываетъ раскаленные комья и, превращаясь въ солнце, изъ нихъ составляетъ свою планетную свиту. И дальше идетъ ея развитіе подобно нашей солнечной системѣ.

И такими мірами наполнена вселенная. Одни еще представляютъ «хаоса бытность довременну», другіе лишь нарождаются, третьи погружены въ ледяной, мертвый покой смерти. Иные цвѣтутъ жизнью, какъ нашъ солнечный міръ.

Во вселенной разбросаны міры, а межъ ними—бездны, наполненныя таинственнымъ эфиромъ. Пропасти междупланетныхъ пространствъ отдѣляютъ небесныя тѣла другъ отъ друга. Непереходимы эти пропасти, непреодолимы пространства. Здѣсь міръ ма-

теріи и тамъ міръ матеріи, во всемъ подобной нашей, но нѣтъ между ними мостовъ. Только лучистая энергія паутиной своихъ лучей протягиваетъ нить между мірами. Свѣтъ, тепло, электрическія волны проносятся чрезъ небесныя бездны отъ міра къ міру, отъ звѣзды къ звѣздѣ. Энергія блуждаетъ въ пространствѣ. Энергія, но не матерія. Матерія заключена въ свои предѣлы, ограничена той или другою системой, очерчена магическимъ кругомъ своей орбиты, которой ей не преступить, изъ которой не выйти. И только если пересѣкутся орбиты,—столкнутся тѣла. Тогда лишь матерія одной системы соприкасается съ другой. Таковы метеориты, обломки небесныхъ тѣлъ, «падучія звѣзды», красивой, огненно-зеленой полосой чертящія порою вечернее небо нашей малютки земли. Но то лишь случайные гости, рѣдкія встрѣчи. А въ остальномъ... вихремъ мчатся милліоны свѣтилъ и тѣлъ небесныхъ въ пространствахъ вселенной, далекіе и одинокіе, связанные лишь таинственной силой всемірнаго тяготѣнія, опутываемые лучами энергіи, но безнадежно оторванные и отдѣленные одинъ отъ другого.

Таковой казалась вселенная, таковъ былъ ея ликъ, по понятіямъ еще недавняго времени.

Но мы узнали объ электронѣ, и картина существенно, радикально мѣняется. Иной видъ, иное лицо являетъ предъ нами вселенная.

Электронъ—это первый извѣстный намъ мореплаватель по океану вселенной. Онъ не боится небесныхъ пропастей и переносится чрезъ бездны пространства отъ міра къ міру, отъ солнца къ солнцу, то пользуясь паутиной лучей, то обходясь безъ нея.

Путешественникъ полярныхъ странъ выходитъ изъ своего убѣжища и любуется чарующей игрой свѣта сѣвернаго сіянія. То чужестранцы электроны, пришельцы изъ другихъ міровъ, посланники солнца и дальнихъ звѣздъ привѣтствуютъ землю и даютъ знать, что они прибыли къ намъ.

Но этого мало. Электронъ не довольствуется тѣмъ, что отважно преодолѣваетъ дѣлящее міры пространство. Онъ увлекаетъ съ собою атомы и молекулы обычной матеріи въ это далекое и заманчивое путешествіе по небу. Посмотримъ же, какъ это бываетъ.

Лучъ солнца добѣжалъ до земли. Этотъ лучъ, какъ извѣстно, не простъ. Онъ состоитъ изъ смѣси лучей, въ томъ числѣ и ультрафіолетовыхъ. Это—лучи особенные. Въ нихъ таится особая способность, способность разбивать атомы газовъ, выбивать изъ нихъ электроны.

Ультрафіолетовый лучъ разрываетъ нейтральный атомъ на двѣ неравныя части: на электронъ и ущербленный атомъ (+ іонъ).

Вся масса ултьрафіолетовыхъ лучей, донесясь до земной атмосферы, дробитъ милліоны атомовъ ея газовъ на электронъ и іонъ. Ультрафіолетовые лучи солнца—одинъ изъ главныхъ источниковъ свободнаго электричества земной атмосферы. Ибо свободное элек-

тричество это — свободные электроны и іоны, а ультрафіолетовый лучъ именно ихъ и производитъ.

Судьба милліоновъ освобожденныхъ электроновъ различна. Часть изъ нихъ сплачиваетъ вокругъ себя частицы паровъ воды и служитъ причиной образованія капель воды. Разъ образовавшись, они силою тяжести увлекаются внизъ—«идетъ дождь». Эти электроны, запутанные въ капли воды, остаются жильцами земли.

Иная судьба электроновъ, избѣжавшихъ мантіи водяной капли. Земля представляетъ собою шаръ, наэлектризованный отрицательно, солнце, наоборотъ,—положительно. Свободные электроны поэтому отталкиваются землей и притягиваются солнцемъ. И вотъ отряды электроновъ, уцѣлѣвшихъ отъ дождевого разгрома, покидаютъ землю подъ дѣйствіемъ этихъ двухъ силъ и направляются къ солнцу. Ихъ путь сначала затрудняется столкновеніемъ съ частицами газовъ земной атмосферы. Но чѣмъ дальше, тѣмъ рѣже атмосфера и свободнѣе путь. Вотъ они вышли изъ нея и несутся въ пространствѣ, пересѣкая орбиты планетъ. Если какая-нибудь изъ нихъ находится какъ разъ на пути и ея атмосфера насыщена парами, возможно, что часть изъ нихъ застрянетъ и упадетъ на почву планеты съ дождемъ. Остальные мчатся все дальше и вскорѣ доходятъ до солнца. Съ размаху они все дальше и дальше внѣдряются въ его атмосферу, пока сопротивленіе ея не остановитъ ихъ. Ряды ихъ здѣсь снова рѣдѣютъ. Часть изъ нихъ встрѣчаетъ положительные іоны, соединяется съ ними и вмѣстѣ они даютъ снова нейтральный атомъ, хотя, быть можетъ, уже и другого вещества. Неизвѣстно вѣдь, съ какимъ положительнымъ іономъ солнца встрѣтится прибывшій съ земли электронъ. Онъ становится, такимъ образомъ, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ осѣдлымъ жителемъ солнечной атмосферы.

Остальныхъ пришлецовъ, сохранившихъ свою независимость и не польстившихся покоемъ и превращеніемъ въ нейтральный атомъ, ждетъ новый путь, иногда обратный, иногда иной, еще болѣе дальній, заманчивый и, главное, въ иномъ снаряженіи. Но, прежде чѣмъ пуститься въ этотъ путь, свободные электроны, прибывшіе съ нашей планеты, встрѣчаютъ многочисленные электроны солнечнаго происхожденія, готовящіеся къ тому же пути. Тѣ же ультрафіолетовые лучи, проходя чрезъ газы солнечной атмосферы, «іонизируютъ» ихъ, т. е. разбиваютъ на положительный іонъ и отдѣляющійся отъ него электронъ, какъ это дѣлаютъ они и въ земной атмосферѣ. Только здѣсь работѣ этихъ лучей помогаетъ еще страшная температура въ 6000°, производящая то же дѣйствіе. Вслѣдствіе этого, число производимыхъ здѣсь,—вѣрнѣе, освобождаемыхъ отъ «матеріальнаго» плѣна—электроновъ несравненно больше, чѣмъ производимыхъ ультрафіолетовыми лучами въ земной атмосферѣ. Пришлецы съ земли совершенно теряются въ массѣ солнечныхъ аборигеновъ. Вся эта новая рать электроновъ живо обзаво-

дится кораблями съ парусами и плыветъ отъ солнца подъ вѣтромъ. А вѣтеръ для нихъ, какъ оказывается, всегда попутный: отъ солнца въ міровое пространство по всѣмъ направленіямъ. Электроны, какъ сказано, сгущаютъ вокругъ себя частицы окружающихъ газовъ. Получается «комочекъ газа» изъ частицъ, приставшихъ къ электрону. Вотъ эти частицы, сплотившіяся вокругъ электрона, и являются для него теперь и кораблемъ, и парусомъ вмѣстѣ. А вѣтеръ—солнечный свѣтъ, солнечные лучи. Дѣло въ томъ, что лучи солнца не только свѣтятъ, не только грѣютъ, но и производятъ давленіе, такое же точно механическое давленіе, какое производитъ рука, давящая на дверь, или воздухъ, надувающій парусъ. И всякая освѣщенная площадь тѣмъ самымъ, что она освѣщена, подвергается извѣстному давленію. Оно, конечно, очень мало, но при извѣстныхъ обстоятельствахъ достаточно для дѣйствія.

Комочекъ газовъ солнечной атмосферы, сгустившійся вокругъ электрона, находится подъ дѣйствіемъ двухъ силъ: силы матеріальнаго притяженія солнца и силы его лучевого давленія. Первое стремится приблизить комочекъ къ центру солнечной массы, второе удалить его отъ этого центра. Что же получится въ результатѣ? Не всегда одно и то же. Матеріальное притяженіе зависитъ только отъ массы комочка. Оно тѣмъ больше, чѣмъ больше масса его. А масса тѣмъ больше, конечно, чѣмъ больше объемъ. Величина лучевого давленія, наоборотъ, цѣликомъ зависитъ отъ поверхности комочка. Чѣмъ больше поверхность, на которую падаютъ лучи, тѣмъ сильнѣе дастъ себя чувствовать ихъ давленіе. Результатъ дѣйствія обоихъ силъ зависитъ отъ соотношенія вѣса комочка, выражающагося объемомъ, и его поверхности. А то и другое опредѣляется радіусомъ. Такъ что, по просту говоря, результатъ зависитъ отъ величины радіуса комочка, который для простоты принимается шарообразнымъ. И здѣсь оказываются слѣдующіе случаи. Если радіусъ частицы больше извѣстной величины—сила притяженія солнца беретъ верхъ. Если радіусъ не больше и не меньше этой величины—обѣ силы уравновѣшиваютъ другъ друга. Когда радіусъ меньше этой величины, то беретъ чуть замѣтный перевѣсъ лучевое давленіе. И чѣмъ меньше радіусъ, тѣмъ больше пересиливается солнечное притяженіе его лучевымъ давленіемъ. При постепенномъ уменьшеніи радіуса мы, наконецъ, доходимъ до такой величины его, когда лучевое давленіе въ 19 разъ сильнѣе солнечнаго притяженія. Если радіусъ уменьшается еще и дальше, то отношеніе становится менѣе благопріятнымъ для лучевого давленія. Оно все уменьшается *) и при извѣстной новой величинѣ уменьшающагося радіуса обѣ силы опять уравновѣшиваютъ другъ друга. Если радіусъ становится еще меньше, то опять беретъ верхъ

*) Arrhenius. Das Werden der Welten.

солнечное притяженіе. Такъ что для величины комочка газа имѣется опредѣленная область, ограниченная двумя порогами. За этими порогами властвуетъ притяженіе солнца. Между ними беретъ верхъ лучевое давленіе и уноситъ комочекъ прочь отъ солнца, не смотря на удерживающее его притяженіе солнечной массы.

Такимъ образомъ все зависитъ отъ обстоятельствъ, при которыхъ электронъ строитъ свой корабль. Если они благопріятствуютъ, то комочки газа, сгущающагося вокругъ электрона, получаются надлежащей величины, и все снаряженіе вмѣстѣ съ электрономъ уносится на лучахъ солнца.

Образованіе, какъ электроновъ, такъ и необходимыхъ для ихъ передвиженія по солнечной нити комочковъ газа происходитъ по всей поверхности солнца и со всей его поверхности во всѣхъ направленіяхъ, во всѣ концы и углы вселенной разноситъ эти *матеріальныя частицы* давленіе солнечныхъ лучей. *Солнце излучаетъ матерію въ міровое пространство.* Это звучитъ странно, но это такъ. Кромѣ энергіи солнце излучаетъ матерію.

Куда попадаетъ она, какъ долго блуждаютъ частицы въ междупланетномъ пространствѣ, никто не можетъ сказать. Для разныхъ— разная судьба. Иные попадаютъ на землю. Здѣсь «заряженные» электрономъ комочки «разряжаются». Попросту говоря, электронъ соединяется со встрѣчнымъ положительнымъ іономъ. А разряженная, высадившая свой электронъ, частица падаетъ на землю въ видѣ космической пыли. При этомъ разрядѣ происходитъ, какъ и при всякомъ разрядѣ въ газахъ, свѣтъ. Солнце посылаетъ намъ полчища этихъ электроновъ, посаженныхъ въ комочки-корабли, и ихъ разряды въ земной атмосферѣ и даютъ намъ полярныя сіянія.

Чѣмъ сильнѣй дѣятельность солнца, тѣмъ больше оно испускаетъ ультрафіолетовыхъ лучей вмѣстѣ съ другими лучами, тѣмъ больше оно производитъ электроновъ и посылаетъ ихъ къ намъ. Чѣмъ больше электроновъ является съ солнца на землю, тѣмъ интенсивнѣе и чаще сіянія у полярныхъ круговъ. А мы знаемъ, что движенія электроновъ вызываютъ магнитныя явленія,—въ частности, они вліяютъ на колебанія магнитной стрѣлки. Дѣятельность солнца интенсивнѣй въ періодъ увеличенія солнечныхъ пятенъ и слабѣй, когда число ихъ меньше. Въ томъ разгадка таинственной, давно замѣченной, но непонятной зависимости между періодичностью солнечныхъ пятенъ, сѣверныхъ сіяній и магнитныхъ бурь на землѣ. Электронъ стоитъ въ центрѣ этихъ явленій и освѣщаетъ ихъ ярко лучами своего волшебнаго фонаря.

Но покинемъ землю и обратимся къ другимъ частицамъ, несущимся со своимъ пассажиромъ-электрономъ подъ давленіемъ лучей въ пространствахъ неба. Они будутъ нестись, пока лучъ не повстрѣчаетъ на своемъ пути еще какую-нибудь планету или солнце, или звѣзду. Это можетъ случиться не скоро, могутъ пройти тыся-

челѣтія, пока та или другая частица попадетъ на какое-нибудь небесное тѣло. И все это время, изо дня въ день, солнце, пока не потухнетъ, посылаетъ во вселенную свою плоть и кровь, свою матерію—частицы съ сидящими въ нихъ электронами. Но оно не бѣднѣетъ. Во вселенной царитъ справедливость. Не одно солнце расточаетъ себя. Тысячи звѣздъ сверкаютъ на небѣ, милліоны ихъ таятся въ небесныхъ глубинахъ, невидимыхъ глазу, во всѣхъ концахъ, во всѣхъ углахъ міра, и шлютъ непрестанно они лучи свои, а съ ними и частицы матеріи,—космическую пыль, блуждающую въ небесахъ. Со всѣхъ концовъ получаетъ ихъ солнце. Во всѣхъ направленіяхъ обмѣниваются безпрестанно излучаемой матеріей сестры-звѣзды. Вѣчный обмѣнъ вещества между мірами вселенной происходитъ съ тѣхъ поръ, какъ она существуетъ. Въ организмѣ мірового цѣлаго свершается своего рода «круговоротъ вещества». Небесныя тѣла не уединены больше одинъ отъ другого. Между ними—матеріальная непрерывная связь, не взирая на безмѣрность пространствъ, раздѣляющихъ ихъ. И поддерживаютъ эту связь электроны. Эти варяги неба, эти моряки-скитальцы небесныхъ морей блуждаютъ на своихъ корабляхъ-частицахъ отъ берега къ берегу, побѣждая пространство.

Сможемъ ли мы подражать имъ хоть отчасти? Переберемся ли мы когда-нибудь хоть на ближайшую планету? Что возможно для одной единственной матеріальной частицы, то не невозможно для насъ. И электронъ показалъ намъ, матеріальнымъ тѣламъ, возможный путь отъ планеты къ планетѣ. Нужды нѣтъ, что пока это путешествіе можетъ сдѣлать лишь частица, недоступная глазу. Развѣ человѣкъ, увидѣвшій, какъ натертый кусокъ янтаря приподнимаетъ со стола клочечки бумажки, могъ допустить, что сила, приподнимающая ихъ, будетъ въ состояніи мчать поѣзда со скоростью ста километровъ въ часъ? А между тѣмъ это такъ. Электричество дало уже огромную власть человѣку. А электричество это все тѣ же электроны. И человѣчество осѣдлаетъ когда-нибудь электронъ для путешествія въ небо.

X.

Электронъ и іонъ въ радіоактивныхъ тѣлахъ.

Всего пятнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ превосходный французскій физикъ-экспериментаторъ Беккерель, производя изслѣдованія различныхъ минераловъ, открылъ новые, неизвѣстные до тѣхъ поръ лучи, получившіе названіе Беккерелевыхъ лучей. Открытіе это послужило тѣмъ ключомъ, при помощи котораго открылась дверь въ новую волшебную область познанія природы. За этой дверью таился радій, а съ нимъ и его чудеса. Кто не слыхалъ о немъ! Кто не знаетъ, что съ нимъ связаны явленія

сложныя и настолько загадочныя, что въ первый моментъ приведены были въ смущеніе умы ученыхъ. Но за то какая работа развернулась съ момента его появленія! И какіе богатые роскошные плоды она принесла! Компетентные писатели утверждаютъ, что въ исторіи науки не было столь короткаго и въ тоже время до такой степени плодотворнаго періода, какъ время, протекшее послѣ открытія лучей Беккереля. Цѣлая новая область науки возникла и развилась за эти годы,—область, обогатившая и оплодотворившая небывалымъ обиліемъ идей научную мысль, открывшая ей ширь новыхъ горизонтовъ.

Недавно въ русскомъ переводѣ появилась книга Соди «Радій и его разгадка»*). Радій, дѣйствительно, разгаданъ, и разгадка эта составляетъ содержаніе новой науки, науки о радіоактивныхъ превращеніяхъ тѣлъ. Въ электронѣ и іонѣ заключается разгадка радія.

Явленія радіоактивности, какъ сказано, сложны и многообразны. Радіоактивныя тѣла проявляются самыми разнообразными способами. И на фотографическую пластинку они дѣйствуютъ, да такъ, что даже матеріальныя оболочки, какъ, напримѣръ, довольно толстыя металлическія пластинки, имъ не помѣха; стекло и другія вещества они заставляютъ свѣтиться въ темнотѣ, фосфоресцировать; не заряженныя тѣла заряжаютъ электричествомъ, а у заряженныхъ отнимаютъ ихъ зарядъ; газы, какъ давно извѣстно худшіе изъ проводниковъ, подъ вліяніемъ радіоактивныхъ тѣлъ становятся такими же хорошими проводниками электричества, какъ и металлы; и различные лучи исходятъ изъ радіоктивныхъ тѣлъ, извѣстные подъ именемъ лучей α, лучей β и лучей γ; и огромныя количества тепловой энергіи они испускаютъ; температуру они имѣютъ свою особую, всегда на нѣсколько градусовъ выше окружающей ихъ температуры, и въ этомъ отношеніи они похожи нѣсколько на живые организмы, температура которыхъ тоже не зависитъ отъ окружающей среды; лучами своими они могутъ производить механическое дѣйствіе, вертѣть, напр., колесо мельнички, и газы изъ себя они безпрестанно выдѣляютъ. И все это перепутано вмѣстѣ до полной неразберихи: что, откуда, почему. И надъ этой запутанностью пришлось порядкомъ поломать голову и немало затратить остроумія изслѣдователямъ.

Но, повторяемъ, радій разгаданъ и вся эта сложность и многообразность свойствъ и проявленій лишь пестрая маскировка. Въ основѣ своей явленія просты, хотя далеко не обычны. Намъ нѣтъ нужды блуждать вслѣдъ за ищущимъ въ лабиринтѣ пути умомъ. Путь пройденъ и нить Аріадны въ нашихъ рукахъ. Съ нею мы можемъ идти прямо къ цѣли.

Нѣкоторыя вещества, среди нихъ главную роль играетъ радій,

*) Въ изданіи „Матезисъ".

обладаютъ слѣдующимъ свойствомъ. Они безпрестанно выбрасываютъ изъ себя съ колоссальной быстротой рои электроновъ, положительныхъ іоновъ и еще лучей, напоминающихъ собой X-лучи Рентгена. Это и составляетъ суть радіоактивности. Изъ этого простого факта и вытекаетъ вся видимая сложность явленій. Остановимся на главнѣйшихъ изъ нихъ.

Электроны и + іоны выбрасываются перпендикулярно къ поверхности радіоактивнаго тѣла и несутся по прямымъ линіямъ, параллельнымъ другъ другу, одинъ за другимъ. Благодаря страшной энергіи, являющейся вслѣдствіе быстроты движенія, они проникаютъ черезъ разной толщины препятствія, такъ же какъ лучъ свѣта сквозь толщу стекла. Все это вмѣстѣ придаетъ имъ видъ, подобный извѣстнымъ намъ лучамъ, и сначала ихъ и приняли за особый видъ лучей, свойственный радіоактивнымъ веществамъ. Эти лучи переименовали тогда по начальнымъ буквамъ греческаго алфавита.

Выяснилось, что пучекъ лучей состоитъ изъ трехъ, различнаго характера, лучей. Ихъ и обозначили: лучи α (альфа), лучи β (бета) и лучи γ (гамма). Позднѣе выяснилось, что лучи α состоятъ изъ + іоновъ, электроны составляютъ лучи β, а лучи γ напоминаютъ собой X-лучи Рентгена. Электронъ, какъ мы уже твердо запомнили, есть атомъ электричества. Намъ извѣстно, что онъ поэтому самъ производитъ электрическое дѣйствіе, а кромѣ того, когда находится въ движеніи, то пріобрѣтаетъ магнитныя свойства. Изъ всего этого вытекаетъ, что этотъ пучекъ, состоящій изъ несущихся электроновъ, долженъ поддаваться дѣйствію какъ магнитныхъ, такъ и, электрическихъ силъ. И дѣйствительно, если къ пучку лучей β приблизить магнитъ или электрически заряженную пластинку, то электроны отклоняются отъ своего первоначальнаго направленія и весь пучекъ лучей изгибается, въ ту или другую сторону, смотря по заряду пластинки. Положительно заряженная приближаетъ ихъ къ себѣ, а отрицательная отталкиваетъ. И на другой пучекъ, состоящій изъ положительныхъ іоновъ, должны дѣйствовать какъ магнитъ, такъ и заряженная пластинка, ибо + іонъ, какъ мы знаемъ, это ущербленный атомъ, атомъ, лишенный одного или нѣсколькихъ электроновъ и потому обладающій электрическими свойствами. Но понятно, что дѣйствіе должно быть прямо противоположно первому. Пластинка, заряженная положительно и притягивающая пучекъ β, должна отклонять лучи α. И это тоже наблюдается. Наконецъ, такъ какъ X-лучи не поддаются дѣйствію ни магнита, ни электричества, то мы должны ждать, что и сходный съ ними пучекъ γ не испытаетъ никакого измѣненія при приближеніи магнита или электрической пластинки. Всѣ три наши ожиданія оправдываются на опытѣ.

Такимъ образомъ первоначальный пучекъ лучей разлагается на три составныхъ пучка.

Припомнимъ теперь сравнительную величину электрона и іона. Самый легкій + іонъ, это— + іонъ водорода. Такой водородный іонъ почти въ 2000 разъ тяжелѣе электрона.

А масса каждаго изъ іоновъ, выбрасываемыхъ радіо-активными тѣлами, въ два раза больше водороднаго іона. Стало быть, рядомъ выбрасываются электронъ и + іонъ, который не менѣе какъ въ 4000 разъ тяжелѣй электрона. Понятно, что дѣйствіе электрической пластинки на частицы столь различной тяжести весьма различно не только по направленію. Вѣроятно, читателю случалось видѣть, какъ при помощи рѣшета и вѣтра очищаютъ пшеницу отъ шелухи и сора. Рѣшето встряхиваютъ и содержимое сыплется на землю. Тяжелыя зерна чуть отклоняются подъ напоромъ вѣтра и падаютъ здѣсь же подъ рѣшетомъ. Болѣе легкая шелуха, едва выйдя изъ рѣшета, подъ напоромъ вѣтра сильно отклоняется отъ отвѣсной линіи и относится въ сторону. Въ нашемъ опытѣ наблюдается точно такая же картина.

Электрическая сила пластинки—вѣтеръ. Легкая шелуха—электроны поддаются ея дѣйствію гораздо легче, чѣмъ тяжелые зерна—іоны. Пучекъ лучей α отклоняется поэтому гораздо меньше, чѣмъ пучекъ β.

Выбрасываются электроны и + іоны не въ одинаковомъ количествѣ и не съ одинаковой скоростью. Главную часть испускаемыхъ радіоактивными тѣлами лучей составляютъ лучи α, т. е. + іоны. Число этихъ іоновъ превышаетъ разъ въ 6 число выбрасываемыхъ электроновъ. Конечно, бываютъ и уклоненія отъ этой цифры въ различныхъ случаяхъ, но общій характеръ явленія не измѣняется: число іоновъ всегда превышаетъ въ нѣсколько разъ число электроновъ, и имъ-то, а не электронамъ, главнымъ образомъ, обязаны радіоактивныя вещества своими многообразными дѣйствіями. Весьма различна и скорость выбрасываемыхъ частицъ: электроны, испускаемые радіоактивнымъ тѣломъ, несутся много быстрѣе, чѣмъ испускаемые имъ іоны. Максимальная скорость, которой достигаютъ + іоны радіоактивныхъ тѣлъ, равняется 20.000 километровъ въ секунду. Скорость же электроновъ колеблется, начиная съ 100.000, и иногда приближается къ 300.000 километровъ въ секунду. Такимъ образомъ электроны иногда имѣютъ скорость, равную $^1/_3$ быстроты свѣтового луча, а иногда движутся почти также быстро, какъ и этотъ лучъ.

Разница въ скорости одно изъ существенныхъ отличій частицъ, составляющихъ лучи α и β. Но и само оно сводится на основное различіе,—различіе массы. Вполнѣ понятно, что какова бы ни была сила, выталкивающая + іоны и электроны изъ радіоактивнаго тѣла, сила эта сообщитъ меньшую скорость болѣе тяжелой частицѣ. При различіи тяжести въ нѣсколько тысячъ разъ и разница скоростей должна быть не малая, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ.

И такъ мы установили уже тройное различіе частицъ, выбра-

сываемыхъ радіоактивными тѣлами. Это—различіе въ знакѣ электрическаго заряда, различіе массы и различіе скорости. Этимъ тройнымъ различіемъ и объясняется вся разница въ дѣйствіи лучей α и лучей β. Взять хотя бы способность этихъ лучей проникать черезъ препятствія, напримѣръ, черезъ металлическую пластинку.

Лучи α, состоящіе изъ + іоновъ, проходятъ чрезъ аллюминіевую пластинку толщиною въ 0,045 миллиметра. Лучи β способны проходить черезъ пластинку изъ того же металла въ 50 разъ толще. Если бы мы могли имѣть достаточно сильный микроскопъ, то металлическая пластинка представилась бы намъ въ видѣ тучи атомовъ, двигающихся по всѣмъ направленіямъ, какъ люди въ шевелящейся на одномъ мѣстѣ толпѣ.

И вотъ въ эту густую толпу врѣзываются + іоны лучей α и электроны лучей β. Электронъ, по крайней мѣрѣ, въ 4000 разъ меньшій размѣромъ и двигающійся гораздо скорѣе, успѣетъ пройти въ этой толпѣ много дальше, чѣмъ + іонъ. Тамъ, гдѣ первый легко проскальзываетъ, второй неизбѣжно наталкивается на встрѣчные атомы, и эти столкновенія его задерживаютъ. Въ концѣ концовъ столкновенія эти остановятъ и того, и другого, но электронъ «юркнетъ» значительно дальше. Такъ различіе массы и скорости объясняетъ разницу въ способности проникать черезъ матеріальныя тѣла лучей α и лучей β—одно изъ коренныхъ отличій этихъ лучей.

Если подвергнуть въ пустомъ пространствѣ какой-нибудь предметъ дѣйствію всѣхъ лучей, исходящихъ изъ радіоактивнаго тѣла, то онъ зарядится электричествомъ. Это вполнѣ естественно, ибо частицы этихъ лучей электроны и + іоны не нейтральны, а электрически дѣятельны. И потому, влѣпляясь, какъ влѣпляется пуля въ земляной валъ, въ предметъ, поставленный на ихъ пути, они принесутъ съ собой и свое электрическое состояніе. Предметъ зарядится, но какъ? Положительно или отрицательно? Если предметъ прямо подверженъ дѣйствію лучей, онъ зарядится положительно. Если по дорогѣ поставить металлическую пластинку надлежащей толщины, предметъ зарядится отрицательно. На первый взглядъ странное явленіе. Какимъ образомъ пластинка можетъ измѣнить зарядъ, сообщемый лучами тѣлу и превратить его изъ положительнаго въ отрицательный? А дѣло просто. Въ первомъ случаѣ всѣ частицы, и + іоны и электроны, всѣ попадаютъ на тѣло. А первыхъ имѣется въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ вторыхъ. Да вдобавокъ эти плюсъ-іоны представляютъ собою дважды ущербленные атомы, т. е. зарядъ ихъ вдвое больше, чѣмъ зарядъ электрона. Количество положительнаго электричества, приносимаго + іонами предмету, такимъ образомъ, по меньшей мѣрѣ въ 10 разъ больше, чѣмъ отрицательнаго электричества, прибывающаго въ видѣ электроновъ. Въ результатѣ предметъ заряжается положительно.

Но вотъ мы подставили пластинку въ 0,050 mm. толщины.

Всѣ лучи α, т. е. всѣ + іоны задерживаются. Лучи β, состоящіе изъ электроновъ, проходятъ и одни они попадаютъ на предметъ. Онъ неизбѣжно долженъ зарядиться отрицательно. Опытъ и подтверждаетъ это.

Иное дѣйствіе производятъ лучи на заряженный электричествомъ предметъ, если онъ находится не въ пустотѣ, а въ воздухѣ или вообще окруженъ какимъ нибудь газомъ. Въ этомъ случаѣ лучи радіоактивныхъ тѣлъ не только не увеличиваютъ заряда тѣла, а, наоборотъ, очень быстро разряжаютъ его, если оно наэлектризовано. Это дѣйствіе настолько рѣзкое и характерное, что оно служитъ для опредѣленія, обладаетъ ли данный минералъ радіоактивностью или нѣтъ? Выражаясь языкомъ химиковъ, разрядъ заряженнаго предмета въ атмосферѣ газа—характерная реакція на радіоактивныя вещества. Реакція эта настолько характерная, что если у современнаго физика въ лабораторіи чувствительный, заряженный и хорошо державшій зарядъ электроскопъ начинаетъ терять свой зарядъ, то физикъ начинаетъ ломать голову, откуда взялось и гдѣ скрывается радіоактивное тѣло, ищетъ его и находитъ.

Разряженіе лучами радія (мы его возьмемъ, какъ типъ радіоактивныхъ веществъ) электрически заряженнаго предмета происходитъ не прямо. Радій предварительно создаетъ себѣ особый механизмъ изъ частицъ газа, окружающихъ и его самого, и разряжаемый имъ предметъ. Своими лучами онъ іонизируетъ эти газы. А это выраженіе намъ уже знакомо. Нѣсколько раньше мы уже говорили, что ультрафіолетовые лучи солнца іонизируютъ газы высшихъ слоевъ земной атмосферы. Тоже самое продѣлываютъ лучи радія съ окружающими газами. Но здѣсь іонизація происходитъ вслѣдствіе тѣхъ толчковъ, какіе испытываютъ частицы газа отъ + іоновъ и электроновъ, стремительно несущихся съ поразительной быстротой среди атомовъ и молекулъ газа.

Точно ядра изъ микроскопической, но ужасающей по силѣ пушки, выскакиваютъ частицы α и частицы β изъ радія и несутся, раздробляя все, что попадается на пути. Особенно разрушительно дѣйствуютъ частицы α, т. е. + іоны. Это — настоящія тяжеловѣсныя ядра крѣпостныхъ орудій. Дѣйствуютъ они разрушительнѣе электроновъ въ такой же мѣрѣ, въ какой ядро пушки разрушительнѣе ружейной пули.

Каждый такой + іонъ, каждая частица α разбиваетъ круглымъ счетомъ 100.000 встрѣчныхъ атомовъ газа. Электроны производятъ несравненно меньшее дѣйствіе. Простой расчетъ показываетъ, что оно въ 240 разъ слабѣе дѣйствія іоновъ. Отсюда и понятно наблюденіе, показывающее, что іонизирующее дѣйствіе лучей β почти незамѣтно по сравненію съ лучами α. Дѣйствіе же это заключается въ томъ, что атомы газовъ разбиваются при столкновеніи ихъ съ несущимися отъ радія + іонами и электронами. Но разбиваются они не на равныя частицы. Толчекъ вы-

биваетъ изъ каждаго по электрону или даже по нѣсколько ихъ. Электроны атомовъ отлетаютъ отъ нихъ при ударѣ точно осколки отъ каменной глыбы, въ которую ударило ядро. Происходитъ знакомый намъ уже процессъ «ущербленія» атомовъ, посредствомъ выбиванія изъ нихъ электроновъ. Атомъ распадается на электронъ и ущербленный атомъ, т. е. положительный іонъ. Атомъ газа *іонизируется*. Другими словами: лучи радія іонизируютъ окружающіе газы.

Вотъ эти-то іонизированные газы и начинаютъ разряжать заряженное электричествомъ тѣло. Положимъ, что оно заряжено отрицательно. Это значитъ, что въ немъ имѣются избыточные электроны, дѣйствующіе на все, что находится вокругъ. Мы знаемъ, какъ они дѣйствуютъ: они отталкиваютъ другіе электроны, и притягиваютъ + іоны. Вслѣдстіе этого электроны, образовавшіеся отъ расщепленія атомовъ при ударѣ объ нихъ частицъ α и частицъ β, отталкиваются, а положительные іоны, оставшіеся послѣ утраты атомами газа электроновъ, притягиваются заряженнымъ тѣломъ. И вотъ всѣ милліоны образующихся въ газахъ положительныхъ іоновъ устремляются къ заряженному предмету и тамъ соединяются съ избыточными электронами и превращаются тѣмъ самымъ снова въ нейтральные атомы. Число увлекаемыхъ такимъ образомъ избыточныхъ электроновъ быстро уменьшается и скоро исчерпывается. Тѣло теряетъ свой зарядъ. Если бы оно было заряжено положительно, т. е., еслибы вмѣсто избытка у него была недостача въ электронахъ, то результатъ былъ бы тотъ же. Только притягивались бы не положительные іоны газовъ, а электроны, образующіеся при „іонизаціи“: они бы покрыли недостачу и тѣло опять стало бы нейтральнымъ, разрядилось.

Таковъ механизмъ, при помощи котораго лучи радія разряжаютъ заряженныя тѣла. Оно происходитъ не непосредственно, а черезъ іонизацію газовъ этими лучами. Теперь понятно и то, на первый взглядъ противорѣчивое, явленіе, что въ пустотѣ эти лучи электризуютъ тѣло, а въ газахъ разряжаютъ наэлектризованное. Въ первомъ случаѣ, въ пустотѣ, нѣтъ газовъ, которые могли бы іонизироваться и разряжать заряжаемое тѣло. Лучи дѣйствуютъ прямо на тѣло, а такъ какъ они электрически заряжены, то и тѣло заряжается. Во второмъ случаѣ это не возможно. Іонизированные газы разряжаютъ заряженное тѣло и уничтожаютъ электризующее дѣйствіе лучей радіоактивнаго вещества.

Дѣйствуютъ лучи радія и на фотографическую пластинку и, благодаря своей способности проникать чрезъ матерію, они продѣлываютъ такіе фокусы, какъ фотографированіе монетъ, находящихся въ кошелькѣ. Въ дѣйствіи на фотографическую пластинку опять главную роль играютъ лучи α, хотя и остальные, т. е. лучи β и лучи γ оказываютъ вліяніе. Въ чемъ собственно заключается дѣйствіе ихъ на пластинку, пока не выяснено, но есть основаніе

думать, что атомы химическихъ веществъ, покрывающихъ пластинку, іонизируются проникающими въ ихъ среду іонами и электронами.

До сихъ поръ мы разсмотрѣли нѣкоторыя главнѣйшія дѣйствія лучей радіоактивныхъ веществъ, производимыя во внѣ. Обратимся къ тому вліянію, какое оказываетъ безпрерывное выбрасываніе частицъ α и частицъ β на самое радіоактивное тѣло. Выбрасываніе электроновъ, чѣмъ бы оно ни вызывалось, обозначаетъ уменьшеніе числа ихъ въ веществѣ, откуда они исторгаются. А мы видѣли, что недостача электроновъ равносильна положительному заряженію электричествомъ. Поэтому мы и должны ждать, что тѣло, выбрасывающее электроны, т. е. испускающее лучи β, пріобрѣтаетъ электроположительныя свойства. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Въ этомъ легко убѣдиться при помощи обыкновеннаго электроскопа.

Далѣе. Не всѣ + іоны покидаютъ безпрепятственно радіоактивное тѣло.

Безпрепятственно вылетаютъ лишь частицы α изъ самого поверхностнаго слоя. Частицы же изъ слоевъ, лежащихъ глубже, наталкиваются на атомы самого радіоактивнаго тѣла. И если въ такой разрѣженной средѣ, какъ газъ, частица α успѣваетъ стукнуться 100.000 разъ объ атомы газа прежде, чѣмъ ея движеніе перестаетъ быть замѣтнымъ, то какую же густую чащу атомовъ приходится проходить ей въ самомъ радіоактивномъ тѣлѣ! Оно вѣдь не газообразно, а твердо, атомы его лежатъ густо и плотно, по сравненію съ газомъ. Да и самые атомы гораздо солиднѣе. Вѣсъ ихъ въ 200 съ лишнимъ разъ тяжелѣе атома водорода и въ 15—16 разъ тяжелѣе атомовъ воздуха. Естественно, что частицы α изъ слоевъ радіоактивнаго тѣла, лежащихъ нѣсколько поглубже, не могутъ даже и выбраться изъ этой чащи. Вся или во всякомъ случаѣ большая часть ихъ первоначальной энергіи уходитъ на толчки и столкновенія. Они задерживаются по пути и останавливаются. Но энергія ихъ движенія не пропадаетъ. Отъ толчковъ развивается теплота. Энергія движенія частицъ α превращается въ теплоту, излучаемую радіемъ. Въ этомъ и объясненіе того таинственнаго самонагрѣванія радія, которое особенно поразило умы изслѣдователей. Явленіе это по началу представлялось дѣйствительно чѣмъ то «ни съ чѣмъ несообразнымъ». Что съ радіемъ ни сдѣлаютъ, онъ все обладаетъ своей особой температурой, превышающей на нѣсколько градусовъ окружающую. Нагрѣваютъ его, охлаждаютъ, подвергаютъ дѣйствію химическихъ реакцій, онъ все сохраняетъ температуру, на 3 градуса выше окружающей его среды. И сохраняетъ ее, не смотря на трату тепловой энергіи, излучаемой въ окружающее пространство. Это было до того удивительно, что подумывали, не впитываетъ ли онъ какъ нибудь въ себя окружающую, разсѣянную теплоту, недоступную

намъ. А тамъ, молъ, какъ-нибудь концентрируетъ ее и выпускаетъ уже замѣтнымъ для насъ образомъ. Однимъ словомъ, склонны были представлять себѣ радій своего рода резервуаромъ, накопителемъ исчезнувшей для насъ безвозвратно теплоты. Но это мнѣніе продержалось недолго. Всѣ опыты не подтверждали, а опровергали его. Тогда приняли просто какъ фактъ, какъ одному радію присущее свойство, выдѣлять опредѣленное количество теплоты. И только, когда установили природу α лучей, когда узнали, что они состоятъ изъ матеріальныхъ частицъ, именно + іоновъ газа гелія, опредѣлили ихъ скорость, ихъ энергію, перевели ее въ число калорій теплоты, тогда лишь поняли, въ чемъ дѣло. Оказалось, что теплота, испускаемая радіемъ и другими радіоактивными тѣлами, не существенное свойство, не первичное явленіе, а нѣчто производное. Теплота радія есть результатъ механическаго столкновенія выбрасываемыхъ во внутреннихъ слояхъ частицъ α съ атомами самого радія.

Мы въ общихъ чертахъ знаемъ теперь, такъ сказать, и внѣшнюю, и внутреннюю дѣятельность электроновъ и + іоновъ радіоактивныхъ веществъ, иначе говоря, ихъ лучей α и лучей β. Теперь приглядимся къ нимъ самимъ. Лучи β, напримѣръ? О нихъ говорить много не приходится. Лучи β—движущіеся электроны. Этимъ все сказано. Всѣ свойства электроновъ намъ уже извѣстны и ничего прибавлять не приходится. Иное дѣло лучи α. О нихъ мы знаемъ только, что это + іоны. Но это говоритъ слишкомъ мало. Этимъ говорится только, что они представляютъ собою матеріальныя частицы, у которыхъ недохватка въ электронахъ.

Но сколько ихъ не хватаетъ: одного или нѣсколькихъ? Иными словами, какова валентность этого іона? Да и кромѣ того, состоитъ этотъ іонъ изъ одного атома съ недостающимъ электрономъ или съ нимъ связаны и нейтральные атомы? т. е. простой это + іонъ или сложный? И если простой, то какого именно тѣла? вѣдь ихъ 70 съ лишнимъ въ химіи. Какъ всякій видитъ, имѣется много вопросовъ, на которые мы пока не имѣемъ отвѣта, и наше знакомство съ лучами α далеко не полно. Обратимся же къ этимъ вопросамъ.

Что же такое частица α? Отвѣтъ мы имѣемъ: частица α—простой двухвалентный положительный іонъ газообразнаго химическаго элемента гелія. Это полная характеристика, изъ которой вытекаетъ отвѣтъ на всѣ поставленные выше вопросы.

А теперь отъ продуктовъ, производимыхъ радіоактивными веществами, обратимся къ самимъ радіоактивнымъ веществамъ и поинтересуемся, во что обходится имъ это массовое производство оновъ гелія и электроновъ. Прежде всего, откуда берутся они, гдѣ имъ начало, ихъ источникъ?

Всѣ розыски, всѣ опыты приводятъ къ одному отвѣту: и электроны лучей β и + іоны лучей α берутъ свое начало въ атомахъ

радіоактивныхъ тѣлъ. Атомы этихъ тѣлъ подвергаются вслѣдствіе еще недостаточно ясныхъ причинъ распаду. Распадъ этотъ происходитъ не въ видѣ медленнаго разрушенія, а мгновенно. Процессъ протекаетъ такимъ образомъ, точно атомъ радіоактивнаго тѣла взрывается изнутри, и изъ него съ силой и быстротой выбрасываются частицы α и частицы β. Взрывы эти происходятъ не одновременно во всей массѣ атомовъ, составляющихъ радіоактивное тѣло. Атомы взрываются съ соблюденіемъ какъ бы очереди. Число взрывающихся атомовъ въ какой-нибудь промежутокъ времени тоже не одинаково. Но число это подчиняется опредѣленному закону. Законъ въ общей формѣ такой. Если, скажемъ, изъ всѣхъ атомовъ втеченіе часа взорвалось половина, то втеченіе слѣдующаго часа взорвется ихъ меньше, а именно половина оставшейся половины, т. е. $^1/_4$ бывшаго въ началѣ числа. Въ третій часъ взорвется половина того, что осталось послѣ второго часа, значитъ, $^1/_8$ первоначальнаго числа атомовъ и такъ дальше.

Втеченіе опредѣленнаго времени будетъ взрываться лишь опредѣленная часть имѣющихся на лицо атомовъ, и радіоактивныя вещества отличаются другъ отъ друга своимъ *періодомъ*, т. е. временемъ, втеченіе котораго взрывается половина даннаго количества атомовъ. Періоды эти крайне различны. Но каждое радіоактивное тѣло имѣетъ свой особый періодъ, отличный отъ періодовъ другихъ тѣлъ. Въ частности для радія можемъ запомнить, что его періодъ опредѣляется въ 1300 лѣтъ.

Здѣсь не мѣсто приводить всѣ вычисленія, доказывающія, что величина періода является выраженіемъ *средней длительности существованія атома* даннаго радіоактивнаго тѣла. Мы сказали *средней* длительности, потому что, очевидно, длительность эта не для всѣхъ атомовъ одного и того-же радіоактивнаго вещества одинакова. Вѣдь, если мы имѣемъ, скажемъ, 1000 атомовъ съ періодомъ въ часъ, то втеченіе часа взорвется половина ихъ. Значитъ, пятьсотъ атомовъ просуществовало всего часъ, а другіе пятьсотъ прожили дольше. Изъ этихъ оставшихся пятисотъ черезъ часъ взорвется опять половина и останется 250 продержавшихся 2 часа. Еще черезъ часъ погибнетъ 125 и отъ первоначальныхъ 1000 атомовъ къ концу третьяго часа «выживетъ» всего 125.

Итакъ все дальше и дальше. Чѣмъ больше проходитъ времени, тѣмъ меньше остается уцѣлѣвшихъ атомовъ, но за то эти уцѣлѣвшіе насчитываютъ все болѣе и болѣе долгій вѣкъ за собою. Да и первые пятьсотъ взорвались не всѣ сразу, въ началѣ или въ концѣ часа, а постепенно. Были такіе, которые взорвались въ первое же мгновеніе, другіе—спустя пол-секунды, третьи—чрезъ полчаса, иные погибли въ послѣднее мгновенье истекающаго часа. У всѣхъ вѣкъ былъ разный. Такъ что весь процессъ протекалъ такъ-же, какъ протекаетъ взрывъ частицъ пороха, расположенныхъ по нити. Они взрываются не всѣ сразу, взрывъ бѣжитъ по нити. Такой нитью у

насъ и является само время. Атомы какъ бы расположены по нити времени и взрываются по мѣрѣ передвиженія этой нити. Поэтому и принимаютъ, что вѣкъ атомовъ одного и того же радіоактивнаго тѣла варьируетъ отъ нуля до безконечности. Это первое установленное въ наукѣ различіе между атомами одного и того же химическаго элемента. До сихъ поръ они считались во всѣхъ отношеніяхъ тожественными между собою.

Итакъ, атомы радіоактивныхъ тѣлъ взрываются, выбрасывая + іоны и электроны. Что же происходитъ съ атомомъ послѣ потери извергнутой имъ частицы? Измѣняется онъ какъ-нибудь? Естественно, мы ждемъ, что послѣ такой катастрофы въ немъ должны произойти очень существенныя измѣненія. Начать съ того, что измѣняется вѣсъ его. Напримѣръ, вѣсъ атома радія 226,4 (за единицу, какъ всегда въ химіи, принимается вѣсъ водороднаго атома). Ущербленный атомъ гелія, выскочившій изъ атома радія въ потокѣ α, вѣситъ 4. Значитъ, оставшійся послѣ взрыва атомъ радія вѣситъ ужъ всего 222,4. Разница не велика какъ-будто. Но это только кажется. Въ химіи вѣсъ атома, это—все. Всѣ химическіе элементы только и отличаются вѣсомъ своихъ атомовъ. Это пока все, что мы знаемъ объ ихъ различіи. И въ зависимости отъ различія вѣса атома измѣняются и химическія, и физическія свойства тѣлъ. Взять, напримѣръ, газы азотъ и кислородъ. Вѣсъ атома перваго 14,—второго 16, а какая колоссальная разница въ свойствахъ, начиная съ того, что кислородъ поддерживаетъ дыханіе, а азотъ потому и называется азотъ, что онъ не способенъ поддерживать жизни. Или сравните фосфоръ и аллюминій. И сравнивать даже странно. А разница въ атомномъ вѣсѣ все тѣ же четыре единицы: фосфоръ 31, а аллюминій 27. Такъ что кажущееся непосвященному пустяковымъ измѣненіе вѣса атома на четыре единицы вызываетъ у химика самыя серьезныя ожиданія. И ожиданія эти оправдываются въ полной мѣрѣ. Потерявшій частицу α атомъ радія мѣняется самымъ рѣшительнымъ образомъ. Изъ этихъ остатковъ атомовъ радія получается совершенно новое тѣло, новый химическій элементъ, отличный по своимъ и химическимъ, и физическимъ свойствамъ отъ радія, изъ котораго онъ произошелъ.

Такимъ образомъ атомъ радія исчезаетъ при взрывѣ. Вмѣсто него получается атомъ гелія, въ видѣ + іона, уносящійся прочь, и атомъ совершенно новаго химическаго элемента, такъ называемой *эманаціи*.

Но на этомъ дѣло не останавливается. Причины, вызвавшія взрывъ въ атомѣ радія, продолжаютъ дѣйствовать и въ получившемся изъ него атомѣ эманаціи.

Такъ что атомы эманаціи тоже начинаютъ взрываться и притомъ гораздо скорѣй, чѣмъ атомы самого радія. Они при этомъ превращаются въ атомы новаго химическаго тѣла, отличнаго отъ эманаціи. Этотъ процессъ и называется *радіоактивнымъ превра-*

щеніемъ, и процессъ этотъ сопровождается всѣми тѣми явленіями, которымъ присвоено имя радіоактивности и о которыхъ шла рѣчь у насъ выше. Всѣ радіоактивныя вещества претерпѣваютъ эти измѣненія. Одни проходятъ большее число стадій, другіе меньшее, но проходятъ всѣ. Въ этомъ смыслѣ самую богатую коллекцію радіоактивныхъ превращеній даетъ намъ радій и мы съ ней познакомимся поближе.

Предъ нами атомъ радія со средней продолжительностью существованія въ 1300 лѣтъ. Радій—тѣло твердое, съ ясно выраженными химическими свойствами, среди которыхъ особенно выдѣляется его способность вступать въ соединеніе съ хлоромъ и бромомъ. Онъ имѣетъ свой характерный спектръ, напоминающій спектръ металла барія, на который радій вообще похожъ по своимъ свойствамъ. При взрывѣ атома радія выдѣляется частица α (+ іонъ Гелія), а самъ онъ превращается въ атомъ эманаціи. Эманація—газъ, который характеризуется полной химической инертностью, т. е. своей неспособностью вступать въ какія бы то ни было химическія соединенія. Спектръ ея ничѣмъ не напоминаетъ спектра радія, наоборотъ, онъ очень похожъ на спектръ другихъ инертныхъ газовъ, къ которымъ относится также и гелій. Эманація радія конденсируется при 150 градусовъ и обладаетъ способностью вызывать свѣченіе стекла, а также разлагать воду на ея составныя части. Вы видите, что изъ радія получилось тѣло, ничѣмъ непохожее на него. И это благодаря потерѣ всего одной частицы α. Атомъ эманаціи быстро распадается, имѣя среднюю длительность четыре дня. При этомъ онъ тоже выдѣляетъ + іонъ гелія. Изъ оставшейся частицы получается новое тѣло—радій А, уже опять твердое, а не газообразное вещество. Его свойства не могли быть достаточно изучены вслѣдствіе краткости существованія его атомовъ.

Вѣкъ ихъ не долгъ, всего три минуты. Атомъ радія А выбрасываетъ частицу α и превращается въ новое твердое тѣло,—радій В. Средняя длительность атома этого тѣла 26 мин. И такъ дальше. Обращаемъ вниманіе, что атомъ каждаго изъ послѣдующихъ превращеній выдѣляетъ какую-нибудь *одну* частицу α и β. Исключеніе представляетъ лишь радій С, взрывающійся съ выбрасываніемъ одновременно частицъ α и β. Иную особенность представляетъ радій D, который претерпѣваетъ внутреннее превращеніе безъ испусканія частицъ.

Обычно всѣ эти превращенія происходятъ одновременно въ изслѣдуемомъ образчикѣ радіоактивнаго минерала, и явленіе имѣетъ видъ, какъ-будто всѣ частицы, одновременно выдѣляющіяся, имѣютъ одинъ и тотъ же источникъ. Нужно было затратить массу труда и остроумія, чтобы, пользуясь средствами физики и химіи, отдѣлить различные продукты радія и изучить превращенія каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Эта работа сдѣлана, картина извѣстна во

всѣхъ стадіяхъ и мы имѣемъ возможность построить схему послѣдовательныхъ превращеній.

Естественно, возникаетъ вопросъ, чѣмъ заканчиваются всѣ эти превращенія атома радія? во что превращается радій F, послѣдній потомокъ въ семьѣ «радіевъ», когда его атомъ взрывается и выбрасываетъ частицу α. Достовѣрнаго отвѣта еще нѣтъ, но есть много данныхъ думать, что радій F превращается въ свинецъ. А самъ радій? Онъ является исходной точкой стольких превращеній, что невольно напрашивается вопросъ, не былъ ли онъ и самъ результатомъ какихъ-нибудь превращеній. И на это отвѣтъ утвердительный. Все заставляетъ думать, что химическій элементъ радій черезъ неотысканную еще цѣпь превращеній произошелъ отъ химическаго элемента урана.

Мы должны прибавить, что, какія бы перспективы ни сулили намъ дальнѣйшіе успѣхи науки и техники, пока радіоактивныя превращенія абсолютно не зависятъ отъ воли человѣка. Никакими средствами мы не можемъ ни ускорить ихъ, ни замедлить, ни тѣмъ болѣе пріостановить имѣющіяся или вызвать тамъ, гдѣ ихъ еще нѣтъ.

Подчинить явленія радіоактивности волѣ человѣка—практическая задача, поставленная 20-тымъ вѣкомъ. Разрѣшеніе ея дастъ человѣчеству въ руки такіе колоссальные запасы энергіи скрытой, сконцентрированной въ матеріальныхъ атомахъ, что предъ ними покажутся незначительными всѣ силы природы, какими овладѣлъ до сихъ поръ человѣкъ *).

Все сказанное охватываетъ собою самое существенное въ явленіяхъ радіоактивности. Основной процессъ ея заключается въ томъ, что атомы радіоактивныхъ тѣлъ въ отличіе отъ атомовъ другихъ химическихъ элементовъ проходятъ какой-то, пока намъ неясный, циклъ развитія и въ опредѣленный моментъ его взрываются. Сами они при этомъ превращаются въ атомы иного химическаго тѣла и извергаютъ при взрывѣ атомы гелія въ формѣ іона и атомы отрицательнаго электричества въ видѣ электроновъ. Это суть и основа дѣла. Все многообразіе явленій радіоактивности есть лишь результатъ этого основного процесса.

Какъ мы видимъ, и здѣсь, и въ этой области, принадлежащей съ одинаковымъ правомъ и физикѣ и химіи, рѣшающее значеніе принадлежитъ электронамъ и іонамъ. Они внесли свѣтъ въ эту темную область и дали ключъ къ ея пониманію.

Но это далеко не все. Если мы пересмотримъ съ новыхъ точекъ зрѣнія собранный въ послѣднемъ отрывкѣ матеріалъ, то увидимъ, что, какъ ни важно и интересно само по себѣ уразумѣ-

---

*) Любопытные исчисленія этой „внутриатомной энергіи“ читатель найдетъ въ книгѣ: Gustave Lebon „Evolution de la matière“.

ніе явленій радіоактивности, общее значеніе этихъ явленій въ наукѣ гораздо шире и глубже. Къ этому мы и перейдемъ теперь.

XI.

Общее значеніе электрона въ научной мысли.

Мы видѣли, что атомы нѣкоторыхъ химическихъ тѣлъ распадаются и выдѣляютъ изъ себя электроны и іоны. Для химіи—фактъ колоссальной, поразительной важности. Все мышленіе химика въ теченіе послѣднихъ ста съ лишнимъ лѣтъ, со времени Дальтона, покоилось на твердомъ убѣжденіи, что атомы это—конечный предѣлъ дѣленія матеріи. Они просты, недѣлимы, однородны для однихъ и тѣхъ же тѣлъ, отличаются лишь массой въ различныхъ тѣлахъ. Это—химическіе атомы. На этой атомистической теоріи выросло и покоится все огромное зданіе современной химіи. Убѣжденіе въ томъ, что атомы послѣдніе *недѣлимые* элементы всѣхъ тѣлъ вошло въ плоть и въ кровь химика XIX вѣка. И вдругъ оказывается, что эти атомы вовсе не просты, что они—сложны, состоятъ изъ многихъ частей, что въ составъ атомовъ одного тѣла входятъ не только другіе матеріальные атомы, но еще и атомы электричества, электроны. Не химику трудно оцѣнить все оглушающее значеніе этого открытія. Но для химиковъ это было цѣлое землятрясеніе. Пишущій эти строки помнитъ свое впечатлѣніе при первомъ знакомствѣ съ этимъ фактомъ. Ощущеніе было такое, точно подъ ногами заколебалась почва: «какъ? атомъ не простъ? атомъ сложенъ, атомъ разлагается? атомистической теоріи конецъ, значитъ? что же станется съ химіей?» И это были не только авторскія переживанія.

Вся научная мысль была потрясена при этомъ открытіи. Казалось, вѣковое зданіе науки рухнетъ безъ возврата, лишенное своего испытаннаго, прочнаго фундамента.

Казалось, что происходитъ цѣлая катастрофа, небывалая до сихъ поръ въ исторіи науки. И въ наукѣ поднялося необычайное смятеніе. Какъ отголосокъ этого смятенія, теперь значительно улегшагося, мы находимъ успокоительныя строки въ послѣднемъ трудѣ Рутерфорда: «О радіоактивныхъ веществахъ», гдѣ онъ замѣчаетъ, что хотя все это сразу показалось крайне разрушительнымъ, но на самомъ дѣлѣ не такъ ужъ страшно. Значеніе открытія велико, огромно, но совсѣмъ не такъ разрушительно, какъ показалось сначала.

Взять хотя бы ту часть химіи, которая, повидимому, наиболѣе должна была пострадать отъ открытія: атомистическую гипотезу Дальтона. Правда, она не осталась въ прежнемъ видѣ. Недѣлимый, простой атомъ исчезъ, и исчезъ безвозвратно. Но исчезъ *простой* атомъ. Значитъ ли это, что исчезъ химическій атомъ вообще?

Ничуть не бывало. Атомъ, какъ единица, какъ крайній элементъ всѣхъ химическихъ реакцій, остается по прежнему. Его сложность не уничтожаетъ его индивидуальности, его отдѣльности, которую онъ сохраняетъ во всѣхъ химическихъ и физическихъ взаимодѣйствіяхъ. Эта индивидуальность такъ же мало нарушается открытіемъ его сложности, какъ мало нарушена была индивидуальность живыхъ организмовъ открытіемъ, что они не просты, а состоятъ изъ милліоновъ элементарныхъ организмовъ—клѣтокъ. А индивидуальность атома—это все, что есть существеннаго въ атомистической гипотезѣ. Химическія вещества состоятъ изъ единицъ, изъ отдѣльныхъ частицъ—это остается незыблемымъ.

Добавочное предположеніе, къ которому мы очень привыкли, именно, что единицы просты, и оказалось ошибочнымъ.

Но для химіи не это существенно.

Для современной химіи дѣйствительно вопросъ жизни и смерти: точно ли существуютъ эти единицы или они лишь удачное вспомогательное средство для нашего воображенія. И вотъ, съ этой точки зрѣнія, явленія радіоактивности съ ихъ изверженіемъ атомовъ гелія не только не подорвали атомистическую гипотезу, а, наоборотъ, подкрѣпили ее. Больше того, какъ это ни странно, они впервые принесли прямое доказательство ея вѣрности.

До сихъ поръ существованіе атомовъ въ химіи оставалось гипотетическимъ. Правда, гипотеза установилась прочно, все колоссальное богатство фактовъ этой науки прекрасно укладывалось въ рамки ея. Она давала удовлетворительное объясненіе на всѣ вопросы въ наукѣ; во всякомъ случаѣ никакая другая гипотеза не могла дать, хотя бы приблизительно, столь же удовлетворительнаго отвѣта. Но самый атомъ? Что знали о немъ? Ничего! А его существованіе?

«Если предположить, что онъ существуетъ, то химія справляется со всѣми задачами»,—гласитъ отвѣтъ. Но гдѣ *доказательства*, что онъ существуетъ? Ихъ нѣтъ. И потому мечта химика—посмотрѣть атомъ. Хоть однимъ глазкомъ, хоть одну минутку, хоть съ какой-нибудь стороны. Какой онъ? круглый? многоугольный? похожъ атомъ одного тѣла на атомъ другого? Увидѣть, убѣдиться непосредственно въ его существованіи—мечта и стремленіе химика. И вотъ мечта исполняется. Ученый вооружается особымъ приборомъ — спинтарископомъ и видитъ, какъ ущербленные атомы гелія, извергаемые радіемъ, градомъ бьютъ въ подставленную пластинку, какъ они бомбардируютъ ее, точно ядра гранитную гору. Онъ видитъ отдѣльные удары, онъ пересчитываетъ число бьющихъ ядеръ, онъ воочію видитъ атомъ въ его простомъ механическомъ разрушительномъ дѣйствіи.

Когда онъ брался за спинтарископъ, атомъ существовалъ для него гипотетически, предположительно; когда онъ его покидаетъ — существованіе атома для него фактъ, имъ видѣнный, наблюдавшійся.

До сихъ поръ это единственный случай, единственная возможность непосредственно наблюдать атомъ. Придутъ, конечно, и другіе. А пока это распаденіе атома радія съ изверженіемъ атомовъ гелія и электроновъ, дѣйствительно, производитъ переворотъ, но совсѣмъ иной, чѣмъ показалось въ первую минуту.

Онъ впервые даетъ доказательство существованія атомовъ.

Суммируемъ:

Простой атомъ погибъ. Но вмѣстѣ съ нимъ исчезъ и *гипотетическій* атомъ. Предъ нами атомъ *сложный, но фактически существующій.*

Атомистическая теорія не подорвана. Она расширилась и упрочилась.

Расширилась, ибо о химическомъ атомѣ мы теперь знаемъ больше, чѣмъ раньше. И это расширеніе нашихъ свѣдѣній о самомъ атомѣ принесло опять-таки изученіе электрона. Объ этомъ кое-что мы уже успѣли сказать, когда говорили объ образованіи іоновъ изъ нейтральныхъ атомовъ.

Разовьемъ и дополнимъ сказанное тогда. Явленія радіоактивности показали прямо, что электронъ входитъ, какъ составная часть, въ атомы радіоактивныхъ тѣлъ. Явленія іонизаціи во всѣхъ ея видахъ и формахъ расширили вопросъ и открыли намъ, что это относится не только къ радіоактивнымъ тѣламъ, но что атомы всѣхъ тѣлъ заключаютъ въ себѣ электроны. А самые разнообразныя открытія послѣдняго времени въ физикѣ принесли такой огромный и убѣдительный матеріалъ, подтверждающій этотъ фактъ, что теперь въ наукѣ стоитъ вполнѣ прочно ученіе объ электронѣ, какъ о составномъ элементѣ матеріальнаго атома.

Каково же строеніе атома, какое мѣсто занимаютъ и какую роль играютъ въ немъ электроны?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ имѣется лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Полная и подробная теорія электроннаго строенія атома дѣло будущаго, хотя, вѣроятно, и не далекаго, судя по той энергіи, съ какой наука работаетъ въ этомъ направленіи. Но кое-что самое основное имѣется уже и теперь. Вкратцѣ отвѣтъ таковъ: въ атомѣ большее или меньшее число электроновъ вращается на разныхъ разстояніяхъ и въ различныхъ направленіяхъ вокругъ его центра, такъ же какъ планеты вокругъ солнца. Это одно ужъ даетъ намъ общую картину того, что совершается въ атомѣ. Но мы должны подчеркнуть, что планетная система, это—не только удобная картина для сравненія. Здѣсь таится нѣчто большее. Аналогія между солнечной системой и атомомъ идетъ гораздо дальше и глубже.

Возьмемъ, напримѣръ, характеръ электричества.

Электроны—отрицательны, ядро, вокругъ центра котораго они вращаются, положительно. Тоже въ солнечной системѣ. Мы уже упоминали, что земля, занимающая въ солнечной системѣ положе-

ніе электрона, заряжена отрицательно, солнце, наоборотъ, положительно. Еще интереснѣй сравненіе массъ. Если мы возьмемъ атомъ водорода то въ немъ отношеніе массы электрона къ основной массѣ будетъ около $\frac{1}{2000}$. Это же отношеніе мы находимъ у массы Юпитера по отношенію къ солнцу. Масса земли въ 325.000 меньше массы солнца. Таково же отношеніе массы электрона къ положительному ядру въ атомѣ какого-нибудь тяжелаго металла, напримѣръ, свинца. Такъ что наша солнечная система заключаетъ въ себѣ смѣшеніе разныхъ типовъ атомовъ. Положительный электрическій зарядъ солнца во много разъ превышаетъ отрицательный зарядъ земли. Но если остальные планеты, что крайне вѣроятно, заряжены отрицательно, то, очень возможно, заряды ихъ вмѣстѣ уравновѣшиваютъ зарядъ солнца и тогда наша солнечная система представляетъ настоящій нейтральный атомъ вселенной. Если къ нашей системѣ приблизится какая-нибудь мощная звѣзда и силой матеріальнаго притяжені я вырветъ одну изъ крайнихъ планетъ, напримѣръ, Нептуна, то изъ солнечной системы окажется удаленнымъ одинъ «электронъ». Положительное электричество солнца возьметъ перевѣсъ надъ отрицательнымъ остальныхъ планетъ. Наша солнечная система «зарядится положительно» и будетъ представлять «ущербленный атомъ», «іонъ». Система же, увлекшая нашъ Нептунъ, будетъ имѣть избытокъ отрицательнаго электричества, благодаря лишнему «электрону», и превратиться въ—«іонъ».

Если мы уменьшимъ величину солнца и планетъ до такой степени, чтобы онѣ равнялись соотвѣтственнымъ частямъ атома, и въ точное число разъ уменьшимъ и планетныя разстоянія, то придемъ къ поразительному результату: планеты размѣстятся въ этой солнечной системѣ малаго масштаба какъ разъ такъ же, какъ размѣстились электроны вокругъ центральнаго ядра атома. Но этого мало. Если бы при этихъ измѣненіяхъ скорость движенія планетъ оставалась бы прежней, то даже времена обращенія совпали бы. Нептунъ, напримѣръ, обращается вокругъ солнца въ 220 лѣтъ. При этомъ онъ въ секунду проходитъ опредѣленное количество верстъ. Если бы онъ самъ уменьшился до размѣровъ электрона и разстояніе его до центральнаго тѣла тоже соотвѣтственно уменьшилось, то путь вокругъ центральнаго тѣла былъ бы теперь соотвѣтственно меньше. Такъ какъ въ секунду онъ по прежнему проходитъ опредѣленное разстояніе, то же, что и раньше, то и понятно, что оборотъ онъ бы дѣлалъ не въ 220 лѣтъ, а завертѣлся бы волчкомъ, обѣгая милліоны разъ вокругъ солнца. И вотъ вычисленіе показываетъ, что Нептунъ вращался бы такъ же часто, какъ электронъ, вызывающій своимъ движеніемъ тепловые, инфракрасные лучи.

Нептунъ одна изъ внѣшнихъ крайнихъ планетъ. Меркурій крайняя внутренняя планета, т. е. самая близкая къ солнцу. То же вычисленіе говоритъ, что Меркурій вращался бы съ бы-

стротой электрона, посылающаго ультрафіолетовые лучи. Скорость вращенія другихъ планетъ уложилась бы между этими двумя крайностями, т. е. они посылали бы лучи *видимаго солнечнаго спектра.*

Кромѣ указанныхъ 2-хъ въ солнечной системѣ есть пять планетъ. Каждая посылала бы свои особыя свѣтовыя волны, которые въ спектрѣ были бы видны, какъ отдѣльныя свѣтящіяся линіи. Ихъ было бы пять въ разныхъ цвѣтахъ спектра. Этотъ спектръ походилъ бы по числу линій на спектръ гелія, который имѣетъ 6 линій. Такимъ образомъ наша солнечная система, уменьшенная до размѣровъ атома, давала бы спектръ, вполнѣ подобный спектру, какой на самомъ дѣлѣ даютъ матеріальные атомы.

Вспомнимъ, что наша система не одна, что такихъ солнцъ съ окружающими ихъ планетами милліоны и число входящихъ въ составъ ихъ планетъ, равно какъ и разстоянія, могутъ весьма отличаться отъ нашей системы.

Отсюда ужъ прямо напрашивается предположеніе, что вселенная, это—накопленіе атомовъ смѣси какихъ то міровыхъ газовъ. И это предположеніе не праздная фантазія.

Аналогія навязывается фактами, величинами и идетъ дальше. Берутъ разстоянія между звѣздами и сравниваютъ соотвѣтственно съ разстояніями атомовъ въ твердомъ, жидкомъ и газообразномъ видѣ и находятъ, что звѣздныя разстоянія, взятыя въ надлежаще уменьшенномъ масштабѣ, соотвѣтствуютъ именно газообразной матеріи. Берутъ млечный путь и находятъ, что если кусокъ мѣди разсматривать въ соотвѣтственно увеличивающій микроскопъ, то плотность расположенія атомовъ будетъ соотвѣтствовать густотѣ звѣздныхъ системъ въ млечномъ пути. Читатель видитъ, какія космическія переспективы и заманчивыя сближенія открылъ предъ нами электронъ. Дальнѣйшее развитіе этихъ сближеній и раскрытіе новыхъ еще перспективъ, переводящихъ насъ уже въ область чистой фантазіи, читатель найдетъ въ интересной книгѣ Furnier d'Albe: «О двухъ новыхъ мірахъ» *).

Мы же остановимся на порогѣ этихъ фантастическихъ построеній и возвратимся къ нашему электрону.

Итакъ электронъ, подорвавши догму о простотѣ атома, превратилъ его въ необычайной сложности единицу. Но онъ же далъ намъ представленіе о характерѣ этой сложности, объ архитектурѣ атома и обѣщаетъ вести насъ въ этомъ направленіи и дальше.

Была другая въ химіи догма, прочно державшаяся до появленія электрона и радіоактивности. Догма эта—ученіе о химическихъ элементахъ. Она говоритъ, что матерія состоитъ изъ «простыхъ» тѣлъ, которыя не могутъ превращаться одно въ другое.

Всѣ химическія превращенія собственно носятъ не по праву это имя. Химическія тѣла не превращаются, они остаются неизмѣн-

*) Изд. „Матезисъ" по-русски.

ными. А то, что нашимъ глазамъ представляется, какъ превращеніе, есть или сложеніе атомовъ различныхъ простыхъ тѣлъ, которыя, соединяясь, даютъ сложное, или разъединеніе этихъ атомовъ, когда сложное тѣло распадается на составляющія его простыя тѣла. Но атомы ихъ въ реакціяхъ, остаются все тѣ же, не превращаются въ атомы никакого другого тѣла.

Догма эта недешево досталась наукѣ. Многовѣковой періодъ алхимическихъ блужданій въ поискахъ за философскимъ камнемъ и за возможностью изъ свинца дѣлать золото весь прошелъ подъ знакомъ отрицанія этой догмы. Алхимиками руководило убѣжденіе, что химическія тѣла *могутъ* превращаться одно въ другое.

Эта мысль, какъ мы теперь знаемъ, была истиной. Но объ эту истину обожглась мысль человѣчества, долго и тщетно пытавшагося превратить ее изъ истины идеи въ истину факта. Но усилія были напрасны. Свинецъ не превращался въ золото и вообще никакое простое тѣло не превращалось въ другое. Человѣкъ оставилъ истину и принялъ догму, къ которой его привели безплодныя исканія: матерія состоитъ изъ простыхъ тѣлъ, изъ элементовъ *постоянныхъ, неизмѣнныхъ, не превратимыхъ другъ въ друга.* И, вооружившись этой догмой, опираясь на нее, человѣчество быстро и успѣшно создало за короткое по сравненію съ предшествующими блужданіями время мощную науку—химію.

И эта почтенная, заслуженная, плодотворная въ наукѣ догма пала. Ибо время ея прошло. И предъ наукой теперь встала прежняя алхимическая задача превращенія элементовъ. Но подступаетъ наука къ ней, по иному вооруженная, снабженная и колоссальнымъ богатствомъ опыта, и изощренностью эксперимента, и остро-отточенной теоретической мыслью.

Атомъ радія распадается. Онъ превращается въ атомъ *другого* химическаго элемента, гелія, и въ атомъ новаго химическаго элемента—*эманаціи.* За этимъ фактомъ пришли и другіе. Эманація не осталась въ долгу, и ея атомъ породилъ атомъ гелія и атомъ радія А. А тамъ открылся цѣлый рядъ такихъ превращеній... Тоже открылось и у урана, и у тора. Отыскался новый химическій элементъ, столь же одаренный способностью превращенія, какъ и торъ, именно актиній.

И вотъ предъ нами цѣлая группа, пока незначительная, «радіоактивныхъ элементовъ», снабженныхъ даромъ превращенія.

Объ этотъ установленный и неустранимый фактъ и разбилась старая и прочная догма, опирающаяся на опытъ столѣтій. Нужды нѣтъ, что тѣлъ этихъ немного. Это вѣдь только начало. Уже существуютъ указанія, заставляющія думать, что и обыкновенные, давно извѣстные элементы обладаютъ той же способностью превращенія, что и радіоактивныя тѣла, но въ несравненно меньшемъ размѣрѣ.

Но и здѣсь мы должны сдѣлать ту же оговорку, что и раньше,

относительно атомистической гипотезы. Положеніе о неизмѣнности элементовъ и ихъ непревратимости одного въ другой потеряло свое абсолютное, безусловное значеніе, какъ теоретическое воззрѣніе. Но въ практикѣ, въ химіи, въ ея повседневномъ опытѣ оно сохраняетъ всю свою силу. Въ химическихъ реакціяхъ тѣла неизмѣнны, непревратимы. Атомы элементовъ соединяются и разъединяются. Законы этихъ соединеній и разложеній, свойства получающихся отъ того тѣлъ будетъ попрежнему изучать химія. Правда, на иномъ полѣ, при помощи иныхъ способовъ и средствъ элементы будутъ, быть можетъ, разлагаться по волѣ человѣка, будутъ переходить одни въ другіе. Но то будетъ иное поле, иная наука, близкая, родственная, связанная тѣсно съ химіей, но иная.

Здѣсь мы подходимъ къ концу первой части нашего изложенія. По скольку позволяютъ размѣры журнальной статьи, мы обрисовали роль и значеніе электрона въ наукѣ. У насъ не было и тѣни претензіи дать сколько-нибудь исчерпывающее изложеніе этой стороны вопроса. Электрону посвящаются книги и томы, и они, что ни годъ, то солиднѣй и толще. Наша цѣль была лишь ознакомить съ отлившимися, сформировавшимися результатами появленія электрона въ наукѣ. Намъ остается теперь перешагнуть границы чисто научныя и перейти въ область болѣе широкихъ вопросовъ, въ ту область, которая за неимѣніемъ болѣе подходящаго имени носитъ названіе философіи. Мы подходимъ или, вѣрнѣе, мы подводимся электрономъ вплотную къ вопросамъ философскимъ. А такъ какъ это выраженіе: «философскій вопросъ» и крайне неопредѣленно, и весьма многозначно, то въ нашемъ вступленіи мы и позаботились точно отграничить, какой кругъ вопросовъ мы въ данномъ случаѣ имѣемъ въ виду, примѣняя этотъ терминъ.

Напомнивъ объ этой оговоркѣ, мы и переходимъ къ выясненію философскаго значенія электрона.

XII.

Электронъ и вопросы философіи.

Греки—родоначальники нашей европейской философіи. Родоначальники и учителя. Важно и интересно то, что первый предметъ ихъ философскихъ размышленій была природа. Лишь позднѣе, лишь пройдя черезъ стадію философской безнадежности и отчаявшись найти отвѣтъ на поставленные себѣ вопросы о природѣ и о «бытіи» вообще, они отвратили отъ природы лицо свое. И первымъ изъ первыхъ вопросовъ, занявшихъ умъ грековъ, былъ вопросъ о первоначальномъ веществѣ, о первичной матеріи.

«Изъ чего состоитъ все?» Таковъ былъ вопросъ, который задали себѣ философы іонійцы, первые изъ грековъ обратившіеся отъ созерцанія міра къ размышленію о немъ. Какое вещество

является основой всего,—воды, земли, воздуха, животныхъ, растеній, человѣка?

Задали себѣ этотъ вопросъ греческіе философы, да такъ и остался онъ безъ отвѣта. Но видѣніе первичной матеріи, пронесшееся на зарѣ философіи предъ человѣческой мыслью, не покидало потомъ человѣка и настойчиво возвращалось къ нему на протяженіи всей исторіи. Окрѣпшая въ XIX вѣкѣ научная мысль объявила войну философскимъ призракамъ и дѣятельно занялась изгнаніемъ ихъ изъ своихъ владѣній. Но и въ XIX вѣкѣ заманчивая мысль о матеріи всѣхъ матерій попыталась вторгнуться въ науку, опираясь на успѣхи самой же науки. Дальтонъ только что установилъ атомистическую теорію и ученые принялись сравнивать вѣса атомовъ различныхъ химическихъ тѣлъ. И вотъ оказалось, что вѣса атомовъ другихъ тѣлъ представляютъ собою цѣлыя кратныя числа атома водорода, вѣсъ котораго приняли за единицу. Атомъ азота вѣситъ столько, сколько 14 атомовъ водорода, атомъ кислорода въ 16 разъ тяжелѣе его, углерода въ 12 и такъ дальше.

Пока химики продолжали взвѣшивать, англійскій врачъ Прутъ въ 1815 году высказалъ предположеніе, что всѣ тѣла состоятъ изъ водорода. Атомы водорода, по его представленію, какъ бы спрессованные въ различныхъ количествахъ, даютъ атомы всѣхъ другихъ тѣлъ. Идея заманчивая и, казалось, опирающаяся на факты. Но въ ней была и опасность. Соблазнись химики простотой этой мысли и ея философской широтой,—и дальнѣйшія изслѣдованія атомныхъ вѣсовъ подгонялись бы къ этой идеѣ. Точному и добросовѣстному химическому анализу, только начавшему свою блистательную работу, пришелъ бы конецъ. Но эта попытка возвести водородъ въ начало всего сущаго встрѣтила отпоръ и потерпѣла крушеніе.

Кратность атомныхъ вѣсовъ при болѣе точныхъ анализахъ для многихъ тѣлъ замѣнилась числами съ дробью, а фактовъ, показывающихъ, что водородъ входитъ въ составъ другихъ химическихъ элементовъ, или хотя бы намекающихъ на это, нигдѣ не оказывалось.

Гипотеза Прута, которая по краткому, но суровому сужденію историка химіи Мейера, чуть не надѣлала бѣдъ, увяла.

Философскій вопросъ, изъ чего построены всѣ химическіе элементы, а, стало быть, и весь міръ, былъ отброшенъ научной мыслью, казалось, навсегда.

И вотъ экектронъ снова поднимаетъ его. И онъ дѣлаетъ это настолько основательно, что самые осторожные и трезвые умы науки не только не протестуютъ противъ постановки вопроса, но даже склоны принять и отвѣтъ, даваемый электрономъ.

На нашихъ, можно сказать, глазахъ электроны истекаютъ изъ атомовъ радіоактивныхъ тѣлъ и уносятся въ пространство. Въ другихъ случаяхъ они переходятъ изъ атома въ атомъ, то прочно

вплетаясь въ ткань его тѣла, то связываясь съ нимъ лишь внѣшне, легко. Факты и явленія притекаютъ толпой изъ другихъ областей засвидѣтельствовать его присутствіе въ атомахъ всѣхъ извѣстныхъ намъ элементовъ.

Химія строитъ модель атома со входящими въ него электронами. Но пока электроны только часть атома. Есть еще другая—положительное ядро. Напрашивается вопросъ, не состоитъ ли и оно изъ атомовъ электричества, изъ электроновъ. Предположеніе весьма вѣроятное. А тогда электроны и есть первоматерія. Въ самомъ легкомъ атомѣ, атомѣ водорода, ихъ около 2-хъ тысячъ. Въ наиболѣе тяжеломъ—до пятисотъ тысячъ. Какое разнообразіе въ количествѣ, расположеніи и движеніи ихъ! Этого разнообразія достаточно, чтобы получить не 70 разныхъ комбинацій, соотвѣтствующихъ атомамъ извѣстныхъ намъ элементовъ, а хоть 770. Все богатство міра сводится при этомъ къ единому первоначалу—электрону и его движенію. Электричество, масса электроновъ,—первоначальное вещество. Уплотняясь и различно располагая свои электроны, оно творитъ вещества нашей химіи. Отвѣтъ такой, правда, преждевремененъ, однако, онъ весьма вѣроятенъ. Но если отвѣтъ преждевремененъ, то самый вопросъ умѣстенъ и своевремененъ. Естествознаніе во главѣ съ химіей пришло противъ ожиданія и отчасти противъ желанія къ постановкѣ вопроса древнихъ іонійскихъ философовъ о первичномъ веществѣ. Но тѣ вопрошали: изъ чего міръ? Мы спрашиваемъ болѣе опредѣленно: не изъ электроновъ ли міръ? Таковъ первый вопросъ обширной области философіи, къ которому приводитъ насъ электронъ. Съ нимъ въ близкой связи стоитъ и другой.

На нашихъ глазахъ атомъ радія, выбрасывая іоны и электроны, проходитъ рядъ превращеній. Атомъ эманаціи—сынъ атома радія. Радій А—его внукъ и такъ далѣе, «до 7-го колѣна». Атомъ радія F—прямой потомокъ атома обычнаго радія, связанный съ нимъ цѣпью предковъ. Предъ нами, въ буквальномъ смыслѣ, фамилія радія, связанная узами кровнаго родства. А побочной линіей отъ него является гелій. Того и гляди, отыщется родословная свинца, устанавливающая окончательно его происхожденіе отъ радія, а метрическая выписка самого радія, правда, еще неполная, указываетъ на его происхожденіе отъ урана. Да время отъ времени изъ этой же линіи рождается рѣзвое дитя—электронъ. Уранъ, радій, гелій, эманація, свинецъ, электронъ. Какое различіе лицъ и характеровъ! А, оказывается, связаны происхожденіемъ. Самый языкъ странный: родство элементовъ, происхожденіе элементовъ. Точно элементы рождаются, происходятъ? Точно атомы ихъ не существовали вѣчно и неизмѣнно, всегда такіе, какъ теперь, какіе были и будутъ. Нѣтъ! Теперь уже больше такъ думать нельзя.

Новая, *философская* мысль пробивается въ умы людей *науки*, мысль о происхожденіи матеріи изъ общаго начала, о постепенномъ измѣненіи ея формъ, о родственной преемственности извѣст-

ныхъ намъ элементовъ, объ атомахъ «выживающихъ» и «невыживающихъ» въ цѣпи развитія элементовъ. И теперь французъ, но опять не спеціалистъ *) бросаетъ крылатое слово: «Evolution de la matière», «Эволюція матеріи»! Бросаетъ слово, идею и на этотъ разъ она не глохнетъ, какъ заглохла мысль Прута. «Развитіе матеріи»—подхватываетъ спеціалистъ-физикъ Содди; «Неорганическая эволюція»—отзывается другой знаменитый спеціалистъ **)—астрономъ Норманъ Локіеръ.

И въ то время, какъ мысль Дарвина объ эволюціи живого вещества вызываетъ новыя нападки и съ новой страстностью завязывается старый споръ, его мощная идея эволюціи подчиняетъ себѣ и вторую половину міра—матерію неживую.

Мысль эта не является предъ нами здѣсь въ видѣ простой, голой, отвлеченной идеи,—нѣтъ, она приняла ощутимыя, конкретныя формы, одѣлась плотью и кровью. Предъ нами носитель эволюціи матеріи—электронъ, съ него начинается эта эволюція. Матерія строится изъ электроновъ во все болѣе и болѣе сложныя формы атомовъ въ восходящей линіи и разрѣшается вновь въ электроны въ концѣ нисходящей линіи. Электронъ стоитъ на обоихъ концахъ нити развитія матеріи, развитія химическихъ элементовъ ***).

Каковы же ступени этого развитія, въ какомъ отношеніи къ нему находятся существующіе элементы, какіе изъ нихъ являются результатомъ усложняющагося развитія, а какіе, наоборотъ,—продукты распада болѣе сложныхъ формъ, въ какомъ направленіи будетъ измѣняться каждый изъ существующихъ элементовъ, въ направленіи усложненія или упрощенія, и какіе элементы, наконецъ, старше и какіе моложе, все это—частные вопросы, которые вытекаютъ изъ этой общей идеи. Вопросы эти можетъ рѣшить только *научное изслѣдованіе.*

Идея сама философская, а вопросы изъ нея вытекающіе становятся достояніемъ науки. Здѣсь мы видимъ одинъ изъ яркихъ примѣровъ, какъ философская мысль оплодотворяетъ научное изслѣдованіе, даетъ ему стимулъ и направленіе.

Но теперь передъ нами поднимается новый вопросъ. Матерія развивается, ея первоначаломъ являются электроны. Разнообразіе матеріи, различіе формъ ея и видовъ сводится къ единству, къ однородности. Пусть все это такъ. Пусть это не только поставленные вопросы, но полученные отвѣты, и даже не только вѣроятные отвѣты, но вполнѣ достовѣрные. Но сущность самой матеріи? Что такое матерія? Что такое вещество вообще? Поставьте этотъ вопросъ химику, онъ только отмахнется, да скажетъ, что въ каче-

*) Gustav Lebon: «Evolution de la matière».

**) Norman Lockyer: «Inorganic Evolution».

***) Развитію этой мысли посвящена книга Gustav Lebon'a: Evolution de la matière.

ствѣ химика онъ не знаетъ вещества вообще, а знаетъ различныя химическія вещества, напримѣръ, водородъ, кислородъ, свинецъ, золото, и ими занимается. Спросите физика, тотъ тоже отмахнется и, пожалуй, предложитъ вамъ обратиться къ метафизикамъ и философамъ, которые-де давно спеціалисты по части всякихъ субстанцій. Впрочемъ, такъ было до недавняго времени, теперь уже не отмахиваются. А до сихъ поръ, если отмахивались, то лишь отъ досаднаго сознанія своего безсилія.

И физика, и химія, и вообще естествознаніе оперируютъ на каждомъ шагу и съ «матеріей» и съ «энергіей», и все идетъ хорошо, пока не попытаются дать себѣ отвѣтъ на вопросъ, да что же такое матерія или энергія. Въ ту же минуту понятныя и послушныя вещи становятся непонятными и неуловимыми, какъ призраки. И всѣ попытки охватить ихъ въ понятіе, въ опредѣленіе давали не больше успѣха, чѣмъ попытка заковать въ цѣпи ночное видѣніе. И вотъ въ отчаяньи люди науки отмахиваются и отвѣчаютъ: не наше дѣло. Измѣрить, взвѣсить, прослѣдить измѣненія формъ матеріи— то мы можемъ а что такое мы измѣрили и взвѣсили, то мы не знаемъ, съ насъ и не спрашивайте. И опять явился электронъ и поставилъ вопросъ о томъ, что такое матерія, въ чемъ ея сущность. Вопросъ то принадлежитъ философіи издавна, но *теперь* рѣшаютъ его представители естествознанія.

Конкретно вопросъ этотъ возникаетъ такъ. Электронъ—составной элементъ матеріальнаго атома, вѣроятно, даже единственный его элементъ. Хорошо. Но вѣдь электронъ то вовсе не атомъ, только размѣрами поменьше. Электронъ—это электричество, нѣчто одаренное свойствами и способностями совершенно иными, чѣмъ привычная нашему глазу матерія. Колоссальная энергія, подвижность, способность вызывать волны лучей, все это принадлежитъ электрону и по *качеству* отличаетъ его отъ атома матеріи. Электричество— это, вѣдь, одинъ изъ видовъ энергіи, нѣчто вполнѣ отличное отъ матеріи. И пока наблюдали лишь, что энергія всегда сопровождаетъ матерію, на томъ и успокаивались. Матерія нѣкій x, но совершенно особая статья. Энергія тоже x, но совершенно иная статья. И хотя оба x для насъ не извѣстны, но ихъ никто не смѣшаетъ. Каждый изъ нихъ—нѣчто отличное и самостоятельное по самой природѣ своей.

И вотъ оказывается, что одинъ изъ видовъ энергіи, электричество, въ лицѣ электроновъ, какъ то входитъ въ составъ другого x—матеріи. Какимъ то даже образомъ матерія формируется, быть можетъ, изъ него вся. И это вхожденіе не гипотеза, не предположеніе, а фактъ, но фактъ противорѣчащій всѣмъ нашимъ представленіямъ о матеріи и энергіи. Волей-неволей нужно пытаться устранить это противорѣчіе, нужно привести къ единству эту двойственность въ составѣ матеріи, нужно браться за старый философскій вопросъ о внутренней природѣ вещества.

И здѣсь приходится отвѣчать на вопросъ: что же сводится на что? Матерія ли одна изъ формъ электричества или электричество особаго сорта матерія. Но дадимъ ли мы тотъ или другой отвѣтъ, если это не простая игра словъ, мы должны найти какой-нибудь общій признакъ, общее свойство, одинаковое у того и другого; да и свойство это должно быть кореннымъ, неотъемлемымъ, характеризующимъ самое существо сравниваемыхъ вещей. И мы пускаемся на розыски такого признака матеріи.

Предъ нами кусокъ свинца. Мы хорошо знаемъ, что это матерія. Онъ обладаетъ твердостью, ковкостью, электро-и-теплопроводностью, массой, вкусомъ, физическимъ строеніемъ (кристаллическимъ или аморфнымъ), химическими свойствами. Всѣ эти признаки мы можемъ измѣнить. Нагрѣемъ его—онъ измѣнитъ цвѣтъ, станетъ жидкимъ или газообразнымъ, измѣнится его теплопроводность. Мы произведемъ надъ нимъ химическія операціи—онъ войдетъ въ новыя соединенія и въ этомъ положеніи не будетъ больше обладать тѣми химическими возможностями, какими обладалъ раньше. Мы растворимъ это новое соединеніе свинца въ водѣ и, глядя на прозрачный растворъ, никто не скажетъ, что въ немъ находится взятый нами кусокъ свинца. Всѣ признаки исчезли. Всѣ кромѣ одного: массы. Она не измѣнилась. Взвѣсимъ растворъ и вѣсъ обнаружитъ присутствіе свинца. И этотъ признакъ, постоянство массы слѣдуетъ за кускомъ матеріи всюду, во всѣхъ ея странствованіяхъ и превращеніяхъ, это единственное, за что мы можемъ держаться. Измѣнись гдѣ-нибудь этотъ признакъ и кусокъ свинца ускользнулъ отъ насъ. Мы не имѣемъ средства убѣдиться въ его присутствіи, слѣдить за нимъ, вернуть его въ случаѣ нужды. Масса, ея неизмѣнность, ея постоянство единственный признакъ матеріи. Что же такое самая «масса», наука тщетно пыталась опредѣлить ее. Масса оставалась...

Масса оставалась таинственнымъ незнакомцемъ. Въ школьныхъ учебникахъ говорится, правда, что «масса» даннаго тѣла есть «количество вещества» даннаго тѣла. Но это тавтологія, ибо «количество вещества» тѣла и есть его масса. А между тѣмъ всѣ почти формулы физики заключаютъ въ себѣ букву m—символъ массы. Эта трудность точнѣе опредѣлить понятіе массы до того огорчила и раздражила людей науки, что возникли попытки построить всю физику, обходясь безъ этой буквы т. е. безъ понятія массы.

Итакъ, что такое масса, наука не знаетъ, она умѣетъ ее только измѣрять. Измѣряетъ же ее она по одному свойству этой массы. Свойство это—инерція. Инерція—это способъ обнаруженія массы для насъ. По гладкому полу съ одинаковой скоростью катятся два одинаковыхъ шара изъ пробки и свинца. Равны ихъ массы или различны? Никто не можетъ сказать. Но оба они обладаютъ инерціей, т. е. стремятся сохранить свое движеніе такимъ, какъ оно есть. Попробуемте ускорить или замедлить ихъ движеніе.

Оба будутъ сопротивляться этому измѣненію. Въ этомъ проявится инерція ихъ. Но если это сопротивленіе не одинаково, значитъ, не смотря на видимую равность величины и скорости, инерція ихъ не одинакова и изъ разницы инерціи мы заключаемъ и о разницѣ массы. Тѣло съ большей инерціей, заключаемъ мы, обладаетъ и большей массой. Другого средства сравнить массы, измѣрить ихъ мы не имѣемъ. Инерція—единственное свойство матеріи, неизмѣнное и постоянное, доступное намъ. Обладай свинцовый и пробочный шаръ одинаковой инерціей, мы никогда не могли бы узнать, что масса одного больше другого, что количество матеріи, составляющей ихъ, не одинаково.

Итакъ, о матеріи мы знаемъ лишь одно неизмѣнное ея свойство—массу, а масса проявляется для насъ въ инерціи. Инерція это—то, что остается изъ свойствъ матеріи непреходящимъ, неизмѣннымъ. Матерія—инертна. Этимъ опредѣленіемъ матерія противополагается всему, что мыслится, какъ не матерія: энергіи во всѣхъ ея видахъ, духу, сознанію, словомъ всему, что считается нематеріальнымъ. И вотъ здѣсь то открывается новое поразительное свойство электрона. Электронъ, этотъ атомъ электричества, тоже инертенъ. Это, конечно, противорѣчитъ всему образу, сложившемуся у насъ, всѣмъ нашимъ представленіямъ объ электричествѣ, какъ о чемъ-то, вѣчно измѣнчивомъ, подвижномъ, неуловимомъ и дѣятельномъ. И тѣмъ не менѣе это такъ. Печать матеріальности—инерція лежитъ на немъ явственнымъ и недвусмысленнымъ образомъ. Движущійся электронъ также противится всякому измѣненію скорости и направленія движенія, какъ и любой билліардный шаръ. При среднихъ скоростяхъ электроновъ упорство этого сопротивленія такъ же постоянно, какъ постоянно оно у всякаго матеріальнаго тѣла. Это и есть инерція. По ней судятъ о массѣ матеріальныхъ тѣлъ, по ней же опредѣлили и массу электрона.

Теперь остается вопросъ: это общее свойство, найденное нами и у матеріальнаго тѣла, и у атома электричества, свойство, составляющее единственное отличіе матеріи отъ «нематеріи», тожественно ли въ обоихъ случаяхъ? Или же, несмотря на все сходство, инерція матеріальныхъ тѣлъ и инерція электрона представляютъ нѣчто различное? Рѣшительнаго отвѣта еще дать нельзя,—быть можетъ, электрическая инерція и окажется нетожественной съ инерціей матеріи, но есть доводъ и въ пользу тожества обѣихъ инерцій. А именно, можно разсуждать такъ:

Инерція матеріи—свойство необъяснимое и непонятное. Инерція электрона находитъ свое объясненіе въ тѣхъ измѣненіяхъ, какія вызываетъ движущійся электронъ въ окружающемъ его міровомъ эфирѣ. Если атомъ состоитъ изъ тысячъ электроновъ, находящихся въ умопомрачительно быстромъ вращательномъ движеніи, то сумма ихъ электрической инерціи можетъ удовлетворительно объяснить всю инерцію матеріальнаго атома. Больше электроновъ—

больше сумма ихъ инерцій, больше «механическая» инерція атома. Атомъ нашъ проявляется, какъ болѣе «массивный», увѣсистый. Инерція механическая такимъ образомъ можетъ быть сведена на электрическую инерцію электрона.

Итакъ, философскій вопросъ о сущности матеріи въ современной постановкѣ звучитъ такъ: не есть ли матерія, ея масса, ея инерція электрической природы? Не есть ли механика лишь особый видъ явленій электричества, какъ свѣтъ, какъ теплота, какъ магнетизмъ. Вопросъ этотъ, вопросъ философскій, поставилъ настоятельно электронъ и указалъ направленіе, въ которомъ можно ждать и рѣшенія этой проблемы.

Есть еще одна проблема, столь же широкая, также давно занимающая мысль человѣчества. Это проблема возникновенія жизни на нашей планетѣ. Существуетъ два отвѣта на этотъ вопросъ. Одинъ гласитъ: въ своемъ развитіи изъ огненно-жидкаго состоянія до настоящаго времени земля прошла періодъ, когда атомы неорганическихъ элементовъ сложились въ такую комбинацію, которая дала начало живому органическому веществу. Иначе неоткуда взяться жизни на землѣ, какъ изъ мертвыхъ элементовъ. Ибо было время, когда жизнь вслѣдствіе жара была не возможна Если отвергнуть данное объясненіе, то появленіе жизни на землѣ придется приписать чуду.

Другой отвѣтъ такой: жизнь никогда не начиналась, она вѣчна, какъ и матерія. Сколько существуеть неорганическая, мертвая матерія, столько же и живая, органическая матерія. Ея зародыши переходятъ съ планеты на планету и гдѣ находятъ подходящія условія, тамъ размножаются и даютъ начало живымъ существамъ. Они населяютъ планету, развиваясь постепенно изъ низшихъ формъ въ высшія.

Первая теорія—теорія такъ называемаго *самопроизвольнаго зарожденія*; вторая—теорія *панспермiи*. До сихъ поръ положеніе второй было затруднительно. Легко сказать: «споры и зародыши переходятъ съ планеты на планету! Но какъ? Какъ ускользаютъ они отъ притяженія, удерживающаго ихъ, какъ и всѣ матеріальныя тѣла, у планеты. Если даже они и не погибнутъ въ междупланетныхъ пространствахъ отъ холода и дѣйствія свѣтовыхъ лучей, то какъ они выберутся туда?

Всѣ попытки сторонниковъ панспермiи устранить затрудненія этого вопроса оказались совершенно неудовлетворительными. Но появленіе электрона измѣнило дѣло. Схема такова: воздушные вихри и теченія подымаютъ мельчайшіе споры живыхъ существъ высоко въ верхъ до тѣхъ предѣловъ, гдѣ обильны электроны полярныхъ сіяній. Электронъ попадаетъ на спору и, отталкиваемый другими электронами, а также отрицательнымъ зарядомъ планеты выталкивается за ея атмосферу. А дальше нужно только, чтобы спора была достаточно мала, а таковыя имѣются. Тогда ихъ под-

хватываетъ лучевое давленіе солнца и гонитъ въ межзвѣдное пространство. Электронъ теперь можетъ и сорваться, роль его сыграна: онъ довелъ спору до того пункта, гдѣ ее не могло больше вернуть притяженіе планеты и гдѣ ею овладѣло лучевое давленіе солнца. Куда пригонитъ оно спору? Быть можетъ, на распаленную звѣзду, быть можетъ, на планету пустую, но только ждущую жизненнаго зародыша, чтобы оплодотвориться и дать мѣсто роскошному развитію органическихъ формъ. Какъ бы то ни было, электронъ впервые даетъ сторонникамъ панспермiи орудіе для перенесенія жизненныхъ зародышей съ одного небеснаго тѣла на другое.

Такимъ образомъ три философскихъ проблемы ставитъ предъ нами электронъ: проблему о сущности матеріи, о первичномъ веществѣ и объ эволюціи матеріи. Четвертая,—вопросъ о происхожденіи жизни,—прямой связи съ нимъ не имѣетъ, но косвенно онъ и въ ней играетъ рѣшающую роль.

Электронная теорія матеріи бросаетъ мостъ между матеріей и энергіей, найдя общность и однородность тамъ, гдѣ доселѣ видѣли лишь отличіе и противоположность. А какъ велика пропасть, засыпать которую началъ электронъ, мы можемъ судить хотя бы по всемірно извѣстной рѣчи Дю-Буа-Реймона о предѣлахъ познанія природы. Въ ней этотъ мыслитель и въ тоже время активный работникъ въ области естествознанія говоритъ о тѣхъ міровыхъ загадкахъ, разрѣшить которыя никогда не удастся уму человѣка, не смотря ни на какіе успѣхи науки. И во главѣ этихъ неразрѣшимыхъ загадокъ стоитъ: матерія и энергія; ихъ сущность и связь.

Разрѣшеніе этой загадочной противоположности въ духѣ монизма, повышеніе возможности свести ихъ къ чему то единому третьему и даетъ намъ электронъ. И въ этомъ, на нашъ взглядъ, заключается рѣшительное философское значеніе и вліяніе его на умы, не говоря уже о его роли въ постановкѣ и рѣшеніи отдѣльныхъ философскихъ проблемъ, указанныхъ выше.

Пусть такъ, скажетъ читатель, но гдѣ же то третье, къ которому могла бы быть сведена и матерія, представленная атомомъ, и энергія, представленная электрономъ? Электронъ самъ непосредственнаго отвѣта на это не даетъ. Но это третье есть. На него постоянно наталкивается наука въ своихъ изысканіяхъ, оно постоянно присутствуетъ за плечами изслѣдователя, безпрерывно настойчиво даетъ знать о своемъ существованіи, о своемъ присутствіи. Но въ то же время оно не поддается никакому опредѣленію, никакому описанію, которое укладывалось бы въ наши головы и не представлялось бы абсурднымъ. Это третье, эта единая и неизвѣстная субстанція—міровой эфиръ. Съ какого бы конца ни началъ углубляться ученый въ явленія, онъ въ концѣ концевъ неизбѣжно доберется до него, натолкнется, какъ на несомнѣнную подоплеку всѣхъ явленій. А попробуйте опредѣлить его свойства! Вотъ послушаемъ: эфиръ тѣло твердое, твердость его превышаетъ

твердость стали; онъ имѣетъ массу, но не имѣетъ плотности и вѣса; онъ въ абсолютномъ покоѣ, но эластиченъ, т. е. стремится вернуть на мѣсто всякое перемѣщеніе своихъ частей, частей же онъ не имѣетъ, ибо наполняетъ пространство сплошь и безъ промежутковъ. Каждое изъ этихъ свойствъ приписывается ему не произвольно, а вытекаетъ, какъ необходимое, изъ отдѣльныхъ изслѣдованій. А всѣ вмѣстѣ даютъ абсурдъ. Такого тѣла мы себѣ представить не можемъ. Это превышаетъ наши способности, это не укладывается въ человѣческую голову.

Вотъ этотъ то эфиръ и можетъ быть тѣмъ третьимъ, что не есть и не матерія, и не энергія, но что становится доступнымъ нашимъ чувствамъ и познанію, принявши формы матеріи и энергіи. И тогда отвѣтъ на вопросъ о сущности энергіи и матеріи будетъ такой: матерія и энергія, это—различныя формы существованія эфира, различные способы его проявленія, двѣ стороны одной и той же субстанціи. Они связаны общностью корня своего и, быть можетъ, представляютъ двѣ послѣдовательныя фазы въ циклѣ процессовъ совершающихся въ этой единой субстанціи *). Это чисто спинозовская мысль, только выраженная въ терминахъ современнаго естествознанія и примѣненная къ вопросу, поставленному въ рамкахъ естествознанія, къ вопросу о матеріи и энергіи.

Все сказанное дѣлаетъ, конечно, понятнымъ то оживленіе интереса къ философіи вообще, какое наблюдается за послѣднее десятилѣтіе въ кругахъ естествоиспытателей. Но особенно сильно даетъ себя знать одна струя философскаго интереса въ литературѣ, принадлежащей перу философствующихъ натуралистовъ. Особеннымъ ихъ предпочтеніемъ пользуется та область философіи, которой присвоено имя гносеологіи или теоріи познанія. Всѣ твердо установившіяся, казалось, незыблемыя понятія физики и химіи вдругъ зашатались, заколебались на глазахъ у всѣхъ. Самые основные законы, на которые опирается познаніе природы, вдругъ пріобрѣли какую то зыбучесть и неустойчивость. Вѣчная матерія утратила свое безсмертіе и сквозь поднявшійся въ наукѣ туманъ виднѣется ея начало и конецъ. Неразложимый атомъ превратился въ цѣлый сложный міръ, энергія смѣшалась съ матеріей, элементы превратились во что то измѣнчивое и текучее. Механика—эта твердыня естествознанія и идеалъ всѣхъ остальныхъ естественныхъ наукъ зашаталась въ самомъ фундаментѣ своемъ. Мы говорили выше, что электронъ обладаетъ массой и инерціей, какъ и матеріальныя тѣла. Но въ этомъ онъ обнаруживаетъ самые поразительныя особенности. Инерція и масса всѣхъ тѣлъ постоянна и неизмѣнна. У электрона тоже, но съ крайне существенной оговоркой. Его масса и инерція неизмѣнна при *среднихъ скоростяхъ*

*) Эта мысль положена въ основу книги «Gustav Lebon'a, Evolution de la matiére».

движенія. При большихъ скоростяхъ и масса и инерція *измѣняются* въ зависимости отъ увеличенія скорости. Когда скорость электрона возростаетъ до скорости свѣта, его масса и инерція становятся *безконечно большими*. Это значитъ, что измѣнить его движеніе при такой скорости не можетъ никакая сила и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ занимаетъ все пространство. Два электрона, обладающіе такой скоростью, оба занимаютъ *все* пространство, т. е. совпадаютъ. Это стоитъ въ противорѣчіи съ принципомъ непроницаемости, по которому два тѣла не могутъ одновременно занимать одно и тоже пространство.

На постоянствѣ массы и инерціи одного и того же тѣла покоится вся механика со временъ Ньютона и его трехъ законовъ. Законы эти считались универсальными, имѣющими силу всегда и вездѣ. Но для электроновъ они дѣйствительны лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ. А если матерія состоитъ изъ электроновъ, то эти всеобъемлющіе, универсальные законы имѣютъ и для матеріи весьма относительное, условное значеніе.

Всѣ эти поразительныя открытія и ошеломляющіе факты разомъ свалились на головы естествоиспытателей. Послѣдніе утратили прежнюю спокойную увѣренность въ открытыхъ и открываемыхъ законахъ. Сталъ вопросъ, какую же цѣнность и достовѣрность имѣетъ все научное познаніе, если такіе вѣковые устои рушатся,—устои, добытые съ такимъ трудомъ и напряженіемъ мысли? Создалось опредѣленное настроеніе, потребность дать себѣ отчетъ въ предѣлахъ нашего познанія, его источникахъ и прочности добываемыхъ наукою результатовъ. Естествоиспытатели стали усердно перетряхивать свой философскій багажъ и принялись за теорію познанія. Заголовки выходящихъ изъ подъ ихъ пера книгъ весьма характерны для этого настроенія. Пуанкаре разбираетъ вопросъ «о цѣнности науки», Махъ «о познаніи и заблужденіи», Дюгемъ «о цѣли и структурѣ физическихъ теорій», и обширная литература трактуетъ вопросъ о теоретико-познавательныхъ предпосылкахъ современнаго естествознанія. А въ этой области вопросъ ужъ ставится во всей широтѣ: доступенъ ли нашему познанію или не доступенъ міръ, онъ ли своими воздѣйствіями на наши чувства создаетъ въ насъ идеи и картины міра, или мы его творимъ по внутреннимъ законамъ нашего духа. И всѣ эти вопросы достигаютъ своего завершенія въ коренной, старой проблемѣ гносеологіи, въ проблемѣ дѣйствительности. Есть міръ внѣ насъ или считать его существующимъ значитъ впадать въ заблужденіе? Вопросъ старый, но ставится онъ заново и страстно и ставится представителями естествознанія. Кризисъ въ этихъ кругахъ глубокій. Онъ обязанъ своимъ появленіемъ всѣмъ тѣмъ выводамъ необычайной широты, къ которой привело открытіе электрона. И въ этомъ смыслѣ электронъ—великій стимулъ натурфилософскаго броженія нашихъ дней. Если представители естество-

знанія наперерывъ съ профессіональными философами съ непривычной горячностью спорятъ о дѣйствительности міра, его познаваемости, о «вещи въ себѣ» и другихъ столь же, повидимому, далеко отъ естествознанія стоящихъ вопросахъ, то мы должны помнить, что здѣсь пружину и завелъ и спустилъ электронъ. Въ етомъ еще сказывается его философское значеніе для нашего времени.

На этомъ мы можемъ кончить. Роль электрона въ наукѣ, его значеніе для философской мысли нами очерчены въ предѣлахъ и въ томъ смыслѣ, какъ мы понимали это въ нашемъ вступленіи. Лишній штрихъ можетъ быть добавленъ сообщеніемъ, что одна изъ величайшихъ пре6лемъ естествознанія и философіи, вопросъ о происхожденіи и характерѣ Ньютоновскаго всемірнаго тяготѣнія тоже обѣщаетъ быть удовлетворительно разрѣшенъ электрономъ. Въ этомъ направленіи сдѣланы довольно удачныя попытки. Правда, пока только попытки. Но вѣдь электронъ еще юнъ, электронная теорія по времени еще годовалый ребенокъ. Но по тому, что она успѣла дать, мы можемъ судить, чего можно ждать отъ нея въ будущемъ.

* * *

Намъ не хочется оставить нашъ очеркъ, не бросивши взглядъ на особенность судьбы этой безъимянной теоріи. Мы говоримъ «безъимянной» потому, что она не связана ни съ чьимъ именемъ. Она не принадлежитъ никому.

Электронная теорія результатъ коллективнато творчества. Это первая особенность этой теоріи. Вторая особенность—это мирный, незамѣтный, безболѣзненный процессъ овладѣнія ею умами людей науки. Въ этомъ отношеніи судьбы научныхъ теорій, какъ и людей, крайне различны.

Ньютонъ воздвигъ свою колоссальную пирамиду всемірнаго тяготѣнія и однимъ тяжкимъ взмахомъ водрузилъ ее на полѣ познанія. Никакихъ споровъ, полемики, возраженій!—ничего! Человѣчество глянуло на это гигантское сооруженіе и, благоговѣйно склонясь, высѣкло на надгробномъ камнѣ Ньютона: qui genus humanum in genio superavit,—«тому, кто геніемъ превзошелъ родъ человѣческій».

Вотъ два другихъ великихъ ученія, два мощныхъ творенія могучихъ умовъ: дарвинизмъ и марксизмъ. Какая отчаянная борьба сразу же закипѣла вкругъ нихъ! Какая ожесточенная распря идетъ изъ за нихъ вотъ уже полстолѣтіе и даже не обѣщаетъ скораго затишья! И эти ученія неуклонно завоевываютъ міръ. Но какое сопротивленіе встрѣчаетъ каждый ихъ шагъ впередъ!

А вотъ и электронная теорія. Ничего похожаго на прежнее. Есть и споры и обсужденіе, живой обмѣнъ мнѣній. Предъ ней не

склонились молча, какъ предъ твореніемъ Ньютона. Но не раздѣлила она міръ ученыхъ на два яростныхъ лагеря, какъ ученія Маркса и Дарвина. Со всѣхъ концовъ, со всѣхъ «щелей» научнаго изслѣдованія вылѣзли тысячи живыхъ, энергичныхъ, подвижныхъ электроновъ, дѣятельно распорядились и заняли поле. И знамя электрона развернулось въ наукѣ, привлекая общее вниманіе и интересъ, но не возбуждая страстей, любви и ненависти.

Для научной теоріи—поистинѣ завидная судьба.

М. Адамовичъ.

ПРОКЛЯТІЕ ІЕГОВЫ.

(Повѣсть).

I.

Мать.

Федоръ Федоровичъ торопился и обжигалъ себѣ языкъ и губы. Ему очень хотѣлось поскорѣе выпить свой утренній чай и уйти въ академію, не повидавшись съ женой. Онъ отлично зналъ, что въ распоряженіи у него было совершенно достаточно времени, но, не смотря на это, съ озабоченнымъ видомъ поглядывалъ на часы, какъ человѣкъ, который очень боится опоздать. Феня, разбудивъ его утромъ, сказала со слезами на глазахъ то, что говорила каждое утро: что Колинькѣ все еще не лучше, что барыня теперь прилегли отдохнуть, но всю ночь ни за что не хотѣли выйти изъ дѣтской, хотя Марѳа Ѳоминишна и просили ихъ пойти прилечь. Это было ужасно, и каждое утро все то же самое, все то же самое. У Коли былъ тифъ. Вотъ уже почти двѣ недѣли температура держалась около 40 градусовъ, и тѣло мальчика стало такое худое, что, право, трудно было понять, въ чемъ у него душа держалась. У Маши, почти не ложившейся за это время, лицо стало деревянное, застывшее, съ неподвижными, большими глазами, смотрѣвшими не на окружающее, а куда-то внутрь себя. Въ глазахъ этихъ было всегда одно и то же выраженіе—не то недоумѣнія, не то упрека; упрека—кому? Когда Ѳедоръ Ѳедоровичъ смотрѣлъ на Машу, ему становилось холодно и казалось, что упрекъ относится именно къ нему. Впрочемъ, онъ былъ увѣренъ, что это ему только такъ казалось, но отъ этой увѣренности ему нисколько не становилось легче. Пять лѣтъ тому назадъ, когда у нихъ въ дифтеритѣ умерла Вѣрочка, онъ подумалъ вслухъ при женѣ: „хорошо, что не Коля“—Вѣрочкѣ было 3 года, а Колѣ 5 и онъ былъ первенцомъ—

какъ на него тогда жена посмотрѣла, какъ посмотрѣла. Ему не забыть этого взгляда во всю жизнь. И вотъ теперь Коля... можетъ быть, пойдетъ той же дорогой, длинной дорогой, на черныхъ дрогахъ по бѣлому снѣгу. Когда Маша такъ глядитъ, она навѣрное вспоминаетъ, какъ онъ тогда сказалъ: „хорошо, что не Коля". И вотъ теперь Коля... И Ѳедоръ Ѳедоровичъ торопился, обжигалъ себѣ губы и смотрѣлъ на часы. Что же, вѣдь онъ все равно дома не нуженъ и ничѣмъ не можетъ помочь. Маша чередуется въ дѣтской съ Марѳой Ѳоминишной, сидѣлкой, въ комнату не велятъ пускать никого лишняго, да и развѣ онъ сумѣлъ бы смотрѣть за больнымъ? Это, конечно, тяжело, что онъ долженъ ходить въ академію въ такое время... когда дома творится такое ужасное; но что же было дѣлать? Онъ былъ мужчиной, на немъ лежала вся тяжесть борьбы за существованіе, все проклятіе труда для добыванія хлѣба насущнаго...

Ѳедоръ Ѳедоровичъ бросилъ недопитый чай. Ему вдругъ стало неловко. Онъ вышелъ въ переднюю, одѣлся и пошелъ въ академію. Тамъ много людей, другія стѣны, тамъ нужно читать лекціи, поправлять рисунки, работать головой. Это поможетъ хоть на время забыться, забыть о томъ, что дѣлается дома.

А дома осталась Маша. Ей некуда было уйти, да и нельзя было. Выйдя изъ дѣтской, она пошла въ „угловую" и легла тамъ на диванъ, но глаза ея были широко открыты. Какъ было тихо въ квартирѣ, такъ тихо, что ей все казалось, что она слышитъ, какъ черезъ комнату за двумя закрытыми дверями бормочетъ въ бреду Коля, такъ скоро, такъ скоро, точно боится, что не успѣетъ всего досказать. Лицо у него сѣрое, губы почернѣвшія и въ ссадинахъ, а руки безпокойно ищутъ и хватаютъ по одѣялу.

Отчего такъ тихо въ квартирѣ? Да, дѣтей нѣтъ; ихъ взялъ къ себѣ Оленицынъ въ свою большую холостую квартиру, чтобы они здѣсь не путались, не безпокоили Колю. Развѣ они мѣшали бы Колѣ? Колѣ, пожалуй, уже все равно. Да и Феня не поетъ на кухнѣ. Феня каждое утро изо дня въ день, изъ года въ годъ поетъ на кухнѣ высокимъ меланхолическимъ фальцетомъ:

„На томъ на полѣ серебристымъ
Стояла дѣва придъ луной,
Она клялася небымъ чи-истымъ
Хранила по гробъ жизни свой спокой".

А Оленицынъ увѣряетъ, что Феня, какъ двѣ капли воды похожа на Элеонору Дузе, только волосы у нея русые и глаза голубые.

Да, у Фени большіе голубые глаза, а волосы темнорусые, и всѣ въ мелкихъ колечкахъ и завитушкахъ; но Феня усердно смазываетъ ихъ репейнымъ масломъ, чтобы „не быть такой растрепой". Смѣшная Феня. Отчего же не поетъ Феня? Ей, должно быть, запретила Марѳа Ѳоминишна, а, можетъ быть, отъ слезъ.

Да, Коля уйдетъ, какъ ушла Вѣрочка. Или, можетъ быть, ей это только такъ кажется, потому что она устала и отъ усталости потеряла мужество? Когда уходила Вѣрочка, она это знала еще за два дня до того, что Вѣрочки не стало. Никто этого еще не думалъ, а она видѣла по лицу ребенка, что ему не по силамъ борьба. Да, она видѣла, какъ ребенокъ боролся за жизнь, какъ ему хотѣлось жить, а помочь ему она не могла, не могла. Кто можетъ понять, что это значитъ, когда не можешь помочь своему ребенку? Послѣднюю ночь у нея въ душѣ было такъ пусто, что она ушла въ спальню, легла на постель и крѣпко заснула. Потомъ ее разбудили. Докторъ просилъ придти, помочь. Она вошла въ дѣтскую. Докторъ и няня держали Вѣрочку въ сидячемъ положеніи на рукахъ и велѣли Машѣ держать Вѣрочкины ножки. Ножки у Вѣрочки были совсѣмъ холодныя и ея маленькое тѣльце иногда вздрагивало отъ коротенькаго рѣдкаго дыханія. Вдругъ по рукамъ Маши потекла теплая жидкость. Она сообразила, что Вѣрочка пропустила воду, и въ сердцѣ у нея ёкнуло. Подумалось: совсѣмъ, совсѣмъ, какъ обыкновенно у живыхъ маленькихъ дѣтей, и она впилась глазами въ лицо доктора. Но лицо у него было все такое же хмурое. Потомъ Вѣрочку положили въ ея маленькую постельку, она вздрагивала рѣже и рѣже, потомъ перестала. Докторъ взялъ зеркало и подержалъ его у ней передъ ртомъ. Потомъ сказалъ: „кончено". Они всѣ посмотрѣли на часы. Часы показывали 4 ч. 15 минутъ.

Вотъ когда умерла Вѣрочка: въ четыре съ четвертью часа утра 19 февраля. Докторъ остался въ домѣ, а она опять пошла въ спальню. Ее била лихорадка, у нея болѣла голова и судорожно сжималось горло. Утромъ докторъ посмотрѣлъ ей въ горло и сказалъ, что она тоже заразилась дифтеритомъ, что ей нельзя оставаться въ домѣ, что онъ увезетъ ее съ собой въ лазаретъ. Ей это было все равно. Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣрочки не стало, казалось, что свѣтъ потухъ, что никогда не перестанетъ быть темно, никогда не захочется улыбаться.

И какъ она заразилась? Да, она помнитъ. Первые дни, когда еще была надежда, Вѣрочка все просилась на руки. У нея клокотало въ носу и горлѣ, и ей было трудно ды-

шать. Маша брала ее на руки и безъ конца носила по комнатѣ, хотя у нея отъ усталости затекали руки и ноги. Вѣдь Вѣрочка ужъ была большая, тяжелая. Она ходила и пѣла Вѣрочкѣ бравурную французскую шансонетку: joli Tambour, tu n'es pas assez riche. Почему именно ее? Можетъ быть, для храбрости... Когда у нея обрывался голосъ, Вѣрочка говорила: „пой, пой еще". И она опять пѣла, пѣла. Мѣрное движеніе укачивало Вѣрочку, она забывалась и тогда Маша ложилась съ ней на большую постель и крѣпко держала ее въ объятіяхъ. Ей казалось, что Вѣрочка не уйдетъ, если она будетъ ее такъ крѣпко держать. Но у Вѣрочки ужасно пахло изо рта, и Маша все нюхала и нюхала и никакъ не могла понять, какъ у ея ребенка могло такъ пахнуть изо рта.

Вотъ когда она заразилась. Да, докторъ велѣлъ ей потеплѣе одѣться. Но когда она одѣлась и вышла въ переднюю, то вдругъ вспомнила, что не простилась съ Вѣрочкой. А они не захотѣли пустить ее къ ней. Какіе глупые люди, вѣдь Вѣрочка же ея собственный ребенокъ, собственный, ея собственное тѣло, они точно этого совсѣмъ не понимали. Но она добилась своего,—о, она ни за что не уѣхала бы, не простившись; почемъ она знаетъ, можетъ быть, все это была неправда. Ей отперли дверь. Въ комнатѣ было свѣтло и ужасно холодно, а посерединѣ на своей маленькой кроваткѣ совершенно спокойно лежала Вѣрочка. Маша помнитъ, какъ она содрогнулась отъ мысли, что дѣвочку такъ забросили, оставили совсѣмъ одну, безъ всякаго призора, въ такой ужасно холодной комнатѣ. И вдругъ она почувствовала, что Вѣрочка уже не ея, что она чужая; почувствовала, всплеснула руками и опустилась на колѣни; потомъ она тихонечко поползла на колѣняхъ къ постелькѣ. О, она не посмѣла бы подойти къ этой чужой Вѣрочкѣ „просто", какъ бывало подходила прежде. И вдругъ снизу, съ полу, такъ ясно вырисовался Вѣрочкинъ носикъ, совсѣмъ такой, какъ у живой, съ площадкой на кончикѣ и маленькими ямочками по бокамъ. Какъ она любила этотъ носикъ! „Носикъ мой, носикъ"... и она подняла руки высоко кверху... но тутъ ее вытащили изъ комнаты. Потомъ она была очень, очень больна, и ей все казалось, что Вѣрочка тащитъ ее за собой въ сырую холодную землю. Развѣ Вѣрочка не была ея же собственнымъ тѣломъ, и вотъ его уже опустили туда внизъ. И ей было страшно, ей не хотѣлось туда внизъ, ей все казалось, что для этого надо рѣшиться, собраться съ духомъ, а она такъ ослабла отъ болѣзни; и она возмущалась противъ Вѣрочки,—по какому праву тащила она ее внизъ, и старалась убѣдить

себя, что тамъ внизу была вовсе не Вѣрочка, а что-то другое, чужое.

Заразится ли она теперь отъ Коли? Послѣ смерти Вѣрочки она родила Варю и опять была очень больна. Какъ это утомительно такъ много болѣть: тѣло изнашивается, пропадаетъ мужество. И отчего заболѣлъ Коля?

И вдругъ она сѣла. Холодный ужасъ пробѣжалъ у нея по спинѣ и сердце закоченѣло. Наканунѣ того дня, что у Коли начался жаръ, онъ вернулся домой вечеромъ съ насквозь промоченными, продрогшими ногами. Они съ товарищами ходили на большую прогулку за городъ, и Коля не надѣлъ калошъ. Это такъ похоже на мальчика. А шелъ липкій, мокрый снѣгъ. Но о чемъ же думала она, чего она не досмотрѣла, когда Коля уходилъ изъ дому? О, она это хорошо помнитъ. Она сидѣла въ дѣтской, усадивъ дѣтей съ игрушками на полъ, и рисовала ихъ силуэты. Рисунокъ такъ хорошо выходилъ, она увлеклась, она слышала, какъ Коля одѣвался въ прихожей, хотѣла встать и пойти посмотрѣть, какъ онъ одѣлся и... не пошла. Боже мой, Боже мой, что же это такое, что она такое натворила. Никогда, никогда въ жизни не возьметъ она больше карандаша въ руки, никогда, только бы, только выжилъ Коля. Господи, Господи, Господи!

Дверь въ „угловую" чуть-чуть пріотворилась. Въ нее на половину просунулась полная Марѳа Ѳоминишна и поманила къ себѣ Машу. Маша ее видѣла, но поднялась не сразу. „Зовутъ, какъ тотъ разъ, конецъ..." мелькнуло у нея въ головѣ. Потомъ она встала и пошла за Марѳой Ѳоминишной деревянной, тяжелой, какъ камень, походкой.

Колѣ показалось, что онъ крѣпко-крѣпко спалъ и вдругъ проснулся. Онъ оглянулся и подумалъ, что у комнаты былъ совсѣмъ необычный видъ. Въ изголовьѣ стояла ширма, ея какъ будто раньше не было; въ углу висѣлъ образъ и передъ нимъ горѣла лампадка. Какъ будто ни образа, ни лампадки въ этомъ углу раньше тоже не было. И простѣнки, гдѣ всегда стояли Варина и Костина постели, были теперь пустые, скучные. За ширмой кто-то тихо, тихо разговаривалъ. Онъ узналъ Фенинъ голосъ; другой голосъ принадлежалъ какой-то незнакомой женщинѣ. Ему показалось, что онъ видитъ и Феню, и эту незнакомую женщину прямо сквозь ширму. Какъ это было странно. Въ сущности онъ даже не смотрѣлъ на ширму, такъ какъ ширма стояла позади, а ему было трудно поворачивать голову. И все-таки женщина была полная и румяная, а Феня утирала передникомъ глаза. Онъ сталъ прислушиваться. Говорила Феня, всхлипывая:—„Ужъ такъ барыня убивается, ужъ такъ". А

незнакомая женщина отвѣчала:—„Грѣхъ это: имъ Господь Богъ еще двоихъ дѣтокъ оставилъ“.—„Это онѣ говорятъ про маму“, подумалъ Коля: „какъ онѣ странно говорятъ“. Ему вдругъ ужасно захотѣлось видѣть маму, и онъ позвалъ:

— Мама, гдѣ мама?

За ширмой зашелестѣло, зашуршало, раздался шопотъ, потомъ къ нему подошла незнакомая женщина и такъ странно долго на него посмотрѣла; потомъ она положила ему на голову свою большую пухлую руку, потомъ подержала его руку въ своей. Колѣ все это очень не нравилось. „И зачѣмъ тутъ чужая женщина?“ думалось ему, и онъ сказалъ нарочно громкимъ, капризнымъ голосомъ:

— Я хочу маму, маму. И я хочу пить.

— Господи, Іисусе Христе, Пресвятая Владычица и всѣ святые угодники. Слава Тебѣ, Господи, слава.—Женщина перекрестилась, ласково улыбнулась Колѣ и вышла изъ комнаты.

— Отчего такъ долго не идетъ мама?

Вотъ послышались опять шаги.

— Мама, это ты?

— Я иду, иду,—раздался маминъ голосъ, такой странный и прерывающійся, и вдругъ мама, вмѣсто того, чтобы подойти къ нему, сѣла на стулъ и тихо заплакала.

Коля чуть-чуть приподнялся на локоткѣ и удивленно смотрѣлъ на нее:

— Отчего же ты плачешь, мама?

II.

Мужчины.

Въ этотъ день въ академію заглянулъ Павелъ Ивановичъ Кудрявый, старинный товарищъ Ѳедора Ѳедоровича. Было очень пріятно встрѣтиться съ новымъ, свѣжимъ человѣкомъ,—они съ нимъ не видѣлись нѣсколько лѣтъ,—и вспомнить старину. Павелъ Ивановичъ остался холостякомъ и говорилъ немного цинично о женщинахъ. Въ молодости Ѳедору Ѳедоровичу очень не нравилась эта черта Павла Ивановича. Теперь, наоборотъ, она его пріятно развлекала и забавляла. Павелъ Ивановичъ былъ мужчина пухлый съ короткими волосами, торчащими щеткой на его головѣ. Эти волосы щеткой еще болѣе оттѣняли его пухлость и совершенно не шли къ нему. Пухлые мужчины не нравятся женщинамъ и почти всегда остаются холостяками. А, можетъ быть, это лежитъ въ нихъ самихъ. Въ нихъ есть что-

то шарообразное и съ внутренней, и съ внѣшней стороны, и они вѣчно катятся, катятся и не могутъ ни за что зацѣпиться.

И Павелъ Ивановичъ вѣчно катился. Художникъ не безъ дарованія, онъ занимался всевозможными художествами: скупалъ и перепродавалъ художественныя вещи, писалъ картины и декораціи, снабжалъ текстильныя фабрики образцами, давалъ профессіональныя указанія по декорированію и меблировкѣ богатыхъ купеческихъ домовъ, вѣчно „по важнымъ дѣламъ" шатался за границей, наживался, прогоралъ и, главное, всегда катился, катился. Когда у него были деньги, онъ ими швырялъ, когда денегъ не было, онъ говорилъ со вздохомъ: „не созданъ я для капиталистическаго строя, не такова моя натура".

Впрочемъ, у Павла Ивановича съ женской точки зрѣнія былъ и еще одинъ недостатокъ: онъ любилъ пересказывать анекдоты и шутки и пересыпалъ свою рѣчь ненужными и безсмысленными выраженіями вродѣ: „тридцать пять съ кисточкой", „вотъ такъ фунтъ" и т. д. Павелъ Ивановичъ былъ въ академіи въ одно время съ Машей и ухаживалъ за ней, т. е., онъ былъ въ нее влюбленъ и вѣчно бѣгалъ къ ней на домъ подъ предлогомъ пріятельскихъ отношеній съ ея братьями, до которыхъ ему не было ровно никакого дѣла. Маша всегда ко всему относилась ужасно серьезно и терпѣть не могла его шутокъ. Она была заправилой въ академіи, вѣчно бунтовала, занималась политикой и держала рѣчи съ каѳедры. Въ глазахъ у нея было много задора, а носъ всегда смотрѣлъ кверху. Павелъ Ивановичъ отлично зналъ, что она презирала его за эти вѣчныя шутки и прибаутки, но, по непреодолимой волѣ судебъ, какъ только онъ попадалъ въ общество Маши, шутки и прибаутки неслись удвоеннымъ потокомъ. Павелъ Ивановичъ еще игралъ на цитрѣ и игралъ, несомнѣнно, хорошо и съ чувствомъ. Это могло бы послужить ему на пользу, еслибы... еслибы онъ при этомъ не раздувалъ глупо ноздрей и какъ-то странно не присапывалъ носомъ. Разъ какъ-то, играя на цитрѣ, онъ остался съ Машей вдвоемъ. Онъ пересталъ играть и, не смотря на Машу, совсѣмъ серьезно сказалъ:

— Вотъ... проходятъ лучшіе молодые годы... такъ... даромъ

Не поднимая глазъ, онъ почувствовалъ, какъ Маша строго, строго посмотрѣла на него, повела носомъ, потомъ плечами и тихонько вышла изъ комнаты. Тѣмъ и закончился его романъ съ Машей.

По окончаніи занятій, когда Ѳедоръ Ѳедоровичъ, мямля и мѣшкая, собирался домой, къ нему подошелъ опять Павелъ Ивановичъ и сказалъ:

— А я собираюсь идти съ вами. Мнѣ хочется зайти и посмотрѣть на Машу, тридцать пять съ кисточкой. У васъ, поди, уйма ребятъ?

Өедору Өедоровичу стало ужасно стыдно и неловко передъ Павломъ Ивановичемъ. Онъ вмѣстѣ съ другими слушалъ его болтовню, смѣялся его шуткамъ и ни разу ничѣмъ не выдалъ, что творилось дома. Теперь приходилось сознаваться.

— Вотъ что, я не знаю, совсѣмъ ли это удобно... у насъ въ домѣ того... плохо; сынъ очень плохъ. Пожалуй, Машѣ будетъ тяжело... съ посторонними...

Павелъ Ивановичъ какъ-то странно, странно посмотрѣлъ на него.

— Вотъ такъ фунтъ, гвоздика въ смятку;—ужъ совсѣмъ не кстати вырвалось у него.—Послушайте, а я все-таки зайду... справиться.

Домой шли они молча. Павелъ Ивановичъ думалъ о томъ, что у него нѣтъ дѣтей: „а впрочемъ, можетъ быть, и есть, почемъ онъ знаетъ". Өедоръ Өедоровичъ думалъ о томъ, какъ они придутъ домой, позвонятъ, имъ откроютъ дверь, кто имъ откроетъ дверь? Кто-нибудь откроетъ дверь и вдругъ... нѣтъ, лучше не думать, и онъ шелъ и считалъ ѣхавшихъ ему навстрѣчу извозчиковъ. На перекресткахъ было затруднительно, такъ какъ приходилось соображать, какихъ извозчиковъ считать встрѣчными и какихъ нѣтъ, и, конечно, выходила путаница.

Дома дверь имъ открыла Феня. Она была по прежнему въ слезахъ, но сейчасъ же зашептала громкимъ взволнованнымъ шопотомъ:

— Ничего, все слава Богу, все слава Богу. Колинькѣ почки что лучше. И докторъ тоже были, сказали, что криза была и теперь прошедши.

— Гдѣ барыня?—нервно спросилъ Өедоръ Өедоровичъ. Ему нужно было сейчасъ же, сейчасъ же увидѣть Машу и выплакаться у нея на груди. „И, ахъ, зачѣмъ только торчитъ тутъ Павелъ Ивановичъ".

— А барыня отдыхаютъ и Марөа Өоминишна не велѣли ихъ будить.

Это было ужаснымъ ударомъ для Өедора Өедоровича; онъ чувствовалъ, что ему ни за что не вынести одиночества. Не пригласить ли Павла Ивановича остаться? Но, можетъ быть, ничего нѣтъ порядочнаго къ обѣду...

— А что, Феня, есть чѣмъ пообѣдать?—немного конфузясь, спросилъ онъ.

— Есть, есть,—радостно сообщила Феня:—я щи хорошія сготовила и курица вчерашняя осталась.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ вспомнилъ, что онъ вчера не обѣдалъ дома, „чтобы не доставлять домашнимъ лишнихъ хлопотъ“.

— А что, Павелъ Ивановичъ, не останетесь ли пообѣдать? Можетъ, Маша потомъ встанетъ, вы ее увидите.

— Что же, я, пожалуй, останусь, тридцать пять съ кисточкой,—какъ-то меланхолически согласился Павелъ Ивановичъ.

Въ квартирѣ было по прежнему тихо. Маша спала въ спальной, Марѳа Ѳоминишна подремывала въ дѣтской около Коли, который впервые послѣ двухнедѣльнаго промежутка опять спалъ нормальнымъ дѣтскимъ сномъ. Феня... Фенѣ, впервые послѣ двухнедѣльнаго молчанія хотѣлось пѣть, но пѣть было нельзя и она отъ избытка чувствъ только встряхивала головой. Отъ этого еще больше ерошились и безъ того назойливыя завитушки и колечки ея русыхъ волосъ.

Къ счастью, столовая и кабинетъ Ѳедора Ѳедоровича отдѣлялись отъ остальной квартиры передней и корридоромъ, такъ что мужчины могли обѣдать и разговаривать, не стѣсняясь. Но разговоръ у нихъ не клеился: говорили о дѣлахъ академіи, о новыхъ художникахъ, но какъ-то вяло и безъ интереса. Когда вскорѣ послѣ обѣда пришелъ „справиться“ Оленицынъ, оба они почувствовали большое облегченіе. Втроемъ несравненно легче разговаривать, нежели вдвоемъ. Когда двое людей остаются съ глазу на глазъ, имъ дѣлается жутко. Между ними какъ будто пропадаютъ всѣ преграды, созданныя соціальною жизнью, и возникаетъ близость: это—близость двухъ человѣческихъ существъ, окруженныхъ міромъ вещей, глухихъ и безгласныхъ. Естественнымъ кажется говорить только по существу, о томъ, что въ эту минуту дѣйствительно лежитъ на сердцѣ и на душѣ каждаго изъ нихъ. А между тѣмъ, если обнажать себя почему-либо не хочется и люди заставляютъ себя говорить незначительности, настроеніе дѣлается натянутымъ и мучительнымъ. Когда пришелъ Оленицынъ, и Ѳедоръ Ѳедоровичъ, и Павелъ Ивановичъ оба облегченно вздохнули. Явился посторонній свидѣтель,—„публика“, а выступать для публики стало второй человѣческой натурой, можетъ быть, уже заслонившей первую. Оленицынъ „справился“ и выслушалъ извѣстіе о томъ, что былъ кризисъ, и болѣзнь пошла на убыль, съ такимъ же спокойнымъ лицомъ, съ какимъ бы онъ, навѣрное, выслушалъ и извѣстіе о чемъ-нибудь другомъ. Онъ разсказалъ, что у него на квартирѣ произошла сегодня драма. Чтобы побаловать дѣтей, Костю и Варю, онъ купилъ имъ игрушекъ: Костѣ—кегли, а Варечкѣ—тележку съ лошадкой. Но Костя и смотрѣть не захотѣлъ на

кегли, ужасно обидѣлся и сталъ приставать, чтобы и ему дали такую же телѣжку съ лошадкой, доказывая, что дѣвочкамъ совсѣмъ не подобаетъ играть въ лошадки. Бѣдная няня стала уговаривать Варечку уступить и обмѣняться и тѣмъ еще больше испортила дѣло. Кончилось тѣмъ, что дѣти подрались, и ихъ обоихъ поставили въ уголъ.

Все это Оленицынъ разсказалъ очень серьезно, безъ малѣйшей улыбки на лицѣ, чѣмъ привелъ въ восхищеніе Павла Ивановича; но Ѳедору Ѳедоровичу было очень непріятно, что у дѣтей его оказались такія дурныя манеры, и онъ разсердился на няню за то, что она не сумѣла уговорить ихъ и получше уладить дѣло. Ѳедоръ Ѳедоровичъ не любилъ Оленицына, и потому ему было особенно непріятно, что дѣти оказались неблагодарными, когда Оленицынъ купилъ имъ такія дорогія игрушки. Да, Ѳедоръ Ѳедоровичъ не любилъ Оленицына, но терпѣлъ его, какъ терпѣлъ Фенины романсы, т. е., какъ одно изъ тѣхъ неизбѣжныхъ жизненныхъ неудобствъ, которыми судьба непремѣнно награждаетъ всякаго человѣка. Оленицынъ былъ закадычнымъ пріятелемъ Маши и завсегдатаемъ у нихъ въ домѣ.

Да, Оленицынъ былъ, можетъ быть, единственнымъ пятномъ въ семейномъ счастьѣ Ѳедора Ѳедоровича. Ѳедоръ Ѳедоровичъ не могъ понять, какимъ образомъ Маша могла такъ дорожить человѣкомъ, съ которымъ ея мужъ, самый близкій въ ея жизни человѣкъ, чувствовалъ себя совершенно постороннимъ. У него съ Оленицынымъ не было абсолютно никакихъ точекъ соприкосновенія и потому онъ недоумѣвалъ, какимъ образомъ онѣ могли быть у Маши. Будь, напримѣръ, Оленицынъ братомъ Маши: тогда даже въ томъ случаѣ, еслибы его складъ былъ совершенно чуждъ имъ обоимъ, Маша естественно могла бы чувствовать связь съ нимъ по крови, по воспоминаніямъ дѣтства, общему воспитанію. Но Оленицынъ! Онъ даже ничего не понималъ въ искусствѣ и не интересовался имъ. Положимъ, Маша тоже за послѣдніе годы совсѣмъ забросила искусство. Ѳедоръ Ѳедоровичъ не ревновалъ, конечно, нѣтъ, какъ могъ онъ ревновать? Разъ какъ-то, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, должно быть, въ дурномъ расположеніи духа, онъ сказалъ Машѣ, что-то на счетъ этого. Маша на него только удивленно посмотрѣла и сказала:

— Да ты, Ѳедя, кажется, съ ума спятилъ.

Какимъ онъ себя тогда почувствовалъ дуракомъ. Другой разъ онъ какъ-то сказалъ:

— Знаешь, Маша, какъ-то передъ знакомыми неловко, что у насъ такой ménage en trois. Что за удовольствіе давать поводъ сплетнямъ.

Маша опять на него удивленно посмотрѣла и сказала:

— Послушай, Ѳедя, ну, кто изъ нашихъ знакомыхъ не знаетъ, что Оленицынъ живетъ со своей ключницей, Аграфеной Петровной?

И это была совершенная правда. Оленицынъ жилъ со своей ключницей, которую называлъ „этой женщиной", и нисколько этого не скрывалъ. Это знала и Маша, и Ѳедоръ Ѳодоровичъ, и рѣшительно всѣ, кто зналъ Оленицына. „Эту женщину" Оленицынъ выдалъ замужъ за своего камердинера. У ключницы рождались дѣти, но камердинеръ, очевидно, былъ тутъ не при чемъ; когда дѣти были маленькія, они путались тутъ же на квартирѣ, но въ чистыя комнаты не пускались; потомъ Оленицынъ отсылалъ ихъ въ разныя заведенія большею частью ремесленнаго и профессіональнаго характера; послѣ этого они сами о себѣ заботились, какъ и подобало дѣтямъ камердинера. А впрочемъ, можетъ быть, они и не совсѣмъ сами о себѣ заботились. Во всякомъ случаѣ они всегда недурно пристраивались.

Да, было немыслимо ревновать къ Оленицыну, и все-таки было бы пріятнѣе, еслибы его не было.

Между тѣмъ Оленицынъ и Павелъ Ивановичъ, повидимому, очень понравились другъ другу. Оленицынъ, хотя и пользовался славой блестящаго оратора,—онъ былъ присяжнымъ повѣреннымъ,—въ частной жизни предпочиталъ больше слушать; а Павелъ Ивановичъ любилъ разсказывать. Потомъ пухлый Павелъ Ивановичъ съ ощущеніемъ почти физическаго удовольствія смотрѣлъ, какъ Оленицынъ, высокій и худой, при всякомъ движеніи какъ-то складывалъ и раскладывалъ свои длинные сухіе члены—„совсѣмъ, какъ перочинный ножикъ", мелькало у Павла Ивановича въ головѣ.

Вдругъ посрединѣ разговора Павелъ Ивановичъ спросилъ:

— А что, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, какъ Маша на счетъ рисованья, неужели забросила? Знаете,—обратился онъ къ Оленицыну,—у Марьи Кузьминишны большія были способности.

— А,—протянулъ своимъ равнодушнымъ голосомъ Оленицынъ,—а я и не зналъ.

— Не зналъ,—разсердился на него въ душѣ Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—дружитъ съ женщиной шесть лѣтъ и не знаетъ. Впрочемъ, чего можно ожидать отъ человѣка, который живетъ съ ключницей.

— Да, ужасно, знаете, это обидно,—отвѣтилъ онъ,—но она положительно стала равнодушна къ искусству. Даже теоретически мало имъ интересуется.

Ѳедору Ѳедоровичу хотѣлось поговорить: съ той минуты,

что онъ узналъ о переломѣ въ болѣзни Коли, къ нему сразу и сторицею вернулась храбрость, та жизненная самоувѣренность, которая такъ внезапно пропадаетъ у людей, когда жизнь поставитъ ихъ лицомъ къ лицу съ тѣмъ, что выше ихъ пониманія и силъ.

— Толстой удивительно понималъ женскую природу, раньше я совсѣмъ его такъ не цѣнилъ. Мнѣ кажется, что бракъ, несомнѣнно, деморализируетъ женщину. Конечно, деморализируетъ—это субъективное наше отношеніе къ этому вопросу. Съ точки интереса продолженія рода это, надо полагать, вполнѣ законная, природой установленная эволюція женской натуры.—Өедоръ Өедоровичъ говорилъ очень гладко, но, вѣдь, такъ и полагается человѣку, привыкшему читать лекціи.

— Гдѣ вы встрѣчаете женщинъ, которыя не забрасываютъ своихъ спеціальныхъ интересовъ послѣ брака? Нѣтъ, всѣ остальные интересы уступаютъ мѣсто интересамъ чисто женскимъ. Материнскій инстинктъ въ женщинахъ слишкомъ силенъ. Конечно, я говорю только о женщинѣ нормальной, не развращенной разными болѣзненными выходками нашей цивилизаціи.—Нормальная женщина и нормальный бракъ были конькомъ Өедора Өедоровича.

— Но, можетъ быть, тутъ играютъ роль экономическія условія?—вставилъ Павелъ Ивановичъ.

— Экономическія условія!—какъ будто даже слегка обидѣлся Өедоръ Өедоровичъ.—О, о подобныхъ случаяхъ не стоитъ и говорить. Это слишкомъ очевидная истина. Но она къ данному вопросу не относится, такъ какъ съ одинаковой силой приложима и къ мужчинѣ. Подъ гнетомъ экономическихъ условій мужчина точно такъ же деморализируется и теряетъ понемногу всѣ интересы, кромѣ интереса самообезпеченія. Нѣтъ, возьмемъ средне поставленную женщину, которую бракъ обезпечиваетъ, освобождаетъ отъ заботы по добыванію средствъ пропитанія. Возьмите для примѣра хоть Машу; она безусловно обезпеченный человѣкъ, у нея двое человѣкъ прислуги, людей преданныхъ, это, конечно, ея собственная заслуга, но это не мѣняетъ положенія вещей. У нея нѣтъ никакого опредѣленнаго дѣла, службы, занятія. Въ сущности весь день, все время въ ея распоряженіи; она можетъ, если хочетъ, цѣлый день ничего не дѣлать. Кто ей мѣшаетъ заниматься искусствомъ? Нѣтъ, семья безусловно притупляетъ болѣе широкіе интересы женщины.

Послѣдовало маленькое молчаніе. Павелъ Ивановичъ слегка косился на Өедора Өедоровича и у него мелькало въ головѣ, что, пожалуй, семья не такъ ужъ особенно развиваетъ и мужчину. Впрочемъ, Өедоръ Өедоровичъ никогда

не представлялся ему особенно блестящимъ. И отчего женщины выходятъ замужъ за такихъ посредственныхъ мужчинъ? Неужели только отъ того, что у нихъ, какъ напримѣръ, у Ѳедора Ѳедоровича, красивая фигура, правильныя черты лица и здоровое тѣло, не слишкомъ худое, не слишкомъ толстое.

Вдругъ Оленицынъ сказалъ своимъ обычнымъ тономъ:

— Вотъ именно, потому-то и нельзя жениться на женщинахъ, которыхъ уважаешь.

Павелъ Ивановичъ такъ и впился въ него глазами:

— Это, это интересная точка зрѣнія. Но какой въ этомъ разсчетъ? Вѣдь на нихъ женится кто-нибудь другой.

— Это меня не касается,—невозмутимо отвѣтилъ Оленицынъ, — при томъ это не вѣрно логически: напримѣръ, если я ѣду въ конкѣ, вѣдь не буду же я плевать на полъ только потому, что если не я, то кто-нибудь другой плюнетъ.

Какъ это было цинично сказано. Ѳедоръ Ѳедоровичъ сидѣлъ прямо, какъ на иголкахъ.

„Удивительно, какъ люди умѣютъ создавать цѣлую философію для оправданія своихъ поступковъ", думалъ онъ. Возражать Оленицыну или спорить съ нимъ не было никакого смысла; то, что онъ говорилъ, было слишкомъ большимъ абсурдомъ. И вдругъ откуда-то, изъ какихъ-то невѣдомыхъ глубинъ души Ѳедора Ѳедоровича въ сознаніе его прокралась совершенно опредѣленная, ясная мысль: — такъ вотъ за что его любитъ Маша.—Эта мысль была абсурдна, еще абсурднѣе того, что говорилъ Оленицынъ, и тѣмъ не менѣе она прокралась въ мозгъ и твердо тамъ усѣлась. Ѳедоръ Ѳедоровичъ всталъ со своего мѣста и нервно прошелся по комнатѣ; потомъ онъ сообразилъ, что можно пойти въ кухню заказать самоваръ.

— А что, господа, какъ на счетъ чаю?—спросилъ онъ.

Господа согласились, что не откажутся отъ чашки чаю. Когда Ѳедоръ Ѳедоровичъ вышелъ, Павелъ Ивановичъ спросилъ Оленицына:

— А вы давно знаете Износковыхъ?

— Я? Лѣтъ шесть будетъ.

— Что вы думаете о Машѣ?—это Павелъ Ивановичъ спросилъ тихо и немного взволнованно.

— О Марьѣ Кузьминишнѣ?—поправилъ его Оленицынъ, потомъ помолчалъ.—Я думаю, что, еслибы Марья Кузьминишна не была женщиной, она могла быть человѣкомъ. Людей немного,—прибавилъ онъ, помолчавъ.

Павелъ Ивановичъ тоже помолчалъ и потомъ сказалъ:

— А вы мнѣ нравитесь, хоть я и самъ не знаю почему.

А Маша такъ и не вышла въ этотъ вечеръ изъ спальни. Она отсыпалась.

III.

Маша говоритъ за себя.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ уговорился съ Павломъ Ивановичемъ, чтобы онъ пришелъ къ нимъ обѣдать черезъ недѣлю. У Павла Ивановича, какъ всегда, было много бѣготни по Петербургу, такъ что ему трудно было придти раньше. Да и желательно было дать Машѣ время отойти, чтобы повидаться и поболтать съ ней хорошенько. У Маши было теперь хлопотливое время. Коля, какъ всѣ выздоравливающіе, капризничалъ и раздражался, а уходъ нуженъ былъ теперь за нимъ удвоенный. Послѣ тифа можно ожидать и осложненій, и рецидива, нужно было быть на чеку и слѣдить за малѣйшими подробностями его жизни. Ѳедоръ Ѳедоровичъ хотѣлъ перевести домой дѣтей, жившихъ у Оленицына. Ему было непріятно такъ много одолжаться Оленицыну. Но Оленицынъ доказывалъ, что дѣтскій шумъ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть полезенъ для выздоравливающаго. Маша поддерживала мужа очень слабо и потому Оленицыну удалось настоять на своемъ и еще удержать у себя дѣтей.

Въ сущности, Маша была этому очень рада, только ей не хотѣлось въ этомъ сознаваться. Ей дома и безъ того было достаточно хлопотъ; кромѣ того теперь, когда Коля выздоравливалъ, она могла ходить на свиданіе съ дѣтьми, и это было для нея такимъ уважительнымъ поводомъ, чтобы выбраться изъ дому, пройтись на свѣжемъ воздухѣ, дать глазамъ отдохнуть на другой обстановкѣ. Видѣться съ малышами тоже доставляло ей какое-то особенное, совсѣмъ новое удовольствіе. То, что они жили въ чужомъ домѣ, какъ будто снимало съ нея всю отвѣтственность за нихъ; и, приходя къ Оленицыну, она просто играла съ ними, забавлялась ихъ болтовней. Да, это было необычно и очень весело. „Точно я имъ вовсе и не мать", думалось ей. Собственно, она должна бы была отослать сидѣлку. Разъ, что дѣтей не было дома, она могла бы и сама управиться съ Колей. Но Маша все-таки рѣшила удержать сидѣлку.

— До послѣ того вечера, который проведетъ у насъ Павелъ Ивановичъ,—сказала она Ѳедору Ѳедоровичу,—по крайней мѣрѣ, я буду тогда вполнѣ свободна и не буду безпокоиться.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ согласился,—вѣдь онъ уже привыкъ къ тому, что женщина вѣчно безпокоится и съ трудомъ от-

дается посторроннимъ мыслямъ. А Маша была очень рада встрѣтиться съ Павломъ Ивановичемъ. Ей всегда было пріятно видѣться съ людьми, которые хорошо знали ее во время ея жизнерадостной, задорной молодости. А Павелъ Ивановичъ не только зналъ ее, но и... „Интересно знать, все ли еще онъ играетъ на цитрѣ или уже забросилъ?“ Къ его шуткамъ она теперь тоже относилась снисходительно—вѣдь вся его персона теперь *къ ней* не имѣла никакого прямого отношенія. Въ молодости шутки, конечно, казались излишними,—тогда сама жизнь была шуткой и можно было побаловать себя даже черезчуръ серьезнымъ отношеніемъ къ ней. Теперь—иное дѣло.

Павелъ Ивановичъ явился аккуратно къ пяти часамъ.

— Ага, Маша, здравствуйте, тридцать пять съ кисточкой, а вы пополнѣли и постарѣли.

Ему хотѣлось еще прибавить, что глаза у Маши были все такіе же молодые, красивые и умные, но это онъ оставилъ про себя. Маша разсмѣялась.

— Ну, а мнѣ хочется вамъ сказать, что вы похудѣли и помолодѣли, только я боюсь, какъ бы вы не обидѣлись.

— Ну, ничего, я привыкъ, что меня обижаютъ. Съ меня это, какъ съ гуся вода.

— А на цитрѣ вы играете?—чуть-чуть лукаво спросила Маша.

— Забросилъ! Кто же этимъ занимается на старости лѣтъ. А какъ вы... больше не малюете?

— Забросила, тоже, должно быть, за старостью лѣтъ,—но лицо у Маши вдругъ потемнѣло и Павла Ивановича что-то кольнуло въ сердце. „Это надо развѣдать“, подумалъ онъ. Но Маша очень умѣло отклоняла всѣ его попытки навести разговоръ на эту тему. Она заставляла Павла Ивановича разсказывать о его заграничныхъ путешествіяхъ. Ей было грустно, говорила она, что она никогда не была за границей.

— Когда была дѣвушкой, средствъ не было. Теперь съ дѣтьми и думать нечего. То носишь ихъ, то они маленькія; куда отъ нихъ уѣдешь.

Дня черезъ два Павелъ Ивановичъ оказался по дѣламъ по сосѣдству съ квартирой Износковыхъ. „Отчего бы не пойти къ нимъ позавтракать“, невинно подумалъ онъ и тутъ же самъ надъ собой лукаво посмѣялся. Вѣдь онъ зналъ, что Ѳедоръ Ѳедоровичъ завтракалъ въ академіи; а послѣ его визита къ Износковымъ у него уже составился планъ дѣйствія: непремѣнно застать Машу врасплохъ одну и заставить ее пооткровенничать. Онъ, дѣйствительно, засталъ Машу врасплохъ. Въ бѣломъ передникѣ и съ бѣлымъ

платкомъ на головѣ она вмѣстѣ съ Феней переворачивала вверхъ дномъ угловую, куда онѣ хотѣли на время перенести Колю, чтобы хорошенько провѣтрить и вычистить дѣтскую. Но Павлу Ивановичу она все-таки обрадовалась. Они кое-какъ позавтракали холодными остатками—Фенѣ за уборкой не было времени готовить завтракъ—и потомъ пошли въ кабинетъ Ѳедора Ѳедоровича пить кофе. Надо же было хоть чѣмъ-нибудь попотчивать гостя. Гостиной у Износковыхъ не было. У Ѳедора Ѳедоровича былъ кабинетъ, у Маши—свой уголокъ въ угловой, а дѣти учились и играли въ столовой.

Во время кофе Павелъ Ивановичъ сказалъ:

— А я на васъ, Маша, веду интригу. Ей Богу, огурчики въ сметанѣ.

— Да ужъ я это чувствую, что вы недаромъ забрались сегодня сюда. Какой-то у васъ видъ ехидный.

— Хочу я изъ васъ выпытать, ужъ будто вы и въ самомъ дѣлѣ, какъ поженились, такъ художество въ трубу гулять пустили.

Маша слегка нахмурилась.

— Ну, не все ли вамъ это равно, Павелъ Ивановичъ, пустила или не пустила?

— Любопытный я человѣкъ, Марья Кузьминишна, да и къ вамъ былъ у меня всегда, такъ сказать, преувеличенный интересъ, не по заслугамъ.

Маша чуть-чуть покраснѣла.

— Вотъ именно. Вы знаете, Павелъ Ивановичъ, что про дѣвицъ говорятъ?

— Многое говорятъ.

— Что дѣвицы разными выкрутасами занимаются только для того, чтобы мужа поймать. Которая себѣ волосы завиваетъ, которая картинки пишетъ, которая на гитарѣ играетъ. Ну, вотъ поймала я Ѳедора Ѳедоровича, на что мнѣ картины?

— Тэк-съ, сапоги въ смятку. Ну, а сколько въ этихъ, словахъ правды?

— Ни на копеечку! Только это не мѣняетъ дѣла. Вотъ вѣдь вы тоже цитру забросили, а не дѣвица и счастливымъ бракомъ не утруждены.

— Не утружденъ. Это правда. Вотъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ утружденъ; а онъ все-таки горюетъ, что вы искусство забросили. Говоритъ: много у васъ времени свободнаго, могли бы продолжать.

Маша вся вспыхнула.

— Ѳедя, что онъ понимаетъ. Много свободнаго времени, потому что я не хожу въ академію, не читаю лекцій! Ну,

да, у меня много свободнаго времени, только оно не мое, понимаете ли, *не мое.* Я всѣмъ принадлежу, да, всѣмъ, только не себѣ. Вотъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ проводитъ полдня въ академіи, вы думаете, я бы не хотѣла ходить въ академію читать лекціи? Потомъ придетъ домой. Теперь это его время, отдыхъ, онъ его заслужилъ. А я... я цѣлый день ничего не дѣлала, онъ хочетъ, чтобы я проводила вечеръ съ нимъ,—могу же я въ самомъ дѣлѣ съ нимъ посидѣть, когда онъ приходитъ домой усталый. Вотъ, когда я была дѣвушкой, я работала въ академіи, я цѣлый день бѣгала по урокамъ, и все-таки у меня было всегда довольно времени, потому что все оно было мое; только мое... Ну, что тамъ, Феня?

Феня стояла въ дверяхъ и упрямо потряхивала кудряшками:

— Нѣтъ, ужъ вы пожалуйте.

— Ты же видишь, Феня, я не одна, какая ты, право.

— Нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста, теперь пожалуйте,— упрямо стояла на своемъ Феня.

— Ахъ, Боже мой, вы извините, пожалуйста, я сейчасъ вернусь.—И Маша отправилась за Феней.

Павлу Ивановичу стало грустно. Ему тоже думалось, что бракъ деморализируетъ женщину, но какъ-то совсѣмъ по другому, не такъ, какъ это выходило у Ѳедора Ѳедоровича. И ему ужасно захотѣлось принести цитру и поиграть на ней для Маши, а потомъ, чтобы Маша на него высокомѣрно посмотрѣла, какъ бывало прежде. Хорошо это у нея выходило, когда она бывало посмотритъ сверху внизъ, точно нивѣсть королева какая.

Маша вернулась минутъ черезъ десять. Въ рукахъ у нея была папка съ какими-то бумагами, которую она отложила въ сторону на маленькій столикъ.

— Вотъ вы тутъ разберитесь,—обратилась она къ Павлу Ивановичу,—тутъ вся мудрость Соломонова нужна. Прачка принесла бѣлье и сожгла утюгомъ всѣ Фенины передники. Феня рветъ и мечетъ и требуетъ, чтобы я съ прачки взыскала убытки въ ея пользу: барскія вещи, говоритъ, не жгётъ, а мои жгётъ, развѣ можно позволять, чтобы народъ такъ обижали. Прачка—ну, ужъ тутъ никто не разберетъ, что она такое говоритъ, а только у нея трое малыхъ ребятъ. Вотъ, какъ мнѣ ихъ разсудить?

— Очень просто,—разсмѣялся Павелъ Ивановичъ,—подарите Фенѣ новые передники, она и успокоится; ужъ не раззоритесь.

— Удивительно легко разсудили. Эхъ, вы, мужчина! Да, если бы я что-нибудь такое предложила, меня Феня бы изъ

кухни выгнала. Я, сказала бы, за справедливость стою, а вы неряшливости потрафляете. Этакъ она вамъ и все ваше сожгёть. И вы думаете, въ этомъ нѣтъ правды? Еще какъ много.

— Что жъ, вы ихъ такъ и оставили?

— Такъ и оставила, просто сбѣжала, ужъ чѣмъ-нибудь да это разыграется.

Маша задумалась и сѣла къ окошку, потомъ повернулась къ Павлу Ивановичу.

— Вотъ видите, Ѳедя правду говоритъ: нѣтъ у меня дѣла, никакого дѣла: а забота меня заѣдаетъ, мелкая забота съ утра до вечера, съ вечера до утра, развѣ заботѣ есть когда-нибудь конецъ? А вотъ тутъ,—она провела рукой по лбу,—этому нѣтъ пищи. Я чувствую, какъ я старѣюсь, раздражаюсь. Иной разъ я себя упрекаю, что слишкомъ много обращаю вниманія на мелочи, что я отъ этого опускаюсь; а другой разъ упустишь мелочь, а изъ этого Богъ знаетъ, что выйдетъ, можетъ быть, сколько страданія. Вотъ и вертишься, какъ бѣлка въ колесѣ. А кто виноватъ? Никто не виноватъ. Отчего бы мнѣ, какъ Ѳедору Ѳедоровичу, не зарабатывать деньги, я же раньше зарабатывала? Ну вотъ, а съ дѣтьми и сидишь дома и экономишь; тутъ нужно подсчитать, тамъ урѣзать, обижать тоже никого не хочется. Скучно это, Павелъ Ивановичъ!

— Да, ужъ я экономить не люблю,—разсмѣялся Павелъ Ивановичъ,—а ужъ съ чужими деньгами и подавно не сталъ бы церемониться.

Маша покачала головой.

Въ эту минуту дверь растворилась настежь, и въ нее пышно и сердито вошла Марѳа Ѳоминишна. Въ рукахъ у нея былъ маленькій подносикъ, а на немъ чашка дымящагося бульона.

— Вотъ извольте попробовать, — обратилась она къ Машѣ,—какимъ разсоломъ Феня Колиньку собиралась угостить.

Маша попробовала и чуть не выплюнула. Феня, повидимому, высыпала въ чашку бульона цѣлую солонку.

— Это ужъ она въ сердцахъ на меня не знаетъ, что дѣлаетъ,—сказала Маша, улыбаясь Павлу Ивановичу, но на лицѣ у нея выражалась большая забота.

— Вотъ, что жъ намъ теперь ребенка съ голоду что-ли морить,—продолжала Марѳа Ѳоминишна.—Вы поговорите-ка съ Феней: бульонъ, какъ слѣдуетъ, даже очень хорошъ, больше его не осталось и другого ничего въ домѣ нѣтъ, а на побѣгушкахъ быть ей некогда. И это съ больнымъ-то ребенкомъ.

Маша молча встала и, нахмуря брови, пошла къ двери. Въ дверяхъ она обернулась и какъ-то сердито бросила Павлу Ивановичу:

— И напрасно вы утромъ пришли. Ужъ какіе тутъ разговоры.

За Машей выплыла, какъ напыжившійся индюкъ, Марѳа Ѳоминишна.

— Тэкъ, — подумалъ Павелъ Ивановичъ,—утромъ прислуга, вечеромъ мужъ, прислуга или мужъ, прислуга или мужъ... Еслибы я былъ дѣвицей, то сорвалъ бы ромашечку, оборвалъ лепестки и предоставилъ рѣшеніе вопроса всеблагому провидѣнію,—но тутъ онъ вспомнилъ папку, которую Маша положила на боковой столикъ.—Можно заглянуть и безъ позволенья,—рѣшилъ онъ. Въ папкѣ были рисунки. Павелъ Ивановичъ внимательно ихъ разсмотрѣлъ. Рисунки были, конечно, исполнены не рукою Ѳедора Ѳедоровича. Въ нихъ было слишкомъ много тепла, женскаго тепла и жизни. Кромѣ того, въ нихъ было еще что-то, что-то неуловимое—можетъ быть, грусть? А между тѣмъ рисунки были все изъ дѣтской жизни, зачѣмъ бы быть въ нихъ грусти? Павелъ Ивановичъ задумался—его защемило за сердце. Потомъ онъ сложилъ рисунки обратно въ папку.

Маша пришла не такъ скоро; пришла и только что собралась что-то разсказывать, какъ вдругъ залилась румянцемъ.

— Вы... вы смотрѣли рисунки?

Павелъ Ивановичъ тоже сконфузился.

— А развѣ нельзя было?

— Я хотѣла показать сама,—она еще гуще покраснѣла и впилась въ него глазами,—что... что вы о нихъ думаете?

— Я думаю, Маша, что вамъ стыдно...

— Ахъ, кому это нужно... — сердито прервала его Маша.

Павелъ Ивановичъ удивленно посмотрѣлъ на нее.

— Вотъ курьезная манера разсуждать; а впрочемъ, можетъ быть, кому-нибудь и нужно. Какъ вы грустно рисуете, Маша. Это ваши дѣти?

— Мои? Нѣ-ѣтъ,—протянула Маша,—за исключеніемъ, кажется, одного рисунка; своихъ трудно рисовать.—Она развернула папку и углубилась въ разсматриваніе рисунковъ. Лицо у нея было очень серьезное.—Это... это дѣти Оленицына; вы, кажется, познакомились съ нимъ у насъ.

— Оленицына?—удивленно переспросилъ Павелъ Ивановичъ,—а я понялъ, что онъ не женатъ.

— Онъ и не женатъ,—лицо Маши было низко наклонено

надъ рисунками,—только у него есть дѣти: пять или даже шесть человѣкъ... я ихъ всѣхъ не знаю,—потомъ она озабоченно посмотрѣла на Павла Ивановича.—Вы, пожалуйста, только ему не проговоритесь...

— Что вы мнѣ сказали о дѣтяхъ? Что вы, какъ можно.

Маша нахмурилась:—Ахъ, нѣтъ, совсѣмъ не то. Этого онъ не скрываетъ. А... на счетъ этихъ рисунковъ... я не хочу ему ихъ показывать...—и она еще ниже наклонилась,—не хочу... его огорчать... напрасно...—Вдругъ она вытащила одинъ рисунокъ и осторожно кончиками пальцевъ поднесла его къ лицу Павла Ивановича:—вотъ, вы видѣли этотъ рисунокъ? Запомните его хорошенько...

Павелъ Ивановичъ уже замѣтилъ этотъ рисунокъ, онъ былъ однимъ изъ лучшихъ: двое дѣтей, возившихся на полу.

— Замѣтили? Теперь смотрите:—и Маша твердыми пальцами разорвала рисунокъ пополамъ сверху внизъ, потомъ сложила обѣ половины и разорвала опять, и такъ еще, и еще, пока отъ рисунка остались только маленькіе кусочки. Кусочки она бросила въ печку.

Павелъ Ивановичъ смотрѣлъ на нее съ открытымъ ртомъ и не могъ придти въ себя отъ удивленія.

— Маша, какъ вамъ не стыдно, вѣдь это же прямо сумашествіе.

Маша посмотрѣла на него холодно:

— Благодаря этому рисунку, я чуть-чуть не потеряла Колю. Я дала зарокъ. Я больше рисовать не буду.

Она отвернулась отъ него, сложила всѣ остальные рисунки въ папку и аккуратно бантиками связала тесемочки, пришитыя къ ея краямъ.

Потомъ они помолчали.

— Маша, неужели вы стали суевѣрны?—наконецъ, сказалъ Павелъ Ивановичъ. Онъ чувствовалъ, что то, что онъ сказалъ, было глупо, нетактично; о, да, ему хотѣлось сказать что-нибудь совсѣмъ, совсѣмъ другое; но онъ не зналъ, что и какъ. Но Маша отвѣтила ему спокойно:

— Еслибы вы прошли въ жизни черезъ то же, черезъ что прошла я, я думаю, вы бы тоже стали суевѣрны.—И, помолчавъ, она прибавила:—Знаете, въ жизни есть страшныя вещи.

Павлу Ивановичу стало не по себѣ. Ему даже какъ будто захотѣлось уйти отъ Маши. А нужно было еще что-нибудь сказать.

— Когда же вы все это рисовали? Давно? Вѣдь вы говорили, что забросили?

Маша отвѣтила не сразу.

— Я и забросила. Я рисую украдкой, какъ воръ. Когда я рисую, я всегда думаю о томъ, что мнѣ нужно дѣлать что-нибудь другое. Какое это ужъ рисованіе?

Когда Павелъ Ивановичъ уходилъ отъ Маши, у него въ головѣ и въ сердцѣ былъ легкій туманъ; но отъ этого тумана становилось не холодно, а скорѣе тепло, и черезъ нѣсколько дней его опять потянуло заглянуть къ Износковымъ.

IV.

О томъ, какъ жили супруги.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ былъ, несомнѣнно, очень хорошимъ мужемъ. Онъ былъ женатъ одиннадцать лѣтъ и за все это время остался вѣренъ женѣ. Мало того, за все это время ни одна женщина не говорила его воображенію, не возбуждала въ немъ ни малѣйшаго вожделѣнія. Нѣтъ, общество жены онъ всегда предпочиталъ обществу всякой другой женщины. Нельзя сказать, чтобы онъ гордился своей вѣрностью женѣ. Это противорѣчило бы его собственнымъ взглядамъ: обоюдную вѣрность онъ считалъ естественнымъ, такъ сказать, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всякаго нормальнаго брака. Но онъ гордился именно нормальностью своей супружеской жизни съ Машей. Въ обществѣ мужчинъ онъ любилъ поговорить на тему о бракѣ и защищалъ его, какъ самую здоровую и благотворную форму сожительства между мужчиной и женщиной.

— Я рѣшительно не понимаю,—говорилъ онъ,—какимъ образомъ мужчина, обладающій здоровой, привлекательной и охотно отвѣчающей на его ласки женой, можетъ почувствовать физическое влеченіе къ какой-нибудь другой женщинѣ.

На послѣднее условіе онъ особенно напиралъ, ибо сожительство съ женщиной, къ нему равнодушной, представлялось ему не только нравственнымъ, но и физическимъ уродствомъ, однимъ изъ половыхъ извращеній, изобрѣтенныхъ цивилизаціей. Когда онъ слышалъ разсказы о „несчастныхъ любвяхъ“, онъ слегка пренебрежительно пожималъ плечами:—„мнѣ кажется,—говорилъ онъ,—что два организма должны бы были инстинктивно чувствовать, есть ли между ними физическое влеченіе. Если же одна сторона, такъ сказать, продолжаетъ упорствовать, не смотря на равнодушіе другой, это только доказываетъ либо грубость физической натуры, либо нравственную извращенность“.

Какъ бы то ни было, но его влеченіе къ Машѣ за всѣ эти одиннадцать лѣтъ осталось такимъ же сильнымъ и здоровымъ. Нельзя сказать, чтобы Маша была красива; но въ ней было много женской привлекательности, и у нея, какъ и у него, было здоровое чистое тѣло. Маша брала ванну каждый день. Серафима Ивановна, акушерка, посовѣтовала Машѣ дѣлать это во время беременности, увѣряя, что это облегчитъ ей роды. И съ тѣхъ поръ ежедневныя ванны вошли у Маши въ привычку, хотя она и сознавала, что доставляла этимъ лишнія хлопоты прислугѣ. Потомъ Маша никогда не душилась и не употребляла никакихъ искусственныхъ прикрасъ. Θедоръ Θедоровичъ любилъ говорить, что душатся только нечистоплотныя женщины, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть лучше запаха свѣжаго молодого женскаго тѣла. Маша была свѣжею, даже когда просыпалась по утрамъ, и для Θедора Θедоровича было бы большимъ лишеніемъ не спать съ ней въ двухспальной постели: онъ такъ любилъ ощущеніе этой постели, наполненной женскимъ тепломъ. Но, безспорно, самымъ удовлетворительнымъ фактомъ его брачной жизни было сознаніе, что влеченіе, которое испытывала къ нему Маша, тоже за все это время нисколько не уменьшилось; наоборотъ, онъ съ увѣренностью могъ сказать, что оно съ годами увеличилось. Послѣ перваго и особенно второго ребенка организмъ Маши развился, сталъ болѣе чувствительнымъ, желаніе болѣе интенсивнымъ. Конечно, это было въ порядкѣ вещей, установленномъ природой; и все-таки Θедоръ Θедоровичъ не могъ не чувствовать, что и онъ сыгралъ въ этомъ не малую роль. У него въ супружеской жизни было одно золотое правило: никогда не докучать женѣ любовью, а скорѣе слѣдить за ея собственнымъ расположеніемъ. Онъ самъ не зналъ, откуда у него явилось это правило; можетъ быть, оно у него выработалось постепенно, подъ вліяніемъ сожительства съ Машей,—вѣдь Маша была такой нормальной женщиной и во всемъ слѣдовала инстинкту... Θедоръ Θедоровичъ гордился своимъ правиломъ. Онъ говорилъ, что еслибы мужья заботились больше о томъ, чтобы удовлетворять законнымъ потребностямъ своихъ женъ,—а для этого требуется только нѣкоторый контроль надъ собой и внимательное отношеніе къ женщинѣ,—не было бы такого количества несчастныхъ браковъ, не говоря уже о томъ, что столько женщинъ дѣлаются нервными, истеричными, по всей вѣроятности, исключительно отъ грубаго отношенія къ нимъ мужчины. Да, не было никакого сомнѣнія, что Θедоръ Θедоровичъ былъ на рѣдкость прекраснымъ му-

жемъ и что его брачная жизнь съ Машей не оставляла желать ничего лучшаго.

И вдругъ въ эту здоровую нормальную атмосферу была внесена фальшивая нота. Послѣ рожденія Варечки Маша вдругъ объявила ему, что она не хочетъ больше имѣть дѣтей. „Да, да,—говорила она,—если ей опять придется рожать, она этого не вынесетъ и помретъ, непремѣнно помретъ“ (какъ будто каждая женщина, когда ей предстоятъ роды, не боится помереть, а между тѣмъ сколько ихъ умираетъ?). „Ну, хорошо, даже если она не помретъ, то во всякомъ случаѣ она не чувствуетъ въ себѣ ни силъ, ни мужества, чтобы проходить черезъ все это опять“.

Конечно, желаніе Маши было для Ѳедора Ѳедоровича закономъ. Во всей ихъ семейной жизни Маша всегда и во всемъ имѣла рѣшающій голосъ, тѣмъ болѣе въ томъ, что касалось ихъ супружескихъ отношеній,—вѣдь женщина несла на себѣ всѣ послѣдствія любви. Все-таки Ѳедоръ Ѳедоровичъ недоумѣвалъ. Послѣдніе роды въ общемъ были нормальными и прошли благополучно. Для него было бы понятнѣе, если бы Маша поставила это условіе послѣ первыхъ родовъ. Они были преждевременными и дѣло дѣйствительно обстояло плохо: Маша промучилась трое сутокъ. Но тогда Маша такъ скоро оправилась. Можетъ быть, тутъ сыграло роль то, что Маша забеременѣла Варей такъ скоро послѣ смерти Вѣрочки и собственной тяжелой болѣзни. По всей вѣроятности, ея нервная система еще не оправилась отъ нравственнаго потрясенія. Во всякомъ случаѣ не было сомнѣнія, что послѣ Вари Маша поправлялась съ большимъ, большимъ трудомъ, отъ всего уставала, часто плакала...

И такъ случилось, что брачная жизнь Износковыхъ потеряла свой обычный нормальный ходъ. Да, несомнѣнно, ихъ супружескія отношенія теперь гораздо болѣе походили на скачку съ препятствіями. Отъ этого то Ѳедоръ Ѳедоровичъ себя плохо чувствовалъ, то Маша нервничала; между ними даже происходили глупыя мелочныя ссоры. Но Маша стояла на своемъ: она ни за что не хотѣла имѣть больше дѣтей. И вотъ Варечкѣ было уже четыре года. Первые два года послѣ рожденія Вари Маша все хандрила, ко всему относилась равнодушно; потомъ она окрѣпла физически, стала замѣчать въ себѣ подъемъ интереса къ жизни, даже стала потихонечку рисовать и очень увлекалась этимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у нея точно испортился характеръ: она стала раздражительной, безпокойной, ее все куда-то тянуло. Когда Ѳедоръ Ѳедоровичъ говорилъ, что это отъ ненормальности ихъ жизни, она круто поворачивалась къ нему спиной. Она чувствовала, что если не сдѣлаетъ этого, то непремѣнно

швырнетъ ему въ лицо сапогомъ, подсвѣчникомъ, чѣмъ попало.

Въ это-то время появился на сцену Павелъ Ивановичъ. Онъ тоже былъ безпокойный, его тоже все куда-то тянуло, но онъ былъ доволенъ собой и всѣмъ окружающимъ. Это дѣйствовало такъ освѣжающе, ободряюще. Онъ все тормошилъ Машу и куда-нибудь тащилъ ее съ собой. Если она отговаривалась: ей въ этотъ день или за дѣтьми нужно было смотрѣть, такъ какъ няня отпросилась домой, или какія-нибудь другія домашнія дѣла ее удерживали, онъ на нее сердился:—„Эхъ, въ самомъ дѣлѣ, народитъ женщина дѣтей и потомъ всю жизнь трясется надъ ними, точно надъ сокровищемъ какимъ. Подождите, еще, можетъ быть, мошенники изъ нихъ выйдутъ",—или—„И чего вы не народите 12 штукъ? Тогда было бы, по крайней мѣрѣ, извинительно. И, право, вамъ это было бы къ лицу".—Но на Павла Ивановича за это нельзя было сердиться. Вѣдь онъ все равно совсѣмъ не понималъ жизни и то, что онъ относился къ ней такъ легкомысленно, даже какъ-то развлекало, веселило. Право, иногда хотѣлось думать—„а что, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ въ жизни все такъ просто и легко".

И для всего у него было успокоительное объясненіе. Когда она вспоминала исторію съ Колиными калошами, онъ говорилъ:

— Удивительно! Такъ же хорошо могло случиться, что онъ сперва бы ихъ надѣлъ, а потомъ въ снѣгу потерялъ или что-нибудь въ этакомъ родѣ. Нѣтъ, ужъ знаете, отъ бѣды не убережешься.

„Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ не убережешься",—думалось Машѣ. Но больше всего онъ приставалъ къ ней съ ея рисованіемъ, доказывая, что это было просто безобразіемъ не работать съ такими способностями.

А Маша становилась все безпокойнѣе, все раздражительнѣе.

Разъ утромъ прибѣжалъ Павелъ Ивановичъ. Видъ у него былъ необыкновенно сіяющій, торжествующій и съ таинственнымъ выраженіемъ лица онъ поманилъ Машу за собой въ угловую. Маша была это утро не въ духѣ. Феня поссорилась съ няней изъ-за какихъ-то глупыхъ пустяковъ. Обѣ онѣ шумѣли, жаловались другъ на друга и тормозили ходъ домашней машины. Волей-неволей Машѣ пришлось вмѣшаться, а этого она терпѣть не могла. Кромѣ того, Варечка натерла себѣ новымъ сапогомъ пятку,—и какъ это Маша не доглядѣла, что сапоги жали! Нога не хорошо выглядѣла, была красная и распухла, и это безпокоило Машу. Она знала одинъ случай, когда у ребенка отъ натертой ноги сдѣлалось

зараженіе крови. Поэтому она держала Варю въ кровати и дѣлала ей на больной ногѣ примочки. Доктора не хотѣлось сразу звать изъ-за пустяковъ. Потомъ пойдутъ докторскіе визиты,—сколько имъ болѣзнь Коли стоила! Варѣ, конечно, было скучно лежать въ постели, такъ какъ она не чувствовала себя больной, и она не хотѣла лежать смирно. Поэтому Маша все утро, пока няня ходила гулять съ Костей, сидѣла съ ней въ дѣтской, помогала ей складывать картинки, читала ей сказочки. Да, а Машѣ хотѣлось думать. Мысли тащили ее совсѣмъ въ другую сторону и какъ ей было трудно бороться съ ними, прогонять ихъ и входить въ маленькіе интересы Варечки. Поэтому когда пришелъ Павелъ Ивановичъ, такой довольный и сіяющій, Маша насупилась и пошла за нимъ въ угловую, протестуя и ворча.

— Ну, что еще?—хмуро сказала она ему, когда Павелъ Ивановичъ торжественнымъ жестомъ пригласилъ ее сѣсть,—мнѣ сегодня некогда, у Варечки нога болитъ и я должна за ней смотрѣть. Выкладывайте скорѣе, что вамъ нужно.

Но Павелъ Ивановичъ не торопился. Лукаво прищуривъ одинъ глазъ, онъ посматривалъ на Машу и ея нахмуренное лицо нисколько не смущало его. Наоборотъ, казалось, ему даже доставляло особенное удовольствіе видѣть ее такой разстроенной и озабоченной. Маша разсердилась:

— Перестаньте смотрѣть такъ. Просто даже глупо. У васъ такой видъ, точно мнѣ пять лѣтъ, а у васъ въ карманѣ спрятанъ леденецъ, которымъ вы собираетесь меня развеселить.

Павелъ Ивановичъ такъ и подпрыгнулъ отъ удовольствія:

— Леденецъ и есть. Этакая вы догадливая!

Потомъ онъ всталъ передъ ней и торжественно скрестилъ руки на груди:

— Маша, я собираюсь везти васъ съ собой въ Италію.

Маша только плечами пожала:

— Будете вы сегодня или не будете говорить, какъ разумное существо. Я же вамъ сказала, что мнѣ сегодня некогда на васъ время тратить... да и желанія не имѣю,—слегка язвительно прибавила она.

Но Павелъ Ивановичъ не сокращался. Онъ сѣлъ рядомъ съ Машей и взялъ ее за руку:

— Слушайте, Маша, слушайте обоими ушами и воспринимайте. Отличное, знаете, я дѣльцо состряпалъ и деньгами, можно сказать, у меня всѣ карманы набиты. Ей-Богу, огурецъ въ смятку,—и онъ похлопалъ себя по карманамъ.—Дальше. Въ связи съ этимъ самымъ дѣльцемъ и въ чаяніи, такъ сказать, новыхъ барышей отправляюсь я своей пер-

соной въ Италію. Эхъ, Маша, хорошо въ Италіи. Итальяночки пѣсни поютъ, небо голубое, волны у береговъ плещутъ. Ну, это къ дѣлу не относится. Дальше будетъ на счетъ моихъ финансовъ..—и онъ опять похлопалъ себя по карманамъ,—деньги я въ банкъ не кладу, въ карманѣ они у меня тоже не залеживаются, а пускаю я ихъ въ оборотъ, когда съ прибылью, когда съ убылью. Это ужъ какъ придется. Вотъ и пришла мнѣ на умъ такая операція. Помѣщу я извѣстную долю капитала на ваше обученіе искусству, пошлю васъ примѣрно на годъ для усовершенствованія въ Италію, какъ будто знатный меценатъ какой. Выгоритъ мое дѣло, вы мнѣ выплатите и съ процентами, не я одинъ говорю, что у васъ талантъ; не выгоритъ, ну „qui ne risque ne gagne pas"; вѣдь вы по-французски понимаете?

Маша смотрѣла на Павла Ивановича и думала о томъ, сошелъ ли онъ съ ума или нѣтъ. Могутъ же человѣку придти на умъ подобныя глупости. Ей, ей уѣхать изъ дому, учиться! Ей, у которой на шеѣ мужъ, дѣти, домъ, гдѣ все на ней держится, гдѣ все требуетъ ея заботъ, ея глаза. Уѣхать! Жить для себя, работать для себя, безъ заботъ, стать опять, какъ прежде, молодой... Вѣдь, это же все равно, что начать жить снова. Глупый, взбалмошный человѣкъ. И вдругъ Маша расплакалась. Ахъ, это потому, что она сегодня и безъ того разстроена. Но она сказала совсѣмъ другое:

— Какъ вамъ не стыдно, это прямо жестоко. И потомъ, какъ будто вы сами не знаете, что это невозможно.

— Невозможно?—подхватилъ Павелъ Ивановичъ,—знаете, иногда этакъ въ полѣ набредешь на канаву. Кажется, невозможно перескочить, этакая досада, нужно идти назадъ. А потомъ постоишь, посмотришь, попримѣришь, поприглядишься, анъ и перепрыгнешь.—И онъ заглядывалъ ей въ лицо. Но Маша молчала и утирала платкомъ глаза.—Вотъ что, Маша, я теперь уйду. А вы объ этомъ подумайте.

Потомъ Павелъ Ивановичъ всталъ передъ ней въ позу, скорчилъ рожу и продекламировалъ:—„Я влилъ ядъ искушенія въ твою добродѣтельную душу и да отравитъ... ну, какъ тамъ дальше, я забылъ. Боюсь, къ типу моей красоты не подходитъ изображать роль перваго любовника Евы. А, впрочемъ, у нея, бѣдняжечки, вѣдь большого выбора не было. Ну, не сердитесь, тридцать пять съ кисточкой, за всѣ мои глупости. Это я, чтобы васъ развеселить.

И Павелъ Ивановичъ ушелъ. А Маша подошла къ окошку и долго неподвижно смотрѣла въ него. И что она тамъ такое видѣла? Ахъ, Боже мой, вѣдь живешь только разъ въ жизни!

V.

„Наша сестра“.

Феня опять поссорилась съ няней. Съ ней положительно творилось что-то неладное. Прежде у нея былъ такой ровный, веселый характеръ, а теперь эти вѣчныя ссоры; и въ исполненіи своихъ обязанностей она была совсѣмъ не такъ добросовѣстна, какъ прежде. Все это очень огорчало и озабочивало Машу. Но, можетъ быть, первое, что заставило ее обратить вниманіе на Феню, было то, что Феня вдругъ перемѣнила свой романсъ. Вмѣсто „Серебристаго поля“ на кухнѣ стало раздаваться: „Разскажите вы ей, цвѣты мои; разскажите вы ей, цвѣты мои“ и такъ до безконечности, все одна и та же музыкальная фраза. Это положительно выводило изъ себя Өедора Өедоровича и, когда онъ приходилъ изъ академіи, то старательно запиралъ въ квартирѣ всѣ двери. Счастье его, что Феня пѣла больше всего по утрамъ. И пѣла Феня какъ-то совсѣмъ по другому,—уже не меланхолически, а порывисто, безпокойно, обрывая на самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ. Даже Маша должна была сознаться, что это дѣйствовало и на ея нервы. Но что же было дѣлать? Маша спросила Феню, гдѣ она выучила свой новый романсъ, и Феня разсказала, что слышала его на гуляньѣ въ манежѣ. Маша вспомнила, что Феня дѣйствительно на Рождествѣ отпросилась на народное гулянье въ Александровскій манежъ. Конечно, въ этомъ еще не было ничего особенно удивительнаго, хотя вообще Феня отличалась строгостью понятій и не признавала никакихъ развлеченій. Но то, что Маша узнала потомъ отъ няни, уже совсѣмъ удивило ее. Феня ходила на гулянье не одна, а со Щолокомъ. Щолокъ былъ деньщикомъ штабсъ-капитана Смирнова, жившаго въ томъ же самомъ домѣ въ третьемъ этажѣ, только съ другого подъѣзда. Изъ деликатности няня умолчала о томъ, что у обоихъ переднихъ подъѣздовъ былъ тотъ же самый задній ходъ. Да, это дѣйствительно было совсѣмъ непохоже на Феню. Феня не любила мужчинъ и отзывалась о нихъ презрительно: — „знаемъ мы ихъ, мужиковъ, что имъ отъ нашей сестры надоть“.—И вдругъ—Щолокъ! Щолокъ былъ благообразный русый парень и познакомилась съ нимъ Феня въ почтовой конторѣ. Въ Россіи спеціально для удобства трудящагося люда почтовыя конторы выдаютъ по воскресеньямъ денежную корреспонденцію. Такъ какъ трудящихся людей много, а воскресенье бываетъ только разъ въ недѣлю, то почтовыя кон-

торы представляютъ отличное мѣсто для знакомствъ. Простоявъ въ толпѣ рядышкомъ около часу, Щолокъ и Феня стали отъ нечего дѣлать разсматривать другъ друга. Потомъ оба высказали вслухъ замѣчаніе, что „кажись, они встрѣчались раньше". Тутъ-то и выяснилось, что, хотя господа ихъ жили съ разныхъ парадныхъ подъѣздовъ, но задній ходъ у квартиръ былъ общій.

— Что, гостинецъ изъ деревни получаете?—спросилъ Щолокъ.

Феня объяснила, что деньги не для нея самой, а для племянницы, обучающейся въ швейной мастерской.

— Такъ точно,—сказалъ Щолокъ,—а вотъ намъ изъ деревни посылаютъ на казенные сапоги.

Это очень разсмѣшило Феню, но тутъ они дождались своей очереди.

— А домой намъ, натурально, одной дорогой,—сказалъ Щолокъ и Феня не могла съ этимъ не согласиться.

По дорогѣ Щолокъ разсказалъ Фенѣ, что у нихъ въ полку выдаютъ гнилые сапоги, такіе гнилые, что черезъ двѣ недѣли подошвы какъ не бывало. А потомъ на осмотрѣ, если сапоги не цѣлы, такъ штрафуютъ. Такъ вотъ имъ всѣмъ въ полку изъ деревни деньги на покупку новыхъ казенныхъ сапогъ посылаютъ. Все лучше, чѣмъ когда наказываютъ. Ну, а баринъ у него хорошій, не дерется и даже мало ругается, и вообще „въ деньщикахъ житье куда вольготнѣе".— Вотъ какъ произошло знакомство Фени и Щолока, но это было уже давно, еще до болѣзни Коли. Скоро послѣ Рождества Феня и совсѣмъ перестала пѣть. На кухнѣ, когда не было ссоръ съ няней, было тихо, тихо. Ѳедоръ Ѳедоровичъ былъ очень этимъ доволенъ, но Маша безпокоилась. Она стала слѣдить за Феней и скоро замѣтила, что у Фени растетъ животъ. Какъ-то разъ утромъ Феня, собирая со стола чай, поймала устремленный на нее пристальный взглядъ Маши. Она густо покраснѣла, но, не говоря ни слова, вышла на кухню. На слѣдующій день вечеромъ она пришла къ Машѣ, сидѣвшей въ угловой:

— Барыня, ужъ я ухожу съ мѣста, ужъ вы извините. За вашу ласку благодаримъ покорно.

Маша почувствовала, какъ она сама сперва покраснѣла, потомъ поблѣднѣла. Она не нашлась, что сказать, потомъ тихо спросила:

— Отчего же ты уходишь, Феня?

Феня помолчала:

— Ноги пухнуть... не могу больше у плиты стоять.

— Куда же ты пойдешь, Феня? Разъ что у тебя ноги пухнутъ...

— Ужъ я пойду...

Наконецъ Маша набралась храбрости:

— Феня, вѣдь, ты беременна!

На этотъ разъ Феня не покраснѣла:

— Хотя бы и такъ. Это мое дѣло и ничейное...

— Феня, куда же ты пойдешь... такая?

Въ голосѣ Маши слышалось почти отчаяніе. Но Феня взглянула на нее холодно, какъ то сверху внизъ и упрямо встряхнула кудряшками:

— Нѣтъ, ужъ вы меня извините, ужъ я уйду...—и Феня вышла.

Маша осталась одна и положила голову на руки: „Вотъ и Феня... храбрится... всѣ мы такъ: пока не знаемъ, кажется море по колѣно". Ей представилось, какъ Феня одна, заброшенная, будетъ мучиться въ родильномъ пріютѣ. Потомъ у нея похолодѣло на сердцѣ. „А впрочемъ, не все ли равно, вѣдь все равно никто не можетъ помочь". Она стала думать о томъ, какая она сама была храбрая, когда носила перваго ребенка. Да, да, она себѣ сказала, что беременность—дѣло естественное и что животныя отправленія не должны имѣть вліянія на жизнь интеллигентной женщины. И она жила жизнью интеллигентной женщины. Животъ ей мѣшалъ: стоять было тяжело, сидѣть трудно, подпирало къ сердцу, лежать... нужно было постоянно, постоянно мѣнять положеніе и это было такъ утомительно; а потомъ, только бывало соберешься заснуть, ребенокъ начинаетъ прыгать въ животѣ, ужъ какой тутъ сонъ. Какой онъ враждебный, этотъ ребенокъ... Уже въ животѣ онъ непремѣнно хочетъ жить по своему, своей собственной жизнью. Почему ему нужно прыгать, когда тѣло матери устало, требуетъ отдыха? А именно тогда онъ больше всего и прыгаетъ... странно это! И потомъ, такъ всю жизнь.

Да, животъ Машѣ мѣшалъ, а она бѣгала на лекціи, на собранія, работала, какъ прежде. Правда, она оставила свои платные уроки, нужно было передать ихъ нуждающимся; но за то она взяла на себя гораздо больше даровой работы въ воскресной технической школѣ. Время было такое горячее, бурное. Всѣмъ нужно было работать. И вотъ ея послѣднее собраніе. Она была такъ взволнована, возбуждена; не смотря на животъ, она вошла на кафедру и сказала большую рѣчь; это была хорошая рѣчь, такой ужъ она больше не скажетъ во всю свою жизнь. И потомъ, когда они пошли домой, у нея вдругъ сдѣлались страшныя схватки. Федя очень испугался, вѣдь до срока было еще четыре недѣли. Да, вотъ какъ это началось... и продолжалось трое сутокъ. Она помнитъ, какъ на третьи сутки у нея въ душѣ

и тѣлѣ было столько ненависти къ жизни, къ окружающимъ, что она вдругъ встала на постели на ноги, вытянулась во весь ростъ и... крикнула. За что ее въ самомъ дѣлѣ мучили, терзали, что она такое сдѣлала? А впрочемъ, можетъ быть, это и не она крикнула, а кто-нибудь другой. Во всякомъ случаѣ это былъ не ея голосъ, а какой-то собачій. И она опять грохнулась изможденная на постель. А потомъ ее все поили шампанскимъ и держали на воздухѣ, чтобы ей не было такъ больно лежать на постели: докторъ держалъ подъ мышками, а Федя и акушерка подъ колѣнками. Да... у нея совсѣмъ не было больше силъ и все-таки казалось такимъ жестокимъ, что надо было помирать. Но ребенокъ родился и... былъ живой. Это былъ Коля. Все было кончено. Она лежала поперекъ постели, и голова у нея свѣсилась съ края, а одна нога была скрючена въ колѣнѣ и торчала кверху, а постель была холодная и мокрая. Къ ней подошли и хотѣли расправить ногу, но она собралась съ силами и прошептала: „не смѣйте, не смѣйте трогать“. Ей казалось, что, если только до нея дотронутся, то послѣдняя искра жизни, которая еще теплилась въ ней, сейчасъ, сейчасъ въ ней потухнетъ. Ее и оставили, только осторожно накрыли простыней. Уфъ, какая тяжелая была простыня; но у нея не хватало больше силъ сказать: „снимите“. Она только лежала и думала, „какъ это можно жить“.

Съ тѣхъ поръ Маша потеряла храбрость. Должно быть, посмотрѣть смерти въ глаза даромъ не обходится, а, можетъ быть, дѣло не въ смерти, а въ страданіяхъ.

Черезъ мѣсяцъ докторъ остался съ ней побесѣдовать:

— Нужно васъ, барынька, пожурить,—сказалъ онъ,—задали вы намъ горячаго. Гдѣ же это видано, чтобы беременныя женщины по собраніямъ бѣгали? Нѣтъ, ужъ коли занялись произведеніемъ рода человѣческаго, извольте всѣ эти головныя глупости по боку оставить. Нервамъ и безъ того много работы предстоитъ, гдѣ же имъ со всѣмъ управиться! О будущемъ поколѣніи тоже не мѣшаетъ позаботиться. Смотрите, какой ребеночекъ тщедушный на свѣтъ появился не хорошо это, барынька, несправедливо.

Маша смотрѣла на доктора и думала: „Странный человѣкъ, вѣдь онъ же былъ тогда, видѣлъ. Неужели же онъ и самъ не понимаетъ, что послѣ этого у нея больше ничего не осталось“. А потомъ она кормила и потомъ опять забеременѣла; родила, кормила и опять забеременѣла. Жила, какъ корова: носила—кормила, носила—кормила. Все надѣялась, что больше не забеременѣетъ и все забеременѣвала.

Ни о чемъ другомъ не смѣла думать, да и гдѣ же было думать? Дѣти, когда они маленькія, особенно, когда начинаютъ ползать и ходить,—вѣдь ихъ ни на минутку нельзя однихъ оставить. Тутъ и четырехъ глазъ едва хватаетъ. Право, кажется меньше устаешь, когда кормишь, хотя и не досыпаешь по ночамъ, ходишь весь день, какъ сонная муха...

Маша подняла опущенную на руки голову, потомъ встала и стала ходить по комнатѣ. Что-то будетъ съ Феней? Оставитъ ее Щолокъ одну, онъ свое дѣло сдѣлалъ. Отдастъ Феня ребенка въ пріютъ или пошлетъ въ деревню и опять пойдетъ въ услуженіе, опять будетъ одна. Это хорошо, что она будетъ опять одна, это лучше, чѣмъ быть замужемъ, когда мужчина всегда подъ бокомъ. Потомъ она будетъ бояться... А впрочемъ, можетъ быть, ей опять захочется мужской ласки, вѣдь ей же, Машѣ, хочется. И зачѣмъ это ей, еслибы ей отъ этого освободиться. Вотъ Надя Кузнецова увѣряетъ, что хоть и любитъ мужа, а физически ей до него нѣтъ никакого дѣла. Когда онъ ее ласкаетъ, она старается думать о чемъ-нибудь другомъ, чтобы было не такъ непріятно. Странные люди, какъ имъ это не противно? Ну, зачѣмъ Надя живетъ съ мужемъ? Ахъ, еслибы она, Маша, была на ея мѣстѣ, она бы съ самаго начала уѣхала и работала, работала. А вотъ Надя сидитъ дома и ничѣмъ не интересуется. Скучная она какая-то стала, а прежде гимназисткой была такая живая, бойкая дѣвочка. Надя увѣряетъ, что въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго, что многія, многія женщины такъ. А вотъ она, Маша... когда Федя проводитъ своей мягкой, сильной рукой,—у него такія красивыя руки,—по ея шеѣ и груди, нѣга разливается у нея по тѣлу, ей хочется вытягиваться, прижиматься къ нему. И что же въ этомъ дурного? Вѣдь это же естественно. И потомъ она себя послѣ этого всегда чувствуетъ такой бодрой, свѣжей. Ѳедя увѣряетъ, что она даже хорошѣетъ. Нѣтъ, и все-таки это дурно, разъ что это калѣчитъ ей всю жизнь, изводитъ ея душу. Это... это чувственность, съ этимъ надо бороться. Хорошо Надѣ разсуждать, что съ „предосторожностями“ это такъ просто. Ей, конечно, просто. А вотъ у нея, у Нади, у самой два года тому назадъ родился ребенокъ: „по ошибкѣ“. И у Маши вдругъ потемнѣло на сердцѣ: а что, если и у нихъ съ Ѳедей случится ошибка, и всѣ эти гадкіе четыре года пойдутъ на смарку. Ужъ если у Кузнецовыхъ, такихъ опытныхъ людей, случилась ошибка! И вдругъ опять носить, опять мучиться, опять болѣть, опять не принадлежать себѣ ни тѣломъ, ни душой, о нѣтъ, она этого больше не можетъ, не можетъ, не хочетъ. Жизнь такъ скоро проходитъ, не-

ужели же ея собственная жизнь ужъ кончилась... И Маша сжала руками голову. А вдругъ, еслибы въ самомъ дѣлѣ уѣхать... учиться, пожить для себя. Вѣдь, вотъ... Павелъ Ивановичъ предлагаетъ, можетъ быть, это въ самомъ дѣлѣ не такъ невозможно, какъ кажется, можетъ быть, стоитъ только рѣшиться... можетъ быть, у нея никогда больше въ жизни не будетъ такого случая, да, конечно, навѣрное не будетъ... Рѣшиться, уѣхать теперь... пока не поздно, пока въ душѣ есть еще желаніе, силы. А вдругъ что-нибудь опять случится и ужъ будетъ поздно, на всю жизнь поздно... Боже мой... Боже мой...

VI.

Машѣ Божій міръ постылъ.

Оленицынъ получилъ отъ Маши записочку съ просьбой придти позавтракать. Придя на квартиру Износковыхъ, онъ нашелъ Машу въ угловой. Она стояла у окошка и смотрѣла на улицу. За окошкомъ густо падали снѣжинки и на ихъ бѣлизнѣ рѣзко выдѣлялась фигура Маши, одѣтой въ черное платье. Оленицынъ не помнилъ, чтобы онъ когда-нибудь видѣлъ Машу въ черномъ. Маша увѣряла, что черное ей не къ лицу, и потому не носила этого цвѣта. А между тѣмъ Оленицыну показалось, что сегодня въ этомъ черномъ платьѣ Маша выглядѣла моложе обыкновеннаго.

— Здравствуйте,—своимъ обычнымъ равнодушнымъ тономъ сказалъ онъ.

— Здравствуйте, — не оборачиваясь, отвѣтила Маша и продолжала смотрѣть на снѣжинки, летавшія за окошкомъ.

Оленицынъ сѣлъ на кресло у стола. Вдругъ Маша круто обернулась; лицо у нея было какое-то необычное.

— Мнѣ скучно, Оленицынъ, мнѣ скучно,—сказала она и лицо ея все передернулось.

Потомъ она быстро прошла комнату, опустилась передъ нимъ на колѣни и, положивъ руки на его костлявыя сухія ноги, уткнула въ нихъ голову. Ощущеніе физической боли прошло по тѣлу Оленицына.—„И зачѣмъ она это дѣлаетъ, ненарокомъ кто-нибудь войдетъ, увидитъ—нехорошо“.

— Оленицынъ, еслибы вы знали, какая тоска меня одолѣваетъ, какая тоска. Кажется, выскочила бы на улицу и пропала, совсѣмъ пропала, а то хоть бы на время, хоть немножко.—Все тѣло Маши вздрагивало.

Оленицынъ помолчалъ, потомъ тихо сказалъ:

— Вы это напрасно такъ говорите. Вѣдь вы любите дѣтей.

Маша вдругъ встала.

— Я люблю дѣтей! Зачѣмъ вы лжете, вѣдь вы отлично знаете, что вы лжете. Что такое для меня дѣти? Дифтеритъ, тифъ, простуды, пороки, разныя дурныя выходки, дырявые чулки, мелкая глупая забота съ утра до вечера— кто можетъ это любить? Вы бы любили?

Оленицынъ смотрѣлъ на Машу. Ему вспомнилось, какъ на дняхъ Аграфена Петровна, увлеченная разстановкой банокъ со свѣжимъ вареньемъ, шарахнула по головѣ подвернувшагося ребенка, за что онъ, Оленицынъ, ее здорово выбранилъ. Ему хотѣлось сказать что-нибудь успокоительное Машѣ, хотѣлось это сдѣлать изъ чисто эгоистическаго чувства, такъ ему было тяжело видѣть ее въ этомъ возбужденномъ, отчаянномъ состояніи. Можетъ быть, поэтому то, что онъ сказалъ, вышло такъ неудачно.

— Вы бы не то сказали, еслибы ихъ потеряли.

Маша даже подскочила.

— Этого еще недоставало? Какъ вамъ не стыдно? Женщина мучается въ родахъ, проклинаетъ тотъ день, когда родилась, потомъ ухлопываетъ всю свою жизнь, всѣ свои силы на ребенка и вдругъ все ни къ чему, все на смарку! О, это жестоко, глупо жестоко. Вы знаете, кто любитъ дѣтей?—Маша сѣла на кресло противъ Оленицына.—Отцы любятъ дѣтей. Вы спросите Θедора Θедоровича, онъ вамъ скажетъ, что онъ ужасно любитъ дѣтей. И... бабушки. Вотъ моя мама—она обожаетъ ихъ. Вы знаете, что она вчера сказала? Что она моихъ дѣтей любитъ куда больше, чѣмъ любила своихъ. Потому что, потому что, когда у нея были свои дѣти, тогда еще ей самой жить хотѣлось. Вы понимаете, вы понимаете, что это значитъ? Когда человѣкъ больше себѣ уже не принадлежитъ?—Маша вдругъ строго, строго посмотрѣла на Оленицына.—Оленицынъ, вы знаете, я брошу все и поѣду доучиваться въ Италію, можетъ быть, что-нибудь изъ меня и выйдетъ.

— Это васъ Павелъ Ивановичъ соблазняетъ?—тихо спросилъ Оленицынъ.

— Хотя бы и Павелъ Ивановичъ. Не все ли равно, кто? Онъ мнѣ дастъ денегъ взаймы и направитъ меня, куда слѣдуетъ. Вамъ, можетъ быть, завидно, что не вы, не вы даете мнѣ опять вѣру въ жизнь, вѣру въ силы? У васъ у самого нѣтъ вѣры въ жизнь.

— Нѣтъ, у меня нѣтъ вѣры въ жизнь, въ женскую жизнь. Хотите, я вамъ скажу, чѣмъ это кончится?

— Чѣмъ это можетъ кончиться? Конечно, это можетъ кончиться тѣмъ, что это не приведетъ ни къ чему, что я, что я уже вся износилась, „пошла въ сѣмя“. Господи, но

нельзя же, нельзя такъ съ открытыми глазами безъ борьбы давать себя зарыть, живьемъ зарыть.

— Вы знаете, чѣмъ это кончится? Это кончится тѣмъ, что Павелъ Ивановичъ будетъ за вами ухаживать и вы... вы поддадитесь.

— Вы, вы не понимаете, какія глупости вы говорите, Оленицынъ. Мнѣ моя женская жизнь надоѣла до такой степени, что я не знаю, что съ собой дѣлать. Не говоря уже о томъ, что Павелъ Ивановичъ...—и Маша презрительно пожала плечами.

— Теперь она вамъ надоѣла, потому что у васъ нѣтъ ничего другого. Послушайте, Маша,—рѣдко, рѣдко, только въ самыя серьезныя минуты ихъ жизни, Оленицынъ называлъ ее Машей, и Маша знала, что то, что онъ говорилъ тогда, было для него очень серьезно,—вы уѣдете, разовьетесь, начнете жить богатой жизнью, полной жизнью, возбужденный организмъ потребуетъ любви, вы даже сами не замѣтите, какъ это случится. Павелъ Ивановичъ тутъ не при чемъ. Это просто природа потребуетъ любви для равновѣсія.

Маша смотрѣла на него почти съ ненавистью.

— Оленицынъ, я не-на-вижу любовь,—протянула она,—понимаете ли вы это?

— Я... тоже...

Маша съ досадой махнула рукой.

— Ахъ, что вы понимаете... Въ теоріи можно ненавидѣть все, что угодно. Что для васъ любовь? Развѣ она тянетъ васъ къ землѣ, связываетъ вамъ руки? Оленицынъ, любовь для васъ—Аграфена Петровна, пріятная, удобная, безъ всякихъ послѣдствій.

— На счетъ пріятности...—и Оленицынъ чуть-чуть повелъ плечами.

— Не лгите, вы сегодня все только лжете. Когда вы ее любите, развѣ вы о ней думаете? Вы думаете о собственномъ удовольствіи, вы очищаете себѣ кровь, освобождаете голову, а какъ она съ этимъ справляется, развѣ васъ это касается? Вы думаете, вы ее вознаградили сторицей, дали ей такое удобное беззаботное существованіе, да еще, можетъ быть, спасли отъ пьянаго мужа. Притомъ Аграфена Петровна въ Бога вѣритъ, для нея все такъ просто. Эхъ, вы, со всей вашей философіей, точно я ее не знаю, вы просто трусъ, боитесь жизни, боитесь страданія. Я тоже трусъ, Оленицынъ, я боюсь... но у меня нѣтъ философіи, за которую я могла бы спрятаться. И жизнь меня бьетъ, прямо по лицу, по тѣлу бьетъ. Ахъ, Боже мой, развѣ женщинѣ философія можетъ помочь? Вы знаете, зачѣмъ я васъ

сегодня позвала? Мнѣ хочется вамъ сдѣлать больно. Мнѣ хочется кому-нибудь сдѣлать больно. Кому я могу сдѣлать больно? Ѳедору Ѳедоровичу... для него жизнь—нормальное явленіе. Павлу Ивановичу... онъ лѣзетъ вверхъ по лѣстницѣ, не оглядываясь, сорвется, опять полѣзетъ. А мы съ вами оба трусы.—Она подошла къ шкафу, нагнулась и вытащила съ нижней полки папку со своими рисунками.

— Маша, зачѣмъ, что это такое, право, довольно.

Оленицынъ нервно теребилъ себѣ пальцы и ерзалъ на стулѣ.

— Ага, уже испугались? Какъ это говорится: мужская организація такая тонкая, она не приспособлена, подобно женской, болѣе грубой, выносить боль. Не бойтесь, боли физической я вамъ не могу причинить.—И она раскрыла папку на столѣ передъ Оленицынымъ и аккуратно, одинъ за другимъ, разложила рисунки:—смотрите, узнаете?—какъ-то злорадно-торжествующе сказала она.

Оленицынъ узналъ, очень хорошо узналъ, хотя его дѣти и играли такъ мало роли въ его жизни.

„Зачѣмъ, зачѣмъ Маша ихъ нарисовала, и какъ она могла ихъ нарисовать? Теперь они будутъ преслѣдовать... эти рисунки“...

А Маша безжалостно продолжала:

— Аграфена Петровна приходитъ ко мнѣ съ дѣтьми. Только она вамъ этого не говоритъ, она васъ боится. Вотъ... и я рисую ихъ, а Аграфена Петровна сидитъ и „жалится“. Вы думаете, ей не о чемъ жаловаться? Вотъ вы посмотрите хорошенько на эти рисунки, нечего отворачиваться. Вы увидите, что я вашихъ дѣтей знаю хорошо и... люблю. Я ихъ люблю, потому что... они не мои и мнѣ ихъ жаль. Видите... вы своихъ дѣтей не любите, а я ихъ люблю. Вотъ я васъ ужалила въ самую пяту, Оленицынъ. А когда Аграфена Петровна въ послѣдній разъ рожала, вы были въ Москвѣ и я пошла къ ней. Думала, могу чѣмъ-нибудь помочь. Вы никогда не видали, какъ рожаютъ кошки, Оленицынъ? У нихъ на мѣстѣ ихъ желтаго блестящаго зрачка дѣлается бѣлое тусклое пятно, точно имъ на глазъ бѣльмо навели. Вотъ... и у Аграфены Петровны были бѣльмы на глазахъ; я не выдержала и убѣжала,—и Маша вдругъ расплакалась,—и дернуло же меня смотрѣть на чужіе роды, какъ будто своихъ не хватало.

Оленицынъ ходилъ молча по комнатѣ, подергивая своей сухой костлявой спиной. Маша перестала плакать. Вдругъ она подошла къ Оленицыну и остановила его, положивъ ему руки на плечи.

— У Аграфены Петровны, Оленицынъ, нѣту словъ. А

у насъ... у насъ острая память и взвинченное воображеніе; и потомъ, потомъ мы не вѣримъ въ Бога и... боимся.

— Вы еще долго будете?—тихо спросилъ Оленицынъ.

— Пока не кончу,—и Маша даже слегка притопнула на него ногой.—Садитесь, Оленицынъ, на диванъ.

Оленицынъ сѣлъ и рядомъ съ нимъ сѣла Маша, подобравъ подъ себя обѣ ноги:

— Оленицынъ, послѣ Варечки я боюсь, тѣло мое износилось, храбрости стало меньше. Я и прежде боялась, но не такъ. Вы думаете, почему у меня четыре года нѣтъ дѣтей? Отъ Бога? Нѣтъ, я думаю, у Бога совсѣмъ другіе разсчеты. Вотъ вы отдаетесь любви, а для меня любовь—коммерческая сдѣлка: кто кого перехитритъ, я природу или она меня. Я лежу и все время думаю—какъ бы и яблочка отвѣдать, и невредимой выскочить. Это, я вамъ скажу, цѣлое сложное искусство,—Маша смотрѣла на Оленицына прямо въ упоръ сухими злобными глазами.—Это, знаете ли, такъ развиваетъ человѣка, приподнимаетъ его надъ животнымъ,—вдругъ она рѣзко потрясла его за плечо:—что же вы не говорите, какъ Ѳедя, что было бы полезнѣе рожать, что рожать естественно?

И вдругъ Маша припала къ его плечу:

— Оленицынъ, помогите мнѣ, поддержите меня, мнѣ нужно уѣхать, мнѣ нужно освѣжить тѣло, душу, не говорите, что это безнадежно, нельзя говорить такихъ вещей...

У Оленицына изъ-подъ золотыхъ очковъ катились слезы и онъ ихъ слизывалъ съ жидкихъ усовъ. Потомъ онъ тихо сказалъ:

— Уѣзжайте, Маша, милая, уѣзжайте и... не поминайте лихомъ.

Когда онъ прощался съ нею въ передней, онъ взялъ ее за руку и тихо сказалъ:

— Маша, помните, что я вамъ сказалъ... на счетъ Павла Ивановича.

Но Маша только досадливо повела плечами.

VII.

Маша прыгаетъ черезъ канаву.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и приготовлялся къ завтрашней лекціи. Маша вошла тихонечко, отодвинула прочь его бумаги и сѣла къ нему на колѣни. Это было очень пріятно, что Маша сидѣла у него на колѣняхъ, и ему хотѣлось обнять ее и прижать къ себѣ, но у Маши на лицѣ было „запретительное“ выраженіе.

— Ѳедя, я тебѣ что-то сейчасъ скажу, отъ чего ты подпрыгнешь и, конечно, придешь въ ужасъ. Но это только такъ сначала, потомъ, ты увидишь, это окажется проще,— сравненіе съ канавой, придуманное Павломъ Ивановичемъ, все время вертѣлось у Маши въ головѣ и придавало ей храбрости.

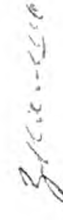
Ѳедоръ Ѳедоровичъ смотрѣлъ на нее испуганными глазами.

— Маша, что случилось?

— Пока еще ничего, только, только...—Маша обняла его за шею и прижалась лбомъ къ его щекѣ,—я хочу уѣхать.

— Уѣхать, какъ уѣхать, куда уѣхать?—Выраженіе лица у Ѳедора Ѳедоровича сдѣлалось еще испуганнѣе. Маша взглянула на него:

— Ну, что, въ самомъ дѣлѣ, какъ ты смотришь,—Маша даже немного разсердилась,—не сбѣжать же я собираюсь; еслибы я собиралась сбѣжать, я бы тебя объ этомъ не предупреждала. Какой ты, право...

— Маша, я не понимаю.

— Не понимаешь! Вотъ ты же два раза ѣздилъ заграницу съ тѣхъ поръ, что мы поженились.

— Я же, Маша, ѣздилъ не по своей охотѣ, ты же знаешь, мнѣ это нужно было для моихъ лекцій въ академіи.

Маша прищурила на него одинъ глазъ:

— Ну, конечно, тебѣ этого даже совсѣмъ не хотѣлось, не правда ли? Это было съ твоей стороны жертвой долгу службы.—Маша вспыхнула:—Ну, а мнѣ вотъ просто хочется, и никакой службы у меня въ оправданіе нѣтъ. Просто хочется, для себя.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ задумался. Онъ думалъ о томъ, что Маша стала совсѣмъ сама не своя и виною этому, конечно, были ихъ ненормальныя супружескія отношенія. Потомъ онъ сказалъ:

— Но, Маша, вѣдь, для заграничнаго путешествія прежде всего нужны деньги, а ты знаешь, что теперь у насъ ихъ нѣтъ.

Маша покраснѣла. Потомъ она мысленно зажмурила глаза, перекрестилась и... прыгнула черезъ канаву.

— Мнѣ даетъ взаймы Павелъ Ивановичъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ спустилъ ее съ колѣнъ, всталъ и безпокойно прошелся по комнатѣ:

— Маша, я тебя совсѣмъ, совсѣмъ не понимаю. Точно ты сама не понимаешь, что это невозможно.

— Я ужъ это обдумала и пришла къ заключенію, что это возможно. Вѣдь я же поѣду не развлекаться, а учиться.

Ты же знаешь, Павелъ Ивановичъ показывалъ мои рисунки кое-кому и всѣ мнѣ совѣтуютъ продолжать работать. Почемъ знать, ты, конечно, этому не вѣришь, но, можетъ быть, мнѣ и удастся ему все выплатить.

— Но, Маша, чему же можно научиться въ такой короткій срокъ?—Ѳедоръ Ѳедоровичъ ѣздилъ заграницу на шесть недѣль, поэтому никакой другой промежутокъ времени не рисовался его воображенію.

Маша опять мысленно зажмурилась и перекрестилась:

— Но кто же тебѣ сказалъ, что я поѣду на короткій срокъ? Я поѣду на годъ.

У Ѳедора Ѳедоровича отвалилась нижняя челюсть:

— Маша, побойся Бога, какъ же мы... тутъ безъ тебя... будемъ жить... цѣлый годъ!

Маша молчала; она слышала отчаяніе въ голосѣ Ѳедора Ѳедоровича и понимала, что онъ говоритъ правду: въ самомъ дѣлѣ, какъ они будутъ жить тутъ безъ нея; она сама не могла себѣ этого представить. Когда уѣзжалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, дѣло нисколько не мѣнялось; если же уѣдетъ она... нѣтъ, она даже не хотѣла думать о томъ, какъ все будетъ. Только нѣтъ, она не должна сдаваться, теперь или никогда. А Ѳедоръ Ѳедоровичъ продолжалъ:

— Вѣдь, если учиться, развѣ бы ты не могла учиться здѣсь, не уѣзжая изъ дому?

— Ахъ, Ѳедя, Ѳедя, не могу я учиться дома. Еслибы я могла... тогда, тогда тебѣ не было бы замѣтно и то, еслибы я уѣхала заграницу. Я знаю, ты этого не понимаешь. Мнѣ нужно, чтобы тутъ было свободно,—и она провела рукою по лбу,—и потомъ, потомъ мнѣ нужно уѣхать изъ дому, нужно уѣхать отъ тебя.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ ухватился за эти послѣднія слова. Онъ былъ готовъ на какія угодно жертвы, только чтобы Маша отъ него не уѣзжала, чтобы гнѣздо не раззорялось.

— Неужели изъ-за этого? Маша! Какъ будто нельзя устроиться по другому. Вѣдь, у насъ есть комнаты, я могу переселиться въ кабинетъ.

— Полно, Ѳедя, ну что въ самомъ дѣлѣ наивничать, точно отдѣльныя комнаты помогутъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ сидѣлъ и молчалъ; ему уже казалось, что Маша уѣхала, что въ квартирѣ темно, холодно и пусто. Потомъ ему стало еще холоднѣе, и онъ тихо сказалъ:

— А если ты не захочешь больше вернуться...

Маша задумалась, потомъ покачала головой:

— Вернусь... дѣти...

— А до меня тебѣ нѣтъ никакого дѣла?

— Нѣтъ, я думаю и о тебѣ. Только если я вернусь, то это будетъ изъ-за дѣтей. Ахъ, мнѣ такъ мучительно хочется пожить безъ этого... безъ любви...

Вотъ какъ Маша перескочила канаву. Өедоръ Өедоровичъ подчинился. Впрочемъ, Маша знала заранѣе, что онъ подчинится. Оттого-то и было такъ трудно ему объ этомъ сказать. Теперь предстояло другое трудное дѣло. Нужно было уговорить маму взять на себя отвѣтственность въ уходѣ за дѣтьми. Конечно, мама не можетъ жить съ ними. но все-таки няня могла бы каждый день ходить къ ней съ дѣтьми и обо всемъ совѣтоваться. Вообще не могла же Маша уѣхать, не устроивъ, чтобы кто-нибудь взялъ на себя хотя бы въ общихъ чертахъ заботу о дѣтяхъ. Мама была человѣкъ практическій. Она сначала страшно разсердилась на Машу и отказала ей наотрѣзъ: вотъ еще, будетъ она брать на себя лишнюю заботу, когда въ этомъ нѣтъ никакой необходимости, а люди просто съ жиру бѣсятся. Да ни за что на свѣтѣ! И вовсе не потому, что она боится отвѣтственности, что же, вѣдь дѣти остаются не одни, а съ отцомъ, значитъ, за нимъ будетъ окончательное слово во всемъ серьезномъ, нѣтъ, этого она не боится; но она просто этимъ глупостямъ не сочувствуетъ, и потому пускай они ищутъ себѣ другихъ помощниковъ. Ѣхать учиться ей, Машѣ, замужней женщинѣ! И чего она не видала въ этомъ ученьѣ! Еслибы это еще былъ какой-нибудь вѣрный заработокъ, а искусство... Не будетъ же она по возвращеніи опять бѣгать уроки рисованія давать. Стоило тогда замужъ выходить.

Да, мама была ужасно разсержена и, казалось, мало было на нее надежды. „И этакое сумасшествіе бросать ни на что такую уйму денегъ въ ожиданіи какихъ-то талантовъ“. Мама не вѣрила въ таланты. Для нея были только профессіи: профессіи выгодныя и невыгодныя. „Во всякомъ случаѣ теперь, разъ Маша замужемъ, ни о какой профессіи она и думать не можетъ. Да, это только сумасшедшіе способны такъ швырять деньгами. Особенно, когда у нихъ и безъ того ихъ не слишкомъ много“. Өедоръ Өедоровичъ и Маша уговорились никому не говорить о предложеніи Павла Ивановича, а что Павелъ Ивановичъ самъ не будетъ объ этомъ говорить, за это Маша ручалась. Она не знала почему, но она была въ этомъ совершенно увѣрена. Нѣтъ, мама совершенно не могла понять Машу. Когда она узнала, что Павелъ Ивановичъ обѣщался устроить Машу въ Италіи, такъ какъ самъ туда ѣхалъ и вообще хорошо зналъ мѣстныя условія, ей пришло на мысль, что Машѣ надоѣлъ мужъ, и она хотѣла завести интригу. Но она скоро отбросила эту мысль. „Павелъ Ивановичъ былъ такой неинтересный, пожа-

луй, еще хуже Оленицына, оба они не чета Ѳедору Ѳедоровичу". „Ну, ужъ и поклонники у Маши", вздохнула она про себя. Мама ничего не имѣла противъ того, чтобы Маша заводила себѣ поклонниковъ. Это, конечно, было ея женскимъ правомъ и во всякомъ случаѣ было бы естественнѣе этихъ выдумокъ объ ученіи, искусствѣ и т. д. Нѣтъ, мама не понимала Маши. Не понимала она также и Ѳедора Ѳедоровича, какъ онъ могъ быть до такой степени подъ башмакомъ у Маши.

— Слишкомъ хорошъ у тебя мужъ, душа моя, вотъ что,— говорила она ей,—избаловалъ тебя не въ мѣру. Мы не черезъ то проходили.

Мама вышла замужъ, когда ей было 17 лѣтъ, и къ 30 годамъ у нея было 9 человѣкъ дѣтей. Впрочемъ, это было не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ первыхъ трехъ она „растеряла по дорогѣ", это было ея собственное выраженіе. „Откуда же знать сначала, какъ съ ними возиться". Но на этихъ трехъ „растерянныхъ" она научилась и остальныя шесть вышли на славу, здоровыя и рослыя, и она ими очень гордилась. Но за то сама мама, какъ вышла замужъ ребенкомъ, такъ на всю жизнь и осталась. Въ печатномъ словѣ она признавала только „Новое Время"—вѣдь всѣ его читаютъ, и французскіе романы. Русскіе были слишкомъ мудреные. Да и французскіе она читала больше ради практики во французскомъ языкѣ. Мама любила соединять пріятное съ полезнымъ. Но у мамы было доброе сердце. Она видѣла, что Маша задумывалась и смотрѣла въ окошко; и въ одинъ прекрасный день не выдержала:

— А ну тебя, поѣзжай на всѣ четыре стороны, коли чужіе люди милѣе своихъ. Чудной теперь народъ сталъ, безсердечный какой-то; даже матери дѣтей своихъ не любятъ.

То, что говорила мама, конечно, было не важно. Важно было то, что она соглашалась. Значитъ, Маша могла ѣхать. И вотъ стало всѣмъ извѣстно, что Маша уѣзжаетъ на годъ учиться за границу. Знакомыя дамы говорили Машѣ соболѣзнующе:

— Бѣдная, вамъ это будетъ трудно, такая долгая разлука съ дѣтьми.

Машѣ хотѣлось крикнуть:—„Наоборотъ, мнѣ будетъ весело, безумно весело".—Но вмѣсто этого она сжимала себѣ пальцы и говорила, опустивъ глаза:

— Да, конечно, мнѣ будетъ очень скучно, но что же подѣлаешь?

Надя Кузнецова забѣжала къ ней прямо отъ портнихи,— она, кажется, больше всего на свѣтѣ интересовалась тряп-

ками. Она какъ-то заново и съ любопытствомъ посматривала на Машу:

— Такъ ты ѣдешь, что же это хорошо! Вотъ я упустила время. А впрочемъ, что-жъ, жизнь все равно такая скучная, безцвѣтная.

Машѣ было жалко Надю и она не сказала того, что хотѣла сказать,—что въ жизни такъ много, такъ много красивыхъ красокъ, что у нея сердце тоскуетъ по нимъ, бьется ожиданіемъ. Да, для Маши настала новая пора. Все спорилось въ рукахъ, все дѣлалось такъ легко. Вѣдь всему этому скоро, скоро конецъ. А когда предвидится конецъ, тогда поднимается энергія. Она должна обо всемъ хорошенько позаботиться, все привести въ порядокъ, снарядить дѣтей и мужа. О, столько, столько было всего на цѣлый годъ впередъ. Нужно было оставить мамѣ какъ можно меньше хлопотъ; какъ это было хорошо, что она брала на себя отвѣтственность—милая, милая мама. Машѣ казалось, что она никогда еще такъ ихъ всѣхъ не любила: ни дѣтей, ни Ѳедю, ни маму, ни Оленицына и ей хотѣлось быть съ ними такой ужасно, ужасно нѣжной и ласковой. Вѣдь всему этому скоро конецъ. конецъ.

Ушла Феня, бѣдная Феня. Она такъ и не сказала, куда она ушла. Въ другое время Маша, навѣрное, пришла бы въ отчаяніе отъ необходимости вводить въ домъ неизвѣстнаго чужого человѣка. Она была такъ избалована Феней, вѣрной Феней, прожившей у нея столько лѣтъ. Но теперь и это оказалось легко. Маша возилась съ новой кухаркой, пріучала ее ко всему, зорко наблюдала за ней, входила во всѣ мелочи. И все было легко, такъ легко. И какъ это Машѣ могло раньше казаться, что хозяйство было такъ скучно и утомительно. Теперь у нея подъ мышкой все время былъ итальянскій самоучитель и она въ него заглядывала въ каждую свободную и несвободную минуту. Просто даже удивительно, сколько она успѣла выучить за такой короткій срокъ.

VIII.

И попадаетъ въ голубое царство.

И вотъ Маша уѣхала. О Италія, прекрасная Италія, голубая, лиловая Италія; ее Маша унесетъ съ собой въ могилу, она съ ней не разстанется ни во вѣки вѣковъ. Было рѣшено, что Маша будетъ учиться въ Римѣ, но Павелъ Ивановичъ предложилъ употребить первый мѣсяцъ на то, чтобы медленно спускаться по Италіи съ сѣвера на югъ. По его мнѣнію, Машѣ до начала ученія нужно было хоро-

шенько впитать въ себя воздухъ и краски Италіи. Да и ему кстати нужно было по дѣламъ заглянуть въ нѣкоторые сѣверные города. Они спустятся черезъ Миланъ въ Геную и потомъ поплетутся вдоль Средиземнаго моря. Павелъ Ивановичъ уже съ мѣсяцъ, какъ уѣхалъ за границу, и между ними было условлено, что онъ встрѣтитъ Машу въ Миланѣ. Но, когда Маша пріѣхала въ Миланъ, Павла Ивановича еще не оказалось на мѣстѣ. На бѣду Машинъ багажъ застрялъ гдѣ-то на дорогѣ. Маша побѣжала въ лавки купить все самое необходимое, вѣдь она выучила всѣ нужныя слова по самоучителю. Больше всего ей нужно было пріобрѣсти ночную рубашку, но вмѣсто рубашки ей все время показывали ночные чепчики; тогда она проводила рукой по всему тѣлу, предполагая, что это было достаточно яснымъ опредѣленіемъ для ночного одѣянія, покрывающаго все тѣло. Но ей въ отвѣтъ какъ-то странно улыбались и качали головами. Такъ Маша и осталась безъ ночной рубашки. Она рѣшила, что итальянцы ихъ не употребляютъ. А, можетъ быть, въ Миланѣ для нихъ существуетъ какое-нибудь мѣстное названіе. Но только въ самоучитель она послѣ этого не заглядывала. Да и не нужно было. Маша находила, что итальянскій языкъ былъ ужасно легкій, каждый день она запоминала добрую сотню словъ, пойманныхъ на улицѣ, а на счетъ разныхъ склоненій и спряженій это было совершенно лишнимъ. Итальянцы были такой смышленный народъ и всегда ее великолѣпно понимали. Практики тоже было много. Съ ней всѣ заговаривали: полицейскіе, кондуктора, носильщики, извозчики. У нея глаза блестѣли такою радостью и восхищеніемъ, что, не смотря на присутствіе подъѣхавшаго тѣмъ временемъ Павла Ивановича, всѣ на нее оглядывались и всѣ съ ней заговаривали. И чему она радовалась, чѣмъ восхищалась? Она и сама не знала; такъ вообще, всему.

Уже въ Миланѣ оказалось, что они съ Павломъ Ивановичемъ не сходятся въ характерахъ и что между ними будетъ происходить глухая, но упорная борьба. Павелъ Ивановичъ очень любилъ хорошо покушать и тащилъ Машу въ хорошіе, дорогіе европейскіе рестораны. Маша возмущалась: „Какой же былъ смыслъ ѣхать въ Италію, если не жить по-итальянски, не дѣлать все такъ, какъ дѣлаютъ итальянцы“. И она въ свою очередь тащила его въ какія-то захолустныя остеріи и заказывала макароны съ сыромъ или томатами, салатъ и... ну, за вино все равно не нужно было платить: его подавали въ графинчикахъ даромъ заодно съ водой. Иногда можно было позволить себѣ яичницу или, можетъ быть, frutti di mare—это такія рыбки, не рыбки,

а разныя морскія козявки, зажаренныя въ сухаряхъ, такъ что все равно было не видать, что тамъ такое внутри этихъ сухарей. Но во всякомъ случаѣ и яичница, и frutti di mare были уже роскошью. Маша съѣдала съ большимъ аппетитомъ полную тарелку макаронъ и старалась ѣсть ихъ по-итальянски, т. е. не разрѣзывая, а всасывая ихъ медленно въ ротъ, отчего бѣднаго Павла Ивановича только тошнило. Онъ увѣрялъ Машу, что „она кушаетъ, какъ птичка".

— Вотъ какая уничтожающая иронія,—смѣялась Маша,—только она совершенно меня не конфузитъ. И уже совсѣмъ не вамъ издѣваться надъ чьимъ бы то ни было аппетитомъ, только потому, что вы не любите макаронъ.

Павелъ Ивановичъ вздыхалъ.

— А вы видали, Маша, когда-нибудь, какъ птички кушаютъ?

— Конечно, видала: клюютъ себѣ по зернышку, какъ свѣтскія барышни.

— Тэк-съ... А то бываетъ еще, поймаетъ птичка земляного червя, длиннаго, предлиннаго, въ три раза длиннѣе ея самой, и начнетъ его медленно, съ чувствомъ втягивать клювомъ. Потянетъ, потянетъ, потомъ остановится, повернетъ головку этакъ бокомъ и глядитъ однимъ глазкомъ, какъ онъ у нея изъ клюва извивается, изворачивается—очень это для нея, знаете, пріятное зрѣлище; посмотритъ и опять потянетъ.

О, нѣтъ! Этого Маша никогда не видала и, должно быть, потому продолжала всасывать макароны съ прежнимъ аппетитомъ. Съѣвъ свою порцію,—и это было уже прямо оскорбительно,—она приставала къ Павлу Ивановичу, чтобы онъ съѣдалъ и свою.

— И что это за манера у васъ роскошничать, точно милліонеръ какой. Нужно съѣдать все, за что заплачены деньги. Вѣдь это не дома, гдѣ можетъ пригодиться для другого раза.

И Маша непремѣнно выпивала все вино, которое подавалось въ графинчикѣ; къ вину у Маши не было привычки и потому, хотя оно и было очень легкое, у нея отъ него кружилась голова. А, можетъ быть, ужъ это былъ такой итальянскій воздухъ. Потомъ они переѣхали въ Геную, гдѣ собственно и начиналась настоящая Италія. На станціи они оставили свой багажъ на храненіе, за что заплатили деньги и получили квитанцію; но когда они хотѣли уходить, то завѣдующій багажомъ замѣтилъ имъ съ выраженіемъ крайняго удивленія на лицѣ, что онъ еще не получилъ на чай и что „безъ этого" онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ

себя считать отвѣтственнымъ за сохранность багажа. Пришлось заплатить и „на чай“.

Вотъ это-то и была настоящая Италія, которая понимаетъ, какъ она красива, и считаетъ, что, если глупымъ иностранцамъ хочется ее непремѣнно имѣть, то пускай раскошеливаются; а иначе нечего имъ къ ней и соваться. Да, съ Генуи начиналась настоящая Италія. Была ранняя весна и въ садахъ цвѣли желтыя розы и бѣлые померанцы. И тѣ, и другіе такъ сильно, сильно пахли. Отъ этого запаха у Маши тоже кружилась голова. Павелъ Ивановичъ и Маша останавливались въ маленькихъ приморскихъ мѣстечкахъ и бродили по окрестностямъ; потомъ передвигались дальше въ какомъ-нибудь смѣшномъ мѣстномъ дилижансѣ, гдѣ съ нихъ непремѣнно брали двойную плату въ виду того, что они были глупые иностранцы. Это было такъ занятно, что они нарочно притворялись, что не понимаютъ по-итальянски. Справа было море, слѣва горы, вдоль дороги попадались дома. Дома были нѣжно-розовые, голубые, желтые, сиреневые. Горы были лиловыя, а море яркосинее. Маша увѣряла, что Италія похожа на тѣ картинки, которыя раскрашивали ея дѣти; дѣти такъ любятъ красивыя краски. Оттого-то у нихъ волосы иногда выходятъ изумрудными, а дороги ярко-красными. Посрединѣ мѣстечка, въ тѣни высокихъ домовъ, попадался маленькій дворикъ, выложенный темно-красными плитами, между которыхъ пробивался влажный, ярко-зеленый мохъ. Посрединѣ дворика былъ фонтанъ изъ розоваго или бѣлаго мрамора. Изъ фонтана била вода. Солнечный лучъ, пробравшись въ щель между высокихъ домовъ, цѣловался съ брызгами и бросалъ на темно-красныя плиты пятно, яркое, какъ огонь. Потомъ они лѣзли на горы, чтобы осмотрѣть какой-нибудь заброшенный монастырь. Къ монастырю вела только крутая тропинка. Монастырь, навѣрное, тоже былъ розовый или голубой. По бокамъ дорожки, по склону горъ съ дерева на дерево мягкими цѣпями перевѣшивались виноградныя лозы. Маша увѣряла, что по утрамъ, когда еще не встало солнце и не проснулись люди, верхомъ на этихъ цѣпяхъ быстро, быстро качались феи винограда; оттого-то, когда люди пьютъ вино, у нихъ кружится голова. И у фей этихъ были большіе, влажные красно-лиловые волосы, летавшіе по вѣтру: влѣво, вправо, влѣво, вправо. Потомъ она смотрѣла впередъ на лиловыя горы, закрывавшія горизонтъ, и горы были мягкія, мягкія. „И кто это сумѣлъ горы сдѣлать мягкими“, думала она, „вотъ мнѣ, навѣрное, не удастся“. А позади, далеко, далеко внизу, какъ сказочная ткань, лежало нѣжно, нѣжно-голубое море, все пропитанное золотою пылью, ко-

торую бросало въ него сверху солнце. И ничему не было конца, потому что, кто же его знаетъ, гдѣ оно было небо, гдѣ оно было море. Былъ одинъ безбрежный голубой міръ.

И на Машу вдругъ находило бѣшенство. Она начинала во все горло, по скольку хватало воздуха въ легкихъ, орать какую-нибудь сумашедшую пѣсню или испускать дикіе, но сильные и радостные крики; а то еще она ложилась на землю прямо на животъ, дрыгала въ воздухѣ ногами, а руками гладила и ласкала землю. О, какъ она ее любила, эту прекрасную землю. У Павла Ивановича чуть-чуть проходила дрожь по спинѣ, и онъ съ усиліемъ отворачивался. Но вслухъ онъ смѣялся и говорилъ:

— Совсѣмъ вы себя неприлично ведете. Ну, подумайте, если вдругъ какой-нибудь монахъ на васъ наткнется.

Потомъ они спускались внизъ на скалы къ самому морю и заглядывали въ его глубину. Глубина была яркая: синяя, лиловая, зеленая; а иногда всѣ три краски мѣшались вмѣстѣ и выходило что-то совсѣмъ неописуемое. Маша смотрѣла въ глубину, не отрываясь, и увѣряла, что видѣла синіе дворцы морского царя. „Ну, конечно, развѣ простое дно могло быть такимъ синимъ? Стѣны дворцовъ были прозрачныя, и потому сквозь нихъ можно было видѣть русалокъ, тѣхъ глупыхъ русалокъ, которыя за человѣческую любовь отрѣзаютъ себѣ хвостъ и мѣняютъ его на ноги, да притомъ еще больныя. Фуй!“

Какъ, отчего больныя? „Развѣ же вы не помните маленькую русалочку Андерсена? Вѣдь у нея при каждомъ шагѣ ноги, какъ ножемъ, рѣзало. Ну, впрочемъ, что же! Вѣдь русалочка была влюблена, а кто влюбленъ, тотъ на всякіе фокусы способенъ. Даже, пожалуй, по ножамъ бѣгать“. И Маша грустно задумывалась. „А вотъ у меня болѣли ноги, когда я Варю носила. Тогда это совсѣмъ не такъ просто казалось. Какъ бывало ни повернусь, точно шиломъ по нерву проведутъ“.

Иногда въ скалахъ подъ водой вдругъ бросалось въ глаза большое алое пятно. Это полоса краснаго мрамора въ этомъ мѣстѣ спускалась въ море. Это Машѣ не нравилось, это было похоже на кровь. Зачѣмъ кровь въ русалочномъ царствѣ? Достаточно и того, что ее такъ много на землѣ. И Маша отворачивалась и прыгала со скалы на скалу, и пѣла пѣсни. Ей такъ хотѣлось быть русалкой, только русалкой. Развѣ не для того она вынула свое человѣческое сердце и выпустила свою горячую кровь, чтобы превратиться въ русалку, въ русалку, у которой въ глазахъ заразъ отражается вся глубина неба, вся синева моря.

И она весело подмигивала Павлу Ивановичу и манила его за собой.

И пухлый Павелъ Ивановичъ пыхтѣлъ и лазалъ за Машей по скаламъ. Впрочемъ, онъ увѣрялъ ее, что она ни чуточки не похожа на русалку, а просто стала опять сама собой, прежней молодой Машей, „той старой Машей, у которой въ глазахъ было такъ много власти надъ нимъ“.

Но это послѣднее онъ, конечно, оставлялъ про себя. Потомъ Маша сердилась на себя за то, что подмигивала Павлу Ивановичу. Вѣдь этотъ глупый Павелъ Ивановичъ, навѣрное, въ нее влюбленъ. Иначе онъ не смотрѣлъ бы на нее такими глупыми глазами. Господи, точно нельзя обойтись безъ этого. Но Маша скоро забывала Павла Ивановича и только смотрѣла и смотрѣла. Точно вся душа ея теперь переселилась въ глаза. Въ одномъ маленькомъ мѣстечкѣ на пьяццѣ они набрели на маленькаго музыканта. Онъ игралъ на большой, большой гармоникѣ и какъ онъ хорошо игралъ. Онъ игралъ и все время какъ-то судорожно вытягивалъ шею и подергивалъ головой—это тяжелая гармоника рѣзала ему ремнемъ шею. Онъ былъ круглымъ сиротой—это Маша сейчасъ же прочитала въ его глазахъ—и шелъ на далекій сѣверъ, въ холодную Швецію и Норвегію, гдѣ, ему сказали, люди хорошо платятъ. И Маша смотрѣла на него, какъ онъ подергивалъ шеей и говорилъ глазѣвшей на него публикѣ: „потанцуйте-ка, господа“, и ей хотѣлось понять, куда смотрѣли его глаза. Потомъ она вдругъ объявила Павлу Ивановичу, что она должна нарисовать этого музыканта. Но Павелъ Ивановичъ воспротивился—имъ нужно было теперь торопиться въ Римъ. Маша подчинилась. „Ну, что же, въ Римѣ она найметъ другого мальчика съ гармоникой для модели, а это лицо, эти глаза уже перешли къ ней въ руки“. Да, она прямо чувствовала ихъ въ своихъ пальцахъ.

Наконецъ, они пріѣхали въ Римъ. Павелъ Ивановичъ уже нанялъ для Маши помѣщеніе. Нужно было идти вверхъ, вверхъ, по безконечной каменной лѣстницѣ высокаго каменнаго дома. Эта каменная лѣстница, думалось Машѣ, походила на ту непріятную дорогу, по которой праведники восходятъ въ рай. Наверху были двѣ комнаты, полъ у нихъ былъ каменный, но въ окошки былъ виденъ весь Римъ. Нѣтъ, не весь, такъ какъ окошки выходили только на двѣ стороны. Изъ комнатъ шла маленькая лѣсенка винтомъ на крышу. Крыша была почти плоская, на ней стояли горшки съ цвѣтами и посрединѣ было устроено что-то вродѣ бесѣдки, по которой вились розы. Отсюда-то и былъ виденъ весь Римъ. И когда Маша стояла и смотрѣла, у нея захватывало духъ. Потомъ Маша начала учиться. Все утро и

большую часть дня она проводила въ студіи. Тамъ она познакомилась со всякимъ народомъ, народомъ со всѣхъ концовъ земли. По вечерамъ собирались часто у нея на крышѣ, сидѣли при лунномъ свѣтѣ или зажигали китайскіе фонарики. А то еще бродили по Риму, смотрѣли и слушали. Передъ каждымъ кабачкомъ раздавалось пѣнье подъ аккомпаниментъ гитары и мандолины. Разъ они привели уличныхъ музыкантовъ съ собой на крышу. За это хозяйка чуть-чуть не согнала Машу съ квартиры. Музыканты играли по кабачкамъ и было крайне неприлично впускать ихъ въ частное помѣщеніе. Былъ въ ихъ компаніи одинъ молодой норвежецъ, который увѣрялъ Машу, что влюбленъ въ нее, и сочинялъ въ честь ея норвежскіе стихи, которыхъ Маша не понимала. Въ доказательство своей любви онъ разъ прыгнулъ въ знаменитый фонтанъ Di Trevi, находящійся посерединѣ Рима, и добросовѣстно проплылъ его кругомъ. Его хотѣлъ поймать полицейскій, но влюбленному удалось выскочить и удрать отъ полицейскаго на извозчикѣ. Извозчикъ потомъ потребовалъ большое вознагражденіе за убытки, такъ какъ норвежецъ промочилъ ему все сидѣнье. У норвежца же, конечно, не было ни гроша за душой. Онъ разъ цѣлую недѣлю пробродилъ по улицамъ, не имѣя денегъ на ночлегъ, и вся компанія сложилась, чтобы выручить его изъ бѣды. Да и кто ложился въ Римѣ? Маша сама не знала, когда она спала. Разъ они вечеромъ всѣ выѣхали за городъ, а потомъ пошли. И такъ шли по Кампаньѣ всю ночь, пока не взошло солнце и у нихъ не подкосились ноги. Что это была за ночь, что это была за ночь! Только одинъ нѣмецъ имъ мѣшалъ, такъ какъ все время громко восхищался.

Да, спать въ Римѣ нельзя было, спать было грѣхъ. Каждая минута жизни была драгоцѣнной жемчужиной, каждая минута жизни была даромъ боговъ. Иногда Маша вспоминала, какъ бывало дома, провозившись все утро съ дѣтьми или за какой-нибудь другой домашней работой, она облегченно вздыхала, когда подавали завтракъ; а вечеромъ... да, вечеромъ это было еще лучше: можно было ложиться въ постель и... спать. Теперь она понимала, какое это было преступленіе—такъ жить. Одно ее смущало. Ей было очень тяжело ходить по этой безконечной лѣстницѣ; она даже немного задыхалась отъ этого. Потомъ ее часто поташнивало. Павелъ Ивановичъ говорилъ, что это многіе русскіе такъ сначала, такъ какъ въ Италіи готовятъ на оливковомъ маслѣ, а это не подходитъ русскому желудку. Ну, а потомъ это совсѣмъ проходитъ. Слѣдовательно, можно было надѣяться, что и Машинъ желудокъ поправится со време-

немъ. Квартиру же можно будетъ перемѣнить и съѣхать куда-нибудь пониже. Только, конечно, это уже будетъ не то... Ахъ, еслибы не ея годы!

IX.

И голубое можетъ быть чернымъ.

Разъ, это было въ началѣ іюля, Маша вернулась домой изъ студіи раньше обыкновеннаго. Что-то ей совсѣмъ нездоровилось, и она рѣшила въ этотъ день больше не работать и прилечь отдохнуть. Что это, въ самомъ дѣлѣ, какъ она себя нехорошо чувствовала? Пожалуй, глупо, что она такъ мало спитъ по ночамъ. Нужно постараться вести болѣе разумную жизнь и не растрачивать силъ понапрасну. Вѣдь ей нужно работать, работать... Да, это навѣрное отъ безсонныхъ ночей; а, можетъ быть, ей нездоровится, съ ней это бываетъ... И вдругъ Маша въ недоумѣніи потерла себѣ лобъ и сѣла. То-есть, какъ же она могла забыть? Она ничего не понимала. Она была заграницей разъ, два, три мѣсяца четвертый въ началѣ и... Господи, да что же это такое, что же это такое... у Маши вдругъ застучали зубы... это... это... итальянскій воздухъ такъ на нее дѣйствуетъ... такъ бываетъ, бываетъ, навѣрное бываетъ... отъ воздуха... Три мѣсяца... три мѣсяца... четыре мѣсяца... да вѣдь она беременна уже три мѣсяца, беременна, беременна, беременна, выстукивали ея зубы. Какъ ее бьетъ лихорадка, она не можетъ больше сидѣть, ей нужно лечь, поскорѣе лечь, покрыть лицо чѣмъ-нибудь, хоть носовымъ платкомъ, только, чтобы ничего не видѣть, чтобы ее никто не видѣлъ, никто не видѣлъ. Господи, какъ ее трясетъ лихорадка, нѣтъ, ей этого не выдержать, не вынести; вотъ такъ трясетъ лихорадка, когда начинаются боли, начинаются роды... тогда трясетъ отъ испуга, отъ страха, отъ страха передъ тѣмъ, что будетъ. Что-то будетъ, что-то будетъ... Нѣтъ, она не можетъ больше лежать... И Маша встала и стала бѣгать по комнатѣ. Что же ей теперь съ собой дѣлать, что дѣлать, она этого не хочетъ, не хочетъ... „не можетъ“, почти крикнула она вслухъ и испугалась. Какъ она могла сказать это вслухъ, вѣдь теперь это будутъ знать и другіе, хотя бы только стѣны, вѣдь, и у стѣнъ есть уши: теперь этого не избѣжать... а что, если выскочить въ окошко? И она подошла къ окошку и заглянула въ него. Какъ оно было высоко; когда она выскочитъ, тамъ внизу будетъ виднѣться только маленькое пятно; какое оно будетъ, черное или красное? Ей вспомнились красныя пятна алаго мрамора въ русалочномъ царствѣ Средиземнаго

моря. Какъ это было давно, Господи, какъ давно! Такъ давно, что, кажется, никогда этого не бывало. И она смотрѣла въ глубину, не отрываясь, и въ головѣ у нея вертѣлось: „черное или красное, черное или красное“. И до дна было такъ далеко, что у нея кружилась голова и мутило подъ ложечкой и тянуло, тянуло внизъ. Черное или красное... черное или красное... Нѣтъ, она не смѣетъ, она боится выскочить, боится смерти. Только разъ въ жизни она не боялась смерти, она не боялась ея, когда у нея рожалась Варечка. Она не знаетъ, что было это, такое ужасное, только она цѣплялась за нихъ, чтобы они ее убили, а они не убивали, и какъ это было безчеловѣчно, гадко, жестоко. Какъ они смѣли распоряжаться ея жизнью, заставлять ее жить, когда она сама этого не хотѣла. Когда боль хуже смерти, ее нельзя, не нужно переносить. Она бы сама выскочила въ окошко, еслибы ее такъ крѣпко не держали... И вотъ вдругъ опять. Нѣтъ, этого нельзя дожидаться, отъ этого можно съ ума сойти... Зачѣмъ же дожидаться, вѣдь можно же выскочить въ окошко. Пока никто не держитъ, пока еще нѣтъ болей... теперь, сейчасъ. Нѣтъ, она не смѣетъ, она боится, она трусъ, трусъ... Ахъ, еслибы пришелъ Оленицынъ, хоть бы на одну минуточку пришелъ, она бы прижалась лбомъ къ его костлявому плечу, одной быть такъ страшно, такъ страшно, и онъ бы сказалъ: „Не вѣрю я, Маша, въ женскую жизнь“. Ахъ, онъ понимаетъ—какая же это жизнь, когда боишься, всю жизнь боишься. Отъ страха тускнѣетъ въ головѣ, сердце дѣлается слабымъ. О, какъ она устала, какъ у нея болитъ все тѣло, ей нужно опять лечь. Вотъ, еслибы лечь и заснуть, такъ незамѣтно заснуть, чтобы не было страшно. Вѣдь все равно она этого не выживетъ, никогда не выживетъ. Вотъ такъ лечь и закрыть глаза и заснуть, заснуть... и больше не проснуться.

Но вмѣсто сна къ Машѣ пришла ненависть, глухая, злая ненависть. Это она ненавидѣла свое тѣло, это гадкое тѣло, которое вѣчно мѣшало ей жить. О, еслибы она не была трусомъ, если бы она не боялась боли, съ какимъ бы наслажденіемъ она стала сейчасъ же терзать, мучить его. Но, Боже мой, какъ могла она забеременѣть? Вѣдь это прямо уму непостижимо, такъ взять и собственными руками затянуть на своей шеѣ мертвую петлю, и когда... тогда, когда передъ ней открывалась жизнь, новая жизнь, когда сердце было такъ полно радости, мужества, надеждъ. Вотъ именно: ея сердце было такъ полно радости жизни, что она какъ-то перестала бояться, какъ она боялась всѣ эти послѣдніе четыре года. А когда въ сердцѣ нѣтъ страха, человѣкъ забываетъ осторожность. Вотъ и она: теперь она

помнитъ, какъ послѣднее время передъ отъѣздомъ она была небрежна, забывчива. Боже мой, вѣдь мысли ея были заняты другимъ, совсѣмъ другимъ, а Ѳедя, ну, конечно, онъ все вздыхалъ и ходилъ за ней, какъ хвостъ, хотѣлось быть съ нимъ нѣжной на прощанье. Нѣтъ, это все ложь, ложь... Господи, она просто распущенная, гадкая, чувственная женщина. Даже смѣшно такое сентиментальничанье съ Ѳедей. Да еслибы она въ самомъ дѣлѣ уважала себя, какъ человѣка, еслибы она въ самомъ дѣлѣ любила искусство... точно не было бы тогда ея священной обязанностью порвать съ Ѳедей, оградить себя отъ всякихъ возможностей, отъ малѣйшаго риска. А она... гадкая, низкая женщина; о, какъ она ненавидитъ, презираетъ себя. Да, и пускай она помретъ, туда ей и дорога. Ничего лучшаго она и не заслужила. И Маша стала плакать, и плачъ ея скоро перешелъ въ рыданія. Это были злобныя, отчаянныя, истеричныя слезы, слезы, которыя не облегчаютъ душу, а только еще больше растравляютъ ее.

Въ дверь постучались. Это былъ Павелъ Ивановичъ. Маша сказала, что у нея болитъ голова, и не впустила его. Вечеромъ онъ пришелъ опять справиться объ ея здоровьѣ, но Маша опять не впустила его. Ночью она не раздѣвалась и не ложилась въ постель. Постель ей была противна. Она закуталась въ шаль и всю ночь просидѣла на диванѣ. Можетъ быть, она и спала, она не знаетъ; во всякомъ случаѣ это не имѣло никакого значенія, спала она или нѣтъ. О чемъ она думала? Да ни о чемъ особенно. Во всякомъ случаѣ не объ искусствѣ и не о своихъ начатыхъ работахъ. Она думала о томъ, что она отдала всѣ бэбочкины вещи одной бѣдной женщинѣ, родившей въ углу. У этой женщины буквально не было ни одной тряпки. Ей это разсказала Серафима Ивановна, акушерка; кстати, надо будетъ написать Серафимѣ Ивановнѣ. Да, она все отдала, вѣдь она рѣшила, что у нея не будетъ больше дѣтей. Вотъ теперь придется опять все шить и заводить заново. Да и угловую придется превратить во вторую дѣтскую, если ребенокъ родится и останется живъ. Отчего-жъ ему не остаться живымъ? У нея уже больше не будетъ собственной комнаты. Да развѣ ей и нужно? Ей больше ничего не нужно. Потомъ вѣдь она можетъ и помереть. Ахъ, еслибъ она могла помереть безъ этихъ мукъ. А то вѣдь глупо, помираютъ всегда послѣ мукъ, а не до нихъ.

Къ утру у Маши разболѣлась голова и она поднялась вверхъ на крышу, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Солнце всходило надъ Римомъ, но въ Машиныхъ глазахъ было одно равнодушіе, точно у Италіи не было больше

красокъ, точно всѣ онѣ поблекли за эту одну ночь. Такъ блекнутъ цвѣты, когда ночью по нимъ проходитъ морозъ. Но разница была въ томъ, что морозъ прошелся по Машиному сердцу, а Италія осталась той же для тѣхъ, кто могъ ее воспринимать. И что въ самомъ дѣлѣ внѣшній міръ самъ по себѣ—одинъ прахъ. Все зависитъ отъ состоянія человѣческаго сердца. Иначе одно сердце не замирало бы отъ восторга тамъ, гдѣ другое предается воспоминаніямъ о съѣденномъ пирожкѣ.

Утромъ опять постучался Павелъ Ивановичъ; онъ безпокоился на счетъ Машинаго здоровья и пришелъ освѣдомиться. На этотъ разъ Маша впустила его. Она открыла ему дверь и сѣла на диванъ, кутаясь въ свою шаль. Теперь у нея дѣйствительно болѣла голова. Притомъ она чувствовала себя совершенно спокойной и равнодушной. Когда Павелъ Ивановичъ увидѣлъ ея лицо, онъ испугался.

— Маша, что съ вами такое, да вы совсѣмъ больны? У васъ прямо ужасный видъ!

— Я беременна,—отвѣтила Маша, смотря на него прямо въ упоръ. Павелъ Ивановичъ выпучилъ глаза и разинулъ ротъ.

— К-ка-акъ беременны? Вотъ такъ фунтъ! Эхъ, что вы, Маша, брешете, — вдругъ разсердился онъ, — точно я не знаю...

Маша чуть-чуть усмѣхнулась.

— Что-жъ вы собственно знаете? Что я не завожу себѣ любовниковъ? Вѣдь можно забеременѣть и отъ собственнаго мужа. Вы, кажется, уже совсѣмъ забыли о его существованіи?

Но Павелъ Ивановичъ по прежнему стоялъ и таращилъ на нее глаза.

— Ахъ, Боже мой, ну, что же вы не понимаете? Забеременѣла, конечно, передъ отъѣздомъ; замѣтила это только теперь, голова была другимъ занята.

Сначала Маша говорила сухимъ равнодушнымъ голосомъ; но, чѣмъ дольше она смотрѣла на Павла Ивановича, таращившаго на нее глаза, тѣмъ злѣе становился ея голосъ...

Въ сердцѣ у Павла Ивановича тоже поднималась злость.

— Эхъ, кажется, можно бы было и воздержаться,—сказалъ онъ.

Маша чуть-чуть прищурила одинъ глазъ.

— Вы бы не то сказали, еслибы были на мѣстѣ Ѳедора Ѳедоровича.

Павелъ Ивановичъ покраснѣлъ и отошелъ къ окошку.

Какъ это онъ глупо сказалъ. Ему хотѣлось пустить разговоръ по другому руслу и, обернувшись къ Машѣ, онъ сказалъ дѣланно-шутливымъ, развязнымъ тономъ:

— Вотъ вамъ и выгодная финансовая операція. Нѣтъ, ужъ съ бабами не связывайся! Непремѣнно прогоришь.

— Прогоришь,—чуть-чуть усмѣхнулась Маша. Потомъ она помолчала, прищурила оба глаза и сказала тихо, но отчеканивая каждое слово:—особенно, когда питаешь разныя другія надежды.

Павлу Ивановичу стало жарко. Онъ провелъ рукой по своей короткой щетинѣ: ему казалось, что даже волосы на его головѣ налились кровью.

— Какъ... вы... смѣете...—сказалъ онъ, заикаясь. Съ какимъ бы наслажденіемъ онъ ударилъ Машу; но вѣдь она была женщиной и притомъ беременной; и онъ только непріятно поморщился.

— Конечно, смѣю... теперь. Что можетъ быть скучнѣе и прозаичнѣе беременной женщины? Въ этомъ моя безопасность. Знаете, Павелъ Ивановичъ, я думаю, что, еслибы вы не были въ меня влюблены, вы бы мнѣ не предложили денегъ.

— Въ такомъ случаѣ было крайне благородно съ вашей стороны, что вы ихъ приняли,—язвительно отвѣтилъ Павелъ Ивановичъ.

Маша опять усмѣхнулась.

— Къ счастью, моему, конечно, а не вашему, я это сообразила, когда уже было слишкомъ поздно. По правдѣ сказать, вполнѣ сообразила только въ данную минуту.

— Тэк-съ...—Павелъ Ивановичъ стоялъ, засучивъ руки въ карманы куртки. Маша смотрѣла на него и думала о томъ, какъ онъ напоминалъ ей турка. Право, только шароваровъ не хватало, и она вдругъ сказала:

— И зачѣмъ вы насъ изъ гаремовъ выпустили? Право, тогда все гораздо проще было.

Павелъ Ивановичъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, потомъ сообразилъ.

— Цивилизація насъ испортила, Марья Кузьминишна. Хочется намъ сильныхъ ощущеній. Гаремныя женщины по скаламъ не прыгаютъ, русалокъ не изображаютъ.

Павелъ Ивановичъ уѣхалъ изъ Рима. У него оказались важныя дѣла въ другомъ мѣстѣ. На Машу напала апатія. Она все себѣ твердила, что ей нужно что-то такое обдумать, рѣшить, предпринять. Но вмѣсто этого она жила изо дня въ день, какъ жила прежде, только вечера проводила у себя дома, отговариваясь нездоровьемъ. Она работала въ студіи, но какъ она работала, этого она не знала, да и не

интересовалась этимъ. Ей казалось, что она живетъ, какъ преступникъ, котораго вотъ въ такой-то опредѣленный день поведутъ на казнь; собственно поведутъ не на казнь, а на пытку, а, выживетъ ли преступникъ пытку, это ужъ будетъ его собственное дѣло. Не все ли равно, какъ жить до тѣхъ поръ? Только когда человѣкъ живетъ въ вѣчности, ему понятны красота и цѣнность жизни.

Потомъ она вдругъ почувствовала, что устала, что ей хочется, какъ кошкѣ, валяться на солнцѣ и ничего не дѣлать. Она собрала свои пожитки, отказалась отъ комнаты и поѣхала на горячій песокъ къ Средиземному морю. Тамъ она лежала на берегу, грѣла свое неудобное тѣло, смотрѣла на купающихся и лѣниво о чемъ-нибудь думала. Впрочемъ, сама она даже и не думала, а мысли сами собой бродили у нея въ головѣ, большей частью пустыя, глупыя мысли. Но вѣдь и голова у нея была пустая. Ей казалось, что вся кровь у нея изъ мозга ушла въ животъ. Разъ ей вспомнилось, какъ профессоръ въ Римѣ назвалъ ее даровитой художницей. Вотъ ужъ поистинѣ она не чувствовала себя даровитой. „Женщины не всегда даже настолько даровиты, чтобы поддерживать красоту жизни, которую создаютъ мужчины", вспомнилось ей,—это она когда-то давно прочитала въ Россіи; должно быть, какая-нибудь глупая статья по женскому вопросу. Женскій вопросъ никогда не интересовалъ Машу. Ей всегда казалось, что онъ совсѣмъ ея не касался. А вотъ эта глупая фраза почему-то запала въ голову. Да... женщины не поддерживаютъ красоту жизни. Вотъ мужчина влюбляется и пишетъ поэмы, безсмертныя картины; ахъ, какъ будто мужчина не создаетъ красоту жизни оттого, что онъ влюбленъ; а вотъ женщина, глупая женщина, отвѣчаетъ ему на это животомъ, смертельнымъ страхомъ, родами и грязными пеленками: ужъ какая тутъ красота. Нѣтъ, ужъ если хочешь „поддерживать красоту", такъ не надо рожать. Мало ли кто не рожаетъ! Есть старыя дѣвы, есть и проститутки, а то есть и другія, вродѣ Нади Кузнецовой. Должно быть, имъ полагается быть даровитыми, а ужъ никакъ не ей, Машѣ. Даже смѣшно подумать. Мысли у Маши въ головѣ все больше и больше путались, и безъ того онѣ были пустыя мысли. „То-то мужчины завели себѣ проститутокъ,—это оттого, что онѣ не рожаютъ. А вотъ старыхъ дѣвъ они не любятъ,—какъ тутъ разберешь. Нѣтъ, главное только, чтобы не рожать, а вотъ я рожаю и потому я не даровита. А можетъ быть, я потому и рожаю, что не даровита, глупа". И вдругъ Маша вспомнила, что она лежитъ тутъ беременная и проѣдаетъ деньги, которыя ей далъ влюбленный Павелъ Ивановичъ и

которыя ей никогда не удастся ему возвратить. Ей стало невыносимо противно, и всѣ ея мысли сразу прояснились.

X.

Дома.

Съ тѣхъ поръ, какъ уѣхала Маша, въ квартирѣ Износковыхъ стало скучно. Не то, чтобы Маша была очень веселая; скорѣе даже наоборотъ. Но есть такіе люди, безъ которыхъ дѣлается скучно. Скучали по Машѣ дѣти, скучала няня, скучала новая кухарка, но больше всѣхъ, конечно, скучалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ. Ѳедоръ Ѳедоровичъ любилъ Машу такъ, какъ вообще мужья любятъ своихъ женъ, когда они ихъ любятъ. Маша была для него олицетвореніемъ тепла и уюта въ жизни. Человѣкъ, какъ собака, сперва любитъ бѣгать по большимъ дорогамъ, потомъ мечтаетъ о тепломъ углѣ у печки. Конечно, идеальный бракъ тотъ, когда можно соединить и бѣготню по большимъ дорогамъ, и теплый уголъ у печки. Но идеальный бракъ, какъ вообще все идеальное, рѣдко дается въ руки. Во всякомъ случаѣ теплый уголъ у печки уже былъ для Ѳедора Ѳедоровича одной изъ жизненныхъ необходимостей. И вдругъ случилось, что по большимъ дорогамъ покатилась Маша, и въ тепломъ углу стало холодно.

Конечно, остались дѣти. Дѣтей Ѳедоръ Ѳедоровичъ тоже очень любилъ. Но и ихъ онъ любилъ. такъ, какъ вообще отцы любятъ своихъ дѣтей. Онъ ими гордился, когда они были удачны и пріятны; когда они были больны или вообще въ связи съ ними были какія-нибудь непріятности, онъ очень безпокоился и... старался думать о другомъ; но, главное, дѣти должны были жить своею собственною дѣтскою жизнью и никоимъ образомъ не вторгаться въ его, Ѳедора Ѳедоровича, жизнь. Но вотъ съ тѣхъ поръ, какъ уѣхала Маша, что, что только не вторгалось въ жизнь Ѳедора Ѳедоровича. Конечно, нянѣ полагалось обо всемъ совѣтоваться съ мамой. Но тутъ-то и оказалась самая загвоздка. Няня прожила у Маши семь лѣтъ и увѣряла, что мама хотѣла все дѣлать по своему, а не такъ, какъ это дѣлалось при ихъ барынѣ. И она обращалась къ Ѳедору Ѳедоровичу, какъ свидѣтелю въ томъ, что при барынѣ то и это дѣлалось такъ-то, а совсѣмъ не такъ, какъ того требовала старая барыня. Какъ будто Ѳедоръ Ѳедоровичъ могъ знать, какъ это дѣлалось при Машѣ; развѣ онъ въ подобное входилъ? И о чемъ только они у него не спрашивали, это было умопомрачительно. Право, можно было подумать, что и няня, и кухарка, и дѣти

между собой сговорились, чтобы изводить его разными мелочами. Какъ будто сами они не могли рѣшить всѣхъ этихъ вопросовъ о кастрюлькахъ, лопнувшихъ котлахъ, сносившихся сапогахъ; ахъ, и мало ли еще о чемъ! И, вѣдь, все это были вещи, которыя, ну, право, выѣденнаго яйца не стоили. Когда же мама должна была уѣхать на нѣкоторое время въ Москву и кухарка стала приходить къ нему каждое утро для обсужденія обѣда, нѣтъ, это уже окончательно было выше силъ человѣческихъ. Право, онъ даже чувствовалъ, что это въ нѣкоторомъ родѣ оскорбляло его мужское достоинство.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ сталъ мало бывать дома. Онъ ходилъ обѣдать къ знакомымъ или даже въ рестораны. Когда знакомые спрашивали его, какъ онъ поживаетъ, онъ отвѣчалъ съ виноватой улыбной: „Да, что, право, знаете, хоть снова жениться". Но по средамъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ всегда проводилъ вечеръ дома. Въ этотъ день аккуратно каждую недѣлю приходило письмо отъ Маши и... приходилъ Оленицынъ. Онъ приходилъ узнать, что пишетъ Маша. Было очевидно, что Маша ему не писала, и за это Ѳедоръ Ѳедоровичъ простилъ ему многое, многое. Ѳедоръ Ѳедоровичъ и самъ не замѣтилъ, какъ понемногу эти визиты, когда-то столь непріятнаго ему Оленицына, стали для него не только пріятны, но прямо необходимы. Конечно, сначала Оленицынъ забѣгалъ только на минуточку справиться о томъ, жива ли и здорова Маша. Но мало-по-малу Ѳедоръ Ѳедоровичъ сталъ ему сообщать содержаніе писемъ, потомъ онъ пригласилъ его приходить къ обѣду, чтобы можно было поговорить толкомъ. Съ тѣхъ поръ письма стали читаться вслухъ, и Ѳедоръ Ѳедоровичъ и Оленицынъ проводили вечеръ вмѣстѣ, разговаривая о Машѣ и объ Италіи.

Нельзя сказать, чтобы письма Маши были особенно удовлетворительны. Она всегда ужасно горячо благодарила Ѳедора Ѳедоровича за его длинныя обстоятельныя письма,—о, да, Ѳедоръ Ѳедоровичъ исписывалъ страницы, наполняя ихъ малѣйшими подробностями домашней жизни; вѣдь Маша просила его писать обо всемъ, обо всемъ, что творилось дома. Когда дома бывали затрудненія, она извинялась, что не могла дать никакого совѣта. Вѣдь на такомъ большомъ разстояніи такъ легко было составить ошибочное мнѣніе; и притомъ какая цѣна совѣтамъ, когда они приходятъ черезъ 10 дней: ужъ, навѣрное, къ тому времени всѣ обстоятельства перемѣнятся. О себѣ же она писала только, что работала и работала и боялась упустить каждую минуточку времени. Право, ея письма къ Колѣ были интереснѣе. Коля тоже аккуратно писалъ ей каждую недѣлю—ему ужъ она

всегда находила порасказать что-нибудь занятное. Да, видно было, что Маша жила полною жизнью и что ей было не до нихъ.

Въ концѣ мая мама перевезла дѣтей и Ѳедора Ѳедоровича на дачу. Съ дачей вышла пренепріятная исторія. Мама наняла прекрасную дачу, но оказалось, что сообщеніе съ городомъ было крайне затруднительнымъ; а вѣдь Ѳедоръ Ѳедоровичъ ей заранѣе растолковалъ, что ему надо будетъ часто бывать въ городѣ. Но мама какъ-то пропустила это мимо ушей. Ѳедоръ Ѳедоровичъ сердился. Онъ былъ увѣренъ, что мама только притворяется, что она отлично знала, что ему нужно бывать въ городѣ, и подстроила это ему нарочно, такъ какъ сердилась на него за то, что онъ такъ мало сидѣлъ дома. Ѳедоръ Ѳедоровичъ понималъ, что ему, хотя бы для поддержанія собственнаго достоинства, нужно было настоять на своемъ. Мама же наотрѣзъ отказалась искать другую дачу: она и безъ того достаточно исколотила себя по желѣзнымъ дорогамъ. Тогда Ѳедоръ Ѳедоровичъ поступилъ по-мужски, т. е. рѣшительно. Отказался отъ дачи, заплатилъ убытки и нанялъ другую, первую попавшуюся ему подъ руку. Мама объявила, что дача никуда не годилась, главное потому, что была сырая. Но вѣдь мама, конечно, должна была раскритиковать дачу, которую нанялъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ. Однако въ іюлѣ мѣсяцѣ не только у Ѳедора Ѳедоровича, но даже и у Коли сталъ проявляться ревматизмъ, а у Вари два раза за лѣто сильно болѣло горло. Положимъ, лѣто было очень дождливое и дача могла тутъ быть и не при чемъ. Тѣмъ не менѣе и мама, и Ѳедоръ Ѳедоровичъ согласились на томъ, что лучше будетъ переѣхать въ городъ недѣли за двѣ, а то и за всѣ три до окончанія Колиныхъ каникулъ. Какое это было возмутительное рѣшеніе: дѣти прямо не могли придти въ себя отъ негодованія. Костя говорилъ со слезами на глазахъ:

— Ужъ большіе всегда придумаютъ что-нибудь глупое. Это оттого, что они цѣлый день сидятъ на мѣстѣ и ничего не дѣлаютъ, только разговариваютъ. Конечно, имъ въ деревнѣ скучно.

Коля хмурился:

— Ужъ при мамѣ ничего такого не могло бы выйти. Мама всегда все знаетъ.

Варя смотрѣла на нихъ большими глазами и поддакивала, кивая головой. Потомъ они втроемъ заключили священный союзъ, въ которомъ поклялись, что, когда они выростутъ большими, то не будутъ притворяться, что имъ весело сидѣть и разговаривать, а будутъ продолжать прыгать

черезъ канавки и лазать по заборамъ. Послѣ этого имъ стало немного легче.

Да, ужасно это было непріятное лѣто. Были и еще кое-какія осложненія. Главнымъ изъ нихъ было то, что новая кухарка, нанятая Машей, вдругъ стала воровать. А сначала она казалась такой хорошей женщиной. Няня, дружившая съ кухаркой, грустно качала головой и увѣряла, что Дуняша воруетъ просто со скуки: скучно ей, дескать, что никто за ней не присматриваетъ, никто ея обязанностями не интересуется. Сначала Өедоръ Өедоровичъ спускалъ, но, чѣмъ онъ больше спускалъ, тѣмъ глупѣе воровала кухарка. Наконецъ, даже няня рѣшила, что это было не хорошо и что кухарку нужно перемѣнить. Пришлось отослать Дуняшу и мама привезла изъ города новую кухарку. Но тутъ дѣла пошли еще хуже. У новой кухарки, должно быть, были свои собственныя мысли въ головѣ. Какъ бы то ни было, но, что она ни стряпала, она либо не доваривала, либо переваривала. Няня выходила изъ себя и увѣряла, что отъ этакой „пишши" имъ скоро всѣхъ дѣтей придется на кладбище свезти.

И вотъ посреди всѣхъ этихъ глупыхъ, раздражающихъ мелочей жизни, о существованіи которыхъ Өедоръ Өедоровичъ даже какъ-то и не подозрѣвалъ раньше, явилось новое серьезное безпокойство. Что-то неладное стало дѣлаться съ Машей. Письма больше не приходили къ сроку. Разъ не было письма двѣ недѣли. Өедоръ Өедоровичъ послалъ телеграмму и получилъ отвѣтъ тоже телеграммой, чтобы онъ не безпокоился, что все обстоитъ благополучно. А письма такъ и не было еще цѣлыхъ 10 дней. Өедоръ Өедоровичъ осунулся и не находилъ себѣ мѣста. Единственнымъ его спасеньемъ было то, что на каждыя субботу и воскресенье пріѣзжалъ Оленицынъ. Было съ кѣмъ отводить душу. Они вмѣстѣ подолгу смотрѣли на Машины письма, читать въ нихъ было нечего; это были такія короткія, сухія письма. Но это было все-таки лучше, чѣмъ когда писемъ вовсе не было. Мужчины задумывались и мало разговаривали, но имъ все-таки легче было быть вдвоемъ. И они шли бродить по полямъ и возвращались домой усталые.

Разъ, въ одну изъ такихъ прогулокъ, возвращаясь домой, они подошли къ деревнѣ съ задворокъ. Проходя мимо одного гумна, они услышали тоненькій голосокъ, который пѣлъ что-то такое длинное, длинное. Они обошли гумно и осторожно заглянули за уголъ. На порогѣ полуоткрытой двери сидѣла маленькая дѣвочка лѣтъ семи. На ней былъ красный сарафанъ, ножки у нея были босы, а бѣлый платочекъ свалился съ головы на шею. Она сидѣла непо-

движно, упершись лѣвымъ локоткомъ въ колѣни и подперевъ рукой щеку. Глаза ея были устремлены прямо на то мѣсто на небѣ, гдѣ спускалось къ землѣ солнце. Дѣвочка пѣла. Длинная это была пѣсня и трудно было разобрать слова. Дѣвочка, должно быть, и сама ихъ путала. „Горькая мо-оя доля же-енская", жаловалась пѣсня: „замужъ меня рано повыдали, во чужой семьѣ позабидѣли". А дальше шло еще грустнѣе: „И помру я молодешенька отъ нужды, заботъ и горюшка". Такъ пѣла дѣвочка однообразнымъ тоненькимъ голоскомъ и смотрѣла на заходившее солнце. И въ глазахъ у нея была печаль. Кто и чѣмъ обидѣлъ эту маленькую дѣвочку? Мужчины постояли, постояли, послушали и пошли своей дорогой. Минутъ черезъ десять Оленицынъ сказалъ:

— Жаль, что нѣтъ Маши, она бы ее нарисовала. Маша любитъ рисовать грустное.

И вдругъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ не выдержалъ. Онъ сѣлъ у дороги на край канавки и заплакалъ. Такъ-таки и заплакалъ, всхлипывая и сморкаясь, какъ плачутъ женщины и маленькія дѣти:

— Ма...ша не вер... нется,—выговаривалъ онъ съ усиліемъ:—вѣдь вы это то... же ду...маете, только не... не.. говорите.

Оленицынъ стоялъ передъ нимъ, нервно пощипывая бородку.

— Господи, какъ же я жить бу...ду.

— Я же живу,—тихо сказалъ Оленицынъ.

— Вы!—и въ голосѣ Ѳедора Ѳедоровича послышалась досада:—что же вы? Вы совсѣмъ другое дѣло.

— Почемъ вы знаете!—отвѣтилъ Оленицынъ, и онъ сказалъ это такъ строго, что Ѳедоръ Ѳедоровичъ сразу пересталъ плакать. Въ головѣ у него все пошло кругомъ: „Боже мой, что такое говорилъ Оленицынъ?"

Оленицынъ сѣлъ рядомъ съ нимъ на край канавки:

— Вы думаете, что, если мужчина не даетъ въ себѣ разыграться страсти, то онъ и не любитъ женщину? Еслибы я далъ страсти одолѣть любовь, я бы, конечно, уже давнымъ давно разошелся съ Машей. И, можетъ быть, мнѣ бы было тогда легче.

Ѳедора Ѳедоровича перебирала нервная дрожь. И зачѣмъ только Оленицынъ говоритъ ему все это: право, этого еще недоставало.

— Я думалъ, вы просто дружите съ Машей.

— Ну, конечно, я просто дружу съ Машей, т. е. другими словами я ее люблю. Я думаю, что любить женщину и не „любить" ее слишкомъ трудная задача. Врядъ-ли она

кому-нибудь дается. Только любовь можетъ остаться, такъ сказать, потенціальной, т. е. не переходить въ страсть.— Оленицынъ задумался, потомъ продолжалъ:—Можетъ быть, я сдѣлалъ ошибку, я думалъ, что, давая здоровую пищу страсти, я избѣгну любви со всѣми ея послѣдствіями. Любви я все-таки не избѣжалъ.—Оленицынъ опять помолчалъ:—И все-таки я не хотѣлъ бы быть на вашемъ мѣстѣ. Такъ что, можетъ быть, это и не было ошибкой.

Өедоръ Өедоровичъ усмѣхнулся:

— Ну, конечно, вы бы не хотѣли быть на моемъ мѣстѣ. Кто бы теперь хотѣлъ. Притомъ же у васъ есть Аграфена Петровна, и она отъ васъ не бѣгаетъ.

Оленицынъ слегка поморщился:

— Не будьте такъ грубы. Вѣдь вы только напускаете на себя эту грубость, потому что вамъ, какъ избалованному ребенку, не хочется отрѣшиться отъ наивно эгоистической точки зрѣнія. Избаловала васъ жизнь, Өедоръ Өедоровичъ, избаловала не въ мѣру.—Потомъ онъ слегка улыбнулся.— А чтобы перейти къ фактамъ жизни, о которыхъ вы только что такъ деликатно упомянули, то меня нисколько не удивитъ, если Аграфена Петровна въ одинъ прекрасный день сбѣжитъ отъ меня со своимъ законнымъ супругомъ. И по всей вѣроятности хорошо сдѣлаетъ. Скучно ей со мной. Что-жъ, придется обзаводиться новой,—и Оленицынъ закрылъ лицо руками.

Они долго просидѣли молча. Потомъ Оленицынъ сказалъ тихимъ голосомъ:

— Өедоръ Өедоровичъ, еслибы мнѣ сказали: отруби свою правую руку и Маша будетъ твоей женой, я бы отрубилъ, не подумавъ ни одной минуты; а потомъ... потомъ я бы отрубилъ себѣ и лѣвую, только чтобы этого не случилось. Сложная это вещь человѣческое сердце.—Оленицынъ всталъ и прошелся нѣсколько разъ по канавкѣ, срывая стебельки травъ.—Нелады у меня съ Аграфеной Петровной за послѣднее время. Обижается она на меня за то, что я не воспитываю дѣтей, какъ своихъ. Не хочетъ она того понять, что, еслибы я ихъ воспитывалъ, какъ своихъ, то они же бы отъ нея потомъ отвернулись. Много бы ей тогда радости отъ нихъ было, одно только горе и обида.—И онъ опять помолчалъ.—Да... а вотъ васъ любитъ Маша.

Өедоръ Өедоровичъ посмотрѣлъ на него съ упрекомъ:

— Маша теперь меня больше не любитъ. Точно вы этого сами не понимаете.

Оленицынъ пожалъ плечами:

— Вотъ опять ваша дѣтски-эгоистическая точка зрѣнія: не любитъ, потому что другія чувства говорятъ въ ней

сильнѣе. Знаете, когда мужчина бросаетъ любовь, привязанности ради какого-нибудь общаго дѣла или даже ради собственнаго усовершенствованія, то мы склонны видѣть въ немъ героя. Это потому, что любовь для мужчины—только развлеченіе. А когда это дѣлаетъ женщина...—и Оленицынъ опять пожалъ плечами,—это, конечно, возмутительно, когда она бѣгаетъ отъ того дѣла, которое предназначила ей природа. Не хотѣлъ бы я быть женщиной, Ѳедоръ Ѳедоровичъ. Да и вы бы не хотѣли. Ну, пойдемте-ка мы съ вами домой. Ужъ сыро становится. У васъ же при томъ и ревматизмъ.

Когда они подходили къ дому, Оленицынъ вдругъ остановилъ Ѳедора Ѳедоровича.

— Знаете, я хочу вамъ сказать. Я часто задумывался надъ тѣмъ, почему васъ Маша любитъ. Теперь, мнѣ кажется, я это понимаю. Въ васъ такъ много дѣтскаго: и дѣтская беспомощность, и дѣтскій эгоизмъ,—да, именно дѣтскій, инстинктивный, безсознательный; эгоизмъ, вложенный природой, а не развитый жизненной борьбой. Вѣдь никто не сердится на маленькихъ дѣтей за то, что они эгоистичны. Вотъ... во мнѣ больше сознательнаго эгоизма.

Въ эту ночь Ѳедоръ Ѳедоровичъ не ложился. Онъ писалъ Машѣ письмо. Это было длинное, несуразное письмо. Онъ въ немъ говорилъ Машѣ безъ конца о своей любви, о своемъ отчаяніи. Умолялъ подумать о дѣтяхъ, о будущемъ, не разбивать ихъ счастья. Ахъ, чего, чего только не было въ этомъ письмѣ. Но утромъ, когда онъ освѣжился, напился чаю и прошелся по саду, ему вдругъ стало стыдно. Онъ вернулся къ себѣ въ комнату, взялъ письмо и, не перечитывая его, разорвалъ на маленькіе кусочки. Нѣтъ, онъ никогда больше не будетъ говорить Машѣ о своей любви.

XI.

И послѣдняя.

Бѣдныхъ дѣтей такъ-таки и перевезли въ городъ за двѣ недѣли до срока. Послѣ деревенскаго простора въ городской квартирѣ казалось такъ тѣсно и скучно. Въ столовой на буфетѣ однообразно тикали большіе часы, за окошками безъ конца дребезжали колеса по мостовой и звенѣли конки. И все-таки по привычкѣ тянуло на улицу, на воздухъ. Но, чтобы попасть на улицу, надо было спуститься четыре этажа по скучной каменной лѣстницѣ, да и однимъ выбѣгать тоже не позволялось. Еще Коля могъ выходить

одинъ, но большого преимущества въ этомъ не было. Вѣдь всѣ его друзья-пріятели еще сидѣли по дачамъ, счастливые. А Костя и Варя должны были дожидаться, пока няня соблаговолитъ вывести ихъ погулять. Няня же все раскладывалась и прибиралась въ квартирѣ; конечно, ей было некогда. Костя и Варя возились со старыми, давно надоѣвшими книжками и игрушками и ссорились по десять разъ въ день. Да, совсѣмъ это было невеселое время. Бабушка была занята пріисканіемъ новой кухарки, а пока они ѣли подожженную говядину и недоваренные макароны, отъ чего имъ вздувало животы. Мама старалась пріискать кухарку получше, хотя и увѣряла, что это все равно будетъ ни къ чему. Когда въ домѣ нѣтъ хозяйки, которая смотритъ за прислугой, конечно, прислугу приходится мѣнять каждый мѣсяцъ. Мама знала, что Маша очень рѣдко пишетъ и что вообще съ ней дѣло какъ будто обстоитъ не совсѣмъ благополучно. Но это ее нисколько не безпокоило. „Ничего, набѣгается и вернется", говорила она: „какъ ни какъ, дома дѣти, мужъ".

Скоро по переѣздѣ въ городъ пришло письмо отъ Маши, сильно запоздавшее. Оно было адресовано на дачу и, конечно, провалялось тамъ на почтѣ цѣлую недѣлю. Она писала, что жила теперь на берегу моря, куда переѣхала отдыхать отъ жары, но, сколько времени тамъ останется, еще не знаетъ. Что-жъ, и такія письма были лучше, чѣмъ вовсе никакихъ. Θедоръ Θедоровичъ послалъ за Оленицынымъ. Въ кабинетѣ Θедора Θедоровича былъ каминъ и въ этотъ дождливый сырой августовскій вечеръ хорошо было посидѣть у открытаго огня. Оленицынъ пришелъ. Они посмотрѣли вмѣстѣ на письмо: какое въ этомъ письмѣ было безконечное равнодушіе. Θедоръ Θедоровичъ сильно постарѣлъ за послѣднее время; ему пришлось передумать много такого, что раньше ему и въ голову не приходило. А человѣкъ старѣетъ отъ мыслей. Онъ уже рѣшилъ въ сердцѣ, что потерялъ Машу. Хуже того, послѣ словъ Оленицына объ эгоизмѣ, ему все казалось, что потерялъ онъ Машу по своей собственной винѣ; но, сколько онъ объ этомъ ни думалъ, онъ не находилъ этому удовлетворительнаго объясненія. Вѣдь онъ всегда все дѣлалъ такъ, какъ хотѣла Маша. Когда онъ говорилъ объ этомъ съ Оленицынымъ, тотъ отрицательно качалъ головой и говорилъ, что Θедоръ Θедоровичъ тутъ совсѣмъ не при чемъ.

— Умна Маша, вотъ и все; трудно ей быть женщиной.

Θедоръ Θедоровичъ опускалъ голову и печально задумывался.

— Гдѣ же выходъ?—спрашивалъ онъ у Оленицына.

— Выходъ? Выходъ всегда одинъ и тотъ же. Всѣ мы выходимъ въ одну и ту же дверь.

— Нѣтъ, такъ нельзя, вѣдь надо же жить какъ-нибудь,— возражалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

— А живетъ каждый, примѣняясь къ своему собственному темпераменту. Кто развратничаетъ съ проститутками, кто устраиваетъ себѣ счастливую семейную жизнь съ женщиной, которая его любитъ. Кто мудритъ и старается усѣсться между двухъ стульевъ. Можетъ быть, женщины и придумаютъ для себя что-нибудь получше; только я не вижу какъ: не разсчитывала природа на цивилизацію. Цивилизація создала личность, индивидуальность, а развѣ природа ее признаетъ? У природы одна забота—воспроизведеніе вида, а то, что по пути, она мучаетъ, калѣчитъ, убиваетъ, это ея не касается. Положимъ, насъ съ вами это тоже раньше не касалось, ужъ очень легко наши потребности удовлетворяются. Ну, а съ цивилизаціей мы съ вами тоже слегка поразмякли, порасчувствовались.

Скучные были эти разговоры и все-таки они возвращались къ нимъ опять и опять. О чемъ же другомъ и было имъ разговаривать?

Было около 10 часовъ вечера, и Оленицынъ уже собирался уходить. Ему еще нужно было кое-что просмотрѣть дома по завтрашнему дѣлу. Въ передней раздался звонокъ.

— Должно быть, мама,—сказалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ. Они слышали, какъ кухарка отперла дверь и спросила: „кого вамъ угодно?“, значитъ кто-нибудь посторонній. „Никого“, отвѣтилъ голосъ. Ѳедоръ Ѳедоровичъ и Оленицынъ оба встали съ мѣста и сдѣлали шагъ впередъ; у нихъ обоихъ дрожали руки. Въ комнату вошла Маша. У Маши немного выдавался животъ. Еще шагъ и они бы бросились къ ней навстрѣчу... Но у Маши было такое холодное мертвое лицо, что оба они остались стоять на мѣстѣ.

— Здравствуйте, — равнодушнымъ голосомъ сказала Маша:—какъ у васъ тутъ хорошо. Я продрогла и устала съ дороги.

И она сѣла въ кресло къ самому огню.

— Дѣти здоровы?

— Здоровы,—заикаясь отвѣтилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ,— Маша, милая, какъ же ты такъ безъ всякаго предупрежденія. (Господи, неужто ему даже нельзя обнять ее?)

— Что-жъ предупреждать. Потомъ, я вдругъ собралась. Сообразила, что съ этимъ,—и она показала на животъ,— нельзя оставаться. Вѣдь никто къ себѣ не пускаетъ. Были однѣ только непріятности.—И у Маши покривился ротъ.

Оленицынъ стоялъ и думалъ: что же это такое, неужто Павелъ Ивановичъ? Нѣтъ, это просто невѣроятно. Ѳедоръ Ѳедоровичъ ничего не думалъ: онъ только стоялъ и смотрѣлъ, смотрѣлъ на Машу.

— Ну, что ты на меня уставился?—вдругъ злымъ, совсѣмъ не своимъ голосомъ какъ-то крикнула она:—прекрасно, не правда ли? И тебѣ должно быть очень пріятно, что я вернулась, а, сознавайся, очень пріятно?—И губы у Маши безтолково дергались во всѣ стороны.—Вотъ и Оленицынъ тоже... должно быть, скучалъ безъ меня... Ну, что-жъ, я вернулась, радуйтесь,—какъ-то совсѣмъ несуразно выкрикивала Маша.—Опоздала выѣхать изъ дома, буду рожать черезъ три мѣсяца, не правда ли, смѣшно, очень смѣшно, такая хорошая шутка. Да смѣйтесь же, говорятъ вамъ, оглохли вы, что ли?—крикнула Маша и сама начала хохотать. Она хохотала, хохотала, пока все тѣло ея не стало биться въ судорожныхъ рыданіяхъ.

Потомъ Маша успокоилась и затихла. Мужчины уложили ее, укутали, придвинули диванъ къ самому огню, напоили ее чаемъ съ виномъ; Ѳедоръ Ѳедоровичъ распустилъ ей платье, снялъ сапоги и надѣлъ на ноги свои теплыя туфли. Оленицынъ осторожно натиралъ ей лобъ одеколономъ. Маша лежала теперь съ закрытыми глазами тихо, тихо и ей нравилось, что вокругъ нея заботливо копошились люди. Да, это было лучше, чѣмъ тамъ, въ Италіи, среди постороннихъ равнодушныхъ людей. Тамъ былъ большой путь, тамъ нужно было быть человѣкомъ, тамъ нужно было бороться, работать, жить. А на что способна она, Маша, со своимъ тяжелымъ, неуклюжимъ, больнымъ тѣломъ? Пускай же они за нимъ поухаживаютъ, вѣдь ничего лучше они для нея не могутъ сдѣлать. И никто для нея ничего не можетъ сдѣлать. Да, пусть они погрѣютъ ее, какъ кошку, вытащенную изъ воды. Потомъ они и этого для нея не смогутъ сдѣлать. И Маша, усталая, разбитая, не то забылась, не то заснула.

Сколько времени она спала, она не знала, но, должно быть, спала долго. Когда она, наконецъ, очнулась, въ комнатѣ было все по прежнему. Въ каминѣ горѣлъ большой огонь, отъ котораго тянуло къ ней тепломъ. Мужчины сидѣли тутъ же и тихо разговаривали. Не было слышно того, что они говорили. Маша вспомнила, что раньше Ѳедя и Оленицынъ совсѣмъ не дружили, а между тѣмъ теперь ей казалось такимъ естественнымъ видѣть ихъ вмѣстѣ. Машѣ захотѣлось опять забыться, заснуть, но у нея зашевелилось въ животѣ и она прислушалась, какъ невольно прислушивалась каждый разъ. Вотъ „онъ“ уперся ножками выше

пупка и перебираетъ ими, какъ будто въ нетерпѣніи, вотъ гдѣ-то внутри проводитъ кулачкомъ; это навѣрное кулачокъ, потому что это что-то такое маленькое. Онъ точно ждетъ этого ужаснаго момента, когда ему такъ хочется жить, а матери только помереть, и когда кажется, что никогда, никогда не придетъ часъ избавленія... А вдругъ, можетъ быть, онъ и придетъ, и грудь опять вздохнетъ свободно...

И Маша сразу забудетъ себя и всѣ свои страданія и со страхомъ въ сердцѣ спроситъ: „Что, каковъ онъ, все ли въ порядкѣ?“ И какъ она будетъ бояться отвѣта: вдругъ да какое-нибудь уродство; вдругъ, да она его плохо выносила, какъ она ему тогда въ глаза смотрѣть будетъ? А Серафима Ивановна, акушерка, скажетъ: „Отличнѣйшая дѣвчонка и прехорошенькая, лучше и не надо“ или „вотъ такъ мальчишка, смотрите, спина-то какая, хоть сейчасъ въ солдаты“. И Маша успокоится. „Слава тебѣ, Господи, слава тебѣ, Господи“, и у всѣхъ будутъ такія радостныя, оживленныя лица, и всѣ будутъ такъ на нее смотрѣть, какъ-то такъ особенно смотрѣть. А маленькій человѣчекъ будетъ кричать, не то сердито, не то жалобно; но никто его не пожалѣетъ. Наоборотъ, всѣ будутъ смѣяться и радоваться, что онъ такъ хорошо кричитъ—здоровый, значитъ. А Ѳедя, глупый Ѳедя будетъ отъ волненія козломъ прыгать и суетиться по комнатѣ, предлагая свои услуги, пока его, наконецъ, совсѣмъ не прогонятъ, чтобы не путался и не мѣшалъ. И Маша вдругъ улыбнулась...

Вѣра Погорѣлова.

Левъ Толстой и «богочеловѣки».

I.

Для тѣхъ читателей, которые, быть можетъ, никогда не слыхали о «богочеловѣкахъ», спѣшимъ пояснить, что подъ этимъ именемъ у насъ были извѣстны послѣдователи религіозно-этическаго ученія, возникшаго въ средѣ русской интеллигенціи въ 70-хъ годахъ, въ самый разгаръ «хожденія въ народъ».

«Богочеловѣчество» и само по себѣ представляетъ немалый интересъ, какъ одно изъ проявленій религіозныхъ исканій, которыя отъ времени до времени захватываютъ интеллигентные слои нашего общества. Интересъ этотъ еще болѣе возрастаетъ въ виду того, что религіозныя исканія на этотъ разъ захватили среду молодежи, при томъ очень активной, соціалистически настроенной, т. е. той части молодежи, которая въ большинствѣ, въ массѣ обыкновенно остается совершенно равнодушной и даже совсѣмъ чуждой интересамъ религіознаго характера.

Но къ этому присоединяется еще особый, спеціальный интересъ вслѣдствіе тѣхъ связей, тѣхъ отношеній, которыя несомнѣнно существовали между «богочеловѣчествомъ» и Львомъ Толстымъ. Какъ теперь выясняется, основатель этого ученія и нѣкоторые изъ его ближайшихъ послѣдователей стояли очень близко къ Л. Н. Толстому, находились съ нимъ въ постоянныхъ отношеніяхъ.

Фактъ этотъ получаетъ еще большее значеніе въ виду того, что знакомство великаго писателя съ «богочеловѣками» какъ разъ совпадаетъ съ тѣмъ періодомъ его жизни, когда его собственныя религіозныя исканія пріобрѣли особенную остроту.

По словамъ Толстого, онъ всегда стремился къ отысканію смысла жизни и только сложныя внѣшнія явленія и событія и его собственныя страсти и увлеченія отодвигали это рѣшеніе вопросовъ жизни. Но къ концу 70-хъ годовъ эти исканія начинаютъ принимать опредѣленныя, законченныя формы, выливаются въ извѣстную систему, извѣстные тезисы. Къ этому именно времени относится и знакомство Льва Николаевича съ «богочеловѣками».

Въ 1878 году Толстой пишетъ Страхову: «У меня живетъ учителемъ математики кандидатъ петербургскаго университета, прожившій два года въ Канзасѣ, въ Америкѣ, въ русскихъ колоніяхъ коммунистовъ. Благодаря ему, я познакомился съ тремя лучшими представителями крайнихъ соціалистовъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ теперь судятъ *). Но и эти люди пришли къ необходимости остановиться въ преобразовательной дѣятельности и прежде поискать религіозныя основы. Со всѣхъ сторонъ, всѣ умы обращаются на то самое, что мнѣ не даетъ покоя» **).

Учителемъ математики старшихъ сыновей Льва Николаевича, какъ извѣстно, былъ въ то время «кандидатъ петербургскаго университета» Василій Ивановичъ Алексѣевъ, пользовавшійся особымъ расположеніемъ Толстого, который называлъ его въ своихъ письмахъ «милымъ другомъ». Алексѣевъ, находившійся сначала подъ сильнымъ вліяніемъ народническихъ идей, которыми вдохновлялась тогда наша молодежь, вскорѣ однако увлекся «богочеловѣчествомъ» и сдѣлался однимъ изъ видныхъ послѣдователей этого ученія.

Далѣе я буду еще имѣть случай болѣе подробно говорить объ Алексѣевѣ и объ его участіи въ американской общинѣ, о которой вскользь упоминаетъ Толстой, теперь же мнѣ хотѣлось бы обратить вниманіе читателей на слова Льва Николаевича изъ только что приведеннаго письма о томъ, что, благодаря Алексѣеву, онъ «познакомился съ тремя лучшими представителями крайнихъ соціалистовъ».

О комъ говоритъ здѣсь Толстой? Кто были эти лица, я въ точности не знаю, но мнѣ извѣстно, что Левъ Николаевичъ познакомился черезъ Алексѣева съ А. К. Маликовымъ, который былъ основателемъ богочеловѣчества и организаторомъ русской общины въ Америкѣ. Толстой очень скоро сблизился съ Маликовымъ, такъ какъ у нихъ сразу же нашлась общая почва—глубокое убѣжденіе въ томъ, что безъ религіи не можетъ жить человѣчество.

Хотя впослѣдствіи, уже значительно позднѣе, Толстой въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ разошелся съ Маликовымъ, такъ какъ послѣдній подъ вліяніемъ пережитыхъ потрясеній и тяжелыхъ утратъ отказался отъ идей, послужившихъ основаніемъ для богочеловѣчества, и вернулся въ церковное православіе, тѣмъ не менѣе великій писатель не переставалъ относиться къ Маликову съ глубокимъ уваженіемъ.

Но, кромѣ Алексѣева и Маликова, къ Толстому былъ очень близокъ еще одинъ «богочеловѣкъ»—Алексѣй Алексѣевичъ Бибиковъ, который долгое время состоялъ управляющимъ его самарскаго имѣнія. Наконецъ позднѣе—въ 1886-1887 гг.—Толстому пришлось

*) Въ это время въ Петербургѣ происходилъ процессъ 193-хъ, къ которому, какъ извѣстно, были привлечены главнымъ образомъ лица, „ходившія въ народъ".

**) «Письма Л. Н. Толстого», томъ второй, 1911 г., стр. 53.

довольно близко познакомиться и сойтись съ Вильямомъ Фреемъ*), который хотя и не былъ настоящимъ «богочеловѣкомъ», такъ какъ являлся убѣжденнымъ послѣдователемъ Огюста Конта, но во многомъ раздѣлялъ идеи Маликова и былъ членомъ американской общины «богочеловѣковъ».

Есть основанія думать, что продолжительное знакомство и сношенія съ богочеловѣками не могли пройти безслѣдно для Толстого, не могли не вліять извѣстнымъ образомъ на направленіе и характеръ его религіозныхъ и этическихъ идей и убѣжденій, которыя въ это время складывались и формировались въ опредѣленную религіозно-философскую доктрину.

Въ виду этого, полагаемъ, будетъ небезъинтересно поближе познакомиться какъ съ самымъ ученіемъ «богочеловѣковъ», такъ и съ личностью его основателя и съ фигурами его главныхъ послѣдователей и участниковъ, насколько это позволяютъ матеріалы, имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи.

Обо всемъ этомъ въ печати имѣются лишь самыя скудныя и отрывочныя свѣдѣнія. Первыя свѣдѣнія о «богочеловѣкахъ» или «маликовцахъ» появились въ заграничной печати. Базельскій профессоръ Тунъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ о революціонномъ движеніи въ Россіи приводитъ слѣдующія данныя о Маликовѣ и его ученіи: «Въ началѣ 1874 года вокругъ Маликова, привлекавшагося еще по каракозовскому дѣлу и находившагося тогда подъ полицейскимъ надзоромъ въ Орлѣ, собралось нѣсколько десятковъ энтузіастовъ, такъ называемыхъ «богочеловѣковъ», которые утверждали, что въ каждомъ человѣкѣ живутъ добрыя свойства: любовь къ ближнему, готовность пожертвовать собой, и что даже въ самомъ ничтожномъ субъектѣ находится эта «искра божія». Необходимо только пробудить ее въ людяхъ проповѣдью, укрѣпить въ нихъ «божественное начало», т.-е. идею равенства и братства. Согласно своему ученію, эта мистическая секта совершенно отказалась отъ всякаго революціоннаго насилія, а ея основатель, Маликовъ, попытался даже, когда былъ арестованъ, подѣйствовать на прокурора и раздуть находившуюся въ немъ «божественную искру» въ пламя любви къ человѣчеству. Это удалось ему въ томъ смыслѣ, что прокуроръ объявилъ мечтателя сумасшедшимъ и не препятствовалъ ему и его товарищамъ переселиться въ Сѣверную Америку. Попытка ихъ устроить тамъ коммунистическія земледѣльческія колоніи была неудачна; они скоро очутились въ страшной нуждѣ и черезъ 2—3 года вернулись въ Европу» **). Вотъ и все.

Въ русской печати за послѣднія 5—6 лѣтъ въ разныхъ воспоми-

---

*) О сношеніяхъ Толстого съ Фреемъ см. статью П. И. Бирюкова: «Л. Н. Толстой и Вильямъ Фрей». „Минувшіе годы". 1908 г. № 9.

**) Тунъ: „Исторія революціоннаго движенія въ Россіи». Переводъ Л. Ш., стр. 108.

наніяхъ изъ жизни 70-хъ годовъ нерѣдко мелькаетъ имя Маликова и упоминанія о «богочеловѣчествѣ», но всегда вскользь, мимоходомъ. Такъ, напримѣръ, бывшій шлиссельбуржецъ М. Ф. Фроленко въ своихъ воспоминаніяхъ удѣляетъ «богочеловѣкамъ» лишь нѣсколько строкъ. По его словамъ, Маликовъ велъ «горячую проповѣдь о возрожденіи людей путемъ вѣры въ то, что люди—боги, что стоитъ людямъ повѣрить въ это (найти въ себѣ бога,—какъ выражались тогда) и съ нихъ спадетъ кора всѣхъ порочныхъ страстей и чувствъ, и они превратятся въ непорочныхъ агнцовъ, не способныхъ ни на что злое, дурное. Міръ быстро обновится и на землѣ водворится земной рай» *).

Въ нашей печати имѣется лишь одна статья, спеціально посвященная Маликову и его ученію, это статья г. Фаресова, подъ заглавіемъ: «Одинъ изъ семидесятниковъ», напечатанная въ «Вѣстникѣ Европы» (1904 г. № 9). Основываясь на своихъ личныхъ воспоминаніяхъ, г. Фаресовъ подробно разсказываетъ въ этой статьѣ о встрѣчахъ и бесѣдахъ съ Маликовымъ, котораго онъ зналъ какъ въ Орлѣ, въ 1873-74 гг., такъ и въ послѣдніе годы его жизни.

Конечно, довольно трудно судить о томъ, насколько точно удалось г. Фаресову воспроизвести свои разговоры съ Маликовымъ, изъ которыхъ первые по времени, представляющіе наиболѣе существенное значеніе, имѣли мѣсто болѣе 30 лѣтъ тому назадъ. Но во всякомъ случаѣ свѣдѣнія, сообщаемыя г. Фаресовымъ объ ученіи Маликова, носятъ слишкомъ поверхностный, неопредѣленный характеръ и очень мало уясняютъ сущность міровоззрѣнія «богочеловѣковъ» **). Можно думать даже, что религіозно-утопическое теченіе 70-хъ годовъ въ статьѣ г. Фаресова получило совершенно невѣрное освѣщеніе. По крайней мѣрѣ, объ этомъ очень рѣшительно заявилъ въ печати одинъ изъ самыхъ выдающихся участниковъ этого движенія, Н. В. Чайковскій, въ письмѣ, помѣщенномъ въ «Вѣстникѣ Европы» (1905 г. № 5).

Мы будемъ рады, если намъ удастся хотя до нѣкоторой степени возстановить истинный характеръ этого движенія.

II.

Ученіе «богочеловѣковъ» возникло въ 1874 году, какъ мы уже замѣтили, въ самый разгаръ «хожденія въ народъ».

---

*) „Изъ далекаго прошлаго" М. Ф. Фроленко. „Минувшіе годы", 1908 г. № 7, стр. 96.

**) Справедливость требуетъ однако отмѣтить, что въ статьѣ г. Фаресова имѣются очень интересныя подробности относительно пребыванія «богочеловѣковъ» въ Америкѣ и объ ихъ жизни въ общинѣ,—записанныя со словъ Маликова.

Основатель этого ученія Александръ Капитоновичъ Маликовъ, по общему мнѣнію людей, знавшихъ его лично, являлся человѣкомъ очень крупнымъ, въ которомъ здоровый и трезвый реализмъ какъ-то непостижимо уживался съ религіозно-мистическими стремленіями и исканіями. А знали Маликова многіе изъ лучшихъ и выдающихся представителей нашей интеллигенціи.

Маликовъ происходилъ изъ зажиточной крестьянской семьи Владимірской губерніи, образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, по окончаніи котораго поступилъ на службу по судебному вѣдомству, причемъ вскорѣ былъ назначенъ на должность судебнаго слѣдователя въ Жиздринскій уѣздъ Калужской губ. Но не долго ему пришлось служить здѣсь.

Въ 1866 году онъ былъ привлеченъ по дѣлу каракозовцевъ, вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ, А. А. Бибиковымъ, который одновременно съ нимъ служилъ мировымъ посредникомъ въ томъ же Жиздринскомъ уѣздѣ. Затѣмъ идутъ обычныя послѣдствія такого «привлеченія»: арестъ, крѣпость, судебный процессъ и, наконецъ, ссылка въ Архангельскую губернію, подъ надзоръ полиціи.

Чтобы точнѣе опредѣлить себѣ роль и участіе Маликова и Бибикова въ каракозовскомъ дѣлѣ, необходимо прежде всего припомнить, что въ этомъ движеніи слились тогда два различныхъ теченія. «Одно изъ нихъ—говоритъ кн. П. А. Кропоткинъ—представляло въ зародышѣ то движеніе «въ народъ», которое впослѣдствіи приняло такіе громадные размѣры, второе же имѣло характеръ чисто политическій. Нѣсколько молодыхъ людей, изъ которыхъ вышли бы блестящіе профессора, выдающіеся историки и этнографы, рѣшили въ 1864 году стать, не смотря на всѣ препятствія со стороны правительства, носителями знанія и просвѣщенія среди народа. Они селились, какъ простые работники, въ большихъ промышленныхъ городахъ, устраивали тамъ кооперативныя общества, открывали негласныя школы. Они надѣялись, что при извѣстномъ тактѣ и терпѣніи имъ удастся воспитать людей изъ народа и, такимъ образомъ, создать центры, изъ которыхъ постепенно среди массъ будутъ распространяться лучшія и болѣе высокія идеи. Для осуществленія плана были пожертвованы большія состоянія; любви и преданности дѣлу было очень много... Съ другой стороны, Каракозовъ, Ишутинъ и нѣкоторые другіе члены кружка придали движенію чисто политическій характеръ» *).

Всѣ данныя, которыя имѣются въ нашихъ матеріалахъ, заставляютъ думать, что какъ Маликовъ, такъ и Бибиковъ несомнѣнно принадлежали къ первой группѣ каракозовцевъ, т. е. къ тѣмъ именно лицамъ, которыя на первый планъ выдвигали культурно-просвѣтительныя цѣли и задачи и дальше мирной пропаганды со-

*) П. А. Кропоткинъ: „Записки революціонера", Лондонъ, 1902 г., стр. 239.

ціалистическихъ идей не шли. Отправляясь на службу въ Жиздринскій уѣздъ Калужской губерніи, въ которомъ находятся извѣстные Мальцевскіе заводы, они мечтали о дѣятельности на пользу рабочаго населенія этихъ заводовъ. Однако дѣятельность эта продолжалась очень недолго, такъ какъ вскорѣ послѣдовалъ арестъ, а затѣмъ и ссылка.

Первые годы ссылки на далекомъ сѣверѣ Маликову пришлось прожить въ крохотномъ и захолустномъ уѣздномъ городкѣ—Холмогорахъ—при крайне тяжелыхъ условіяхъ, безъ всякой работы и службы, если не считать занятій въ мѣстномъ архивѣ. Съ переводомъ въ Архангельскъ Маликовъ получилъ возможность начать работы по изслѣдованію крайняго сѣвера и занять мѣсто секретаря архангельскаго губернскаго статистическаго комитета.

Но жизнь въ Архангельскѣ, въ силу его отдаленности и отсутствія желѣзной дороги, а также въ виду суровыхъ климатическихъ условій, не могла не тяготить Маликова. Поэтому, какъ только состоялось освобожденіе его отъ надзора полиціи,—онъ спѣшитъ оставить суровый сѣверъ и въ 1872 г. переѣзжаетъ въ г. Орелъ на службу въ управленіе желѣзной дороги *).

Проходитъ годъ, другой и Маликова вдругъ всецѣло захватываетъ волна религіозно-этическаго увлеченія, которое, особенно на первыхъ порахъ, выражалось очень ярко и носило характеръ настоящаго религіознаго экстаза. О томъ, какъ и подъ какими вліяніями совершился въ Маликовѣ этотъ рѣзкій переломъ, послѣ котораго онъ вдругъ выступилъ въ роли религіознаго реформатора, до сихъ поръ въ точности почти ничего не извѣстно.

Необходимо сказать, что въ Орлѣ Маликовъ вращался главнымъ образомъ среди молодежи, которая въ то время была охвачена горячимъ стремленіемъ «служить народу», «идти въ народъ» для пропаганды соціалистическихъ идей. Маликовъ, какъ человѣкъ съ политическимъ прошлымъ, пользовался въ кружкахъ тогдашней радикально настроенной молодежи всеобщимъ уваженіемъ и даже авторитетомъ. Этому еще болѣе способствовали его личныя достоинства, а также его знакомство съ нѣкоторыми изъ наиболѣе видныхъ вождей народническаго движенія того времени, какъ, напримѣръ, съ Порфиріемъ Войнаральскимъ и, наконецъ, дружба его съ Н. В. Чайковскимъ и другими.

Молодые пропагандисты изъ числа студентовъ, офицеровъ и курсистокъ, отправляясь въ народъ, считали полезнымъ побывать въ Орлѣ у Маликова, чтобы получить отъ него разныя свѣдѣнія, указанія практическаго характера, рекомендаціи къ нужнымъ и полезнымъ людямъ и т. д.

Собственно говоря, Маликовъ никогда не былъ революціоне-

---

*) „Негласный" полицейскій надзоръ за Маликовымъ оставался и въ Орлѣ.

ромъ, въ прямомъ значеніи этого слова, хотя его страстный темпераментъ, съ одной стороны, а, съ другой, впечатлѣнія, вынесенныя изъ столкновеній во время службы, во время скитаній по тюрьмамъ и ссылкамъ и, наконецъ, его знакомства съ дѣятелями радикальныхъ кружковъ—быть можетъ, и толкали его на этотъ путь. Но «движенію въ народъ» онъ, безъ сомнѣнія, сочувствовалъ и потому обращавшейся къ нему молодежи всегда оказывалъ всяческое содѣйствіе.

Окружавшая Маликова молодежь была не мало смущена, когда въ одинъ прекрасный день вмѣсто рѣчей на общественныя и соціальныя темы она вдругъ услышала отъ него... проповѣдь, въ которой онъ со свойственной ему страстностью началъ развивать идею богочеловѣчества. Но это смущеніе молодежи скоро разсѣялось, смѣнившись глубокимъ вниманіемъ и интересомъ къ новому слову, столь не похожему на то, что ей приходилось слышать до тѣхъ поръ. Маликову сразу же удалось приковать къ своему ученію вниманіе молодежи, явившейся къ нему совсѣмъ съ другими цѣлями, съ другими настроеніями. А за вниманіемъ явилось и сочувствіе. Всѣхъ заражала его глубокая искренность, подкупала его убѣжденность, которая казалась непоколебимой, увлекалъ страстный энтузіазмъ. Въ проповѣдываніи своего «богочеловѣчества» Маликовъ былъ неутомимъ. Зачастую не только цѣлые дни, но и цѣлыя ночи напролетъ онъ развивалъ свое ученіе, доказывая, что всѣ люди должны стремиться довести до высшаго развитія религіозное чувство, которое заложено въ каждомъ человѣкѣ, и этимъ путемъ достигать совершенства. Онъ вѣрилъ, что всѣ революціонеры и нигилисты откажутся отъ своей дѣятельности, какъ не достигающей цѣли, и сдѣлаются богочеловѣками. Рѣчи Маликова въ это время походили больше на вдохновенныя проповѣди, дышали огнемъ и страстью «жгли сердца» слушателей. Недаромъ ихъ всегда называли «пламенными рѣчами». Одинъ изъ слышавшихъ въ это время Маликова увѣрялъ, что, когда тотъ говорилъ на тему о богочеловѣчествѣ, то казалось, что «искры сыпались».

Слѣдуетъ замѣтить, что взгляды на религію Маликова и его главнаго послѣдователя Н. В. Чайковскаго и ранѣе были какъ нельзя болѣе далеки отъ тѣхъ шаблонныхъ опредѣленій отрицательнаго характера, которыя были въ такомъ ходу въ интеллигентной средѣ, особенно въ нигилистическихъ кружкахъ того времени. Придавая важное значеніе психологическому элементу, они считали религіозный вопросъ не болѣзненнымъ, а вполнѣ закономѣрнымъ, будучи убѣждены, что религіи принадлежитъ руководящая рѣчь въ массовой жизни человѣчества.

Они говорили, что нѣтъ такихъ людей, у которыхъ не было бы никакой религіи. У такъ называемыхъ атеистовъ есть своя религія, религія принциповъ, высшихъ нравственныхъ началъ, въ ко-

торые они вѣрятъ непоколебимо и которые для нихъ являются своего рода религіозными догматами, заповѣдями.

III.

Христіанство Маликовъ и Чайковскій ставили очень высоко. Всю современную цивилизацію, весь культурный прогрессъ они разсматривали, какъ порожденіе христіанскаго ученія путемъ вліянія на міръ и человѣка и постепеннаго внесенія христіанскихъ воззрѣній въ сознаніе и жизнь людей. Но, вполнѣ признавая колоссальныя заслуги христіанства въ прошломъ, въ исторіи человѣчества, богочеловѣки находили, что въ настоящее время насталъ моментъ, когда христіанство дало все то, что оно могло дать человѣчеству, оно выжило свое содержаніе и такимъ образомъ сдѣлалось безсильно предъ новыми назрѣвающими задачами и запросами современной соціальной и міровой жизни. И вотъ поэтому является настоятельная и жгучая необходимость въ новой религіи, которая дѣйствительно зажгла бы сердца людей, которыя обновила бы ихъ жизнь, ихъ духовный, моральный міръ, которая дѣйствительно внесла бы гармонію въ смятенную, измученную душу современнаго человѣчества и сдѣлала его счастливымъ. Такой именно религіей,— по убѣжденію Маликова,—и должно было явиться ученіе о «богочеловѣчествѣ».

Чѣмъ-же въ сущности отличалось «богочеловѣчество» отъ христіанства?

Главная, основная идея христіанскаго ученія заключается въ положеніи, что «царство Божіе *внутри* насъ». Отсюда вытекаетъ обязанность и долгъ каждаго отдѣльнаго человѣка заботиться о *личномъ* совершенствованіи. Но отсюда же у христіанина явное равнодушіе къ тому, что *внѣ* насъ, *внѣ* человѣка, отсюда индифферентизмъ къ общественнымъ и государственнымъ условіямъ и формамъ жизни. Эта сторона христіанства, какъ извѣстно, выражена и подчеркнута и въ ученіи Л. Н. Толстого, опирающемся главнымъ образомъ на Евангеліи.

«Богочеловѣки» вполнѣ и безусловно признавали необходимость нравственнаго, религіозно-моральнаго обновленія и возрожденія человѣка. Въ этомъ отношеніи они вполнѣ сходились съ христіанскимъ ученіемъ. Но они утверждали, что на этомъ, т. е. на одномъ личномъ совершенствованіи, остановиться невозможно. Они утверждали, что миръ, гармонія, любовь, справедливость должны быть не только въ душѣ каждаго отдѣльнаго человѣка, но должны проникать всѣ общественныя, соціальныя, международныя отношенія людей.

На основаніи исторіи религій богочеловѣки доказывали, что во всѣхъ религіяхъ человѣкъ въ сущности всегда боготворилъ

самого себя. Они доказывали, что, постепенно совершенствуясь морально, освобождаясь отъ всѣхъ своихъ недостатковъ, слабостей, порочныхъ наклонностей и дурныхъ страстей, человѣкъ можетъ достигнуть высокаго, идеальнаго совершенства, можетъ приблизиться къ самому Богу, можетъ слиться съ Нимъ, объединиться съ Богомъ, и въ доказательство этого ссылались на то необычайное, мистическое, чисто божественное состояніе, которое переживаетъ вѣрующій человѣкъ въ минуты религіознаго экстаза.

При такомъ состояніи людей естественно должны прекратиться и исчезнуть изъ жизни всякіе антагонизмы, отравляющіе въ настоящее время существованіе человѣчества: войны, борьба классовъ и партій, преступленія и пороки въ жизни людей. Словомъ, гармонія водворится не только въ душѣ человѣка, но и во внѣшнихъ условіяхъ и формахъ общественной жизни.

И все это,—по мнѣнію богочеловѣковъ,—должно совершиться путемъ обоготворенія человѣка. Такимъ образомъ на мѣсто христіанскаго самопожертвованія во имя какихъ бы то ни было высокихъ идеаловъ они ставили самоуваженіе человѣка, переходившее въ прямое его обоготвореніе.

Насиліе отрицалось въ силу его безполезности. Однако непротивленіе злу никогда не возводилось въ догму. Но всѣ насильственные пріемы борьбы со зломъ, со страстями, съ разрушительными наклонностями въ человѣческомъ обществѣ считались совершенно безплодными, безполезными. Понятно, что всякіе насильственные пути, вродѣ революціи и возстанія, отрицались богочеловѣками самымъ категорическимъ образомъ. Маликовъ проповѣдывалъ, что насиліе нельзя уничтожить насиліемъ,—точно такъ же, какъ нельзя огонь залить керосиномъ. Онъ горячо призывалъ всѣхъ на насиліе отвѣтить любовью, съ враждой и злобой бороться путемъ примиренія и общаго единенія.

Охваченный необыкновеннымъ энтузіазмомъ, Маликовъ нерѣдко переживалъ минуты религіознаго экстаза, который, случалось, разражался слезами и рыданіями. Это приподнятое настроеніе Маликова и его послѣдователей, число которыхъ все возрастало, продолжалось втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Неизвѣстно, какое направленіе приняло бы это движеніе въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, но тутъ, по русскому обыкновенію, выступили на сцену... жандармы и прокуроры, которые сочли долгомъ вмѣшаться въ это дѣло, чтобы «положить предѣлъ». Далѣе я подробнѣе разскажу объ этомъ.

IV.

Какъ же отнеслась молодежь того времени къ проповѣди Маликова о необходимости религіозно-этическаго обновленія, о необходимости разъ навсегда отказаться отъ всякаго насилія, а, слѣдовательно, и отъ всякихъ революціонныхъ средствъ борьбы?

Казалось, всѣ основанія были за то, что молодежь, увлеченная соціалистическимъ движеніемъ, если не отнесется враждебно, то во всякомъ случаѣ останется совершенно глухой къ проповѣди, отрицавшей самыя основы ея міросозерцанія, какъ нельзя болѣе далекаго отъ всякой метафизики и мистицизма.

Чтобы показать, какіе взгляды на религію и на религіозный элементъ высказывались въ то время людьми, признававшимися вождями и руководителями движенія, мы позволимъ себѣ привести здѣсь нѣсколько строчекъ изъ вступительной статьи, помѣщенной въ первомъ номерѣ журнала «Впередъ» за 1873 годъ, подъ названіемъ: «Наша программа»:

«*Религіозный*» *), церковный, догматическій элементъ намъ безусловно враждебенъ. Мы опираемся на критику, стремимся къ торжеству реальной мысли, къ удовлетворенію реальныхъ потребностей. Между нами и различными сектами, ортодоксальными и еретическими, опирающимися на откровеніе или на идеалистическую метафизику, нѣтъ ничего общаго. Принципъ сверхъестественнаго, мистическаго мы не признаемъ ни въ одномъ изъ его оттѣнковъ» (стран. 5).

При господствѣ такихъ взглядовъ слѣдовало бы ожидать, что богочеловѣчество Маликова на первыхъ же порахъ неминуемо должно потерпѣть полнѣйшій крахъ. Тѣмъ не менѣе приходится признать, что проповѣдь Маликова имѣла несомнѣнный успѣхъ. По крайней мѣрѣ, вскорѣ же у него появляется цѣлый рядъ послѣдователей, горячо увѣровавшихъ въ его «богочеловѣчество». Между прочимъ ученіе это приняли: два молодыхъ артиллерійскихъ офицера Тепловъ и Аитовъ, кандидатъ петербургскаго университета В. И. Алексѣевъ, бывшій студентъ-медикъ московскаго университета С. Л. Клячко, слушательница петербургскихъ, только что открывшихся тогда медицинскихъ курсовъ, К. С. Пругавина, старый пріятель Маликова, бывшій мировой посредникъ А. А. Бибиковъ, затѣмъ: Святскій, Хохловъ, Смольяниновъ, г-жа Эйгофъ и многіе другіе.

Но въ глазахъ молодого поколѣнія богочеловѣчество особенно много выиграло съ момента присоединенія къ нему Николая Васильевича Чайковскаго, основателя извѣстнаго кружка чайков-

---

*) Курсивъ подлинника.

цевъ,—кружка, который сыгралъ такую крупную роль въ исторіи русскаго общественнаго движенія. Необходимо замѣтить, что Чайковскій пользовался огромной популярностью и вліяніемъ въ интеллигентныхъ кружкахъ того времени.

Чѣмъ же можно объяснить столь быстрый успѣхъ мистической проповѣди Маликова въ средѣ, которая, казалось бы, какъ нельзя болѣе была застрахована отъ всякаго мистицизма?

Намъ кажется, что, явленіе это слѣдуетъ объяснить главнымъ образомъ тѣми альтруистическими настроеніями, которыя переживались тогда нашей передовой молодежью, поставившей на своемъ знамени «служеніе народу» и жаждавшей подвига, самоотреченія, стремившейся отказаться отъ всякихъ привилегій, удобствъ и преимуществъ своего положенія, чтобы слиться съ трудовой народной массой, безправной и угнетенной, но которая въ глазахъ молодежи являлась носительницей свѣтлыхъ нравственныхъ идеаловъ.

Движеніе это, проникнутое самымъ высокимъ идеализмомъ, по своему внутреннему содержанію носило въ значительной степени религіозный, этическій характеръ. Недаромъ одинъ изъ самыхъ видныхъ участниковъ «хожденія въ народъ», Сергѣй Кравчинскій, слѣдующимъ образомъ опредѣлялъ общій характеръ этого движенія, его психологію. «Движеніе это едва-ли можно назвать политическимъ. Оно было скорѣе какимъ-то крестовымъ походомъ, отличаясь вполнѣ заразительнымъ и всепоглощающимъ характеромъ религіозныхъ движеній. Люди стремились не только къ достиженію опредѣленныхъ практическихъ цѣлей, но вмѣстѣ съ тѣмъ къ удовлетворенію глубокой потребности личнаго нравственнаго очищенія» *), Именно въ этомъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ видѣть причину того, что мистическія проповѣди Маликова о богочеловѣчествѣ, о нравственномъ совершенствованіи, о развитіи религіознаго сознанія нашли въ адептахъ этого движенія такой скорый отзвукъ.

Идеи, составлявшія народническое credo, носились въ то время въ воздухѣ. Эти идеи исповѣдывались и всѣми богочеловѣками. Мы глубоко убѣждены, что и Толстой, при его необыкновенной чуткости, не могъ не подпасть подъ вліяніе этихъ идей.

Правда, любовь къ мужику пробудилась въ Толстомъ очень рано. Въ своемъ письмѣ къ Григоровичу по поводу 50-лѣтія его литературной дѣятельности онъ писалъ: «Вы мнѣ дороги... въ особенности по тѣмъ незабвеннымъ впечатлѣніямъ, которыя произвели на меня вмѣстѣ съ «Записками Охотника» Тургенева ваши первыя повѣсти. Помню умиленіе и восторгъ, произведенные на меня, 16-лѣтняго мальчика, не смѣвшаго вѣрить себѣ, «Антономъ-Горемыкой», бывшимъ для меня радостнымъ открытіемъ того, что русскаго мужика, нашего кормильца и—хочется сказать—учителя,

*) С. Степнякъ: „Подпольная Россія“ Лондонъ. 1893 г., стр. 15.

можно и должно описывать, не глумясь и не для оживленія пейзажа, а можно и должно писать во весь ростъ, не только съ любовью, но съ уваженіемъ и даже съ трепетомъ» *).

Здѣсь, въ этихъ строчкахъ, какъ нельзя болѣе ярко сказывается то же самое настроеніе, то же самое отношеніе къ «мужику», полное восторга и «трепета», которыя являлись самыми характерными особенностями народнической психики, народнической идеологіи 70-хъ годовъ. Всегда таившіяся въ Толстомъ симпатіи къ трудовому народу и крестьянину пріобрѣтаютъ вполнѣ опредѣленный характеръ именно въ концѣ 70-хъ годовъ, т. е. въ то самое время, когда происходитъ его сближеніе съ богочеловѣками и народниками.

Въ это именно время Толстой начинаетъ стремиться къ «опрощенію», которое, какъ извѣстно, составляло основную черту людей, «ходившихъ въ народъ»; съ этого времени въ его отношеніяхъ къ свѣтскому обществу, къ аристократической средѣ проглядываютъ явно отрицательныя тенденціи. Онъ стремится сблизиться съ народомъ, ознакомиться съ его духовнымъ міромъ, для чего предпринимаетъ путешествія по монастырямъ, знакомится съ сектантами и т. д. При этомъ онъ прибѣгаетъ къ тѣмъ же самымъ пріемамъ, которые практиковались лицами, «ходившими въ народъ», т. е. ходитъ по Россіи пѣшкомъ, одѣвается въ крестьянское платье до лаптей включительно, и проч.

Демократическія симпатіи Толстого постепенно растутъ все болѣе, принимая при этомъ чисто народническій характеръ. Это прежде всего, конечно, очень сильно отражается въ его произведеніяхъ, а затѣмъ и въ условіяхъ его личной жизни, въ его обстановкѣ, костюмѣ и т. д. Около этого же времени изъ подписи Льва Николаевича исчезаетъ титулъ графа. Онъ задумываетъ писать для широкихъ народныхъ массъ, задается мыслью создать народный органъ, стремится улучшить лубочную народную литературу и т. д.

V.

Успѣхъ ученія Маликова обратилъ на него вниманіе администраціи, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ его послѣдователей начали распространять богочеловѣчество въ народѣ, съ Евангеліемъ въ рукахъ. Молодые офицеры Тепловъ и Аитовъ были арестованы за это «на мѣстѣ преступленія».

Жандармскій генералъ Слезкинъ и прокуроръ Жихаревъ, производившій въ то время дознаніе по дѣлу о пропагандѣ въ 36 губерніяхъ, заинтересовались ученіемъ Маликова, его «пропагандой». Маликовъ былъ арестованъ и привезенъ въ Москву.

*) „Письма Л. Н. Толстого". 1910 г., стр. 223.

На первомъ же допросѣ, въ присутствіи Жихарева и Слезкина, Маликовъ, вмѣсто показаній, которыя отъ него требовались, произнесъ горячую рѣчь о богочеловѣчествѣ, о необходимости нравственнаго совершенствованія, о развитіи религіознаго чувства и сознанія, о достиженіи того высокаго идеала, который долженъ приблизить человѣка къ Богу. Сообщеніе профессора Туна о томъ, что рѣчь эта заставила прокурора объявить мечтателя (т. е. Маликова) «сумасшедшимъ», не подтверждается обстоятельствами дѣла. Напротивъ, имѣется нѣсколько свидѣтельствъ, удостовѣряющихъ, что рѣчь Маликова произвела сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ. То, что они услышали, было для нихъ и ново, и неожиданно. Вслѣдъ за этимъ Маликовъ былъ немедленно же освобожденъ.

Вскорѣ однако власти спохватились и признали, что, хотя ученіе Маликова и не заключаетъ въ себѣ «ничего политическаго», тѣмъ не менѣе распространеніе его не можетъ быть допущено. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, какими соображеніями мотивировалось это распоряженіе. Какъ ни какъ, но Маликову строго-настрого было воспрещено распространять свое ученіе.

Обстоятельство это заставило «богочеловѣковъ» задуматься относительно своего дальнѣйшаго существованія, тѣмъ болѣе, что они предвидѣли возможность новыхъ стѣсненій, новыхъ репрессій. Съ цѣлью примѣнить свои идеи къ жизни, богочеловѣки еще ранѣе задумали образовать, на началахъ своего ученія, особую земледѣльческую общину. Но, убѣдившись, что русскія политическія условія того времени отнюдь не благопріятствовали какимъ бы то ни было религіозно-соціальнымъ опытамъ, они рѣшили уѣхать въ Америку, чтобы тамъ, на полной свободѣ, осуществить опытъ достиженія намѣченнаго ими идеала, устроить такую общину, которая послужила бы образцомъ для всѣхъ другихъ. Въ концѣ того же 1874 года «богочеловѣки» эмигрировали въ Америку въ числѣ 15 человѣкъ и тамъ въ штатѣ Канзасъ купили землю и устроили общину. Въ числѣ членовъ этой общины были: Маликовъ съ женой и дѣтьми, Чайковскій съ женой, Алексѣевъ съ семьей, Клячко съ женой, Хохловъ, Бруевичъ изъ Орла, братъ Алексѣева, Лидія Эйгофъ изъ Саратова. Позднѣе къ нимъ присоединился русскій эмигрантъ Владиміръ Константиновичъ Гейнсъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Вильяма Фрея, оставившій Россію еще въ 1868 году.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что въ то время въ нѣкоторыхъ кругахъ русской интеллигенціи наблюдалась замѣтная тяга къ переселенію въ Америку. Фактъ этотъ, между прочимъ, отмѣченъ въ интересныхъ и содержательныхъ «Воспоминаніяхъ» Вл. Дебогорія-Мокріевича, который разсказываетъ, что съ конца 60-хъ годовъ многіе представители русской интеллигенціи «усматривали нѣчто необыкновенно привлекательное въ американской жизни и учрежде-

ніяхъ и ѣздили туда». Самъ авторъ «Воспоминаній» точно также стремился въ то время въ Америку, имѣя въ виду организовать тамъ общину, которая на дѣлѣ бы осуществила принципъ отрицанія личной собственности.

Живя въ Россіи, Гейнсъ окончилъ двѣ военныя академіи: артиллерійскую и генеральнаго штаба, послѣ чего поступилъ въ Финляндскій гвардейскій полкъ. Подобная служба не могла его удовлетворить, не смотря на то, что его обширныя спеціальныя знанія какъ нельзя болѣе цѣнились начальствомъ. Все обѣщало ему быструю и блестящую карьеру (его родной братъ былъ казанскимъ губернаторомъ). Но все это ни мало не прельщало его, такъ какъ всѣ его интересы, стремленія и планы лежали совсѣмъ въ иной плоскости. Онъ задавался широкими, грандіозными цѣлями о перевоспитаніи общества и народа. Подъ вліяніемъ сочиненій Фурье, Роберта Овена и Чернышевскаго, онъ усвоилъ соціалистическія идеи съ сильнымъ этическимъ налетомъ и мечталъ о возрожденіи человѣчества къ новой жизни путемъ устройства трудовыхъ общинъ на коммунистическихъ началахъ. И вотъ онъ сжигаетъ корабли и вмѣстѣ съ женой, носившей фамилію Славинской, вполнѣ раздѣлявшей его убѣжденія, уѣзжаетъ въ 1868 году въ Америку, гдѣ и поселяется окончательно. При этомъ онъ принялъ американское подданство и перемѣнилъ свое имя и фамилію, назвавшись Вильямомъ Фреемъ.

Послѣ разныхъ перипетій, неизбѣжныхъ въ положенія эмигранта, онъ ѣдетъ въ Миссури и тамъ вступаетъ въ общину «Union», которой отдаетъ свои послѣдніе сто долларовъ. Но проходитъ годъ и община распадается «вслѣдствіе внутреннихъ несогласій». Тогда онъ перекочевываетъ въ Канзасъ и тамъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ друзей, докторомъ Bricks, основываетъ свою общину-коммуну «La Progressive». Однако и эта община вскорѣ распалась «изъ за разногласій, возникшихъ съ американцами, которые желали придать общинѣ коммерческій характеръ». Эти неудачи убѣждаютъ Фрея въ томъ, что однѣ экономическія основы и въ частности коммунизмъ совершенно недостаточны «для созданія прочнаго общества и что для этого необходимо и нравственное возрожденіе человѣка». Изученіе О. Конта и его «религіи человѣчества» окончательно укрѣпляетъ Фрея въ необходимости выдвинуть на первый планъ идею объ этическомъ совершенствованіи. Сдѣлавшись горячимъ послѣдователемъ позитивной религіи, увлекшись ея возвышенными принципами, въ родѣ знаменитаго «vivre pour autrui», Фрей началъ доказывать, что «никакая общинная жизнь не возможна безъ религіи, которая составляетъ основу человѣческой дѣятельности, объединяя вѣрующихъ и руководя ими» *).

---

*) Н. В. Рейнгардтъ: «Необыкновенная личность». Казань, 1889 г.

Такъ объясняетъ біографъ Фрея Н. В. Рейнгардъ ту эволюцію, которую пришлось пережить Фрею на пути отъ коммунизма къ позитивизму. Мы считаемъ не лишнимъ добавить, что мысль о невозможности общинной жизни безъ религіи могла явиться у Фрея подъ впечатлѣніемъ знакомства съ состояніемъ различныхъ американскихъ общинъ. Ему не могъ не броситься въ глаза фактъ, что въ то время, когда общины коммунистовъ и людей, задававшихся исключительно соціальными цѣлями, всегда очень быстро распадались, общины людей, объединенныхъ религіозной идеей, сектантовъ: шэкеровъ, перфекціонистовъ, мормоновъ и т. д., существовали и развивались, достигая нерѣдко цвѣтущаго состоянія.

Познакомившись съ «богочеловѣками», Фрей вмѣстѣ съ женой и дѣтьми вступилъ въ ихъ общину. Но это вступленіе не только не повлекло за собой укрѣпленія богочеловѣческой общины, а, наоборотъ, немало поспособствовало ея окончательному распаденію.

Г. Рейнгардъ, кстати сказать, черезчуръ идеализировавшій Фрея въ своей брошюрѣ, ни слова не говоритъ объ его жизни въ общинѣ богочеловѣковъ. Между тѣмъ пребываніе Фрея въ этой общинѣ проливаетъ яркій свѣтъ на личность этого безспорно замѣчательнаго, но въ то же время сектантски-односторонняго человѣка. Несомнѣнно, что съ точки зрѣнія личной морали Вильямъ Фрей былъ по истинѣ человѣкомъ святой жизни. Человѣкъ идеи и принциповъ по преимуществу, онъ отличался полнымъ отсутствіемъ всякихъ побужденій личнаго характера, былъ совершенно свободенъ отъ всего, что носитъ характеръ эгоистическихъ стремленій и помысловъ. Но въ то же время онъ несомнѣнно былъ слишкомъ прямолинейнымъ человѣкомъ, черезчуръ склоннымъ доводить до абсурда выполненіе тѣхъ или иныхъ положеній или догматовъ исповѣдуемой имъ доктрины. Такъ, напримѣръ, свое вегетаріанство Фрей не преминулъ довести до крайнихъ, невозможныхъ предѣловъ, категорически и разъ навсегда отказавшись отъ употребленія даже сахара, даже соли. То же самое повторялось и въ другихъ случаяхъ. Извѣстный принципъ позитивной религіи «жить открыто»—vivre au grand jour—т. е. не скрывать отъ людей образъ своей частной жизни, Фрей точно также доводилъ до совершенно нелѣпыхъ предѣловъ. Такъ, живя въ общинѣ богочеловѣковъ, онъ пытался доказывать, что даже мужъ и жена не имѣютъ права вести между собой сепаратные разговоры, что и они не должны позволять себѣ хотя по временамъ изолироваться отъ другихъ членовъ общины... Дальше этого, конечно, уже не могла идти изступленная ненависть ко всякому проявленію индивидуализма.

VI.

Дѣло у богочеловѣковъ не пошло: община ихъ не развилась и не окрѣпла. Это, разумѣется, объясняется многими причинами, изъ которыхъ можно указать: незнаніе мѣстныхъ условій, неумѣніе быстро примѣниться къ нимъ, полное отсутствіе привычки къ физическому труду. Въ первое время послѣ дня, проведеннаго на какой-нибудь тяжелой работѣ, вродѣ рубки дровъ или копанья грядъ, богочеловѣки чувствовали себя точно послѣ пытки. Постепенно, съ теченіемъ времени хотя и выработалась привычка владѣть топоромъ и заступомъ, тѣмъ не менѣе тяжелая физическая работа изо дня въ день не могла не угнетать русскихъ интеллигентовъ. А работать приходилось съ утра и до вечера, нерѣдко по 11 часовъ въ сутки, работать, что называется, до упаду. Крайняя непрактичность членовъ общины сказалась на первыхъ же порахъ при сооруженіи необходимыхъ построекъ и затѣмъ постоянно давала себя знать въ дѣлѣ веденія хозяйства. Такъ, напримѣръ, сарай для коровъ выстроенъ былъ изъ такихъ тонкихъ столбиковъ или кольевъ, что, какъ только корова вздумала почесаться около сарая, онъ тотчасъ же свалился. Никто не умѣлъ ходить за скотомъ, выдаивать коровъ до конца; вслѣдствіе этого многія коровы оказались перепорченными, и т. д.

Неудивительно, что община начала нуждаться. Постепенно нужда обострялась все больше и больше. Членамъ общины жилось голодно и холодно. Въ результатѣ чрезмѣрной, напряженной работы, помимо утомленія и усталости, являлось недовольство, прокрадывалось раздраженіе. Взаимныя отношенія членовъ общины начали разлаживаться, начали возникать недоразумѣнія, неудовольствія, пререканія. Вѣра въ возможность достиженія богочеловѣческаго совершенства,—вѣра, которая воодушевляла и окрыляла членовъ общины,—постепенно слабѣла и гасла. Надежда создать новую религію, которая явилась бы синтезомъ христіанства и соціализма, распадалась окончательно.

Въ отношеніяхъ къ нимъ американцевъ проглядывало явное недовѣріе и предубѣжденіе. Американцы называли ихъ коммунистами, говорили, что у нихъ существуетъ общность женъ и т. д. Впрочемъ, нужно замѣтить, что это обычные слухи, почти всегда пускаемые въ Америкѣ о членахъ разныхъ сектантскихъ общинъ. Наконецъ, еще одна нелѣпая легенда была пущена въ ходъ американцами о «богочеловѣкахъ»: начали увѣрять, что они—огнепоклонники, что они создали будто бы особый культъ поклоненія огню. Поводомъ для возникновенія этой легенды послужилъ слѣдующій случай. Разъ вечеромъ, при постройкѣ домовъ для жилья, колонисты начали обжигать сваи для фундамента. Разложили боль-

шой костеръ, собрались вокругъ него и, пользуясь хорошей погодой, начали хоромъ пѣть русскія пѣсни. Эта картина въ глухой степи была дѣйствительно очень оригинальна и эффектна. Американцы, видя эту сцену, рѣшили, что члены новой общины совершаютъ поклоненіе огню.

Вообще между практическими американцами и русскими общинниками, преисполненными крайняго идеализма, не установилось сколько-нибудь прочныхъ отношеній и связей. Это, разумѣется, не могло не тяготить «богочеловѣковъ», которые начали чувствовать себя въ Америкѣ совершенно чужими людьми. И вотъ у нихъ появляется тоска по родинѣ, мучительная тоска по русскимъ людямъ, острое, жгучее желаніе во что бы то ни стало увидѣть Россію.

Черезъ два года члены общины рѣшили разстаться, чтобы «вернуться въ цивилизацію», какъ говорили они.

Часть изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Маликовъ и Алексѣевъ, вернулись въ Россію, другіе—Чайковскій и Клячко—остались заграницей, въ Европѣ.

Они вернулись изъ Америки морально разбитыми людьми,—настолько, что объ участіи въ русскомъ общественномъ движеніи, которое въ то время отлилось въ форму «Народной Воли»—невозможно было и думать. Тѣмъ болѣе, что всѣ «богочеловѣки»: Маликовъ, Чайковскій, Алексѣевъ и другіе всегда отличались отсутствіемъ боевого революціоннаго темперамента и всегда вдохновлялись главнымъ образомъ творческой, созидательной работой. Мотивы этическаго характера всегда преобладали въ нихъ. И хотя они болѣли душой за то, что творилось въ Россіи благодаря господству реакціи, тѣмъ не менѣе отдать своей души политическимъ партіямъ они уже не могли. Но они не отказались отъ высокаго богочеловѣческаго идеала, какъ конечной цѣли, къ которой, по ихъ мнѣнію, стремится человѣчество въ процессѣ естественной эволюціи. Они остались вполнѣ вѣрны этому идеалу.

Таково, по нашему мнѣнію, было настроеніе богочеловѣковъ въ тотъ моментъ, когда они, вернувшись въ Россію, вошли въ сношенія съ Толстымъ. Изъ нихъ, какъ мы видѣли, особенно близко сталъ къ Толстому В. И. Алексѣевъ, учитель его дѣтей, прожившій съ великимъ писателемъ подъ одной кровлей нѣсколько лѣтъ.

Окончивъ свои учительскія обязанности въ семьѣ Толстого, Алексѣевъ не порвалъ своихъ связей со Львомъ Николаевичемъ. Покинувъ Ясную Поляну, онъ переселился въ самарское имѣніе Толстого, гдѣ и прожилъ довольно долгое время. Переписка, существовавшая между Алексѣевымъ и Толстымъ, носитъ самый дружескій, интимный характеръ. Нѣкоторыя изъ писемъ Толстого къ Алексѣеву читатель найдетъ въ первомъ томѣ сборника П. А. Сергѣенка: «Письма Л. Н. Толстого». (Москва, 1910 г.).

Уже изъ этихъ писемъ можно видѣть, какой глубокой сердечностью проникнуты были отношенія великаго писателя къ В. И. Алексѣеву и насколько близко они были духовно. «Думаю я о васъ безпрестанно и люблю васъ очень», пишетъ ему Толстой въ 1881 году. Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ: «Мнѣ радостно думать, что *у насъ съ вами вѣра одна*».

Въ томъ же письмѣ Толстой заявляетъ: «я не хочу забывать того, что я вамъ во многомъ обязанъ, въ томъ спокойствіи и ясности моего міросозерцанія, до котораго я дошелъ. Я васъ узналъ, перваго человѣка (тронутаго образованіемъ) не на словахъ, а въ сердцѣ исповѣдующаго ту вѣру, которая стала яснымъ и непоколебимымъ для меня свѣтомъ. Это заставило меня вѣрить въ возможность того, что смутно всегда шевелилось въ душѣ. И поэтому вы какъ были, такъ и останетесь всегда дороги (мнѣ)».

Другой «богочеловѣкъ», съ которымъ Толстой втеченіе долгаго времени состоялъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, былъ, какъ я уже замѣтилъ ранѣе,—А. А. Бибиковъ. Прошлое этого человѣка тоже было далеко не зауряднымъ, а потому будетъ нелишне сказать о немъ нѣсколько словъ.

Потомокъ стариннаго дворянскаго рода, Бибиковъ былъ помѣщикъ Тульской губерніи и въ половинѣ 60-хъ годовъ служилъ мировымъ посредникомъ. Вмѣстѣ съ Маликовымъ онъ былъ привлеченъ къ дѣлу Каракозова вслѣдъ за выстрѣломъ послѣдняго 4 апрѣля 1866 года. Послѣ суда Бибиковъ былъ сосланъ въ г. Кадниковъ, Вологодской губерніи, гдѣ и пробылъ около двухъ лѣтъ; весной 1868 года его переводятъ въ Великій Устюгъ, той же губернія. Здѣсь онъ прожилъ еще годъ, послѣ чего, по болѣзни, былъ переведенъ въ г. Воронежъ. Въ 1871 году ему разрѣшено было переѣхать въ свое имѣніе, въ Тульскую губернію, съ условіемъ жить тамъ безвыѣздно, подъ надзоромъ полиціи.

Въ 1873 году Бибиковъ былъ освобожденъ отъ надзора полиціи, съ обязательствомъ не въѣзжать въ Жиздринскій уѣздъ Калужской губерніи и безъ права проживанія въ столицахъ. Такимъ образомъ онъ пробылъ 5 лѣтъ въ ссылкѣ и 7 лѣтъ подъ надзоромъ полиціи.

Если не ошибаюсь, къ этому времени относится знакомство Бибикова со Львомъ Николаевичемъ Толстымъ и его семьей. Вскорѣ послѣ этого онъ получилъ мѣсто управляющаго самарскимъ имѣніемъ Толстого и поселился на хуторѣ, въ степи, около села Патровки, Бузулукскаго уѣзда. По своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ онъ считался въ то время «богочеловѣкомъ», сторонникомъ ученія Маликова, съ которымъ его соединяло долголѣтнее и близкое знакомство.

Что касается Маликова, то сношенія съ нимъ Толстого выражались въ частыхъ встрѣчахъ и свиданіяхъ, продолжительныхъ бесѣдахъ и безконечныхъ спорахъ на темы религіозно-этическаго

характера. Существовала-ли между ними переписка—я не знаю. Старшая дочь Маликова К. А. Дубахъ сообщала мнѣ, что у покойнаго отца ея имѣлись письма Л. Н. Толстого, но что они, вмѣстѣ со всѣми другими бумагами, погибли во время крушенія поѣзда при переѣздѣ отца на службу въ г. Михайловъ, Рязанской губерніи *).

Объ отношеніяхъ Толстого къ Фрею мы говорить здѣсь не будемъ, такъ какъ объ этомъ уже разсказано П. И. Бирюковымъ въ его статьѣ, напечатанной въ «Минувшихъ годахъ».

Этимъ пока мы и закончимъ свой очеркъ, въ надеждѣ, что онъ послужитъ поводомъ для лицъ, располагающихъ свѣдѣніями о «богочеловѣчествѣ» и объ отношеніяхъ геніальнаго писателя къ участникамъ этого движенія—подѣлиться своими свѣдѣніями въ печати.

Особенно же, конечно, желательно, чтобы высказались въ печати сами участники этого движенія, какъ В. И. Алексѣевъ, Н. В. Чайковскій, А. А. Бибиковъ и другіе. Время идетъ, ряды семидесятниковъ все болѣе и болѣе рѣдѣютъ, а потому ждать долѣе нельзя—необходимо спѣшить!

А. Пругавинъ.

---

*) Тогда же погибла переписка А. К. Маликова съ Вл. С. Соловьевымъ, К. П. Побѣдоносцевымъ и др.

НОВЫЙ МАКІАВЕЛЛИ.

Романъ Г. Д. Уэльса.

Пер. съ англ. Э. К. Пименовой.

(*Продолженіе*).

VIII.

Когда Ивишемъ говорилъ о своемъ идеалѣ организованнаго государства и такъ ясно доказывалъ его практическую выполнимость, то я былъ всецѣло на его сторонѣ. Если бы онъ сдѣлалъ попытку осуществить этотъ идеалъ, то мнѣ не оставалось бы ничего другого, какъ только слѣпо за нимъ слѣдовать. Но ни онъ, ни я не могли осуществить этого, и въ этомъ лежитъ центръ тяжести моей исторіи. Когда же другіе руководящіе тори и имперіалисты занялись этимъ вопросомъ, то мои сомнѣнія вмѣсто того, чтобы уменьшаться, стали возростать, хотя между торіями было нѣсколько замѣчательныхъ личностей; таковы были тѣ изъ пэровъ, которые стояли во главѣ администраціи Египта, Индіи, Южной Африки, — такіе, какъ Кромеръ, Кёрзонъ, Мильнеръ, Гэнъ и др. Они обладали выдающимися качествами, но были слишкомъ поглощены трудной задачей укрѣпить славу страны и сдѣлать Англію болѣе предпріимчивой. Они требовали вооруженія страны и ея воспитанія, но привычка обращать вниманіе прежде всего на непосредственную необходимость заставляла ихъ больше заботиться о вооруженіи, нежели о воспитаніи. Они не понимали грубыхъ, плохо воспитанныхъ людей, не понимали нерѣшительныхъ, колеблющихся умовъ и интеллигентныхъ женщинъ, а все это имѣетъ въ Англіи большое значеніе... Были среди нихъ и крупные авантюристы, отъ Крэнбера до Коссингтона, который былъ теперь лордомъ Паддокгёрстъ. И, глядя на нихъ, я постоянно колебался, переходя отъ вѣры въ ихъ дальновидность къ сомнѣніямъ, когда замѣчалъ ихъ грубое тщеславіе, ихъ пошлое соперничество и честолюбіе

невысокой марки вмѣстѣ съ удивительною настойчивостью въ преслѣдованіи своихъ выгодъ.

Втеченіе нѣкотораго времени я довольно часто встрѣчалъ Коссингтона и теперь жалѣю, что не записывалъ его рѣчей и пріемовъ, указывавшихъ на то, какъ онъ измѣнялъ свой характеръ, смотря по обстоятельствамъ, являясь то въ видѣ ловкаго коммерсанта, то въ видѣ смѣлаго политическаго мыслителя. Это приводило къ рѣзкимъ перемѣнамъ въ политикѣ его газетъ и вызывало яростныя нападки со стороны либеральной печати, не производившія, впрочемъ, на него ни малѣйшаго впечатлѣнія. Случайно я измѣрилъ глубину его безумія, но глубина его мудрости такъ и осталась для меня невѣдомой. Помню, какъ онъ однажды, послѣ завтрака у Баргэма, проговорилъ, точно внезапно пробуждаясь отъ глубокой задумчивости и глядя на кончикъ своей сигары:

— Когда-нибудь... когда-нибудь я заставлю страну подняться!

Онъ ни къ кому не обращался, произнося эти слова.

— Отчего нѣтъ!—замѣтилъ, я нагибаясь къ серебряной спиртовой лампочкѣ, чтобы закурить свою папиросу...

Среди торіевъ были финансовые пэры, привыкшіе къ сдержанности, и ихъ крупные адвокаты. За этими крупными личностями партіи находилась молодежь, предпріимчивые люди типа лорда Тавриля, служившаго въ южной Африкѣ, путешественника и охотника. Среди нихъ можно было найти изслѣдователей, чрезвычайно смѣлыхъ автомобилистовъ, людей, интересующихся авіаціей и дѣятельно занимающихся вопросами военной организаціи. Но они были недоступны идеямъ, выходившимъ за предѣлы непосредственнаго круга дѣятельности, и такъ же мало знали качества англійскаго народа, какъ и міровые политики. Между ними можно было найти и благородныхъ спортсмэновъ, и такихъ людей, какъ Гэнъ и торіи нашего Пентаграмъ-клуба.

Иногда въ одномъ и томъ же человѣкѣ можно было найти смѣшеніе разныхъ взглядовъ и даже чисто реакціонныя воззрѣнія, характеризующіяся требованіями, чтобы сельскія школы ограничивались только преподаваніемъ катехизиса и поклоновъ, и чтобы ученіе прекращалось, когда лордамъ понадобятся загонщики для охоты...

Невольно вспоминается мнѣ при этомъ фигура стараго лорда Уордингэма, уснувшаго въ огромномъ креслѣ, въ библіотекѣ Стамфордъ-Корта. Одна нога лежала у него на табуретѣ, какъ это дѣлаютъ подагрики. Онъ игралъ утромъ въ гольфъ и, повидимому, натрудилъ себѣ ногу; за завтракомъ онъ сидѣлъ возлѣ меня и разговаривалъ въ высокомѣрно-презрительномъ тонѣ, который обыкновенно по-

зволяютъ себѣ раздражительные высокопоставленные господа, страдающіе подагрой. Между прочимъ, онъ высказалъ ту мысль, что женщины никогда не поймутъ дипломатическаго искусства и никогда не будутъ ничѣмъ инымъ, какъ помѣхой, въ политикѣ. Онъ рѣшительно отрицалъ, чтобы индусы были способны на что-нибудь другое, кромѣ чрезмѣрнаго увеличенія населенія. Сожалѣлъ, что не можетъ подвергнуть цензурѣ картинныя галлереи и библіотеки, и заявлялъ, что диссиденты это люди, претендующіе на то, что они серьезно относятся къ богословію, тогда какъ цѣль ихъ разрушить вполнѣ удовлетворительный компромиссъ англиканской церкви.

— Никто изъ сознательныхъ, разумныхъ людей не высказывается противъ религіи,—говорилъ онъ.—Эти же люди имѣютъ въ виду только одинъ вредъ...

Сказавъ это, онъ прекратилъ разговоръ на эту тему и только послѣ нѣсколькихъ почтительныхъ замѣчаній Круппа сдѣлался болѣе любезнымъ и началъ разсказывать классическіе анекдоты о разныхъ промахахъ и ошибкахъ правосудія.

Теперь онъ отдыхалъ. Его голова склонилась на одну сторону, ротъ былъ слегка полуоткрытъ и бакенбарда съ одной стороны завернулась на подушку кресла. Онъ дышалъ тяжело. Его толстыя, сильныя руки держались за ручки кресла и нахмуренный лобъ слегка разгладился. Какой онъ былъ упитанный! Почести, богатство, вліяніе, — все это было у него! Но какое жестокое, презрительное выраженіе появлялось у него на лицѣ, когда онъ не слѣдилъ за собою!...

Я долженъ сказать, что мнѣ даже не пришло въ голову, когда онъ проснулся, заговорить съ нимъ объ интересующихъ меня вопросахъ.

IX.

Необъятная, почти религіозная вѣра Маргариты въ либераловъ служила противовѣсомъ моему влеченію къ торизму. Я однако не сразу замѣтилъ это и, когда замѣтилъ, то изумился. Впрочемъ, я еще сомнѣвался въ томъ, что мои взгляды измѣнились. У насъ съ Маргаритой произошелъ по этому поводу разговоръ, но, какъ всегда, случайный и чуть не окончившійся на этотъ разъ ссорой. Это было у Чэмпнеевъ. Столкновеніе возникло косвеннымъ образомъ изъ-за замѣчанія, сказаннаго мной по поводу общества, среди котораго мы находились. Разговоръ происходилъ въ комнатѣ, которую занимала Маргарита, богато убранной и выходившей въ

итальянскій садъ... Я не помню начала разговора, но въ моей памяти сохранилось впечатлѣніе отъ него, какъ отъ мелочного и ненужнаго спора.

Прежде всего мы разошлись съ нею въ вопросѣ о нравственныхъ качествахъ аристократіи. У меня получилось впечатлѣніе, какъ будто хозяйка дома чѣмъ-то разсердила Маргариту, но причина ея неудовольствія носила слишкомъ женскій характеръ и поэтому ускользала отъ моего пониманія.

Маргарита сказала, помнится, что Чэмпнеи раздражаютъ ее и заставляютъ ее жаждать снова очутиться „среди настоящихъ людей и дѣла".

— Развѣ они не настоящіе?—возразилъ я.

— Они такъ поверхностны и экстравагантны...

Я сказалъ, что не замѣчалъ въ нихъ никакой аффектаціи, ничего ненастоящаго. „Развѣ они такъ экстравагантны?"—прибавилъ я и указалъ Маргаритѣ, что ея собственные костюмы стоютъ, конечно, не дешевле, чѣмъ платье любой изъ здѣшнихъ дамъ.

— Дѣло не въ однихъ только платьяхъ,—возразила она—а въ общемъ направленіи...

Я поинтересовался узнать, что это такое.

— Они циничны,—заявила Маргарита, уставивъ глаза въ окно.

Я потребовалъ, чтобы она формулировала свое обвиненіе, и она привела въ примѣръ Брабантовъ, въ семьѣ которыхъ произошелъ какой-то скандалъ. Она слышала это отъ Алтіоры. Алтіора же внушила ей отвращеніе къ лорду Карнаби, который тоже гостилъ у Чэмпнеевъ.

— Ты вѣдь знаешь его репутацію,—сказала Маргарита.—Ты слышалъ объ этой нормандской дѣвушкѣ? О ней всѣ знаютъ. Меня беретъ содроганіе, когда я смотрю на него. Онъ какъ будто не принадлежитъ къ нашей цивилизаціи... Онъ приходитъ ко мнѣ и говоритъ разныя вещи...

— Оскорбительныя?

— О, нѣтъ! Это сама вѣжливость. Манеры у него во всякомъ случаѣ вполнѣ хорошія. Но это еще хуже, мнѣ кажется, что онъ самъ все это вызвалъ... то, что случилось. Я все дѣлаю, чтобы показать ему, что онъ мнѣ не нравится... Но другіе ничего не имѣютъ противъ него...

— Можетъ быть, они думаютъ, что можно сказать что-нибудь и за него?—замѣтилъ я.

— Вѣроятно,—сказала Маргарита.

— Милосердіе—прибавилъ я.

— Я не люблю такого рода снисходительности...

Меня это начинало раздражать.

Однако не это одно было причиной неудовольствія Маргариты.

— Все ихъ положеніе, ихъ себялюбіе и преобладаніе надъ остальной массой населенія, противъ которой ихъ классъ какъ бы находится въ заговорѣ...—проговорила Маргарита.—Когда я сижу за обѣдомъ въ этой великолѣпной комнатѣ, сверкающей огнями, съ ея роскошнымъ убранствомъ, цвѣтами и золотыми канделябрами, то мнѣ кажется, что подъ этимъ великолѣпіемъ скрываются жалкія лачуги, грязныя трущобы, рудники и переполненные коттеджи...

Я посмотрѣлъ на Маргариту и напомнилъ ей, что и она не совсѣмъ неповинна въ незаработанномъ приращеніи...

— Но развѣ мы не стараемся изо всѣхъ силъ вернуть его народу?—воскликнула она.

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что нынѣшніе тори, пэры и вообще богатые люди могутъ быть обвинены въ соціальной несправедливости? Неужели ты полагаешь, что политика представляетъ борьбу свѣта со стороны либераловъ съ тьмою со стороны торіевъ?

— Они должны знать!..

Я настойчиво добивался отвѣта. Теперь я понимаю, что мои вопросы казались Маргаритѣ совершенно ненужными и продиктованными злобнымъ упрямствомъ, такъ какъ для нея все было совершенно ясно. Но я спорилъ съ нею, потому что стремился окончательно выяснить свои и ея взгляды. Очевидно, она считала торизмъ зломъ. И, чѣмъ сильнѣе я чувствовалъ волненіе, охватившее ея чистую душу, тѣмъ ярче представлялась мнѣ вся неправда этого. Мой спящій пэръ въ библіотекѣ Стамфортъ-Корта и Ивишемъ, такъ блестяще излагавшій свои взгляды, скрываясь за корзинами цвѣтовъ на обѣдѣ у Гартштейновъ,—должны воплощать зло? А мои граждане, покуривающіе сигары послѣ сытнаго обѣда въ клубѣ, Вилли Кремптонъ, бесѣдующій о пищевареніи и о пользѣ гигіеническаго лимонада, и д-ръ Тумпаки, демонстративно являющійся въ сюртукѣ и предъявляющій авторскія права на соціализмъ,—должны являться воплощеніемъ добра и истины? Ну, развѣ это не нелѣпость?... Но какъ было объяснить ей это?

— Я не смотрю на вещи такъ, какъ ты,—сказалъ я.— Я вижу ихъ совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ.

— Подумай о бѣдныхъ,—возразила она, стараясь ускользнуть отъ прямого отвѣта.

— А ты подумай о всѣхъ! Мы, либералы, своими добрыми намѣреніями принесли больше зла, чѣмъ могъ бы принести какой бы то ни было эгоизмъ на свѣтѣ. Мы создали выгоду продажи спиртныхъ напитковъ.

— Мы?—вскричала Маргарита.—Какъ ты можешь говорить это? Вѣдь мы же возстаемъ противъ этого?

— Конечно, но мы создали монополію своими неловкими усиліями, мѣшая народу пить то, что онъ хочетъ, а это нарушало правильный ходъ промышленности.

— Неужели ты могъ бы допустить, чтобы народъ пилъ все, что ему захочется?

— Конечно. Какое право я имѣю диктовать другимъ мужчинамъ и женщинамъ?

— Но подумай о дѣтяхъ!

— Ага! Тутъ-то и видна глупость современнаго либерализма, его наполовину лукавая, наполовину безразсудная манера дѣйствовать обходнымъ путемъ. Если нерадѣніе къ дѣтямъ есть преступленіе,—а это такъ и есть!—то обратите вниманіе именно на это, но не притѣсняйте и не раздражайте людей, которые продаютъ нѣчто такое, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ ведетъ къ нерадѣнію о дѣтяхъ. Если пьянство—преступленіе, наказывайте его, но не наказывайте же человѣка, честно торгующаго напитками, которые, пожалуй, даже не приводятъ къ пьянству. Не усиливайте порочность харчевень своимъ заявленіемъ, что это мѣста не для женщинъ и дѣтей! Напротивъ, старайтесь превратить ихъ дѣйствительно въ общественныя мѣста. Если мы, либералы, будемъ итти дальше такимъ же путемъ, какимъ идемъ теперь, то намъ придется, пожалуй, пріостановить продажу чернилъ и бумаги, такъ какъ эти вещи способствуютъ подлогамъ. Вѣдь мы уже угрожаемъ тайнѣ почтовой корреспонденціи изъ-за писемъ, предлагающихъ держать пари! Это узкое, среднее и глупое направленіе, страдающее отсутствіемъ всякой изобрѣтательности...

Я оборвалъ свою фразу и отвернулся къ окну, откуда виденъ былъ хорошенькій фонтанъ, представляющій копію того, который находится въ Веронѣ. Кругомъ него были посажены тисовыя деревья. Дальше между стволами дубовъ виднѣлись массы желтыхъ цвѣтовъ...

— Но вѣдь главная наша работа заключается въ предупрежденіи!—услышалъ я голосъ Маргариты за мной.

Я повернулся къ ней.

— Тутъ дѣло не въ предупрежденіи, а въ воспитаніи,—сказалъ я.—Никакой другой антисептики не нужно въ жизни, кромѣ любви и размышленія. Сдѣлай людей лучше, сдѣлай ихъ образованнѣе!... Не пугайся. Эти торійскіе вожди лучше въ индивидуальномъ отношеніи, нежели средняя масса; зачѣмъ же ихъ отбрасывать? Зло заключается въ той путаницѣ, которая существуетъ въ головахъ. Добродѣтельны ли они или порочны—это въ сущности имѣетъ очень мало

значенія. Я бы хотѣлъ уничтожить эту путаницу, и если бы мнѣ это удалось, то я бы предоставилъ тому, что ты называешь порочностью, свободно разгуливать по свѣту. Одна какая-нибудь небрежность не играетъ роли въ хорошо управляемомъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ хозяйствѣ!...

— Я не понимаю,—проговорила Маргарита, глубоко огорченная,—я не понимаю, какъ ты могъ придти къ такимъ взглядамъ?...

Однимъ изъ результатовъ моей постоянной озабоченности было именно это странное раздраженіе противъ Маргариты, которое я постоянно чувствовалъ и съ трудомъ скрывалъ. Я старался избѣгать серьезныхъ разговоровъ съ нею, тѣмъ болѣе, что я еще самъ находился въ сомнѣніи и не зналъ, въ какой формѣ изложить ей свои взгляды такъ, чтобы она поняла ихъ. Ея спокойная, непоколебимая вѣра въ неопредѣленныя формулы и сантиментальныя стремленія выводили меня изъ себя. Отсутствіе въ ней чуткости дѣлало совершенно безполезными мои старанія указывать ей на перемѣны, совершавшіяся во мнѣ. Я не хочу этимъ сказать, что я всегда думалъ правильно, а она всегда гововила не то, что нужно. Но я боролся и хотѣлъ найти элементы истины или то, что считается истиной, а она видѣла въ этомъ только элементы слабости и больше ничего.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти высокомѣрные богачи, составляющіе остовъ имперіализма и консерватизма, въ отношеніи темперамента податливѣе, болѣе безпечны и гораздо болѣе чувственны, чѣмъ наши разсудительно-добродѣтельные молодые либералы. Но зачѣмъ было напоминать мнѣ объ этомъ въ тотъ моментъ, когда я напрягалъ всѣ усилія, чтобы выискать среди нихъ наилучшіе элементы? Маргарита же классифицировала ихъ по своему и отводила имъ надлежащее мѣсто. И снова всплывали наружу коренныя различія въ нашихъ взглядахъ и способахъ мышленія. Недоразумѣніе все возрастало. Я замкнулся въ себѣ и пошелъ своей дорогой. Для насъ обоихъ это было пагубой.

За исключеніемъ упомянутаго вечера въ Пентаграмъ-клубѣ, а такъ же разговоровъ съ Изабеллой Риверсъ, постепенно пріобрѣтавшей все большее и большее значеніе въ моей интеллектуальной жизни, и споровъ, которые я велъ съ Круппомъ по этому поводу, я никому не открывалъ своей души въ этотъ періодъ всяческихъ сомнѣній и колебаній, медленныхъ отступленій и медленныхъ пріобрѣтеній...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Разрывъ.

I.

Наконецъ, послѣ того, какъ у меня накопилось достаточно много впечатлѣній, рѣшеніе явилось совершенно внезапно. Я поддался убѣжденіямъ Ившема и его мечтѣ о торжествѣ праваго дѣла. Я рѣшилъ перейти къ консерваторамъ и поддержать всѣми своими способностями тѣ силы, которыя могли привести къ реорганизаціи воспитанія, къ расширенію научныхъ изысканій, къ развитію литературы, критицизма и интеллектуальныхъ силъ народа.

Это было въ 1909 г. Я думалъ, что тори прямо идутъ къ конфликту со страной и убѣжденъ былъ, что они потерпятъ пораженіе на выборахъ. Я плохо разсчиталъ ихъ силу въ провинціи. Но на этомъ пораженіи я основывалъ свои планы. Я разсчиталъ, что за этимъ послѣдуетъ періодъ глубокихъ измѣненій въ методахъ политики, и вполнѣ соглашался съ Круппомъ, видѣвшимъ въ этомъ обстоятельствѣ въ высшей степени благопріятный моментъ для достиженія нашихъ цѣлей. Аристократія, возбужденная конфликтами со страной и чувствующая потребность оправдаться въ ея глазахъ посредствомъ преобразованій, можетъ оказаться болѣе доступной высшимъ идеямъ и стремленіямъ, нежели либералы, любимцы миссисъ Редмондсонъ. Кромѣ неизбѣжной борьбы за реформу палаты лордовъ, должны будутъ начаться серьезныя изысканія и воспитательныя попытки, а на это именно мы и разсчитывали...

Мы обсудили этотъ вопросъ съ практической точки зрѣнія и вчетверомъ, Круппъ, Шусмизсъ, Гэнъ и я, пришли къ окончательному соглашенію...

Я нарушилъ молчаніе и объяснился съ Маргаритой по этому поводу.

Она только что вернулась послѣ музыкальнаго вечера у Гартштейновъ. Помню, что на ней было платье изъ золотистаго атласа, очень богатое и красивое. На ея тонкой шеѣ было надѣто янтарное ожерелье. Ея пышные волосы также отливали золотомъ. Я тоже только что вернулся съ какого-то параднаго обѣда, но совершенно не помню, гдѣ я былъ тогда.

Я пошелъ за нею въ комнату, но заговорилъ съ нею не сразу. Я подошелъ къ окну и, поднявъ штору, долго смо-

трѣлъ на освѣщенные электрическимъ фонаремъ деревья и кусты сквера.

— Маргарита,—сказалъ я, наконецъ.—Я, повидимому, скоро разойдусь съ партіей.

Она отвѣтила не сразу. Я повернулся къ ней и вопросительно взглянулъ на нее. Тогда она проговорила:

— Я боялась, что ты намѣренъ это сдѣлать!

— У меня совершенно нѣтъ больше точекъ соприкосновенія съ ними!

— О, я знаю!

— И, благодаря этому, я нахожусь теперь въ трудномъ положеніи...

Маргарита стояла у туалетнаго столика и какъ-то упорно разсматривала себя въ зеркало, перебирая пальчиками флакончики изъ разноцвѣтнаго стекла, въ безпорядкѣ разставленные на столѣ.

— Я боялась, что это такъ будетъ,—процѣдила она сквозь зубы.

— Въ извѣстномъ отношеніи мы были союзниками. Я обязанъ тебѣ своимъ депутатскимъ мѣстомъ. Я бы не попалъ въ парламентъ...

— Я не хочу, чтобы такого рода соображенія вліяли на наши отношенія!—воскликнула она.

Наступило молчаніе. Она сѣла въ кресло и, взявъ въ руки какую-то туалетную вещицу, вертѣла ее. Потомъ снова заговорила съ легкимъ вздохомъ:

— Я бы хотѣла, чтобъ ты этого не дѣлалъ...

Она вдругъ замолчала и, хотя я не смотрѣлъ на нее, но чувствовалъ, что она едва владѣетъ собой.

— Я думала,—начала она снова,—когда мы, попавъ въ парламентъ...

Я ничего не отвѣчалъ.

— Все вышло по другому... все!—прибавила она.

Я невольно вспомнилъ, какая она была сіяющая и торжествующая послѣ моего избранія и въ первый разъ мнѣ стало ясно, какъ должна была разочаровать ее моя дальнѣйшая карьера.

— Я много думалъ раньше, чѣмъ принять рѣшеніе,—сказалъ я.

— Знаю,—проговорила она, и въ тонѣ ея голоса слышалось отчаяніе.—Я видѣла, какъ это надвигалось... Но я все же не понимаю... Не понимаю, какъ ты можешь сдѣлаться перебѣжчикомъ!

— Мои взгляды измѣнились и развились,—отвѣчалъ я.

Я прошелъ по медвѣжьей шкурѣ, лежавшей на полу у камина, и облокотился на каминную доску.

— Подумать только, что ты... ты, который могъ бы быть лидеромъ!.. прошептала она, задыхаясь. — Реакціонныя силы...

Она не могла больше говорить.

— Я не думаю, чтобъ это были реакціонныя силы,—возразилъ я.—Мнѣ просто кажется, что я найду больше дѣла... и лучшее дѣло на ихъ сторонѣ.

— Противъ насъ?—воскликнула она.—Какъ будто и такъ не трудно работать для прогресса! Какъ будто для этого не надо напрягать всѣ свои силы и способности?..

— Я не считаю, чтобы либерализмъ имѣлъ монополію прогресса,—возразилъ я.

Она не отвѣчала и сидѣла, не шевелясь, неподвижно уставивъ взоръ.

— Но зачѣмъ, зачѣмъ ты перешелъ къ нимъ?—спросила она рѣзко.

Я подумалъ, что надо поскорѣе довести это объясненіе до конца. Подойдя къ ней, я сказалъ:

— Я перешелъ къ нимъ, такъ какъ я думаю, что, перейдя на сторону консерватизма, могу содѣйствовать интеллектуальному возрожденію. Мнѣ кажется, что въ предстоящей борьбѣ демократія одержитъ частичную, но деморализующую побѣду и что эта побѣда заставитъ встрепенуться классы, доминирующіе теперь въ консервативной партіи, и вызоветъ энергичную работу съ цѣлью возрожденія. Они примутся за это и вернутъ свое прежнее положеніе. Но даже, если я ошибаюсь въ своихъ разсчетахъ, если они все-таки выиграютъ въ этой борьбѣ, то тѣмъ не менѣе они вынуждены будутъ заняться своимъ переустройствомъ. Внѣшняя война также можетъ произвести подобную же чистку партіи, если не удастся этого сдѣлать внутренней политикѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ, одинаково должна начаться работа возрожденія. Мнѣ кажется, что въ этой работѣ я гораздо больше могу принести пользы, чѣмъ въ чемъ бы то ни было другомъ. Вотъ мои соображенія, Маргарита!..

Мои слова, повидимому, не произвели на нее никакого дѣйствія.

— Значитъ, ты бросаешь всѣ начинанія, нарушаешь всѣ обязательства, довѣріе...

Она опять оборвала свою фразу. Немного погодя, она прибавила.

— Сомнѣваюсь, чтобы они радушно приняли тебя, когда ты перейдешь къ нимъ!

— Это не имѣетъ значенія,—сказалъ я.

Я сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы продолжать разговоръ.

— Я немного преждевременно явился въ парламентъ, Маргарита. Впрочемъ, я думаю, что только въ парламентѣ я могъ увидѣть вещи такъ, какъ вижу теперь..

Я замолчалъ. Ея неподвижность, ея молчаніе, такъ ясно выражавшія ея огорченіе, лишали меня хладнокровія.

— Въ концѣ концовъ, вѣдь, почти все это было высказано уже мною въ моихъ статьяхъ,—сказалъ я.

Она оставила эти слова безъ вниманія и только спросила:

— Что же ты намѣренъ сдѣлать?

— Удержать за собой мѣсто еще на нѣкоторое время, чтобы выяснить причины разрыва съ партіей. Или мнѣ придется сложить свои полномочія, или же,—что очень вѣроятно,—этотъ новый бюджетъ приведетъ къ общимъ выборамъ. Онъ явно разсчитанъ на то, чтобы нажать на лордовъ и вызвать распрю.

— Но вѣдь ты долженъ былъ, какъ мнѣ кажется, бороться за бюджетъ?

— Я не такой противникъ лордовъ,—отвѣчалъ я.

На этомъ разговоръ прекратился.

— Но какъ же ты поступишь?—снова спросила она.

— Я поспорю изъ-за нѣкоторыхъ пунктовъ бюджета. Впрочемъ, я еще не могу съ опредѣленностью сказать, какимъ случаемъ я воспользуюсь. А затѣмъ я или откажусь отъ своего мѣста, или, если произойдетъ роспускъ парламента, я больше не поставлю своей кандидатуры...

— Но вѣдь это политическое самоубійство!

— Не совсѣмъ.

— Я не могу представить себѣ, что ты больше не будешь засѣдать въ парламентѣ! Вѣдь это... Это значитъ уничтожить все, что мы сдѣлали!.. Что же мы будемъ дѣлать потомъ?

— Писать. Постараюсь создать себѣ новое и болѣе опредѣленное положеніе. Ты знаешь, что существуетъ нѣчто вродѣ группы около Круппа и Гэна...

Маргарита не отвѣчала. Она какъ будто погрузилась въ глубокое и тяжелое раздумье.

— Для меня наша политическая работа была религіей... болѣе чѣмъ религіей,—сказала она, поднимая голову.

Я молчалъ. Что я могъ возразить на такія слова?

— И вотъ ты отворачиваешься отъ всего, что мы сдѣлали, къ чему стремились... ты говоришь такъ легко о томъ, что переходишь... къ тѣмъ, другимъ!..

Она проговорила эти слова совершенно блѣдными губами. Какъ это ни странно, но она больше всего была подавлена нравственной стороной моего поступка. Я тщетно

старался протестовать противъ ея установившихся взглядовъ:

— Именно потому, что я считаю это своимъ долгомъ, я и хочу поступить такъ,—возражалъ я.

— Не понимаю, какъ ты можешь говорить это,—произнесла она тихо.

Снова наступило молчаніе.

— О!—воскликнула она, сжимая руки,—кто бы могъ сказать, что дойдетъ до этого!..

Она была потрясена до глубины души, но ея благородство казалось мнѣ смѣшнымъ. Я видѣлъ, что она никакъ не можетъ понять того духовнаго процесса, который вызвалъ во мнѣ этотъ переворотъ. Противоположность нашей духовной организаціи, нашихъ интеллектуальныхъ темпераментовъ была слишкомъ очевидна и это замыкало мнѣ уста. Что я могъ сказать ей? Но я внутренно чувствовалъ, что за ея самообладаніемъ скрывается страстное разочарованіе, что произошло крушеніе всѣхъ ея надеждъ и мечтаній и что ей надо облегчить свою душу слезами.

— Я сказалъ тебѣ все,—проговорилъ я, чувствуя неловкость,—сказалъ, какъ только это стало возможно для меня.

Она молчала.

— Такъ вотъ какъ обстоитъ дѣло.

Я произнесъ эти слова съ рѣшительнымъ видомъ и медленно направился къ двери. Она тоже встала и молча смотрѣла въ пространство передъ собой.

— Спокойной ночи,—сказалъ я, стоя у дверей. Я не сдѣлалъ ни шага, чтобъ приблизиться къ ней и обмѣняться, какъ всегда, поцѣлуемъ.

— Спокойной ночи,—отвѣтила она съ какою-то трагической ноткой въ голосѣ.

Я тихо раскрылъ двери и нѣсколько мгновеній стоялъ въ нерѣшительности, не зная, идти ли мнѣ къ себѣ въ спальню или въ кабинетъ. Потомъ я услышалъ шелестъ ея платья и стукъ ключа, поворачиваемаго въ замкѣ. Она запирала дверь своей спальни...

Она скрыла свои слезы отъ меня! При этой мысли что-то перехватило мнѣ горло.

— Проклятіе!—прошепталъ я, вздрагивая.—И отчего это, чортъ возьми, люди никогда не могутъ думать одинаково...

II.

Послѣ этого страннаго разговора между нами началось отчужденіе. Характерно для нашихъ отношеній было то, что мы больше не возобновляли нашего спора. То, что мы признали теперь, давно уже чувствовалось въ воздухѣ. Между нами образовалась пропасть, которая все расширялась, и мы видѣли это.

Мои собственныя чувства какъ-то странно раздвоились. Замѣчательно, что моя истинная привязанность къ Маргаритѣ стала для меня очевидной только послѣ этой ссоры. Перемѣны въ сердцѣ всегда неуловимы. Я рѣшительно не могу сказать, когда и какъ исчезла изъ моей жизни романтическая любовь къ Маргаритѣ, къ ея чистотѣ, къ ея красотѣ и къ ея высокимъ принципамъ и преданности идеѣ, но я прекрасно помню, что уже въ первые дни моей парламентской жизни я ощущалъ временами глухое, неопредѣленное недовольство и досаду на тѣ узы, которыя, повидимому, удерживали меня на службѣ ея взглядовъ, касающихся частной и общественной жизни. Я чувствовалъ себя скованнымъ и досада моя не уменьшалась отъ того, что я самъ заковалъ себя въ кандалы. Напротивъ, она все возрастала, пока я былъ связанъ съ Маргаритой, но, когда я порвалъ эту связь и рѣшилъ идти своею дорогой, я могъ думать о Маргаритѣ съ прежнимъ теплымъ чувствомъ.

Однако въ ея присутствіи я продолжалъ чувствовать неловкость. Мнѣ казалось, что я какъ будто обманнымъ образомъ пользуюсь ея квартирой, пищей и соціальной поддержкой. Мнѣ было бы пріятнѣе, еслибъ можно было совершенно раздѣлить наши финансы. Но я зналъ, что, еслибъ я поднялъ этотъ вопросъ, то это было бы съ моей стороны грубой неделикатностью. Поэтому я тайно старался ограничить всѣ свои личные расходы, такъ чтобы они не превышали моихъ личныхъ доходовъ, которые приносили мнѣ мои статьи. Мы продолжали вести прежній образъ жизни, разъѣзжали вмѣстѣ на ея автомобилѣ, бывали на званыхъ обѣдахъ и вообще дѣлали видъ, что ничего между нами не произошло. Мы встрѣчались за завтракомъ и вечеромъ расходились послѣ обычнаго поцѣлуя въ щеку. Она запирала дверь своей комнаты и это щелканіе замка, вслѣдствіе какого-то необъяснимаго душевнаго процесса, отзывалось въ моей душѣ, какъ тайное оскорбленіе, и, хотя я вполнѣ понимаю теперь и понималъ тогда ея поступокъ, но я больше никогда не переступалъ порога ея комнаты...

Вспоминая этотъ періодъ моей жизни, я вижу теперь, что въ своихъ отношеніяхъ съ Маргаритой я велъ себя глупо и дурно. Моя основная ошибка заключалась въ томъ, что я никогда не старался руководить ею и сдерживать ее, хотя былъ старше ея, проницательнѣе и во многихъ отношеніяхъ разумнѣе. Послѣ нашего брака я всегда обращался съ нею, какъ съ равной, и предоставлялъ ей идти своей дорогой. Я дѣлалъ ее отвѣтственной за всѣ ея безполезные, неразумные и даже вредные поступки, которые приносили мнѣ ущербъ. Я сердился на это, но она не была виновата. Она была недостаточно умна для того, чтобы пользоваться такой безусловной самостоятельностью, и я былъ неправъ, требуя отъ нея, чтобы она не только сочувствовала мнѣ, но предвидѣла и понимала. Я долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы она не уклонялась съ моего пути, долженъ былъ вести ее на буксирѣ въ трудныхъ мѣстахъ. Еслибъ я больше любилъ ее, болѣе разумно и болѣе нѣжно, и еслибы не было моей финансовой зависимости отъ нея, что всегда уязвляло мою гордость, то она, по всей вѣроятности, съ самаго начала, шла бы рядомъ со мной и покинула бы либераловъ одновременно со мной. Но она не имѣла ни малѣйшаго понятія о моихъ конечныхъ цѣляхъ и не могла сразу уловить причины измѣненія моихъ взглядовъ. Это могло показаться упрямствомъ съ ея стороны, но вѣдь я зналъ ея лойяльность и преданность. Между тѣмъ я пренебрегъ этими качествами ея души. Женщина, которая любитъ, всегда чувствуетъ потребность помогать и давать, и мой долгъ былъ направить ее въ этомъ отношеніи. Но я былъ такъ глупъ! Мои глаза ни разу не раскрылись на это положеніе вещей и я какъ будто ничего не видѣлъ и не понималъ. Я чувствовалъ стѣсненіе съ нею даже въ утро моей свадьбы, потому что гдѣ-то глубоко въ моей душѣ шевелился слабый протестъ, смутное сознаніе, что я поступаю дурно...

III.

Разрывъ съ партіей произошелъ по поводу бюджета.

Я былъ склоненъ разсматривать бюджетъ 1909 года во многихъ отношеніяхъ, какъ образецъ дипломатическаго искусства. Безъ сомнѣнія, либеральная партія проявила тутъ неожиданную энергію. Но въ общемъ именно это движеніе въ сторону коллективистской организаціи скорѣе укрѣпило, нежели поколебало мое рѣшеніе перейти на другую сторону. Мнѣ казалось безусловно необходимымъ въ то время заставить чисто обструктивные и реакціонные элементы въ оп-

позиціи сразу проявить себя. Въ своей главной рѣчи и въ цѣломъ рядѣ краткихъ рѣчей я сдѣлалъ вылазку противъ системы поземельнаго обложенія. Я не возражалъ противъ національзаціи земли, а только противъ идеи оставленія ея въ частныхъ рукахъ и попытки добиться благотворныхъ соціальныхъ результатовъ посредствомъ давленія налоговъ на классъ земельныхъ собственниковъ. Правительственныя предложенія имѣли цѣлью принудить землевладѣльцевъ произвести немедленную расцѣнку своего земельнаго имущества. Но это могло привести къ образованію у насъ мстительнаго и раздраженнаго класса собственниковъ. Между тѣмъ мы до сихъ поръ, и не безъ основанія, полагались на этотъ классъ, когда государству нужны были патріотическія услуги въ широкихъ размѣрахъ. „Уничтожьте лэндлордизмъ, если хотите,—сказалъ я,—выкупите земли, но не вынуждайте его къ оборонительной борьбѣ, не превращайте его въ недовольный элементъ въ государствѣ, оставляя его въ то же время достаточно богатымъ и сильнымъ. Вы подвергли обложенію и контролю пивовара и трактирщика и создали національную опасность, нанося такимъ путемъ серьезный ущербъ торговлѣ спиртными напитками. Теперь вы хотите дѣлать то же самое, но только въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Вы вынуждаете классъ, обладающій столькими прекрасными, истинно аристократическими традиціями, превратиться въ классъ бунтовщиковъ, и во всѣхъ вашихъ предложеніяхъ нѣтъ ничего такого, что указывало бы на необходимость замѣны традиціонныхъ вождей, которыхъ вы изгоняете..."

Такова была главная сущность моей рѣчи, и я энергично развивалъ эти взгляды, не только въ палатѣ, но и въ печати...

Кингхэмстедскій округъ, избравшій меня, не сразу почувствовалъ мое отпаденіе. Затѣмъ, когда мои избиратели поняли, въ чемъ дѣло, то въ Кингхэмстедской газетѣ появились возмущенныя статьи. Въ одномъ открытомъ письмѣ, подписанномъ „Junius Secundus", меня осыпали оскорбленіями, и я отвѣчалъ въ довольно вызывающемъ тонѣ.

Потомъ состоялись два публичныхъ митинга, хотя и не очень многолюдные, въ двухъ различныхъ концахъ избирательнаго округа, и мой старый пріятель, фотографъ Парвиль, вступилъ со мной въ переписку, которая закончилась тѣмъ, что ко мнѣ явилась депутація, состоявшая, какъ мнѣ помнится, изъ восемнадцати или двадцати человѣкъ. Имъ пришлось подняться ко мнѣ на верхъ. Они запыхались и кипѣли негодованіемъ, когда явились ко мнѣ. Среди нихъ находились Парвиль и редакторъ „Kinghamstead Guardian", проник-

нутый сознаніемъ важности своего поста. Была также и миссисъ Бельджеръ въ трауръ. Она не снимала вдовьяго вуаля со смерти своего мужа, умершаго десять лѣтъ тому назадъ, и ея лойяльность въ отношеніи либерализма самаго строгаго типа сдѣлалась какъ бы неизбѣжною принадлежностью ея траурной одежды. Былъ въ депутаціи и одинъ молодой адвокатъ строгаго стиля, нѣсколько дамъ, занимающихся общественными дѣлами, и религіозныхъ проповѣдниковъ. Но большинство депутаціи, какъ мнѣ показалось, состояло изъ людей, собранныхъ какъ попало. Они старались вытолкнуть впередъ Парвиля, какъ оратора, намѣреваясь, конечно, поддержать своими возгласами его горячій протестъ противъ моего поведенія.

Я смотрѣлъ на эту грозную депутацію, когда Парвиль дѣлалъ мнѣ вполнѣ опредѣленный выговоръ, хотя и въ очень смягченной формѣ, и мнѣ представилось на мгновеніе, что я вижу тѣ тайныя силы, которыя двигаютъ общественнымъ мнѣніемъ, и весь политическій процессъ, играющій такую важную роль въ исторіи, показался мнѣ совершенно поверхностнымъ, зависящимъ отъ ничтожныхъ мотивовъ и прикрывающимъ бездны индифферентизма.

Кто-то кончилъ говорить и я понялъ, что мнѣ надо отвѣчать.

— Очень хорошо,—сказалъ я.—Мой отвѣтъ будетъ коротокъ. Я откажусь отъ полномочій, если не произойдетъ распущенія парламента до февраля. Если же будутъ назначены выборы, то я не выставлю больше своей кандидатуры. Вы, навѣрное, желали бы, если это возможно, избѣжать расходовъ и затрудненій, сопряженныхъ со вторичными выборами? (шопотъ одобренія). Но я говорю вамъ чистосердечно, что я не думалъ, чтобы мнѣ пришлось слагать съ себя полномочія теперь же. А чѣмъ скорѣе вы найдете моего замѣстителя, тѣмъ будетъ лучше для партіи. Лорды приперты къ стѣнѣ. Имъ надо начать борьбу теперь или никогда и, я думаю, они отвергнутъ бюджетъ. Тогда они станутъ бороться и эта борьба будетъ длиться годами. У нихъ есть извѣстная соціальная дисциплина, которой нѣтъ у васъ. Вы, либералы, очутитесь въ трудномъ положеніи. Страна, стоящая за вами, быть можетъ, смутно негодующая, все же окажется совершенно неподготовленной къ серьезной проблемѣ, которая встанетъ передъ нею. Что-нибудь должно произойти, если только не произойдетъ чего-нибудь нелѣпаго. Если король поддержитъ лордовъ,—а я не вижу, почему бы ему не сдѣлать этого,—то у васъ нѣтъ республиканскаго движенія, которымъ вы могли бы воспользоваться въ борьбѣ противъ нихъ. Вы упустили это движеніе, вы побрезгали

имъ. Страна, говорю вамъ, лишена идей и у васъ нѣтъ идей, которыя вы бы могли дать ей. Я не знаю, что вы хотите сдѣлать... Что же меня касается, то я намѣренъ провести годъ или два за своимъ письменнымъ столомъ...

Я замолчалъ.

— Мнѣ кажется, господа,—началъ Парвиль,—что я выражу вашу мысль, если скажу, что мы съ большимъ огорченіемъ выслушали это...

IV.

Отчужденіе, которое явилось между мной и Маргаритой, пока еще не выходило за предѣлы четырехъ стѣнъ нашего дома въ Радноръ-сквэрѣ и никто не замѣчалъ перемѣны въ нашихъ отношеніяхъ. Я по прежнему посѣщалъ палату общинъ, званые обѣды, клубы и различныя мѣста, гдѣ мы подготовляли новыя комбинаціи. Все это время я находился въ возбужденномъ состояніи, какъ будто во мнѣ совершалась какая-то реакція. Я чувствовалъ себя какъ бы освобожденнымъ и ощущалъ приливъ необычайной энергіи, которую могъ теперь употребить въ дѣло.

Передъ нами была ясная, смѣлая и въ высшей степени опредѣленная цѣль. Мы намѣревались ни болѣе ни менѣе, какъ организовать новое движеніе въ англійской умственной жизни, возродить общественное мнѣніе и подготовить почву для обновленной культуры.

Нѣкоторое время мнѣ казалось, что я имѣю полную возможность сдѣлать то, что я хотѣлъ. Шусмизсъ отозвался на мои предложенія, и мы рѣшили основать еженедѣльную газету для того, чтобы она служила ядромъ, вокругъ котораго должны были группироваться наши силы. Кретинъ и я тотчасъ принялись за работу, чтобы собрать писателей и ораторовъ, включая Эсмира Бриттена, Гэна, Ниля и еще двухъ-трехъ молодыхъ людей, съ цѣлью образовать болѣе или менѣе опредѣленный издательскій совѣтъ, который долженъ былъ еженедѣльно собираться по вторникамъ, за завтракомъ, и поддерживать нашу общую работу. Мы подчеркнули нашу склонность къ торизму цвѣтомъ обложки и называли себя „Синими Еженедѣльниками". Но наши еженедѣльныя собранія за завтракомъ были открыты для всякаго рода посѣтителей и пренія и разговоры, происходившіе при этомъ, никогда не имѣли въ виду контролировать мои редакторскія рѣшенія. Моимъ единственнымъ вліятельнымъ совѣтникомъ былъ старина Бриттенъ, который сдѣлался моимъ помощникомъ. Просто удивительно, какъ быстро мы

вернули свою прежнюю близость и, какъ въ школьные дни, постоянно обмѣнивались своими мыслями и мечтами!

На нѣкоторое время я весь ушелъ въ журнальную работу. Бриттенъ былъ опытный журналистъ, у меня же были необходимыя качества для этого. Мы хотѣли создать серьезный органъ печати, не уклоняющійся съ разъ намѣченнаго пути, а поэтому должны были обдумать все до мельчайшихъ подробностей. Мы вовсе не намѣревались сразу обнаружить наши политическіе мотивы и поэтому во время той сумятицы, которую подняла борьба 1910 года, нашъ журналъ представлялъ настоящій оазисъ, гдѣ сохранился хорошій стиль и истинно-художественный критицизмъ. Почти всѣ мы были твердо увѣрены, что лорды потерпятъ жестокое пораженіе, и поэтому мы готовились тотчасъ же приступить къ работѣ возрожденія, какъ только уляжется шумъ, поднятый этимъ конфликтомъ. А пока мы старались завязать сношенія со всѣми лучшими умами Англіи.

Какъ только мы почувствовали почву подъ ногами, я началъ постепенно развивать свою широкую политическую программу. Мы были феминистами съ самаго начала, хотя Шусмизсъ и Эсмиръ испытывали не мало колебаній относительно этого. Мы превратили схему реформы палаты лордовъ, предлагаемую Эсмиромъ, въ своего рода общій культъ аристократическихъ качествъ. Мы старались также гуманизировать и освободить отъ предразсудковъ агитацію по поводу закона о бѣдныхъ, первоначально организованную Беатрисой и Сиднеемъ Веббами. Кромѣ того я, не говоря объ этомъ ни съ кѣмъ, кромѣ Эсмира и Изабеллы Риверсъ, старался придать опредѣленное философское направленіе нашему журналу.

Я былъ твердо убѣжденъ, что безпорядочность и пустота современнаго мышленія зависѣла отъ недостатка общаго метафизическаго воспитанія... Огромная масса людей, и притомъ весьма активныхъ и вліятельныхъ въ умственной жизни, никогда не обучались методамъ мышленія и абсолютно незнакомы съ критикой этихъ методовъ. Едва-ли будетъ преувеличеніемъ, если мы назовемъ ихъ способъ мышленія обрывочнымъ и хаотичнымъ. Они лишь случайно приходятъ къ выводу и не подозрѣваютъ существованія другихъ путей, которые могли бы привести ихъ къ тому же выводу. Нѣсколько выше этой массы стоитъ то меньшинство, которое уже пріобрѣло способность къ обобщеніямъ. Это, — употребляя старинное техническое выраженіе, — реалисты грубаго сорта. Таковы Бейлеи, таковъ былъ и ихъ великій прототипъ Гербертъ Спенсеръ (который не могъ читать Канта); таковы цѣлыя полчища

выдающихся и вполнѣ довольныхъ собой современниковъ. Но реализмъ не есть послѣднее слово человѣческой мудрости. Люди скромные, сомнѣвающіеся и болѣе утонченные, тѣ люди, которыхъ Виллььямъ Джоржъ называетъ „непреклонно-мыслящими", не довольствуются этимъ методическимъ благополучіемъ и постоянно критикуютъ свои посылки и выводы. Они дѣйствуютъ болѣе искренно, менѣе довѣрчивы и обнаруживаютъ скептицизмъ. Они-то и образовали нео-номинализмъ, противоположный современному реализму.

Мы оба съ Изабеллой были убѣждены, что эта разница въ методѣ мышленія глубоко вліяетъ на дѣло человѣчества и что коллективный умъ современнаго, въ высшей степени сложнаго государства, можетъ правильно функціонировать лишь на основахъ нео-номинализма. Мы съ Изабеллой работали совмѣстно именно въ этомъ направленіи. Она обладаетъ удивительнымъ умѣніемъ ясно выражать свои мысли и,—какъ это вѣроятно уже извѣстно читателю,—пишетъ статьи на метафизическія темы очень живо и интересно. Сборника ея статей пока не существуетъ, но онѣ появлялись не въ одномъ только „Синемъ Еженедѣльникѣ", а также въ разныхъ ежемѣсячныхъ журналахъ. Вѣроятно, многимъ хорошо извѣстенъ ея стиль. До нашего рокового сближенія мы съ нею много потрудились, чтобъ поддержать это направленіе въ журналѣ, и почти не проходило недѣли, чтобы я или она не написали статьи, развивающей и обобщающей наши взгляды въ формѣ, доступной широкому кругу читателей.

Нашъ еженедѣльникъ обратилъ на себя вниманіе публики и къ 1911 году его уже можно было найти во всѣхъ лондонскихъ клубахъ и во многихъ сельскихъ домахъ. Розничная продажа его все возрастала и у насъ все болѣе укрѣплялось сознаніе, что мы вызываемъ разговоры и вліяемъ на общественное мнѣніе.

Наша редакція помѣщалась въ большомъ зданіи вблизи Адельфи Террасъ. Изъ главнаго окна, возлѣ моей конторки, видна была игла Клеопатры, уголъ Отеля Сесиль и красивыя арки моста Ватерлоо, а дальше рядъ башенъ и трубъ и неясныя очертанія большого моста ниже Тоуэра. Какъ часто я смотрѣлъ въ окно и наблюдалъ ряды баржъ, медленно плывущихъ по рѣкѣ и постепенно исчезающихъ изъ вида, или же смотрѣлъ, какъ двигались люди, которые сходились и расходились и ночью казались мнѣ какими-то призраками, внезапно вынырнувшими изъ темноты и также быстро въ ней исчезающими...

Я вспоминаю часы, которые я проводилъ за своей кон-

торкой, прежде чѣмъ наступилъ кризисъ. Это были часы напряженной работы, вызывавшей во мнѣ чувство необычнаго удовлетворенія.

Я забывалъ время, просиживая за какой-нибудь статьей, и часто случалось, что, взглянувъ въ окно, я замѣчалъ, что первые лучи утренней зари уже окрасили алымъ цвѣтомъ небо на востокѣ, гдѣ въ сумеркахъ разсвѣта смутно виднѣлись очертанія Тоуэрскаго моста...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вторженіе женщины.

I.

Я обрисовалъ въ общихъ чертахъ мое политическое развитіе и разсказалъ, какъ я перешелъ отъ либеральнаго соціализма къ идеѣ созидающей аристократіи и какъ постепенно я нашелъ самъ себя. Но это самооткрытіе привело къ глубокому расколу между мной и женой.

Бываютъ случаи, когда мужъ и жена, первоначально говорящіе на разныхъ языкахъ, постепенно приходятъ къ пониманію другъ друга. Но я съ перваго раза началъ говорить съ Маргаритой на ея языкѣ и, какъ только я пріобрѣлъ свой собственный языкъ, мы разошлись.

Когда я женился, то былъ совершенно искренно убѣжденъ, что мои отношенія къ женскому полу вообще уже болѣе не могутъ смущать меня. Я откровенно разсказалъ, какую роль женщина играла въ моей жизни до моей женитьбы, и старался показать, какое вліяніе она имѣетъ вообще на жизнь молодого человѣка при современныхъ условіяхъ и въ какомъ искаженномъ видѣ слагаются отношенія половъ. Я не думаю, чтобы я составлялъ исключеніе въ данномъ случаѣ; правда, у меня не было сестеръ и подругъ въ дѣтствѣ, но такова бываетъ участь многихъ мальчиковъ, если ихъ семья не велика. До своего брака съ Маргаритой я не зналъ близко ни одной женщины. Мои прежнія любовныя дѣла были простою и кратковременною половой связью, носившею случайный и скрытный характеръ. Само собою разумѣется, что при такого рода отношеніяхъ я не могъ познать женщины. Отъ мистическаго поклоненія, къ которому я былъ склоненъ въ мальчишескомъ возрастѣ, я перешелъ къ пренебрежительному отношенію къ женщинѣ, какъ будто бы она была дѣйствительно существомъ низшаго порядка

и только служила помѣхой въ великихъ дѣлахъ. На нѣкоторое время Маргарита вычеркнула изъ моей жизни всѣхъ другихъ женщинъ. Она была какая-то совсѣмъ другая и была такъ близка мнѣ. Она точно внезапно появилась въ маленькомъ окнѣ, черезъ которое я наблюдалъ толпу. Она не представляла для меня женскій полъ, какъ нѣкоторыя отдѣльныя женщины въ прежнее время... А потомъ наступило отчужденіе...

До наступленія этого отчужденія и быстраго, не поддающагося контролю, развитія моихъ отношеній съ Изабеллой, послѣдовавшаго за этимъ, я былъ убѣжденъ, что разрѣшилъ проблему женщины своимъ бракомъ и больше она не будетъ смущать меня. Я думалъ, что все это уже прошло. Я продолжалъ идти рядомъ съ Маргаритой, правда, немного нахмуренной и чуть-чуть натянутой, но продолжающей помогать мнѣ, и еслибъ мы не уничтожили совершенно вліяніе пола въ нашихъ отношеніяхъ, то мы бы такъ ограничили и изолировали его, что на общее содержаніе нашей жизни это не оказывало бы ни малѣйшаго вліянія.

И вотъ, воплотившись въ Изабеллѣ, со всѣми ея идеями, это старое навожденіе моей жизни вернулось ко мнѣ. Но это подкралось такъ незамѣтно, что я долго не сознавалъ перемѣны нашихъ отношеній.

Я уже сравнивалъ положеніе современнаго публициста съ Маккіавелли, пишущимъ въ своемъ кабинетѣ. Въ его время женщины совершенно не принимались во вниманіе въ серьезныхъ дѣлахъ. Но теперь все это измѣнилось. Женщина пришла и стала рядомъ съ мужчиной, частью освѣщенная, частью скрывающаяся отъ него въ таинственномъ полумракѣ, постоянно вмѣшивающаяся, осаждающая его и требующая къ себѣ непрерывнаго вниманія. Я чувствую, что въ этомъ отношеніи моя жизнь могла служить типичнымъ примѣромъ. Женщина всегда напоминаетъ о себѣ. Она не только физическая потребность, эстетическая игрушка для мужчины, а нравственная и интеллектуальная необходимость, безъ которой онъ уже не въ состояніи обходиться. Она приходитъ къ политикамъ и спрашиваетъ: ребенокъ ли она или гражданка? Есть ли у нея душа? Она является къ отдѣльнымъ индивидамъ, какъ явилась ко мнѣ, и спрашиваетъ: можетъ ли она быть равнымъ товарищемъ, незамѣнимымъ помощникомъ, или же она слабое существо, которое надо только лелѣять и ласкать? Можно ли на нее полагаться и довѣрять ей, или же ею надо управлять? Должна ли она быть связанной или свободной? Если она товарищъ то ей надо больше довѣрять и гораздо больше

требовать отъ нея. А, главное, она должна обнаружить самое ясное, безстрастное и точное пониманіе вещей...

II.

Когда я раньше придумывалъ схемы государственнаго строя, то отношенія половъ не играли въ этихъ схемахъ никакой роли. Я или находилъ, что отношенія эти вполнѣ правильны, или же думалъ, что государству нѣтъ до нихъ никакого дѣла. Мужчины и женщины должны улаживать ихъ между собой. Такой взглядъ былъ возможенъ тогда. Но уже до 1906 года появились многочисленные признаки, указывавшіе, что этотъ взглядъ держаться не можетъ. Мы, составители политическихъ проектовъ, вскапывали поле для соціальныхъ преобразованій и должны были вскопать его такъ глубоко, чтобы добраться до элементовъ взаимоотношенія половъ и изслѣдовать и рѣшить эту проблему.

Года полтора тому назадъ столичная полиція уже оказалась недостаточной, чтобы защитить палату отъ шумнаго вторженія женщинъ. Члены палаты испытали странное чувство: они какъ будто находились въ осадѣ. Очень значительная часть депутатовъ держалась того взгляда, что агитація въ пользу женскаго избирательнаго права представляетъ нѣчто вродѣ эпидемическаго безумія, которое скоро пройдетъ. Но тотъ, кто глубже смотрѣлъ на это, тотъ видѣлъ, что дѣло не такъ просто и что тутъ дѣйствуетъ не одна только праздная фантазія непремѣнно добиться правъ. Существующіе законы и соглашенія, регулирующіе отношенія между мужчиной и женщиной, слишкомъ неудовлетворительны и только увеличиваютъ безпорядокъ въ государствѣ.

Мой первый парламентъ можно назвать парламентомъ суфражистокъ. Я не стану разсказывать здѣсь подробности этой удивительной избирательной кампаніи, со всѣми ея нелѣпостями и безразсудными выходками, но также и съ величайшими проявленіями мужества и самоотверженія. Агитація суфражистокъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ возвышалась до степени героизма, въ другихъ же была жалкой и смѣшной. И хотя она отличалась безразсудствомъ и непослѣдовательностью, но тѣмъ не менѣе все же оказывала дѣйствіе, такъ какъ въ ней чувствовалась сила. Въ этомъ движеніи выразились весьма разнообразныя чувства и широко распространенное среди образованныхъ женщинъ, хотя и недостаточно ясно формулированное убѣжденіе, что взаимныя отношенія мужчинъ и женщинъ унизительны для послѣднихъ,

гадки и обременительны и поэтому должны быть измѣнены во что бы то ни стало. Избирательное право въ данномъ случаѣ является не только символомъ равенства. Я убѣжденъ, что, получивъ это право, женщины воспользуются имъ, можетъ быть, даже слѣпо и съ цѣлью мщенія, какъ оружіемъ, которое досталось имъ въ руки и которое онѣ могутъ употребить противъ всего того, что онѣ имѣютъ всѣ основанія ненавидѣть...

Я очень живо помню ту великую ночь въ самомъ началѣ сессіи 1909 года, когда около 60-ти женщинъ были посажены въ тюрьму. Я обѣдалъ тогда у Брэгемовъ и, выйдя вмѣстѣ съ лордомъ Брэгемъ, попалъ въ громадную толпу около Кэкстонъ-Голля, которая увлекла насъ за собой къ парламентской площади. Параллельно съ толпой двигалась процессія женщинъ и молоденькихъ дѣвушекъ. Всѣ онѣ были блѣдныя и озабоченныя, и я до сихъ поръ не могу забыть впечатлѣнія, которое произвело на меня напряженное выраженіе ихъ лицъ. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производила на меня мужская политическая процессія. Тамъ я никогда не замѣчалъ такого выраженія героической рѣшимости, какое видѣлъ теперь у женщинъ.

Организаторы этого движенія поступили довольно предусмотрительно, обратившись за поддержкой къ безработнымъ, которые нѣсколько разъ демонстрировали втеченіе этой зимы. Результатомъ этого обращенія была толпа, сопровождавшая процессію и явно симпатизировавшая ей. Не смотря на свой грозный и подозрительный видъ, толпа была добродушно настроена...

Когда мы съ лордомъ Брэгемъ добрались до парламентской площади, то она уже представляла волнующееся море человѣческихъ головъ. Полиціи, конной и пѣшей, было такъ много, какъ будто предполагался революціонный взрывъ. Густыя массы народа наполняли все пространство до Уайтголла и Вестминстерскаго моста.

Стычка, закончившаяся арестами, казалась очень жалкой и ничтожной въ сравненіи съ этими грандіозными приготовленіями...

III.

Въ этомъ же году, только позднѣе, женщины произвели новую аттаку. Днемъ и ночью, во время засѣданій парламента по поводу бюджета, у всѣхъ воротъ, черезъ которыя мы должны были проходить, идя въ парламентъ, были разставлены женскіе пикеты, смотрѣвшіе на насъ съ молчаливымъ упрекомъ, когда мы проходили мимо. Тутъ были жен-

щины изъ всѣхъ классовъ общества, хотя все же преобладалъ независимый рабочій классъ. Были здѣсь и сѣдовласыя старухи, стойко выдерживавшія испытаніе и не покидавшія свой постъ, не смотря на проливной дождь. Были молодыя, изможденныя женщины съ озлобленными лицами; были молоденькія работницы, бѣдно одѣтыя городскія женщины, обитательницы предмѣстій; были женщины, получившія ученую степень, и такія, которыя этихъ степеней не имѣли; были худыя и до такой степени истощенныя существа, что страшно было глядѣть на нихъ. Нѣкоторыя изъ этихъ женщинъ смотрѣли злобно и съ вызывающимъ видомъ, другія робко поглядывали исподлобья; однѣ были полны энергіи и страсти, другія точно поникли, подавленныя усталостью. Постоянно являлись новыя смѣны, и помню, что я ужасно боялся, что вдругъ смѣна не явится. Эта непрерывная осада законодательной палаты казалась мнѣ гораздо болѣе внушительной, нежели бурныя манифестаціи воинствующей группы.

Помню, что я чувствовалъ неловкость, проходя мимо этихъ пикетовъ, не зная, какъ мнѣ поступить, игнорировать ли ихъ совершенно или, приподнявъ шляпу, пройти мимо, не глядя на нихъ, или же,—что я и дѣлалъ,—посмотрѣть имъ прямо въ глаза, отвѣсивъ имъ вѣжливый поклонъ...

IV.

Даже среди сочувствующихъ этому женскому движенію была замѣтна тенденція разсматривать женскую агитацію, какъ не стоящую въ связи съ общимъ развитіемъ политической и соціальной жизни. Мы всѣ старались не обращать вниманія на ея смыслъ, такъ ясно говорившій намъ, что всѣ наши схемы, при всей ихъ грандіозности, не идутъ глубоко и не доходятъ до самой сути вещей. Тотъ консерватизмъ, который существуетъ въ каждомъ классѣ, постоянно стремится, не взирая ни на что, сохранить въ самыхъ существенныхъ чертахъ привычную жизненную обстановку, не допуская слишкомъ глубокихъ, коренныхъ измѣненій. Политики, такъ же какъ и философы, не смотря на громкія фразы и широкіе замыслы, всегда возвращаются къ мелочамъ. Безъ сомнѣнія, они признаютъ, что міръ надо измѣнить, но такъ, чтобы отъ этого не пострадали всѣ ихъ привычки...

Вопросъ объ отношеніяхъ мужчинъ и женщинъ волнуетъ каждаго человѣка и отражается въ жизни каждаго изъ насъ. Лишь очень незначительное меньшинство желаетъ

въ своихъ личныхъ интересахъ перемѣны существующаго порядка вещей. Привычки же и интересы огромнаго большинства возстаютъ противъ сколько-нибудь значительныхъ измѣненій въ этомъ установленномъ порядкѣ. Въ насъ сильны страсти. Но огромное большинство людей отказалось уже отъ мечтаній и пошло на компромиссъ. Никто уже не помышляетъ о блестящихъ возможностяхъ, о необыкновенно сильной любви, о великолѣпномъ потомствѣ, примирившись съ дѣйствительностью. И многіе боятся, а нѣкоторые прямо ненавидятъ малѣйшее напоминаніе объ этихъ покинутыхъ мечтахъ. Когда мы обсуждали однажды въ Пентаграмъ-клубѣ проблему общаго имперскаго закона о бракѣ и разводѣ, то Дайтонъ воскликнулъ: „Я предпочитаю не касаться этихъ предметовъ!" И со вздохомъ прибавилъ: „Лучше оставьте это! Лучше оставьте!"

Это было все, что онъ сказалъ въ этотъ вечеръ, но въ его словахъ слышалась подавленная страсть и даже, наперекоръ нашему этикету, онъ всталъ и вышелъ изъ комнаты

Послѣ моего брака, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, я тоже былъ склоненъ не касаться этихъ вопросовъ. Я приходилъ въ ужасъ тогда отъ романсовъ и чувствительной музыки, отворачивался отъ изображеній человѣка въ искусствѣ и предпочиталъ пейзажи. Мнѣ хотѣлось поднять на смѣхъ всѣхъ влюбленныхъ и ихъ восторги и я всегда говорилъ о нихъ съ презрительной усмѣшкой. Словомъ, я безжалостно относился тогда ко всему, что не укладывалось въ рамки моей морали, и ненавидѣлъ людей, рѣчи которыхъ или поступки указывали, что они не раздѣляли моихъ взглядовъ. Я считалъ ихъ взгляды безнравственными и достойными порицанія...

Какъ это ни странно, но наша общественная жизнь изобилуетъ карами, постигающими человѣка, отдающагося чувству любви, и эти кары обрушиваются на него такою тяжестью, что устраняютъ его отъ возможности дѣйствовать и вліять въ обществѣ. Такимъ образомъ вліяніе и руководство въ значительной степени находятся въ рукахъ людей, не навлекшихъ на себя такихъ каръ, безплодныхъ и безстрастныхъ, вступающихъ въ бракъ изъ благоразумныхъ цѣлей,—людей, нечувствительныхъ къ красотѣ и, благодаря своей неспособности чувствовать страсть и влюбляться, свободно повинующихся голосу честолюбія,—людей, не знающихъ, что значитъ любить, что значитъ желать имѣть дѣтей и чувствовать въ своей крови призывъ къ зарожденію новой жизни.

V.

Перемѣна въ моихъ взглядахъ на положеніе женщины вызвана была не только болѣе глубокимъ пониманіемъ вещей и быстрымъ развитіемъ моей дружбы съ Изабеллой. Теперь, когда я удаленъ изъ политическаго міра, я могу точнѣе оцѣнить значеніе этой перемѣны и причины, вызвавшія ее.

Я уже объяснялъ раньше, какое преобладающее мѣсто въ моей политической схемѣ заняла идея всеобщаго образованія наряду съ идеей организаціи усовершенствованной аристократіи. Отъ этого уже былъ одинъ шагъ къ вопросу о количествѣ и качествѣ рожденій и вмѣстѣ съ этимъ выдвинулись на сцену темы, которыхъ такъ избѣгали касаться, а именно: вопросы о бракѣ, разводѣ и организаціи семьи. Впрочемъ, эти вопросы не разъ уже поднимались въ печати, образовалось даже Евгеническое общество и въ ежемѣсячныхъ журналахъ появлялись статьи о пониженіи процента рожденій и быстромъ возрастаніи числа инвалидовъ, непригодныхъ для жизни. Однако никакихъ мѣръ не предлагалось для борьбы съ этимъ зломъ и только отъ времени до времени высказывалось порицаніе бездѣтнымъ родителямъ зажиточнаго класса.

Я былъ вовлеченъ въ обсужденіе этихъ вопросовъ почти противъ своего желанія. Я пришелъ къ заключенію, что при современныхъ условіяхъ семья, опирающаяся на существующіе брачные контракты, не достигаетъ своей цѣли. Она не можетъ произвести достаточное количество дѣтей и притомъ такихъ, которые могли бы удовлетворить всѣмъ требованіямъ развивающагося цивилизованнаго государства. Наша цивилизація наружно возростаетъ, но ея внутренняя сущность приходитъ въ упадокъ и, чтобы не произошло ея окончательнаго разложенія, нужны экстренныя мѣры, нужно мужественно приступить къ ея реорганизаціи. Старинная брачная система не обезпечиваетъ намъ достаточно здороваго и многочисленнаго молодого поколѣнія, такъ какъ при заключеніи браковъ все болѣе и болѣе занимаютъ мѣсто разныя свѣтскія соображенія. И вотъ наша имперія наружно сверкаетъ великолѣпными одѣяніями, а въ колыбели у нея лежитъ хилое, жалкое дитя...

Конечно, никто еще не осмѣлился прямо поставить этотъ вопросъ, но онъ самъ является, незваный, и встаетъ передъ каждымъ законодательнымъ собраніемъ, заставляя обращать на себя вниманіе. Однако всякое улучшеніе будетъ лишь

временнымъ, за исключенiемъ улучшенiя расы, но я не думаю, чтобы мы дѣйствительно заботились объ улучшенiи расы! Красивые, здоровые и мужественные люди должны сходиться и имѣть дѣтей. Женщины должны быть освобождены отъ гнета такихъ условiй, которыя принуждаютъ ихъ къ безбрачiю или къ бездѣтности, или же заставляютъ ихъ имѣть дѣтей отъ такихъ мужчинъ, которые навязаны имъ обстоятельствами, нуждой и невѣжествомъ. Мы всѣ знаемъ это, но лишь немногiе рѣшаются даже шопотомъ говорить объ этомъ, чтобы не навлечь на себя обвиненiй въ томъ, что, желая спасти семью, они угрожаютъ ея существованiю...

Я все болѣе и болѣе убѣждался, что современная семья, въ которой мужчина является господиномъ женщины и собственникомъ дѣтей и гдѣ все зависитъ отъ него, подчиняется его волѣ и всѣмъ его предпрiятiямъ, не можетъ создать условiй, необходимыхъ для улучшенiя расы. Почти непреодолимыя препятствiя ставятся инстинктивному и естественному подбору, подчиняя его разнымъ общественнымъ и матерiальнымъ соображенiямъ.

Современный мiръ изобилуетъ такими неудовлетворительными брачными союзами. Мы видимъ бездѣтныхъ супруговъ, надоѣвшихъ другъ другу до смерти и все-таки старающихся продлить безконечный медовый мѣсяцъ. Мы видимъ дурно воспитанныхъ и несчастныхъ замужнихъ женщинъ, не имѣющихъ дѣтей; видимъ одинокихъ дѣтей, растущихъ безъ общества въ семьяхъ съ однимъ ребенкомъ или же большiя, некультурныя семьи, гдѣ дѣти растутъ безъ призора; видимъ сиротскiе прiюты и прiюты для хилыхъ и несчастныхъ дѣтей, родители которыхъ не думали о томъ, кого они рождаютъ на свѣтъ.

Какой смыслъ, какая польза въ томъ, что мы строимъ города, поощряемъ изысканiя и открытiя, улучшаемъ всѣ жизненныя удобства, строимъ громадные флоты, ведемъ войны и исправляемъ границы, между тѣмъ какъ раса приходитъ въ упадокъ и это пониженiе качества расы остается основной чертой всей бiологической картины!..

VI.

Мнѣ кажется, что съ разрѣшенiемъ этой проблемы связано и разрѣшенiе женской индивидуальной проблемы. Это лишь разныя стороны одного и того же вопроса. Женщина должна быть все менѣе и менѣе подчинена отдѣльному мужчинѣ и то высоко организованное государство, о которомъ мы мечтаемъ, должно опираться не на безотвѣтственную

семью, управляемую мужчиной, а на матріархальную семью; словомъ, женщина должна быть свободной гражданкой въ государствѣ и материнство должно быть признано общественной функціей. Современная женщина все болѣе проникается убѣжденіемъ, что сознательное и строго обдуманное материнство является ея спеціальною функціей въ государствѣ и что личное подчиненіе мужчинѣ, пользующемуся правомъ руководить этой функціей по своему желанію, служитъ для нея униженіемъ. Я сознаюсь, что я феминистъ и у меня нѣтъ никакихъ сомнѣній въ этомъ отношеніи. Я хочу видѣть женщинъ свободными и безстрашными гражданками, хочу, чтобы онѣ участвовали полностью въ коллективной работѣ человѣчества. Женщины, я убѣжденъ, могутъ быть такъ же разумны, какъ мужчины, но гораздо болѣе способны къ самоотверженію. Я хотѣлъ бы такихъ брачныхъ законовъ, которые оказывали бы покровительство женщинѣ и приносили бы пользу расѣ, а не имѣли бы въ виду только удовлетвореніе мужчины. Я желалъ бы, чтобъ женщина рожала и воспитывала хорошихъ и здоровыхъ дѣтей государству, свободно и разумно выбирая себѣ мужа и ни въ какомъ случаѣ не дѣлаясь рабомъ избраннаго ею мужчины...

Этотъ вопросъ занималъ меня не менѣе вопроса о переходѣ въ другую партію и, наконецъ, я соединилъ ихъ въ одномъ рѣшеніи. Я рѣшилъ перейти въ имперіализмъ и попытаться біологически обосновать его...

Я ретиво принялся за работу. Ронеръ изъ „Daily Telephone“ и Буркеттъ изъ „Dial“ должны были поднять вопросъ о государственной помощи матерямъ, а я написалъ рядъ статей, которыя появились въ нашемъ „Синемъ Еженедѣльникѣ“ и представляли попытку добиться публичнаго признанія правъ материнства. Четвертый годъ существованія еженедѣльника ознаменовался выборами. Шумъ, поднятый моими политическими врагами, заставилъ меня подвергнуть испытанію мои взгляды и выставить мою программу. Я вернулся съ тріумфомъ въ Вестминстеръ, привѣтствуемый и одобряемый партійною печатью. Громкіе апплодисменты на скамьяхъ имперіалистовъ встрѣтили мое появленіе въ парламентѣ...

Во второй разъ я принесъ парламентскую присягу, но я уже не былъ больше однимъ изъ толпы новыхъ членовъ, какъ въ первый разъ. Мое избраніе было событіемъ, символомъ глубокихъ перемѣнъ и новыхъ цѣлей въ національной жизни...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Изабелла.

I.

Любовь и успѣхъ.

Теперь я дошелъ до самой трудной части своей исторіи. Я долженъ разсказать, какъ мы оба съ Изабеллой, погубили свою жизнь и притомъ погубили такимъ зауряднымъ способомъ.

Дѣло тутъ не въ случайно сложившихся обстоятельствахъ, оказавшихся для насъ роковыми, а въ свойствахъ нашей натуры, мало-по-малу выплывшихъ на поверхность. хотя мы были застигнуты врасплохъ, но не можемъ говорить о случайной катастрофѣ, сгубившей насъ обоихъ.

Мы были опасны другъ для друга втеченіе многихъ лѣтъ нашей дружбы, и я не могу сказать, чтобы мы совершенно не сознавали этого...

Когда я пишу эти строки, то испытываю затрудненіе двоякаго рода. Прежде всего, я не хочу казаться кающимся грѣшникомъ и долженъ избѣгать всего, что могло бы навести на эту мысль, тѣмъ болѣе, что я самъ сомнѣваюсь, могу-ли я чувствовать какое нибудь раскаяніе. Теперь, когда Изабелла со мной, мы оба, безъ сомнѣнія, сознаемъ, какою цѣной мы заплатили за это, и оба жалѣемъ объ этомъ. Но я очень сомнѣваюсь, не поступилъ ли бы я точно такимъ же образомъ, еслибъ снова очутился въ тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ, какъ годъ или два тому назадъ, даже еслибъ вполнѣ сознавалъ опасность! Съ другой стороны, я вовсе не желаю оправдываться. Мы двое плохихъ людей, мы дурно поступали, и помимо всякихъ другихъ обстоятельствъ, мы сами разрушили тѣ великія возможности, которыя представлялись намъ. И тѣмъ не менѣе я совершенно невольно впадаю въ сантиментальность, когда разсказываю нашу исторію. Но это такъ же непреднамѣренно, какъ и неискренно съ моей стороны. Повидимому, такъ бываетъ всегда, когда разсказывается о незаконной любви. Конечно, не трудно было бы дать именно такое объясненіе всему и, когда я бываю нѣсколько утомленъ послѣ утренняго писанія, то чувствую склонность находить глубокія моральныя истины во всѣхъ нашихъ ошибкахъ и промахахъ. И я боюсь, что это невольно отразится на моемъ разсказѣ. Поэтому я теперь же предупреждаю читателя, чтобы онъ не былъ вве-

денъ въ заблужденіе, если я, помимо воли, буду идеализировать наши поступки. Простая же истина заключается въ томъ, что я и Изабелла почувствовали влеченіе другъ къ другу. Это было безформенное, необдуманное и непреодолимое влеченіе. Я могъ бы разсказать очень много хорошаго объ Изабеллѣ, еслибъ я писалъ эту книгу во хвалу ей, и все-таки я не въ состояніи не только анализировать это влеченіе, но даже понять его чрезвычайную силу.

Сознаюсь, что въ моей душѣ таится вѣра въ глубокую правду какой бы то ни было любви, разъ она соединена съ красотой, но я чувствую, что не могъ бы съ достаточной убѣдительностью формулировать это...

У насъ уже есть ребенокъ, Маргарита же была бездѣтна. Я особенно склоненъ настаивать на этомъ обстоятельствѣ, хотя долженъ сознаться, что, когда мы сдѣлались любовниками, то совсѣмъ не думали объ этомъ. Наша взаимная страсть, бросившая насъ въ объятія другъ друга, не имѣла этого въ виду, хотя природа, помимо нашей воли, и могла преслѣдовать такую цѣль. Но въ дѣйствительности мы не можемъ привести въ свою пользу никакого, сколько-нибудь приличнаго оправданія.

Впрочемъ, хотя мы и не можемъ оправдывать себя, но все же извиненіемъ для насъ можетъ служить современная смута, господствующая въ умахъ. Эта смута является результатомъ намѣреннаго уклоненія отъ всякаго обсужденія вопросовъ вѣры и основъ нравственности и недопущенія даже самаго робкаго толкованія половой нравственности въ нашихъ литературныхъ и драматическихъ произведеніяхъ. Посредственность, пользующаюся покровительствомъ и тщательно культивируемая, приводитъ къ тому, что люди, сильные въ умственномъ отношеніи, постоянно сталкиваются съ обычаями и предразсудками заурядныхъ людей и тѣмъ приспособленнымъ, расплывчатымъ и безцѣльнымъ культомъ, который представляетъ въ настоящее время наше христіанство, сплошь покрытое заплатами. Требованія хорошаго вкуса обязываютъ не касаться вѣры и поэтому не допускаются никакія изслѣдованія. Это хуже, чѣмъ еслибы даже не было никакой вѣры! И вотъ мы вынуждены сами для себя быть закономъ и жить, руководствуясь только своимъ опытомъ. При такихъ условіяхъ наиболѣе смѣлые, наиболѣе способные къ иниціативѣ люди, въ періодъ испытаній и переворотовъ, неизбѣжнымъ образомъ должны быть вовлечены въ такого же рода эмоціональные кризисы и испытать такое же крушеніе, какое испытали мы. Многіе, быть можетъ, въ состояніи будутъ избѣжать крушенія, но все же пойдетъ ко дну не мало такихъ людей, которыхъ общество

должно было бы сохранить для себя, какъ полезныхъ членовъ. Таковъ неписанный законъ нашей общественной жизни. То же самое происходитъ и въ Америкѣ, гдѣ карьера кончается въ случаѣ открытаго скандала, хотя бы тутъ и не было никакого безчестія. Англія за послѣднюю четверть вѣка лишилась такимъ путемъ многихъ государственныхъ дѣятелей. Я думаю даже, что она бы отвергла Нельсона теперь и повернулась бы спиной къ Веллингтону!..

Что-жъ удивительнаго, что мы, изнывающіе здѣсь въ изгнаніи, находимъ такой остракизмъ жестокимъ и безумнымъ истребленіемъ нужныхъ для страны соціальныхъ элементовъ? Никакого порока это не уничтожаетъ, потому что порокъ, по самой своей природѣ, всегда скрывается. За то это не только награждаетъ тупость и посредственность, какъ положительную добродѣтель, но устанавливаетъ громадную премію за лицемѣріе и притворство. Таковъ мой взглядъ и вотъ почему я разсказываю эту часть моей исторіи съ такими исключительными подробностями.

II.

Со времени выборовъ въ Кингхэмстедскомъ округѣ я поддерживалъ дружескія отношенія съ Изабеллой, хотя эти отношенія и не носили постояннаго характера. Впрочемъ, сначала Изабелла гораздо больше меня старалась поддерживать нашу дружбу. Когда мы съ Маргаритой пріѣзжали въ маленькую виллу съ садомъ, которую наняли, чтобы исполнить наше обѣщаніе, данное избирателямъ, жить въ Кингхэмстедскомъ округѣ, то Изабелла тотчасъ же являлась къ намъ, веселая и обрадованная нашимъ пріѣздомъ, и разсказывала мнѣ, что она читала и о чемъ думала. Она съ полною беззастѣнчивостью выказывала свою склонность ко мнѣ и въ этомъ она была такъ же естественна, какъ дикарка. Она съ большимъ увлеченіемъ играла со мной въ теннисъ, покуда Маргарита лежала на кушеткѣ и отдыхала. Случалось, что она сопровождала меня въ длинную прогулку въ какой нибудь пригородный, густо-населенный округъ, служа мнѣ тамъ искуснымъ проводникомъ. Она завладѣвала мной съ тою безцеремонностью, беззастѣнчивостью и прямотой, сь какой иногда дѣвочки-подростки обращаются съ мужчиной. Она указывала мнѣ, что я долженъ дѣлать, или критиковала мои поступки съ чисто материнской заботливостью о моемъ благополучіи, и это было одновременно смѣшно и восхитительно.

Я много разговаривалъ съ нею. Мы обсуждали и кри-

тиковали литературныя произведенія, исторію, картины, соціальные вопросы, соціализмъ и политику правительства. Она была очень молода и обладала отрывочными знаніями, но умъ у нея былъ удивительно острый и она быстро схватывала все. Я никогда раньше не встрѣчалъ дѣвушки ея лѣтъ или женщины, одаренной такими качествами. Я никогда не мечталъ о такихъ разговорахъ. Кингхэмстедъ какъ-то опустѣлъ для меня, когда она уѣхала въ колледжъ. Кто знаетъ, не ускорило ли это моего рѣшенія отказаться отъ своего депутатскаго мѣста!..

Я думаю, впрочемъ, что въ это время ни она, ни я не подозрѣвали возможности малѣйшей страсти между нами, подстерегавшей насъ на дорогѣ, точно притаившаяся змѣя. Намъ обоимъ казалось, что наша дружба самая прекрасная въ мірѣ. Она была моей ученицей, а я былъ ея руководителемъ, философомъ и другомъ. Люди снисходительно улыбались,—даже Маргарита снисходительно улыбалась,—глядя на наше взаимное влеченіе.

Такая дружба вовсе не представляетъ необычнаго явленія въ наше время среди людей общительныхъ и чуждыхъ предразсудковъ. Большею частью въ такой дружбѣ нѣтъ никакого вреда. Въ подобныхъ случаяхъ мужчина и женщина не думаютъ о томъ, что страстная любовь близко соприкасается съ дружбой, а если имъ и приходитъ это въ голову, то они тотчасъ же отгоняютъ эту мысль. Я думаю, что и мы поступали такъ же. Если порою, въ нѣкоторые особенные моменты, такая мысль и мелькала у насъ, то мы все же старательно ее игнорировали.

Но мы все-таки очень ревниво относились другъ къ другу и безсознательно требовали къ себѣ другъ отъ друга исключительнаго вниманія и предпочтенія.

Помню одинъ случай въ то время, когда она находилась въ колледжѣ. Этотъ случай долженъ былъ бы заставить меня призадуматься и мнѣ даже кажется, что послѣ этого я началъ разбираться въ своихъ чувствахъ. Это было въ одно воскресенье послѣ обѣда, должно быть, въ маѣ, потому что деревья и кусты были покрыты цвѣтами и трава ярко зеленѣла. Мы гуляли съ Изабеллой и другими молоденькими дѣвушками по парку. Мы весело болтали, кивая головой знакомымъ дѣвушкамъ, которыхъ видѣли между деревьями, разсматривали и критиковали новый прудъ, выложенный кирпичомъ, и пробирались между веселыми группами, расположившимися на зеленомъ лугу, чтобы достигнуть намѣченной нами площадки подъ большимъ сибирскимъ кедромъ. Тамъ мы усѣлись и я съ большимъ аппетитомъ истреблялъ пирожки, разсуждая о тактикѣ суфражистокъ. Я выска-

залъ нѣкоторые взгляды на духъ этого движенія въ своемъ обращеніи къ жителямъ Пемброка, и такъ какъ эти взгляды получили распространеніе, то меня теперь окружила группа молоденькихъ дѣвушекъ и женщинъ-учительницъ, желавшихъ поговорить съ мной объ этомъ.

Я не помню, о чемъ я говорилъ, когда Изабелла прервала меня какимъ-то вопросомъ. Я сидѣлъ на садовой скамьѣ, рядомъ со старой леди Иверехэдъ, а Изабелла лежала на травѣ возлѣ меня, съ правой стороны. Услышавъ ея голосъ, я повернулся и увидѣлъ, что она приподняла ко мнѣ свое зарумянившееся личико. Солнечный лучъ, пробираясь сквозь листья деревьевъ, освѣщалъ ее, и яркіе блики сверкали на ея волосахъ и лицѣ. Не знаю почему, но я почувствовалъ къ ней въ этотъ моментъ какую-то неизъяснимую нѣжность. Это было чисто физическое ощущеніе, какого я никогда не испытывалъ раньше. Въ первый разъ въ мою узко-эгоистическую жизнь вторглось другое существо, завладѣло мной и крѣпко захватило мое сердце.

Наши глаза на мгновеніе встрѣтились, и мы оба смутились.

Это длилось только одно мгновеніе. Я продолжалъ прерванную рѣчь, хотя и не совсѣмъ складно, но больше не рѣшался смотрѣть на Изабеллу.

Съ этой минуты я уже зналъ, что безмѣрно люблю ее...

Однако все же, втеченіе цѣлаго года, мнѣ не приходило въ голову, что между нами можетъ вспыхнуть страстная любовь. Я уже разсказывалъ, какъ я обуздалъ въ этомъ отношеніи свое воображеніе посредствомъ брака, притомъ же я былъ очень занятъ и жилъ въ мірѣ крупныхъ интересовъ, такъ что у меня не хватало ни времени, ни желанія заниматься любовными дѣлами. Мнѣ кажется, что не мало есть мужчинъ, которые, встрѣчаясь съ женщиной, всегда помнятъ объ ея полѣ и поэтому ставятъ невидимыя преграды между собой и женщинами,—женами или дочерьми своихъ пріятелей. Можетъ быть, такъ и слѣдуетъ поступать, отказываясь отъ всякихъ простыхъ, свободныхъ отношеній съ наиболѣе симпатичной и привлекательной половиной чевѣческаго рода. Я совершенно убѣжденъ, что такого рода близость, какая была между нами, такіе безпрепятственные разговоры и взаимное влеченіе, которому не была поставлена невидимая, но непреодолимая граница, не могутъ не представлять опасности. Если мужчины и женщины заходятъ такъ далеко вмѣстѣ, то они должны быть свободны идти туда, куда хотятъ, не подвергаясь за это какому бы то ни было мстительному преслѣдованію. Съ точки зрѣнія обще-

принятыхъ законовъ преслѣдователи правы и люди свободнаго образа мыслей въ этомъ случаѣ играютъ, въ сущности, съ огнемъ. Если мужчины и женщины не должны любить другъ друга, то имъ надо держаться другъ отъ друга подальше. Если же этого не будетъ, то мы должны приготовиться къ тому, что намъ придется оказывать безпримѣрное снисхожденіе всѣмъ влюбленнымъ парамъ.

Изабелла была такъ же неосторожна, какъ и я, съ самаго начала. Но полъ заявляетъ о себѣ въ жизни интеллигентной дѣвушки гораздо болѣе настоятельными и важными требованіями, нежели то любопытство и легко удовлетворяемое желаніе, какими онъ проявляется въ жизни мужчины. Однако ни одна женщина еще не рѣшилась разсказать исторію развитія этихъ требованій. Она привлекаетъ мужчинъ, поощряетъ ихъ и наблюдаетъ за ними, испытываетъ ихъ и прогоняетъ отъ себя; но сущность своихъ мыслей о нихъ она всегда скрываетъ. У естественной, неиспорченной дѣвушки это дѣлается инстинктивно.

Изабелла была даже помолвлена, не смотря на протесты и неодобреніе начальства колледжа, гдѣ она находилась. Я никогда не видалъ этого человѣка, хотя Изабелла разсказывала мнѣ о своей помолвкѣ съ большими подробностями и я слушалъ ее съ насильственнымъ и неискреннимъ сочувствіемъ. Меня очень поражало ея отношеніе къ этому вопросу, такъ какъ она, какъ будто, совершенно не думала о послѣдствіяхъ. Но, спустя нѣкоторое время, она вдругъ замолчала, совершенно перестала говорить о женихѣ и вскорѣ порвала съ нимъ. Мнѣ кажется, что она, не смотря на то, что была много моложе меня, знала уже тогда про себя и про меня больше, чѣмъ я узналъ втеченіе многихъ послѣдующихъ лѣтъ.

Мы не видались втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ того какъ я отказался отъ депутатскаго мѣста въ парламентѣ, но мы постоянно переписывались. Она раза два написала мнѣ, что ей бы хотѣлось поговорить со мной, что въ письмахъ нельзя сказать всего, и я отправился къ ней въ Оксфордъ. У меня было совершенно опредѣленное желаніе видѣть ее, хотя я и постарался согласовать свою поѣздку туда съ другими дѣлами. Изабелла незамѣтнымъ образомъ пріобрѣла такое значеніе въ моей жизни, что я уже готовъ былъ путешествовать, чтобы увидѣть ее, не думая ни о времени, ни объ усталости.

Однако мы мало видѣли другъ друга въ этотъ разъ. Что-то уже стояло между нами, причиняя намъ легкое замѣшательство. Впрочемъ, быть можетъ, это была простая неловкость, вызванная тѣмъ, что она сама призвала меня. Годъ

тому назадъ она, нисколько не смущаясь, болтала бы со мной и спокойно привела бы меня въ свою комнату, пригласивъ туда для приличія еще кого-нибудь, чтобы не нарушать правилъ колледжа. Теперь же она ни на минуту не оставалась со мной одна, и во время нашихъ разговоровъ и прогулокъ всегда кто-нибудь былъ съ нами.

Въ воскресенье послѣ обѣда мы отправились гулять вмѣстѣ со старымъ Фортескью, который пріѣхалъ повидать своихъ двухъ дочерей, подругъ Изабеллы. Насъ сопровождала кромѣ того молчаливая и совершенно незамѣтная наставница, видимо восхищавшаяся Изабеллой. Разговоръ носилъ общій характеръ и, кажется, я удивлялъ дѣвицъ Фортескью отсутствіемъ серьезности, что явно противорѣчило моей репутаціи выдающагося политика. Когда мы проходили по ботаническому саду, то Изабелла на мгновеніе очутилась возлѣ меня.

— Послѣдніе мѣсяцы моей школьной жизни!—сказала она мнѣ.

— А потомъ?—спросилъ я.

— Я поѣду въ Лондонъ.

— Будете писать?—спросилъ я.

Она помолчала съ минуту, потомъ смѣло взглянула мнѣ въ глаза и, вся раскраснѣвшись, проговорила:

— Я буду работать съ вами. Почему бы мнѣ этого не сдѣлать?..

III.

Мнѣ кажется, это могло бы послужить для меня предостереженіемъ и указать мнѣ опасность. Я помню, что я сидѣлъ въ поѣздѣ, просматривая корректурные оттиски „Синяго Еженедѣльника“, и все время думалъ о ней, объ ея послѣднихъ словахъ и о томъ значеніи, которое они могутъ имѣть для меня.

Въ высшей степени трудно вспомнить, хотя бы въ общихъ чертахъ, теченіе своихъ мыслей. Я могу только сказать, что идея совмѣстной работы съ нею прельщала меня, а то, что я, повидимому, имѣлъ такое большое значеніе въ ея жизни, наполняло мою душу гордостью и благодарностью. Я уже понималъ, что въ моей жизни она играетъ большую роль, но зналъ, что она лишь временно появилась въ ней и должна будетъ уйти изъ нея. Во всякомъ случаѣ я ни разу не взвѣсилъ, какъ слѣдуетъ, того, насколько явное предпочтеніе, которое она выказывала мнѣ, льстило моему тщеславію. Не могу я такъ же сказать, въ

какой степени я дѣйствовалъ преднамѣренно во всей этой исторіи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ то время, когда я сидѣлъ въ поѣздѣ и думалъ о ней, что-то говорило мнѣ: „Оставь ее! Уходи! Кончай съ этимъ теперь же!..“ Конечно, я не былъ такъ глупъ, чтобы не сознавать опасности...

Еслибы Изабелла была только хорошенькою дѣвушкою, влюбленной въ меня, то, мнѣ кажется, я бы справился съ положеніемъ. Раза два, втеченіе моей брачной жизни, я подвергался искушенію, но ни разу не поддался ему. Мнѣ кажется, одна только красота и страсть не могли бы на меня подѣйствовать. Но между мной и Изабеллой образовалась интеллектуальная связь, которая и усложнила положеніе. Для меня это всегда имѣло громадное значеніе. Мнѣ нужно было ея общество, все равно, была ли она молода и красива или нѣтъ. Мы могли бы проводить время, охотиться съ нею рядомъ, какъ два пріятеля, но только мужчины никогда не могутъ быть такъ снисходительны другъ къ другу, какъ были мы. Я никого не встрѣчалъ, втеченіе уже многихъ лѣтъ, съ кѣмъ бы я могъ такъ разговаривать, какъ съ нею, и быть увѣреннымъ, что буду понятъ, и никого я не могъ такъ охотно слушать, какъ ее. Все, что она говорила мнѣ, всегда казалось мнѣ новымъ и самобытнымъ, и она умѣла говорить такъ, что ея слова проникали мнѣ въ душу и я никогда не уставалъ ее слушать. Объяснить это я не въ состояніи. Какъ объяснить то, что ея голосъ, хотя бы она говорила въ другой комнатѣ, говорила съ другими, — всегда былъ пріятенъ моимъ ушамъ!..

Она проводила лѣто въ Шотландіи и Іоркшайрѣ и постоянно писала мнѣ оттуда о томъ, что она намѣрена дѣлать, возбуждая этимъ мое воображеніе. Въ Лондонъ она пріѣхала къ началу осенней сессіи. Нѣкоторое время она прожила у старой леди Кольбекъ, но скоро разошлась съ нею; леди Кольбекъ не могла примириться съ тѣмъ, что Изабелла намѣрена сдѣлаться журналисткой и будетъ писать не повѣсти, а статьи. Уѣхавъ отъ леди Кольбекъ, Изабелла поселилась вмѣстѣ съ пожилой гувернанткой-нѣмкой, которую она наняла черезъ посредство одного агентства. Тогда она начала писать и сразу выбрала опредѣленное направленіе, развивая свои взгляды и вырабатывая свой стиль. Дѣйствительно, о ней начали говорить и, хотя ее не одобряли, но все же она получала приглашенія на обѣды. Кромѣ того, она пользовалась репутаціей дѣвушки, умѣющей ладить съ почтенными и пожилыми людьми.

Странное ощущеніе испытывалъ я, когда, входя въ гостинную, вслѣдъ за Маргаритой, шуршащей своимъ шел-

ковымъ платьемъ, я видѣлъ издали свою юную пріятельницу, превратившуюся изъ курносой дѣвочки, вѣчно носившей синюю матросскую блузку, въ блестящую, молодую дѣвушку въ бѣломъ шелковомъ платьѣ, отдѣланномъ дорогими кружевами, съ жемчужнымъ ожерельемъ на шеѣ и серебристой лентой въ темныхъ волосахъ...

Мы, впрочемъ, видѣлись съ нею не часто, хотя она не скрывала, что любитъ мое общество, и постоянно развивала въ своихъ статьяхъ мои взгляды и искала меня повсюду. Мало-по-малу однако та польза, которую она приносила нашему журналу, заставила насъ тѣснѣе сблизиться. Она приходила въ редакцію, садилась у окна въ моемъ рабочемъ кабинетѣ, просматривала корректуру статей для будущаго номера и обсуждала его содержаніе, подвергая самому тщательному анализу мои намѣренія. Ея разговоръ почему-то всегда напоминалъ мнѣ стальное лезвіе. Ея слогъ все совершенствовался, сохраняя свою оригинальность и остроту.

Мы какъ будто забыли то легкое смущеніе, которое оба почувствовали во время нашего послѣдняго свиданія. Теперь мы не испытывали больше никакой неловкости и непринужденно разговаривали другъ съ другомъ. Правда, мы не придерживались никакихъ условностей, но отъ этого наши отношенія становились проще и естественнѣе. Вскорѣ у насъ вошло въ привычку еженедѣльно совершать вмѣстѣ какую-нибудь прогулку, а письма и записки, которыми мы обмѣнивались, стали очень частымъ явленіемъ. Однако все это носило чисто интеллектуальный, невинный характеръ. Она привыкла называть меня учителемъ во время нашихъ прогулокъ, что было, разумѣется, чудовищной лестью, но тѣмъ не менѣе я необыкновенно гордился тѣмъ, что она была моей ученицей. Да и кто бы не чувствовалъ этого на моемъ мѣстѣ? Мы оставались на этой точкѣ долгое время, пока не прошелъ годъ послѣ Гандичскихъ выборовъ.

Послѣ того, какъ леди Кольбекъ отказалась отъ нея, находя ее слишкомъ „интеллектуальной“ и не поддающейся руководству, Изабелла была приглашена Бальдэсами и провела съ ними и съ ихъ кузиной Леонорой Спэрлингъ лѣто въ Герфордшайрѣ. Тамъ у нея явились претенденты. Молодая, блестящая дѣвушка привлекала ихъ, но въ то же время внушала имъ нѣкоторый страхъ своими свободными манерами и своей самостоятельностью. Изабелла увѣряла потомъ, что они почувствовали явное облегченіе, получивъ отказъ...

Однако Арнольдъ Шусмизсъ пользовался ея расположеніемъ и между ними завязались дружескія отношенія, очень

напоминавшія тѣ, который существовали между мной и ею. Онъ ей нравился, потому что онъ былъ застѣнчивъ, неловокъ и неразговорчивъ, и у нея явилось опасное желаніе помочь ему найти свою душу. Я испытывалъ уколы ревности, видя это, и вообще находилъ лишней такую дружбу съ нимъ. Онъ отнималъ у нея время и я думалъ, что это можетъ отразиться на ея работѣ. Но, если даже дружба съ нимъ и отнимала у Изабеллы время которое она могла бы посвятить своимъ писаніямъ, то нашимъ прогулкамъ, разговорамъ и сближенію она нисколько не препятствовала.

IV.

И вотъ Изабелла и я, мы внезапно почувствовали страстную любовь другъ къ другу.

Перемѣна въ нашихъ отношеніяхъ произошла такъ неожиданно и безъ всякаго сознательнаго умысла съ нашей стороны, что я совершенно не въ состояніи разсказать по порядку, какъ совершалась эта перемѣна. Какой маленькій камешекъ заставилъ скатиться лавину, все разрушающую на своемъ пути,—я не знаю, но только перегородка, отдѣлявшая насъ, незамѣтно упала...

Въ Изабеллѣ также совершилась перемѣна, напоминающая ту, которая происходитъ въ природѣ съ наступленіемъ весны. Она сіяла красотой и молодостью, но въ то же время въ ней чувствовалось какое-то смутное безпокойство. Она не могла работать усидчиво, какъ прежде. Мужчины заглядывались на нее и искали съ нею встрѣчъ. Объ одномъ странномъ приключеніи, которое произошло съ нею, она разсказала мнѣ, но я чувствовалъ, что она разсказала мнѣ не все. Впрочемъ, она разсказала мнѣ то, что была въ состояніи разсказать. Это было на танцовальномъ вечерѣ у Ропперсовъ. Одинъ господинъ, хорошо извѣстный въ Лондонѣ, поцѣловалъ ее. Она была чрезвычайно изумлена, такъ какъ совершенно не ожидала этого, и затѣмъ безъ всякаго стѣсненія разсказала мнѣ, какое впечатлѣніе произвелъ на нее этотъ поцѣлуй и что она чувствовала при этомъ.

— Я нуждаюсь въ поцѣлуяхъ и тому подобныхъ вещахъ— призналась она. — Я думаю, это чувствуетъ каждая женщина...

Послѣ небольшой паузы она прибавила.

— Но я не хочу, чтобъ меня цѣловалъ кто-нибудь!

Меня поразили эти слова. Они, какъ мнѣ казалось, вполнѣ выражали отношеніе женщинъ къ такого рода вещамъ.

— Найдется кто нибудь, кто разрѣшитъ эту задачу,— сказалъ я.

— Можетъ быть, и найдется,—отвѣчала она.

Я промолчалъ.

— Кто - нибудь это сдѣлаетъ —замѣтила она почти со злостью.—И тогда намъ придется прекратить свои прогулки и бесѣды, дорогой учитель... Мнѣ будетъ очень жаль!

— О, „онъ“ навѣрное будетъ очень интересенъ и, безъ сомнѣнія, откроетъ вамъ новые и привлекательные горизонты!—возразилъ я...—Не можете же вы вѣчно оставаться на положеніи ученицы!..

— Я думаю, что не могу... Но я только недавно начала сомнѣваться въ этомъ,—прибавила она.

Я помню этотъ разговоръ, но, насколько наши мысли и чувства были тогда понятны намъ самимъ, этого я не могу сказать теперь. Вскорѣ послѣ этого мы провели почти цѣлый день въ садахъ Кью и тогда завѣса окончательно приподнялась передъ нашими глазами. Я совершенно не помню, чтобы я ей объяснялся въ любви тогда, но отношенія между нами измѣнились...

Это было въ самомъ началѣ года, кажется, въ январѣ. На дорожкахъ еще лежалъ снѣгъ и мы обратили вниманіе на то, что, кромѣ насъ, еще двое посѣтили въ этотъ день Пагоду. Помню то ощущеніе, которое вызывалъ во мнѣ теплый, влажный воздухъ оранжерей, зеленоватый свѣтъ и большія развѣсистыя пальмы надъ нашими головами. Я живо помню, съ какимъ любопытствомъ я разсматривалъ какой-то цвѣтокъ изъ Патагоніи, но совершенно не помню, чтобы мы объяснялись другъ другу въ страстной любви. Мы держали себя такъ, какъ будто всегда знали, что любимъ другъ друга. Между нами давно уже установилась такая нравственная близость, какая встрѣчается между братомъ и сестрой или между мужемъ и женой, и, какъ это ни странно, но въ этотъ моментъ мы не ощущали страсти, а только горячую, нѣжную дружбу. Мы были во всемъ согласны другъ съ другомъ и оба одинаково чувствовали потребность установить свое дальнѣйшее поведеніе. Однако, не смотря на то, что мы предвидѣли въ будущемъ массу затрудненій, мы все-таки наслаждались настоящей минутой. Какъ будто внезапно передъ нашими глазами поднялась завѣса, мѣшавшая намъ до сихъ поръ видѣть другъ друга!

Мнѣ пришлось впослѣдствіи взглянуть на тогдашнія наши отношенія съ точки зрѣнія посторонняго наблюдателя. Дѣйствительно, съ этой точки зрѣнія все представлялось совершенно въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ.

Повидимому, я долженъ былъ казаться коварнымъ обольстителемъ, опутавшимъ своими сѣтями невинную, беззащитную дѣвушку. Но, въ сущности мы чувствовали себя равными другъ другу въ то время. Я зналъ, что въ умственномъ отношеніи она нисколько не ниже меня и во многихъ отношеніяхъ даже выше и мужественнѣе. Быстрота ея сообразительности всегда вызывала во мнѣ радостное чувство. Ея умъ всегда напоминалъ мнѣ яркій и блестящій солнечный лучъ, отражающійся въ струйкахъ воды возлѣ плывущей лодки,—такой же подвижный и такъ же подчиняющійся законамъ природы. Въ глубинѣ своей души мы вѣрили самымъ искреннимъ образомъ, что любить—значитъ чувствовать душевный подъемъ, радость, бодрость, готовность совершать подвиги. А между тѣмъ намъ предстояло вѣдь рѣшить вопросъ, отчего мы не можемъ быть настоящими любовниками? Я положительно утверждаю, что ни условія моего воспитанія, ни условія воспитанія. Изабеллы не содѣйствовали развитію у насъ сознанія, что мы поступаемъ дурно, страстно любя другъ друга. Я уже подробно разсказалъ, какъ я былъ воспитанъ и какъ я велъ себя въ такихъ случаяхъ. Все, что читала Изабелла и что она думала, всѣ умалчиванія ея гувернантокъ и предостереженія наставниковъ, соціальныя и религіозныя вліянія, которымъ она подвергалась,—все это, въ концѣ концовъ, привело къ такому же отсутствію увѣренности въ своей винѣ, какое было и у меня. Общепринятый кодексъ нравственности не имѣлъ на насъ никакого вліянія. Мы думали только о возможности и цѣлесообразности того, къ чему мы оба такъ страстно стремились. Но таково въ настящее время настроеніе огромнаго большинства людей и въ особенности молодежи. Ходячая мораль не захватила ихъ и они не вѣрятъ въ нее. Правда, въ мелочахъ они подчиняются ей, но это уже другое дѣло. Въ сущности, едва-ли можно путемъ такого умолчанія оправдывать всѣ запрещенія, установленныя кодексомъ нравственности. Если въ литературѣ и въ разговорѣ не допускается ихъ обсужденія, то нельзя помѣшать этому въ жизни. Ни одно цивилизованное и интеллигентное общество не должно было бы допускать такой неподготовленности и неосвѣдомленности, какую обнаруживаютъ люди по отношенію къ великимъ моментамъ страсти. Въ такіе моменты они видятъ себя окруженными цѣлою изгородью всяческихъ предразсудковъ, обычаевъ и чисто произвольныхъ взглядовъ, не имѣющихъ никакой органической силы. Какая безконечная нелѣпость заключается во всемъ этомъ! Вѣдь мы стараемся устроить наше сложное современное общество на основахъ умолчанія! Мы

ничего не объясняемъ нашимъ дѣтямъ и не разговариваемъ съ ними про любовь и бракъ. Все, что сюда относится, мы тщательно обходимъ молчаніемъ и поддерживаемъ въ этомъ отношеніи старинную традицію, въ правильности которой однако всѣ уже сомнѣваются. Но до сихъ поръ еще никто не пробовалъ подвергнуть тщательному анализу эти взгляды. Что же происходитъ? Возьмемъ для примѣра то, что случилось съ нами. Съ одной стороны, насъ охватило страстное желаніе, лишенное всякихъ элементовъ грубости и стыда, благодаря силѣ любви, съ другой же—мы видѣли ревность однихъ, порицаніе другихъ, матеріальный рискъ и разнаго рода опасности.

Постановленія общества, освѣщенныя пламенемъ нашей страсти, казались нами нелѣпыми, ирраціональными, произвольными, чудовищными и заслуживающими только насмѣшки. Мы погибнемъ! Пусть такъ! Во всякой любви бываетъ такой періодъ, когда мысль о гибели и смерти не только не пугаетъ, но придаетъ какой-то торжественный характеръ всему. Робкіе люди, конечно, могутъ испугаться такой перспективы и отступить, не рѣшаясь бросить подобный вызовъ обществу, но мы съ Изабеллой не были робкими.

Мы взвѣсили все и пришли къ рѣшенію, къ которому приходятъ тысячи людей, находящихся въ нашемъ положеніи, т. е. что, еслибъ возможно было сохранить нашу тайну, то все останется между нами и ничего нельзя будетъ возразить противъ насъ. И вотъ мы сдѣлали первый шагъ. Охваченные жаждою любви, мы пришли къ заключенію, что будемъ любовниками, но никто не долженъ этого знать. Это устраняло одно препятствіе, которое постоянно стояло передъ нами, а именно,—присутствіе Маргариты.

Мы сдѣлали этотъ шагъ, отдавшись своему чувству, дрожащіе и радостные, съ чистымъ сердцемъ и душой, повинуясь велѣнію любви. А затѣмъ мы нашли, какъ и тысячи людей, находившихся въ такихъ же условіяхъ, что мы не можемъ хранить свою тайну только для себя. Любовь требуетъ выхода. Любовь, окруженная постоянною тайной, не можетъ быть любовью. Но именно этого-то люди не понимаютъ!..

V.

Однако прежде, чѣмъ мы дошли до этого, прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Въ этотъ промежутокъ времени и произошла моя внезапная поѣздка въ Америку.

— Намъ угрожаетъ несчастье!—сказалъ я Изабеллѣ.—И ты, и я, мы оба слишкомъ большіе люди, и наша тайна не

можетъ долго сохраняться. Подумай о возможности открытія! Мы должны прекратить это, во чтобы то ни стало, даже цѣною разлуки!

— Только потому, что мы можемъ быть открыты?—произнесла она.

— Да, только поэтому.

Мы оба были не искренни, и трудно сказать, кто изъ насъ тогда уговаривалъ и кто сопротивлялся.

Я бѣжалъ нелѣпо, безсмысленно. Вотъ разгадка моего путешествія въ Америку, которое привело въ такое изумленіе всѣхъ моихъ друзей.

Я бѣжалъ отъ Изабеллы. Я ухватился за эту мысль бѣжать отъ нея, поспѣшно набросалъ инструкціи Бриттену относительно изданія нашего еженедѣльника и, кое-какъ собравъ свой багажъ (причемъ я забылъ, въ числѣ многихъ вещей, и свой бритвенный приборъ) пустился, очертя голову, въ кругосвѣтное путешествіе.

Какое это было нелѣпое бѣгство! Помню, какія глупыя объясненія я давалъ Маргаритѣ и какъ я боялся, чтобы она не вздумала поѣхать со мной! Помню свой переѣздъ черезъ океанъ на скверномъ, мокромъ пароходѣ, свою безъисходную тоску, къ которой примѣшивалась морская болѣзнь. Я проливалъ горькія слезы. Господи, какъ все это было безразсудно, смѣшно... и какъ я ненавидѣлъ своихъ товарищей-пассажировъ!

Нью-Іоркъ на нѣкоторое время развлекъ и восхитилъ меня. Когда же впечатлѣнія притупились, то я помчался въ Чикаго. Дорогой, въ поѣздѣ, я пилъ и ѣлъ съ какою-то отчаянною жадностью разныя кушанья, подаваемыя на маленькихъ блюдахъ, я дѣлалъ множество странныхъ, нелѣпыхъ вещей, чтобы только развлечь себя. Ни одинъ романистъ не въ состояніи былъ бы изобразить того сумбура, который царилъ въ моихъ мысляхъ и чувствахъ.

Чикаго также сначала занялъ меня своей оригинальностью. Что за странныя формы приняла здѣсь цивилизація! Но затѣмъ вдругъ моя рѣшимость пришла къ концу, и я опрометью пустился въ обратный путь.

Я долженъ сознаться, что мое внезапное возвращеніе назадъ было вызвано отнюдь не тѣмъ, что я почувствовалъ себя въ силахъ бороться. Мнѣ вдругъ пришло въ голову, что разлука можетъ принести плоды. Что-то въ ея письмахъ, какая-то вскользь брошенная фраза навела меня на эту мысль и я съ ужасомъ подумалъ, что могу вернуться въ Лондонъ и не найти тамъ Изабеллы. Честь, осторожность, карьера—все это отступило на задній планъ передъ

мыслью, что я могу потерять Изабеллу. Я не могъ представить себѣ жизни безъ нея, не могъ безъ нея жить!..

Я нисколько не оправдываю себя. Я совершилъ неизвинительный поступокъ. Я не долженъ былъ возвращаться. Но я такъ страстно желалъ Изабеллу, что не могъ успокоиться, пока это желаніе не было удовлетворено.

Я прямо направился къ ней. Но здѣсь я долженъ остановиться. Нельзя словами разсказать любовь, передать тотъ радостный трепетъ, то странное чувство отваги и ликованія, которое охватило насъ. Можетъ ли дать какое-либо представленіе объ этомъ разсказъ о нашихъ свиданіяхъ, о тѣхъ трудностяхъ, которыя намъ приходилось преодолѣвать, о тѣхъ чувствахъ, которыя я испытывалъ, заглядывая ей въ глаза или гладя трепетною рукой ея мягкіе, нѣжные волосы? Лишенныя сіянія всеосвѣщающей любви, эти вещи являются простою чувственностью. Такими онѣ будутъ казаться въ словесной передачѣ, такъ какъ разсказывать можно только грубые факты любви и ихъ послѣдствія.

Много огорченій и много печали принесла мнѣ эта любовь, больше, чѣмъ я могъ бы ожидать. Но даже теперь я не могу сказать, что сожалѣю о своемъ возвращеніи изъ Америки. Мы любили до крайняго предѣла. Никто изъ насъ не могъ бы полюбить такъ никого другого. Въ этой любви была красота и она была наша!

Мое возвращеніе въ редакцію навсегда запечатлѣлось въ моей памяти. Это было во вторникъ утромъ. Ни одна душа въ Лондонѣ, за исключеніемъ Изабеллы, не подозрѣвала, что я вернулся въ Англію недѣлю тому назадъ.

Я вошелъ и прямо наткнулся въ дверяхъ на Бриттена.

— Боже мой!—воскликнулъ онъ, увидѣвъ меня.

— Я вернулся, какъ видите,—отвѣчалъ я.

Онъ посмотрѣлъ своими проницательными глазами на мое возбужденное лицо.

Я молча выдержалъ его взглядъ.

— Куда же вы вернулись?—спросилъ онъ.

VI.

Я долженъ теперь разсказать то, что было моею первою настоящею ложью Маргаритѣ. Я писалъ ей изъ Чикаго и изъ Нью-Іорка и сообщилъ ей, что считаю себя обязаннымъ вернуться и быть на мѣстѣ въ Англіи къ началу новой сессіи. Но я скрылъ отъ нея названіе парохода и устроилъ такъ, чтобы она не знала въ точности дня, когда я вернусь въ Лондонъ. Я телефонировалъ, чтобы мнѣ приготовить

вили комнату, зная, что Маргарита находится въ Дергэмѣ, у Бентингъ Гарблоу, а когда она вернулась, то я былъ уже дома цѣлый день.

Какъ хорошо я помню ея возвращеніе!

Моя поѣздка изгладила воспоминаніе о нашемъ долгомъ отчужденіи. Какая-то перемѣна совершилась и въ Маргаритѣ. Я видѣлъ это ясно. Когда она подъѣхала къ дому, я спустился внизъ, навстрѣчу ей. Лицо ея свѣтилось радостью, когда она вошла. Былъ холодный мартовскій день, и она была одѣта въ какіе-то темные мѣха, особенно оттѣнявшіе ея нѣжный цвѣтъ лица и подчеркивавшіе ея красоту. Увидавъ меня, она протянула мнѣ обѣ руки и безъ малѣйшаго колебанія обняла меня и поцѣловала.

— Я такъ рада, что ты вернулся, наконецъ, мой дорогой,— воскликнула она,—такъ рада!

Я отвѣчалъ на ея поцѣлуй, испытывая какое-то странное чувство, не поддающееся опредѣленію. Это не было сознаніе вины или собственной низости, а скорѣе изумленіе.

— Я не знала до сихъ поръ, что значитъ разлука,— сказала она.

Меня внезапно осѣнила мысль, что она хочетъ положить конецъ нашему отчужденію. Она придвинулась ко мнѣ такимъ образомъ, что моя рука должна была ласково обнять ее.

— Какой красивый мѣхъ!—сказалъ я.

— Я купила его, чтобы понравиться тебѣ...

Внизу показалась горничная, несшая вещи вмѣстѣ съ другой служанкой.

— Разскажи мнѣ про Америку,—сказала Маргарита.— Мнѣ кажется, будто ты пробылъ въ отсутствіи шесть лѣтъ...

Мы вошли подъ руку въ ея маленькій будуаръ. Я помогъ ей снять мѣховое пальто и усѣлся на маленькую софу, обитую ситцемъ, которая стояла противъ камина. Она приказала принести чаю и тоже сѣла на софу, возлѣ меня. Не знаю, чего я ожидалъ вообще отъ нашего свиданія, но ужъ навѣрное я не ожидалъ, что разстояніе, раздѣлявшее насъ, такъ быстро исчезнетъ.

— Мнѣ хочется знать все относительно твоей поѣздки въ Америку,—замѣтила она, смотря на меня испытующимъ взглядомъ.—Отчего ты вернулся?

Я неохотно повторилъ ей въ общихъ чертахъ то, что писалъ въ своихъ письмахъ.

— Но отчего же ты вернулся, не побывавъ въ Денвери?—спросила она.

— Я чувствовалъ безпокойство и потребность вернуться.

— Безпокойство! — повторила она задумчиво.—Ты чувствовалъ безпокойство въ Венеціи... Ты говорилъ, что безпокойство заставило тебя ѣхать въ Америку...

И она снова пытливо посмотрѣла на меня. Затѣмъ, отвернувшись, она занялась чаемъ, но въ движеніяхъ ея была замѣтна какая-то торопливость и неловкость. Наливъ черезчуръ много воды въ чайникъ, она нѣсколько мгновеній сидѣла неподвижно, устремивъ взоръ въ пространство, и я замѣтилъ только, что ея рука, лежавшая на краю стола, слегка дрожала. Я внимательно слѣдилъ за нею и въ душѣ моей зарождалось какое-то смутное чувство тревоги. Что могла она знать или подозрѣвать?

Наконецъ, она произнесла съ усиліемъ:

— Я бы хотѣла, чтобъ ты снова вступилъ въ парламентъ. Жизнь не даетъ тебѣ достаточно матеріала...

— Еслибъ я снова вступилъ въ парламентъ, то былъ бы тамъ на сторонѣ консерваторовъ.

— Я знаю,—сказала она и глубоко задумалась. Послѣ небольшой паузы она снова проговорила:

— Недавно...—она запнулась.—Недавно я прочла твои статьи...

Я молчалъ и ждалъ. Мнѣ не хотѣлось помѣшать ей высказаться.

— Я не понимала, чего ты добиваешься,—сказала она.— Я неправильно судила о тебѣ. Я не знала. Мнѣ кажется, я была просто глупа!..

Въ ея глазахъ сверкнули слезы.

— Ты, впрочемъ, не давалъ мнѣ возможности понять тебя...

Она отвернулась. Въ ея голосѣ, когда она говорила, слышались подавленныя рыданія.

— Мужъ мой!—воскликнула она внезапно и протянула мнѣ обѣ руки.—Я хочу начать съизнова!

Смущенный до послѣдней степени, я взялъ ея руки и проговорилъ: „Моя дорогая!“

— Да, я хочу начать съизнова.

Я нагнулъ голову, чтобы она не видала моего лица. Ея рука лежала въ моей рукѣ и я поцѣловалъ ее.

— Ахъ!—прошептала она и, тихо выдернувъ руку, оперлась на софу. Я видѣлъ ея пристальный взглядъ, устремленный на меня, и, чувствуя себя послѣднимъ негодяемъ въ мірѣ, отвѣчалъ ей такимъ же взглядомъ. Воспоминаніе о темныхъ глазахъ Изабеллы почти замѣняло ея физическое присутствіе и стояло между нами...

— Скажи мнѣ,—проговорилъ я, наконецъ, чтобы пре-

рвать напряженное молчаніе, становившееся невыносимымъ,— скажи мнѣ все, что ты думаешь объ этомъ.

Я нѣсколько отодвинулся отъ нея и взялъ въ руку чашку, точно ища въ ней защиты.

— Ты прочла мою старую книгу?—спросилъ я.

— Да, и газету тоже. Я взяла съ собой весь комплектъ номеровъ въ Дергэмъ. Я прочла ихъ всѣ и много передумала. Я не понимала... не понимала, чему ты учишь!..

Она замолчала.

— Теперь все стало для меня ясно... и такъ вѣрно!— прошептала она.

Я растерялся окончательно. Поставивъ чашку на столикъ, я поднялся и, подойдя къ камину, прислонился къ доскѣ.

— Чрезвычайно радъ, Маргарита, что ты пришла, наконецъ, къ выводу, что я не вполнѣ испорченъ,—сказалъ я и принялся, довольно таки банальнымъ и поверхностнымъ образомъ, излагать ей свои взгляды, а она придвинулась ко мнѣ и, смотря на меня въ упоръ, ловила мои слова съ жадностью прозелита.

— Да, да,—шептала она.

До этого я ни разу не испыталъ сомнѣній въ вѣрности моихъ новыхъ взглядовъ, но теперь я началъ въ нихъ сомнѣваться глубочайшимъ образомъ. Такова суровая иронія судьбы всѣхъ политиковъ, писателей, общественныхъ проповѣдниковъ. Какъ только они замѣчаютъ, что аудиторія уже прониклась ихъ взглядами и находится, такъ сказать, у ихъ ногъ, то ими овладѣваютъ сомнѣнія. Но они не должны допускать никакихъ сомнѣній. Ихъ дѣло говорить и убѣждать. Я же такъ привыкъ къ вмѣшательству Изабеллы, къ ея поправкамъ, опредѣленіямъ, къ ея порицанію или ободренію!..

Мы пообѣдали вдвоемъ съ Маргаритой дома. Она заставила меня изложить ей мои политическіе проекты.

— Я была глупа,—сказала она.—Теперь я хочу помочь тебѣ.

Я ужъ не помню, какъ это случилось, но она заставила меня придти въ свою комнату. Мнѣ кажется, предлогомъ послужила американская книга, о которой я случайно упомянулъ въ разговорѣ и которую она пожелала видѣть. Я принесъ ей эту книгу и, положивъ ее на столъ, направился къ двери.

— Мужъ мой!—воскликнула она и протянула ко мнѣ свои тонкія руки. Я вынужденъ былъ подойти къ ней и поцѣловать ее, а она нѣжно обвила мою шею, притянула

меня къ себѣ и поцѣловала. Я осторожно разнялъ ея руки и поцѣловалъ обѣ кисти и ладони.

— Спокойной ночи!—сказалъ я.

Послѣдовала маленькая пауза.

— Спокойной ночи, Маргарита!—повторилъ я и рѣшительно направился къ двери. Я не оборачивался, не смотрѣлъ въ ея сторону. Я чувствовалъ однако, что она наблюдаетъ за мной, и еслибъ я оглянулся, то она протянула бы мнѣ руки...

Наша тайна, касавшаяся только меня и Изабеллы, уже въ самомъ началѣ нанесла ударъ другому человѣческому существу...

(*Окончанiе слѣдуетъ*).

Собесѣдованіе въ Прочноокопѣ.

(Съ натуры).

I.

Какъ-то поздней осенью въ станицу Прочноокопскую (на Кубани) пріѣхалъ извѣстный миссіонеръ, о. Ксенофонтъ Крючковъ. Предстояли, значитъ, «собесѣдованія» со старообрядческими начетчиками о вѣрѣ.

Станица всколыхнулась.

Казаки той станицы крѣпко преданы вѣрѣ отцовъ своихъ, «старой вѣрѣ». Есть тамъ и «церковные», но ихъ—незначительное меньшинство. Главная масса — старообрядцы. Къ числу церковныхъ относится большею частью довольно многочисленный пришлый иногородній элементъ.

О. миссіонеръ жилъ въ станицѣ уже третьи сутки, а собесѣдованій все не было. Съ часу на часъ ожидали пріѣзда старообрядческаго начетчика, но онъ почему-то не ѣхалъ, мѣстныя же силы не рѣшались выступить противъ миссіонера: о. миссіонеръ не какой-нибудь, а синодальный, пріѣхавшій изъ самаго Петербурга. Старообрядцы безпокоились, тѣмъ болѣе, что о. миссіонеръ говорилъ во всеуслышаніе:

— Обманетъ. Ей, обманетъ. Не пріѣдетъ. У нихъ вѣдь все на лжи, у раскольниковъ-то...

Въ самомъ дѣлѣ: ну, какъ не пріѣдетъ?

Наконецъ, пріѣхалъ. Вѣсть объ этомъ быстро разошлась и станица вздохнула съ облегченіемъ. Завтра—бесѣда въ 10 часовъ утра.

Вечеркомъ, наканунѣ бесѣды, у мѣстнаго священника собрались гости: нѣсколько священниковъ изъ мѣстныхъ приходовъ, пріѣхавшіе нарочно, чтобы послушать знаменитаго миссіонера, два окончившіе семинариста, два-три казачьи офицера...

— Вы знаете, — говорилъ о. Юрій, свѣжій, русый, красивый мужчина съ чуть-чуть начинающей полнѣть фигурой:—о. Крючковъ—крупная величина. Онъ извѣстенъ всей Россіи. Тринадцать тысячъ человѣкъ присоединилъ къ церкви.

— Знаете, сколько онъ стоитъ правительству? — спросилъ кто-то.— Съ разъѣздами тысячъ семнадцать въ годъ. Онъ ѣздитъ вѣдь всюду, по всей Россіи, по Сибири...

— И стоитъ такихъ денегъ... Что вы думаете?

— Какъ не стоитъ? Тринадцать тысячъ душъ... Шутка-ли!

— А по мнѣ,— сказалъ одинъ офицеръ,—такъ не все-ли равно: церковный, старообрядецъ, магометанинъ, сектантъ... Служи отечеству вѣрой и правдой. Государству только это и нужно.

— Что вы, что вы!—накинулись на него со всѣхъ сторонъ.—Одна религія—одинъ духъ, одинъ духъ—одна мысль, одна воля, одинъ разумъ. Только религіей держится единство государства. Нѣтъ, какъ можно... Нужно единеніе!..

— Само собой...

Спорили всѣ одновременно. Никто никого не слушалъ. Въ низенькой, маленькой комнаткѣ о. Василія стоялъ хаосъ отъ кипящихся людей и гула голосовъ. Болѣе всѣхъ горячился красивый о. Юрій и семинаристы...

Я рѣшилъ пойти на собесѣдованіе, чтобы послушать, какъ извѣстный миссіонеръ будетъ объединять людей на пользу государства «единымъ духомъ, и единымъ разумомъ».

II.

Когда я пришелъ на другой день въ православную церковь, гдѣ было назначено собесѣдованіе, тамъ было уже полно народу. Въ переднихъ рядахъ сидѣли на скамейкахъ и стульяхъ, въ заднихъ—все сбилось въ одну плотную массу. Всѣ большія окна съ желѣзными рѣшетками, даже приставленная къ стѣнѣ высокая и широкая лѣстница—были унизаны народомъ. Тамъ прицѣпилась большею частью молодежь—парни и дѣвицы. Публика толпилась во всѣхъ проходахъ и выходахъ, биткомъ набиты были оба клироса. Тамъ главнымъ образомъ было духовенство.

На амвонѣ былъ установленъ большой столъ и на немъ лежали цѣлыя кипы книгъ въ старинныхъ кожаныхъ переплетахъ. Книги были разной величины, но преобладали толстыя, огромныя, каждая не менѣе полупуда вѣсомъ. Все это выглядѣло внушительно...

Передъ амвономъ, внизу, словно прижимаясь къ большому столу, стоялъ маленькій столъ и стулъ. Это для начетчика.

За большимъ столомъ уже давно сидѣлъ помощникъ миссіонера, молодой человѣкъ монашескаго вида съ блѣднымъ аскетическимъ лицомъ и темными голубыми глазами. Самъ о. миссіонеръ много разъ выходилъ изъ алтаря и снова входилъ въ него. Это былъ огромнаго роста мужчина лѣтъ подъ семьдесятъ, крѣпкій, упитанный, здоровый. Темная ряса его довольно замѣтно поднималась на большомъ животѣ, а огромная борода сѣдыми гу-

стыми космами покрывала всю широкую мощную грудь, украшенную золотымъ наперснымъ крестомъ. Уже однимъ видомъ своимъ о. миссіонеръ производилъ внушительное впечатлѣніе. Казалось, это былъ не современный человѣкъ, а пришлецъ какого-нибудь IX вѣка, когда люди были крѣпки, какъ тѣ дубы, подъ которыми они приносили свои жертвы и отправляли религіозныя требы.

Его, видимо, разбирало нетерпѣніе.

— Вѣдь вотъ,—обратился онъ наконецъ къ публикѣ, оперпшись на столъ кистями рукъ. — Пора начинать бесѣду, а его нѣтъ. И вотъ всегда такъ. Постоянно лгётъ. Вы не вѣрьте ему, господа казаки, онъ васъ обманываетъ. Вы посмотрите, какъ онъ будетъ извиваться. Прямо никогда не отвѣтитъ, пойдетъ нести околесину. Не вѣрьте ему, господа казаки.

Говорилъ о. миссіонеръ своимъ особеннымъ говоромъ—типичнаго великорусса-провинціала, сильно напирая на «о» и выговаривая вмѣсто «е»—«ё», какъ, напримѣръ,—ёго вмѣсто его, бёсѣда вмѣсто бесѣда, отчего рѣчь его, сильная, выразительная, еще болѣе выигрывала въ выразительности. Онъ будто не выговаривалъ слова, а бросалъ ихъ въ толпу сверху внизъ, и они падали и производили сильное впечатлѣніе.

Прошло еще минутъ пятнадцать-двадцать. Публикой тоже начинало овладѣвать нетерпѣніе: Да что же онъ не идетъ? То и дѣло головы поворачивались назадъ.

Наконецъ, раздались голоса:

— Идетъ! Идетъ!

Сквозь толпу, которая при этомъ сильно зашевелилась, пробирался, шагая по скамьямъ, еще довольно молодой человѣкъ съ рыженькой козлиной бородкой и очень узко и глубоко всаженными пепельными глазами, сухощавый и нѣсколько сутуловатый. Одѣтъ онъ былъ въ сѣрый, русскаго покроя кафтанъ со множествомъ складочекъ на поясницѣ.

За нимъ четыре человѣка съ трудомъ несли два чемодана съ книгами.

— Ты чово-жъ!—грубо встрѣтилъ его о. миссіонеръ.—Одиннадцать часовъ! Народъ собрался, а ёго нѣтъ!

— Очки забылъ.

— Очки-и! У тея вѣчно что нибудь! То очки, то еще чего! Только народъ томишь! Все на лжи! Все у него на лжи! Три дня тебя жду,—отчего не пріѣзжалъ? Постойте, —обратился о. миссіонеръ къ публикѣ:—какъ онъ начнетъ васъ морочить... Погодите.

Начетчикъ, привыкшій, видимо, къ подобнаго рода грубостямъ, не обращалъ на нихъ никакого вниманія, а быстро и ловко вынималъ книги изъ чемодановъ и устанавливалъ ихъ на столѣ вверхъ корешками. Книги, случалось, разваливались и падали на полъ, онъ поднималъ и снова ставилъ.

— Ну, скоро ты?—нѣсколько разъ грубо бросалъ ему о. миссіонеръ.—Поскорѣй.

Тотъ дѣлалъ свое, ни на кого не глядя.

— Ну, ты-ы! Скорѣй!

— Успѣешь, отецъ Ксенофонтъ!

— Успѣ-ѣешь. Народъ томишь! Тогда тея ждали, теперь...

— Ну, вотъ и готово...

— То-то готово!..

Пропѣли молитву, обратясь къ алтарю. Началась „бесѣда". Началъ о. миссіонеръ.

— Вотъ, почтенное собраніе, сегодня у насъ будетъ собесѣдованіе о церкви. Читай.

„Церковь во епископѣ и епископъ въ церкви. Безъ епископа же нѣсть церкви",—прочелъ аскетическій молодой помощникъ съ голубыми глазами.

— Такъ вотъ, почтенное собраніе: церковь во епископѣ и епископъ въ церкви, безъ епископа же нѣсть церкви. У васъ 180 лѣтъ не было епископовъ, значитъ—не было церкви. Сами ваши лжеепископы признаютъ, что не было епископовъ, какъ, напримѣръ, лжеепископъ Усовъ, бывшій черниговскій крестьянинъ, въ своей книгѣ.

Аскетическій молодой человѣкъ привелъ выдержку изъ книги Усова.

— Такъ вотъ. Пусть теперь мой собесѣдникъ отвѣтитъ: можетъ ли вся вселенская Христова церковь остаться безъ епископовъ? Пусть отвѣтитъ. Но я напередъ скажу: умретъ—не отвѣтитъ! Будетъ ходить вокругъ да около, а на вопросъ не отвѣтитъ. Ну, вотъ, вставай, отвѣчай! Да прямо на вопросъ: можетъ ли вся вселенская Христова церковь остаться безъ епископовъ? Да не тяни ты, не виляй, прямо отвѣчай!

О. миссіонеръ грузно сѣлъ, облокотясь на столъ. И сидя онъ все-таки былъ большой.

Всталъ начетчикъ. До тѣхъ поръ онъ молча сидѣлъ на своемъ стульцѣ, ни на кого не глядѣлъ и въ самыхъ интересныхъ мѣстахъ улыбался.

— Добрые слушатели!—началъ онъ высокимъ теноркомъ, осѣнивъ себя широкимъ крестомъ.—Мой почтенный собесѣдникъ, о. Ксенофонтъ, упрекалъ насъ, старообрядцевъ, что у васъ-де не было епископовъ. На это ему скажемъ: евреи хвалятся обрѣзаніемъ, а еретики епископствомъ. Мы-де лучше васъ, у насъ есть епископъ, а у васъ нѣтъ. Такъ могутъ хвалиться только еретики.

Онъ взялъ одну изъ книгъ и прочелъ въ ней: „Евреи хвалятся обрѣзаніемъ, а еретики епископствомъ".

И продолжалъ далѣе:

— Потомъ о. Ксенофонтъ иронію пустилъ: вашъ епископъ крестьянинъ. Это Усовъ-то! Да ты-то кто, о. Ксенофонтъ?—повернулся онъ къ о. миссіонеру.—Въ какой гимназіи, въ какомъ университетѣ обучался? Тоже мужикомъ былъ, шкурами торговалъ,

шкурятникъ былъ, шабай. Помнишь, какъ ты кожи волочилъ по базару? А теперь поди: синодальный миссіонеръ!

Въ публикѣ смѣхъ.

— Потомъ: упрекаютъ насъ, что у васъ-де не было епископовъ. Да развѣ же мы виноваты въ этомъ? Это какъ у дѣтей отняли бы отца, а потомъ бы ихъ попрекали: вы-де безотцовщина! Да развѣ на васъ наготовишься епископовъ-то?—повернулся вплотную къ о. миссіонеру начетчикъ:—мы добудемъ себѣ епископа, а вы его спалите! Вѣдь вы нашихъ двухъ епископовъ спалили!..

Публика смѣется. Суровыя, бородатыя лица старовѣровъ свѣтлѣютъ...

— Теперь: вы вотъ, о. Ксенофонтъ, спрашиваете: можетъ ли вся вселенская Христова церковь остаться безъ епископовъ? Скажу вамъ прямо: можетъ.

И онъ сталъ, цитируя мѣста изъ книгъ, приводить примѣры изъ исторіи, когда церковь оставалась безъ епископовъ. Такъ, например, когда Христосъ воскресъ, а апостолы не повѣрили этому: въ тотъ моментъ церковь осталась безъ епископовъ. Да, наконецъ, наличность епископовъ не есть еще признакъ истинности церкви: „Вотъ латинская церковь: епископы не переводятся, а церковь еретическая“... И опять онъ приводилъ цитаты изъ книгъ, опровергая положеніе о. Ксенофонта о томъ, что есть истинная церковь, и давая свои, т. е. изъ цитатъ же, опредѣленія этой истинности. Цитатъ было такое множество и изъ такого множества книгъ онѣ приводились и въ такомъ безпорядкѣ, что у меня голова трещала.

Мнѣ казалось, что я попалъ въ общество людей, которые не могутъ мыслить своими мыслями; логикѣ, здравому смыслу здѣсь нѣтъ мѣста, — все замѣнили цитаты, чужія мысли, даже кусочки мыслей.

— Вѣдь вотъ, почтенное собраніе,—говорилъ въ свою очередь миссіонеръ, когда пришла его очередь:—вѣдь онъ лгётъ. Онъ васъ обманываетъ! Онъ не все прочиталъ. Возьми всего двумя строками выше—совсѣмъ не то будетъ. Ну-ка, возьми.

Аскетическій помощникъ бралъ двумя строчками выше мѣста, гдѣ читалъ начетчикъ, и мысль, приведенная *такимъ образомъ*, получала совершенно иной смыслъ и значеніе. Брали другую мысль—и то же самое.

— Вѣдь вотъ,—накидывался о. миссіонеръ на начетчика:— ты лгешь! Ты не все прочиталъ! Ты оболгалъ святого! Онъ вѣдь вотъ что сказалъ, а ты какъ прочелъ? У-у, безстыжіе твои глаза... Ты самого Христа оболгалъ! Быть тебѣ въ аду, окаянный!.. Вотъ за это тебя бѣсы возьмутъ и поволокутъ въ адъ...

Начетчикъ между тѣмъ сидѣлъ себѣ на своемъ стульцѣ, согнувшись, и посмѣивался. А, когда приходила очередь говорить ему, въ такомъ же извращеніи мыслей святыхъ онъ уличалъ миссіонера.

— Ты, о. Ксенофонтъ, прочесть-то прочелъ, да не все. Прочти-ка дальше на одну строчку. Вотъ смотри.

Онъ читалъ И мысль, продолженная, опять получала иной смыслъ и значеніе, такъ что начетчикъ оказывался правъ.

— Это тебя, о. Ксенофонтъ, бѣсы въ адъ поволокутъ. Это ты Христа оболгалъ. Вотъ схватятъ те бѣсы за ноги и поволокутъ...

Споръ, начавшись въ 11 часовъ утра, продолжался до самаго вечера, такъ что въ концѣ концовъ зажгли свѣчи. И все время цитаты, цитаты, препирательства, уличеніе другъ друга въ искаженіи смысла писанія. Публика, спутанная и сбитая съ толку массой цитатъ, стала просить о прекращеніи преній. Всѣ сильно устали. Хотѣлось на свѣжій воздухъ.

— Что жъ, кто не хочетъ—уходи!—грубо бросилъ миссіонеръ.— Не держимъ. Безъ васъ обойдемся. Хочешь—слушай, не хочешь—ступай!

Но въ концѣ концовъ все-таки прекратилъ споръ.

Уходя вмѣстѣ съ другими домой, я уносилъ странное впечатлѣніе. Весь этотъ людъ собрался для выясненія истины, каждая душа жаждетъ истины, но вмѣсто этого на мысль публики набрасываютъ какую-то сѣть единственно для уловленія въ свое стадо. Во всемъ этомъ сквозило явное презрѣніе къ слушателямъ, которымъ вмѣсто хлѣба бросали камень. Особенно это чувствовалось въ поведеніи миссіонера, который своей грубостью будто говорилъ:

— Дураки!

Я рѣшилъ однако пойти и на другой день, желая испить чашу до дна.

III.

Народъ валомъ валилъ въ церковь, какъ и вчера. Церковь была биткомъ набита. Лица, бороды, полушубки, куртки, плечи, груди, женскіе платки,—все слилось въ одну компактную массу. И во всѣхъ лицахъ, во всѣхъ глазахъ—одна просящая мысль: „Дайте истину... Устраните сомнѣнія“.

Миссіонеръ, какъ и вчера, занялъ самое видное мѣсто—на амвонѣ за столомъ. Начетчикъ сиротливо прижался внизу у своего маленькаго столика.

Миссіонеръ держалъ рѣчь:

— Такъ вотъ, почтенное собраніе: сами раскольничьи лжеепископы признаютъ, что ихъ церковь 180 лѣтъ была безъ епископовъ... А безъ епископовъ церковь, какъ сказано,—вдова. Епископы признаются глазами церкви. (Аскетическій помощникъ подтверждалъ положенія о. миссіонера соотвѣтственными цитатами). Такъ вотъ, эта церковь была безъ глазъ,—слѣпая, кривая. Вдовате кривая. Тамъ еще говорится, что она—хромая. Ну, эту вотъ вдову, кривую, хромую,—надо было замужъ выдать. Епископа

надо было ей найти, жениха-те, который бы женился на ней. У нашей православной Христовой церкви женихъ—самъ Христосъ. Наша церковь, какъ сказано,—дѣва чистая. Эта—вдова. Ну, ей, вдовѣ,—замужъ хоцца. Надо выдать. Но кто этакую возьметъ? Кривая, слѣпая, объ одной ногѣ. Сто восемьдесятъ лѣтъ вдовою, а дѣтей рожать! Откуда дѣти? Какъ можетъ вдова родить? Ясно,—дѣти незаконныя... Безобразница-те хромая.

— И вотъ начали сватать за эту вдову. На хорошую невѣсту женихи сами найдутся, а этакую безобразницу кто возьметъ? Она сама набивается, ищетъ, безстыдница-те... Кому она нужна, спрашивается? Кто на ней женится? Ясно,—коли женится, то на деньгахъ...

— И вотъ посылаетъ сватовъ. У нашей православной Христовой церкви поручители—св. апостолы. У этой—Павелъ и Олимпій. Вотъ эти Павелъ и Олимпій были сватами. Они отправились въ Константинополь и тамъ стали сватать за свою слѣпую безобразницу митрополита Амвросія. Онъ былъ тогда лишенъ кафедры, за штатомъ былъ. Его и стали сватать. Видѣлись они сначала въ его домѣ, потомъ сватовство,—о. миссіонеръ особенно подчеркнулъ слово „сватовство“,—потомъ сватовство происходило въ корчмѣ у одной жидовки, вышедшей изъ Россіи. Сынъ этой жидовки (о. миссіонеръ опять подчеркивалъ слово—жидовка), Рувимъ, знающій по-турецки и по-гречески, былъ между ними переводчикомъ. Такъ вотъ гдѣ происходило сватовство,—въ корчмѣ-ѣ! Вотъ кто былъ переводчикомъ,—жи-идъ! Сватомъ-те...

— Амвросій сначала не сдавался. Но у него былъ сынъ, Георгій, человѣкъ семейный и бѣдный. Черезъ него и повели Павелъ и Олимпій свое сватовство... Долго еще Амвросій не сдавался, потомъ сдался. Ладно, молъ, хоть плоха-те невѣста, но ладно, возьму. Хоть и слѣпая, и хромая, и объ одной ногѣ,—за то богатая, возьму...

О. миссіонеръ даже рукой махнулъ...

Часть публики, по преимуществу „церковные“—хихикала, но меня коробило отъ нарисованной миссіонеромъ пошлой картины.

Всталъ начетчикъ.

— Добрые слушатели! И сегодня, какъ и вчера, о. Ксенофонтъ попрекалъ нашу истинную Христову церковь, что у нея не было 180 лѣтъ епископовъ. Да, не было. Сами вы спалили нашихъ двухъ епископовъ.

— Какихъ же двухъ?—возразилъ о. миссіонеръ.

— Павла Коломенскаго...

— Ну, Павла Коломенскаго одного... Это правда. Такъ подобное бывало и въ древніе вѣка христіанства. Служилъ епископъ св. литургію, пришелъ ко храму волхвъ и сталъ поносить святую церковь. Епископъ оставилъ служить литургію, вышелъ, сжегъ волхва на кострѣ, потомъ вошелъ въ храмъ и докончилъ обѣдню. Ты знаешь это?

— Знаю. Но то волхвъ, еретикъ.

— И это еретикъ.

— Нѣтъ, не еретикъ, а истинный. А вы еретики и спалили двухъ епископовъ...

— Какихъ же двухъ? Павла Коломенскаго одного.

— А Іова, въ Кавказской?

— Голова садова... Да нешто мы его живого, вѣдь его мертваго спалили!..

Въ публикѣ смѣхъ.

Такой случай, дѣйствительно, былъ и не въ какомъ-нибудь XV—XVII столѣтіи. а въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія, всего лѣтъ 10—15 тому назадъ. Жилъ въ монастырѣ при станицѣ Кавказской старообрядческій епископъ Іовъ. Жилъ и умеръ. Пріѣхалъ нѣкій миссіонеръ, вырылъ его прахъ и сжегъ на кострѣ. Если не ошибаюсь, этотъ миссіонеръ занимаетъ нынѣ епископскую кафедру...

Далѣе начетчикъ старался опровергнуть слова миссіонера:

— О. Ксенофонтъ говоритъ, что переводчикомъ былъ Рувимъ, сынъ еврейки. Неправда. Переводчикомъ былъ сербъ Огняновичъ, человѣкъ православный, жидомъ же сдѣлали его наши недобросовѣстные отечественные писатели для своихъ полемическихъ цѣлей. Это говоритъ нашъ русскій свѣтскій писатель Мельниковъ-Печерскій.

Начетчикъ привелъ мѣсто изъ Мельникова.

— Да, и сербъ,—согласился о. миссіонеръ.—Жидъ и сербъ. Ихъ было двое.

— Но зачѣмъ же ты про серба умолчалъ, о. Ксенофонтъ? То-то...

— Далѣе. Зачѣмъ о. Ксенофонту понадобился разговоръ о свадьбѣ? Къ чему это? А вотъ къ чему. О. Ксенофонту охота жениться на старости лѣтъ, а жениться нельзя: попадья еще жива. Такъ онъ хоть поговоритъ о свадьбѣ...

Въ публикѣ весело засмѣялись.

— Потомъ, о. Ксенофонтъ говоритъ, что Амвросія сватали въ корчмѣ. Откуда это? Вотъ откуда: профессоръ Субботинъ, написавшій исторію австрійской церкви, говоритъ, что ему объ этомъ разсказывалъ какой-то Пушичкинъ. Кто онъ такой? Неизвѣстно. Какой-то Пушичкинъ, и все тутъ. Ну, а мнѣ разсказывалъ Клюшичкинъ, что о. Ксенофонта, когда онъ шкуры по базару волочилъ, тоже уговаривали въ кабакѣ, чтобъ онъ сталъ миссіонеромъ. Иди, говорятъ, дадимъ тебѣ хорошее жалованье. Теперь ты шкурятникъ, шабай, а то будешь синодальнымъ миссіонеромъ.

Публика хохотала. О. миссіонеръ сидѣлъ за своимъ столомъ и багровѣлъ. Широкое лицо его казалось еще шире, на лбу вздувалась синяя жила. Онъ то и дѣло утиралъ платкомъ катившійся потъ.

— Такъ вотъ: Субботину говорилъ Пушичкинъ, а мнѣ говорилъ Клюшичкинъ... отца дескать Ксенофонта сосватали въ кабакѣ.

— Врешь ты!—не вытерпѣлъ миссіонеръ.—Ни въ какомъ кабакѣ меня не сватали и миссіонеромъ я сталъ не сразу.

— Не перебивай, о. Ксенофонтъ. Я тебя не перебивалъ, когда ты говорилъ.

— А ты не ври.

— Не вру, а правду говорю.

— Правду... Тоже... Извѣстно, мужикъ необразованный. Мужикъ—по мужицки и поступаетъ. Хамъ!

Между ними началась перебранка. Обзывали другъ друга мужиками, хамами, лгунами...

— Подумаешь, бѣлая кость,—иронизировалъ миссіонеръ. — Какъ же... «Я не кто-нибудь,—столбовой дворянинъ».

Начетчикъ не оставался въ долгу и въ свою очередь язвилъ миссіонера.

Публика хохотала до слезъ.

Потомъ «собесѣдники» снова перешли на исторію австрійской церкви и на епископа Амвросія. Миссіонеръ доказывалъ, что Амвросій «продался», принимая кафедру въ Бѣлой Криницѣ. Начетчикъ оправдывалъ Амвросія, а что касается червонцевъ, которые взялъ Амвросій, то это просто на просто жалованье, такое же, какъ получаетъ онъ, миссіонеръ, и всякій служащій. Обѣ стороны доказывали правильность своихъ доводовъ документально—ссылками на соотвѣтственныя мѣста въ книгахъ. Приводились большія выдержки, письма, между прочимъ, письмо Георгія, сына Амвросія, къ Олимпію, гдѣ Георгій жаловался, что его обманули: пообѣщали много и не дали. Письмо Георгія, полное ругательствъ и проклятій, такъ понравилось аскетическому молодому человѣку съ темными глазами, что онъ нѣсколько разъ перечитывалъ его, смакуя особенно конецъ:

«И чтобъ ты на смертномъ одрѣ кричалъ и ревѣлъ, какъ собака».

Начетчикъ въ свою очередь укорялъ въ корыстолюбіи православное духовенство...—словомъ, какъ говорили въ толпѣ, «выворачивалась на изнанку вся подоплека». Въ концѣ концовъ въ церкви поднялась сплошная ругань. Спорили яростно, все обмѣниваясь цитатами, даже и поносили другъ друга отъ писанія: сатана, діаволъ, сѣмя вражіе, адъ, преисподняя, проклятіе и тому подобныя кроткія словеса были произнесены столько разъ и съ такой яростью, что становилось жутко въ церкви среди сумерекъ вечера. Мнѣ казалось, что передъ амвономъ, куда падали всѣ эти слова и проклятія, разверзлась зіяющая бездна и изъ нѣдръ ея хлынули темные призраки темнаго прошлаго, давно позабытые, и кружатся, и скрежещутъ зубами, и наполняютъ воздухъ тлетворнымъ дыханіемъ вражды и злобы.

Я не помню, какъ дошелъ домой. И въ душѣ у меня какимъ-то

рѣзкимъ, непріятнымъ диссонансомъ звучали слова аскетическаго помощника:

— Вотъ показываютъ тебѣ истину: вѣрь и спасешься...

IV.

Но все же я пошелъ и на третью бесѣду.

На этотъ разъ рѣчь шла о «двоеперстіи» и «троеперстіи». Опять цитаты, выдержки изъ книгъ. Тѣ же извращенія мысли, уклоненія въ сторону, накидываніе сѣтей, колкости и остроты, экскурсіи въ многовѣковую христіанскую литературу, разросшуюся передъ моими глазами въ цѣлый океанъ. Это была безконечная перспектива пройденныхъ вѣковъ, въ которой такъ же точно спорили ожесточенные люди, во имя истины проклиная другъ друга и вызывая на головы противниковъ адъ и тьму.

Споръ былъ въ полномъ разгарѣ.

— Чѣмъ крестится о. Ксенофонтъ?—выкрикивалъ рыженькій, съ козлиной бородкой начетчикъ, высоко поднявъ надъ головою правую руку съ двумя сложенными перстами; и отвѣчалъ, раздвинувъ пальцы:—о. Ксенофонтъ крестится козлиными рогами!

— Чѣмъ крестится о. Ксенофонтъ?—опять вопрошалъ онъ; и отвѣчалъ:—О. Ксенофонтъ крестится армянскимъ кукишемъ. Чѣмъ крестится о. Ксенофонтъ? Адовыми вратами! Чѣмъ крестится? Сѣдалищемъ сатаны! И онъ еретикъ! И проклятъ! Куда онъ пойдетъ? Въ удѣлъ сатанѣ! Гдѣ ему мѣсто уготовано? Въ аду! Въ аду ему мѣсто! Вотъ гдѣ тебѣ мѣсто, о. Ксенофонтъ! Вотъ гдѣ тебѣ квартерка-те! Въ аду-у! Въ аду тебѣ квартерка! Тепленькая!..

Такими и подобными эпитетами клеймили неукротимые «православные» писатели былого времени двоеперстіе и его сторонниковъ. Послѣ была образована «единовѣрческая» церковь, въ которой были допущены всѣ обряды старообрядцевъ и въ томъ числѣ двоеперстіе, но она была подчинена духовной власти синода и православныхъ епископовъ. Теперь всю хулу, которая изрекалась на старообрядцевъ, начетчикъ обращалъ отъ имени господствующей церкви на единовѣрцевъ... О. Ксенофонтъ—послѣдователь единовѣрія.

Онъ защищался:

— Ахъ, ты, голова, голова садова. Да вѣдь то когда было? Когда проклинали двоеперстіе? Давно. Въ семнадцатомъ столѣтіи. Проклинали тѣхъ людей, которые тогда жили. А когда образована единовѣрческая церковь? Ну-ка, скажи. Сто лѣтъ спустя. Такъ какъ же? Можетъ проклятіе относиться къ намъ? Ну-ка... Ахъ, ты, голова твоя умная... Не вѣрьте ему, господа казаки. Онъ васъ заморочитъ. Ты пошелъ бы мужиковъ морочить, это тамъ ты можешь, а здѣсь тебѣ не удастся, здѣсь казаки, люди военные...

— Ладно ужъ...—злорадствовалъ начетчикъ.—Забрался въ ловушку, ну, и сиди въ ней.

Какой-то изъ церковныхъ писателей назвалъ единовѣрческую церковь ловушкой, преддверіями православной церкви, для «уловленія» старообрядцевъ. Начетчикъ подхватилъ это слово и придалъ ему грубый, вульгарный смыслъ:

— Ловушка. Забрался въ нее и сиди, какъ мышь.

Опять пошли препирательства, остроты, грубости и ругань «отъ писанія», вродѣ: «вставай, Пилатъ, казни церковь»; «нѣтъ, это ты, о. Ксенофонтъ, сѣмя вражіе»; «это тебя черти въ адъ поволокутъ»; «это въ тебѣ нечистый духъ сатаны»... Бѣсы, діаволъ, чортъ, сатана, проклятый, еретикъ—какъ и вчера, завертѣлись въ пылу спора. А листы книгъ шуршали, перелистывались, и оттуда изрыгались все новыя ругательства. Былъ вечеръ, и въ церкви стояли сумерки, и кошмаръ носился подъ темнѣющими сводами...

И воображеніе невольно рисовало картины изъ далекаго прошлаго. Ночь. Огромный дубъ на курганѣ, и подъ дубомъ костеръ, освѣщающій мерцающимъ свѣтомъ окружающее пространство. Вокругъ кургана—цѣлыя сонмища народа, а среди него, у костра, огромный косматый волхвъ распростеръ руки, изрекаетъ заклятія. Тѣни ночи вьются надъ костромъ и надъ сонмищами людей и скрежещутъ...

Когда я очнулся,—надо мною, какъ труба, гремѣлъ голосъ миссіонера, повторявшаго слова, которыя читалъ аскетическій помощникъ изъ библіи. Слова, какъ ядра, падали въ толпу и били ее:

— Если же не будешь слушать гласа Господа Бога твоего и не будешь стараться исполнять всѣ заповѣди Его и постановленія, то придутъ на тебя всѣ клятвы сіи и постигнутъ тебя. Проклятъ ты будешь въ городѣ и проклятъ будешь въ полѣ! Прокляты житницы твои и кладовыя твои! Проклятъ плодъ чрева твоего и плодъ земли твоей, плодъ твоихъ воловъ и овецъ твоихъ! Проклятъ ты при входѣ твоемъ въ храмъ и проклятъ при выходѣ! Пошлетъ на тебя Господь проклятіе, смятеніе и несчастіе во всякомъ дѣлѣ рукъ твоихъ, какое ни станешь ты дѣлать! Поразитъ тебя Господь чахлостью, горячкою, лихорадкою, воспаленіемъ, засухою, палящимъ вѣтромъ и ржавчиною, и они будутъ преслѣдовать тебя, доколѣ не погибнешь! И небеса твои, которыя надъ головою твоею, сдѣлаются мѣдью и земля подъ тобою желѣзомъ!

Нѣсколько мгновеній толпа стояла, словно оглушенная. Потомъ поднялся невообразимый шумъ и гамъ. Нѣсколько человѣкъ сразу порывались говорить. Священники съ миссіонеромъ во главѣ демонстративно встали и запѣли молитву.

— Дайте слова!—кричали въ толпѣ.

— Дайте слова! Два слова!

— Одну минуту дайте!—кричалъ начетчикъ, ставъ на стулъ.

Слова не дали, и толпа въ возбужденіи хлынула изъ церкви, давясь въ тѣсныхъ проходахъ. Возбужденіе радіусами расходилось по всей огромной станицѣ, достигая отдаленнѣйшихъ ея уголковъ.

На дворѣ стояла темная осенняя ночь...

V.

На другой или на третій день послѣ «собесѣдованія» я встрѣтилъ учительницу. Разговоръ тотчасъ же перешелъ на бесѣду.

— Ну, какъ?—спрашиваю.

— Бѣда!

— Что такое?

— Дѣвчонки мои разбились на двѣ партіи. Однѣ говорятъ: вы проклятыя, а тѣ—вы проклятыя. Слезы, чуть не драки, бѣгутъ ко мнѣ жаловаться...

А мой квартирный хозяинъ, заматерѣлый старовѣръ, бросилъ мнѣ съ ненавистью:

— Если такъ насъ оскорбляютъ, бросимъ все и уйдемъ за границу. Будемъ лучше султану служить...

Вся станица, грозя, потрясала кулаками вслѣдъ уѣхавшему о. миссіонеру.

Это было еще въ 1904 году. Съ этихъ поръ я слѣдилъ за духовными успѣхами о. Ксенофонта Крючкова.

Съ Кавказа онъ перебросился въ Пермь. Оттуда въ Черниговъ, изъ Чернигова въ Ставрополь, въ Сибирь, во всѣхъ концахъ Россіи кидая свои тяжелыя, какъ камни, слова, и всюду вызывая однѣ и тѣ же чувства.

Какія?—Это я и старался описать въ этомъ безхитростномъ снимкѣ съ натуры.

Л. Ефимовичъ.

Армандо Паласіо Вальдесъ.

I.

По общепринятому мнѣнію, мы переводимъ рѣшительно все, а между тѣмъ, вопреки столь лестному для нашей любознательности мнѣнію, въ Россіи не имѣютъ даже представленія объ одномъ изъ самыхъ крупныхъ и оригинальныхъ современныхъ беллетристовъ, пишущемъ вотъ уже тридцать лѣтъ. Срокъ, какъ видите, не малый. Я говорю объ Армандо Паласіо Вальдѐсѣ, пользующемся широкою и вполнѣ заслуженною извѣстностью не только въ Италіи, но во Франціи, Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ. Паласіо Вальдесъ принадлежитъ къ поколѣнію беллетристовъ, выступившихъ лѣтъ на четырнадцать раньше Бласко Ибаньеса. Родился онъ въ 1855 году. Началъ писать онъ очень рано, но не какъ беллетристъ, а какъ критикъ. Вальдесу не было еще 25 лѣтъ, когда за нимъ числились уже книги «Los Novelistos Espanoles», «Los Oradores del Ateneo» и «Nuevo Viaje al Parnaso». Журналы отмѣтили тогда тонкій анализъ автора, большую эрудицію, остроуміе и, что въ Италіи рѣдко, сильное вліяніе на Вальдѐса Гегеля. «Испанскій умъ прежде всего практическій, даже въ наиболѣе сильныхъ своихъ заблужденіяхъ,—говоритъ профессоръ саламанкскаго университета Мигель де-Унамуно.— Въ складѣ испанскаго ума нѣтъ ничего метафизическаго. Даже наиболѣе глубокіе мистики наши по существу своему матеріалисты» *). Это очень глубокое замѣчаніе, вѣрность котораго оцѣнитъ всякій, занимающійся испанской литературой. Въ Паласіо Вальдесѣ мы имѣемъ своего рода исключеніе: испанскаго автора съ метафизическимъ философскимъ складомъ ума. Молодой писатель интересовался одно время юриспруденціей и готовился даже занять видный постъ, но скоро совершенно охладѣлъ къ ней. Паласіо Вальдесъ—очень состоятельный человѣкъ и поэтому онъ былъ совершенно свободенъ въ выборѣ карьеры по своему призванію. Въ романѣ Вальдеса **Тристанъ или пессимизмъ** есть мѣсто, которому историкъ современной испанской литературы Гонаслесъ Бланко придаетъ автобіографическое значеніе: «Если ты, Тристанъ, поэтъ,

*) «Espana Moderna», III, 1907.

если ты можешь спокойно отдаваться созерцанію красоты и облекать въ стройную форму твои идеалы и сны, то ты обязанъ этимъ отцу, пожертвовавшему своими идеалами и снами, чтобы собрать капиталъ... Онъ тоже былъ поэтъ. У него тоже былъ талантъ, но родился ты, и отецъ твой понялъ, что лира не можетъ прокормить васъ. Онъ забросилъ ее далеко и принялся за работу. Благодаря гроссбуху, меморіалу и другимъ прозаическимъ книгамъ подобнаго рода, глубоко презираемымъ тобою, ты имѣешь теперь возможность развлекаться другими книгами, болѣе интересными. Счастливъ тотъ, кому въ юности не приходится бороться за существованіе и кто можетъ свободно наслаждаться сокровищами поэзіи, которыми Провидѣніе надѣлило его!» *)

Критическія статьи Вальдеса отличаются, какъ я сказалъ, остроуміемъ и тонкостью отдѣлки. У автора очень не лестное мнѣніе о литературной республикѣ. «Самая главная трудность, которую приходится преодолѣть новому писателю, заключается въ томъ, чтобы убѣдить своихъ коллегъ, что онъ глупъ,—говоритъ Вальдесъ.—Жандармы литературной республики очень подозрительны. Иногда проходятъ годы, покуда стражи эти выдадутъ свидѣтельство о благонамѣренности, убѣдившись въ полной глупости автора. Но, разъ свидѣтельство выдано, стѣны падаютъ, горы сравниваются, рѣки высыхаютъ и авторъ, заручившійся драгоцѣннымъ документомъ, проникаетъ въ душистые сады лести и взбирается на самыя завидныя вершины. Онъ шествуетъ съ тріумфомъ впередъ, внимая хору газетныхъ херувимовъ, воспѣвающихъ его славу» **). «Съ писателями, захваленными печатью, случается то же самое, что съ избалованными дѣтьми. Когда ихъ оставляютъ однихъ и не обращаютъ на нихъ вниманія, они ужасно огорчаются. Дѣти ревутъ, какъ оглашенныя, а писатели бросаются въ погоню за вниманіемъ и пишутъ тогда цѣлый рядъ пустяковъ, которые намъ всѣмъ такъ хорошо извѣстны» ***). «Былъ разъ святой, прикинувшійся дуракомъ, чтобы надъ нимъ потѣшались. Такимъ образомъ онъ думалъ добиться царства небеснаго. Способъ этотъ мнѣ кажется незамѣнимымъ также и въ томъ случаѣ, если есть намѣреніе добиться успѣха на землѣ».

Въ 1881 году Паласіо Вальдесъ напечаталъ свой первый романъ «El Senorito Octavio», носящій подзаголовокъ «романъ безъ трансцендентальной мысли». Романъ успѣха не имѣлъ; надо признаться, что онъ слабъ, хотя авторъ проявляетъ въ немъ наблюдательность и большой юморъ. Во второмъ романѣ «Marta y Maria» Вальдесъ находитъ уже собственный стиль. Въ ро-

---

*) «Fristan ò el Pesimismo, III, paginas 33—34.

**) «A. Palacio Valdes», «Papeles del Doctor Angélico», Madrid, 1911 p. 264.

***) ib. p. 262.

манѣ этомъ мы имѣемъ яркій и характерный для Испаніи типъ фанатички, которую пламенная вѣра можетъ толкнуть на самое страшное преступленіе. Съ тѣхъ поръ Вальдесъ написалъ еще пятнадцать большихъ романовъ и одинъ сборникъ разсказовъ («Aguas fuertas»). Въ литературномъ багажѣ Вальдеса имѣются такія перво-классныя произведенія, какъ «La Hermana San Sulpicio», «La Fe», «La Espuma», «Tristan» и «El Origen del Pensamiento», которыя явились бы украшеніемъ самой богатой литературы. Передъ нами, прежде всего, реалистъ «бытовикъ». «Сестра Санъ Сульписіо» считается на родинѣ Вальдеса лучшимъ изображеніемъ андалузской женщины. «Паласіо Вальдесъ всегда проявлялъ особый талантъ выпукло изображать женскіе характеры,—говоритъ ученый историкъ современнаго испанскаго романа.—Но никогда его талантъ въ этомъ отношеніи не проявлялся съ такою силою, какъ въ изображеніи сестры Санъ Сульписіо. «La Hermana San Sulpicio» лучшій женскій типъ Вальдеса. Мало испанскихъ романистовъ дали намъ типы, которые пользовались бы такою широкою извѣстностью. Нѣтъ въ Испаніи грамотнаго человѣка, который не зналъ бы сестру Санъ Сульписіо. Мы всѣ видимъ ее постоянно передъ собою» *): Главная героиня романа—молодая монахиня, давшая обѣтъ на пять лѣтъ. Не смотря на рясу, сестра Санъ Сульписіо сохраняетъ врожденную живость, веселость и остроуміе андалузки. Въ маленькомъкурортѣ, чтобы оживить лечащуюся тамъ настоятельницу и немногихъ больныхъ, монахиня, щелкая кастаньетами, танцуетъ сегидилью и поетъ «copla» (куплетъ), въ которомъ очень мало духовнаго:

A mi suegra, de coraje,
le he echao una maldicion:
que se le pierda su hijo
y que me lo encuentre yo.

(т. е. «Въ припадкѣ ярости я бросила моей тещѣ проклятье, пусть пропадетъ твой сынъ и чтобы я его встрѣтила!») Впослѣдствіи, когда монахиня, встрѣтивъ молодого человѣка, котораго полюбила, оставляетъ монастырь, она съ мужествомъ андалузки умѣетъ отстаивать свои права. Матери Глоріи (таково въ мірѣ имя сестры Санъ Сульписіо) и сожителю ея Оскару важно, чтобы дѣвушка не оставляла монастыря. Состояніе Глоріи тогда достанется матери. Оскаръ подсылаетъ людей, чтобы схватить Глорію и отвезти ее въ монастырь (въ Испаніи до самаго послѣдняго времени это было вполнѣ возможно). Глорія вырывается и револьверомъ останавливаетъ подосланныхъ бродягъ. Собравшіеся на крикъ въ восторгѣ отъ мужества дѣвушки.

— Ole, por la nina de sangre! (Да здравствуетъ дѣвушка, у которой есть кровь въ жилахъ!) кричатъ они. Этотъ романъ и «Majos

---

*) «A. Gonzalez-Blanco», «Historia de la Novela en Espana», p. 522.

de Cadiz» даютъ лучшее въ испанской литературѣ изображеніе Андалузіи, гдѣ «поля носятъ волнистый характеръ и напоминаютъ море съ окаменѣвшими валами». Авторъ рисуетъ пейзажъ съ «красной землей и бѣлыми домами... Растущія вдоль дороги синеватыя алоэ и варварійскія фиги напоминаютъ Африку». Ночью ясное небо усѣяно «дождемъ звѣздъ»... И вотъ мы въ Севильи, въ городѣ «яркаго солнечнаго свѣта, любви и веселья». На площадяхъ ночью слышны звуки гитары и щелканье кастаньетъ, отбивающихъ тактъ въ танцѣ и въ пѣснѣ. Цвѣты—всюду. Ими украшены окна, балконы, волосы дѣвочекъ, дѣвушекъ, взрослыхъ женщинъ и даже старухъ. Улицы такъ узки, что въ солнечный день черезъ нихъ перекинуты наметы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ползучее растеніе, растущее на балконѣ дома на одной сторонѣ улицы, цѣпляется усиками за окна дома на противоположной сторонѣ. Городъ этотъ населенъ наиболѣе любезными и предупредительными людьми въ мірѣ. Вы спрашиваете у кого-нибудь дорогу. Онъ не только даетъ тысячу указаній, но еще сопровождаетъ васъ, чтобы вы не ошиблись. И, если прохожій случайно не знаетъ чего-нибудь, онъ забѣжитъ въ первую лавочку и наведетъ справки для васъ. Андалузецъ въ романахъ Вальдеса хохотунъ, болтушка, любопытенъ. Онъ художникъ по природѣ и темпераменту. Какой-нибудь некрасивый нарядъ иностранца или иностранки оскорбляетъ его. Съ другой стороны, андалузецъ даже изъ простонародія немедленно въ отмѣнныхъ словахъ выскажетъ свое эстетическое удовольствіе. У открытаго окна, спиной къ улицѣ, играетъ на рояли молодая дѣвушка.

— Сеньорита, сеньорита!—зоветъ съ улицы крестьянка.

— Въ чемъ дѣло?

— Ничего особеннаго, сеньорита. Я вижу вашу спину и съ удовольствіемъ слушаю вашу игру. Обернитесь, пожалуйста, ко мнѣ. Я хочу видѣть, какова вы.

— Какъ вамъ нравится мое лицо?—спрашиваетъ дѣвушка.

— Вы, какъ роза, сердце мое!—отвѣчаетъ крестьянка.

Ночью у оконъ черезъ рѣшетку тихо бесѣдуютъ «novios» (женихи и невѣсты). Никто изъ прохожихъ не тревожитъ ихъ. Иногда впрочемъ кто-нибудь изъ сидящихъ въ кафе, видя, что «novio» уже долго стоитъ подъ окномъ, высылаетъ ему съ лакеемъ стаканъ мансанильи. «Novio» принимаетъ угощеніе, хотя не имѣетъ представленія о томъ, кто прислалъ вино. Отказаться—было бы страшнымъ оскорбленіемъ и нарушеніемъ этикета.

Въ другихъ романахъ Вальдеса мы находимъ яркое изображеніе разныхъ сторонъ испанской жизни. Въ «La Espuma» передъ нами жизнь биржи и денежныхъ классовъ, въ «El Idillo de un Enfermo» — жизнь крестьянъ, въ «Tristan» — Вальдесъ вводитъ насъ въ кругъ испанскихъ помѣщиковъ новой формаціи и т. д. Поле наблюденія Вальдеса обширно. Куда бы романистъ ни заглянулъ, онъ успѣетъ или найти яркое, новое, оригинальное, или

освѣтить старое по новому. Испанское духовенство, напр., выводилось много разъ Хуаномъ Валерой, Паредой, Эмиліей Пардо-Базанъ; но даже у Бласко Ибаньеса нѣтъ такой громадной коллекціи типовъ, какъ у Вальдеса. Въ романѣ «La Fe» (Вѣра) фономъ является глухой провинціальный городокъ Пеньяскоса на берегу Бискайскаго залива. Жители городка, какъ это всюду наблюдается въ Испаніи, страдаютъ чрезвычайно развитымъ чувствомъ провинціализма. «Тендеры и галіоты единственныя суда, заходящія въ Пеньяскосу. Есть, кромѣ того, еще пароходъ, заходящій иногда въ бухту и рѣшающійся приблизиться къ молу. Это буксирный пароходъ «Чайка», идущій изъ Сарріо. Его протяжный, жалобный свистъ наполняетъ сердце обывателей гордостью. Въ любви къ своему родному городу и въ ненависти ко всѣмъ остальнымъ мѣстамъ земного шара никто, даже римляне, не могли бы сравниться съ пеньяскосцами. Нѣтъ такого обывателя, который не былъ бы глубоко убѣжденъ, что портъ его родного города неизмѣримо болѣе одаренъ природою, чѣмъ всѣ остальныя гавани Иберійскаго полуострова. И если Пеньяскоса не имѣетъ такого же важнаго торговаго значенія, какъ Барселона, Малага или Бильбао, то только потому, что никто не позаботился устроить въ порту соотвѣтственныхъ приспособленій. Къ сосѣднему Сарріо, населеніе котораго увеличилось въ пять разъ и который пріобрѣлъ громадное значеніе за послѣдніе года, пеньяскосцы питали ненависть и непреодолимое отвращеніе. Когда пароходы проходили мимо защищенной, спокойной и безопасной «гавани» Пеньяскосы, чтобы пристать къ «грязному и тѣсному» Сарріо, у каждаго добраго обывателя билось сердце отъ негодованія, какъ у ограбленнаго, который усмотрѣлъ бы своего грабителя въ каретѣ. Надо было послушать, какъ пеньяскосцы разносили портъ въ Сарріо, въ особенности тогда, когда въ разговорѣ участвовали иногородніе! Сперва на губахъ критика появлялась легкая ироническая и насмѣшливая улыбка, которая мало-по-малу становилась болѣе ясной и превращалась наконецъ въ громкій, гомерическій хохотъ, когда отпускались словечки въ родѣ: «раки очень довольны *бухтой* въ Сарріо, такъ какъ входятъ и выбираются оттуда безъ всякой опасности для себя». Если когда-нибудь во время бури рыбачьи лодки изъ Сарріо укрывались въ Пеньяскосѣ, то съ какимъ унижающимъ покровительствомъ принимали ихъ жители городка! И когда пеньяскосцы по своимъ дѣламъ попадали въ Сарріо, то все время бывали тамъ въ сильномъ волненіи. Толчея и дѣловая сутолока въ порту болѣзненно отзывалась у нихъ въ сердцѣ. Въ родной городокъ они возвращались съ больной печенью и повѣствовали о тысячѣ непріятностей, которыя имъ причинили въ своей зависти жители Сарріо. Пеньяскосцы вели точную лѣтопись всѣмъ несчастьямъ, случившимся на меляхъ у входа въ Сарріо, и неустанно жалѣли бѣдныя иностранныя суда, которыхъ злосчастная судьба ведетъ въ

такой опасный портъ. Пеньяскосцы гордились не только удобствомъ, но глубиною и расчищенностью своего порта. Ихъ городъ имѣлъ еще другія неоцѣнимыя естественныя выгоды. Въ окрестностяхъ города существовалъ источникъ желѣзистой воды, приводившій въ восхищеніе собственниковъ и чужихъ, въ особенности первыхъ. Обыватели утверждали, что, не будь къ водѣ примѣшано такъ много постороннихъ веществъ, ее можно было бы пить болѣе легко, причемъ результаты, производимые, ею, были бы тѣ же. Вслѣдствіе благодатнаго климата въ Пеньяскосѣ водятся лучшія на всемъ земномъ шарѣ свиньи. Вотъ почему только въ этомъ благодатномъ городкѣ и знаютъ, что такое настоящая ветчина. Обыватели увѣряютъ также, что, если пеньяскосскія свиньи—лучшія въ мірѣ, то на всей землѣ также нельзя найти такихъ крупныхъ, сочныхъ и питательныхъ каштановъ, которыми эти животныя питаются. Море у Пеньяскосы ни въ коемъ случаѣ нельзя сравнить съ моремъ у другихъ городовъ, а въ особенности у Сарріо. Есть много людей, которые неизвѣстно по какимъ причинамъ мало по малу хирѣютъ въ Сарріо, теряютъ аппетитъ и настроеніе духа, но быстро оправляются, какъ только переѣзжаютъ въ Пеньяскосу и купаются здѣсь. Морскія купанія въ Сарріо не производятъ никакихъ благопріятныхъ результатовъ. Даже напротивъ, купающіеся тамъ подвергаются опасности схватить сыпь, катарръ, ревматизмъ и другія еще болѣе серьезныя болѣзни... Всѣ на сто миль кругомъ знаютъ, что изловленныя у береговъ Пеньяскосы сардели, угри, треска и пагра неизмѣримо лучше рыбы, пойманной у Сарріо. Подобный странный фактъ, принимая во вниманіе близость обоихъ городовъ, пеньяскосцы объясняютъ тѣмъ, что ихъ рыба имѣетъ лучшій кормъ» *).

II.

Въ Пеньяскосѣ водъ не только рыбамъ, но и попамъ. Здѣсь настоящее поповское царство, и Паласіо Вальдесъ даетъ намъ цѣлый рядъ яркихъ типовъ. Вотъ престарѣлый настоятель собора донъ Мигуэль. Въ городѣ онъ былъ священникомъ съ 1825 года. Въ моментъ разсказа ему восемьдесятъ два года. «Онъ былъ высокаго роста, сухощавъ, съ рѣзкими чертами лица. Изъ подъ нависшихъ, сросшихся бровей выглядывали маленькіе проницательные глаза. Донъ Мигуэль сохранилъ еще большую физическую силу. Что еще болѣе удивительно, въ остаткахъ его волосъ не было сѣдины. Во время первой гражданской войны онъ оставилъ свою паству и отправился въ Бискаю, чтобы тамъ съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать права дона Карлоса. Спустя нѣсколько лѣтъ священникъ возвратился. Его воинственный характеръ не смяг-

*) „La Fe", paginas 38—41.

чился за время пребыванія въ горахъ. Прихожане въ Пеньяскосѣ имѣли въ лицѣ его пастыря, очень похожаго на кирасирскаго ротмистра. Никто въ городѣ не смѣлъ перечить ему. При помощи дюжины оплеухъ и хорошо направленныхъ пинковъ донъ Мигуэль разрѣшалъ самые запутанные вопросы совѣсти. Сынъ Космы Марселино сдѣлалъ беременной дочь ткачихи Лауреаны и не хотѣлъ жениться на ней. Донъ Мигуэль отправился къ Космѣ, схватилъ Марселино за уши, закатилъ ему потомъ три затрещины, и черезъ двѣ недѣли, вѣрьте тому или нѣтъ, обвѣнчалъ его съ дочерью ткачихи. Кондитеръ Рамонъ отказался уплатить дону Сипріано двѣ тысячи реаловъ, полученныхъ безъ росписки. Священникъ вызвалъ къ себѣ Рамона, заперся съ нимъ наединѣ, схватилъ дубину и заставилъ его подписать росписку. Такими богословскими методами донъ Мигуэль внѣдрялъ евангельскую мораль въ души пасомыхъ... Цѣлью его жизни было не заслужить любовь, или добиться уваженія, а поставить всегда на своемъ. Враги могли взводить на него что угодно, но только не обвиненіе въ томъ, что онъ проявляетъ хоть тѣнь наклонности къ нѣжному полу. Донъ Мигуэль рѣшительно презиралъ женщинъ и былъ глубоко убѣжденъ, что ни одна изъ нихъ не способна на поступокъ, согласный съ здравымъ смысломъ. Въ его мужественномъ характерѣ отражался духъ римлянина, отрицавшаго за женщиной способность вѣдать собственныя дѣла. По отношенію къ начальникамъ донъ Мигуэль проявлялъ такую же непреклонность. Епископу стоило не малаго труда поладить съ упрямымъ священникомъ. Если епископъ присылалъ какойнибудь приказъ, донъ Мигуэль сдавалъ бумагу въ архивъ, не приводя ее въ исполненіе. Если архипастырь пріѣзжалъ, донъ Мигуэль, чтобы не встрѣчать его, ложился въ постель и притворялся больнымъ. Епископъ наконецъ махнулъ рукой на стараго настоятеля и предоставилъ ему поступать какъ угодно. У донъ Мигуэля исповѣдывались только пять-шесть старыхъ ветерановъ гражданской войны. Остальные прихожане имѣли духовниками другихъ священниковъ. Четыре пятыхъ всѣхъ дамъ довѣряли тайну своихъ грѣшковъ непреодолимому дону Нарсисо. Донъ Мигуэль нисколько не обижался такимъ предпочтеніемъ» *). Когда вѣрующій молодой священникъ донъ Хиль дрожащими руками впервые поднимаетъ гостію, когда прихожане въ церкви охвачены религіознымъ экстазомъ, донъ Мигуэль, читающій евангеліе, занятъ одною мыслью. Онъ черезъ очки смотритъ на мальчишку Лорито и старается опредѣлить, почему этотъ плутъ большой руки имѣетъ такой подозрительно смиренный видъ. Вопросъ разрѣшенъ: Лорито только что укралъ воскъ, оплывшій со свѣчей. Донъ Мигуэль считаетъ это за нарушеніе своихъ правъ: остатки свѣчей настоятель самъ продаетъ. И вотъ непосредственно послѣ службы донъ Мигуэль, не

*) „La Fe“, paginas 23—25.

успѣвшій еще снять облаченія, съ крестомъ въ рукахъ, начинаетъ подкрадываться къ Лорито, чтобы захватить его на мѣстѣ преступленія. Маленькій преступникъ, усмотрѣвъ врага, обращается въ бѣгство, но старый священникъ пускаетъ ему въ догонку бумерангъ новаго рода—крестъ. Ударъ нанесенъ старческою, но все еще твердою рукою, и Лорито падаетъ, обливаясь кровью, на плиты церковнаго пола. Донъ Мигуэль слыветъ скрягой и богатымъ человѣкомъ. И вотъ ночью къ настоятелю проникаетъ разбойникъ, будитъ священника и требуетъ денегъ. «Донъ Мигуэль, нисколько не испугавшись, протянулъ руку къ жилету, вынулъ ключъ и бросилъ его на полъ. Въ то время, какъ воръ нагнулся, донъ Мигуэль вытащилъ одинъ изъ двухъ кремневыхъ заряженныхъ пистолетовъ, которые всегда держалъ подъ подушкой, и выстрѣлилъ. Воръ повалился. Пуля угодила ему въ почки» *).

«Догматы католической религіи были для дона Мигуэля тѣмъ же, что физическіе законы тяготѣнія, непроницаемости и т. д., священникъ считался съ ними, не думая объ ихъ существованіи. Всю трогательную драму страстей и смерти Христа настоятель Пеньяскосскаго собора считалъ въ глубинѣ души своего рода романтизмомъ, являющимся необходимымъ и обязательнымъ прибавленіемъ къ истинной религіи. Послѣдняя же заключается въ обѣдняхъ, панихидахъ, соблюденіи постовъ, а, въ особенности, интересовъ настоятелей». Когда молодой священникъ Хиль, поколебавшійся въ вѣрѣ, является для разрѣшенія своихъ сомнѣній къ старому настоятелю, донъ Мигуэль можетъ дать ему только такіе отвѣты: «Все, что ты говоришь, глупости». «Брось думать!», «Вотъ я тебя побью за это!» «Какъ же это Христосъ не воскресъ на третій день, дуракъ ты этакій? Не знаешь развѣ, что это согласно подтверждаютъ евангелисты Іоаннъ, Матвѣй и Маркъ»? *) Донъ Мигуэль—за старину въ церкви и крайне неодобрительно относится ко всякому новшеству. Въ Пеньяскосѣ освящаютъ новую церковь. По этому поводу выписали пѣвчихъ и контрабасиста изъ областнаго города Лансія. «Дону Мигуэлю все это казалось верхомъ глупости и безполезности. Его раздражало то, что спеціально выписали изъ Лансіи людей, дали имъ хорошія деньги и уплатили дорожныя издержки только, чтобы они *провыли* въ церкви. Волны негодованія возрастали въ груди дона Мигуэля... наконецъ, когда контрабасистъ извлекъ изъ своего инструмента болѣе потрясающіе звуки, чѣмъ всѣ предшествующіе, старый священникъ не вытерпѣлъ болѣе. Онъ подошелъ сзади къ музыканту и далъ ему такого пинка, что тотъ покатился. Контрабасъ съ грохотомъ покатился на полъ. Шумъ заставилъ всѣхъ прихожанъ поднять головы. Выполнивъ требованіе справедливости, донъ Мигуэль снова

*) „La Fe", pagina 150.
**) ib., p. 231—232.

возвратился на свое прежнее мѣсто. Когда бѣдный контрабасистъ спросилъ у дона Мигуэля, почему тотъ ударилъ его, старый священникъ отвѣтилъ, что терпѣть не можетъ бездѣльниковъ въ церкви и что они могутъ убраться «со своимъ корытомъ» подальше, если имъ не нравится» *).

Вотъ священникъ совсѣмъ другого типа, чѣмъ старый карлистъ,—любезникъ донъ Нарсисо, женскій угодникъ и Чурило Пленковичъ въ рясѣ. «Донъ Нарсисо неизмѣримо больше любилъ быть въ обществѣ слабаго пола, чѣмъ сильнаго. Съ тѣхъ поръ, какъ донъ Нарсисо прибылъ около трехъ лѣтъ тому назадъ изъ Сарріо, онъ сталъ идоломъ пеньяскосскихъ дамъ, благодаря изяществу своихъ манеръ, представлявшему такой контрастъ съ неуклюжестью большинства городскихъ священниковъ, веселости, шуткамъ и больше всего вслѣдствіе того, что всегда стремился быть среди дамъ. Онъ далеко не былъ не только красавцемъ, но и привлекательнымъ. Донъ Нарсисо былъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, сухощавый, смуглый, съ большими ногами и съ прескверными зубами. Но онъ имѣлъ успѣхъ, благодаря своимъ остротамъ. Онъ никогда не говорилъ серьезно съ своими духовными дочерьми. Съ шуточками онъ приходилъ и уходилъ. Для каждой у него находилось веселое словцо. Дону Нарсисо повидимому доставляло величайшее наслажденіе господствовать въ своемъ курятникѣ. Онъ былъ духовникомъ дамъ и порой дѣлалъ имъ жестокіе выговоры не только въ исповѣдальнѣ. Почти всѣ подчинялись этимъ распеканіямъ не только съ покорностью, но даже съ удовольствіемъ. И, если какая-нибудь изъ духовныхъ дочерей возмущалась на мгновеніе, то вскорѣ же она смиренно просила прощенія. Донъ Нарсисо неизмѣнно присутствовалъ на всѣхъ торжественныхъ банкетахъ и веселыхъ обѣдахъ пеньяскосской аристократіи. Ѣлъ онъ очень много и хвасталъ этимъ, пилъ не менѣе. Когда же доходило до десерта, донъ Нарсисо никогда не забывалъ разсказать анекдотъ, почти неизмѣнно грязный. Какъ священникъ, донъ Нарсисо не считалъ удобнымъ разсказывать анекдоты, основанные на отношеніяхъ половъ, но за то онъ признавалъ себя въ правѣ распространяться о другихъ, самыхъ отвратительныхъ функціяхъ человѣческаго тѣла. И, что болѣе всего странно, дамы смѣялись этимъ анекдотамъ, какъ будто они были изящны и остроумны. Два года спустя послѣ прибытія въ городъ донъ Нарсисо сталъ жертвой несчастнаго случая. Спускаясь съ лѣстницы дома, гдѣ бывалъ очень часто, онъ сломалъ себѣ ногу. Говорили, что мужъ дамы, которой принадлежалъ домъ, содѣйствовалъ полету дона Нарсисо съ лѣстницы, такъ какъ не одобрялъ ни времени, ни повода посѣщеній священника. Но добрыя пеньяскосскія дамы немедленно употребили всѣ усилія, чтобы заглушить этотъ кощунственный слухъ. И, чтобы показать

*) „La Fe", paginas 270—271.

то негодованіе, съ которымъ онѣ относились къ сплетнямъ, самыя важныя дамы въ городѣ превратились въ добровольныхъ сидѣлокъ у постели больного. Онѣ ни на минуту не оставляли его одного, смѣняясь днемъ и ночью, какъ будто въ церкви. Донъ Нарсисо заслужилъ это расположеніе прекраснаго пола. Никто изъ священниковъ не отдавался съ такимъ пыломъ и рвеніемъ спасенію прекрасной половины человѣческаго рода. Онъ не только съ большою заботливостью и любовью пасъ лучшихъ овечекъ въ Пеньяскосѣ, не забывая однако, какъ бдительный пастырь, порой швырять камень въ отбившуюся отъ стада, но основалъ также по примѣру другихъ испанскихъ городовъ союзъ *Дочерей Маріи*. Въ этотъ союзъ вступали только молодыя одинокія женщины. Эта привилегія вызывала у замужнихъ глухое негодованіе, смѣшанное съ затаеннымъ желаніемъ» *). Ко всему этому донъ Нарсисо завистливъ, интриганъ и отлично умѣетъ обдѣлывать свои дѣла черезъ посредство женщинъ.

Затѣмъ Паласіо Вальдесъ даетъ намъ типъ «ученаго» попадобытчика, лучше всякаго крестьянина умѣющаго заботиться о своихъ свиньяхъ и телятахъ. «Донъ Реституто былъ священникомъ въ одной изъ деревень, лежащихъ неподалеку отъ Пеньяскосы. Среди священниковъ онъ слылъ ученымъ, благонамѣреннымъ и любителемъ книгъ. Говорили, что у него большая библіотека и что въ молодости донъ Реституто выступалъ съ блестящими проповѣдями въ соборѣ въ Лансіи. Всѣ ждали тогда, что молодого священника назначатъ настоятелемъ собора, но епископъ предпочелъ отдать это мѣсто своему племяннику. Донъ Реституто, глубоко оскорбленный несправедливостью, удалился тогда въ деревню, которую больше никогда уже не хотѣлъ оставить» *). Къ этому ученому священнику является со своими страшными сомнѣніями молодой священникъ донъ Хиль. Гость застаетъ ученаго священника за страннымъ занятіемъ: за свѣжеваніемъ теленка. Донъ Реституто сдираетъ кожу отъ еще трепещущаго тѣла. И когда донъ Хиль сообщаетъ дону Реституто, что пришелъ исповѣдаться, ученый священникъ черезъ нѣсколько минутъ является въ церковь. Онъ перемѣнилъ куцую куртку на сутану и вымылся, но отъ него все еще пахнетъ кровью и свѣжимъ коровьимъ навозомъ. Донъ Реституто внимаетъ сомнѣніямъ дона Хиля, какъ старый боевой конь, заслышавшій звуки сигнальнаго рожка. Ему припоминаются семинарскіе диспуты, когда воспитанникамъ предлагалось «опровергнуть» матеріализмъ, раціонализмъ и позитивизмъ. Донъ Реституто отлично помнилъ еще всѣ семинарскія тетрадки, хотя не заглядывалъ уже въ нихъ много лѣтъ. Донъ Хиль излагалъ свои сомнѣнія, а донъ Реституто «на каждый изъ нихъ побѣдоносно отвѣчалъ латинскимъ

*) „La Fe", paginas 18—20.
**) „La Fe", paginas 223—224.

текстомъ». «Какъ старый ветеранъ съ наслажденіемъ снимаетъ со стѣны свое оружіе, когда начинается война, такъ старый соборный диспутантъ извлекъ изъ памяти заплѣсневѣлые тексты церковныхъ свѣтилъ. Какъ можно сомнѣваться въ безсмертіи души? Вѣдь она первоначальное тѣло, а подобныя тѣла не могутъ разлагаться. Кто дерзнетъ подумать, что католическая церковь можетъ когда-нибудь погибнуть, когда Іисусъ Христосъ сказалъ: «Врата адовы не одолѣютъ ее», «non praevalebunt?» Можно ли дать большую вѣру словамъ человѣческимъ, чѣмъ словамъ Божіимъ? Развѣ Христосъ, представляющій собою божественное знаніе, не сказалъ: «Для того я родился и для того пришелъ на землю, чтобы доказать истину» *). И непосредственно послѣ философскаго диспута ученый священникъ начинаетъ похваляться передъ товарищемъ своими хозяйственными талантами. «Ты спросишь, откуда донъ Реституто взялъ столько навоза, чтобы удобрить такое большое поле? Я тебѣ сейчасъ же все объясню. Хотя у меня девять головъ скота, но я не могъ бы унавозить и половину всей земли. Я призвалъ на помощь мой разумъ. Въ каждомъ приходѣ, какъ ты знаешь, есть много бѣдняковъ, у которыхъ невозможно вытянуть ни денежки за требы. Ну, вотъ этимъ ходячимъ несчастьямъ каждаго священника я приказалъ складывать у дверей ихъ мурьки (по просту—свинюшниковъ) значительное количество сухой соломы или бурьяна. Вслѣдствіе того, что прохожіе и скотъ топчутъ эту солому и мочатся на нее, она съ теченіемъ времени превращается въ хорошее удобреніе. Когда оно хорошо прогніетъ, мнѣ его привозятъ и складываютъ въ кучу, покуда не наступитъ пора вывозить его въ поле. Что, ловко?» *) И среди этихъ священниковъ судьба бросила молодого дона Хиля, пламенѣющаго сперва вѣрой, а потомъ испепеленнаго сомнѣніями. Но объ этомъ дальше.

Совершенно другое поле наблюденія мы находимъ въ романѣ «Tristan o el Pesimismo». Тутъ цѣлая коллекція литературной богемы, то болѣзненно влюбленной въ себя, то (неизмѣримо рѣже) слѣпо преклоняющейся передъ своимъ божкомъ. Таковъ, напримѣръ, великолѣпный Гарсія, считающій своего друга Тристана, въ сущности, крошечнаго поэта,—величайшимъ міровымъ геніемъ. «Дружба ихъ завязалась еще въ университетѣ. Разъ Тристану пришлось по назначенію профессора произнести рѣчь на университетскомъ собраніи. И молодой студентъ сдѣлалъ это такъ хорошо, что профессоръ поздравилъ его съ успѣхомъ. Когда Тристанъ вышелъ изъ аудиторіи, къ нему подошелъ растрепанный, волосатый юноша, съ которымъ раньше студентъ не обмѣнялся ни словомъ. Юноша восторженно обнялъ его и осыпалъ похвалами. То былъ Гарсія. Съ тѣхъ поръ у Тристана не было болѣе вѣрнаго, предан-

*) ib. P. 240.
*) ib. P. 242.

наго и безкорыстнаго друга. Пропорціонально съ успѣхами, выпадавшими на долю Тристана въ университетѣ, литературномъ обществѣ и въ прессѣ, росло восхищеніе Гарсіи. Когда Тристанъ напечаталъ въ журналѣ свои первыя статьи и стихотворенія, Гарсія немедленно провозгласилъ его великимъ человѣкомъ. И это мнѣніе ничто уже не могло поколебать. Когда Тристанъ выпустилъ въ свѣтъ свой сборникъ стихотвореній «Обманы и разочарованія», Гарсія былъ убѣжденъ, что поэтъ достигъ вершины славы. Гарсія всюду таскалъ съ собою въ карманѣ томикъ стиховъ, заходилъ постоянно въ книжныя лавки, чтобы справиться, сколько экземпляровъ продано. Въ кафэ онъ декламировалъ вслухъ, къ изумленію посѣтителей, стихи Тристана и всюду провозглашалъ его славу» *). Гарсія послѣ окончанія университета сталъ преподавателемъ словесности въ частной средней школѣ.

И ею онъ пользовался для того, чтобы восхвалять геній своего друга.

«— Знаешь, Тристанъ,—говоритъ онъ,—сегодня у меня была схватка въ школѣ.

Тристанъ, не переставая шагать изъ угла въ уголъ, издалъ носомъ звукъ, означавшій вниманіе.

— Да, схватка съ директоромъ и изъ-за тебя.

— Изъ-за меня?—съ неудовольствіемъ буркнулъ Тристанъ, не удостоивъ даже повернуть голову.

— Да. Не знаю, кто донесъ, что на урокѣ словесности я цитировалъ твои стихотворенія, которыя и задалъ потомъ ученикамъ заучить наизусть. Директоръ вызвалъ меня и сказалъ довольно грубо: «Другъ мой Гарсія, до меня дошло, что въ классѣ вы позволили себѣ говорить о стишкахъ вашего пріятеля, при чемъ вы поставили ихъ рядомъ съ величайшими образцами поэзіи. Знайте, что это недопустимо. Какъ бы велика ни была дружба и какъ бы сильна ни была ваша привязанность, нельзя такъ мистифицировать молодежь.

— Господинъ директоръ,—отвѣтилъ я,—если я позволяю себѣ цитировать съ похвалою какое-нибудь произведеніе, то дѣлаю это не подъ внушеніемъ дружбы, а потому, что глубоко убѣжденъ въ его литературномъ достоинствѣ.

— Такъ вы воображаете, что вашъ другъ, который теперь уже далеко не дебютантъ, можетъ когда-нибудь сравниться съ величайшими поэтами Испаніи?—раздраженно спросилъ директоръ.

— Нѣтъ, сеньоръ,—отвѣтилъ я,—не воображаю: я убѣжденъ, что мой другъ достигъ уже этого.

— Полноте, Гарсія, не говорите пустяковъ и не будьте гусемъ!— Да, представь себѣ, онъ меня назвалъ гусемъ. Я долженъ былъ бы отвѣтить приблизительно такъ:

*) „Tristan“, pagina 99.

— Гусь, страусъ и филинъ—это вы. Вы стоите во главѣ испанской гимназіи, не зная кастильскаго языка. Но, дружище Тристанъ, я промолчалъ, потому что крайне нуждаюсь въ тѣхъ 75 песетахъ, которыя получаю тамъ ежемѣсячно.

Дѣйствительно, Гарсія не только жилъ самъ, но поддерживалъ еще старуху мать на тѣ пятнадцать дуросъ *), которыя получалъ въ гимназіи Платона, двадцать дуросъ, которыя давали ему въ греко-латинской гимназіи, да еще на скудное вознагражденіе за частные уроки. Всего Гарсія вырабатывалъ отъ пятидесяти до шестидесяти дуросъ въ мѣсяцъ» **).

III.

Паласіо Вальдесъ не только реалистъ, поле наблюденія котораго очень широко. Въ этомъ отношеніи Вальдесъ не представляетъ исключенія, потому что реалистическій романъ зародился въ Испаніи. Вальдесъ обладаетъ тонкимъ, изящнымъ юморомъ; но это опять не его характерная черта: большинство испанскихъ беллетристовъ проявляютъ ее. Юморъ это—букетъ испанскаго стиля, какъ тонкій орѣховый запахъ—букетъ великолѣпнаго андалузскаго вина солеро. Характерная черта Паласіо Вальдеса, отличающая его отъ многихъ другихъ испанскихъ беллетристовъ, это—тѣ глубокіе философскіе вопросы, которые онъ поднимаетъ почти въ каждомъ произведеніи; это—столь не свойственный испанцамъ метафизическій складъ ума. Паласіо Вальдесъ романистъ-«бытовикъ» и въ то же время романистъ-мыслитель, останавливающійся постоянно на вѣчныхъ вопросахъ.

«Не разъ мнѣ приходилось пробуждаться внезапно, послѣ короткаго сна днемъ, въ такомъ изумленіи по поводу моего собственнаго существованія, какъ будто я только что родился,—говоритъ докторъ Анхелико, отъ имени котораго написана послѣдняя книга Вальдеса.—Что это? Что я? Зачѣмъ я существую на свѣтѣ? Что такое міръ?—спрашиваю я себя, содрагаясь. И такъ велико бываетъ тогда мое остолбенѣніе, что лишь съ трудомъ удерживаюсь я отъ криковъ ужаса и восхищенія. Завѣса, скрывающая безконечность, колеблется передо мною, какъ-будто готова вотъ-вотъ упасть... Мы живемъ на маленькомъ листочкѣ, какъ черви. Мы медленно полземъ по немъ и открываемъ жилки, кажущіяся намъ удивительными дорогами. И, когда мы знаемъ твердыя и мягкія части листочка, намъ кажется, будто мы постигли всѣ тайны мірозданія. Сверкаетъ молнія сознанія, и устрашенный взоръ нашъ откры-

*) Duro=5 песетамъ или франкамъ.
**) „Fristan", paginas 100—101.

ваетъ всю нищету знанія. О, ничтожный листокъ человѣческаго знанія! Какъ малъ ты»! *)

Эти «вѣчные вопросы» занимаютъ Вальдеса въ его романахъ «Tristan», «El Origen del Pensamiento», «La Fe» и въ другихъ произведеніяхъ. Затѣмъ слѣдуютъ вопросы о добрѣ и злѣ, о началѣ познанія и, наконецъ, о вѣрѣ. Вотъ очеркъ «Intermedio del Autor». Въ немъ лицо, отъ имени котораго ведется разсказъ, задаетъ своему пріятелю Хименесу вопросы, занимавшіе Вольтера, когда оптимизмъ его былъ поколебленъ великой катастрофой 1 ноября 1755 года. «Зачѣмъ всѣ великія бѣдствія, дорогой мой Хименесъ? Зачѣмъ эти безпрерывные грабежи, о которыхъ мы читаемъ въ исторіи? Кому нужны эти убитые младенцы, изнасилованныя дѣвушки, эти преслѣдованія за мысль?. Зачѣмъ плеть свиститъ вотъ уже безконечный рядъ вѣковъ надъ плечами невинныхъ?

— Зачѣмъ? Зачѣмъ?—хрипло отвѣтилъ Хименесъ.—Это и есть высшая проблема, рядомъ съ которой всѣ остальныя теряютъ всякое значеніе».

«Не носитъ ли зло въ себѣ самомъ смыслъ собственнаго существованія? — продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ философъ. — Не представляетъ ли собою только зло положительное и существенное въ жизни, а то, что мы называемъ добромъ, не является ли случайностью, интерваломъ? Не имѣемъ ли мы въ добрѣ случайное и мгновенное отрицаніе неизбѣжнаго и вѣчнаго зла? Ученіе это старо, какъ міръ. Среди человѣчества оно имѣетъ больше послѣдователей, чѣмъ какая-либо иная доктрина. Ученіе это было перенесено изъ Азіи Шопенгауэромъ и до сихъ поръ исповѣдуется многими въ культурной Европѣ. «И такова святая истина по поводу страданія,—говоритъ Будда въ знаменитой Бенаресской проповѣди:—рожденіе—страданіе; старость—страданіе; болѣзнь—страданіе; смерть—страданіе; соединеніе съ тою, которой не любишь,—страданіе; разлука съ тою, которую любишь,—страданіе. О, несчастная юность, которую уничтожаетъ старость. О, несчастное здоровье, которому угрожаютъ столь многія болѣзни! О, несчастная жизнь, продолжающаяся только мгновеніе!»

«Очень нетрудно перечислить страданія, выпадающія на долю человѣчества. Отрицать ихъ было бы безуміемъ. Съ того мгновенія, какъ впервые раскрываются наши глаза для свѣта до того момента, когда они закрываются навсегда, несчастіе подстерегаетъ и преслѣдуетъ насъ... Но если въ нашемъ существованіи зло представляетъ собою абсолютное, то какъ объяснить добро? Не имѣемъ ли мы неистощимые родники громаднаго счастья? Прометей, прикованный къ скалѣ, внималъ нѣжному шелесту крыльевъ и обонялъ непостижимый ароматъ, долетавшій до него. То былъ хоръ океанидъ, при-

*) A, Palacio Valdes, „Papeles del Doctor Angélico". Madrid, 1911. Pp. 21—22.

бывавшихъ сквозь холодный туманъ, порожденный снѣгами, на крылатой колесницѣ. Нимфы—океаниды садились у ногъ Прометея, утѣшали его и внушали ему надежду. Мы тоже, прикованные къ скалѣ существованія, слышимъ иногда трепетаніе волшебныхъ крыльевъ и обоняемъ сладкій, опьяняющій ароматъ. У насъ тоже есть свои океаниды—утѣшительницы, не боящіяся уколоться, вытаскивая шипы изъ нашей жизни. Эти океаниды даютъ намъ возможность постигать на мгновеніе рай» *).

Человѣкъ не можетъ вѣрить, а скептицизмъ приноситъ великія страданія. «Скептицизмъ подтачивалъ его (молодого священника дона Хиля) постепенно. Міръ казался ему все менѣе понятнымъ. Мысль о томъ, что все окружающее—только чистое представленіе, дѣйствительное значеніе котораго навсегда остается непонятнымъ и непостижимымъ, породила въ душѣ дона Хиля глубокую печаль, отражавшуюся на его блѣдномъ лбу и въ грустной улыбкѣ. Опытъ,—говоритъ Кантъ,—есть только познаніе феномена, но не вещь въ себѣ. Послѣдняя неизвѣстна и навсегда будетъ скрыта отъ человѣческаго разума. То же самое гораздо раньше сказалъ Платонъ. Предметы въ этомъ мірѣ, какъ они постигаются нашими чувствами, не имѣютъ въ себѣ ничего реальнаго. Ограничиваясь исключительно явленіями, воспринимаемыми чувствами, мы уподобляемся плѣнникамъ, сидящимъ въ темной пещерѣ и прикованнымъ такъ крѣпко, что не могутъ повернуть голову. Плѣнники ничего не видятъ. Они замѣчаютъ только на стѣнѣ, къ которой обращены лицами, при свѣтѣ костра, пылающаго за ихъ спинами, тѣни существъ, проходящихъ мимо входа пещеры. Даже самихъ себя плѣнники могутъ наблюдать только въ видѣ искаженнаго изображенія на стѣнѣ. Наука, такимъ образомъ, сводится и всегда будетъ сводиться къ предсказанію на основаніи опыта того порядка, въ которомъ слѣдуютъ тѣни на стѣнѣ... Какой печальный выводъ послѣ долгихъ изученій! Весь міръ представлялся дону Хилю въ видѣ мимолетной тѣни, исчезающей подобно тому, кто ее наблюдаетъ. На глаза смертныхъ накинуто покрывало иллюзіи, покрывало Майи, о которомъ говорятъ Веды. И вотъ почему смертные видятъ міръ, о которомъ нельзя сказать, существуетъ ли онъ или нѣтъ, міръ, подобный сну или мареву. Путешественникъ видитъ озеро тамъ, гдѣ существуетъ только отраженіе солнечныхъ лучей въ воздухѣ. Безъ вѣры не только въ разумъ, но и въ собственныя чувства, жизнь священника превратилась въ сплошную пытку» **).

У Паласіо Вальдеса мы находимъ небольшой очеркъ, передающій въ образной формѣ представленіе романиста о попыткахъ философскихъ школъ—разрѣшить вѣчные вопросы. Очеркъ этотъ называется «Прагматизмъ».

---

*) „Papeles del Doctor Angélico", pp. 124—130.

**) La Fe, paginas 367—368.

«Солнце превратилось въ красный шаръ. Черная, страшная туча надвигалась, и небо, недавно еще ясное и прозрачное, омрачилось. Тогда верблюды подогнули колѣни, а люди повернулись спиной къ надвигавшейся тучѣ и тоже легли. Дрожащія отъ страха лошади приблизились къ людямъ, какъ бы ища защиты.

И вотъ задулъ яростный хамсинъ. Ничто не могло устоять противъ бѣшеныхъ порывовъ урагана. Палатки, прикрѣпленныя желѣзными костылями, носились въ воздухѣ, какъ громадныя птицы, а песокъ яростно стегалъ людей по плечамъ. Крупицы егоа вонзаясь въ бока животныхъ, заставляли послѣднихъ ревѣть отъ боли. Люди терпѣливо и покорно лежали на пескѣ. Черезъ два часа страшный смерчъ промчался. Засіяло опять солнце. Снова воздухъ пріобрѣлъ прежнюю прозрачность. Терпѣливые верблюды весело поднялись; лошади радостно ржали, а люди огласили воздухъ ликующими криками. Всѣ считали себя спасенными.

Нѣсколько дней тому назадъ караванъ оставилъ Золотую рѣку и смѣлые изслѣдователи углубились въ пустыню, чтобы добраться до становья туареговъ. Запасы воды истощились, но караванъ надѣялся достигнуть въ тотъ день до оазиса Валата. Такъ думалъ и такъ убѣждалъ всѣхъ проводникъ Бени-Делимъ. То былъ арабъ, обнаженный до пояса, съ бронзовой кожей, орлинымъ носомъ, курчавыми волосами и проницательными глазами.

— Бени-Делимъ!—кричали всѣ.—Бени-Делимъ! Куда дѣвался Бени-Делимъ? Бени-Делимъ исчезъ.

И тогда печаль и безпокойство отразились у всѣхъ на лицахъ. Измѣнникъ воспользовался темнотой и паникой, чтобы бѣжать. Онъ оставилъ весь караванъ въ пустынѣ безъ проводника. Всѣ сознали, что погибли. Но вотъ начальникъ экспедиціи, итальянецъ громаднаго роста съ энергичнымъ и пріятнымъ лицомъ, воскликнулъ:

— Нечего падать духомъ, друзья! Если этотъ негодяй бѣжалъ, то это доказываетъ, что до оазиса не можетъ быть далеко. Въ дорогу!

И караванъ шелъ весь день, терпя жестокія мученія. Наступила ночь, а оазисъ не показывался. Путешественники молча растянулись на пескѣ въ надеждѣ, что сонъ сократитъ ихъ мученія на нѣсколько часовъ.

Съ разсвѣтомъ начальникъ экспедиціи отдалъ приказъ тронуться снова въ путь.

— Піетро,—сказали нѣкоторые,—оставь насъ здѣсь. Мы больше не въ силахъ идти впередъ. Лучше умереть сейчасъ, чѣмъ растянуть агонію еще на нѣсколько часовъ.

Итальянецъ произнесъ страшное ругательство и уколами ножа заставилъ уставшихъ подняться на ноги.

И караванъ снова молча потянулся въ путь, задыхаясь отъ палящаго зноя. Спустя немного времени одинъ человѣкъ свалился

на песокъ. Начальникъ отряда видѣлъ это, но прошелъ мимо, какъ будто ничего не случилось. Остальные сдѣлали то же самое. Прошелъ еще часъ, и упалъ другой путешественникъ. Затѣмъ свалились еще двое. Караванъ все шелъ впередъ или, вѣрнѣе, тащился по раскаленному песку. Солнце начало склоняться къ закату. И вдругъ одинъ изъ путешественниковъ радостно крикнулъ:

— Смотрите! Оазисъ! Оазисъ!

Дѣйствительно, передъ ними былъ оазисъ. Впереди вырисовывались голубыя очертанія горъ. И изслѣдователи обнялись и плакали отъ радости.

— Ободритесь, товарищи!—крикнулъ Піетро:—еще одно усиліе, и мы спасены!

Но тутъ выступилъ впередъ худощавый человѣкъ, съ рѣдкой бородкой, съ сѣдиной въ волосахъ, въ очкахъ, съ проницательными глазами. Онъ досталъ изъ сумки морской бинокль и внимательно принялся изслѣдовать горизонтъ. Человѣкъ этотъ былъ ученый экспертъ экспедиціи». Вы говорите о надеждѣ!—началъ наконецъ онъ.— Не предавайтесь такъ скоро радости, несчастные! То, что вы видите, не оазисъ, а лишь отраженіе горъ, которыя остались у насъ далеко позади. Слой воздуха, соприкасающійся съ сильно нагрѣтымъ пескомъ, становится менѣе способнымъ къ рефракціи, чѣмъ воздухъ, лежащій выше. Лучи отъ отдаленныхъ предметовъ, падающіе косвенно на нагрѣтый слой воздуха, не проникаютъ сквозь него, но преломляются и отражаются высоко вверху. Это явленіе рефракціи привело многихъ въ пустынѣ къ гибели». Слова ученаго вызвали въ караванѣ горькія жалобы на судьбу и проклятія.

— Будь ты проклятъ со своими знаніями!—крикнулъ Піетро, грозя ученому кулаками.—Вы слышите!—обратился онъ потомъ къ товарищамъ:—нѣтъ никакой надежды. Умремъ, по крайней мѣрѣ, какъ мужчины. У насъ есть еще заряженные револьверы, которые могутъ сразу прекратить наши мученія. Воспользуемся ими.

— Нѣтъ, еще рано!—бодро и радостно крикнулъ кто-то.

То былъ горячій поклонникъ философіи, присоединившійся къ отряду изъ любви къ путешествіямъ и изъ желанія производить психологическія наблюденія.

— Дѣйствительно,—продолжалъ онъ,—впереди нѣтъ оазиса. Намъ это научно и точно доказано. Но почему же падать духомъ? Ступайте дальше, какъ будто впереди есть что-нибудь. И эта надежда васъ еще долго будетъ поддерживать. Вы еще нѣкоторое время будете счастливы. И, кромѣ того, кто знаетъ? Быть можетъ, въ концѣ концовъ, какъ-нибудь случайно мы набредемъ на родникъ.

Нѣкоторое время изслѣдователи стояли въ нерѣшительности. Наконецъ вождь экспедиціи расхохотался, а его примѣру послѣдовали другіе. И нѣкоторое время несчастные были веселы.

— Спасибо, философъ!—воскликнулъ Піетро.—Спасибо за хорошее мгновеніе, которое ты намъ далъ передъ смертью! *)

Такимъ образомъ,—по мнѣнію Вальдеса,—человѣческій родъ обреченъ на смерть въ Ливійской пустынѣ, потому что все, поддерживавшее его раньше—убито анализомъ и оказывается миражемъ. Прагматизмъ даетъ намъ только «un buen rato... antes de morir» (хорошее мгновеніе, раньше чѣмъ умереть).

«Когда я былъ очень молодъ,—говоритъ Вальдесъ въ другомъ мѣстѣ,—я думалъ при видѣ того, какъ добрый умираетъ, а злой живетъ, какъ благородный страдаетъ, а низкій счастливъ, какъ природа смѣшиваетъ вмѣстѣ злодѣевъ и невинныхъ». «Или доброта, невинность и героизмъ только иллюзіи, созданныя безсильными для самихъ себя, чтобы противопоставить ихъ ярости сильныхъ и облегчить такимъ образомъ свои страданія, или сама природа только иллюзія, только символъ, скрывающій высшую дѣйствительность». Теперь я старъ, прочиталъ много книгъ, прошелъ нѣсколько факультетовъ, но все еще не могу выйти изъ этой альтернативы» **). «Міръ это—громадное желаніе жить и громадное отвращеніе къ жизни»,—сказалъ Гераклитъ. Не знаю, вѣрно ли это относительно всего міра; но могу утверждать, что это относится ко мнѣ» **). И вмѣстѣ съ тѣмъ Паласіо Вальдесъ ненавидитъ пессимизмъ, ведущій къ ненависти къ людямъ. Глумленію надъ нимъ посвященъ романъ «Tristan». Философія привела Вальдеса къ глубокой жалости къ людямъ. Художникъ,—говоритъ онъ,—въ правѣ выбирать своихъ героевъ гдѣ угодно: у преддверья рая или въ клоакѣ (испанское слово Catrina гораздо энергичнѣе; но для передачи его пришлось бы употребить совсѣмъ не литературное русское слово). И то, и другое будетъ вѣрно, потому что въ душѣ человѣка живутъ одновременно и ангелъ, и грязное животное. Но когда самому Вальдесу приходится дѣлать выборъ, какъ художнику, онъ предпочитаетъ «преддверье рая». Таковы Рейносо въ романѣ «Тристанъ», или Риботъ въ романѣ «La Alegria del Capitan Ribot, о которомъ дальше.

IV.

Вопросы о вѣрѣ менѣе всего занимаютъ Паласіо Вальдеса, какъ вообще всѣхъ современныхъ испанскихъ беллетристовъ. Обрядовая католическая религія разсѣялась, какъ дымъ, при первомъ столкновеніи съ критическимъ разумомъ. «Я убѣжденъ,—говоритъ скептикъ донъ Альваро молодому священнику дону Хилю,—что религія, исповѣдуемая вами, представляетъ собою только соединеніе

*) „Papeles del Doctor Angèlico", paginas 83—87.

**) Papeles, etc, p. 339.

***) Ib., p. 341.

наивныхъ гипотезъ, какъ впрочемъ всѣ остальныя религіи, изобрѣтенныя несчастіями и трусостью людей, не могущихъ примириться съ мыслью о смерти и съ тѣмъ, что мы всѣ, какъ показываетъ опытъ, рождены для страданій. Я вѣрую въ это не по капризу, а потому, что много изучалъ и размышлялъ. Я тщательно изучилъ исторію наиболѣе важныхъ религій. И, еслибы мнѣ непремѣнно пришлось выбирать какую-нибудь изъ нихъ, я остановился бы не на той, въ которой рожденъ. Католическая религія наиболѣе печальная и безумная. Какъ и Гете, меня символъ ея приводитъ въ содроганіе. Меня не убѣдили ни св. Ѳома Аквитанинъ, ни св. Августинъ, ни Фенелонъ, ни Паскаль. Вотъ почему меня не убѣдитъ также ни одинъ священникъ» *).

— Будь вы Господомъ Богомъ,—спрашиваетъ донъ Альваро у молодого священника,—сотворили ли бы вы міръ такимъ злымъ, какимъ мы его видимъ?

— Вопросъ этотъ кажется мнѣ неприличной и кощунственной шуткой,—печально отвѣтилъ донъ Хиль.

— Не огорчайтесь и пусть вопросъ мой васъ не оскорбляетъ. Сущность его заключается въ слѣдующемъ. Будь вы въ силахъ создать добрый міръ, населенный безусловно счастливыми существами, сотворили ли бы вы подъ вліяніемъ каприза міръ злой, преисполненный горя, страданій, горечи? Населили бы вы этотъ міръ одинаково несчастными, добрыми и злыми, только для того, чтобы наградить первыхъ и наказать вторыхъ?

— Господь не сотворилъ міръ злымъ. Первый человѣкъ навлекъ на себя всѣ страданія своимъ неповиновеніемъ,—отвѣтилъ донъ Хиль.

— Ахъ, да! Вы говорите про съѣденное яблоко! Я не счелъ бы васъ, сеньоръ исповѣдникъ, способнымъ на такой нелѣпый капризъ. Зачѣмъ надо было хранить это яблоко въ саду, зная капризный характеръ Евы и уступчивость Адама? Но допустимъ, что они заслужили наказаніе; чѣмъ же *мы* повинны въ ихъ грѣхѣ? Если кто нибудь обидитъ васъ, то развѣ вы станете мстить его сыновьямъ и внукамъ? Не думаю. Вы, вѣроятно, простите обидчику и, во всякомъ случаѣ, воздержитесь отъ причиненія вреда его потомству. Вы видите поэтому, почему я считаю васъ лучшимъ существомъ, чѣмъ Бога.

«Волна крови прилила къ лицу священника. Изумленіе и негодованіе сковали ему языкъ.

— Вы насмѣхаетесь надъ всѣмъ наиболѣе священнымъ,—наконецъ, сказалъ онъ.—Меня поражаетъ, что вы, воспитанный въ лонѣ католической церкви, глумитесь надъ нею и дошли до такихъ предѣловъ нечестивости.

Саркастическая усмѣшка скользнула по губамъ гидальго.

*) „La Fe“, Paginas 133—134.

— Да, дѣйствительно, я воспитанъ въ католическомъ духѣ, во всякомъ случаѣ, въ томъ духѣ, который до сихъ поръ былъ извѣстенъ подъ этимъ названіемъ. Вотъ видите ли, сеньоръ исповѣдникъ, у меня былъ отецъ, который до нѣкоторой степени подражалъ Богу. За самую ничтожную провинность, являвшуюся результатомъ моей неопытности, моей пылкости или моего возраста, отецъ безжалостно наказывалъ меня. Если я засыпалъ во время молитвы, меня стегали. Если дѣлалъ три ошибки въ заданномъ урокѣ, меня стегали. Если я дѣлалъ кляксъ на урокѣ чистописанія, меня стегали. Если я бѣгалъ по комнатамъ, меня стегали. Если дѣлалъ пятно на платьѣ,—опять меня стегали. Всегда побои! И отецъ не трудился даже наказывать меня собственноручно, а поручалъ это своему лакею Гомиро... А между тѣмъ боль отъ розогъ Гомиро продолжалась лишь короткое время, тогда какъ мученія, которыя по волѣ Бога причиняютъ людямъ діаволы, вѣчны. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ ваша религія» *).

Чтобы бороться съ атеистомъ его же собственнымъ оружіемъ, молодой, глубоко вѣрующій священникъ беретъ книги, отверженныя церковью. Онъ собирается найти въ нихъ всѣ аргументы невѣрующихъ людей. Церковь, конечно, — думаетъ донъ Хиль,—имѣетъ неотразимые доводы противъ каждаго такого аргумента. И, какъ только донъ Хиль принялся за чтеніе, онъ съ ужасомъ убѣждается, что свѣтила католической церкви возражали не противъ существеннаго, что самые страшные аргументы сомнѣвающихся остаются безъ всякаго отвѣта. Если же послѣдній дѣлается, то онъ жалокъ и основанъ на не убѣждающей цитатѣ или на игрѣ словъ. «Прежде всего дону Хилю попалась въ руки книга, озаглавленная *Жизнь Христа*, которая въ то время пользовалась большимъ авторитетомъ у невѣрующихъ. Объ этой книгѣ въ духовной семинаріи говорили всегда съ презрѣніемъ, смѣшаннымъ съ ужасомъ. Книга, какъ показалось дону Хилю, была начинена пустяками. Авторъ утверждалъ, напримѣръ, что христіанство — историческое явленіе и, какъ таковое, должно изучаться исторически. Это, разумѣется, былъ абсурдъ, потому что христіанство означаетъ искупленіе рода человѣческаго Сыномъ Божіимъ. Оно— откровеніе и божественная истина. Авторъ желалъ, чтобы евангельскій разсказъ изучался тѣмъ же методомъ, какъ всякая другая традиція и чтобы критикѣ не предлагались уже заранѣе результаты, къ которымъ она должна придти. Ей надо предоставить право приступить къ изученію источниковъ безъ заранѣе составленной гипотезы. Это былъ новый абсурдъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ примѣнять къ религіи, къ слову Божьему тѣ же принципы, какъ къ дѣяніямъ и словамъ человѣческимъ? Такимъ образомъ донъ Хиль отвѣчалъ на всѣ аргументы автора-раціоналиста». И съ

*) „La Fe“, paginas 122—124.

такими отвѣтами молодой священникъ явился къ атеисту дону Альваро.

«На этотъ разъ донъ Альваро принялъ молодого священника очень хорошо, какъ будто желалъ загладить рѣзкость послѣдняго посѣщенія. Донъ Альваро упомянулъ мимоходомъ, что слышалъ про благородный характеръ гостя. Падре Хиль покраснѣлъ отъ похвалы, улыбнулся печально и сказалъ, что, если и желалъ бы имѣть много таланта, то только для того, чтобы доказать хозяину истину откровенія.

— Какого откровенія? — спросилъ съ ласковой улыбкой гидальго.

— Что за вопросъ?

— Да, какого откровенія, потому что ихъ нѣсколько: мы имѣемъ откровенія христіанской, буддійской, магометанской, іудейской и другихъ вѣръ. Всѣ убѣждены, что ихъ вѣра основана на откровеніи.

— Я говорю о единственно истинной, объ откровеніи Господа нашего Іисуса Христа.

— На чемъ основываетесь вы, когда утверждаете, что эта вѣра истинная, а всѣ остальныя—ложныя?

— На томъ, что всѣ остальныя вѣры наполнены ужасными вещами, и противны разуму. Только вѣра, которую далъ намъ Распятый, удовлетворяетъ всѣмъ запросамъ нашего духа и разума».

Донъ Альваро не желаетъ спорить, но предоставляетъ въ распоряженіе падре Хиля свою громадную библіотеку. «Молодой священникъ съ жаромъ накинулся на книги. Онъ читалъ безпрерывно и съ глубокимъ вниманіемъ всѣ критическія изслѣдованія первоначальнаго христіанства, книгъ Новаго Завѣта и исторіи догматовъ. Онъ громадными глотками пилъ ядъ ереси, не замѣчая его вкуса. Падре Хиль надѣялся, что допивъ до дна чашу, онъ узнаетъ всѣ возраженія, которыя выставляются нечестивыми противъ церкви Христовой. Онъ найдетъ отвѣты на всѣ эти возраженія и тогда навсегда обрѣтетъ покой» *). Случилось иное. Падре Хиль не опровергъ доводовъ скептиковъ, но самъ подпалъ подъ ихъ вліяніе. Паласіо Вальдесъ съ замѣчательной силой изображаетъ послѣдовательное крушеніе стараго міровоззрѣнія у дона Хиля. Авторъ, какъ мы можемъ судить по его собственнымъ словамъ, пережилъ самъ страшный кризисъ и даетъ намъ всѣ фазисы его. Холодный скептицизмъ и раціонализмъ не даютъ однако успокоенія дону Хилю. Матеріализмъ разрушилъ его старую вѣру, но не далъ отвѣта на роковые вопросы. И молодой священникъ обращается къ Канту. «Послѣ первыхъ же страницъ *Критики Чистаго Разума* донъ Хиль почувствовалъ страшное ощущеніе

---

*) „La Fe", Pаginas 139—141.

человѣка, у котораго внезапно проваливается почва подъ ногами. Наше познаніе въ сущности только представленіе! Инстинктъ заставлялъ дона Хиля искать твердую почву, но, чѣмъ больше онъ пытался нащупать ее ногами, тѣмъ глубже уходила она... Кенигсбергскій философъ доказывалъ съ неопровержимой логикой, что пространство и время не существуютъ въ дѣйствительности, но являются только формами представленія, зависящими отъ свойства нашего разума... Паника овладѣла душой дона Хиля. Позитивизмъ еще оставилъ ему кое-что: матерія была реальностью; ея отношенія тоже реальны... но теперь молодой священникъ остался одинъ, въ глубокомъ мракѣ... Міръ представлялся въ видѣ сна, призрака. Что мы знаемъ о первоначальной силѣ, создавшей матерію? Ничего. И никогда ничего не узнаемъ. Если весь міръ и весь порядокъ въ немъ суть только чистые феномены, опредѣляемые нашимъ разумомъ, нѣтъ надобности въ Верховномъ разумѣ. Онъ теперь развѣнчанный король. «Nada! Nada! — мучительно восклицаетъ молодой священникъ: Nunca sabremos nada!» (Ничего! Ничего! Никогда мы ничего не узнаемъ!» *).

V.

Современные испанскіе писатели часто приходятъ въ такому полному отрицанію, отправляясь отъ критики католицизма. Одни писатели, разрушивъ все, остаются на развалинахъ, не пытаясь создавать ничего новаго. Отъ стараго міровоззрѣнія, которое культивировали въ нихъ съ дѣтства, не остается никакого слѣда. Таковъ, напр., Піо Бароха, съ которымъ читатели «Русскаго Богатства» уже знакомы. Таковъ неизвѣстный за предѣлами своей родины очень талантливый публицистъ и беллетристъ Вальдо Инсуа **), авторъ интереснаго сборника «La Boca de la Esfinge» (Уста сфинкса), вышедшаго въ началѣ 1911 года. Мы читаемъ въ очеркѣ «Высшіе люди», помѣщенномъ въ этомъ сборникѣ, слѣдующее: «Завѣса спадаетъ у нихъ (высшихъ людей) съ глазъ и представляется отвратительный скелетъ дѣйствительности. Они убѣждаются, что нѣтъ жизни, а есть только обновленіе; что нѣтъ людей, а есть лишь человѣчество; нѣтъ истинъ, а только предубѣжденія. Высшіе люди убѣждаются, что религія только педагогическое средство для распространенія и поддержанія невѣжества, съ которымъ объ руку идетъ рабство; что правосудіе—постоянное оружіе сильныхъ, дѣйствующее всегда противъ слабыхъ; что законъ — лишь смѣшная фикція, которою пользуются хитрецы и мошенники для увеличенія своего благосостоянія и для удовлетворенія самолюбія; что семья—

*) ib, p. p. 301—305.

**) Есть другой Инсуа (Альберто),—авторъ эротическихъ романовъ, о которомъ я писалъ въ январской книжкѣ «Русскаго Богатства».

искусственно возникшая соціальная клѣточка, имѣющая такъ же мало смысла, какъ и государство,—этотъ организмъ, созданный для закрѣпленія рабства индивидуума. Высшіе люди постигаютъ, наконецъ, что родина—слово, производящее глубокое волненіе и спеціально придуманное и освященное рядомъ поколѣній жрецовъ и воиновъ, дабы удерживать вмѣстѣ стадо, человѣческій гуртъ. Для того, чтобы спутать ему ноги, духовный арканъ еще пригоднѣе, чѣмъ матеріальный... Постигнувъ все это, высшіе люди проклинаютъ жизнь и высшее начало. Имъ мила сладостная тишина гробовъ. Какое дѣло прозрѣвшимъ до авантюристовъ искусства, до контрабандистовъ политики, до деспотовъ всякаго рода, пытающихся навязать свою волю другимъ? Прозрѣвшіе борются противъ всякихъ идоловъ, какой бы алтарь послѣдніе ни украшали» **). Авторъ признаетъ однако главнымъ двигателемъ въ жизни то, что является источникомъ всѣхъ страданій—*El deseo* (желаніе), противорѣча такимъ образомъ себѣ. «Желаніе есть страданіе. Оно родилось съ первымъ человѣкомъ и съ тѣхъ поръ сопровождаетъ человѣчество, какъ духъ-мучитель, отравляя дни его существованія, омрачая его сны и дѣлая отвратительными тѣ радости, къ которымъ люди наиболѣе стремятся... Порою человѣку кажется, что онъ овладѣлъ желаніемъ; онъ чувствуетъ себя поэтому застрахованнымъ отъ новыхъ страданій. Но проходитъ нѣкоторое время и снова человѣкъ слышитъ гнѣвный и грозный голосъ: «жалкій рабъ страстей! Желай и плачь»! Какой душевный покой обрѣли бы мы, еслибы въ нашихъ силахъ было убить желаніе или подчинить его нашей волѣ»!

«Но, будь желаніе убито, переносили ли бы мы жизнь? Она стала бы похожа тогда на безкрайную пустынную равнину, залитую сѣрымъ свѣтомъ, воздухъ которой недвижимъ и не оживляется никакимъ звукомъ. Такая абсолютно спокойная, безъ всякихъ волненій жизнь была бы подобна смерти. Мы бы ее прокляли Мы не могли бы ни страстно желать ее, ни любить, потому что человѣкъ любитъ именно то, что причиняетъ ему набольшія страданія. ...Не чувствуя желанія, мы постигаемъ блаженство. Овладѣвая и подчиняя себѣ желаніе, мы приближаемся къ блаженству. Но если нѣтъ желанія, то что же остается? Пресыщеніе, грусть, скука, усталость, отвращеніе къ жизни.

«Остается всегда желать, вѣчно искать то, что указываетъ намъ желаніе. Его наказы должны быть для насъ священны. Въ желаніи—наша миссія, нашъ долгъ, указанный намъ таинственной властью, являющейся тѣмъ тираномъ, который даетъ намъ эмоціи, чувства, внушенія... Благодаря тому, что существуетъ никогда неудовлетворенное желаніе, прогрессировалъ міръ и развилась цивилизація. Желаніе явилось тѣмъ двигателемъ, благодаря которому

*) «La Boca de la Esfinge», p.p. 11—13.

культура прошла отъ періода пещерныхъ жилищъ черезъ озерныя постройки до тѣхъ высокихъ формъ, которыя видимъ теперь. Отсутствіе желанія означаетъ умственное спокойствіе, сонъ, инерцію, физическую бездѣятельность, словомъ—смерть. Я люблю мое желаніе, которое постоянно мучитъ меня; я люблю мое жестокое желаніе, которое не въ силахъ удовлетворить, вслѣдствіе безсилія воли или вслѣдствіе робости и трусости, но которое облагораживаетъ меня, вдохновляетъ и приближаетъ къ высшимъ существамъ, населяющимъ болѣе совершенную планету, чѣмъ земля, обладающимъ совершенною природою, не знающею ни страданій, ни сомнѣній, ни желаній. Какъ прекрасно и какъ трагично мое желаніе!»

Другіе современные испанскіе беллетристы, разрушивъ старое до основанія, создаютъ новое. Таковъ столь популярный у насъ теперь Бласко Ибаньесъ. Онъ тоже знаетъ, что такое «ужасъ передъ вѣчностью», передъ тѣмъ проклятіемъ, которое тяготѣетъ надъ человѣчествомъ. Онъ въ рядѣ произведеній борется съ тѣмъ, что долго являлось основой всей испанской жизни. Бласко Ибаньесъ, какъ Вальдо Инсукъ, отрѣшился отъ стараго міра, но онъ намѣчаетъ другой, новый, красивый, изящный, залитый яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. Онъ понимаетъ отчаяніе, но самъ учитъ бодрости. Онъ говоритъ намъ, что человѣчество несчастно потому, что встрѣчаетъ на пути цѣлый рядъ препятствій, изъ которыхъ однако только смерть неустранима; но и она не заключаетъ въ себѣ ничего ужаснаго. Въ романѣ «La Horda» мы находимъ величавый образъ Смерти, шествующей съ младенцами Забвеніемъ и Воспоминаніемъ у груди. Всюду, гдѣ ступаетъ нога ея, замираетъ пѣніе птицъ и вянетъ трава; но позади смерти, тамъ, гдѣ касается ея вдовье покрывало, нарождается новая жизнь. «Не смерть властвуетъ на землѣ,—говоритъ онъ въ Los Muertos mandon,—а жизнь; а надъ жизнью властвуетъ любовь». То міровоззрѣніе, которое Бласко Ибаньесъ разрушилъ въ романахъ Cotedral и Intruso, не оставило, повидимому, въ немъ никакого слѣда. Былъ городъ, надъ которымъ всюду возвышались готическія башни старинныхъ соборовъ. Казалось, онѣ простоятъ еще вѣка. Потомъ произошло великое землетрясеніе. Величественныя башни разсыпались и превратились въ груды мусора. Но трудолюбивое, энергичное, талантливое населеніе не упало духомъ. Оно выстроило на прежнемъ мѣстѣ новый городъ, гораздо болѣе красивый, по совершенно другому плану. Характеръ и назначеніе зданій измѣнились. Напрасно стали бы мы искать слѣды обломковъ: они исчезли. Напрасно стали бы мы искать въ фронтонахъ новыхъ величественныхъ и удобныхъ зданій вліянія прежнихъ суровыхъ готическихъ сводовъ, пугавшихъ мысль. Такой образъ рождается невольно при знакомствѣ съ литературной физіономіей Бласко Ибаньеса. Другой образъ напрашивается при изученіи произведеній Паласіо Вальдеса.

Землетрясеніе тоже разрушило старое міровоззрѣніе романиста. Величественные соборы рухнули. Въ безобразной кучѣ камней лежитъ старинное зданіе, въ которомъ испытывалось настроеніе, формулируемое словами шекспировскаго Клавдіо: «Гнитесь, гордыя колѣни! Ты, сердце, окованное сталью, размягчись, какъ мышцы новорожденнаго младенца». Романистъ видитъ, что въ обрушившихся зданіяхъ невозможно жить, невозможно молиться. Въ развалинахъ нѣтъ даже величія: онѣ только безобразны. Сорная трава цѣпляется корнями за эти обломки. Въ травѣ и подъ камнями ютятся скорпіоны и мокрицы. Но Вальдесъ не дѣлаетъ попытки «воздвигнуть новый городъ» и печально стоитъ возлѣ развалинъ. Позволю себѣ еще сравненіе. Есть люди, для которыхъ природа—картинная галлерея съ великими художественными произведеніями, обращенными къ стѣнѣ. Эти люди къ тому же пробѣгаютъ по безконечнымъ заламъ этой художественной галлереи безъ каталога. Надо ли удивляться, что они находятъ жизнь сѣрой и неинтересной! Есть также люди, умѣющіе понимать и читать природу. И вотъ они въ Норвегіи и въ Швейцаріи видятъ всюду великаго пахаря, отъ вѣка поднимающагося каждое утро и берущагося за свой гигантскій серебряный плугъ съ сверкающими лемехами. Пахарь этотъ работаетъ очень медленно: ему торопиться некуда. Но за то работа получается грандіозная. Пахарь своимъ гигантскимъ плугомъ вырылъ извилистыя Соньефіордъ и Хардангеръ-фіордъ; онъ же вырылъ долину Роны и черезъ десятки тысячъ лѣтъ сравняетъ съ землею Швейцарскія Альпы. Тамъ, гдѣ проходитъ лемехъ серебрянаго плуга, на много вѣковъ остается голубовато-сѣрая борозда морены. Она отмѣчаетъ путь пахаря. Потомъ, черезъ столѣтія, борозда покроется травой или поростетъ лѣсомъ. Но покуда, каждый разъ, когда прольются въ горахъ дожди, потокъ выбираетъ русломъ борозду плуга. Пахарь этотъ—солнце. Плугъ его—глетчеръ. Критическая мысль произвела въ міровоззрѣніи Паласіо Вальдеса такое же опустошеніе, какъ глетчеръ, двинутый солнцемъ по откосу горы. Отъ стараго воззрѣнія осталась лишь сѣрая морена; но она не поросла еще травой. Каждый разъ, когда зарождается у Вальдеса новая мысль, она, какъ весенній потокъ въ горахъ, выбираетъ себѣ русломъ старую морену. Паласіо Вальдесъ, какъ никто въ Испаніи, содѣйствовалъ разрушенію католицизма. «La Fe»—отверженная книга, осужденная папой. Но мысли автора и теперь предпочитаютъ постоянно старое русло. Доказательствомъ является книга «Papeles del Doctor Angélico», которую авторъ считаетъ итогомъ своей тридцатилѣтней литературной дѣятельности. Объ этой книгѣ я поговорю подробнѣе дальше. Доказательство мы находимъ также въ романѣ «La Fe». Происходитъ ужасная судебная ошибка: на благороднаго, идеально чистаго молодого священника дона Хиля истеричка Обдулія возводитъ ложное обвиненіе въ тяжкомъ преступленіи. Другіе духов-

ные отцы, завидующіе дону Хилю, содѣйствуютъ гибели товарища и молодого священника присуждаютъ къ многолѣтнему тюремному заключенію. И Паласіо Вальдесъ, отрицательно относящійся къ догмату искупленія, смотритъ на страданіе невиннаго дона Хиля, какъ на своего рода искупленіе. Вѣрующіе спасались отъ грѣховнаго міра въ монастырь. Вальдесъ не признаетъ такого рода спасенія, но донъ Хиль, въ груди котораго старая вѣра убита, входитъ въ тюрьму, ликуя, видя въ этомъ отреченіе отъ жизни. Страданіе необходимо, и при томъ страдать должны именно наиболѣе чистые и благородные. «Судья былъ далекъ отъ мысли, что пеньяскосскій священникъ, войдя въ тюрьму, вышелъ изъ темницъ скептицизма» *). «Небо улыбалось. Но еще больше, чѣмъ небо, смѣялась душа дона Хиля, охваченная опьяняющею радостью. Его внезапно загорѣвшіеся глаза созерцали вселенную въ ея идеальной сущности. Всѣ завѣсы, протянутыя разумомъ, упали. Великая тайна существованія раскрылась передъ нимъ во всей своей сверкающей чистотѣ. За этой видимой жизнью, окружающей насъ, донъ Хиль прозрѣлъ дѣйствительную безконечную жизнь и вступилъ въ нее **) съ радостнымъ сердцемъ. Въ этой безконечной жизни все была любовь, или, что то же, все—блаженство. Вступить въ нее значитъ войти въ царство вѣчности. То—жизнь духа. Міръ не можетъ измѣнить ее и время безсильно разрушить ее, такъ какъ эта жизнь духа представляетъ собою начало времени и міра. Донъ Хиль жилъ внѣ времени, у самаго берега идеальнаго и вѣчнаго источника призрачнаго міра, окружающаго насъ. Дни его не тянулись печальной и безконечной вереницей, какъ часть времени; Донъ Хиль уже не испытывалъ мученій отъ необходимости проявлять свою волю. Онъ не издавалъ больше жалобныхъ стоновъ по поводу своихъ грѣховъ и невыполненныхъ рѣшеній, ибо любилъ онъ теперь уже не собственныя дѣла, какъ бы они хороши ни были, а только вѣчность. Дѣянія имѣютъ свое начало въ личности, а донъ Хиль отрекся уже съ твердостью отъ своей собственной... Страхъ разрушенія послѣ смерти исчезъ совершенно съ тѣхъ поръ, какъ молодой священникъ вступилъ въ вѣчность. Ему не надо было спуститься въ могилу для достиженія этой вѣчной жизни...» ***). «Путь къ вѣчности» лежитъ, такимъ образомъ, черезъ отреченіе отъ всѣхъ желаній. Передъ нами любопытная нирвана, созданная на мѣстѣ разрушенной вѣры при помощи «Критики чистаго разума» и «Міра, какъ воля и какъ представленіе». Для достиженія «берега идеальнаго и вѣчнаго источника» надобно только выбросить за бортъ всѣ земныя радости, какъ бы ничтожны онѣ не были. «Донъ Хиль сидѣлъ неподвижно на скамьѣ

*) „La Fe“, pagina 385.
**) Т. е. съ того момента, какъ его заперли на много лѣтъ въ тюрьму.
***) „La Fe“, Paginas 415—417.

въ своей камерѣ, получая жаркіе поцѣлуи солнечныхъ лучей, проникавшихъ сквозь окна. Но вотъ молодой священникъ вспомнилъ, что грѣться на солнцѣ—наслажденіе для чувствъ. Сдѣлавъ презрительный жестъ, донъ Хиль пересѣлъ въ самый темный уголъ камеры. Только отреченіемъ отъ всѣхъ радостей, только ища страданія и подчинивъ свои чувства, онъ достигъ блаженнаго состоянія полнаго безразличія.

— Зачѣмъ мнѣ солнечные лучи?—думалъ донъ Хиль,—если огонь, горящій въ моей душѣ, меня лучше согрѣваетъ и укрѣпляетъ? какую цѣнность имѣетъ мимолетный свѣтъ солнца рядомъ съ другимъ, вѣчнымъ? Жить чувствами—значитъ быть рабомъ времени и необходимости. Все, что не принадлежитъ тому свободному существу, которое я обрѣлъ въ себѣ, мнѣ чуждо и безразлично. О, нѣтъ! Я не буду дрожать, какъ рабъ. У меня есть сознаніе собственной свободы. Мнѣ не надобна смерть, чтобы получить ее. Сознаніе собственной свободы наполняетъ меня веселіемъ. Я—вольноотпущенникъ... Я—сынъ вѣчности» *). Къ такому выводу приходитъ авторъ, который, какъ можно судить по очерку «Прагматизмъ», скептически относится къ выводамъ всѣхъ философскихъ школъ. «Для чего изучать метафизику,—говоритъ герой Вальдеса — Аморосъ, прозванный «Пиѳагоромъ», — когда знаешь, что завтра найдешь ложью то, что сегодня кажется тебѣ истиной» **)?

Мнѣ остается теперь перейти къ разсмотрѣнію наиболѣе характерныхъ романовъ Паласіо Вальдеса.

Испанскіе беллетристы часто выводятъ характерный типъ глубоко религіозной женщины, которую религія можетъ толкнуть на самыя страшныя преступленія. Хуанъ Валера далъ намъ донью Бланку (El Comendador Mendoza), Пересъ Гальдосъ—единственную въ своемъ родѣ донью Перфекту (Dona Perfecta), Бласко Ибаньесъ—жену милліонера Санчеса (El Intruso). Вальдесъ заинтересовался этимъ типомъ во второмъ своемъ романѣ («Marta y Maria»). Въ своемъ романѣ «Le Fe» онъ даетъ новую разновидность этого типа. Паласіо Вальдесъ показываетъ, какимъ образомъ крайнее религіозное рвеніе соприкасается въ героинѣ съ эротоманіей. Передъ нами дѣвушка лѣтъ подъ тридцать, та самая истеричка, по ложному обвиненію которой былъ осужденъ священникъ Хиль. Отецъ ея—пеньяскосскій гидальго Осуна, горбунъ, извѣстный въ городкѣ своимъ грязнымъ сладострастіемъ. «Обдулія была дочерью отъ первой его жены и не помнила матери. Отецъ ея былъ женатъ еще дважды, но и эти жены жили очень недолго. Въ городкѣ утверждали, что похотливый горбунъ защекоталъ на смерть своихъ женъ. Этотъ чудовищный разсказъ пе-

*) ib. 417—418.

**) „Papeles de Doctor Angélico". p. 322.

редавали Обдуліи ея школьныя подруги, когда желали довести ее до бѣшенства. Какъ она страдала, слушая эту исторію и наблюдая то презрѣніе, смѣшанное съ ужасомъ, которое внушалъ ея отецъ'.. Она становилась мрачной каждый разъ, когда замѣчала страхъ который внушала подругамъ. И когда нѣкоторыя изъ нихъ, болѣе добрыя, чѣмъ остальныя, относились къ ней мягко, она раздражалась и принималась съ жаромъ утверждать, что отецъ ея — прекрасный человѣкъ, сильно любящій ее. Тѣломъ Обдулія всегда была слаба и тщедушна. Много разъ опасались за ея жизнь. Съ дѣтства она страдала сильными кровотеченіями изъ носа, которыя крайне ослабляли ее. Впродолженіе двухъ лѣтъ, отъ двѣнадцати до четырнадцатилѣтняго возраста, у ней были парализованы ноги. Отецъ возилъ ее безрезультатно на разные курорты, покуда однажды, не зная какъ и почему, Обдулія встала и пошла. Подросткомъ она проявила много странностей. Наиболѣе извѣстною изъ нихъ, о которой говорилъ весь городъ, было извращеніе вкуса, побуждавшее ее ѣсть штукатурку. Напрасно отецъ и учительницы пытались отучить Обдулію отъ этого порока. Напрасно ее наказывали, запирали и даже связывали ей руки. При малѣйшемъ ослабленіи надзора Обдулія уже ковыряла стѣны, и дѣлала въ нихъ глубокія дырки. Всѣ эти ненормальности исчезли, когда Обдулія стала взрослой дѣвушкой. Въ возрастѣ отъ шестнадцати до двадцати лѣтъ здоровье ея значительно окрѣпло и она выровнялась даже въ веселую и миловидную дѣвушку. Но цвѣтокъ молодости быстро завялъ. Здоровье ея снова пошатнулось, и хотя прежнія странныя явленія не повторялись, но Обдулія, тѣмъ не менѣе, часто испытывала недомоганія. Ея подруги и отецъ объясняли ея болѣзненность религіознымъ рвеніемъ... Она не пропускала ни одной службы и проводила цѣлые часы въ церкви. И усердіе это не только не уменьшалось, но еще увеличивалось съ каждымъ днемъ... Обдуліи минуло двадцать восемь лѣтъ, и за это время ее только разъ любили. То было въ семнадцать лѣтъ. Она была тогда возлюбленной одного юноши изъ Лансіи, гостившаго въ Пеньяскосѣ у друзей. Ухаживаніе приняло серьезный характеръ. Говорили уже о днѣ свадьбы и шилось подвѣнечное платье. И внезапно прибылъ изъ Кубы отецъ юноши, усадилъ своего сына въ дилижансъ и увезъ неизвѣстно куда. Послѣ этого неудавшагося брака за Обдуліей уже никто не ухаживалъ. Дѣвушка, которая до того была живаго и веселаго нрава, стала меланхолична и сдержана. Безъ сомнѣнія, любовь божественная была для нея замѣной любви человѣческой. Въ то же время характеръ Обдуліи сталъ необыкновенно экзальтированнымъ. Раньше упреки и порицанія вызывали у Обдуліи лишь улыбку. Теперь малѣйшее замѣчаніе производило на нее сильное впечатлѣніе и вызывало обильныя слезы. Ея самолюбіе стало до того чувствительно и раздражительно, что каждый легкій уколъ она чувствовала какъ глубокую рану. Совѣсть упрекала Обдулію въ безпрерывной гор-

дости. Дѣвушка вела съ своею раздражительностью жестокую борьбу, но не могла укротить ее» *).

Когда въ городъ прибываетъ молодой, красивый, крайне застѣнчивый священникъ донъ-Хиль, Обдулія выбираетъ его своимъ духовникомъ. Она постоянно является къ нему на исповѣдь и сообщаетъ о своихъ поступкахъ, сомнѣніяхъ и видѣніяхъ, которыя бывали у ней время отъ времени. Наивный молодой священникъ думаетъ, что передъ нимъ новая святая Тереза. Его больше всего поражаетъ въ Обдуліи стремленіе умерщвлять свою плоть. Съ своимъ тѣломъ она обращалась безжалостно, какъ будто то была каменная плита. Нѣсколько разъ въ теченіе ночи дѣвушка поднималась на молитву. Рано утромъ, не смотря на погоду, Обдулія отправлялась въ церковь, гдѣ оставалась нѣсколько часовъ на колѣняхъ. Постилась она съ необыкновеннымъ рвеніемъ, носила власяницу и бичевала себя по пятницамъ и наканунѣ особо торжественныхъ праздниковъ. Между духовнымъ отцомъ и дочерью завязывается мало-по-малу дружба. Новый священникъ, не находя въ городѣ духовнаго наставника, который понималъ бы его мистицизмъ, сталъ мало-по-малу дѣлиться съ дѣвушкой своими радостями и разсказывать ей про свои разочарованія и про побѣды надъ собою. «То была духовная дружба. Друзья бесѣдовали только о службѣ Богу и о царствѣ небесномъ». Мистическая любовь у Обдуліи идетъ однако рядомъ съ другимъ чувствомъ. Объ этомъ можно судить по слѣдующему мѣсту. Дѣвушка приходитъ къ священнику, зная, что его нѣтъ дома. Старуха служанка, привыкшая къ этимъ посѣщеніямъ, оставляетъ Обдулію въ столовой, а сама уходитъ на кухню. «Глаза у дѣвушки вдругъ засверкали и легкій румянецъ разлился по щекамъ. Она сдѣлала нѣсколько нерѣшительныхъ шаговъ и остановилась, наконецъ, у дверей алькова. Внезапно загорѣвшимися глазами она окинула все находившееся тамъ. Постель священника была изъ некрашеннаго дерева и очень узка. Бѣло было также одѣяло, наволочки и простыни, хотя изъ тонкаго полотна, но безъ кружевъ. Можно было подумать, что тутъ спитъ школьница. Обдулія долго и пристально глядѣла на постель, какъ будто никогда не видала такого удивительнаго предмета. На лицѣ ея отразилось благоговѣйное волненіе, какъ будто она проникла въ ризницу собора. Нѣкоторое время она оставалась неподвижна, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, съ глазами, выражающими экстазъ, съ ощущеніемъ, какъ будто находится въ теплой, надушенной ваннѣ. Вдругъ она отступила, подбѣжала къ двери столовой, открыла ее, высунула голову и прислушалась. Старая служанка все еще возилась въ кухнѣ. Тогда Обдулія заперла дверь и на цыпочкахъ возвратилась въ альковъ. Послѣ мгновеннаго колебанія она дотронулась до постели. Потомъ

---

*) La Fe, p. p. 66—68.

положила на нее руки. Сердце у нея сильно билось. И, наконецъ, она рѣшилась. Очень осторожно, чтобы не смять ничего, она протянулась на постели, положивъ голову на подушки. По всему ея тѣлу пробѣжалъ необъяснимый трепетъ наслажденія, страха, стыда. Блаженство было такъ велико, что Обдулія лежала блѣдная, съ закрытыми глазами, какъ въ обморокѣ. Затѣмъ она пришла въ себя и уткнула лицо въ подушку, вдыхая полной грудью легкій запахъ, который оставила на ней русая голова падре Хиля. Нѣсколько разъ Обдулія потерла лицо о полотно, и каждый разъ испытывала сладостное щекотаніе, проникавшее до глубины души. Обдулія испытывала блаженство во всемъ тѣлѣ, какъ будто тысяча ртовъ цѣловали ее разомъ. Долгое время она оставалась такимъ образомъ, погруженная въ сладостныя видѣнія. Тѣло ея вздрагивало и блаженство было такъ велико, что причиняло даже боль. Дѣвушка испытывала восхитительное изнеможеніе и глубоко вздыхала, не отнимая лица отъ подушки, чтобы ни на мгновеніе не прервать восторга, наполнившаго ее. Мало-по-малу оцѣпѣненіе овладѣвало ею. Ея члены, лишенные движенія, засыпали. Туманъ застелилъ ея мозгъ и закуталъ пеленою всѣ представленія; но сердце продолжало усиленно биться, какъ будто вся жизнь сконцентрировалась въ немъ. И, когда черезъ часъ Обдулія поднялась, щеки у нея пылали, а глаза блестѣли. Покорная, стыдливая улыбка преобразила ея поблекшее лицо, придавъ ему необычную чистую, дѣвственную нѣжность. Если Обдулія когда-либо была красива, то именно въ этотъ моментъ» *). Любовь, которую потомъ отвергъ донъ-Хиль, вызвала у истерички взрывъ ненависти, кончившійся ложнымъ обвиненіемъ.

Я перехожу теперь къ роману «La Alegria del capitan Ribot».

Діонео.

*) „La-Fe“, paginas 327 - 329.

Массы и вожди въ германскомъ рабочемъ движеніи.

(Изъ личныхъ впечатлѣній).

Вопросъ объ отношеніяхъ между массами и вождями привлекаетъ къ себѣ въ настоящее время пристальное вниманіе пролетарскаго міра Западной Европы вообще, пролетарскаго міра Англіи и Германіи въ особенности. Въ процессѣ развитія трехъ послѣднихъ десятилѣтій рабочій классъ наиболѣе передовыхъ культурныхъ странъ создалъ для защиты своихъ интересовъ рядъ исполинскихъ экономическихъ и политическихъ организацій, постепенно сложившихся въ особое государство въ государствѣ и становящихся все болѣе вліятельнымъ факторомъ современной общественной жизни. Но каждая организація нуждается въ руководителяхъ, а каждое государство—въ широко развѣтвленномъ административномъ аппаратѣ. Рабочее движеніе, конечно, не могло избѣжать этого общаго закона. Пролетаріатъ, естественно, долженъ былъ выдвинуть и, дѣйствительно, выдвинулъ изъ своей среды штабъ способныхъ и талантливыхъ руководителей, и этотъ фактъ знаменовалъ собой распаденіе единаго міра труда на два различныхъ и до нѣкоторой степени даже противоположныхъ элемента: «правящихъ» и «управляемыхъ», вождей и массу. И, конечно, для рабочаго класса каждой страны рано или поздно долженъ былъ, наконецъ, наступить моментъ, когда въ центрѣ его вниманія станетъ вопросъ объ урегулированіи отношеній между массами и вождями, о выработкѣ и установленіи тѣхъ конституціонныхъ нормъ, которыя способны обезпечить максимумъ единства и боеспособности пролетарскихъ организацій. Такой моментъ для Англіи и Германіи уже наступилъ и конституціонная проблема въ рабочемъ движеніи этихъ двухъ странъ отличается въ настоящее время необыкновенной остротой и даже мучительностью. Въ виду этого, думается, будетъ не безъинтересно познакомить русскаго читателя съ характеромъ массъ и вождей и съ господствующими между ними отношеніями въ классической странѣ современнаго соціалистическаго движенія — въ Германіи. Тѣмъ болѣе, что приводимыя мной ниже данныя, освѣщая постановку конституціонной проблемы въ мірѣ нѣмецкаго пролетаріата, даютъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторый матеріалъ и для болѣе общихъ выводовъ и заключеній.

I.

Еще живя въ Россіи и зная германское рабочее движеніе главнымъ образомъ по берлинскимъ корреспонденціямъ Іоллоса въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», я составилъ себѣ очень высокое представленіе о степени соціалистической сознательности нѣмецкаго пролетаріата. Мнѣ казалось, что каждый, даже самый рядовой, организованный нѣмецкій рабочій долженъ прекрасно разбираться въ политическомъ положеніи страны, твердо знать основы соціальдемократическаго ученія и быть въ состояніи, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ объяснить, какая разница существуетъ между радикалами и ревизіонистами и почему онъ самъ принадлежитъ къ тому или иному лагерю.

Непосредственное столкновеніе съ нѣмецкой рабочей массой нанесло тяжелый ударъ моимъ прежнимъ наивнымъ представленіямъ. Современный германскій рабочій по уровню своей общей культурности и сознательности стоитъ, конечно, гораздо выше русскаго рабочаго, но и онъ все же далекъ, очень далекъ отъ идеала.

И это, въ сущности, нисколько неудивительно. Присмотритесь, въ самомъ дѣлѣ, къ образу жизни, къ бытовому укладу, къ нравамъ и обычаямъ нѣмецкаго рабочаго, и вы поймете, что иначе, строго говоря, и быть не можетъ. Какъ проводитъ рабочій свой нормальный трудовой день?

Въ 6 ч. утра онъ встаетъ, одѣвается, умывается, наскоро закусываетъ и бѣжитъ къ своему мѣсту работы, очень часто расположенному на другомъ концѣ города. Въ полдень рабочій возвращается домой, такъ же торопливо съѣдаетъ свой обѣдъ и снова бѣжитъ въ мастерскую или на фабрику. Въ 6—6½ ч. вечера, усталый и истомленный 9—10 часовымъ рабочимъ днемъ, онъ вторично возвращается домой, переодѣвается, умывается, неторопливо ужинаетъ и послѣ ужина принимается за чтеніе газеты.

За газетой рабочій просиживаетъ обыкновенно 1—1½ ч., дѣлится наиболѣе важными новостями, вычитываемыми изъ нея, съ женой и домашними, иногда въ связи съ какимъ нибудь вопросомъ, дебатируемымъ на столбцахъ газеты, позволяетъ себѣ немножко пофилософствовать на тему о томъ, какъ жизнь становится все дороже и какія канальи эти попы и юнкера, желающіе свалить всѣ государственные налоги на плечи народныхъ массъ. Но бьетъ половина десятаго и рабочій откладываетъ газету въ сторону: пора спать, ибо завтра въ 6 ч. утра надо быть снова на ногахъ для того, чтобы во время попасть на работу.

Такъ проходитъ время изо дня въ день въ теченіе всей недѣли. Въ субботу обычное времяпрепровожденіе нѣсколько мѣняется. Такъ какъ завтра не надо рано вставать,—рабочій вече

ромъ послѣ ужина отправляется въ ближайшій излюбленный кабачекъ, гдѣ въ добромъ кругу пріятелей и знакомыхъ онъ весело проводитъ нѣсколько свободныхъ часовъ: куритъ, бесѣдуетъ, смѣется, пьетъ пиво и играетъ въ карты. Картежная игра вообще сильно распространена въ нѣмецкой рабочей средѣ. Въ 12 ч., въ часъ ночи нѣсколько навеселѣ рабочій возвращается домой и, съ трудомъ добравшись до постели, засыпаетъ, какъ убитый.

На утро, пользуясь тѣмъ, что спѣшить на заводъ не надо, рабочій встаетъ поздно, медленно совершаетъ свой праздничный туалетъ и все время до обѣда посвящаетъ различнымъ домашнимъ мелочамъ и заботамъ. Въ 11 ч., въ половинѣ двѣнадцатаго устраивается ранній обѣдъ, послѣ котораго рабочій облачается въ свое парадное Sonntagskleid (воскресное платье)—каждый нѣмецкій рабочій имѣетъ такое—и иногда, захвативши жену и дѣтей, отправляется изъ дому провѣтриться. Если дѣло происходитъ лѣтомъ или весной,—вся семья ѣдетъ куда-нибудь за городъ и, держась по близости отъ какого-нибудь загороднаго ресторана или кабачка, проводитъ тамъ время до вечера. Если дѣло происходитъ зимой, загородная прогулка замѣняется кинематографомъ, дешевымъ народнымъ театромъ или просто какой-нибудь извѣстной пивной, въ которой, въ насыщенномъ дымомъ и испареніями воздухѣ, за кружкой пива, рабочій вмѣстѣ со всѣми чадами и домочадцами, остается до самаго вечера. Къ 9—10 ч. ночи утомленный пестрыми впечатлѣніями воскреснаго дня рабочій возвращается въ свою квартиру и почти сейчасъ же валится въ постель: ночь такъ коротка, а завтра въ 6 ч. надо снова спѣшить на работу!

Такъ ровно, спокойно и однообразно, точно заведенная машина, проходятъ недѣли за недѣлями, лишь иногда разнообразясь политическими и профессіональными собраніями. И невольно возникаетъ вопросъ: когда же учиться рабочему, когда работать, читать, развиваться? У него для этого нѣтъ самой важной и необходимой предпосылки,—*нѣтъ времени.*

И рядовой нѣмецкій рабочій—соціалъ-демократъ, дѣйствительно, очень мало учится и развивается. Читаетъ онъ почти исключительно свои партійную и профессіональную газету (книги и брошюры, если не считать лубочныхъ романовъ, можно встрѣтить въ рабочей квартирѣ лишь очень рѣдко), а всякую иную мудрость почерпаетъ обыкновенно на митингахъ и собраніяхъ. Рабочій, читавшій «Эрфуртскую программу», представляетъ не слишкомъ-то частое явленіе, а рабочій, умѣющій разбираться въ такихъ вещахъ, какъ радикализмъ и ревизіонизмъ, является чуть-ли не бѣлымъ вороном въ своей средѣ (я говорю, конечно, о широкой массѣ). Мнѣ неоднократно приходилось ставить вопросъ о разницѣ между лѣвымъ и правымъ крыломъ германской соціалъ-демократіи даже не рядовымъ рабочимъ, а такъ называемымъ «довѣреннымъ лицамъ» профессіональныхъ союзовъ (рѣчь о нихъ бу-

детъ ниже), т. е. унтеръ-офицерамъ рабочаго движенія. Добрые люди дѣлали обычно большіе глаза и чувствовали себя очень смущенными. Одинъ же, болѣе находчивый, какъ-то отвѣтилъ мнѣ:

— А, это тамъ газетные люди между собой дерутся!

И эта малосознательность рядового рабочаго вполнѣ понятна. Не надо забывать, что путь, которымъ нѣмецкій пролетарій приходитъ къ политической и экономической организаціи, существенно отличается отъ того пути, которымъ приходитъ къ этой организаціи русскій рабочій. У насъ соціализмъ практически еще очень слабъ и участіе въ соціалистическомъ движеніи не только не приноситъ никакихъ непосредственныхъ выгодъ, но, наоборотъ, связано съ цѣлымъ рядомъ осложненій и непріятностей. Вполнѣ естественно поэтому, что русскій рабочій, становящійся соціалистомъ, приходитъ къ новому міровоззрѣнію, лишь продѣлавъ сравнительно сложную теоретическую работу и болѣе или менѣе познакомившись съ міромъ соціалистическихъ идей. Русскій рабочій дѣлается соціалистомъ, особенно активнымъ соціалистомъ, *по убѣжденію*, а убѣжденіе предполагаетъ все-таки хотя бы минимальное знаніе того, въ правильности чего считаешь себя убѣжденнымъ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ Германіи, гдѣ соціалистическое движеніе превратилось уже въ могучую силу, притягивающую къ себѣ массы не столько глубиной и правильностью своего ученія, сколько непосредственными практическими выгодами. Въ мюнхенскомъ с.-д. органѣ «Münchener Post» изъ года въ годъ печатается бюджетъ одного мѣстнаго столяра, принадлежащаго, несомнѣнно, къ числу наиболѣе интеллигентныхъ представителей рабочей массы. Этотъ столяръ въ объясненіяхъ къ своему бюджету за 1908 г. въ поистинѣ классически ясной формѣ устанавливаетъ тѣ мотивы, которые заставляютъ его держаться за организацію и тратить на нее ежегодно (взносы и газета) почти 72 марки, т. е. свыше 4% всѣхъ своихъ расходовъ.

«Въ профессіональный союзъ—пишетъ онъ—я плачу теперь 85 пф. въ недѣлю, но за то вѣдь только благодаря ему мой заработокъ за послѣдніе 7 лѣтъ поднялся съ 4 до 4,95 м. въ день и въ то же время продолжительность моего труда сократилась на 3½ ч. въ недѣлю. Кромѣ того, въ моменты стачки, нужды, безработицы я получалъ отъ союза пособіе, и каждый день я снова могу попасть въ такое положеніе, когда мнѣ опять понадобится помощь организаціи. А что мы, рабочіе, получаемъ отъ государства за уплачиваемые нами налоги?

«35 пф. въ мѣсяцъ плачу я въ партію, но партія энергично борется за улучшеніе нашего положенія. Соціалъ-демократія—единственная партія, которая ведетъ энергичную борьбу противъ вздорожанія жизни, противъ таможенныхъ пошлинъ и косвенныхъ налоговъ. Деньги, которыя я потратилъ на пріобрѣтеніе права гражданства, я могъ бы, конечно, употребить на покупку обуви и

платья. Однако отношеніе буржуазныхъ партій въ муниципалитетѣ къ соціалъ-демократическимъ предложеніямъ о скорѣйшемъ смягченіи безработицы и жилищной нужды побудило меня пріобрѣсти право гражданства (а, стало быть, и коммунальное избирательное право. Б. М.), какъ мнѣ это ни было трудно.

«Меня часто спрашиваютъ, почему я не работаю въ день выборовъ. До послѣднихъ выборовъ въ рейхстагъ я считалъ это лишнимъ. Но, когда я увидалъ, какъ всѣ тѣ, которымъ желательно чтобы рабочій оставался бѣденъ, невѣжественъ и связанъ по рукамъ и ногамъ, соединенными силами ведутъ отчаянную борьбу съ соціалъ-демократіей, ибо они лучше, чѣмъ мы сами, понимаютъ значеніе сильной соціалъ-демократической партіи для рабочихъ—я сказалъ себѣ, что въ дни выборовъ я долженъ служить партійному дѣлу, чѣмъ могу».

Вы видите, въ этомъ перечисленіи есть все: и стачки, и безработица, и заработная плата, и таможенныя пошлины, и косвенные налоги, и смягченіе жилищной нужды, и многое другое, но нѣтъ въ немъ одного—нѣтъ ни малѣйшаго намека на конечную цѣль, на соціалистическіе идеалы. И это крайне характерно, характерно не только для Мюнхена, но и для Берлина, для Гамбурга, для Лейпцига и для другихъ городовъ, ибо вообще въ современномъ соціалистическомъ движеніи Германіи идеологическій и идеалистическій моменты играютъ несравненно болѣе скромную роль, чѣмъ въ движеніи россійскомъ. Но за то соціалистическое движеніе Германіи есть, дѣйствительно, массовое движеніе, мы же массоваго движенія пролетаріата, какъ прочнаго явленія, еще не видали. Вотъ почему, какъ это ни покажется, можетъ быть, парадоксальнымъ, съ извѣстнымъ правомъ можно утверждать, что русскій рабочій - соціалистъ по уровню соціалистической сознательности стоитъ значительно выше своего средняго германскаго коллеги.

Низкій уровень сознательности нѣмецкаго рабочаго-соціалъ-демократа имѣетъ своимъ неизбѣжнымъ результатомъ отсталость и даже реакціонность его взглядовъ во многихъ областяхъ, не относящихся непосредственно къ экономической борьбѣ и политикѣ. Всѣ мы выростаемъ въ мірѣ буржуазныхъ цѣнностей и вмѣстѣ съ молокомъ матери всасываемъ буржуазные вкусы, понятія и представленія. Впослѣдствіи, когда, подъ вліяніемъ знакомства съ соціалистическими идеями, мы дѣлаемся сторонниками новаго міровоззрѣнія, требуется продолжительная и довольно сложная работа для совлеченія съ себя ветхаго Адама унаслѣдованныхъ буржуазныхъ взглядовъ и замѣны ихъ иными взглядами, болѣе соотвѣтствующими основамъ соціалистическаго міропониманія. И, чѣмъ сознательнѣе путь, которымъ человѣкъ приходитъ къ соціализму, тѣмъ болѣе универсальный характеръ принимаетъ ломка его старыхъ воззрѣній. Она захватываетъ не только область политики,

права и экономики, но также и область морали, религіи, отношеній къ женщинѣ, къ семьѣ и т. д.

Само собой разумѣется, что у описываемаго мной рядового рабочаго, приходящаго къ соціалистической организаціи почти что полусознательно, ломка старыхъ взглядовъ происходитъ лишь крайне поверхностно и лишь въ сравнительно ограниченныхъ размѣрахъ: она захватываетъ обычно только сферу политики и экономики. Во всемъ же остальномъ этотъ рядовой рабочій-соціалъ-демократъ остается довольно типичнымъ представителемъ той мелко-буржуазной среды, изъ которой онъ вышелъ.

Взять, напр., отношеніе такого рабочаго къ женщинѣ. Не ищите у него взгляда на женщину, какъ на равноправное съ нимъ самимъ существо, какъ на товарища, борющагося съ нимъ рука объ руку за лучшее будущее человѣчества,—этого вы у него не найдете. Рядовой рабочій знаетъ и понимаетъ только женщину-самку, женщину-хозяйку, которая обязана въ чистотѣ содержать квартиру, во время подать обѣдъ и ужинъ, во время накормить и уложить спать дѣтей,—не больше. Никакихъ попытокъ вовлечь жену въ сферу политическихъ и общественныхъ интересовъ онъ не предпринимаетъ—очень многіе нѣмецкіе соціалъ-демократы относятся холодно, чтобы не сказать больше, къ подымающему голову женскому движенію,—даже предоставленіе женѣ элементарныхъ развлеченій и удовольствій подобный рабочій считаетъ для себя дѣломъ далеко не обязательнымъ. Сплошь да рядомъ мужъ уходитъ въ свободные часы въ театръ, на концертъ, въ ресторанъ или пивную, а жена по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ остается въ четырехъ стѣнахъ своей тѣсной квартиры. И такъ какъ уровень сознанія нѣмецкой женщины мало-по-малу подымается, то на этой почвѣ нерѣдко выростаютъ тяжелые конфликты въ рабочихъ семьяхъ. Вообще, насколько я могъ замѣтить, этотъ женско-семейный вопросъ начинаетъ принимать въ рабочемъ движеніи Германіи все болѣе острый характеръ.

Та же мелко-буржуазная психика сказывается и въ цѣломъ рядѣ другихъ бытовыхъ черточекъ рядового рабочаго-соціалиста. Такъ, онъ любитъ хорошо одѣться, и въ этомъ стремленіи, разумѣется, нѣтъ рѣшительно ничего дурного. Но онъ любитъ не просто хорошо одѣться, а такъ одѣться, чтобы какъ можно больше по внѣшности походить на зажиточнаго, довольнаго собой буржуа. Точно такъ же каждый рабочій стремится возможно лучше обставить свою квартиру—желаніе, вполнѣ естественное и разумное. Но опять-таки и здѣсь онъ старается не просто хорошо и уютно устроить свое жилище, а сдѣлать все такъ, чтобы его квартира возможно больше напоминала «приличную», мелкобуржуазную квартиру: покупаетъ бархатную мягкую мебель, совершенно ненужный ему шкафъ съ зеркальной дверью, умывальникъ съ мраморной доской и т. д. Однимъ словомъ, все у него должно быть «какъ у людей», какъ

у ближайшаго знакомаго лавочника или сосѣдняго правительственнаго ассесора.

Не менѣе сильно даютъ себя чувствовать у такого рабочаго и цеховые предразсудки. Не смотря на нивеллирующее вліяніе капиталистическаго развитія и на 40-лѣтнюю просвѣтительную работу партіи и профессіональныхъ союзовъ, эти предразсудки все еще продолжаютъ существовать. Конечно, они не достигаютъ здѣсь такихъ исполинскихъ размѣровъ, какъ напр., въ Англіи или Соединенныхъ Штатахъ, но все-таки и нѣмецкій печатникъ смотритъ нѣсколько свысока на ткача или прядильщика, а обученный металлистъ—на строительнаго рабочаго. И съ этимъ приходится на практикѣ очень считаться. Такъ, сліяніе союзовъ каменщиковъ и строительныхъ чернорабочихъ, состоявшееся 1 января 1911 г., долгое время тормазилось въ значительной степени цеховыми раздорами, существовавшими между обѣими группами строительнаго пролетаріата.

На почвѣ той же малосознательности складываются и чрезвычайно странныя отношенія рядового рабочаго-соціалиста къ религіи. Соціалъ-демократическая партія по цѣлому ряду вполнѣ основательныхъ причинъ разсматриваетъ религію, какъ «частное дѣло» каждаго изъ своихъ приверженцевъ, и открыто не ведетъ никакой антирелигіозной пропаганды. Однако не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что по всему своему духу соціалистическое ученіе является глубоко враждебнымъ современной религіи, въ особенности же современной церковности. Наиболѣе сознательные представители пролетаріата поэтому дѣлаютъ логическій выводъ изъ своей принадлежности къ соціалъ-демократіи и покидаютъ лоно оффиціальной церкви, переходя во «внѣвѣроисповѣдное» состояніе. Но широкая масса членовъ не оказывается столь же послѣдовательной. Рядовой рабочій-соціалистъ обычно не только не покидаетъ церкви, но подчасъ даже выполняетъ очень многія изъ ея обрядностей. Въ особенности въ католической Баваріи не рѣдкость встрѣтить рабочаго-соціалъ-демократа, аккуратно посѣщающаго церковныя богослуженія.

II.

Но если такимъ образомъ современный нѣмецкій рабочій въ своей бытовой жизни еще не вполнѣ вылупился изъ мелко-буржуазной скорлупы,—то есть за то одна область, гдѣ онъ уже въ настоящее время творитъ свою новую пролетарскую психику и выступаетъ, дѣйствительно, соціалистически,—это область классовой борьбы. «Genossen, üben Sie Solidarität!» (Товарищи, проявите солидарность!)—этотъ возгласъ вы слышите въ рабочихъ кругахъ почти ежедневно. И справедливость требуетъ сказать, что онъ отнюдь не остается лишь пустыми словами. Никогда и ничто

меня такъ сильно не поражало, какъ то чувство глубокой, почти мистической солидарности, которое спаиваетъ германскій пролетаріатъ, дѣйствительно, въ единый соціальный классъ.

Эта классовая солидарность пропитываетъ всю психику не только организованнаго, но даже и неорганизованнаго нѣмецкаго рабочаго, и проявляется въ тысячахъ мелкихъ и крупныхъ вещей. Начать хотя бы съ того, что въ нѣмецкой рабочей средѣ принято говорить не только съ знакомыми, но и съ незнакомыми на «ты». Въ бюро профессіональнаго союза, на собраніи, на заводѣ, въ ресторанѣ,—вездѣ вы услышите «ты», «ты» и «ты». Этотъ обычай «тыканья» настолько освященъ практикой жизни, что даже въ опросныхъ листкахъ многихъ профессіональныхъ союзовъ, при организаціи различныхъ переписей и анкетъ, всѣ вопросы обычно сформулированы на «ты»: Какъ «твое» имя? Сколько «тебѣ» лѣтъ? и т. д.

Но дѣло не ограничивается только этимъ формальнымъ признаніемъ классовой солидарности всѣхъ рабочихъ. Гораздо важнѣе проявленіе той же солидарности на практикѣ, а на нихъ натыкаешься на каждомъ шагу. Еще въ Россіи я слышалъ, что современные нѣмцы въ сильнѣйшей степени проникнуты самымъ узкимъ и эгоистическимъ индивидуализмомъ. По отношенію къ рабочему классу это утвержденіе требуетъ большихъ ограниченій. Взаимная хозяйственная помощь живущихъ по сосѣдству рабочихъ семей представляетъ довольно обычное явленіе. И помощь эта иногда принимаетъ весьма серьезный характеръ.

Помню, какъ-то вечеркомъ, слѣдуя давнишнему приглашенію одного пріятеля-рабочаго, я зашелъ къ нему съ намѣреніемъ побесѣдовать на нѣкоторыя интересовавшія меня темы. На мой звонокъ вышелъ самъ хозяинъ и, нѣсколько смущенно улыбаясь, пропустилъ меня въ небольшой корридоръ, куда выходили двери изъ кухни и двухъ комнатъ, составлявшихъ жилище моего пріятеля. Въ квартирѣ царилъ невѣроятный гамъ и шумъ. Всѣ двери были открыты и все, происходившее въ отдѣльныхъ комнатахъ, было видно, какъ на ладони. Когда я вошелъ, въ кухнѣ около шипящей газовой плиты бѣгала и суетилась съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ жена моего пріятеля. Хватая мать за подолъ, за ней всюду слѣдовала маленькая 2-хъ лѣтняя дѣвченка. Перемазанный красками мальчикъ лѣтъ 8 что-то стругалъ, сидя въ углу кухни. Въ одной изъ комнатъ, служившей спальней хозяевамъ квартиры, кромѣ постелей, шкафа и т. п. принадлежностей, были въ безпорядкѣ нагромождены стулья, столы, диванъ, какіе-то ящики, картины и цѣлый рядъ иныхъ предметовъ, которымъ ужъ никакъ въ спальнѣ быть не полагалось бы. Въ другой комнатѣ, бывшей прежде гостиной, почему-то стояли кровати, были разбросаны какіе-то мѣшки, узлы съ неизвѣстными предметами, части одежды и т. д. На одной изъ кроватей лежалъ и истошнымъ голосомъ вопилъ

грудной ребенокъ, и мать—блѣдная и худосочная женщина—тщетно старалась его успокоить. Двое другихъ дѣтей постарше кувыркались по кровати и ловили другъ друга, бѣгая по комнатѣ. Тутъ же у водопроводнаго крана, нагнувшись, стоялъ рабочій лѣтъ 30—32, судя по запачканному лицу и платью, видимо, маляръ, и смывалъ съ себя грязь и пыль долгаго трудового дня. И все это двигалось, шумѣло, кричало, металось изъ стороны въ сторону, производя на свѣжаго человѣка впечатлѣніе какого-то ада. Пораженный открывшейся картиной, я не могъ удержаться отъ вопроса:

— Что это у васъ за столпотвореніе вавилонское?

— Да это,—отвѣчалъ мой пріятель,—одинъ товарищъ съ женой и четырьмя дѣтьми ко мнѣ временно переѣхалъ. Хозяинъ ему отказалъ отъ квартиры, онъ къ сроку не успѣлъ найти новой—вы знаете, вѣдь это теперь не легкое дѣло,—вотъ и пришлось пріютить его, пока не устроится.

— Но вѣдь вамъ же самому страшно тѣсно!—невольно вырвалось у меня.

— А то какъ же! Ни стать, ни сѣсть. Да что жъ подѣлаешь? Вѣдь онъ же товарищъ и ему некуда дѣваться,—убѣжденно возразилъ мой собесѣдникъ, особенно упирая на слово «товарищъ».

Конечно, наша бесѣда въ тотъ вечеръ не могла состояться. И впослѣдствіи я узналъ, что факты въ родѣ только что описаннаго въ нѣмецкой рабочей средѣ отнюдь не составляютъ какого-либо рѣдкаго исключенія.

Но своего высшаго проявленія классовая солидарность нѣмецкихъ рабочихъ достигаетъ въ моменты борьбы и опасности. Каждый день въ соціалъ-демократической газетѣ вы прочтете извѣщеніе о какомъ-нибудь экономическомъ столкновеніи въ какой-нибудь части Германіи, заканчивающееся неизмѣннымъ возгласомъ: «Zuzug ist fernzuhalten»! (Просятъ не пріѣзжать). Это приглашеніе имѣетъ по истинѣ поразительное дѣйствіе. Не только организованный—что само собой разумѣется—но даже и неорганизованный рабочій въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ лучше согласится терпѣть всѣ муки голода и безработицы, чѣмъ займетъ мѣсто борющагося товарища. Только тотъ, кто близко знакомъ съ пролетарской жизнью, пойметъ, сколько незамѣтнаго героизма скрывается въ этомъ простомъ поступкѣ, который принято считать столь обычнымъ явленіемъ. Но рабочая солидарность во время борьбы проявляется и въ болѣе активныхъ формахъ. Бойкотъ работы, выполнявшейся стачечниками, щедрые денежные сборы въ пользу послѣднихъ, уплата экстренныхъ боевыхъ взносовъ, непосредственная поддержка борющихся рабочихъ путемъ принятія къ себѣ на содержаніе на время забастовки ихъ дѣтей—всѣ эти и аналогичныя мѣропріятія проводятся въ жизнь съ такой строгостью и настойчивостью, которыя возбуждаютъ невольное удивленіе не

только друзей, но и самыхъ ожесточенныхъ враговъ пролетарскаго движенія.

Но, чѣмъ сильнѣе чувство солидарности, пропитывающее собой пролетаріатъ, тѣмъ глубже его отвращеніе ко всякому, кто нарушилъ эту основную заповѣдь пролетарскаго братства. Вотъ почему для мало-мальски сознательнаго нѣмецкаго рабочаго нѣтъ болѣе презрѣннаго, болѣе гнуснаго существа, чѣмъ штрейкбрехеръ. Штрейкбрехеръ разсматривается въ рабочихъ кругахъ какъ измѣнникъ общему дѣлу, какъ самый послѣдній негодяй, для котораго нѣтъ и не можетъ быть пощады. Своимъ поступкомъ онъ разъ навсегда исключилъ себя изъ среды своего класса и поэтому по отношенію къ нему все позволено. Его можно оскорблять, унижать, отравлять ему жизнь ежедневными мелкими уколами, его можно даже искалѣчить или убить. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ убійца, конечно, попадаетъ въ конфликтъ съ существующимъ уголовнымъ законодательствомъ, но съ точки зрѣнія пролетарской среды морально онъ совершенно правъ. Вообще отношеніе къ штрейкбрехерамъ въ Германіи сильно напоминаетъ то отношеніе, которое сложилось въ Россіи къ провокаторамъ.

Мнѣ самому какъ-то пришлось наблюдать это отношеніе во время одной неудачной стачки горнорабочихъ въ южной Баваріи, и я никогда не забуду пережитыхъ тогда впечатлѣній. Вмѣстѣ съ 15 представителями бастующихъ рабочихъ, бывшихъ на совѣщаніи въ сосѣднемъ городѣ, я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ районъ, охваченный стачкой. На предпослѣдней передъ мѣстомъ нашей поѣздки станціи въ нашъ и въ сосѣдній вагоны ввалилась компанія штрейкбрехеровъ человѣкъ въ 40. Замѣтивъ группу руководителей стачечниковъ, они сразу какъ-то пришипились, сжались, замолчали и сѣли кучей въ одинъ уголъ, избѣгая смотрѣть и на насъ и другъ на друга. Лица, ѣхавшія со мной, принадлежали, несомнѣнно, къ умственной аристократіи рабочаго класса. Здѣсь были наиболѣе интеллигентные представители бастующихъ углекоповъ, нѣсколько чиновниковъ мѣстныхъ профессіональныхъ союзовъ и даже одинъ членъ центральнаго правленія организаціи горнорабочихъ, присланный изъ центра руководить стачкой,—все народъ обстрѣлянный, выдержанный, дисциплинированный. И тѣмъ не менѣе надо было видѣть, какое впечатлѣніе на нихъ произвело появленіе незванныхъ гостей! Добродушно-веселый разговоръ, который мы передъ тѣмъ вели, сразу оборвался, поблѣднѣвшія лица приняли суровое выраженіе, а въ глазахъ забѣгали зловѣщіе огоньки.

На станціи назначенія нашъ поѣздъ былъ встрѣченъ отрядомъ вооруженныхъ винтовками жандармовъ. Выйдя изъ вагоновъ, штрейкбрехеры построились по военному, впереди ихъ рядовъ стали двое жандармовъ, позади и по бокамъ также по двое. Въ такомъ видѣ кортежъ двинулся черезъ все селеніе къ виднѣвше-

муся вдали входу въ шахты. По обѣимъ сторонамъ шествія тѣснилась густая толпа мѣстныхъ жителей и бастующихъ рабочихъ, и на лицахъ послѣднихъ можно было явственно прочесть выраженіе сдержанной ярости, негодованія и презрѣнія. Не смотря однако на обуревавшія массу чувства, желѣзная дисциплина, воспитанная профессіональными союзами, сдѣлала свое дѣло; никакихъ аггрессивныхъ дѣйствій по отношенію къ штрейкбрехерамъ проявлено не было. Только уличные мальчишки, провожая кортежъ, награждали его участниковъ разными нелестными именами.

Въ тотъ же день состоялось большое собраніе стачечниковъ, на которомъ рѣшено было, въ виду цѣлаго ряда неблагопріятныхъ обстоятельствъ, борьбу прекратить и стать на работу на старыхъ условіяхъ. Во время дебатовъ, предшествовавшихъ этому рѣшенію, ораторы неоднократно возвращались къ поведенію штрейкбрехеровъ. Одинъ изъ нихъ мнѣ особенно врѣзался въ память. Это былъ уже совсѣмъ сѣдой старикъ съ очень умнымъ и интеллигентнымъ лицомъ, одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ въ своей средѣ рабочихъ. Изложивъ причины, по которымъ онъ считаетъ необходимымъ возобновленіе работъ, онъ закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами:

— Я не знаю, сколько лѣтъ мнѣ еще придется прожить, но сколько бы я ни прожилъ—до конца дней моихъ я не забуду одного,—не забуду предательскаго поведенія «христіанскихъ» рабочихъ! (Штрейкбрехерами были члены «христіанскаго» союза).

Надо было слышать дрожащій отъ негодованія тонъ этихъ словъ, надо было видѣть бурю апплодисментовъ, вызванныхъ ими въ обширномъ залѣ, для того, чтобы понять, сколько клокочущей ненависти и злобы скрывалось въ сердцахъ собравшихся рабочихъ подъ ледянымъ покровомъ привычной дисциплины и выдержки.

Описываемая мной стачка протекла совершенно спокойно и, благодаря сдерживающему вліянію профессіональнаго союза, никакихъ насилій по отношенію къ штрейкбрехерамъ учинено не было. Но не всегда дѣло обходится такъ гладко. Если вліяніе организаціи нѣсколько слабѣе или поведеніе штрейкбрехеровъ нѣсколько вызывающе,—сдержанная ярость борющейся массы вырывается бурнымъ потокомъ наружу, и тогда-то происходитъ нарушеніе пресловутаго § 153 промышленнаго устава. Такъ, во время прошлогодней стаки трамвайныхъ кучеровъ въ Бременѣ зданіе, гдѣ были размѣщены привезенные изъ другого города «добровольцы», было осаждено рабочей толпой и подверглось настоящей бомбардировкѣ каменьями. Знаменитыя моабитскія событія въ Берлинѣ выросли тоже на почвѣ столкновеній стачечниковъ съ штрейкбрехерами. Факты аналогичнаго характера вообще не представляютъ въ Германіи особенной рѣдкости.

И, когда теперь мнѣ приходится читать въ газетахъ о тѣхъ

или иныхъ «эксцессахъ» стачечниковъ по отношенію къ штрейкбрехерамъ,—у меня просто не поворачивается языкъ вымолвить слово осужденія по адресу борющихся рабочихъ. Я, конечно, не могу сочувствовать примѣненію насильственныхъ мѣръ къ «желтой» гвардіи капитала—эти мѣры грубы, жестоки и нецѣлесообразны,—но послѣ всего того, что я видѣлъ въ горнорабочемъ районѣ, я начинаю понимать психологію нарушителей «закона». Выражаясь юридическихъ языкомъ, эти послѣдніе, несомнѣнно, виновны, но заслуживаютъ самаго широкаго снисхожденія.

III.

Едва-ли не больше всего поражаетъ русскаго, знакомящагося съ жизнью современной Германіи, чисто рабочій характеръ нѣмецкаго соціалистическаго движенія. Конечно, и здѣсь въ рядахъ соціалъ-демократической партіи вы найдете представителей интеллигенціи, мелкой и средней буржуазіи, землевладѣнія и иныхъ соціальныхъ категорій. Но число такихъ выходцевъ изъ другихъ слоевъ настолько незначительно, а вліяніе ихъ на общій ходъ дѣлъ настолько ничтожно, что о современной германской соціалъ-демократіи можно съ полнымъ правомъ говорить, какъ о чисто рабочей организаціи. Центральное правленіе соціалъ-демократической партіи, къ сожалѣнію, не публикуетъ свѣдѣній о соціальномъ положеніи ея членовъ во всей Германіи, такъ что я лишенъ возможности подкрѣпить свое утвержденіе суммарными данными, касающимися всей страны. Но въ отчетахъ соціалъ-демократическихъ организацій нѣкоторыхъ большихъ городовъ такія свѣдѣнія имѣются и познакомиться съ ними будетъ небезъинтересно русскому читателю. Вотъ что гласятъ эти данныя:

	Общее число членовъ организаціи.	Въ томъ числѣ рабочихъ	Въ томъ числѣ не рабочихъ.
Берлинъ	53,106 *)	47,878 (90,2%)	5,228 (9,8%)
Гамбургъ	43,235	40,575 (93,9%)	2,660 (6,1%)
Мюнхенъ	13,718	12,739 (93,2%)	929 (6,8%)

Какъ видно изъ приведенной таблицы, свыше $^9/_{10}$ членовъ партіи въ трехъ крупнѣйшихъ центрахъ страны принадлежатъ къ «рабочему сословію». Это одно уже производитъ достаточно сильное впечатлѣніе. Но еще большее изумленіе охватываетъ русскаго наблюдателя, когда онъ узнаетъ, что не только рядовая масса членовъ партіи и профессіональныхъ союзовъ, но также весь ихъ

*) Данныя, касающіяся Берлина относятся къ 1906 г. Изъ общаго количества 65,367 членовъ партіи статистическому обслѣдованію подверглись 53,106, т. е. 81,2%. Гамбургскія и мюнхенскія цифры относятся къ 1909—1910 гг.

унтеръ-офицерскій корпусъ, подавляющее большинство офицерскаго штаба и почти весь генералитетъ состоятъ также изъ рабочихъ. Этотъ фактъ настолько замѣчателенъ, что на немъ слѣдуетъ остановиться нѣсколько внимательнѣе.

Самую низшую ступень въ іерархіи управленія и соціалъ-демократической партіи, и профессіональныхъ союзовъ составляетъ институтъ такъ называемыхъ Vertrauensmänner («довѣренныхъ людей»). Vertrauensmann—понятіе собирательное и съ этимъ именемъ не связано какихъ-либо опредѣленныхъ, разъ навсегда установленныхъ функцій. Члены секціонныхъ комитетовъ соціалъ-демократической организаціи *), секціонные кассиры, секціонные библіотекари, представители участковъ и т. д. являются Vertrauensmänner соціалъ-демократической партіи. Въ свою очередь заводскіе делегаты профессіональныхъ союзовъ, ихъ участковые кассиры, ихъ представители отдѣльныхъ профессій (многіе союзы объединяютъ въ своихъ рядахъ рабочихъ разныхъ профессій) и т. д. представляютъ изъ себя Vertraunsmännerapparat экономическихъ организацій пролетаріата. Характернымъ признакомъ каждаго Vertrauensmann'а служитъ то обстоятельство, что онъ избранъ товарищами для несенія какой-либо спеціальной обязанности, что онъ облеченъ ихъ довѣріемъ на выполненіе какихъ-нибудь опредѣленныхъ работъ. Отсюда и самое слово Vertrauensmann, т. е. *довѣренный* человѣкъ. И я едва-ли ошибусь, если скажу, что большей частью своихъ поразительныхъ организаціонныхъ и агитаціонныхъ успѣховъ германское рабочее движеніе обязано необыкновенному совершенству именно этого замѣчательнаго института.

Vertrauensmann—не профессіональный вождь, но онъ уже и не тотъ рядовой организованный рабочій, котораго я изображалъ въ предыдущей главѣ. Vertrauensmann работаетъ на заводѣ или на фабрикѣ и живетъ жизнью, общей со всѣми своими товарищами. Поэтому корнями своими онъ глубоко ушелъ въ широкую массу, онъ близокъ и понятенъ ей, онъ для нея вполнѣ свой человѣкъ. Но, съ другой стороны, Vertrauensmann—уже одинъ изъ винтиковъ правящаго аппарата рабочаго движенія. Уровень сознанія у него выше, чѣмъ у рядового рабочаго, умственный горизонтъ шире, интересъ къ политической и соціальной борьбѣ больше, чувство отвѣтственности глубже. Поэтому ему доступно пониманіе той сложной и большой политики, которую ведутъ высшіе руководители партіи и союзовъ и которая не всегда вполнѣ ясна рядовой массѣ, Такимъ образомъ Vertrauensmann является тѣмъ связующимъ звеномъ между верхнимъ и нижнимъ этажами рабочихъ организацій, черезъ которое настроеніе массъ передается въ генеральный штабъ

---

*) Обычно каждая городская с.-д. организація дѣлится территоріально на извѣстное количество секцій; секціи въ свою очередь подраздѣляются на участки, въ составъ которыхъ входитъ по нѣскольку кварталовъ.

движенія и, съ другой стороны, взгляды и рѣшенія вождей проводятся въ массы. Въ этомъ отношеніи значеніе Vertrauensmänner можно до нѣкоторой степени сравнить съ ролью махового колеса въ машинѣ, сглаживающаго различныя неровности и шероховатости въ движеніи различныхъ частей механизма.

Но Vertrauensmänner выполняютъ и другую чрезвычайно важвую функцію. Они являются тѣмъ скелетомъ организаціоннаго аппарата партіи и союзовъ, мощью и крѣпостью котораго, по справедливости, гордится германское рабочее движеніе. Вся черная, будничная, незамѣтная, но столь важная и необходимая текущая работа пролетарскихъ организацій лежитъ почти цѣликомъ на плечахъ Vertrauensmänner. Именно они, эти «довѣренныя лица», распространяютъ летучіе листки, собираютъ членскіе взносы, стоятъ во время стачекъ на постахъ, привлекаютъ новыхъ членовъ въ организацію, производятъ переписи и анкеты, улаживаютъ столкновенія съ администраціей въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ и выполняютъ цѣлый рядъ другихъ не менѣе важныхъ работъ. Въ періодъ избирательной кампаніи они же, одѣвши теплыя куртки и толстые чулки, по цѣлымъ днямъ въ холодъ, грязь и дождь разъѣзжаютъ на велосипедахъ по сельскимъ мѣстностямъ, распространяя избирательныя воззванія и агитируя за партійнаго кандидата.

Эти скромные, незамѣтные работники особенно поражаютъ посторонняго наблюдателя. Неизмѣнно бодрые, веселые, жизнерадостные они безъ малѣйшаго ропота жертвуютъ организаціи своими немногими свободными часами, не доѣдаютъ, не досыпаютъ, доходятъ до послѣдней степени изнеможенія, но въ точности выполняютъ взятое на себя обязательство. И притомъ эти люди отнюдь не являются простыми руками и ногами правящаго аппарата,—нѣтъ, они сами думаютъ, учатся, разсуждаютъ. Послѣ цѣлаго дня утомительной работы на фабрикѣ они находятъ въ себѣ еще достаточно силъ и энергіи для того, чтобы до глубокой ночи засиживаться надъ книгами и тетрадями, стараясь глубже проникнуть въ міръ человѣческаго знанія. Они поглощаютъ въ огромныхъ количествахъ научныя и публицистическія сочиненія, партійную литературу, брошюры. журналы и газеты. И справедливость требуетъ сказать, что именно здѣсь, въ средѣ Vertrauensmänner, вы найдете наиболѣе интеллигентныхъ, наиболѣе сознательныхъ, энергичныхъ и идеалистически настроенныхъ представителей рабочей массы. Это подлинное ядро рабочаго движенія, это цвѣтъ и краса современнаго германскаго пролетаріата *).

Vertrauensmann — это низшая ступень партійной или союзной

*) Точно установить численность Vertrauensmänner очень трудно, по приблизительнымъ же подсчетамъ на 700 слишкомъ тысячъ членовъ соціалъ-демократической партіи ихъ наберется, вѣроятно, 60—70,000, и на 2 слишкомъ милліона членовъ профессіональныхъ союзовъ 200 — 250,000 человѣкъ.

іерархіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это начало той длинной лѣстницы, по которой любой представитель рабочей массы можетъ подняться на правящія вершины рабочаго движенія. Ибо, перефразируя извѣстныя слова Наполеона I, съ полнымъ правомъ можно сказать, что каждый Vertrauensmann носитъ въ своемъ портфелѣ маршальскій жезлъ вождя германскаго пролетаріата.

Это отнюдь не преувеличеніе, а самая подлинная и непреложная дѣйствительность.

Обычная карьера политическаго рабочаго вождя въ Германіи начинается въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ съ положенія Vertrauensmann'а. Выбранный «довѣреннымъ человѣкомъ» какой-нибудь секціи, онъ регулярно посѣщаетъ секціонныя собранія, часто и толково выступаетъ на нихъ во время дискуссіи, обнаруживаетъ большую смѣтливость и энергію при выполненіи различныхъ партійныхъ дѣлъ и порученій: распространеніи летучихъ листковъ, привлеченіи новыхъ членовъ въ организацію, агитаціи за выписку соціалъ-демократическихъ газетъ и т. д. Эта живая, энергичная дѣятельность мало по малу выдвигаетъ его изъ среды ближайшихъ товарищей. Секція начинаетъ его цѣнить, начинаетъ считать его «дѣльнымъ» и «надежнымъ» человѣкомъ и обращаться къ его помощи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда надо проявить расторопность, сообразительность и преданность партійному дѣлу. Не ограничиваясь однако узкими рамками чисто-секціонной работы, умный и способный Vertrauensmann начинаетъ постепенно расширять сферу своей дѣятельности: онъ пишетъ корреспонденціи и замѣтки въ мѣстной соціалъ-демократической газетѣ, выступаетъ съ рѣчами и предложеніями на общегородскихъ собраніяхъ партійной организаціи, происходящихъ нѣсколько разъ въ годъ, и т. д. Если при этихъ выступленіяхъ онъ обнаруживаетъ извѣстныя познанія, умъ, смѣтливость, даръ рѣчи,—на него обращаютъ вниманіе и мѣстные руководители партіи и широкая масса членовъ. Мало-помалу онъ пріобрѣтаетъ признаніе и извѣстность въ кругу партійныхъ товарищей и его имя все чаще начинаетъ повторяться при выборахъ въ различные коммиссіи и комитеты.

Проработавъ 3—4 года въ качествѣ Vertrauensmann'а, талантливый рабочій дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ по пути партійной іерархіи: его выбираютъ предсѣдателемъ секціи. Новый постъ приноситъ ему новыя права и обязанности: прежняя черная организаціонная работа постепенно отходитъ на задній планъ и на авансцену все явственнѣе выдвигается болѣе широкая партійная дѣятельность. Предсѣдатель секцій руководитъ секціонными собраніями, направляетъ дѣятельность секціонныхъ Vertrauensmänner, разъ въ мѣсяцъ участвуетъ въ пленарномъ засѣданіи правленія соціалъ-демократической организаціи и представляетъ свою секцію на различныхъ партійныхъ совѣщаніяхъ и конференціяхъ. Если рабочій и въ этой роли обнаружитъ выдающіяся способности и дарованія,—

его начинаютъ уже разсматривать, какъ виднаго члена мѣстной организаціи, предъ которымъ открыто болѣе или менѣе широкое политическое будущее. При ближайшей возможности его посылаютъ въ качествѣ делегата на областной или общегерманскій партейтагъ, выбираютъ членомъ мѣстнаго партійнаго правленія или выставляютъ кандидатомъ на коммунальныхъ выборахъ. Удастся ему при этомъ пройти въ муниципалитетъ — онъ становится уже оффиціальнымъ представителемъ партіи и въ глазахъ массы членовъ, и въ глазахъ широкихъ слоевъ населенія, иными словами, возводится въ рангъ ея признаннаго вождя.

Съ оффиціальнымъ переходомъ въ «сословіе» вождей связывается обычно перемѣна и въ экономическомъ положеніи рабочаго. Будучи Vertrauensmann'омъ и предсѣдателемъ секціи, онъ еще могъ снискивать себѣ пропитаніе своей профессіональной работой на фабрикѣ или въ мастерской. Теперь это становится больше невозможнымъ: партійная дѣятельность требуетъ такъ много времени, энергіи и силъ, что о соединеніи ея съ тяжелымъ трудомъ въ промышленномъ предпріятіи не можетъ быть и рѣчи. Волей-неволей приходится подумать о прінсканіи новаго источника средствъ къ существованію и онъ находится обычно въ той или иной формѣ дѣятельности на службѣ пролетарскому движенію. Если рабочій обнаруживаетъ литературныя способности, онъ дѣлается сотрудникомъ или редакторомъ партійной газеты. Если же подобныхъ способностей у него нѣтъ, онъ становится бухгалтеромъ или экспедиторомъ партійной типографіи, приказчикомъ партійнаго книжнаго магазина, рабочимъ секретаремъ, секретаремъ мѣстной партійной организаціи, или служащимъ въ больничной кассѣ государственнаго страхованія. Всѣ эти и подобныя должности, давая необходимый для существованія заработокъ, либо представляютъ уже сами по себѣ опредѣленную форму партійной работы, либо же оставляютъ для послѣдней достаточно свободнаго времени. Такимъ образомъ рабочій начинаетъ и матеріально жить отъ своей соціалъ-демократической дѣятельности, т. е. превращается въ профессіональнаго вождя.

Дальнѣйшая его судьба зависитъ уже всецѣло отъ степени дарованій и способностей, которыми наградила его природа. Онъ можетъ навсегда остаться на положеніи «мѣстнаго» дѣятеля и до сѣдыхъ волосъ не двинуться дальше участія въ мѣстномъ муниципалитетѣ, но можетъ также, шагая со ступеньки на ступеньку, сдѣлаться сначала депутатомъ ландтага, потомъ депутатомъ рейхстага, членомъ областного и, наконецъ, центральнаго правленія партіи. Въ зависимости отъ тѣхъ же дарованій и способностей измѣняются и степень извѣстности и вліянія рабочаго вождя: онъ можетъ дорости лишь до роли какого-нибудь нюренбергскаго или ганноверскаго руководителя партіи, но точно также можетъ подняться и

до высочайшихъ вершинъ партійнаго могущества и превратиться въ Августа Бебеля.

Какихъ бы однако ступеней партійной іерархіи ни достигъ талантливый рабочій, онъ долженъ пройти долгую и суровую школу политической работы и дѣятельности прежде, чѣмъ попадетъ въ положеніе вождя: видный партійный вождь въ 35—40 лѣтъ представляетъ собой сравнительно рѣдкое явленіе. Оттого-то на партейтагахъ германской соціалъ-демократіи русскаго наблюдателя такъ сильно поражаетъ обиліе сѣдыхъ волосъ, пожилыхъ физіономій и лысинъ.

До сихъ поръ я изображалъ карьеру *политическаго* вождя германскаго пролетаріата. Приблизительно такова же карьера и вождя *профессіональнаго* движенія. Онъ также начинаетъ свое восхожденіе по іерархической лѣстницѣ съ положенія Vertrauensmann'a, въ роли котораго онъ долженъ обнаружить выдающіюся способности и энергію. Послѣ 3—4 лѣтней работы въ качествѣ «довѣреннаго лица» будущій вождь занимаетъ обычно должность предсѣдателя одной изъ профессій, входящихъ въ составъ союза, или предсѣдателя союзной (территоріальной) секціи. Дальнѣйшими ступенями карьеры вождя-профессіоналиста, ступенями, которыя онъ постепенно проходитъ, являются должности: неоплачиваемаго члена мѣстнаго правленія союза, платнаго помощника въ бюро мѣстной профессіональной организаціи и, наконецъ, ея оплачиваемаго и полноправнаго чиновника. На протяженіи этого пути, длящагося въ среднемъ не меньше 10—12 лѣтъ, рабочій-профессіоналистъ нерѣдко занимаетъ и другія должности, въ той или иной мѣрѣ связанныя съ рабочимъ движеніемъ: такъ, онъ выбирается засѣдателемъ въ промысловые суды, представителемъ рабочихъ въ генеральномъ собраніи больничной кассы, членомъ мѣстной картели профессіональныхъ союзовъ и т. д.

Съ превращеніемъ въ оплачиваемаго чиновника профессіональной организаціи рабочій-профессіоналистъ такъ же, какъ рабочій политикъ при превращеніи въ партійнаго служащаго, оффиціально вступаетъ въ сословіе вождей и его дальнѣйшая судьба теперь уже всецѣло зависитъ отъ размѣра его дарованій и способностей. Въ худшемъ случаѣ онъ навсегда останется незамѣтной величиной чисто-мѣстнаго значенія, въ лучшемъ же постепенно подымется до положенія члена областного или центральнаго правленія всего союза или редактора общесоюзнаго органа. Такимъ образомъ сѣдые волосы и пожилыя физіономіи бываютъ въ изобиліи представлены и на съѣздахъ профессіональныхъ организацій.

Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, что политическая и профессіональная карьеры въ мірѣ германскаго рабочаго движенія представляютъ изъ себя два совершенно независимыхъ потока, никогда не встрѣчающихся и не сливающихся другъ съ другомъ. Совсѣмъ напротивъ. Сплошь да рядомъ политическіе вожди пролетаріата

являются въ то же время и очень видными членами профессіональнаго движенія, и, наоборотъ, крупнѣйшіе профессіональные вожди почти всегда играютъ чрезвычайно большую роль и въ политической работѣ партіи. Достаточно указать хотя бы на тотъ фактъ, что въ рядахъ соціалъ-демократической фракціи имперскаго рейхстага находится 12 представителей профессіональнаго движенія, въ томъ числѣ такія крупныя фигуры, какъ Легинъ, Бёмельбургъ, Саксе, Гюэ и др. Еще больше вождей профессіональнаго движенія вы найдете въ числѣ депутатовъ ландтаговъ, гласныхъ городскихъ думъ, членовъ партійныхъ комитетовъ и т. д. И эта личная унія между правящими кругами партіи и союзовъ, естественно, оказываетъ сильное вліяніе на прочность тѣхъ узъ, которыя связываютъ между собой обѣ формы рабочаго движенія.

Какъ однако ни часто совмѣщеніе въ одномъ и томъ же лицѣ и политика и профессіоналиста, въ Германіи имѣется цѣлый рядъ рабочихъ вождей, занимающихся лишь какой-либо одной формой пролетарской работы: либо политической дѣятельностью, либо экономической борьбой. И для внимательнаго наблюдателя уже спустя короткое время становится совершенно ясно, что каждый изъ этихъ двухъ типовъ вождей имѣетъ свои специфическія черты, свой особенный характерный обликъ.

Вождь-политикъ—это прежде всего общественный дѣятель въ широкомъ смыслѣ даннаго слова, умный и тактичный свѣтскій человѣкъ. Онъ хорошо одѣвается, ибо ему часто приходится бывать въ «приличномъ» обществѣ, говоритъ на чистомъ нѣмецкомъ литературномъ языкѣ, ибо онъ постоянно выступаетъ въ различныхъ представительныхъ учрежденіяхъ, обнаруживаетъ живой интересъ къ болѣе общимъ вопросамъ политики, культуры, науки, искусства, ибо въ своей дѣятельности онъ постоянно сталкивается съ этими проблемами. Въ своей частной жизни вождь-политикъ больше похожъ на средней руки буржуа или интеллигента, чѣмъ на рабочаго, и это накладываетъ особый отпечатокъ на всю его личность: въ манерахъ, разговорѣ, въ поведеніи такого вождя вы всегда почувствуете тотъ внѣшній лоскъ, который дается только долгой шлифовкой въ культурной обстановкѣ. Бесѣда съ вождемъ-политикомъ можетъ доставить большое удовольствіе, ибо обычно вы видите предъ собой человѣка съ большими познаніями, гибкимъ умомъ и широкимъ горизонтомъ, однако справедливость требуетъ сказать, что всѣ эти прекрасныя качества имѣютъ и свою оборотную сторону: чѣмъ интеллигентнѣе и образованнѣе вождь,—тѣмъ дальше разстояніе, отдѣляющее его отъ арміи рядовыхъ членовъ и тѣмъ труднѣе ихъ взаимное пониманіе. Эта трудность въ сильной степени увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что вождь-политикъ, по самому характеру своей дѣятельности, лишь сравнительно рѣдко входитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ широкой массой.

Совсѣмъ иной типъ представляетъ собой средній вождь-профессіоналистъ. Въ противоположность вождю-политику, онъ весь какъ-то «попроще», «черноземнѣе». Говоритъ онъ обычно на какой-то смѣси литературнаго языка съ тѣмъ или инымъ мѣстнымъ діалектомъ, одѣвается въ столь привычные рабочей средѣ 30-марковые костюмы, носитъ пестрые галстухи, варварски нюхаетъ табакъ и сморкается въ большіе разноцвѣтные платки, употребляемые всѣми нѣмецкими рабочими. Въ частной жизни вождя-профессіоналиста вы почти не отличите отъ его любого, лучше поставленнаго коллеги по профессіи: онъ также ѣстъ, пьетъ, куритъ дешевыя сигары и поддерживаетъ знакомства только съ людьми своего класса. Въ соотвѣтствіи съ этимъ уровень развитія профессіоналиста значительно ниже уровня развитія политика, и кругъ интересовъ его, по правилу, ограничивается почти исключительно тѣмъ, что непосредственно относится къ профессіональному движенію, даже еще уже, къ профессіональному движенію его отрасли производства. До всего остального ему какъ будто бы и дѣла никакого нѣтъ. Эта крайняя однобокость и односторонность средняго вождя-профессіоналиста производитъ на наблюдателя подчасъ непріятное впечатлѣніе, но за то она же дѣлаетъ его болѣе близкимъ и понятнымъ рядовой массѣ членовъ. Онъ гораздо болѣе, чѣмъ политикъ «свой» человѣкъ для этой массы, ибо идетъ только на шагъ впереди нея и никогда, въ силу самыхъ условій своей работы, не теряетъ съ ней непосредственнаго соприкосновенія и контакта.

Мое изображеніе нѣмецкихъ вождей было бы однако не полно, если бы я не упомянулъ о двухъ характерныхъ чертахъ, свойственныхъ одинаково какъ вождямъ-политикамъ, такъ и вождямъ-профессіоналистамъ. Я имѣю въ виду ихъ удивительное психическое здоровье и ихъ глубоко-жизненный реализмъ.

У насъ въ Россіи принято представлять себѣ сторонника соціалистическаго міровоззрѣнія въ видѣ нервнаго, изломаннаго интеллигента съ аскетическими наклонностями и лихорадочно-горящими глазами. Соціалистъ, согласно общераспространенному у насъ взгляду,—это мученикъ за идею, это жертва своихъ убѣжденій, это до нѣкоторой степени человѣкъ не отъ міра сего. И, пожалуй, для Россіи до 1905 г. это представленіе болѣе или менѣе соотвѣтствовало дѣйствительности.

Совсѣмъ иную картину вы видите въ Германіи. Здѣшніе вожди-соціалисты, во-первыхъ, не интеллигенты, а, во-вторыхъ, — и это самое важное—не мученики и отнюдь не чувствуютъ себя таковыми. Всѣ они большей частью крѣпкіе, здоровые, жизнерадостные люди со здоровой психикой, чудесными нервами и спокойнымъ сномъ. Аскетизма они не понимаютъ и не признаютъ, и блага міра земного умѣютъ цѣнить не хуже всякаго иного. Они прекрасные, преданные дѣлу работники — трудоспособности ихъ я часто прямо поражался,—но, когда дѣло кончено и изъ отвѣтственныхъ вождей

пролетаріата они превращаются въ частныхъ людей, ничто человѣческое имъ становится не чуждо: ни личный комфортъ, ни любовь, ни вино. Вообще, если подыскивать нѣмецкимъ рабочимъ вождямъ какую-нибудь аналогію въ галлереѣ русскихъ типовъ, я сказалъ бы, что по своей психической природѣ они напоминаютъ не столько русскихъ революціонеровъ до-октябрьской эпохи, сколько идейныхъ земскихъ работниковъ изъ рядовъ третьяго элемента. Съ той однако разницей, что въ душѣ нѣмецкаго вождя совершенно отсутствуетъ тотъ внутренній надрывъ, отъ котораго не свободна психика почти ни одного русскаго интеллигента.

Не менѣе характеренъ для нѣмецкихъ вождей и ихъ реализмъ, ихъ инстинктивное отвращеніе ко всякаго рода теоретическимъ отвлеченностямъ. И въ этомъ опять-таки сказывается глубокое отличіе типа нѣмецкаго соціалиста отъ соціалиста русскаго. Въ Россіи вплоть до настоящаго времени соціализмъ представляетъ изъ себя не столько практическое движеніе, сколько опредѣленное идейное теченіе. Конкретнаго дѣла у русскаго соціализма еще мало,— поэтому въ немъ преобладаетъ теорія, абстрактность, отвлеченность, вырождающаяся подчасъ въ настоящую схоластику. Въ соотвѣтствіи съ этимъ соціализму въ Россіи учатся не изъ жизни, а по книжкѣ, по Марксу, Каутскому, Лаврову или Михайловскому. Не читать «Капитала» Маркса считается для русскаго интеллигентнаго соціалъ-демократа почти позоромъ.

Не то въ Германіи. Здѣсь соціализмъ представляетъ огромное практическое движеніе, которое тысячью нитей связано съ окружающей общественной обстановкой. На очереди у движенія всегда стоятъ сотни прозаическихъ, конкретныхъ вопросовъ, касающихся государственнаго страхованія, вздорожанія жизни, реформы парламентскаго избирательнаго права, борьбы за повышеніе заработной платы и цѣлаго ряда другихъ, не менѣе реальныхъ вещей. И вожди, вполнѣ естественно, должны давать конкретные отвѣты на конкретные вопросы, выдвинутые жизнью, должны сосредоточивать на нихъ, а не на проблемахъ теоріи, все свое вниманіе. Естественнымъ результатомъ подобнаго положенія является выработка у нихъ извѣстнаго пренебреженія ко всякаго рода отвлеченнымъ вопросамъ, что, какъ и излишнее увлеченіе ими, имѣетъ несомнѣнно свои опасныя стороны. Но за то слѣдствіемъ того же положенія становится привычка вождей ставить конкретно всѣ, даже самыя сложныя, проблемы и при столкновеніи жизни съ логическими формулами отдавать предпочтеніе первой предъ послѣдними. Тотъ же практическій характеръ движенія вырабатываетъ въ рядахъ его генеральнаго штаба цѣлый рядъ образованныхъ спеціалистовъ по различнымъ отраслямъ политической, профессіональной, муниципальной и всякой иной дѣятельности. Читалъ-ли однако каждый изъ этихъ спеціалистовъ всѣ три тома «Капитала» Маркса или всѣ теоретическіе труды Карла Каутскаго, — подлежитъ большому сомнѣнію.

По крайней мѣрѣ, редакторъ одного изъ самыхъ большихъ профессіональныхъ органовъ мнѣ какъ-то сознался, что «Капиталъ» Маркса, правда, давно уже стоитъ въ его книжномъ шкафу, но что до сихъ поръ онъ не имѣлъ еще возможности съ нимъ познакомиться.

IV.

Таковъ характеръ, таковъ личный составъ руководящихъ элементовъ современнаго рабочаго движенія Германіи. Что мое изображеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, что я отнюдь не сгустилъ краски, рисуя вождей движенія, какъ плоть отъ плоти и кровь отъ крови пролетаріата,—можетъ быть доказано многочисленными фактами и даже цѣлымъ рядомъ статистическихъ данныхъ. Для того, чтобы не ходить далеко за примѣромъ, укажу хотя бы на Бебеля, этого бывшаго токарнаго мастера, сумѣвшаго силой своего таланта подняться со дна жизни до высочайшихъ вершинъ политическаго вліянія и извѣстности. Впрочемъ, на исторіи Бебеля я не стану сейчасъ долго останавливаться, такъ какъ она достаточно извѣстна изъ его собственныхъ воспоминаній.

Укажу на Теодора Бемельбурга, наиболѣе блестящаго вождя современнаго профессіональнаго движенія въ Германіи. Его біографія настолько поучительна и интересна, что ей стоитъ посвятить нѣсколько строкъ.

Бемельбургъ родился въ 1862 г. въ маленькой деревушкѣ въ Вестфаліи и съ ранняго дѣтства воспитанъ былъ въ строго-католическомъ духѣ. Народной школы ему почти не пришлось посѣщать, такъ какъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ долженъ былъ помогать родителямъ по хозяйству,—поэтому чтенію и письму онъ обучился лишь въ сравнительно позднемъ возрастѣ. Въ 14 лѣтъ Бемельбургъ переселился изъ деревни въ Бохумъ и здѣсь изучилъ ремесло каменщика, а въ 20 лѣтъ попалъ для отбыванія воинской повинности въ рейнскую столицу Германіи—Кёльнъ. Умный и способный солдатъ былъ все время на прекрасномъ счету у начальства и къ концу службы даже удостоился произведенія въ унтеръ-офицерское званіе. Годы военной жизни сыграли крупную роль въ умственномъ развитіи будущаго вождя рабочаго движенія: именно въ Кёльнѣ Бемельбургъ поглотилъ почти всю нѣмецкую классическую литературу и очень пристрастился къ посѣщенію театра, куда его, какъ образцоваго солдата, часто посылали въ помощь пожарнымъ.

Выйдя изъ казармы, Бемельбургъ въ качествѣ простого каменщика въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ бродилъ по Германіи, пока, наконецъ, во второй половинѣ 80-хъ гг. не попалъ въ Гамбургъ, бывшій во времена исключительнаго закона главнымъ центромъ рабочаго движенія. Здѣсь Бемельбургъ впервые познакомился съ профессіональными организаціями и, переживши тяжелый душев-

ный кризисъ, открыто перешелъ въ лагерь соціализма. Сильный умъ и блестящій ораторскій талантъ быстро выдвинули его изъ среды рядовой массы, а упорная работа по самообразованію и самовоспитанію доставила ему уваженіе руководителей рабочаго движенія. Въ 1893 г., въ возрастѣ едва 30 лѣтъ, Бемельбургъ былъ выбранъ предсѣдателемъ общегерманскаго союза каменщиковъ, насчитывавшаго въ то время около 12.000 членовъ. Съ этого момента начинается быстрый ростъ его извѣстности и вліянія. Онъ реформировалъ административный и финансовый аппаратъ своего союза, завелъ въ немъ строгую отчетность, усилилъ централизацію, неустанно работалъ надъ повышеніемъ членскаго взноса и, наконецъ, лично провелъ рядъ крупнѣйшихъ экономическихъ столкновеній, включительно до исполинскаго локаута строительныхъ рабочихъ въ 1910 г. За время 17-лѣтняго предсѣдательствованія Бемельбурга союзъ каменщиковъ увеличилъ число своихъ членовъ съ 12.000 до 180.000 и превратился въ одну изъ могущественнѣйшихъ профессіональныхъ организацій Германіи. А вмѣстѣ съ ростомъ союза все крупнѣе становилась и роль Бемельбурга въ судьбахъ нѣмецкаго рабочаго движенія. Это обстоятельство было своевременно учтено соціалъ-демократической партіей, и она провела Бемельбурга въ 1903 г. въ депутаты имперскаго рейхстага.

Такова краткая исторія этой замѣчательной жизни, и, когда начинаешь мысленно сравнивать ея начальный и конечный пункты,—душу невольно охватываетъ чувство глубокаго удивленія. Еще 20 лѣтъ назадъ Бемельбургъ былъ простымъ малограмотнымъ каменщикомъ, какихъ много, а теперь—онъ одинъ изъ крупнѣйшихъ вождей германскаго пролетаріата, предсѣдатель огромнаго союза, депутатъ парламента, тонкій стратегъ экономической борьбы, блестящій ораторъ и—что особенно характерно—большой знатокъ литературы и искусства.

Бемельбургъ принадлежитъ къ такъ называемому старому поколѣнію вождей, вступившему въ движеніе еще въ эпоху исключительныхъ законовъ и создавшему его современное могущество и славу. Большинство этихъ вождей въ настоящее время находится въ возрастѣ около 50—55 лѣтъ и занимаетъ всѣ главные посты, какъ въ партіи, такъ и въ профессіональныхъ союзахъ. Но за послѣднія 10—15 лѣтъ успѣло подрости новое, молодое поколѣніе руководителей пролетаріата (средній возрастъ его 30—35 лѣтъ), и, присматриваясь ближе къ его облику и составу, очень скоро убѣждаешься, что и оно точно такъ же, какъ и старое поколѣніе, вышло цѣликомъ изъ рабочей среды.

Живя въ Гамбургѣ, я познакомился и довольно близко сошелся съ редакторомъ одного изъ самыхъ крупныхъ профессіональныхъ органовъ Германіи. Это былъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ 33, умный, интеллигентный, образованный, съ яркой мыслью и сильнымъ, талантливымъ перомъ. Разговаривая съ нимъ, я всегда по-

ражался глубинѣ захвата и тонкости его сужденій о людяхъ и событіяхъ. Послѣ 10 минутъ бесѣды чувствовалось, что предъ вами стоитъ очень незаурядная личность, предъ которой открыто широкое будущее. Меня очень интересовала карьера моего новаго знакомаго и, удовлетворяя моему любопытству, онъ какъ-то разъ вечеркомъ за кружкой добраго нѣмецкаго пива разсказалъ мнѣ свою несложную и въ то же время поучительную исторію. А. Виннигъ,—такъ звали моего новаго знакомаго,—родился 12-мъ ребенкомъ въ семьѣ простого рабочаго-каменщика. Все раннее дѣтство его протекло въ небольшомъ городкѣ средней Германіи, при чемъ голодъ и нужда никогда не покидали убогаго жилища его родителей. Мальчикъ былъ отданъ въ народную школу, и тамъ быстро обнаружилъ прекрасныя способности. Его быстро замѣтили, отличили и передъ нимъ стала было открываться карьера народнаго учителя. Но тутъ совершенно неожиданно на сценѣ появились «независящія обстоятельства» (въ Пруссіи такія тоже имѣются).

Еще въ раннемъ дѣтствѣ Виннигу пришлось невольно столкнуться съ современнымъ рабочимъ движеніемъ. Его старшій братъ былъ дѣятельнымъ членомъ с.-д. партіи. Когда Виннигу было всего лишь 7—8 лѣтъ, въ ихъ домѣ былъ произведенъ обыскъ—это было во времена исключительнаго закона противъ соціалистовъ,—и полученныя тогда впечатлѣнія оказали сильное вліяніе на психику чуткаго мальчика. Въ 13—14 лѣтъ Виннигъ воспринялъ отъ старшаго брата основы с.-д. ученія и сталъ проявлять интересъ къ жизни и борьбѣ германскаго пролетаріата. Энергичная дѣятельность старшаго брата бросила и на него въ глазахъ блюстителей порядка извѣстную тѣнь «неблагонадежности»,—и учительская карьера оказалась для него закрытой. Какъ это ни было непріятно, приходилось оставить мечты объ интеллигентной профессіи и поискать заработка въ какой-нибудь отрасли физическаго труда. Виннигъ сдѣлался каменщикомъ и въ поискахъ за работой началъ бродить по Германіи. Еще у себя въ родномъ городкѣ онъ вступилъ въ мѣстную организацію строительныхъ рабочихъ, носившую анархо-синдикалистскій характеръ, и сдѣлался ея ревностнымъ членомъ. Теперь, бродя по странѣ, онъ столкнулся съ центральнымъ союзомъ каменщиковъ с.-д. направленія и быстро превратился въ горячаго адепта новой организаціи. Вернувшись въ родной городъ въ 1899 г., онъ задался цѣлью переубѣдить своихъ старыхъ товарищей и привлечь ихъ на сторону центральнаго союза. Эта задача требовала отъ него знаній и опыта, и онъ лихорадочно принялся за пріобрѣтеніе того и другого.

Страсть къ чтенію отличала Виннига съ дѣтскихъ лѣтъ. Будучи подросткомъ и юношей, онъ сторонился отъ шумной жизни своихъ сверстниковъ-коллегъ и все свободное время проводилъ за книгой, тратя свои карманныя деньги—50—60 пф. въ недѣлю—на покупку

«Neue Zeit» и друг. с.-д. изданій. Теперь онъ съ удвоенной силой набросился на научную и партійную литературу. Вскорѣ въ его городкѣ вспыхнула стачка строительныхъ рабочихъ, и это обстоятельство сыграло рѣшающую роль, какъ въ развитіи мѣстной профессіональной организаціи, такъ и въ жизни самого Виннига. Руководить стачкой пріѣхалъ предсѣдатель центральнаго союза каменщиковъ Т. Бёмельбургъ, и личное вліяніе этого замѣчательнаго человѣка въ связи съ наглядными уроками стачечной борьбы произвело большой переворотъ въ головахъ мѣстныхъ анархо-синдикалистовъ: всѣ они мало-по-малу эволюціонировали въ сторону идей центральнаго союза. Въ то же время Бёмельбургъ близко познакомился съ Виннигомъ, обратилъ на него вниманіе и предложилъ сотрудничать въ органѣ союза каменщиковъ «Grundstein». Спустя нѣкоторое время Виннигъ получилъ приглашеніе занять постъ служащаго мѣстной организаціи въ одномъ изъ городовъ Рейнской области, и это назначеніе окончательно рѣшило его дальнѣйшую судьбу. Его энергія, знанія, организаціонныя способности (за три года его дѣятельности организація провела рядъ успѣшныхъ стачекъ и возросла съ 28 до 1000 чл.), литературный талантъ и неоднократныя выступленія на различныхъ съѣздахъ и конференціяхъ обратили на него вниманіе широкихъ круговъ строительныхъ рабочихъ и доставили въ 1905 г., въ возрастѣ всего лишь 28 лѣтъ, постъ редактора «Grundstein'a», съ успѣхомъ занимаемый имъ вплоть до настоящаго дня.

Долженъ опять-таки повторить, что мой гамбургскій знакомый отнюдь не представляетъ собой исключенія, а, наоборотъ, является довольно т и п и ч н ы м ъ представителемъ новаго поколѣнія вождей. Такихъ, какъ онъ,—молодыхъ, талантливыхъ, образованныхъ руководителей рабочей массы, вышедшихъ изъ ея же рядовъ,—вы найдете въ настоящее время въ каждомъ крупномъ городѣ и въ каждой отрасли партійной или профессіональной работы.

Впрочемъ, пролетарскій составъ генеральнаго штаба германскаго рабочаго движенія можетъ быть доказанъ не только отдѣльными примѣрами, въ выборѣ которыхъ всегда сказывается извѣстный субъективизмъ, но и вполнѣ объективными цифровыми данными.

Взять, напримѣръ, «Генеральную коммиссію»—высшее учрежденіе профессіональнаго движенія Германіи—всѣ ея 13 членовъ—исключительно рабочіе *). Точно также всѣ члены центральныхъ

---

*) Составъ „Генеральной коммиссіи" слѣдующій: Легинъ (предсѣдатель) — токарь, Кубе — плотникъ, Зильбершмидтъ — каменщикъ, Робертъ Шмидтъ—рабочій по дереву, Сабатъ—портной, Кнолль—мостильщикъ,—Сассенбахъ—шорникъ, Шуманъ—транспортный рабочій, Деблингъ—печатникъ, Коенъ—металлистъ, Друнзель—горшечникъ, Бауеръ—конторщикъ, Гюбшъ—текстильный рабочій.

Члены же центральнаго правленія соціалъ-демократической партіи рас-

правленій отдѣльныхъ союзовъ, всѣ редакторы ихъ органовъ, всѣ ихъ областные предсѣдатели и мѣстные чиновники являются плотью отъ плоти и кровью отъ крови рабочей массы. Во всемъ административномъ аппаратѣ германскаго профессіональнаго движенія вы не найдете ни одного интеллигента или представителя какой-либо иной соціальной группы. Почти такъ же обстоитъ дѣло и въ соціалъ-демократической партіи. Такъ, въ ея центральномъ правленіи изъ 10 членовъ его только 3 вышли не изъ рабочей среды, всѣ остальные — чистокровные пролетаріи. Чрезвычайно любопытенъ также соціальный составъ соціалъ-демократическихъ фракцій въ различныхъ представительныхъ учрежденіяхъ. Мнѣ удалось собрать данныя объ этомъ составѣ для рейхстага, 5 ландтаговъ и двухъ муниципалитетовъ крупныхъ городовъ. Эти данныя, конечно, не могутъ претендовать на исчерпывающую полноту, но все-жъ таки и они очень показательны и характерны. Предоставляю судить объ этомъ самому читатею.

	Общее число с.-д. депутатовъ.	Въ томъ числѣ Рабочихъ.	Не рабочихъ.
Рейхстагъ.	52	36	16
Баварскій ландтагъ .	21	16	5
Баденскій „	20	15	5
Вюртембергскія „	16	14	2
Саксонскій „	25	25	—
Гамбургскій „	20	17	3
Мюнхенскій муципалитетъ	19	18	1
Лейпцигскій муципалитетъ	18	16	2
	191(100%)	156(81,7%)	35(18,3%)

Такимъ образомъ, четыре пятыхъ парламентскихъ представителей пролетаріата вышли изъ его собственныхъ рядовъ.

Тотъ же глубокій демократизмъ генеральнаго штаба вы замѣтите и въ другихъ областяхъ рабочаго движенія: такъ, всѣ рабочіе секретари—эти юридическіе совѣтники пролетарской массы—по происхожденію всегда сами рабочіе. Какъ это, быть можетъ, ни покажется страннымъ, но въ рабочихъ секретаріатахъ современной Германіи вы не найдете ни одного дипломированнаго юриста. Не иначе и въ средѣ партійныхъ литераторовъ: подавляющее большинство ихъ начало свою карьеру за рабочимъ станкомъ пролетарія. Взгляните на редакціи соціалъ-демократическихъ газетъ,—тамъ прямо «черно» отъ рабочаго человѣка. Въ «Hamburger Echo»,

предѣляются по профессіямъ слѣдующимъ образомъ: Бебель (предсѣдатель)—токарь, Зингеръ (предсѣдатель)—купецъ, Молькенбуръ—сигарный рабочій, Пфанкухъ—столяръ, Мюллеръ—купецъ, Эбертъ—перчаточникъ, Л. Цицъ—фабричная работница, Геришъ—металлистъ, Венгельсъ—текстильный рабочій и Липманъ—купецъ.

напримѣръ, въ числѣ 9 редакторовъ нѣтъ ни одного интеллигента, въ «Leipziger Volkszeitung»—изъ 11 редакторовъ—8 рабочихъ и 3 не рабочихъ. Подобное же соотношеніе рабочихъ и не рабочихъ элементовъ наблюдается почти во всѣхъ соціалъ-демократическихъ органахъ. Даже въ средѣ науки и искусства германскій пролетаріатъ все чаще начинаетъ выдвигать своихъ собственныхъ представителей.

Такъ, въ Германіи въ настоящее время имѣется цѣлый рядъ очень талантливыхъ поэтовъ-пролетаріевъ, какъ О. Крилле, Генкель и др. Имѣется не мало выдающихся музыкантовъ и пѣвцовъ, также вышедшихъ изъ рабочей среды. Въ Лейпцигѣ я, напримѣръ, имѣлъ случай видѣть молодого, даровитаго руководителя рабочихъ хоровъ, нѣкоего Поля Михаэля. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ онъ былъ простымъ рабочимъ-литографомъ и зарабатывалъ свой хлѣбъ тяжелымъ трудомъ въ типо-литографскихъ заведеніяхъ, а нынѣ онъ считается однимъ изъ лучшихъ капельмейстеровъ Лейпцига—этой музыкальной столицы Германіи. Въ томъ же городѣ мнѣ пришлось видѣть и другого самородка-рабочаго, выдвинувшагося однако не въ сферѣ искусства, а въ области научной работы. Лаубе — такъ называется этотъ самородокъ—былъ по профессіи рѣзчикомъ по камню, но еще въ ранней молодости сильно увлекся естественными науками. Благодаря поддержкѣ нѣкоторыхъ доброжелателей, Лаубе получилъ возможность прослушать нѣсколько семестровъ въ университетѣ, быстро выдвинулся своими дарованіями и принялъ участіе въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ естественно-научныхъ экспедиціяхъ. Позднѣе онъ уже самостоятельно по порученію Лейпцигскаго Crassi-Museum'a, общества «Kosmos» и другихъ аналогичныхъ учрежденій совершилъ цѣлый рядъ научныхъ поѣздокъ въ различныя части земного шара. Эта научная дѣятельность однако не оторвала его отъ рабочей среды: вплоть до настоящаго дня онъ остается добрымъ соціалъ-демократомъ, читаетъ лекціи по естествознанію въ рабочихъ клубахъ и образовательныхъ союзахъ, а въ 1909—10 гг. даже руководилъ въ Лейпцигѣ особымъ научно-популярнымъ кинематографомъ, предназначеннымъ спеціально для рабочей публики.

И этотъ чисто - пролетарскій характеръ руководящаго аппарата германскаго рабочаго движенія имѣетъ по истинѣ громадное значеніе. Онъ обезпечиваетъ максимумъ возможной близости, максимумъ взаимнаго пониманія и довѣрія между массами и вождями и тѣмъ самымъ въ огромной степени усиливаетъ мощь какъ политическихъ, такъ и экономическихъ организацій рабочаго класса. Но тотъ же характеръ руководящаго аппарата имѣетъ и другое чрезвычайно важное преимущество: онъ даетъ пролетарскому движенію цѣлую армію честныхъ, дѣловитыхъ, преданныхъ работниковъ, съ скромными потребностями и по-истинѣ исполинской трудоспособностью. Какъ высоки эти «дѣловыя» качествъ рабочихъ

вождей, можно лучше всего судить по тому обстоятельству, что капиталистическіе предприниматели крайне охотно принимають къ себѣ на службу бывшихъ чиновниковъ профессіональныхъ союзъ: работа въ пролетарской организаціи является съ точки зрѣнія торгово-промышленныхъ королей лучшей рекомендаціей для занятія отвѣтственнаго поста въ магазинѣ или на фабрикѣ. Мнѣ самому какъ-то пришлось присутствовать при довольно курьезной сценѣ приглашенія одного изъ моихъ знакомыхъ чиновниковъ профессіональныхъ союзовъ на постъ инспектора мѣстнаго страхового общества,—всѣ усилія представителя послѣдняго однако остались тщетны, и мой знакомый вплоть до настоящаго дня продолжаетъ стоять во главѣ рабочей организаціи. Съ другимъ моимъ знакомымъ произошла однажды еще болѣе замѣчательная исторія. Какъ представитель профессіональнаго союза, онъ велъ переговоры о заключеніи тарифа съ одной изъ довольно большихъ механическихъ фирмъ. Переговоры тянулись чрезвычайно долго, что-то больше года, такъ какъ фирма попалась очень упрямая и не желала идти ни на какія уступки. Въ пылу раздраженія съ обѣихъ сторонъ было сказано немало рѣзкихъ словъ, и личныя отношенія между моимъ знакомымъ и хозяиномъ предпріятія подъ конецъ переговоровъ чрезвычайно обострились. Тѣмъ не менѣе, когда дѣло уже было сдѣлано и тарифъ (благопріятный для рабочихъ) все-таки заключенъ,—фабрикантъ подошелъ къ моему знакомому и. протянувъ ему руку, сказалъ:

— Если вы когда-нибудь рѣшите бросить свою службу въ профессіональномъ союзѣ, приходите ко мнѣ: у меня для васъ во всякое время найдется хорошее мѣстечко!

Заканчивая характеристику правящихъ элементовъ рабочаго движенія Германіи, я долженъ упомянуть еще объ ихъ матеріальномъ положеніи. Выше я уже говорилъ, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ вожди являются служащими либо соціалдемократической партіи, либо профессіональныхъ союзовъ и живутъ на получаемое отъ нихъ жалованье. Познакомлю теперь читателя съ средними нормами оплаты труда въ пролетарскихъ организаціяхъ. Вотъ нѣкоторыя любопытныя цифры. Союзъ металлистовъ платитъ своимъ мѣстнымъ чиновникамъ 1.980—2.600 марокъ въ годъ, областнымъ предсѣдателямъ отъ 2.160—3.000, членамъ центральнаго правленія по 3.600 и первому предсѣдателю союза 4.200 м.; союзъ строительныхъ рабочихъ платитъ мѣстнымъ чиновникамъ отъ 1800—2600, областнымъ предсѣдателямъ—2.100—2.600, членамъ центральнаго правленія и редакторамъ—2.400—3.000 м., плюсъ 300 м. въ годъ на представительство предсѣдателямъ, редакторамъ, первому секретарю и первому кассиру; въ союзѣ фабричныхъ чернорабочихъ мѣстные чиновники получаютъ—1.800—2.400 м., члены центральнаго правленія и редакторы—2.000—2.700 м. и т. д. Приблизительно таковы же

нормы жалованья и на партійной службѣ. Такъ, согласно образцовому договору, выработанному «союзомъ рабочей прессы» минимальное жалованье редактора соціалъ-демократической газеты должно равняться 1.800 маркамъ въ годъ и, постепенно повышаясь (на 200 марокъ каждые 2 года), достигать предѣльной нормы въ 3600 марокъ. Дальнѣйшее повышеніе подлежитъ уже свободному соглашенію между редакторомъ и издательствомъ. Минимальное жалованье репортера опредѣляется въ 1.500 м. и каждые 2 года повышается на 200 м.; начальное вознагражденіе служащаго въ партійной книжной торговлѣ равняется 1.800 м. и, постепенно повышаясь, достигаетъ предѣльной нормы въ 3.500 м. въ годъ. Минимальный окладъ областного или провинціальнаго партійнаго секретаря составляетъ 2.200 м., причемъ каждые 2 года онъ повышается на 200 марокъ; наконецъ, вознагражденіе, получаемое секретарями и кассирами центральнаго правленія партіи, достигаетъ $4^1/_2$ тыс. м.

Таковы среднія нормы вознагражденія нѣмецкихъ рабочихъ вождей. Какъ видитъ читатель, онѣ очень невысоки, больше того, онѣ прямо поражаютъ своей ничтожностью: достаточно указать хотя бы на тотъ удивительный фактъ, что предсѣдатель союза металлистовъ, насчитывающаго 500.000 членовъ—этотъ первый министръ огромнаго рабочаго государства получаетъ всего-навсего 4.200 м. (около 2.000 р.) въ годъ. Правда, на практикѣ иногда встрѣчаются отклоненія отъ указанныхъ нормъ: редакторъ газеты можетъ быть одновременно депутатомъ рейхстага, рабочій секретарь депутатомъ ландтага и т. п.,—въ этихъ случаяхъ совмѣщеніе должностей приноситъ вождю совмѣщеніе обычнаго жалованья съ депутатскими діэтами *) и такимъ образомъ повышаетъ его годовой доходъ до 5—7000 м., но такіе случаи сравнительно не очень часты, и подавляющее большинство вождей вынуждено жить на 2—3.000 м., получаемыхъ ими отъ организаціи. Если принять во вниманіе дороговизну современной жизни, эта сумма не можетъ не быть признана достаточно низкой.

И эта сравнительная скупость рабочихъ организацій въ оплатѣ труда своихъ собственныхъ служащихъ отнюдь не является случайностью или какой-либо неумѣстной экономіей. Наоборотъ, она вполнѣ логически вытекаетъ изъ всего духа пролетарскаго движенія Германіи. Нѣмецкіе профессіональные союзы держатся того вполнѣ основательнаго мнѣнія, что вожди не должны вести образъ жизни, слишкомъ сильно отличающійся отъ образа жизни рядового рабочаго, иначе они легко могутъ оторваться отъ пониманія интересовъ, настроеній и переживаній широкихъ массъ. Поэтому

*) Въ случаяхъ совмѣщенія какой-нибудь организаціонной должности съ депутатскимъ мандатомъ изъ обычнаго жалованья вождя дѣлаются извѣстные вычеты, не превышающіе однако 25—30% его заработка.

при установленіи нормъ оплаты труда своихъ служащихъ союзы берутъ за основу высшую заработную плату рабочихъ данной отрасли производства и дѣлаютъ съ своей стороны къ ней извѣстную надбавку. Такъ получается та цифра въ 2—3.000 м., въ предѣлахъ которой колеблется жалованье, по крайней мѣрѣ, $^{9}/_{10}$ чиновниковъ профессіональныхъ союзовъ. А изъ міра профессіональнаго движенія тѣ же принципы оплаты труда служащихъ переносятся и въ соціалъ-демократическую партію.

Какъ велико число вождей германскаго пролетаріата? Какъ велико число служащихъ партіи и профессіональныхъ союзовъ? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ съ полной категоричностью, но, по болѣе или менѣе вѣроятнымъ подсчетамъ, это число должно колебаться между 3—$3^{1}/_{2}$ тысячъ человѣкъ, изъ нихъ около $2^{1}/_{2}$ тысячъ въ профессіональномъ движеніи и около 600—700 человѣкъ въ соціалъ-демократической партіи. Какъ видитъ читатель, это уже цѣлая небольшая «бюрократическая» армія.

Со свойственной всѣмъ нѣмцамъ способностью къ организаціи рабочіе вожди уже сравнительно давно создали въ своей средѣ рядъ самыхъ разнообразныхъ профессіональныхъ объединеній. Такъ, въ настоящее время имѣется общегерманскій «союзъ конторскихъ служащихъ», членами котораго являются преимущественно чиновники профессіональныхъ союзовъ, имѣются «союзъ рабочей прессы» и «касса взаимопомощи служащихъ соціалистическаго рабочаго движенія»; кромѣ того въ Гамбургѣ, Мюнхенѣ, Лейпцигѣ и другихъ крупныхъ городахъ существуютъ мѣстные клубы вождей политическаго и профессіональнаго движеній, въ которыхъ отъ времени до времени устраиваются рефераты, дискуссіи и собесѣдованія на различныя животрепещущія темы.

Міръ рабочаго движенія Германіи открываетъ предъ внимательнымъ наблюдателемъ безконечное множество чрезвычайно интересныхъ и поучительныхъ вещей. Но едва-ли не самой главной самой поразительной его достопримѣчательностью является генеральный штабъ самаго движенія,—эта свѣжая, здоровая, талантливая, полная неистраченныхъ силъ рабочая интеллигенція. Уже одинъ фактъ ея нарожденія свидѣтельствуетъ объ огромныхъ силахъ, таящихся въ нѣдрахъ германскаго пролетаріата. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ фактъ свидѣтельствуетъ и о необыкновенной мощи рабочаго движенія Германіи, вынесшаго на своемъ гребнѣ эту фалангу блестящихъ вождей.

В. Майскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Иностранное обозрѣніе.

«Подвиги цивилизаторовъ» въ Марокко. — Какъ «цивилизуютъ» албанцевъ турки.

Доказывать, что современная цивилизація, оказывается при столкновеніяхъ съ такъ называемыми нисшими расами жестокой мачехой, значитъ ломиться въ открытую дверь. Лучшіе и благороднѣйшіе мыслители не разъ обличали политику быстраго истребленія или болѣе медленнаго развращенія, практиковавшуюся бѣлыми носителями культуры по отношенію къ «дикимъ племенамъ». Не надо только забывать, что въ безчеловѣчной расправѣ аристократіи человѣческаго рода съ меньшею братіею виновата собственно не сама цивилизація, сколько ея современная форма, основанная внутри самихъ культурныхъ государствъ на сословной и классовой враждѣ и выдвигающая при встрѣчѣ цивилизованныхъ и не-цивилизованныхъ народовъ на первый планъ какъ разъ представителей или грубой силы, или коммерческой наживы, или духовнаго отупленія.

Кто, дѣйствительно, являлся до сихъ поръ типичнымъ носителемъ нашей культуры въ экзотическихъ странахъ или, вообще, среди отсталыхъ народностей? Военный человѣкъ, самъ проникнутый варварскими предразсудками старины и видящій въ колоніальныхъ подвигахъ вѣрную ступень къ достиженію чиновъ, почета и болѣе осязательныхъ выгодъ; предпріимчивый купецъ, не вѣрящій ни въ бога, ни въ чорта и поклоняющійся червонцу, сіяніе котораго замѣняетъ для него солнце и луну, природу и людей,—жестокій, свирѣпый эксплуататоръ, врядъ ли уступающій самому отчаянному милитаристу въ презрѣніи къ человѣческой жизни; изувѣрствующій миссіонеръ, который изъ-за схоластическихъ тонкостей небесной метафизики готовъ подвергнуть «язычника» всевозможнымъ физическимъ и моральнымъ истязаніямъ. Гуманные Ливингстоны, умѣвшіе внушить къ себѣ любовь и уваженіе туземцевъ, являются рѣдкимъ исключеніемъ. Правило же составляютъ авторитарные, жестокіе Стэнли, которые даже въ своихъ разсчитанныхъ на читателей отчетахъ о путешествіяхъ не стыдятся съ самымъ наивнымъ цинизмомъ признаваться въ своей симпатіи къ палкѣ, кнуту, револьверу. А что сказать относительно цѣлой фаланги изслѣдователей и администраторовъ «чернаго континента», выдвинутыхъ колоніальной лихорадкой, охватившей европейскія страны съ начала 80-хъ годовъ и создавшей типы изысканныхъ бѣлыхъ мучителей, вплоть до того чиновника бельгійскаго Конго, который заставлялъ негровъ проглатывать динамитные патроны - капсюли и, при по-

мощи остроумнаго приспособленія, взрывалъ ихъ *изнутри*,—чудовищный и далеко не единичный фактъ, обошедшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ всю прессу обоихъ полушарій! Недаромъ у французовъ, платящихъ вотъ уже тридцать лѣтъ дань колоніальной политикѣ, выработался терминъ «африканить», обозначающій ту нравственную болѣзнь, то спеціальное хроническое изступленіе, почти сумасшествіе, которое овладѣваетъ «цивилизаторомъ», снабженнымъ неограниченной властью и позволяющимъ себѣ безъ всякаго колебанія продѣлывать чудовищныя вещи надъ черными.

Въ настоящей статьѣ я хотѣлъ бы коснуться вопроса, который какъ нельзя лучше иллюстрируетъ современное культуртрегерство, такъ какъ съ нимъ связаны дѣянія не одной какой-нибудь цивилизованной націи, а трехъ-четырехъ, и между ними наиболѣе кичащихся своимъ просвѣщеніемъ. Я разумѣю марокскій вопросъ, который уже лѣтъ шесть-семь волнуетъ умы колонизаторовъ Западной Европы и временами, кажется, вотъ-вотъ вызоветъ войну между соперничающими по части цивилизаторской миссіи націями.

Марокко, очень мало извѣстное европейцамъ съ научной точки зрѣнія, уже служитъ, однако, широкой ареной разыгравшихся аппетитовъ французовъ, испанцевъ, нѣмцевъ, которые шныряютъ по всѣмъ доступнымъ пунктамъ страны, становятся хозяевами портовъ и таможенъ, захватываютъ туземные города и укрѣпленія, облагаютъ жителей, подъ предлогомъ умиротворенія, всевозможными поборами и, подъ предлогомъ же умиротворенія, оставляютъ повсюду свои гарнизоны, раздѣляютъ территорію на «пояса вліянія», заключаютъ съ племенами договоры и тутъ же разрываютъ ихъ, ссорятся между собой, кричатъ о взаимныхъ интригахъ,—и все это подъ предлогомъ успокоенія Марокко и защиты законныхъ правъ его властителя! Дѣйствительно цивилизующее начало тутъ не при чемъ. Офицеръ норовитъ составить себѣ «побѣдами» карьеру, торговецъ—нажиться. Цѣлая уйма спекуляторовъ и аферистовъ бросается по слѣдамъ красныхъ французскихъ панталонъ и свѣтло-сѣрыхъ испанскихъ шинелей, между тѣмъ какъ нѣмецкіе коммивояжеры занимаются не то торговлей, не то разбоемъ на югѣ страны. Короче сказать, съ самой новѣйшей картой (см., напр., карту Доманна и Габенихта въ послѣднемъ,—французскомъ,—изданіи 1910 г. знаменитаго атласа Штилера) вы уже больше не въ состояніи слѣдить за марокской авантюрой, и повсюду выростаютъ новые лагери, форпосты, стоянки, быстро заносимые и едва-ли не быстрѣе того исчезающіе на дрянныхъ картахъ колонизаторской ежедневной прессы.

Мы, конечно, не думаемъ заниматься въ этой статьѣ всѣми перипетіями военной, дипломатической и торговой кутерьмы, поднявшейся въ Марокко. На этой почвѣ журналу не угоняться за заграничными газетами, чуть не каждый часъ—въ своихъ приложеніяхъ,—угощающими публику сенсаціонными, зачастую умыш-

ленно сочиненными новостями. Приходится, наоборотъ, останавливаться на общей сторонѣ дѣла и подчеркивать, если можно такъ выразиться, философію исторіи вопроса. Марокко, занимающее въ сѣверо-западномъ углу Африки пространство въ 440.000 кв. килом., т. е. чуть не съ Испанію, не считая сливающихся съ Сахарой территорій,—и населенное кто говоритъ $4^1/_2$, а кто 10 милліонами берберовъ, арабовъ, туареговъ и т. п., до послѣдняго времени привлекало къ себѣ сравнительно мало вниманія просвѣщенныхъ колонизаторовъ. Жители его въ XVI и XVII столѣтіи наводили страхъ морскими разбоями на европейцевъ и въ свою очередь стали терпѣть отъ послѣднихъ съ начала XIX вѣка. Ихъ били французы. Ихъ били испанцы, которые урвали у марокскаго султана, между прочимъ, прибрежный городъ Тетуанъ, недалеко отъ Гибралтарскаго пролива, и заключили мирный и торговый договоръ въ 1860 г., но съ свойственной имъ апатіей, причины которой объяснялъ еще Бокль, опочили на этихъ лаврахъ и очень мало думали о какой бы то ни было торговлѣ, колонизаціи и т. п. вещахъ. Торговыми сношеніями съ Марокко занимались преимущественно англичане. Но на рубежѣ XIX и XX вѣковъ зашевелились усиленно французы, колоніальная «имперія» которыхъ въ одной Африкѣ достигла къ тому времени пространства болѣе, чѣмъ въ 10 милліоновъ кв. килом., т. е. вдвое обширнѣе Европейской Россіи, и среди которыхъ милитаристы и шовинисты, сдавленные нѣсколько на почвѣ метрополіи въ своихъ замыслахъ республиканскими кабинетами со времени дѣла Дрейфуса, искали въ колоніальной политикѣ реванша и исхода своему воинственному пылу. Въ Марокко появились разные виконты де-Сегонзаки, помѣсь выродившагося конквистадора и современнаго милитариста, подбитаго аферой и спекуляціей и вопіявшаго о «національной чести и цивилизаторской миссіи Франціи». Агитація этихъ господъ была поддержана въ метрополіи значительной частью офицерства, которое томилось отъ медленности выслуги и съ упованіемъ взирало на перспективу колоніальной войны, или, по крайней мѣрѣ, авантюры, дающей возможность при сравнительно маломъ рискѣ,—марокканецъ не нѣмецъ!—получать удвоенное жалованье и быстрѣе подниматься по ступенькамъ іерархической лѣстницы.

А къ тому времени въ правящихъ сферахъ третьей республики уже стали обнаруживаться симптомы утомленія внутренней реформаціонной политикой, вызванной отчасти дрейфусистской встряской; и диверсія въ сторону «дѣятельной» внѣшней политики приходилась по сердцу многимъ членамъ радикальнаго большинства. Наступали дни вліянія Делькассэ, который въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ сближался съ Англіей, съ Италіей и старался проводить политику изолированія Германіи, ея «окруженія» (Einkreisung, какъ горько жаловались нѣмцы) стѣной дружественныхъ между собой и не любящихъ нѣмецкой гегемоніи державъ.

Въ апрѣлѣ 1904 г. была заключена англо-французская конвенція, согласно которой Соединенное королевство признавало за Франціей «право помогать султану Марокко въ проведеніи административныхъ, экономическихъ, финансовыхъ и военныхъ реформъ», при соблюденіи лишь прежде заключенныхъ Англіей съ Марокко договоровъ и условій *). Эта конвенція была принята и Испаніей. Французскіе колонизаторы торжествовали. Какъ вдругъ, словно ударъ молніи среди чистаго неба, германскій Лоэнгринъ на тронѣ, оказавшійся идеальнымъ „странствующимъ приказчикомъ" своей націи, прибылъ въ Танжеръ не на миѳическомъ лебедѣ, а на современномъ броненосцѣ, и своею рѣчью 31 марта 1905 г. подчеркнулъ независимость султана отъ пришельцевъ, т. е. косвенно пригласилъ марокканцевъ оказывать, въ надеждѣ на помощь Германіи, сопротивленіе тѣмъ европейскимъ колонистамъ, которые становились господами положенія въ Марокко.

Въ воздухѣ запахло войной. Французскіе и нѣмецкіе соціалисты клеймили аггресивную политику своихъ правительствъ, могущихъ вызвать кровавое столкновеніе между двумя наиболѣе культурными народами европейскаго континента. Колонизаторамъ третьей республики пришлось пожертвовать своимъ Делькассэ, котораго Жорэсъ уже нѣсколько мѣсяцевъ жестоко преслѣдовалъ за планы повторить въ Марокко тонкинскую политику завоеваній. Съ другой стороны, Англія старалась противодѣйствовать гегемоніи Германской имперіи, эффектно заявлявшей о своемъ правѣ «цивилизовать» марокканцевъ. Въ результатѣ всей этой суматохи, страховъ и опасеній, дипломатическихъ интригъ и подсиживаній другъ друга, разноголосый европейскій квартетъ уступилъ мѣсто міровому концерту, на которомъ было представлено тринадцать государствъ и который вызвалъ къ довольно эфемерной жизни пресловутый алжесирасскій договоръ 31 декабря 1906 г. Въ основу его было положено экономическое равенство всѣхъ державъ въ Марокко, т. е. право одинаковой эксплуатаціи злополучныхъ туземцевъ всѣми культурными партнерами. Но Франціи и Испаніи, какъ наиболѣе близкимъ къ султанату странамъ, была поручена спеціальная задача умиротворенія края при помощи организаціи спеціальной мавританской полиціи, обучаемой инструкторами обѣихъ державъ и находящейся, для вящаго безпристрастія, подъ начальствомъ швейцарскаго полковника Миллера. Эти полицейскія силы должны были заключать до $2^1/_2$ тысячъ солдатъ и распредѣляться между восемью открытыми торговлѣ портами Марокко. Кромѣ того, Франціи было дано извѣстное преимущество въ смыслѣ реорганизаціи войскъ самого султана.

Конечно, не было забыта и чисто экономическая сторона, или лучше сказать, подкладка марокккской авантюры. Просвѣщенные

*) „The Statesman's Year-Book", 1910; стр. 1018.

колонизаторы «честью попросили» султана учредить государственный банкъ, каковой и получилъ концессію на сорокъ лѣтъ. Онъ выпускаетъ бумаги, играетъ роль главнаго казначея и плательщика Марокксвой державы, является ея финансовымъ агентомъ внутри и внѣ страны, наконецъ, способствуетъ возстановленію цѣнности денегъ, наиболѣе распространеннымъ мѣриломъ которыхъ служитъ старинный испанскій піастръ, зачастую имѣющій вслѣдствіе систематической порчи правительствомъ лишь треть своей номинальной стоимости. Банкъ этотъ функціонируетъ „не подъ руководствомъ, но подъ контролемъ четырехъ цензоровъ“ (sic!), которыми являются особые делегаты французскаго, англійскаго испанскаго и германскаго банковъ. Вы уже отсюда можете безошибочно заключить, что это высшее кредитное учрежденіе страны предназначено главнымъ образомъ стягивать платежныя средства, находящіяся въ деньгахъ-ли или натурою въ рукахъ злополучныхъ марокканцевъ, и отдавать ихъ, путемъ спеціальныхъ и прочихъ счетовъ, международнымъ пиратамъ капитала на цѣли спекуляціи. Пущены были въ ходъ и займы, роль которыхъ въ «первоначальномъ накопленіи» такъ блистательно изобразилъ еще Марксъ. Въ 1906 г. внѣшній долгъ султаната уже достигалъ до тридцати милліоновъ рублей на наши деньги. Кредиторами являются нѣмцы и особенно французы, которые ссудили султану около 25 милліоновъ рублей и обезпечили себѣ уплату процентовъ и суммъ на погашеніе правильными полугодовыми взносами до 1941 г.

Когда алжесирасскій договоръ ослабилъ опасность европейской войны, каждый изъ цивилизующихъ Марокко партнеровъ поспѣшилъ еще болѣе расширить сферу своего хозяйничанья въ Магребъ-эль-Аксѣ,—таково оффиціальное арабское названіе султаната. Особенно усердствовала третья республика, которая по странной ироніи судьбы нашла пламенныхъ колонизаторовъ въ радикальныхъ министрахъ въ родѣ Клемансо, того самого Клемансо, что во время оно съ такой энергіей и благородствомъ вооружался противъ тонкинской политики Жюля Ферри. Тщетны были предостереженія соціалистовъ, съ негодованіемъ возстававшихъ противъ марокксвой вакханаліи. Франція все далѣе и далѣе шла по пути, на который ее толкали «колонизаторы». Искусственно создавались инциденты, имѣвшіе цѣлью оправдать дальнѣйшее вторженіе французовъ въ дѣла Марокко. Съ затаенной радостью и напускной патріотической скорбью эксплуатировались и тѣ естественныя печальныя случайности, которыя выпадали на долю назойливыхъ авантюристовъ Франціи, умѣвшихъ возбуждать ненависть въ туземцахъ. Убійство доктора Мошана въ южной столицѣ султаната, Мерракешѣ, и нѣсколькихъ рабочихъ въ одномъ изъ портовъ имѣло своимъ слѣдствіемъ, опиравшимся на своеобразную милитарно-капиталистическую логику, захватъ французами Уджды

на алжирской границѣ и порта Казабланки (по туземному Даръ-эль-Бейды) на Атлантическомъ океанѣ. Дѣло происходило въ 1907 г., еще при султанѣ Мулаѣ-Абдулѣ-Асизѣ. Свергнувшій его съ престола братъ, Мулай-Гафидъ, думалъ было положить конецъ завоевательной политикѣ французовъ. Но то была борьба глинянаго горшка даже не съ чугуномъ, а со стальной пушкой европейца. Гафидъ смирился и былъ въ награду признанъ алжесирасскими партнерами законнымъ владѣтелемъ страны въ январѣ 1909 г. Вскорѣ онъ сознательно сталъ покорнымъ вассаломъ третьей республики, прикрывая своимъ именемъ всѣ дѣянія французовъ и возбуждая даже этимъ неудовольствіе другихъ державъ.

Французскіе цивилизаторы торопились ковать желѣзо, пока оно горячо. Они становились все болѣе и болѣе господами положенія въ Марокко, но дѣйствовали авторитетомъ и, конечно, «въ интересахъ султана». Всѣ ихъ акты военнаго и гражданскаго характера санкціонировались пресловутымъ, запестрѣвшимъ въ политической прессѣ именемъ «махзена». Махзенъ—это приблизительно синонимъ «правительства» и обозначаетъ законную власть султана, которую онъ проявляетъ при помощи четырехъ туземныхъ племенъ, составляющихъ правящую аристократію родовъ, равно какъ при помощи своихъ придворныхъ чиновниковъ и мѣстныхъ губернаторовъ-кандовъ. Эта власть простирается, однако, лишь на часть всего Марокко, именуемую «правительственной землей» (blad-el-maghsen), а именно на три резиденціи,—Фецъ, Мекнесъ и Мерракешъ,—на обработанныя равнины и прибрежные города, составляющіе какъ бы то, что въ средневѣковой Европѣ считалось королевскими владѣніями среди территорій могущественныхъ, зачастую совершенно независимыхъ, феодаловъ. Всю остальную часть Марокко, такъ называемую «вольную землю» (blad-es-siba), можно уподобить именно этимъ независимымъ феодальнымъ владѣніямъ: каждый родъ управляется автономно и оберегаетъ ревниво свои племенныя привилегіи; подати и воиновъ онъ поставляетъ султану лишь на случай «джехада» (священной войны противъ христіанъ). И вотъ, наигрывая на этомъ различіи и прикрываясь именемъ султана, французы ни на минуту не останавливались въ своей завоевательной политикѣ. Что ни дѣлали они, все это дѣлалъ махзенъ. Сегодня махзенъ кладетъ свою высокую руку на такую-то касбу (городъ); завтра отмѣчаетъ военными постами, словно вѣхами, дорогу между прибрежьемъ и внутренностью страны; послѣ завтра наказываетъ номадовъ за самоуправство. Въ послѣднее время махзенъ начинаетъ даже писать прокламаціи къ народу совершенно въ духѣ оффиціальной галльской реторики. Нечего уже говорить о томъ, что, не смотря на сопротивленіе соціалистовъ, французскій парламентъ съ восторгомъ пользуется этимъ французофильствомъ махзена; и, кромѣ Казабланки, въ

1910—1911 гг. войска республики обосновываются въ портовомъ городѣ Рабатѣ, занимаютъ Фецъ, совершаютъ переходы въ Мекнесъ, въ Мерракешъ, повсюду размѣщаютъ гарнизоны и производятъ реквизиціи,—опять-таки во славу Аллаха и представляющаго его на тронѣ Марокко султана Мулая-Гафида!

Столь трогательное единеніе правовѣрныхъ и гяуровъ уже давно смущало душу Испаніи, или, лучше сказать, ея колонизаторовъ, превосходящихъ алчностью своихъ французскихъ собратовъ и уступающихъ имъ лишь ловкостью и энергіею. Потомки Кортеса съ завистью смотрѣли на успѣхи французовъ, взирали на небо съ упованіемъ—и, наконецъ, дождались. И тутъ не бывать бы счастью, да несчастье помогло: въ 1909 г. вспыхнули безпорядки въ Мелиллѣ, одномъ изъ шести пунктовъ, принадлежащихъ испанцамъ на средиземномъ побережьѣ Марокко. Возмущенные притѣсненіемъ бѣлыхъ, туземцы взбунтовались и, какъ водится, были жестоко усмирены. Мадридъ представилъ султану счетъ въ 24 милліона рублей *). Читатель, конечно, помнитъ, съ какой энергіей рабочіе и вообще искренно демократическіе элементы испанскаго народа сопротивлялись отправкѣ войскъ въ Марокко и съ какой злобой тогдашнее министерство реакціонера Маура подавило Барселонское возстаніе, не постѣснявшись уже послѣ возстанія, совершенно хладнокровно, совершить юридическое убійство Феррера. Кабинетъ Мауры уступилъ мѣсто либеральному кабинету Морета. Либеральный кабинетъ Морета смѣнился (9 февраля 1910) реформаціоннымъ и отчасти радикальнымъ кабинетомъ Каналехаса. Но, словно отравленная туника Нисса, колоніальная политика прилипла къ тѣлу Испаніи на горе трудящихся массъ и на радость биржевиковъ и военщины. Не довольствуясь своей прогрессивной внутренней работой и видимо стараясь задобрить придворную и реакціонную клику, Каналехасъ продолжаетъ завоевательную игру своихъ предшественниковъ. Подъ предлогомъ усмирить несуществовавшее броженіе туземцевъ, испанскія войска въ текущемъ году заняли портовый городъ Ларашъ (эль-Арайшъ), а отъ него двинулись внутрь страны и захватили Алькассаръ (эль-Ксаръ-эль-Кебиръ) и, лишь озадаченные шумомъ и гвалтомъ французскихъ конкуррентовъ, прекратили свое движеніе на независимую полуфеодальную территорію Уэзана.

Нѣтъ ничего поучительнѣе, какъ читать взаимную перебранку буржуазныхъ органовъ Франціи и Испаніи. Противникъ какъ нельзя лучше вскрываетъ извѣстную ему самому по опыту тактику соперника и разоблачаетъ всѣ мерзости чужой стяжательной души,

---

*) „The war indemnity to be paid to Spain was fixed at 2.400.000 l.“,—читаемъ мы въ англійскомъ политическомъ ежегодникѣ. См. „The Annual Register for the year 1910“; Лондонъ, 1911, стр. 430.

столь родственной ему самому. То, что „патріоты своего отечества“ съ негодованіемъ отрицаютъ, когда ихъ клеймятъ за то демократы и соціалисты ихъ собственной націи, то они съ комичнымъ паѳосомъ изобличаютъ въ дѣйствіяхъ своихъ соперниковъ,—и обратно. Надо, напр., имѣть передъ глазами передовицы и корреспонденціи парижскаго «Le Temps», или соотвѣтствующія упражненія испанской большой прессы, чтобы убѣдиться, въ какой степени правы Жорэсы на берегахъ Сены и Пабло Иглесіасы на мелководномъ Мансаманэсѣ, когда они клеймятъ своихъ родныхъ завоевателей и шовинистовъ названіями насильниковъ и грабителей. Все это признается и боязливой буржуазной прессой обѣихъ странъ, но лишь валится неизмѣнно на голову соперника. Наслѣдственное вторженіе въ предѣлы мирно живущихъ племенъ; побои и истязанія, чинимые надъ уважаемыми членами родовъ съ цѣлью вымогательства; произвольные поборы и формальный грабежъ; цивилизаторская баранта, размѣрамъ которой позавидовалъ бы и любой кочевникъ, баранта, захватывающая безразлично и скотъ, и людей, верблюдовъ и дѣвушекъ, и заканчивающаяся продажей четвероногихъ и двуногихъ животныхъ на ближайшемъ рынкѣ,—всѣ эти мерзости практикуются взапуски французами и испанцами, съ той лишь разницей, что колонизаторы третьей республики умѣютъ лучше укрываться за спину султана и, кромѣ того, обладаютъ болѣе звучнымъ рупоромъ вліятельной прессы. — Зачѣмъ вы захватили Ларашъ и Алькассаръ? гнѣвно вопрошаютъ французскіе мосье испанскихъ гидальго.— А вы зачѣмъ прикарманили Уджду, Рабатъ и укрѣпились въ сѣверной резиденціи Марокко? словно эхо несется отвѣтный вопросъ испанцевъ.—Когда вы покинете захваченные пункты? снова негодующе освѣдомляется потомокъ галла.—Тогда, когда вы очистите свои позиціи,—подаетъ реплику потомокъ ибера.—Намъ далъ это порученіе махзенъ, гордо возражаетъ одна сторона.—И намъ, и намъ,—нетерпѣливо перебиваетъ другая...

И этотъ діалогъ продолжался бы неопредѣленно долго съ обѣихъ странъ, какъ вдругъ—новый ударъ грома и на сцену появляется уже знакомый третій партнеръ, милитаризированная Германія, которая, не предупредивъ путемъ прочія державы (увѣдомленіе было сдѣлано на скорую руку и въ сущности post factum), рѣшительно вмѣшалась въ марокккскую игру. Въ послѣдній день іюня н. с. „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ помѣстила слѣдующее полуоффиціальное извѣстіе: «Ведущія на югѣ Марокко дѣла нѣмецкія фирмы, указывая на опасности, угрожающія тамошнимъ важнымъ нѣмецкимъ интересамъ въ виду возможности распространенія господствующихъ въ разныхъ частяхъ страны безпорядковъ, обратились къ императорскому правительству съ просьбой о принятіи мѣръ къ охраненію жизни и собственности нѣмцевъ и протежируемыхъ нѣмцами жителей этихъ мѣстностей. Императорское

правительство рѣшило съ этой цѣлью прежде всего послать въ портъ Агадиръ находившуюся по близости канонерку «Пантера» и увѣдомило о томъ державы. Одновременно было сообщено вліятельнымъ въ этой мѣстности марокканцамъ, что съ появленіемъ въ портѣ нѣмецкаго военнаго судна не связано никакого недружелюбнаго намѣренія по отношенію къ Марокко или его жителямъ».

Энергія и стремительность германскаго шага не могла не всколыхнуть общественнаго мнѣнія всего цивилизованнаго и „цивилизующаго" міра. Прежде всего этотъ пріемъ пришелся по вкусу нѣмецкимъ бюргерскимъ партіямъ. И если крайніе шовинисты Германіи находили ходъ правительства еще недостаточно рѣшительнымъ,—по ихъ мнѣнію, имперія была черезчуръ медлительна и вяла въ своихъ дѣйствіяхъ,—то, наоборотъ, даже прогрессивные органы одобрительно отнеслись къ посылкѣ «Пантеры» въ Агадиръ. Свободомыслящая „Vossische Zeitung" уже на третій день, въ передовой статьѣ «Германія и Франція», восклицала: «Посылка нѣмецкой канонерки въ Агадиръ произвела на народы сильное впечатлѣніе. Съ этимъ можно поздравить нѣмецкую дипломатію. Ибо сознательно ставящая себѣ цѣли энергія производитъ впечатлѣніе и на заинтересованныхъ, и на постороннихъ слушателей". Прогрессивной нѣмецкой газетѣ было негрудно показать, что и Франція, и Испанія достаточно потрудились надъ тѣмъ, чтобы отъ алжесирасскаго договора, который предполагалъ (?) независимость султана, не осталось и слѣда. Но дальше развивалась точка зрѣнія, изъ которой какъ нельзя яснѣе вытекало, что и Германія столь же мало думаетъ держаться трактатовъ, какъ и ея соперницы. Болѣе того, передовикъ берлинской газеты съ свойственнымъ со временъ Бисмарка всякому нѣмецкому бюргеру восхищеніемъ предъ силой, презирающей право, не безъ оттѣнка цинизма вскрывалъ смыслъ совершавшагося: «Какъ ни важно, впрочемъ, знать договорныя условія, однако было бы ошибочно оцѣнивать отношенія исключительно съ юридической точки зрѣнія. Старый Фрицъ сжалъ наглядные уроки исторіи въ одномъ афоризмѣ: «когда государства хотятъ войны, то они и начинаютъ ее, а затѣмъ призываютъ прилежнаго ученаго, который доказываетъ, что такъ и слѣдовало по праву (dass es also rechtens sei)». Что было сказано о войнѣ, то какъ разъ примѣнимо и къ «мирному проникновенію», которое считается «мирнымъ», даже когда оно совершается при помощи батальоновъ и орудій. Такъ что не слѣдуетъ черезчуръ строго судить нарушенія формальнаго права. Но разъ Франція блюдетъ свои интересы въ чрезмѣрномъ объемѣ, то должно и за Германіей признать право вступаться за свои экономическіе интересы» *).

---

*) „Deutschland und Frankreich"; № 323 «Vossische Zeitung» отъ 4 іюля 1911 г.

Французская пресса въ общемъ не послѣдовала за нѣмецкой въ этомъ циничномъ раскрытіи картъ и колоніальной игрѣ на чистоту. Конечно, и колонизаторы Франціи не уступятъ нѣмцамъ въ презрѣніи къ личности и имуществу туземцевъ, когда дѣло идетъ о наживѣ. Но ловкій галлъ выработалъ тактичность, которой недостаетъ добродушно грубому тевтону, и, совершая возмутельнѣйшія мерзости, онъ любитъ прикрывать ихъ пышной фразеологіей. Такъ и тутъ: за исключеніемъ нѣсколькихъ оголтѣлыхъ органовъ милитаризма, совѣтовавшихъ послать французскій флотъ въ Агадиръ, французская большая печать старалась сохранить позу оскорбленной невинности и все упрекала нѣмцевъ въ неделикатности ихъ пріемовъ.—«Разъ вы желаете побесѣдовать съ нами о Марокко,—такъ буквально распространялось «Le Temps»,—зачѣмъ же вы ведете себя, подобно невоспитанному господину, который, прежде чѣмъ начать дѣловой разговоръ, ни съ того ни съ сего хвать кулакомъ по столу? У насъ тутъ происходитъ министерскій кризисъ. Не успѣлъ онъ путемъ кончиться, какъ нашъ президентъ ѣдетъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ отдать визитъ прекрасной королевѣ Голландіи. А вы какъ разъ въ это время—«Пантеру» въ Агадиръ! Будемъ же бесѣдовать, но бесѣдовать, какъ подобаетъ комильфотнымъ людямъ». Бесѣда, дѣйствительно, завязалась, и завязалась не только въ прессѣ, но и между оффиціальными представителями обѣихъ странъ, между тѣмъ какъ оба собесѣдника внимательно прислушиваются къ тому, что говоритъ о нихъ общественное мнѣніе культурныхъ странъ, и стараются каждый заручиться поддержкой участвующихъ въ концертѣ державъ.

О чемъ ведется дѣловой разговоръ между двумя главными игроками, мы сейчасъ увидимъ. Скажемъ лишь нѣсколько словъ о томъ, какъ былъ принятъ энергичный жестъ нѣмца болѣе или менѣе заинтересованными свидѣтелями игры. Разумѣется, вполнѣ довольна оказалась «цивилизаторская» Испанія, которая злорадно потирала руки, видя какъ могучая милитаристская имперія своимъ вмѣшательствомъ воспрепятствовала Франціи совершенно оттереть на задній планъ слабѣйшаго запиринейскаго сосѣда. Исключеніе составляли крайніе республиканцы и соціалисты, которые, не одобряя французскихъ «колонизаторовъ», съ особою энергіею боролись противъ собственныхъ рыцарей насилія и эксплуатаціи. Замѣтно было антифранцузское теченіе и въ Италіи, правящія сферы которой до сихъ поръ не могутъ переварить Туниса, проглоченнаго еще въ 80-хъ годахъ Франціей. Но прежней ненависти, столь усердно культивировавшейся къ третьей республикѣ бисмаркіанцемъ Кристи и его присными, уже не было. Общее полѣвѣніе итальянской политики, проявившееся съ начала текущаго столѣтія, сказывалось и на болѣе симпатичномъ отношеніи къ старшей латинской сестрѣ, какъ ни какъ, а представлявшей въ Европѣ

демократическій и антиклерикальный принципъ. Даже оффиціальный союзъ съ Германіей не могъ помѣшать умѣренно прогрессивнымъ элементамъ Италіи, хотя и вздыхающимъ о слабости колоніальной политики своей страны въ Средиземномъ морѣ и завидующимъ успѣхамъ Франціи, оцѣнивать актъ Германіи безъ особаго энтузіазма: по существу его одобряли, такъ какъ имъ возстановлялось, молъ, равновѣсіе европейскихъ державъ въ Марокко; но быстрота и неожиданность его вызывали критику. Умѣренные соціалисты, въ родѣ Биссолати, усматриваютъ даже въ дѣйствіяхъ Германской имперіи простой шантажъ, имѣющій цѣлью заставить правительство третьей республики оказать покровительство нѣмецкимъ капиталамъ, вложеннымъ въ предпріятія на Востокѣ. «Парижская биржа,—разсуждаетъ итальянскій «реформистъ»—на которой, какъ всякому извѣстно, допущеніе бумагъ къ куплѣ-продажѣ регулируется правительствомъ, до сихъ поръ закрыта для акцій нѣмецкихъ предпріятій въ Турціи, предпріятій, между которыми желѣзная дорога отъ Багдада къ Персидскому заливу имѣетъ наибольшее значеніе для расширенія Германіи во внѣ (la espansione germanica). Вотъ почему берлинскіе офиціозы еще раньше давали понять Парижу: желаетъ ли Франція имѣть свободу дѣйствій въ Марокко? Пусть тогда она развяжетъ руки Германіи въ Турціи и допуститъ къ свободному обращенію на парижской биржѣ акціи и облигаціи нѣмецкихъ предпріятій въ Оттоманской имперіи» *). Наконецъ, что касается Англіи, то здѣсь общественное мнѣніе вліятельныхъ слоевъ стало, за немногими исключеніями или, лучше сказать, оговорками, на сторону Франціи, по отношенію которой Великобританія практикуетъ теперь, какъ извѣстно, политику «сердечнаго согласія». Оговорки исходили изъ лагеря крайнихъ имперіалистовъ, у которыхъ ненависть къ нѣмцамъ осложняется опасеніями черезчуръ быстрыхъ матеріальныхъ успѣховъ Франціи на территоріи Марокко: въ 1909 г. торговля Соединеннаго Королевства съ Марокко достигала 62 милліоновъ франковъ, а Франція шла сейчасъ же за Англіей съ $56^1/_2$ милліоновъ франковъ общаго оборота, притомъ превосходя Великобританію размѣрами вывоза изъ Марокко (около $22^1/_2$ милліоновъ противъ 20 милліоновъ, выражающихъ долю Англіи); тогда какъ другія націи плелись далеко позади: Германія менѣе, чѣмъ съ 17 милліонами, Испанія менѣе, чѣмъ съ 8 и т. д. *).

Рѣшительно на сторону Франціи заламаншскій союзникъ сталъ черезъ нѣсколько дней послѣ выступленія Германіи, когда, отвѣчая на запросъ Бальфура, Асквитъ въ засѣданіи палаты общинъ 6 іюля н. с. выразился буквально такъ: «Я желалъ бы, чтобы было ясно понято, что, по мнѣнію правительства его величества,

*) „Il ricatto germanico nel Marocco"; передовая статья въ „Il Secolo" отъ 6 іюля 1911.

*) „Almanach de Gotha", 1911, стр. 1004.

въ Марокко возникло новое положеніе вещей, дальнѣйшее развитіе котораго можетъ отозваться на британскихъ интересахъ болѣе непосредственно, чѣмъ то было до сихъ поръ. Я надѣюсь, что дипломатическое обсужденіе найдетъ этому рѣшеніе, и въ той мѣрѣ, въ какой мы будемъ участвовать въ немъ, мы обратимъ надлежащее вниманіе на охраненіе этихъ интересовъ и на исполненіе нашихъ договорныхъ обязательствъ по отношенію къ Франціи» *).

Остріе колоніальнаго акта, обращенное германскимъ правительствомъ противъ третьей республики, значительно притуплялось той позиціей, на которую становилась Англія. Морской колоссъ косвенно, но совершенно опредѣленно заявлялъ подростающему морскому великану, что онъ не позволитъ ему наступать, какъ выражаются картинно англичане, на хвостъ ихъ національному леопарду, даже помимо всякаго «сердечнаго согласія» между Великобританіей и Франціей. Марокскій вопросъ вступаетъ въ новую фазу, въ фазу маклерства, разговора между тароватыми коммерсантами, изъ которыхъ каждый старается заломить побольше, чтобы получить хоть что-нибудь. Интересно, поэтому, посмотрѣть, чѣмъ собственно недовольна Германія и чего она добивается отъ Франціи: мы разумѣемъ, конечно, имущіе и правящіе элементы обѣихъ странъ, такъ какъ широкіе рабочіе слои по сю и по ту сторону Вогезовъ высказались въ лицѣ своихъ авторитетныхъ представителей рѣшительно противъ всякаго обостренія авантюры. Французская и нѣмецкая соціалистическія партіи сошлись при братскомъ обмѣнѣ мнѣній на формулѣ: «все Марокко не стоитъ костей ни одного пролетарія Франціи или Германіи».

Тѣмъ любопытнѣе подоплека оживленныхъ переговоровъ между правительствами и колонизаторами обѣихъ странъ. Нѣмцы этой категоріи находятъ, что французы недостаточно сочувственно отозвались на ихъ предложеніе вмѣстѣ обдѣлывать торговыя дѣла въ Африкѣ. Дѣйствительно, два года спустя послѣ алжесирасскаго договора Франція и Германія заключили между собою особый договоръ, извѣстный подъ именемъ «соглашенія 9 февраля 1909 г.» Распинаясь въ этомъ дипломатическомъ актѣ за «поддержаніе цѣлости и независимости Марокской имперіи», оба партнера преслѣдовали въ сущности другую цѣль, а именно совмѣстную эксплуатацію возможныхъ богатствъ страны, взаимно обѣщая, какъ выражался оффиціальный документъ, «объединять узами ассоціаціи гражданъ обоихъ государствъ въ предпріятіяхъ, которыя они могутъ организовать на мѣстѣ» *).

Какъ же осуществилось на практикѣ это намѣреніе? Группировкой нѣсколькихъ крупныхъ пиратовъ интернаціональнаго капитала, преимущественно французовъ, но съ постепеннымъ усиленіемъ

---

*) Цитирую по „The Times Weekly Edition", № отъ 14 іюля 1911.

*) См. передовую статью въ „Le Temps" отъ 6 іюля 1911 г.

нѣмецкаго участія. Еще въ 1907 г. образовалась международная компанія на акціяхъ для эксплуатаціи марокксхихъ мѣдныхъ, серебряныхъ и прочихъ рудниковъ, богатство которыхъ, по всей вѣроятности, умышленно раздувается спекуляторами. Первоначально въ этомъ предпріятіи французскій капиталъ былъ представленъ 62%, нѣмецкій—20%, англійскій и испанскій 6% каждый и т. д. Заключивъ соглашеніе 1909 г., нѣмцы добились уменьшенія французской доли до 50% и, не увеличивая прямо размѣровъ своего капитала, выдвинули новаго партнера братьевъ Маннесмановъ, которые потребовали, чтобы имъ позволено было участвовать въ предпріятіи капиталомъ, равнымъ по размѣру всему остальному капиталу товарищества, такъ что въ совокупности почтенные тевтоны могли бы располагать уже не одной пятой, а болѣе, чѣмъ половиной всѣхъ средствъ, вложенныхъ въ дѣло. Для видимости германское правительство отказало въ претензіяхъ Маннесманамъ, но за кулисами поддерживало ихъ. И мы сейчасъ увидимъ, что именно ради этихъ тароватыхъ аферистовъ была послана въ Агадиръ „Пантера". Какъ бы то ни было, „Общество рудниковъ" до сихъ поръ довольно вяло проявляетъ себя въ дѣйствіи. Отсюда первый упрекъ дѣловитыхъ нѣмцевъ «непрактичнымъ французамъ, старающимся захватить себѣ побольше концессій, но не умѣющимъ извлекать изъ нихъ пользы ни себѣ, ни другимъ».

Предпріятіе второе, такъ называемое «Марокксхое общество общественныхъ работъ", въ которомъ опять-таки главную роль должны играть французы и нѣмцы,—первые съ тремя шестыми всего капитала и шестью членами правленія изъ двѣнадцати, вторые съ двумя шестыми капитала и четырьмя членами правленія, и т. д. Общество функціонируетъ на бумагѣ уже полтора года, съ января 1910 г., и опять-таки ни одинъ изъ составленныхъ имъ проектовъ устройства маяковъ, гаваней, проведенія желѣзныхъ дорогъ не получилъ практическаго осуществленія. Новый предметъ жалобъ нѣмцевъ на французовъ. Предпріятіе третье, спеціальное „Франко-германское желѣзнодорожное общество", предполагавшее обращаться при постройкѣ рельсовыхъ путей не только къ французской, но и къ нѣмецкой промышленности. Паденіе министерства Бріана (февраль 1911) повело за собою и крушеніе налаживавшагося предпріятія: опять и опять возмущеніе рейнско-вестфальскихъ заводчиковъ противъ этихъ «вѣтрогоновъ-французовъ». Два слѣдующія предпріятія касались уже не Марокко, а другихъ африканскихъ и въ этомъ смыслѣ сосѣднихъ колоній Франціи и Германіи. Первое, проектированное подъ названіемъ «Французской компаніи Габона», задавалось цѣлью положить конецъ пограничнымъ столкновеніямъ между колонизаторами французскаго Конго и германскаго Камеруна и въ этихъ видахъ клонилось къ учрежденію на территоріи Конго французскаго товарищества, но съ половиннымъ участіемъ нѣмцевъ, для производства правильной

торговли. Министерство Мониса въ апрѣлѣ 1911 г. отказалось отъ поддержки проекта, рухнувшаго къ крайнему негодованію нѣмцевъ. Наконецъ, послѣдній проектъ касался проведенія желѣзной дороги отъ Камеруна къ французскому Конго съ продолженіемъ на бельгійское Конго, причемъ французское и германское правительства обязывались сообща гарантировать поверстный (выражаясь точнѣе, покилометрный) доходъ. Рядъ министерскихъ кризисовъ во Франціи привелъ и этотъ проектъ къ мертвой точкѣ въ іюнѣ 1911 г. Итакъ, какъ видите, у практическихъ нѣмцевъ накопился цѣлый рядъ очень реальныхъ поводовъ къ недовольству на французовъ, и германское правительство ждало только первой оказіи, чтобъ побудить недостаточно внимательнаго партнера къ серьезному разговору о дѣлахъ.

Уже знакомые читателю братья Маннесманы послужили предлогомъ къ энергичному удару нѣмецкаго бронированнаго кулака по колоніальной конторкѣ Марокко. Эти коммерческіе Аяксы вотъ уже два года организуютъ на половину торговые, на половину пиратскіе походы въ сравнительно богатую долину рѣки Суса (на юго-западѣ Марокко) и, не будучи въ состояніи проникнуть въ упомянутый выше консорціумъ рудниковъ, стараются своими шумными экспедиціями привлечь къ себѣ вниманіе нѣмецкихъ высокихъ сферъ, любящихъ предпріимчивыхъ сыновъ отечества. Въ 1910 г. одинъ изъ братьевъ былъ даже захваченъ въ плѣнъ марокканцами окрестностей Могадора, которымъ надоѣла назойливость этихъ цивилизаторовъ, и пришлось прибѣгнуть къ дипломатическому вмѣшательству для освобожденія отчаяннаго афериста. Какъ бы то ни было, въ началѣ этого года новой экспедиціи стяжательныхъ братьевъ удалось проникнуть въ Тарудантъ, городъ, находящійся километрахъ въ 80 отъ океана вверхъ по Сусу. Здѣсь они принялись покупать направо и налѣво у подкупаемыхъ ими шейховъ земли племенъ, не справляясь съ правами законныхъ владѣльцевъ, пускались на развѣдку рудъ и минераловъ, пріобрѣтали дома, организовали складочныя мѣста для товаровъ, строили блокгаузы и втеченіе послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ успѣли устроить себѣ въ колоніальной прессѣ Германіи такую крикливую рекламу, что ихъ называли „владѣльцами территоріи величиною съ княжество“, имъ приписывали чуть не цѣлую армію служащихъ и оцѣнивали стоимость капиталовъ, вложенныхъ ими въ предпріятія, въ 13 (sic!) милліоновъ марокъ.

Вотъ эти-то господа, пытаясь продвинуться къ закрытому для иностранной торговли Агадиру,—послѣднему порту на южномъ берегу Марокко, гдѣ можно найти удобную стоянку для кораблей защищенную отъ сѣверо-восточныхъ и восточныхъ вѣтровъ,—эти-то авантюристы чистѣйшей воды и завопили объ охранѣ «важныхъ нѣмецкихъ интересовъ» и обратились къ германскому правительству съ просьбой о защитѣ. И ради этихъ беззастѣн-

чивыхъ рыцарей индустріи, или, по крайней мѣрѣ, пользуясь этимъ предлогомъ, нѣмецкая канонерка „Пантера", а затѣмъ смѣнившій ее крейсеръ „Берлинъ", бросили якорь въ Агадирѣ, готовые двинуть 200 матросовъ на помощь благороднымъ піонерамъ наживы. Тщетно „Vorwärts" протестовалъ противъ прикрытія національнымъ флагомъ этой спекуляторской шайки и писалъ: «Въ настоящее время въ самомъ Агадирѣ нѣтъ ни одного нѣмца. Конечно, возможно, что подкупомъ заставили нѣсколькихъ берберовъ отдаться подъ покровительство Германіи, чтобы получить право заниматься спекулятивной скупкой земель отъ имени Маннесмановъ. Но въ сущности только эти безсовѣстные аферисты и представляютъ здѣсь нѣмецкіе интересы. И ихъ-то германское правительство считаетъ умѣстнымъ защищать посылкой военнаго судна. Что касается до Могадора, то вся цифра нѣмецкихъ оборотовъ не превышаетъ здѣсь и 600.000 франковъ». Но, разумѣется, нѣмецкіе колонизаторы и ихъ представители у власти съ негодованіемъ отвергали „клеветы" социаль-демократическаго органа и продолжали говорить о «настоящемъ княжествѣ», о милліонахъ нѣмецкаго капитала, о существенныхъ интересахъ Германіи.

Во всякомъ случаѣ Агадиръ сталъ исходнымъ пунктомъ переговоровъ между Германіей и Франціей, удобной зацѣпкой, которую императорское правительство пускаетъ въ ходъ, чтобы заставить третью республику дать нѣмцамъ такое или иное вознагражденіе,—или, «компенсацію», какъ выражается дипломатія,—за «офранцуженіе Марокко». Теперь переговоры между Берлиномъ и Парижемъ въ полномъ ходу, и нельзя точно сказать, когда будутъ установлены подробности соглашенія. Читатель, который припомнитъ роль, какую играли въ возникавшихъ между обѣими странами торговыхъ проектахъ смежныя франко-германскія колоніи, не удивится причудливой на первыхъ порахъ логикѣ нѣмецкихъ цивилизаторовъ, ищущихъ пресловутой компенсаціи не въ Марокко, а собственно въ африканскихъ владѣніяхъ Франціи. Сначала пылкіе колонизаторы Германіи требовали отъ своего партнера ни много ни мало, какъ всей юго-западной части французскаго Конго, начиная съ приморскаго Либревилля и по рѣку Убанги внутри страны. Находились даже такіе любители чужихъ колоній, которые не мирились иначе, какъ на цѣломъ Конго. Но недовольное рычанье британскаго леопарда, прозвучавшее въ недавнемъ заздравномъ тостѣ Ллойда-Джорджа, видимо подѣйствовало на сокращеніе германскихъ аппетитовъ. Дѣло идетъ уже только объ «исправленіи» границъ нѣмецкаго Камеруна и объ обмѣнѣ нѣмецкаго же Того, неудачно вклинившагося между британской колоніей Золотого берега и французской Дагомеей, на извѣстную часть Габона, составляющаго самое западное территоріальное дѣленіе французскаго Конго: нѣмцу, очевидно, хочется получить удобное антлантическое прибрежье и судоходную рѣку Огоуэ...

Надо-ли говорить, что при всѣхъ этихъ мѣнахъ и колоніальныхъ авантюрахъ наиболѣе несчастными окажутся туземцы Африки, которыхъ каждое новое соглашеніе между конкуррирующими державами отдаетъ на большій разгулъ международный эксплуатаціи. Дѣйствительно, однимъ изъ парадоксовъ современной столь сложной, сталь противорѣчивой цивилизаціи является одновременное усиленіе демократическаго элемента внутри самихъ метрополій и хищническаго хозяйничанья на территоріяхъ колоніи. Международный капитализмъ нашихъ дней возсоздаетъ, но въ несравненно обширнѣйшихъ размѣрахъ, эру колоніальныхъ завоеваній, отмѣтившихъ внѣшнюю исторію XVI, XVII и отчасти XVIII вѣковъ. И не являйся хоть нѣкоторымъ — увы! слабымъ—коррективомъ этой міровой тягѣ капитала ростъ сознанія и чуткости трудящихся массъ, лучшіе и благороднѣйшіе представители человѣческихъ идеаловъ остались бы безъ поддержки въ борьбѣ противъ современныхъ „цивилизаторовъ", попирающихъ ради спекуляціи и наживы самыя элементарныя права злополучныхъ „нисшихъ расъ".

II.

Вотъ и на ближнемъ Востокѣ, въ предѣлахъ Оттоманской имперіи, происходитъ своего рода расправа съ «нисшими расами». Но здѣсь нисшія расы врядъ-ли особенно уступаютъ культурностью своимъ цивилизаторамъ. Тѣмъ печальнѣе, что здѣсь политика насилія и гнета практикуется, повидимому, не столько изъ-за низкихъ разсчетовъ и грязной наживы, сколько изъ-за идейныхъ побужденій, изъ-за «высшихъ государственныхъ цѣлей». Я разумѣю нескончаемое подавленіе возстанія албанцевъ турками, которые ведутъ съ ними уже «третью войну»: въ этихъ гористыхъ мѣстностяхъ враждебныя столкновенія прекращаются самой силой вещей на зиму и возгораются—увы!—съ возвращеніемъ солнца и тепла. Съ самаго 1909 г. гордыя, привыкшія къ независимости племена албанцевъ, или арнаутовъ, какъ называютъ ихъ турки, пытаются отстаивать свои вѣковыя особенности и завоевать себѣ автономію у младо-турецкаго правительства, которое расправляется съ ними невѣроятно жестокимъ способомъ.

«Русское Богатство» съ самаго начала побѣдоносной турецкой революціи не раздѣляло того безподмѣснаго восхищенія передъ представителями новаго режима, которое обнаруживали «прогрессисты» заграничной и нашей печати. Въ частности пишущій эти строки не одинъ разъ указывалъ читателямъ, что, горячо привѣтствуя низверженіе ненавистной тираніи Абдулъ-Гамида и замѣну его конституціоннымъ строемъ, мы не должны однако закрывать глаза на темныя стороны устанавливающагося порядка вещей. Въ то время, какъ либеральные публицисты приглашали насъ, рус-

скихъ, учиться у младо-турокъ искусству совершать перевороты почти безъ пролитія крови, мы считали необходимымъ уяснять смыслъ и особенности этой столь ловко и цѣлесообразно продѣланной революціи. Намъ приходилось объяснять самую легкость и удачу переворота тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Турціи великій вопросъ современности, вопросъ соціальный, не успѣлъ еще усложнить борьбой общественныхъ классовъ чисто политическую и общенаціональную задачу освобожденія отъ деспотизма султана и его глубоко испорченной бюрократіи. И мы ждали затрудненій для конституціоннаго правительства отъ обостренія соціальной проблемы. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы критически относились къ централистическимъ и шовинистскимъ идеаламъ младо-турокъ, и опасались, что эти тенденціи утрированнаго государственничества поведутъ къ рѣзкому недовольству различныхъ расъ и народностей, изъ которыхъ слагается Оттоманская имперія. Исторія послѣднихъ двухъ лѣтъ показала, что мы были недалеко отъ истины въ нашихъ ожиданіяхъ и опасеніяхъ. Не говоря уже о попыткѣ реставраціи весною 1909 г., подавленной главнымъ образомъ младо-турецкой военной интеллигенціей, безъ участія массъ, конституціонная Порта увидѣла ростъ соціальнаго вопроса и вытекающія отсюда коллизіи, увидѣла увеличивающуюся оппозицію народовъ единоспасающему догмату оттоманскаго націонализма.

Рѣзко централистическая политика младо-турокъ скоро успѣла вызвать раздраженіе различныхъ расъ и національныхъ группъ. Недовольны греки. Недовольны македонскіе болгары. Въ Азіи было не безъ труда подавлено въ 1910 г. возстаніе друзовъ на территоріи сирійскаго Гаурана. А возстанія племенъ юго-западной части Аравійскаго полуострова до сихъ поръ продолжаются, и здѣсь положеніе дѣлъ плохо затушевывается оптимистическимъ афоризмомъ Талаатъ-Бея: «провинція, бунтующая цѣлыми столѣтіями, не можетъ быть умиротворена втеченіе нѣскольскихъ мѣсяцевъ». Но въ особенности упорно и чревато послѣдствіями возстаніе албанцевъ, которое длится съ перерывами вотъ уже третье лѣто. И опять-таки и въ этомъ случаѣ намъ нечего останавливаться на перипетіяхъ этой мѣстной революціи, для которой прессѣ всего міра пришлось завести особый отдѣлъ. Насъ интересуетъ другая сторона албанскаго движенія, не зависящая отъ того, разбитъ ли тотъ или другой отрядъ арнаутовъ, или, наоборотъ, потерпѣлъ пораженіе тотъ или другой турецкій паша.

Въ албанскомъ вопросѣ ясно видишь, какова оборотная сторона младо-турецкаго централизма, казовая сторона котораго такъ гипнотизируетъ современныхъ господъ положенія въ Турціи. Албанцы только съ большею энергіею и упорствомъ требуютъ того, что составляетъ предметъ пожеланій и другихъ расъ и національностей. Говоря такъ, я вовсе не думаю идеализировать этотъ народъ, или лучше сказать союзъ родственныхъ племенъ, ибо во

многихъ отношеніяхъ албанское населеніе стоитъ на низкой ступени развитія, вплоть до очень еще живучаго обычая первобытной кровавой мести. Но на албанцахъ замѣчается то, что мы встрѣчаемъ и у другихъ мало-культурныхъ племенъ: такъ какъ прогрессъ человѣчества идетъ не по прямой, а по спиральной линіи, то нѣкоторыми сторонами своего быта они ближе къ передовымъ идеаламъ современности, чѣмъ болѣе ихъ «цивилизованные» народы. Сознаніе своего достоинства; простота отношеній между высшими и низшими; демократичность строя, который требуетъ отъ старѣйшинъ совѣщанія со всѣмъ взрослымъ мужскимъ населеніемъ и участія послѣдняго во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ; автономность мѣстныхъ группъ, и въ то же время живое сознаніе общей племенной связи,—все это дѣлаетъ изъ албанцевъ людей, которые могутъ прекрасно понимать выгоды децентрализаціи и «національнаго самоопредѣленія». Немудрено поэтому, что эти гордые горцы, которыхъ не могъ побѣдить Александръ Македонскій, съ которыми долго возились римляне и которыхъ турки не столько подчинили силою, сколько склонили на свою сторону привилегіями,—немудрено, говоримъ мы, что албанцы раньше и больнѣе другихъ почувствовали нажимъ нивеллирующаго пресса младо-турецкаго централизма. Движеніе противъ правительства началось въ 1909 г. и достигло громадныхъ размѣровъ съ весны 1910 г., когда туркамъ пришлось довести численность войскъ, отправленныхъ въ Албанію, до 50.000 человѣкъ. Въ то время, какъ на сѣверѣ страны жители возставали въ особенности противъ городскихъ заставныхъ пошлинъ, которыя были введены младо-турецкими реформаторами, «совсѣмъ на манеръ французскихъ octroi», въ центрѣ и на югѣ главнымъ предметомъ недовольства служило запрещеніе, исходившее отъ центральной власти, употреблять въ школахъ латинскій алфавитъ вмѣсто арабскаго. Любопытно, кстати сказать, что хотя обитатели южной Албаніи исповѣдуютъ преимущественно греко-восточную вѣру, обитатели центра—католическую, а сѣверные албанцы—магометане, однако всѣ они вмѣстѣ поддерживали другъ друга, и чувство племенной близости перевѣшивало религіозную рознь.

Какъ бы то ни было, чрезвычайно упорный и широкій характеръ возстаніе 1910 г. приняло на сѣверѣ, гдѣ арнауты успѣшно выдерживали борьбу съ 17000 турокъ подъ предводительствомъ Торгута-Шевкета-паши и втеченіе двухъ недѣль оставались даже господами Качаникскаго перевала и желѣзной дороги изъ Ускюба въ Митровицу: недаромъ албанцы поставляли Оттоманской имперіи втеченіе цѣлыхъ столѣтій наилучшихъ генераловъ и самыхъ воинственныхъ солдатъ. Сломивъ,—какъ оказалось, временно,—сопротивленіе инсургентовъ, турецкіе генералы ознаменовали свою побѣду невѣроятными жестокостями, на которыхъ я не останавливаюсь особенно только потому, что онѣ во всякомъ

случаѣ не превзошли пріемовъ тѣхъ «усмирительныхъ экспедицій», которыя происходили кой-гдѣ поближе къ намъ... Во всякомъ случаѣ, заграничные органы, въ особенности англійскіе журналы прошлаго года, съ ужасомъ и негодованіемъ изображали, какъ опустошались поля албанцевъ и вырывались ихъ виноградныя лозы, громились ихъ церкви, сжигались селенія, а жители, безъ различія пола и возраста, подвергались возмутительнѣйшимъ насиліямъ и безпощадно избивались разсвирѣпѣвшими солдатами. Приходилось обезоружить чуть не милліонъ горцевъ. И, когда это удалось благодаря разнымъ лживымъ обѣщаніямъ «реформъ» со стороны турецкихъ военачальниковъ, то долго еще гремѣли ружейные залпы, разстрѣливавшіе «бунтовщиковъ» по приговорамъ военныхъ судовъ, функціонировавшихъ въ Албаніи и Македоніи.

Итакъ, оффиціально возстаніе 1910 г. было усмирено. Но, когда весна текущаго года снова сдѣлала горы доступными и ущелья проходимыми, загорѣлась новая партизанская война албанцевъ съ оттоманскимъ правительствомъ,—по счету третья. Причиной было все то же стремленіе національности къ автономіи, поводомъ — неисполненіе Турціей и тѣхъ сравнительно умѣренныхъ обѣщаній реформъ, какія были сдѣланы въ прошломъ году, и политика репрессій, продолжавшаяся вопреки дарованной амнистіи. Въ 1911 г. возстаніе свило себѣ гнѣздо по прежнему главнымъ образомъ въ сѣверной Албаніи, возлѣ границъ Черногоріи, и охватило могущественные роды Клементи, Хоти, Шкрели, Кастрати, подвигаясь къ югу въ область Дукаджиновъ и Мирединовъ, но преимущественно сосредоточиваясь въ территоріи Малисса,—откуда ставшее столь популярнымъ въ текущемъ году названіе малиссоровъ. Инсургенты въ первой половинѣ іюня н. с. составили адресъ или меморандумъ, который они отправили Портѣ, разослали разнымъ державамъ и широко распространили среди своихъ друзей въ Европѣ, аппеллируя къ общественному мнѣнію культурнаго міра. Главнымъ авторомъ адреса былъ албанскій депутатъ, Измаилъ-Кемалъ-Бей, тотъ самый ревностный защитникъ своего племени, который, не смотря на свой преклонный возрастъ, подвергся въ турецкомъ парламентѣ грубому оскорбленію со стороны одного изъ слѣпыхъ поклонниковъ младотурецкаго режима. Но, если этотъ документъ принадлежитъ преимущественно перу Измаила-Бея, то можно сказать, что въ немъ нѣтъ ни одной строчки, которая не была бы обсуждена старѣйшинами на совѣщаніяхъ родовъ. И,— любопытная подробность: подлинникъ подписанъ двадцатью вожаками племенъ, причемъ большинство вмѣсто фамилій проставило по неграмотности кресты...

Адресъ этотъ обошелъ всю прессу, но очень интересные мотивы его были приведены подробно лишь въ итальянской печати. Италія, кстати сказать, горячо симпатизируетъ повстанцамъ, и я

считаю довольно безтактной ту ноту глумленія, которая порою слышится даже въ прогрессивныхъ нашихъ органахъ, когда дѣло идетъ о молодыхъ, можетъ быть, и наивныхъ, но искреннихъ итальянскихъ волонтерахъ, пытавшихся придти на помощь албанцамъ. Я приведу наиболѣе характерныя мѣста изъ мотивирующей части адреса, на основаніи очень любопытныхъ писемъ, которыя посылаетъ въ Миланскій «Il Secolo» спеціальный корреспондентъ его, Коррадо Цоли (Zoli): «Необходимо, чтобы Европа знала,—гласитъ этотъ адресъ,—что избирательная система имперіи дала право вотума почти исключительно лишь одной политической тенденціи, такъ что значительное большинство палаты оказалось состоящей изъ выразителей этой спеціальной тенденціи, которой проникнуты всѣ вотируемые законы,—законы строго унитарнаго характера и благопріятствующіе одному только османлійскому элементу. Напр., законъ, согласно которому народное образованіе должно даваться во всѣхъ частяхъ имперіи «равнымъ и одинаковымъ образомъ», могъ показаться поверхностному наблюдателю справедливой и либеральной мѣрой. Но, если обратить вниманіе, что эта формула означала на практикѣ совершенное подавленіе всѣхъ національныхъ языковъ въ пользу одного, турецкаго, то придется согласиться, что это законъ репрессивный и произвольный. Точно также равное податное обложеніе всѣхъ народностей представляетъ собою мѣру, основанную на началахъ прогресса и справедливости. Но мы видѣли, что наша несчастная страна,—одна изъ самыхъ бѣдныхъ и лишенныхъ рессуровъ мѣстностей государства,—была обложена одинаково высоко съ самыми богатыми и цвѣтущими провинціями; видѣли, какъ албанцы-христіане несли болѣе тяжелые налоги, чѣмъ албанцы - магометане; наконецъ, видѣли самые произвольные поборы, чинимые глубоко развращенными и подкупными чиновниками. Равнымъ образомъ, требованіе разоруженія, предъявленное намъ правительствомъ, составляло само по себѣ его неоспоримое право. Но военные чины, на которыхъ было возложено это порученіе, не ограничивались отобраніемъ оружія: они подвергали насъ при этомъ жестокимъ побоямъ, и намъ не было дано ни малѣйшаго вознагражденія за цѣнное оружіе, которое было конфисковано. Если ко всему этому присоединить, что новый режимъ не исполнилъ ни одного обѣщанія, даннаго намъ, не осуществилъ ни одной изъ тѣхъ надеждъ, какія на него возлагали, что правительство и не подумало приступить къ обѣщанной постройкѣ новыхъ дорогъ, мостовъ, рельсовыхъ путей, портовъ, оздоровленію лихорадочныхъ мѣстностей, вообще какимъ-бы то ни было общеполезнымъ работамъ; если прибавить, что вмѣсто того, чтобы открывать новыя школы, оно закрыло существующую у насъ въ Эльбассанѣ школу подъ тѣмъ хитроумнымъ предлогомъ, что она «противна религіи», такъ какъ принимала албанское юношество, принадлежащее ко всѣмъ вѣро-

исповѣданіямъ..., то легко понять, какъ, наконецъ, весь албанскій народъ возсталъ противъ этого режима насилія и обездоленія, отъ котораго однако раньше онъ ожидалъ облегченія и прогресса» *).

Набросавъ дальше ужасающую картину голода, нищеты, произвола, насилія, кроваваго подавленія, словомъ, всѣхъ бѣдствій, причиненныхъ албанцамъ турками, адресъ обращается къ цивилизованнымъ державамъ съ горячей просьбой поддержать «права человѣка и гражданина» въ Албаніи и, горячо протестуя противъ обвиненія въ сепаратизмѣ, требуетъ отъ правительства «только одного: широкой національной автономіи, которая позволитъ намъ быть внутри Оттоманской имперіи живой и дѣятельной единицей, прогрессивнымъ и развивающимся народомъ, сознающимъ свои права и свои обязанности».

Что касается до самаго меморандума, то главнѣйшими требованіями его являются: одинаковыя права албанцевъ съ другими національностями имперіи; народное образованіе на туземномъ языкѣ; администрація и судъ на томъ же языкѣ, хотя и съ признаніемъ за турецкимъ значенія оффиціальнаго языка; выборъ высшихъ должностныхъ лицъ изъ людей, хорошо знакомыхъ съ языкомъ и нравами страны, и выборъ всѣхъ остальныхъ чиновъ административнаго, судебнаго, полицейскаго и т. п. вѣдомствъ исключительно изъ албанцевъ; назначеніе особаго «вице-султана» для Албаніи; сохраненіе вѣкового права носить оружіе въ виду не прекратившейся склонности турокъ къ насилію; отправленіе воинской повинности въ видѣ службы въ мѣстной милиціи и во всякомъ случаѣ внутри страны; финансовая автономія и обращеніе мѣстныхъ доходовъ на мѣстныя же нужды, но за исключеніемъ почтовыхъ, телеграфныхъ и таможенныхъ поступленій, равно какъ налоговъ на алкоголь, табакъ и т. п., каковые идутъ на нужды центральнаго правительства; возстановленіе разрушенныхъ во время подавленія возстанія домовъ на счетъ государства.

Таковы требованія малиссоровъ, клонящіяся къ широкой автономіи страны и отчасти воспроизводящія нѣкоторыя требованія крайнихъ демократическихъ партій культурныхъ странъ, напр., хотя бы пунктъ, касающійся замѣны всеобщей воинской повинности милиціонною службою въ самой Албаніи. Невольно поэтому вызываютъ улыбку возраженія иныхъ цивилизованныхъ публицистовъ противъ послѣдняго, «крайне утопическаго, невозможнаго» требованія малиссоровъ. Эта утопія стоитъ во всякомъ случаѣ въ программахъ многихъ соціалистическихъ партій, борющихся противъ современной системы регулярныхъ армій, которая гонитъ че-

---

*) „Un appello alle Potenze"; въ „Il Secolo", № отъ 24 іюня 1911 г.

ловѣка, родившагося на одномъ концѣ государства, въ часть войска, расположенную на другомъ концѣ, подъ предлогомъ устранить нежелательное кумовство между арміей и населеніемъ. Призракъ соціальной революціи смущаетъ, какъ видите, носителей современной государственности. И придется повторить, что нерѣдко стремленія первобытной демократіи, въ родѣ албанской, ближе подходятъ къ идеаламъ самыхъ передовыхъ партій нашей эпохи, чѣмъ рутинныя учрежденія цивилизованныхъ народовъ, проходящихъ черезъ стадію усиленной централизаціи и гипертрофіи государства.

Приблизительно въ то самое время какъ младотурки заставляли султана путешествовать по Македоніи для подогрѣванія патріотическаго жара населенія и турецкіе генералы провозглашали двухнедѣльное перемиріе съ албанцами (съ 13 по 28 іюня н. с., но его пришлось продолжить еще и еще),—въ это же самое время происходили многочисленныя засѣданія совѣта министровъ и придумывались различные компромиссы и уступки инсургентамъ. Такъ, право носить оружіе предлагалось давать не всѣмъ жителямъ, а должностнымъ лицамъ, напр., сельскимъ сторожамъ и т. п., которые могутъ имѣть въ томъ надобность въ интересахъ своей профессіи. Устанавливались отдѣльныя категоріи малиссоровъ, которымъ будетъ позволено отбывать воинскую повинность внутри страны и по возможности близко отъ мѣстожительства. Обѣщалось при выборѣ чиновниковъ отдавать предпочтеніе знающимъ албанскій языкъ. Съ превеликой помпой возвѣщалось намѣреніе правительства заняться реставраціей бомбардированныхъ церквей и возстановленіемъ сожженныхъ домовъ. Объявлялось во всеуслышаніе Европы, что приняты мѣры для прокормленія цѣлыхъ трехъ десятковъ (sic!) семей повстанцевъ, возвращавшихся на родину. И все это сдабривалось обѣщаніемъ самой широкой амнистіи, если только албанцы положатъ оружіе.

Но населеніе извѣрилось въ обѣщаніяхъ младотурокъ, и въ то время, какъ я пишу эти строки, борьба еще продолжается, и упорства албанцевъ нельзя объяснить ни интригами Черногоріи, ни тайнымъ сочувствіемъ нѣкоторыхъ европейскихъ державъ, желающихъ половить рыбки въ мутной водѣ балканской передряги, ни агитаціей итальянскихъ гарибальдійцевъ. Все это можетъ, конечно, вліять до извѣстной степени на рѣшимость албанцевъ бороться до конца. Но источникъ энергіи инсургентовъ коренится въ самомъ положеніи вещей, въ централизаторскихъ стремленіяхъ младотурокъ и въ любви арнаутовъ къ независимости. Туркамъ остается или удвоить жестокость усмиренія, идя вплоть до „истребленія албанцевъ“ (какъ гласила о томъ одна изъ ихъ прокламацій, переводъ которой на европейскіе языки былъ умышленно ослабленъ), или же удовлетворить требованія возставшей національности. Но уступки въ одномъ мѣстѣ должны фа-

тально повести за собой уступку въ другомъ, и автономія, дарованная одной народности, неизбѣжно влечетъ за собой автономію другой. Разумѣется, широкая децентрализація и самоуправленіе областей могли бы придать лишь большую прочность конституціонной Турціи. Но могутъ ли отказаться отъ своихъ государственническихъ и рѣзко націоналистическихъ идеаловъ младотурки? И, если-бы даже для даннаго момента и нашелся какой-нибудь компромиссъ, албанскій вопросъ все-таки останется самымъ сложнымъ вопросомъ для конституціонной Турціи: борьба централизма и автономіи составляетъ больное мѣсто формирующейся на современный ладъ Оттоманской имперіи.

Н. С. Русановъ.

Новыя книги.

Семенъ Юшкевичъ. Улица. Повѣсть. «Московское Книгоиздательство». Москва. 1911. Стр. 108. Ц. 75 к.

Янушъ Корчакъ. Мошки, Іоськи и Срули. Пер. съ польскаго Л. Я. Круковская. Издательство «Эдиторъ». Вильна. 1911. Стр. 163. Ц. 30 коп.

Очень печальную повѣсть сочинилъ и на этотъ разъ г. Юшкевичъ, но все-таки самое печальное въ ней то, что она сочинена. На протяженіи большихъ ста страницъ съ лишнимъ теребятъ душу бѣднаго читателя, раздражаютъ его безвкусицами, преувеличеніями, выкриками, дурной сентиментальностью, купаютъ его въ невыносимой грязи—и все для чего?—Для того, чтобы не сказать ему ничего, ну, ровно ничего новаго и интереснаго о томъ бытѣ, который—предполагается—г. Юшкевичу извѣстенъ досконально, а читателю очень мало. Самое главное впечатлѣніе, выносимое изъ «Улицы» въ изображеніи г. Юшкевича, это то, что она не нуждается въ художественномъ изображеніи. Мы вѣдь это все и раньше знали, знали изъ газетъ, изъ книгъ, изъ жизни, знали вполнѣ достаточно, чтобы вообразить, предположить, сочинить всѣ тѣ подробности, которыми г. Юшкевичъ живописуетъ якобы хорошо ему знакомую трагедію уличной проституціи. Это знаніе наше по необходимости теоретично, поверхностно, отвлеченно. Мы знаемъ, что нищета выгоняетъ дѣвушекъ на улицу, что соблазнъ улицы и уговоры уже

погибшихъ играютъ въ этомъ роль, что въ мірѣ, состоящемъ изъ сводницъ, сутенеровъ и проститутокъ, несчастныя продажныя дѣвушки оказываются всегда жертвами подлой эксплуатаціи, что «котъ» необходимъ дѣвушкѣ, какъ защитникъ, безъ котораго ей не прожить въ этой обстановкѣ, что привязанность къ этимъ сожителямъ-содержанцамъ часто сопровождаетъ эти слишкомъ обыкновенныя отношенія, что дѣвушки въ концѣ концовъ гибнутъ,—нѣкоторыя, не успѣвъ даже выйти изъ того полу-дѣтскаго возраста, въ которомъ захватилъ ихъ ихъ страшный промыселъ. Когда знаешь все это—и, конечно, это отвлеченное знаніе безконечно ниже того, которое можетъ и долженъ дать намъ художникъ,—то чрезвычайно легко окутать эти абстракціи житейскими подробностями и сдѣлать изъ этого сюжета повѣсть, какую сдѣлалъ г. Юшкевичъ. По существу она лишена жизни,—она такъ же мертва, какъ ея скелетъ, но, такъ какъ проститутка называется Соня или Циля, сутенеръ—Зуня-Молдаванъ или Беня Аккерманскій, сводница—Поля, а улица—Дерибасовская, то должно казаться, что мы узнали объ улицѣ и ея жертвахъ что-то новое, что художникъ раскрылъ намъ неизвѣданныя тайны жизни темной и печальной. Но ничего этого нѣтъ. Крикливо и однообразно, въ который уже разъ перепѣвая себя, громоздитъ Юшкевичъ шаблоны на шаблоны, не давая ни ощущенія живой жизни, ни отдѣльныхъ фигуръ, ни пережитыхъ имъ настроеній, ни новыхъ чертъ быта. Въ сущности читатель даже не понимаетъ и не старается понять,—ему все равно,—почему Женька прогоняетъ какого-нибудь Марчика, а Соня его безумно любитъ и не любитъ Зуню: у всѣхъ этихъ Марчиковъ и Зунь, Женекъ и Соничекъ одно лицо и особыя примѣты не дѣлаютъ ихъ ни живыми, ни интересными.

Вотъ сутенеръ бросилъ дѣвушку—и вотъ какъ душа дѣвушки, по мнѣнію Юшкевича, отвѣчаетъ на это:

„И опять она ходила, глухо стонала, ломала руки.

«Значитъ, можно отнять у дѣвушки здоровье, молодость, свѣжесть и никто за это не накажетъ? Не найдется никого, кто бы бросилъ въ Беню камнемъ? Да, да? Скажите, да? Почему же ей разсказывали, что человѣку не прощается его зло? Заставьте Беню заплакать. Зажгите огонь и въ его душѣ. Она здѣсь мучится, а онъ теперь съ той, съ деревенской дѣвушкой! Развѣ она красивѣе ея? Ну, пусть чуточку красивѣе, но Паша—воровка, а она—честная! Паша уже пять любовниковъ перемѣнила, а Циля знала одного Беню. Она въ тюрьмѣ сидѣла, и три раза въ больницѣ лежала, а Циля только одинъ разъ. Чѣмъ же она лучше ея? Теперь онъ спитъ съ ней, можетъ быть, обнимаетъ ее, можетъ быть, цѣлуетъ. Сейчасъ она такъ крикнетъ, что легкія у нея лопнутъ... Вотъ она бьется головой о стѣну, видите, видите! Вотъ она рветъ на себѣ волосы,—она сдавила свое горло руками, видите, видите!“

Что же это—неправда? Нѣтъ, это хуже неправды, это ни правда, ни неправда: это общее мѣсто, это шаблонъ, это пошлость. Такъ рисовать одесскую проституцію и еврейскую бѣдноту можно,

просидѣвъ всю жизнь гдѣ угодно—въ Капштадѣ, на Новой Землѣ, на лунѣ. И вся книга Юшкевича это общее мѣсто, крикливо размазанное на семи листахъ. Даже тогда, когда шаблоны сталкиваются и явно противорѣчатъ другъ другу,—это не смущаетъ Юшкевича. Есть шаблонъ невинной дѣвочки, ребенка, затягиваемаго развратомъ, но сохраняющаго душевную невинность—и этотъ шаблонъ годится Юшкевичу: его Соня выросла въ честной, когда-то зажиточной семьѣ, и она настолько дитя, что когда ее уже вели къ своднѣ, она мечтательно остановилась у игрушечнаго магазина, заглядѣвшись на цвѣтной мячикъ и нарядную куклу. Но есть другой шаблонъ—шаблонъ нищей окраины, развращенной и пожираемой большимъ городомъ—и Юшкевичъ восклицаетъ: «За садомъ... начиналась другая окраина, посылавшая, какъ и эта, своихъ дѣвушекъ на улицу. На десять верстъ вокругъ все жило, дышало, существовало развратомъ».

И Соня дышала развратомъ, и дѣдушка ея, и бабушка? И вообще къ чему это изступленное преувеличеніе? Не о безсиліи, не о незнаніи ли говоритъ оно?

Вотъ другой писатель, пожалуй, менѣе индивидуальный и менѣе даровитый, чѣмъ Юшкевичъ. Онъ тоже разсказалъ о еврейскихъ дѣтяхъ большого города. Это та самая среда, которую изобразилъ Юшкевичъ: еврейская бѣднота, только не одесская, а варшавская; разница, конечно, не велика: варшавскіе евреи даютъ, вѣрно, не меньше проститутокъ, чѣмъ одесскіе. Корчакъ вѣдь разсказалъ о тѣхъ самыхъ Мошкахъ и Сруляхъ, изъ которыхъ—по Юшкевичу—не сегодня-завтра и непремѣнно выйдутъ подонки культурнаго міра, сутенеры, хулиганы, убійцы. Вѣдь это они, мальчики, собранные въ дѣтской еврейской колоніи, вышли изъ окраины, вокругъ которой на десять верстъ все дышитъ развратомъ. А между тѣмъ—какая чистота, какая дѣтская ясность въ разсказѣ Корчака, какая пропасть между его спокойной протокольностью и шумливыми преувеличеніями Юшкевича. И какое довѣріе внушаетъ его разсказъ, гдѣ каждое слово дышетъ дѣйствительно пережитымъ. «Я разскажу вамъ здѣсь, что дѣлали въ колоніи «Михайловка» еврейскіе мальчики. Я состоялъ у нихъ надзирателемъ и не буду ничего выдумывать—повторю только то, что видѣлъ и слышалъ». И дѣтское лѣто проходитъ предъ читателемъ, десятки дѣтскихъ лицъ съ ихъ особенностями, съ ихъ характеромъ, всегда обще-дѣтскимъ и однако индивидуальнымъ. Вотъ привели мальчиковъ на вокзалъ—и уже на перекличкѣ оказалось, что Соболь милый шалунъ и молодецъ. Въ вагонѣ мальчики отдаютъ на сохраненіе свои деньги и открытки. Гуркевичъ отдаетъ на храненіе пятачокъ и четыре открытки: онъ будетъ на нихъ писать родителямъ еженедѣльно, что здоровъ и хорошо проводитъ время. А Фридманъ скрылъ свои двѣ копейки, полученныя при прощаніи отъ старшаго брата. Отецъ Фридмана много путешествовалъ: былъ въ Парижѣ и Лон-

донѣ, даже собирался въ Америку. Но нигдѣ не нашелъ счастья для своей семьи и вернулся на родину, гдѣ долженъ испечь множество булокъ для другихъ, прежде чѣмъ заработаетъ на каравай хлѣба для своихъ дѣтей. Неизвѣстно, въ какомъ большомъ городѣ маленькій сынъ пекаря научился не вѣрить людямъ и не довѣрять имъ мѣдныхъ двухъ копеекъ. Только дня черезъ два онъ отдалъ на храненіе свое небольшое состояніе, и для вѣрности часто спрашивалъ: «Мои двѣ копейки у васъ? Правда?»

Городскія дѣти въ первый разъ увидѣли деревню. Сперва Левка Рехтлебенъ расплакался и хотѣлъ непремѣнно домой; ему не холодно, и онъ здѣсь не боится, и онъ знаетъ, что мальчикамъ хорошо въ колоніи—ему разсказывали объ этомъ; но дома есть мама... Левку уговорили, что онъ поѣдетъ послѣ субботы, потомъ онъ и самъ не захотѣлъ, загорѣлъ и прибавился въ вѣсѣ на три фунта. Есть въ колоніи и крѣпость, и войну устраиваютъ, есть газета «Михайловка», есть судъ, который кривитъ душой, когда надо осудить любимца колоніи. Гешель Грозовскій играетъ по вечерамъ на скрипкѣ—и мальчики любятъ его слушать, а когда надзиратель обвинилъ Грозовскаго въ томъ, что онъ ударилъ маленькаго Адамскаго, судъ пристрастно оправдалъ его. Но судей убѣдили въ томъ, что должно пересмотрѣть этотъ пристрастный приговоръ. Грозовскій отсидѣлъ назначенныя ему десять минутъ ареста, а вечеромъ игралъ лучше обыкновеннаго. Есть и пѣвцы въ колоніи, есть и поэтъ Ойзеръ Плоцкій, который сочиняетъ стихи о томъ, что видѣлъ: о сапожникѣ, у котораго не было работы, а когда онъ получилъ заказъ, то не было денегъ на кожу; о кузнецѣ, который день и ночь бьетъ молотомъ по твердому желѣзу, а молотъ поетъ о счастьи людей. Всѣ мальчики видѣли кузнеца, но одинъ Ойзеръ разслышалъ въ стукѣ молота пѣсню о счастьи людей. Отецъ Ойзера—больной ремесленникъ, но онъ, и Ойзеръ, и сестра его, которая училась въ школѣ, пока у отца были заработки, и мать—всѣ они очень горды, и ничего не хотѣли просить. Когда сталъ приближаться день отъѣзда въ Варшаву, Ойзеръ написалъ послѣдній стишокъ: «Радуются дѣти, что возвращаются домой, и сырыя стѣны замѣнятъ имъ зеленый лѣсъ. Цвѣты улыбаются солнцу, но ихъ ждетъ зима, и они завянутъ». Развѣ изъ Ойзера долженъ выйти сутенеръ и изъ сестеръ его проститутки? Развѣ мыслимо, чтобы эти полтораста мальчиковъ вышли изъ среды, вокругъ которой все на десять верстъ кругомъ пропитано развратомъ? А вѣдь Юшкевичъ хотѣлъ насъ убѣдить въ этомъ, конечно.

Смѣшно упрекать Юшкевича въ томъ, что онъ не написалъ идиллію. Конечно, не все такъ прекрасно въ мірѣ, какъ было прекрасно лѣто, проведенное еврейскими мальчиками въ деревнѣ, гдѣ даже антисемитизма не оказалось ни слѣда. Крестьянинъ не прогналъ дѣтей съ своего клевера, такъ какъ они не потопчутъ его

босыми ногами, онъ радушно и ласково улыбается имъ, а авторъ, патетически-сентиментальный, что нерѣдко бываетъ съ юмористами, восклицаетъ: «Польскій крестьянинъ! Приглядись къ этимъ мальчикамъ: вѣдь это не дѣти, а жиденята, которыхъ въ городѣ не впускаютъ ни въ одинъ садъ; извощики кнутомъ гонятъ ихъ съ улицы, прохожій сталкиваетъ ихъ съ тротуара, а дворникъ гонитъ метлой со двора. Это не дѣти, а Мошки! И ты не гонишь ихъ изъ подъ придорожной вербы, гдѣ они расположились, а приглашаешь ихъ на собственное поле!» Конечно, не такъ хорошо ужъ и въ польской деревнѣ. Но не этимъ оптимизмомъ пріятна милая книжка Корчака, не ея розовые тона составляютъ ея рѣшительное преимущество предъ нудной повѣстью Юшкевича, а та правда, которая видна въ ней, не смотря на ея легкій оптимизмъ. Корчакъ нашелъ новый міръ и разсказалъ намъ о немъ новое. Конечно, въ концѣ концовъ еврейскія проститутки очень похожи на всѣхъ другихъ проститутокъ и еврейскіе мальчики похожи на прочихъ мальчиковъ. Но сравните, какъ схваченъ въ тонкихъ мелочахъ національный характеръ у Корчака—и какъ нѣтъ его ни тѣни у Юшкевича. Это оттого, что пути и пріемы ихъ творчества діаметрально противоположны: Корчакъ наблюдаетъ, Юшкевичъ сочиняетъ, Корчакъ видитъ отдѣльныхъ людей, Юшкевичъ знаетъ только «общія условія» и ихъ иллюстрируетъ абстракціями. Онъ, несомнѣнно, ужаснулся бы, еслибы понялъ, до какой степени онъ грубо тенденціозенъ.

Карлъ Пирсонъ. Грамматика науки. Пер. со второго, просмотрѣннаго и дополненнаго английск. изданія В. Базарова и П. Юшкевича. Спб. 1911 г., 655 стр., ц. 4 р.

Первое англійское изданіе книги Пирсона вышло еще въ 1892 г. и книга эта давно уже пользуется значительнымъ авторитетомъ среди ученыхъ. Пирсонъ—математикъ по профессіи и поэтому его философская работа получаетъ особенный интересъ теперь, когда физико-математическія науки несомнѣнно вновь (какъ во времена Декарта и Ньютона) получили гегемонію въ научно-философскомъ мышленіи. И подобно тому, какъ 50 лѣтъ тому назадъ правильное и ясное пониманіе такихъ терминовъ, какъ «наслѣдственность», «измѣнчивость», «приспособленіе» и т. п. было обязательно для всякаго образованнаго человѣка, такъ теперь, несомнѣнно, тотъ, кто не знаетъ, что понимаютъ математики подъ такими терминами, какъ, напримѣръ: «масса», «инерція», «скорость», «ускореніе» и т. п.,—тотъ окажется совершенно неспособнымъ уразумѣть научно-философскія теченія нашего времени. Такъ, не только публика, но и весьма многіе профессіональные философы (получившіе лишь филологическое образованіе) отожествляютъ «механическое міровоззрѣніе» съ «матеріализмомъ». По-

добные господа, конечно, будутъ крайне удивлены, когда прочитаютъ у Пирсона такія строки: «Отвергая матеріализмъ и признавая, что механизмъ есть не объясненіе, а лишь идеально-логическое описаніе воспринимаемыхъ нами въ явленіяхъ измѣненій, мы не должны впадать въ противоположную крайность. Мы не должны оцѣнивать слишкомъ низко колоссальное значеніе нашей механической модели вселенной» (стр. 346). По Пирсону «механизмъ не есть объясненіе», потому что вообще наука никогда и ничего не «объясняетъ», а лишь описываетъ. Требованіе «объясненія» по Пирсону есть «метафизическій» пережитокъ, ведущій къ матеріализму, спиритуализму и т. п. антинаучнымъ ученіямъ. Съ этой точки зрѣнія, напримѣръ, вѣковой споръ о происхожденіи жизни и объ отношеніи «живого» къ «мертвому» получаетъ совершенно новое освѣщеніе. Пирсонъ говоритъ: «Очевидно, люди, утверждающіе, что механизмъ не въ состояніи *объяснить* жизнь, совершенно правы, ибо механизмъ вообще ничего не объясняетъ. Съ другой стороны, мнѣніе, что механизмъ не можетъ *описать* жизнь, заходитъ слишкомъ далеко за предѣлы доказуемаго при современномъ состояніи нашихъ знаній» (стр. 400).

Книга Пирсона можетъ быть раздѣлена на три части. Первыя пять главъ имѣютъ общефилософскій характеръ. Здѣсь авторъ выясняетъ основныя положенія своего философскаго міровоззрѣнія, которое, по его собственнымъ словамъ имѣетъ много общаго съ міровоззрѣніемъ Маха, и которое кратко лучше всего резюмируется вышеприведеннымъ его заявленіемъ, что механизмъ (т. е. въ концѣ концовъ наука) есть не *объясненіе*, а лишь *описаніе* воспринимаемыхъ нами измѣненій.

Главы: VI «Геометрія движенія»; VII «Матерія» и VIII «Законы движенія» являются самыми интересными въ книгѣ: здѣсь спеціалистъ математикъ устанавливаетъ, такъ сказать, математическое основаніе современнаго научно-философскаго міровоззрѣнія. Люди, наивно отожествляющіе «механизмъ» съ «матеріализмомъ», думающіе, напримѣръ, будто математики подъ «массой» понимаютъ «количество вещества», а подъ «силой»—нѣчто «двигающее вещество»,—всѣ эти люди, по прочтенію трехъ вышеуказанныхъ главъ книги Пирсона, быть можетъ, поймутъ, наконецъ, что они имѣли совершенно неправильное представленіе о томъ научно-философскомъ направленіи, которое они (если они профессіональные философы спиритуалисты) клеймили названіемъ замаскированнаго матеріализма. Кто усвоитъ себѣ эти главы, тотъ пойметъ истинный смыслъ утвержденій вродѣ слѣдующаго: «Всѣ тѣ понятія, съ помощью которыхъ мы описываемъ и измѣряемъ измѣненіе, суть *геометрическія* понятія. Такимъ образомъ они не реальные, данные въ воспріятіи, предѣлы. Они представляютъ собой формы для различенія и классифицированія содержаній нашего конкретнаго (perceptual) опыта съ помощью смѣшанной категоріи

движенія» (стр. 280). Или еще слѣдующаго: «Трудности, связанныя съ... понятіемъ (матеріи), возникаютъ, повидимому, оттого, что логическимъ символамъ приписываютъ феноменальное, хотя и недоступное воспріятію, существованіе. Для объектовъ внѣшняго воспріятія подходящимъ терминомъ будетъ: «измѣненіе чувственныхъ впечатлѣній»; слово же «движеніе» слѣдуетъ употреблять въ качествѣ логическаго символа этого измѣненія. Вопросы: «что движется»? и «почему оно движется»? не имѣютъ смысла въ примѣненіи къ воспріятію. Въ области понятія движущіяся тѣла—это идеальные геометрическіе образы, надѣленные въ цѣляхъ описанія движеніями» (стр. 323).

Значительный интересъ представляютъ главы IX—XI, посвященныя біологіи. Здѣсь авторъ подвергъ біологическіе вопросы математической обработкѣ. Вопросы «измѣнчивости», «наслѣдственности», «подбора» онъ изслѣдуетъ при содѣйствіи той математической дисциплины—«теоріи вѣроятностей»,—которая лежитъ въ основѣ научной статистики. Заслуги автора въ этомъ отношеніи давно извѣстны и профессіональные статистики считаютъ его въ числѣ своихъ учителей. Но при всемъ интересѣ этихъ главъ слѣдуетъ сказать, что онѣ нѣсколько портятъ архитектонику книги, внося спеціальную обработку вопросовъ въ разсмотрѣніе самыхъ общихъ философско-математическихъ проблемъ. Поэтому мы и не будемъ знакомить нашихъ читателей съ этимъ отдѣломъ книги Пирсона.

Собственно говоря, всего вышесказаннаго уже совершенно достаточно для общей характеристики точки зрѣнія Пирсона. Однако, прибавимъ еще нѣсколько штриховъ. Познаніе опредѣляется Пирсономъ слѣдующимъ образомъ: «Познаніе есть стенографическое описаніе въ понятіяхъ (никогда не объясненіе) рутины нашего чувственнаго опыта» (стр. 386); а вслѣдствіе этого задача науки «сводится къ описанію возможно широкаго круга явленій при помощи возможно краткихъ формулъ» (стр. 388). Въ математическихъ вычисленіяхъ понятіе «причины» не имѣетъ мѣста: математика знаетъ лишь «функцію»; и поэтому вполнѣ естественно, что новѣйшее научно-философское теченіе съ особенной силой ополчилось противъ идеи причины. Пирсонъ также отвергаетъ идею причины, какъ принудительной силы. Слово «причина» (говоритъ онъ на стр. 183—4) употребляется въ научномъ смыслѣ для обозначенія предшествующей стадіи въ нѣкоторой рутинѣ воспріятій... Первая причина есть лишь предѣлъ — постоянный или временный — нашего знанія... Въ рутинѣ воспріятій нѣтъ никакой внутренней необходимости. Но существованіе разумныхъ существъ предполагаетъ необходимо наличность рутины воспріятій... Единственная извѣстная намъ необходимость существуетъ въ сферѣ понятій». Послѣдняя фраза не будетъ вполнѣ правильно понята тѣми, кто не знаетъ, что однимъ изъ самыхъ

основныхъ пунктовъ философіи Пирсона является крайне рѣзкое разграниченіе (мы сказали бы: бездна лежащая) между «существованіемъ въ понятіи» и «существованіемъ въ воспріятіяхъ»: только данное въ воспріятіи реально существуетъ и вся «метафизика» порождена тѣмъ, что существующему лишь въ понятіи приписывается реальное бытіе, тогда какъ «*не слѣдуетъ приписывать феноменальное существованіе никакому понятію—какимъ бы оно ни было неоцѣнимымъ орудіемъ при описаніи рутины воспріятій—пока не найденъ фактически его эквивалентъ въ воспріятіяхъ*» (стр. 293).

Мы охотно подписались бы обѣими руками подъ этимъ заявленіемъ Пирсона, если бы онъ потрудился сначала выяснить, что понимаетъ онъ подъ словомъ «эквивалентъ». Съ своей стороны, мы предпочли бы употребить иной терминъ: вмѣсто «эквивалентъ» мы сказали бы «точку опоры». Понятія должны имѣть точку опоры въ воспріятіяхъ—это ясно и безспорно. Говорить же объ «эквивалентѣ», когда дѣло идетъ о столь разнородныхъ предметахъ, какъ «понятія» и «воспріятія», едва ли удобно: подъ этимъ флагомъ легко и бездоказательно можетъ пройти крайній сенсуализмъ и крайній субъективизмъ. «Идеальная (conceptual) матерія (читаемъ мы на стр. 305)—это *лишь* (курсивъ нашъ) имя для геометрическихъ образовъ, надѣленныхъ нѣкоторыми движеніями, съ помощью которыхъ мы описываемъ рутину нашихъ внѣшнихъ воспріятій». Прежде, чѣмъ говорить по существу, мы скажемъ нѣсколько словъ по поводу перевода.

Переводчики,—вообще говоря, отлично справившіеся со своей нелегкой задачей,—къ сожалѣнію, повсюду въ книгѣ передаютъ терминъ «conceptual» терминомъ «идеальный»; это можетъ породить недоразумѣніе; поэтому, хотя выраженіе «данный въ понятіи», быть можетъ, нѣсколько громоздко, мы, все-таки, предпочли бы его вслѣдствіе его точности. (Кстати замѣтимъ, что никакихъ другихъ возраженій противъ перевода мы не можемъ сдѣлать, кромѣ заявленія, что терминъ «inconceivable» слѣдовало бы перевести словами: «немыслимое» или «непостижимое», а не словами: «недоступное преставленію», какъ это сдѣлали переводчики на стр. 200).

Но возвратимся къ тексту. Мы подчеркнули слово «лишь» въ утвержденіи Пирсона, что данная въ понятіи («идеальная», какъ выразились переводчики) матерія есть лишь имя для геометрическихъ образовъ и т. д. Употребленіе этого маленькаго словечка: «лишь» въ сущности ведетъ къ большимъ послѣдствіямъ. Благодаря ему, къ той безспорной истинѣ, что матерія *прежде всего* есть, такъ сказать, точка пересѣченія нашихъ ощущеній, къ этой безспорной истинѣ, безъ особыхъ заботъ присоединяется еще и утвержденіе, что матерія есть только эта точка пересѣченія. Но это еще не все. Вѣдь ощущеніе есть нѣчто двустороннее: въ ощущеніи нужно различать ощущающее отъ того, что̀ оно ощущаетъ,

нужно различать субъективную и объективную сторону ощущенія, и намъ кажется, что, благодаря употребленію словечка «лишь», субъективная сторона ощущенія незаконно расширяется насчетъ объективной.

Подобное толкованіе ощущеній ведетъ къ тому, что, какъ это признаетъ самъ Пирсонъ (стр. 292), его взглядъ «сильно приближается» къ ученію Дж. Ст. Милля о томъ, что матерія есть «постоянная возможность ощущеній»; мало того, въ томъ пунктѣ, который мы въ данный моментъ обсуждаемъ, ученіе Пирсона не только «сильно приближается» къ ученію Милля, но просто тожественно съ нимъ, причемъ Милль опредѣленнѣе Пирсона формулировалъ свою мысль, благодаря чему ее легче подвергнуть критикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, легко указать, что ахиллесова пята этого знаменитаго опредѣленія Милля лежитъ въ словѣ «возможность». Одно изъ двухъ: или слову «возможность» придается реальное толкованіе, подобно тому, какъ, напримѣръ, можно сказать, что складъ динамита есть возможность взрыва, и тогда, значитъ, матерія есть *нѣчто сверхъ и помимо ощущеній*; или же это слово «возможность» не означаетъ ничего реальнаго, *ничего не включеннаго уже заранѣе въ ощущенія*, и тогда зачѣмъ же оно прибавлено къ слову «ощущенія»? Т. е., въ этомъ послѣднемъ случаѣ получается такая дилемма: или ощущеніе уже имѣется, и тогда слѣдуетъ говорить о самомъ ощущеніи, а не о его «возможности»; или ощущенія еще не имѣется, и тогда *ничего не имѣется* и, значитъ, собственно говоря, неизвѣстно о чемъ же мы говоримъ. Мы здѣсь критиковали Милля, а не Пирсона, потому что Пирсонъ не формулировалъ своей мысли съ такой опредѣленностью, какъ это сдѣлалъ Милль, а между тѣмъ ихъ ученія въ данномъ пунктѣ тожественны, и слѣдовательно все, что сказано объ ученіи Милля, цѣликомъ относится и къ ученію Пирсона.

Слабымъ пунктомъ въ книгѣ Пирсона является еще и то обстоятельство, что онъ всюду смѣшиваетъ «сознаніе» съ «познаніемъ», благодаря чему онъ способенъ писать, напримѣръ, такія фразы: «Я могу получить чувственное впечатлѣніе не распознавая его, т. е., иначе говоря, чувственное впечатлѣніе не предполагаетъ непремѣнно сознаніе (consiousness)» (стр. 62). Что я могу не распознать чувственнаго впечатлѣнія, т. е., не опредѣлить его сходства и различія съ другими чувственными впечатлѣніями, это не только возможно, но даже постоянно случается; но совершенно непонятно, что это за «чувственное впечатлѣніе», котораго я не сознаю: это можетъ быть перераспредѣленіемъ матеріи и энергіи, это можетъ быть физіологическимъ процессомъ, но это ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть «*чувственнымъ* впечатлѣніемъ», ибо несознанное чувство есть contradictio in adjecto.

Однако, эти недочеты книги Пирсона тонутъ въ ея достоинствахъ и она является прекраснымъ, строго-научнымъ философ

скимъ трактатомъ, при чтенiи котораго ясно видно, какую солидную основу для философiи можетъ создать умъ, прошедшiй строгую математическую школу.

У. Джемсъ. Вселенная съ плюралистической точки зрѣнiя. Перев. съ англ. Б. Осипова и О. Румера подъ редакцiей прив.-доц. Г. Г. Шпетта. М. 1911 г., 235 стр., ц. 2 р.

Талантливая, блестяще написанная книга... Среди современныхъ философовъ Вильямъ (или Уильямъ) Джемсъ вообще выдѣлялся своимъ литературнымъ талантомъ; но, быть можетъ, ни одна изъ его работъ не блистала такимъ обилiемъ мѣткихъ характеристикъ и эффектныхъ «motto», какъ эта его критика интеллектуалистическаго монизма во славу волюнтаристическаго плюрализма. Трудно, напримѣръ, удачнѣе Джемса выразить быстротекущiй характеръ явленiй, когда онъ говоритъ: «скажите слово: «теперь» и уже при самомъ произнесенiи оно означаетъ: «было» (стр. 140). Убiйственно характеризуетъ онъ гегелевское идолопоклонство передъ понятiями, говоря: понятiя, примѣняемыя сперва для того, чтобы сдѣлать вещи понятными, начинаютъ примѣняться и тогда, когда они дѣлаютъ ихъ непонятными» (стр. 121).

Волюнтаристическiй плюрализма Джемса имѣетъ, конечно, прагматическiй характеръ: но эта новая защита прагматизма особенно интересна тѣмъ, что здѣсь Джемсъ тѣсно связываетъ свой прагматизмъ съ ученiемъ Бергсона, при чемъ даже заявляетъ, что лишь знакомство съ произведенiями Бергсона убѣдило его, «что продолжать пользоваться методомъ интеллектуализма само по себѣ ошибочно» (стр. 161).

Когда Джемсъ подвергаетъ энергической критикѣ ученiя Гегеля, Брэдли (главный представитель англiйскихъ интеллектуалистовъ) и Ройса (главный представитель американскаго интеллектуализма), то, не раздѣляя даже большинства его взглядовъ, невольно признаешь, что онъ вѣрно намѣтилъ слабый пунктъ своихъ противниковъ. «*Разсужденiе* (говоритъ онъ на стр. 33), *въ которомъ названiе исключаетъ изъ называемаго факта то, что прямо не включается въ опредѣленiе этого названiя,—есть выраженiе того, что я называю порочнымъ интеллектуализмомъ*». Этимъ «порочнымъ интеллектуализмомъ» дѣйствительно страдаютъ весьма многiе интеллектуалисты. Дѣло, обыкновенно происходитъ такимъ образомъ: назвавши какую либо вещь, положимъ, «иксомъ», т. е. говоря иначе, опредѣливши ее, какъ «x»,—сейчасъ-же забываютъ, что это «опредѣленiе» есть только отвлеченiе, что оно не исчерпываетъ всѣхъ свойствъ вещи, а лишь намѣчаетъ тѣ ея свойства, которыя намъ нужны для данной нашей цѣли; а забывши это обстоятельство, съ легкимъ сердцемъ отрицаютъ право этой вещи обладать какими-бы то ни было качествами и свойствами, которыя

не вытекаютъ изъ опредѣленія. Эта манера многихъ интеллектуалистовъ уже вызвала сарказмъ Зигварта, сказавшаго, что такимъ образомъ, назвавши какого либо человѣка «всадникомъ», тѣмъ самымъ, навсегда лишаютъ его права ходить пѣшкомъ: ибо, конечно, хожденіе пѣшкомъ не вытекаетъ изъ понятія всадника. Такъ какъ интеллектуалисты весьма склонны къ подобнаго рода выводамъ, то они и даютъ обильную пищу для критики Джемса.

Но критика «понятій» въ данномъ случаѣ является для Джемса лишь орудіемъ для нанесенія удара монизму. На монизмъ Джемсъ нападаетъ съ двухъ сторонъ: во первыхъ—со стороны чисто философской; во вторыхъ,—и главнымъ образомъ—со стороны религіозной. Съ чисто философской точки зрѣнія Джемсъ отмѣчаетъ безсодержательность «абсолюта», который—вслѣдствіе извѣстной всѣмъ логикамъ обратной пропорціональности между «объемомъ» и «содержаніемъ» понятій,—обнимая собой все, лишенъ тѣмъ самымъ всякаго содержанія. Но самую энергическую и интересную атаку на абсолютъ ведетъ Джемсъ съ религіозной точки зрѣнія. Постоянные читатели «Русск. Бог.» знаютъ, что «прагматизмъ» иначе называется «гуманизмомъ» (см. Русск. Бог.» 1910 г. №№ 5 и 6) и что этимъ послѣднимъ названіемъ творцы «прагматизма - гуманизма» хотѣли подчеркнуть чисто человѣческія задачи философіи (и въ разбираемой нами книгѣ Джемсъ пользуется то терминомъ «прагматизмъ», то терминомъ «гуманизмъ»). Такъ вотъ, на религіозный абсолютъ Джемсъ и нападаетъ съ чисто человѣческой точки зрѣнія. Онъ упрекаетъ религіозный абсолютъ въ «отчужденности» отъ человѣка, въ отсутствіи той «интимности», которую, по его словамъ, даетъ плюрализмъ. «Абсолютъ, *какъ таковой*, не дѣйствуетъ и не страдаетъ, не любитъ и не ненавидитъ; ему чужды потребности, желанія и стремленія, неудачи и успѣхъ, друзья и враги, пораженія и побѣды... Напрасно станутъ говорить мнѣ, что путь абсолюта есть путь истины, и убѣждать меня въ томъ, что я долженъ, какъ говоритъ Эмерсонъ, устремлять свои взоры на образъ абсолютнаго и на нравственный порядокъ, царящій въ небесахъ; это невозможно въ силу присущихъ мнѣ свойствъ. Я существо ограниченное разъ навсегда и всѣ категоріи моей симпатіи тѣсно связаны съ ограниченнымъ міромъ... У меня нѣтъ ни глазъ, ни ушей, нѣтъ ни сердца, ни ума для всего, что противоположно данной дѣйствительности, и блаженство абсолюта, застывшаго въ собственномъ совершенствѣ, такъ же мало трогаетъ меня, какъ я его» (стр. 25—6). Если прибавить ко всему этому тѣ затрудненія, которыя создаются для идеи всемогущаго, всевѣдущаго и всеблагаго Бога существованіемъ зла, съ которымъ Богъ какъ будто или не хочетъ или не можетъ справиться,—то мы не удивимся, когда узнаемъ, что Джемсъ находитъ болѣе правильнымъ признать «что существуетъ Богъ, но что онъ конеченъ, что онъ ограниченъ въ своемъ могуществѣ или въ своемъ познаніи, или

и въ томъ, и другомъ» (стр. 172). Таковъ Богъ Джемсовскаго плюрализма—здѣсь Богъ есть одинъ изъ факторовъ вселенной: этотъ «ограниченный» Богъ болѣе «интименъ» намъ. «Богъ который, подобно намъ, имѣетъ окружающую среду, находится во времени, создаетъ свою исторію, — свободенъ отъ той отчужденности отъ всего человѣческаго, которая свойственна неподвижному, внѣвременному, совершенному абсолюту» (стр. 175). Джемсъ предупреждаетъ (стр. 62) своихъ твердыхъ въ библіи англо-американскихъ читателей, что его нападки на идею Бога-абсолюта отнюдь не наносятъ удара христіанству, ибо Богъ «Давида, Ісаіи или Іисуса» «конечное существо», хотя онъ и можетъ оказаться «самымъ значительнымъ для нашего познанія существованіемъ во вселенной».

Предыдущими строками мы пытались познакомить читателей съ волюнтаристическимъ плюрализмомъ Джемсовскаго прагматизма. Читатель, знакомый съ прагматизмомъ, т. е. знающій, что прагматизмъ прежде всего характеризуется своей борьбой съ интеллектуализмомъ, своимъ волюнтаризмомъ, а затѣмъ, и вслѣдствіе этого, и своей симпатіей къ плюрализму, — такой читатель, собственно говоря, могъ бы въ общихъ чертахъ предвидѣть всѣ вышеизложенныя положенія Джемса. Теперь мы скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ Джемсъ приспособилъ къ своему ученію Бергсона. Бергсонъ также какъ и Джемсъ не довѣряетъ логикѣ и «понятіямъ», но, въ то время, какъ Джемсъ (до вліянія на него Бергсона) искалъ выхода въ волѣ, въ потребностяхъ сердца (и теперь еще, какъ читатель видѣлъ, «интимность» конечнаго Бога является доводомъ въ пользу его существованія, особенно по сравненію, съ «отчужденностью» абсолюта), — Бергсонъ нашелъ иной выходъ: «интуицію». «Интуитивное познаніе»—вотъ въ двухъ словахъ вся философія Бергсона. Постоянные читатели «Русск. Бог.», быть можетъ, помнятъ, что въ статьѣ о Бергсонѣ, помѣщенной въ № 6 нашего журнала за 1909 г., основное возраженіе противъ философіи Бергсона было формулировано приблизительно такъ: пусть дѣйствительно интуиція ведетъ къ высшему вѣдѣнію сравнительно съ логикой и дискурсивнымъ мышленіемъ; но такъ какъ книги Бергсона (какъ и вообще всѣ книги) написаны при содѣйствіи логики и дискурсивнаго мышленія, то, спрашивается: какимъ образомъ Бергсонъ переводитъ свои свѣдѣнія, полученныя имъ путемъ интуиціи, на языкъ дискурсивнаго мышленія? На это у Бергсона нѣтъ отвѣта: Бергсонъ умѣетъ обходить молчаніемъ щекотливые вопросы. Что же касается Джемса, который всегда былъ немножко enfant terrible, то онъ ни мало не задумывается передъ такими откровенными признаніями: «Пока мы продолжаемъ *говорить*, интеллектуализмъ остается непререкаемымъ господиномъ положенія. Возвращеніе къ жизни достигается не путемъразговоровъ; для этого требуется *дѣйствіе*» (стр. 160). Такимъ образомъ Джемсъ стремится, такъ сказать, прагматизировать интуицію, но, думаемъ,

что вмѣстѣ съ этимъ онъ наноситъ и смертельный ударъ *книгамъ* гг. интуитивистовъ, ибо вѣдь эти книги цѣликомъ состоятъ изъ однихъ *«разговоровъ»*.

Далѣе, наше философское enfant terrible продолжаетъ такъ: «послѣ знакомства съ произведеніями Бергсона... я понялъ, что философія двигалась по ложному пути со временъ Сократа и Платона, что интеллектуалистическія затрудненія никогда не будутъ разрѣшены *интеллектуальнымъ* путемъ, и что *дѣйствительный выходъ изъ затрудненій состоитъ не въ томъ, чтобы открыть такое рѣшеніе, а просто въ томъ, чтобы заткнуть уши, когда этотъ вопросъ ставится»* (курсивъ нашъ) (стр. 161). Въ числѣ многихъ достоинствъ симпатичнаго Вильяма Джемса полная его откровенность всегда стояла не на послѣднемъ мѣстѣ; но зачѣмъ онъ здѣсь не былъ до конца послѣдовательнымъ? Зачѣмъ, совѣтуя философамъ «заткнуть уши» при философскихъ вопросахъ, онъ не посовѣтовалъ имъ также и бросить перо, когда имъ вздумается писать философскія книги; зачѣмъ, также, онъ не посовѣтовалъ читателямъ «закрывать глаза» передъ книгами гг. интуитивистовъ!?

Это тѣмъ болѣе удивительно, что нѣсколькими строками ниже онъ говоритъ слѣдующее: «Вѣроятно, никакія мои слова не могутъ обратить васъ, потому что слова суть лишь названія понятій... Пусть сама жизнь дастъ вамъ урокъ».

Право, Кратиллъ, тотъ философъ древней Греціи, который не произносилъ ни слова, а только махалъ пальцемъ, былъ гораздо послѣдовательнѣе Вильяма Джемса...

П. Наторпъ. Соціальная педагогика.—Теорія воспитанія воли на основѣ общности.—Переводъ А. А. Громбаха съ 3-го нѣмецкаго изданія. Спб. 1911. XXVI + 360 стр..

Книгу Наторпа, появившуюся первымъ изданіемъ еще въ 1899 г., обыкновенно относятъ къ кругу воззрѣній такъ называемаго «этическаго соціализма». Этотъ терминъ,—такъ какъ едва-ли можно представлять себѣ соціализмъ безъ этики,—оправдывается главнымъ образомъ методологическими соображеніями. Неокантіанцы въ соціологіи, Штаммлеръ, Штаудингеръ, Наторпъ, Форлендеръ и др., группируютъ вопросы соціальные вокругъ нѣкоторыхъ руководящихъ принциповъ этики. Но такъ какъ они вовсе не отрицаютъ правомѣрности другихъ группировокъ и другихъ методовъ, то едва-ли можно утверждать, что этическій соціализмъ представляетъ какое-то особое, самостоятельное міросозерцаніе, а не просто разработку нѣкоторыхъ вопросовъ практической философіи съ точки зрѣнія, далеко не чуждой соціализму вообще.

«Соціальная педагогика» Наторпа, это—стройное воплощеніе опредѣленнаго метода, но она отнюдь не связана неразрывно съ однимъ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ. Поэтому, и не примыкая

къ неокантіанскимъ постулатамъ автора, можно признавать большую цѣнность за цѣлымъ рядомъ положеній его практической философіи.

Самъ Наторпъ, какъ бы предваряя такое отношеніе, выдѣлилъ чисто-теоретическую часть изслѣдованія въ особый отдѣлъ (первый), назвавъ его «обоснованіемъ». Однако, при ознакомленіи съ остальными частями книги, относящимися къ вопросамъ этики и педагогики, нельзя не замѣтить, что соотвѣтствіе ихъ «обоснованію» носитъ характеръ чисто-формальный. «Обоснованіе» сводится къ утвержденію того, что являться значить — сознаваться кѣмъ-нибудь, къ признанію всякой закономѣрности только логической закономѣрностью сознанія (стр. 8—12), къ провозглашенію пріоритета внѣвременнаго и безусловнаго мышленія, какъ «источника долженствованія», надъ фактами опыта (19),—однимъ словомъ, къ тѣмъ тезисамъ неокантіантства, которые нисколько не выигрываютъ въ доказательности отъ частаго и усерднаго повторенія.

Соединительнымъ звеномъ «обоснованія» съ послѣдующимъ изложеніемъ является психологическій анализъ воли, какъ главнаго матеріала этики и педагогики, хотя Наторпъ очень рѣшительно высказывается противъ психологіи, какъ научнаго базиса для этики и педагогики. Вопросъ о свободѣ воли рѣшается имъ въ томъ смыслѣ, что свобода воли «непосредственно касается дѣйствія не поскольку оно *совершается*, а поскольку оно *желается*» (42). Исходя изъ всеобщности тенденціи къ тратѣ силъ, къ работѣ, къ чему-то «долженствующему быть», Наторпъ видитъ въ волѣ «концентраціонную дѣятельность», а высшую концентрацію практическаго сознанія вообще называетъ «разумной волей». Имѣя на лицо данныя чисто-психологическаго анализа воли, какъ дѣятельности, совмѣщающей выборъ и сужденіе, Наторпъ считаетъ необходимымъ придать своему изслѣдованію дедуктивный характеръ и санкціонировать стремленіе къ тратѣ силъ въ инстанціи долженствующаго быть вообще, «закономѣрности вообще». Впрочемъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, можно увидѣть психологическіе корни и этой «закономѣрности вообще». Требованіе такой закономѣрности есть требованіе единства самосознанія, а «если цѣлью является единство самосознанія, то не могутъ, конечно, существовать два единства самосознанія, теоретическое и практическое, но возможно различать двѣ стороны одного и того же послѣдняго, центральнаго единства» (72). Но вѣдь мыслить это единство можно, только исходя изъ недѣлимости душевной жизни; только на этомъ психологическомъ базисѣ можно строить конечное единство правды-истины и правды-справедливости, какъ это и дѣлала русская школа антропологической философіи задолго до Наторпа.

Самосознаніе развивается въ человѣкѣ только при наличности взаимоотношенія сознаній, при ихъ общеніи. А такъ какъ «воля, въ полномъ смыслѣ слова, это—самосознаніе» (83), то воспитаніе

возможно только какъ *соціальная педагогика.* «Чисто индивидуальное разсмотрѣніе воспитанія, — это абстракція, которая имѣетъ извѣстную ограниченную цѣнность, но которую, въ концѣ концовъ, необходимо преодолѣть» (86). Такимъ образомъ, темой соціальной педагогики становятся соціальныя условія воспитанія воли, или, какъ выражается Наторпъ, «соціальныя условія образованія и образовательныя условія соціальной жизни». Поэтому соціальная педагогика предполагаетъ изслѣдованіе нормъ и законовъ общественной жизни.

Этой части своего труда Наторпъ сообщаетъ регулятивный характеръ, стремясь дать правила поведенія и общенія, не входя въ анализъ законосообразностей общественной жизни. Установивъ индивидуальныя добродѣтели разума, воли и влеченій (истина, доблесть и мѣра), онъ приводитъ ихъ въ соотвѣтствіе съ добродѣтелями соціальной жизни (правдивость, законность, равномѣрность труда и пользованія) и объединяетъ тѣ и другія въ индивидуальной основѣ соціальной добродѣтели—*справедливости.* При этомъ онъ не забываетъ подчеркнуть, вслѣдъ за Штаммлеромъ, противоположеніе «формы» и «матеріи» какъ индивидуальнаго, такъ и соціальнаго регулированія воли. Трактованіе «формы», какъ высшаго, образующаго фактора, обезпечиваетъ подчиненное положеніе «матеріи», т. е. природы и психологіи, какъ фактора низшаго. Въ этой части цѣнны попутныя замѣчанія о соціальной техникѣ, которая, на взглядъ автора, «разсматриваетъ человѣка не только какъ существо опредѣляемое, но и какъ опредѣляющее свою дѣятельность» (143), о границахъ, въ которыя необходимо ввести существующую спеціализацію и раздѣленіе труда, чтобы всѣ участвовали въ обмѣнѣ веществъ (154), о философіи исторіи, имѣющей дѣло только съ такими событіями, въ которыхъ участвуетъ «соціальный разумъ человѣка» (177). Основной законъ соціальнаго воспитанія человѣчества формулируется такъ: „представить человѣческое существо во всемъ богатствѣ его содержанія, но въ то же время въ единствѣ и непрерывной связи и приблизить его къ совершенству въ данномъ субъектѣ по мѣрѣ способностей послѣдняго» (184).

Наиболѣе живо и интересно написано послѣдняя, собственно педагогическая часть книги Наторпа (Организація и методъ образованія воли). Примыкая къ лучшимъ идеямъ Песталоцци, Фихте, Шлейермахера, Гербарта, признавая равное право всѣхъ на образованіе, Наторпъ требуетъ «внутренне-единаго обоснованія національной, т. е. охватывающей всю націю, образовательной организаціи» (217), признаетъ необходимость «совмѣстнаго для обоихъ половъ школьнаго преподаванія» (261), протестуетъ противъ обособленности высшихъ школъ отъ низшихъ и даетъ много обстоятельныхъ наблюденій и замѣчаній относительно пріемовъ педагогическаго воздѣйствія. «Вершиною человѣческаго образованія

является, по его словамъ, не нѣкоторая наивысшая степень *образованности*, а наиболѣе свободная *способность къ образованію*, неограниченная возможность *самообразованія*» (222).

Переходя въ концѣ изслѣдованія къ тѣмъ предметамъ обученія, которые, по самому существу своему, отвѣчаютъ задачамъ соціальной педагогики, къ исторіи, эстетикѣ и религіи, Наторпъ анализируетъ ихъ воспитательные элементы и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ нѣкоторыя методологическія указанія. По его мнѣнію, исторія «не можетъ быть понята иначе, какъ на нравственной основѣ, и, наоборотъ, конкретная нравственность не можетъ быть понята иначе, какъ только на исторической основѣ» (266). Относительно воспитательнаго вліянія писателей древности, онъ говоритъ, что, напр., «исторія, написанная древними, показываетъ болѣе простыя, болѣе прочныя отношенія», ея героическіе образы отвѣчаютъ духу мальчика-подростка, если только «другими сторонами воспитанія не заглушается естественно развивающееся пониманіе ихъ».

Авторъ «Соціальной педагогики» не довѣряетъ религіи обоснованія нравственности: вѣдь стоящіе внѣ религіи еще не оказываются тѣмъ самымъ внѣ нравственности. Живая сила религіи въ «непосредственности чисто внутренней жизни», въ «чувствѣ вѣчности и человѣчества» (275). Какъ «опора для чувства», она представляетъ цѣнность «въ границахъ человѣчества», но человѣческая культура не можетъ ужиться съ религіей трансцендентности (344).

Въ духѣ Канта и Шиллера, Наторпъ усматриваетъ въ искусствѣ особый видъ познанія, какъ бы соединяющій свойства теоретическаго и практическаго познанія. Оно—«перерывъ для игры между трудными уроками жизни», «идеальное примиреніе идеи и опыта». Долженствующему быть оно придаетъ видъ дѣйствительности и поэтому существующее представляетъ, какъ долженствующее быть; идею чего-то совершеннаго оно беретъ изъ нравственности, подобіе дѣйствительности—изъ природы (324).

Нельзя отнести къ достоинствамъ книги Наторна изобиліе искусственнаго схематизма, въ видѣ, напр., тройственныхъ дѣленій, какъ бы нарочно приложенныхъ другъ къ другу въ различныхъ областяхъ, но, очевидно, сила великаго Канта велика не только своей матеріей, но и «формой», и порою Наторпъ можетъ показаться слишкомъ уже добрымъ, старымъ кантіанцемъ.

Переводъ мѣстами тяжеловатъ, но точенъ.

Д-ръ Х. Столлъ. Что необходимо знать каждому мальчику. Пер. съ англійскаго Елены Накашидзе. (Серія книгъ «Истина и Цѣломудріе». Т. I.) Книгоиздательство Полезной Литературы. Спб. 1911. Стр. 229. Ц. 1 р.

Рано или поздно каждый ребенокъ предложитъ родителямъ вопросы, въ отвѣтъ на которые надо такъ или иначе раскрыть ему

тайну дѣторожденія; въ противномъ случаѣ надо увильнуть, что только отсрочитъ и затруднитъ отвѣтъ, или солгать, что заставитъ ребенка черпать истину—уже смѣшанную съ ложью—въ грязныхъ и сомнительныхъ источникахъ. Но какъ, сохраняя въ непорочности дѣтскую душу, сказать правду о томъ, что не знаетъ средняго освѣщенія, что можетъ быть только или возвышенной чистотой или гнусной грязью. Нуженъ громадный тактъ, нужна рѣдкая вдумчивость, нужны, наконецъ, знанія, которыми располагаетъ вѣдь не всякій изъ родителей. Ихъ затрудненіямъ приходитъ на помощь книгоиздательство Полезной Литературы, обѣщающее еще цѣлый рядъ книгъ для разныхъ возрастовъ и половъ. Нельзя сказать, чтобы издательство и д-ръ Столлъ, авторъ первой изъ намѣченныхъ книгъ, въ общемъ совсѣмъ не понимали потребности и средствъ къ ея удовлетворенію. Но добрыя намѣренія почтеннаго американца едва-ли приведутъ къ надлежащему результату.

Къ достоинствамъ его поученій, обращенныхъ непосредственно къ мальчику, предисловіе издательства относитъ то, что основная мысль его «обоснована строго научными данными и выводами». Эта основная мысль заключается въ томъ, что «творческая воспроизводительная сила, вложенная Создателемъ въ растенія, въ животныхъ и въ человѣка, не можетъ происходить изъ нечистаго источника». Совершенно ясно, что «строго научныя данныя» къ этой мысли не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого касательства, такъ какъ они въ другой плоскости. И дѣйствительно, если авторъ привлекаетъ къ своему изложенію науку, то по преимуществу въ такой комбинаціи: «Нѣкоторымъ своимъ созданіямъ Богъ даровалъ способности или силу создавать или производить другихъ подобныхъ себѣ. Ученые называютъ такія созданія Божьи *организмами*. Другимъ же, какъ то: солнцу, лунѣ, звѣздамъ, скаламъ, горамъ, океанамъ, озерамъ и пр., которые ученые называютъ *неорганическими тѣлами*, Богъ такой способности не далъ».

Таковы исходныя точки поученій д-ра Столла, такова въ общемъ его наука. Не надо быть крайнимъ раціоналистомъ, чтобы предвидѣть, что два-три «неумѣстныхъ» вопроса пытливаго ребенка запутаютъ родителей и внесутъ неустранимыя противорѣчія въ дѣтскую душу. Дальнѣйшее изложеніе д-ра Столла не ослабитъ ихъ. Онъ съ чрезвычайной постепенностью подходитъ къ объясненію дѣторожденія. Онъ говоритъ о сѣменахъ растеній и о рыбьей икрѣ, о яйцахъ птицъ и о томъ, что мальчикъ составляетъ не только часть тѣла мамы, но и часть тѣла папы; онъ утверждаетъ даже—быть можетъ, не безъ участія переводчика,—что «животныя не кладутъ яицъ подобно птицамъ по многимъ причинамъ». Но какъ разъ тамъ, гдѣ начинаются самые страшные дѣтскіе вопросы, — вопросы о половомъ сожительствѣ, какъ источникѣ жизни,—авторъ дѣлаетъ изящный прыжокъ; хорошо, если ребенокъ не схватитъ его здѣсь за полу; боимся, что д-ръ Столлъ попадетъ

при этомъ въ затруднительное положеніе, изъ котораго его не выведетъ словесность такого сорта: «Внутри (іерусалимскаго храма) было мѣсто, называемое святилищемъ, а на одной изъ оконечностей святилища была внутренняя огороженная часть храма, еще болѣе святая, которая называлась «Святое Святыхъ», гдѣ Богъ имѣлъ свое неприступное пребываніе... Я увѣренъ, что ни одинъ мыслящій человѣкъ не можетъ по настоящему изучать человѣческое тѣло, не думая о воспроизводительной системѣ, какъ о «Святомъ Святыхъ», въ которомъ обитаетъ творческая сила Божія въ чудесной тайнѣ воспроизводительной силы». Кажется, д-ръ Столлъ въ законной попыткѣ очистить многое, дѣйствительно загрязненное бытовыми и религіозными предразсудками новой Европы, перегнулъ палку и дошелъ чуть не до фаллическаго культа. Во всякомъ случаѣ не надо быть религіознымъ человѣкомъ, чтобы съ крайней брезгливостью отнестись къ такому, напримѣръ, поученію американскаго моралиста—одному изъ обычныхъ въ его книгѣ: «Когда ты принимаешь свою еженедѣльную ванну, хорошо поднимать крайнюю плоть и вычищать съ великой осторожностью эту часть полового органа. Но это ты долженъ совершать съ религіознымъ чувствомъ, сознательно избѣгая малѣйшаго движенія, которое могло бы развратить твою душу и осквернить твое тѣло». Это обращено къ ребенку! «Родители и литературные критики не должны забывать, что книга эта предназначена для маленькихъ мальчиковъ». Увы, помнимъ! Д-ръ Столлъ, очевидно, не понимаетъ, что есть вещи, которыя невозможно писать, невозможно читать: онѣ не выносятъ бумаги. Ихъ можно шепнуть на ухо, ихъ можно сказать интимно, очень индивидуально, и тогда онѣ чисты; въ книгѣ поученій онѣ грязны и не достигаютъ цѣли. Цитаты изъ Библіи и ссылки на Творца не очистятъ ихъ. Быть можетъ, это не личная вина д-ра Столла; быть можетъ, американская, протестантская складка пріемлетъ благополучно такого сорта размышленія о «тайномъ порокѣ»: «если ты когда-либо падешь жертвою этого порока, то ты замѣтишь, что съ первымъ сознаніемъ грѣха связанъ духъ возмущенія противъ Бога и родителей. Вскорѣ послѣ этого ты начнешь подвергать сомнѣнію мудрость и милосердіе Божіе». А ужъ если «кто-нибудь хвастается своими сомнѣніями и кощунственнымъ отношеніемъ къ Богу и Библіи», то, конечно, «ты можешь быть увѣреннымъ, что это чувство рождается отъ какого-либо грѣха передъ собою и передъ обществомъ, какого-либо тайнаго или явнаго порока». Право, учить этому русскаго «маленькаго мальчика» значитъ вести его по ложной дорогѣ. И мы не стали бы говорить объ этой весьма американской книгѣ, гдѣ спортъ и Богъ соединяются такъ же легко и естественно, какъ безбожіе и «тайный порокъ», еслибы въ преддверіи къ книгѣ не встрѣтили ряда рекомендацій отъ русскихъ общественныхъ дѣятелей и ученыхъ съ именемъ. Издательство нашло нужнымъ

возобновить обычай, окончательно вымершій въ литературѣ сто лѣтъ тому назадъ, и предпослало поученіямъ д-ра Столла рядъ *портретовъ* и отзывовъ проф. Бехтерева, Новомбергскаго, Гредескула, г-жъ Философовой, Каменской, педагоговъ г. Гуревича и г-жи Стоюниной, священниковъ Аггеева и Титова. Любопытно, что русскіе авторы, одобряя книгу д-ра Столла, все время представляютъ ее себѣ въ рукахъ родителей, а не дѣтей. А вѣдь она написана для мальчика и обращена къ нему и первое дѣло человѣка, читавшаго эту книгу,—спрятать ее отъ дѣтей. Было бы недурно также спрятать ее отъ рекомендующихъ профессоровъ. Они могли бы вспомнить, что ихъ наука—не наука д-ра Столла и ихъ религія—не его религія. Но они предпочли умолчать объ этомъ. Или г. Гредескулъ, призывающій къ религіозному сознанію, не видитъ этой пропасти и сходится съ д-ромъ Столломъ въ убѣжденіи, что причина атеизма—«тайный порокъ»?

Г. Г. Швиттау. Промышленные конфликты. Экономическое изслѣдованіе въ области современной политики труда на западѣ. Спб. 1911. Ц. 3 р.

Авторъ поставилъ себѣ цѣлью «установить то основное теченіе, какимъ идетъ новѣйшее профессіональное движеніе рабочихъ въ главнѣйшихъ странахъ западно-европейской культуры». Ему дѣйствительно удалось собрать богатый матеріалъ, касающійся отношеній между трудомъ и капиталомъ въ Англіи, Германіи и Соединенныхъ Штатахъ, и на основаніи этого матеріала выяснить тенденціи современнаго рабочаго движенія на западѣ.

Прежде всего Г. Г. Швиттау останавливается на рабочей забастовкѣ, которую, какъ онъ справедливо указываетъ, слѣдуетъ отличать отъ стачки или массового соглашенія, предшествующаго забастовкѣ—пріостановкѣ работъ. Субъектомъ забастовки является свободный, въ смыслѣ договора о наймѣ, рабочій; этимъ забастовка «рѣзко отличается отъ всѣхъ аналогичныхъ съ ней случаевъ возстаній и возмущеній, когда трудъ былъ закрѣпощенъ въ формѣ рабства, крѣпостничества и цехового ремесленничества». Авторъ анализируетъ отдѣльные составные элементы забастовки и подробно разбираетъ тактику рабочихъ организацій, причемъ характерную черту новѣйшаго рабочаго движенія онъ усматриваетъ въ стремленіи профессіональныхъ союзовъ по возможности избѣжать забастовки. Въ Америкѣ и еще болѣе въ Англіи рабочіе союзы признаютъ забастовку «крайнимъ средствомъ», допустимымъ лишь тогда, когда всѣ иные пути къ разрѣшенію конфликта исчерпаны. Профессіональные союзы стараются замѣнить забастовку мирными разслѣдованіями и соглашеніями съ предпринимателями.

Это происходитъ параллельно расширенію права коалицій. Въ XVIII ст. англійское законодательство запрещало рабочіе союзы и стачки, какъ угрожающіе національному производству; съ 1824 года оно допускаетъ ихъ, но все же смотритъ на нихъ, какъ на нѣчто,

имѣющее предосудительный характеръ. Лишь съ 1875 г. трэдъ-юніоны и забастовки признаются вполнѣ правомѣрнымъ институтомъ. Наконецъ, законъ 1906 г. устанавливаетъ право забастовокъ и признаетъ установленіе наблюдательныхъ постовъ во время забастовки дѣйствіемъ вполнѣ правомѣрнымъ, необходимымъ для осуществленія забастовки. Мало того, этимъ закономъ опредѣляется, что участіе въ забастовкѣ не можетъ вызывать не только уголовной, но и гражданской отвѣтственности; установившаяся съ 1910 г. судебная практика, согласно которой трэдъ-юніоны отвѣчаютъ своимъ имуществомъ за убытки, нанесенные предпринимателямъ во время забастовки, такимъ образомъ отмѣняется.

Авторъ, такимъ образомъ, приходитъ къ тому выводу, что по мѣрѣ того, какъ государство расширяетъ свободу забастовокъ, трэдъ-юніоны сами стараются возможно меньше прибѣгать къ этому средству. До тѣхъ поръ, пока правительства стараются сокращать забастовки мѣрами законодательства, какъ это дѣлается и до сихъ поръ на континентѣ Европы, всѣ эти попытки оказываются безплодными. Г. Г. Швиттау подтверждаетъ это и статистическими данными. По числу случаевъ въ годъ забастовки въ Англіи въ періодъ 1894—1908 гг. «обнаруживаютъ явную тенденцію къ своему сокращенію». Кромѣ того, «числовыя данныя показываютъ, что болѣе сильно организованныя отрасли производства обнаруживаютъ меньшее стремленіе рабочихъ къ активному выступленію противъ предпринимателей» (стр. 209, 217).

Одновременно съ этимъ измѣняется и политика союзовъ предпринимателей. Въ Германіи они еще и до сихъ поръ имѣютъ агрессивный характеръ, направлены къ уничтоженію профессіональныхъ организацій и къ поддержкѣ штрейкбрехеровъ; они устраиваютъ локауты и ведутъ «черные списки». Напротивъ, въ Англіи вражда ихъ къ рабочимъ ассоціаціямъ исчезла и они охотно вступаютъ въ переговоры съ представителями трэдъ-юніоновъ. Впрочемъ, въ новѣйшее время начало признанія рабочихъ организацій все болѣе опредѣленно пробивается въ сознаніе и нѣмецкихъ промышленниковъ. Съ одной стороны, гораздо спокойнѣе имѣть дѣло съ коллективнымъ и опредѣленнымъ противникомъ, съ другой, къ этому вынуждаетъ общественное мнѣніе (стр. 351, 353). Въ Америкѣ же примѣненіе такъ наз. системы черныхъ списковъ работодателями вызвало въ широкихъ кругахъ общества такой протестъ, что правительство вынуждено было принять энергичныя мѣры, и въ 1898 г. пользованіе blacklisting'омъ запрещается закономъ. Согласно этому закону, всякій наниматель, въ случаѣ, если онъ открыто или тайно попытается воспрепятствовать уволенному или добровольно ушедшему рабочему въ наймѣ, подлежитъ денежному взысканію въ размѣрѣ отъ 100 до 1000 долларовъ.

Въ заключеніе авторъ разбираетъ различные способы устраненія промышленныхъ конфликтовъ, т. е. столкновеній между ра-

ботодателями и рабочими. Онъ указываетъ, какъ рядомъ съ болѣе ранней формой авторитетнаго сужденія третьяго лица по вопросу о толкованіи рабочаго договора появляются палаты соглашенія для заключенія новаго договора; онѣ стараются склонить стороны къ соглашенію, къ уступкамъ, стараются устранить конфликтъ, возникающій при измѣненіи договора. Въ противоположность Германіи и Франціи, Англія съ 1896 года добилась такихъ органовъ соглашенія, послѣ 40-лѣтней борьбы, хотя обращеніе къ нимъ не является обязательнымъ для сторонъ. Напротивъ, въ Австраліи признана обязательность.

Какъ можно усмотрѣть изъ немногихъ приведенныхъ нами указаній, книга Г. Г. Швиттау содержитъ много новаго и любопытнаго; читается она съ большимъ интересомъ. Однако, самой организаціи рабочихъ союзовъ авторъ касается лишь вскользь, ихъ развитіе и дѣятельность имъ почти не разсматриваются. Вообще авторъ предполагаетъ знакомство читателя какъ съ трэдъ-юніонизмомъ, такъ и съ цѣлымъ рядомъ другихъ проблемъ въ области рабочаго вопроса. Въ приложеніи онъ даетъ обширный библіографическій указатель литературы о промышленныхъ конфликтахъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются.*** Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Изд. ***„Посредникъ“***. М. 1911. ***Л. Н. Толстой.*** Ясная поляна. Ц. 30 к.— ***Его-же.*** Педагогическія статьи. Ц. 40 к.— ***Его-же.*** Яснополянская школа. Ц. 16 к.— ***Его-же.*** О народномъ образованіи. Ц. 10 к. — ***Его-же.*** Кому у кого учиться писать. Ц. 5 к.— ***Его-же.*** О методѣ обученія грамотѣ. Ц. 4 к.— ***Его-же.*** Прогрессъ и опредѣленіе образованія. Ц. 6 к.— ***Его-же.*** О народномъ образованіи. (Статья 1862 г.) — ***Его-же.*** Воспитаніе и образованіе. Ц. 6 к. — ***Его-же.*** Три вопроса. Ц. 3/4 к. — ***Его-же.*** Первый винокуръ. — ***Его-же.*** Власть тьмы. Ц. 8 к.— ***Его-же.*** Плоды просвѣщенія. Ц. 8 к. — ***Его-же.*** Кругъ чтенія. Т. I. Изд. 5-е. Ц. 1 р. 30 к.— ***Его-же.*** Кругъ чтенія. Т. II. Изд. 4-е. Ц. 65 к.— ***А. И. Орловъ.*** Паскаль, его жизнь и труды. Ц. 10 к.— ***И. Горбуновъ-Посадовъ.*** Малымъ ребятамъ. Кн. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7-я. Ц. по 3 к.— Какъ дѣлаютъ посуду глиняную и фарфоровую. Ц. 3 к.— ***А. Модестовъ.*** Какъ получать хорошіе урожаи хлѣбовъ. Ц. 3 к.— ***А. А. Зубрилинъ.*** Ленъ и обработка его на волокно. Ц. 4 к.— ***Л. Н. Толстой.*** Путь жизни. Вып. I. О вѣрѣ. Ц. 6 к.—Вып. II. Богъ. Ц. 4 к.—Вып. III. Душа. Ц. 4 к.—Вып. IV. Одна душа во всѣхъ. Ц. 7 к.—Вып. V. Любовь. Ц. 6 к. — Вып. VI. Грѣхи, соблазны, суевѣрія. Ц. 4 к. — Вып. VII. Излишество. Ц. 4 к. — Вып. VIII. Половая похоть. Ц. 4 к.

Изд. ***Т-ва И. Д. Сытина.*** М. 1911. ***М. И. Демковъ.*** Педагогика западноевропейская и русская. Педагогическая хрестоматія. Ц. 1 р. 25 к. — ***А. Нѣмковъ.*** Уставъ земледѣлія. Ц. 15 к.— ***А. Ковальковскій.*** О сыровареніи. Ц. 12 к. — ***К. Д. Бальмонтъ.*** Любовь и ненависть. Ц. 40 к. — ***С. И. Бондаревъ.*** Ариѳметическій задачникъ. Ч. II. Ц. 35 к.— ***Р. Гауппа.*** Психологія ребенка. Ц. 75 к. — ***А. Заборскій.*** Книжка вопросовъ и замѣчаній къ произведеніямъ нашихъ писателей. Ц. 25 к.— ***К. А. Литвиненко.*** Сборникъ систематическихъ диктантовъ. Изд. вто-

рое. Ц. 90 к.—***Д. Тимновскій***. Дѣтямъ—русскіе поэты. Ц. 40 к. — ***В. Немировичъ-Данченко***. Рѣки былинныя—дали завѣтныя. Ц. 1 р.— ***Д. Гаммъ***. Самоучитель нѣмецкаго языка. Ц. 60 к. — ***С. И. Доброхотовъ***. Основныя свѣдѣнія изъ анатоміи и физіологіи для средней школы. Ц. 60 к. — ***Г. Кершенштейнеръ***. Основные вопросы школьной организаціи. Ц. 70 к. — ***В. И. Лебедева***. Первые защитники просвѣщенія въ Германіи. Ц. 25 к. — ***А. Алтаевъ***. Въ неволѣ и на волѣ. Ц. 30 к.—***Г. И. Колесниковъ***. Травосѣяніе въ засушливыхъ мѣстностяхъ. Ц. 10 к.

Л. Н. Толстой. Новая азбука. Ц. 10 к. Первая русская книга для чтенія. Ц. 7 к.—Тоже вторая кн, Ц. 7 к.—Тоже третья кн. Ц. 7 к.—Тоже. четвертая кн. Ц. 8 к.—***П. Богомоловъ***. Уроки наглянаго письма. Ц. 15 к.—***В. В. Кротковъ***. Практическое естествознаніе. Ц. 80 к.— ***В. Немировичъ-Данченко***. Въ морѣ. Ц. 1 р.—Его же. Монахъ. Ц. 1 р.—***К. Цуберб̃иллеръ***.Жилищный вопросъ. Ц. 30 к.—***А. Алтаевъ***. Освободитель черныхъ рабовъ. Ц. 1 р. 50 к.—Его же. Гансъ-Дударь. Истор. повѣсть. Ц. 50 к.—***А. Лепешинская*** и ***Б. Добрынинъ***. Волга. Ц. 60 к.—***А. Кисель*** и ***И. Майзель***. Развитіе и воспитаніе дѣтей отъ года до 14 лѣтъ. Ц. 25 к.—***Его же***. Грудной ребенокъ. Совѣты матерямъ. 2-е изд. Ц. 25 к.

Изд. **„Шиповникъ"**. Спб. 1911. ***Гюи-де-Мопассанъ***. Лунный свѣтъ. Ц. 1 р. — ***Ѳ. Сологубъ***. Разсказы. т. XI. Ц. 1 р. 25 к. — ***А. Аверченко***. Юмористическіе разсказы. Кн. 3-ья. Ц. 1 р. 25 к. — ***К. Пирсонъ***. Грамматика науки. Ц. 4 р.

Гюи - де - Мопассанъ. Собр. соч. Т. XIX. Наше сердце. Ц. 1 р. Т. XXI. Хорля и др. разсказы. Ц. 1 р. Т. XXII, На водѣ, Ц. 1 р.—***Маркъ Твенъ***. Избр. разсказы. Кн. I. Ц. 1 р. 25 к.— ***А. Ремизовъ***. Т. III. Ц. 1 р. 25 к.— ***Дж. К. Джеромъ***. Избр. разсказы. Кн. I. Ц. 1 р. 25 к.—***М. Сафиръ***. Избр разсказы. Ц. 1 р. 25 к.—***Габр. д'Аннунціо***. Собр. соч. Т. IX. Франческа до Римана. Ц. 1 р. 25 к.

Кн.-во „Сфинксъ". М. 1911. ***Э.*** и ***Ж. Гонкуры***. Полн. собр. соч. Т. III. Братья Земгано. Романъ. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Жермани Ласертэ. Ц. 1 р. 50 к.— ***П. И. Ѳедосьевъ***. Непонятная. Романъ. Ц. 1 р.

Изд. В. М. Саблина. М. 1911. ***Л. Н. Толстой***. Собраніе сочиненій 12 томовъ по 1 р. за т.—***А. Шницлеръ***. Необозримое поле. Ц. 80 к.—***Ив. Сахаровъ***. Катехизисъ народнаго учителя. Ц. 1 р.

Изд. „Образованіе". Спб. 1911.— ***В. Тпльденъ***. Химическіе элементы. Пер. М. Дукельскаго. Ц. 50 к.—***А. А. Добіашъ***. Учебникъ электричества для средн. школы. Ц. 80 к.—Новыя идеи въ физикѣ. Неперіод. изд. подъ ред. проф. И. И. Боргмана. № 2-й. Эѳиръ и матерія. Ц. 80 к.—Учебникъ природовѣдѣнія. Ч. 1-я. ***А. В. Нечаевъ***. Неживая природа. Ч. II. ***В. Р. Заленскій***. Растенія. Ч. III. ***Д. К. Третьяковъ*** и ***Ю. Н. Вагнеръ***. Человѣкъ и животныя. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. Т-ва „Обществ. Польза". Спб. 1911. Д-ръ ***Л. Кольраушъ***. Введеніе въ дифференціальное и интегральное исчисленіе. Пер. С. Лейбовича. Ц. 2 р.—Д-ръ ***М. Н. Маргуліесъ***. Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ. Ц. 1 р.

Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1911.— ***П. И. Новгородцевъ*** и ***І. А. Покровскій***. О правѣ на существованіе. Соціально-философ. этюды. Ц. 45 к.—***В. А. Ольховскій***. Курсъ алгебры треб. на конкурсн. испытаніяхъ. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. „Посредникъ". М. 1911. — ***Серг. Орловскій***. Высшая народная школа въ Швеціи. Ц. 45 к.—***Эшнеръ***. Вокругъ насъ. Кн. 1-я. Наша пища и одежда. Ц. 60 к.—***Л. Н. Толстой***. Божій міръ. Годъ приготовительный. Ц. 20 к.—Годъ первый. Ц. 30 к.

Книгоизд. ***Т-ва „Просвѣщеніе"***. Спб. 1911. ***Д. Айзманъ***. Т. I. Черные дни. Т. II. Доброе дѣло.—Искупленіе. Ц. 1 р. 25 к. — ***А. И. Левитовъ***. Собр. соч. Т. I. Ц. 1 р. — ***О. Шапиръ***. Собр. соч. Т. IV. Ц. 1 р. 50 к.—***А. В. Амфитеатровъ***. Собр. соч. Т. II. Звѣрь изъ бездны. Ц. 1 р. 50 к.

Книгоизд. ***„Матезисъ"***. Одесса. 1911. ***М. Планкъ***. Отношеніе новѣйшей физики къ механическому міровоззрѣнію. Ц. 25 к.—Проф. ***Ф. Браунъ***. Мои работы по безпроволочной телеграфіи и по электрооптикѣ. Ц. 70 к.— Проф. ***А. Штокъ*** и Прив.-доц. ***А. Штэлеръ***. Практическое руководство по количественному неорганическому анализу. Ц. 1 р. 20 к.—Проф. ***Г. Шубертъ***. Математическія развлеченія и игры. Ц. 1 р. 40 к.—Проф. ***Ф. Рудіо***. Архимедъ, Гюйгенсъ, Лежандръ, Ламбертъ о квадратурѣ круга. Ц. 1 р. 20 к.—***Б. Больцано***. Парадоксы безконечнаго. Ц. 80 к. —

Л. Мамлокъ. Стереохимія. Ц. 1 р. 20 к. — Сэръ ***О. Лоджъ.*** Міровой эфиръ. Пер. Д. Д. Хмырова. Ц. 80 к.— ***А. Смитъ.*** Введеніе въ неорганическую химію. Пер. съ англ. проф. П. Г. Меликова. Ц. 1 р. 50 к.—***Фурнье-Дальбъ.*** Два новыхъ міра. Ц. 80 к.— Проф. ***Д. М. Синцовъ.*** Русская математическая библіографія. Ц. 60 к.

Книгоизд. ***„Современныя проблемы"***. М. 1911. ***К. Валишевскій.*** Первые Романовы. Ц. 3 р.

Изд. ***Т-ва Бр. А. и В. Гранатъ и К°.*** М. 1911. Энциклопедическій словарь. 7-е изд. Т. VI. Біометрика—Брюанъ. Ц. въ пер. 3 р. 50 к.—Исторія нашего времени. Вып. III. (Современная культура и ея проблемы).

Книгоизд. ***„Наука"***. М. 1911. ***Н. А. Рубакинъ.*** Среди книгъ. Т. I. Ц. 3 р.

Книгоизд. ***„Порывы"***. М. 1911. ***Н. Мѣшковъ.*** Снѣжныя будни. Ц. 75 к.

Книгоизд. ***В. М. Саблина.*** М. 1911. Полн. собр. соч. ***В. Реймонта.*** Т. III. Броженіе. Кн. 2-ая Ц. 1 р.— ***К. Фибихъ.*** Бабья деревня. Ц. 1 р.— ***І. Іенсенъ.*** Колесо. Ц. 1 р. — ***Коррадо Риччи.*** Дѣти-художники. Ц. 40 к. — ***А. В. Цингеръ.*** Начальная физика. Ц. 2 р.

Изд. ***Т-ва „Міръ"***. М. 1911. Итоги науки въ теоріи и практикѣ.

Постоянная комиссія народныхъ чтеній. Спб. 1911. ***Е. Елачичъ.*** Слоны, окапи и ихъ вымершіе родичи. Ц. 20 к. — ***А. Ф. Бардовскій.*** В. Г. Бѣлинскій. Ц. 10 к.—***О. Петерсонъ.*** Г. В. Лонгфелло и его произведенія. Ц. 12 к.—***А. Путинцевъ.*** И. С. Никитинъ. Ц. 8 к.—Фруктовый и ягодный садъ. Ц. 10 к.—***М. А. Андреяновъ.*** Франція. Ц. 25 к.—***М. А. Бекетова.*** Англія. Ц. 20 к.

Кн-во ***„Прометей"***. Спб. 1911. ***А. Амфитеатровъ.*** Марья Лусьева за-границей. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. ***Ч. Кнебель.*** М. 1911. ***Игорь Грабарь.*** Исторія русскаго искусства. Вып. 9. Ц. 1 р. 60 к.—***С. Яремичъ.*** М. А. Врубель. (собраніе иллюстр. монографій „Русскіе художники" подъ ред. И. Грабаря. Вып. I). Ц. въ карт. 3 р. 50 к., въ коленк. пер. 4 р. 50 к.

В. Артемьевъ. Архаровцы и другіе разсказы. Книга вторая. Ц. 1 р. Спб. 1911.

А. Шилова. Къ вопросу о способахъ борьбы съ пьянствомъ. М 1911. Ц. 15 к.

С. П. Никоновъ. Основныя начала положеній 19 февраля 1861 г. Одесса. 1911. Ц. 50 к.

И. П. Козловскій. Андрей Виніусъ, сотрудникъ Петра Великаго (1641—1717). Спб. 1911.

А. Данцигеръ. Красильня и химическая чистка. Рига. 1911.

Изд. О-ва Домовладѣльцевъ Рижскаго Взморья. Иллюстрированный спутникъ по Рижскому взморью.

Ф. М. Блюменталь. Общественная борьба съ туберкулезомъ въ Зап. Европѣ и Америкѣ. М. 1911. Ц. 1 р. 75 к. Вт. изд.

Н. Долгополовъ. Памяти Л. Н. Толстого. Астр. 1911. Ц. 15 к.

Проф. ***Л. Випперъ.*** Краткій учебникъ исторіи среднихъ вѣковъ. Ц. 75 к. М. 1911.

В. В. Келеръ. Стихи. М. 1911.

Проф. ***Л. М. Лопатинъ.*** Положительныя задачи философіи. Ч. I. Область умозрительныхъ вопросовъ. М. 1911. Ц. 2 р.

Т. Г. Шевченко. Кобзарь. Въ пер. И. А. Бѣлоусова. М. 1911. Ц. 1 р.

Karl Kuhls. Das Monopol. Sozialer Roman aus dem rüssischen Volksleben. „Vita", Deutsches Verlagshaus. Berlin—Charlottenburg.

П. Л. Кованьно, прив.-доц. Государственные расходы Россіи за 1903—1911 г.г. Кіевъ. 1911. Ц. 50 к.

А. С. Гольденвейзеръ. Вопросы о малолѣтнихъ на международномъ пенитенціарномъ конгрессѣ въ Вашингтонѣ. Кіевъ 1911.

С. В. Керцелли. По Большеземельской тундрѣ съ кочевниками. Арх. 1911.

А. В. Флоровскій. Изъ матеріаловъ по исторіи прикрѣпленія крестьянъ въ Южной Россіи. Одесса. 1911.

Б. Кубаловъ. Къ исторіи Московско-Крымскихъ отношеній. Одесса. 1911.

В. Шенфинкель. Систематическій каталогъ херсонской общественной библіотеки. Херсонъ 1911.—***Его же.*** Систематическій указатель отдѣла им. М. Е. Беккера. Херс. 1911. Ц. 75 к.

А. Быковъ. Чертополохъ. Спб. 1911.

А. Д. Марголинъ. Въ полосѣ ликвидаціи. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Юр. Ф. Стихотворенія. Спб. 1911. Ц. 40 к.

В. И. Тетеринъ. Сочиненія. Курскъ. 1911.

Сѣверные цвѣты. Альманахъ пятый. Изд. „Скорпіонъ". Ц. 1 р. 50 к.

Алексѣй Плетневъ, Воспоминанія. Ц. 40 к.

Хроника внутренней жизни.

1. Оффиціальныя сообщенія о слушательницахъ и профессорахъ медицинскаго института.—2. Иронія въ правительственныхъ сообщеніяхъ и циркулярахъ. Черты яркой политики.—3. Лозунги націоналистовъ передъ выборами въ западное земство.—. 4. „Русскіе комитеты" и православные пастыри. Какъ подготовляли населеніе западныхъ губерній къ земскимъ выборамъ?— 5. „Земская группа". Выборы и ихъ итоги.

Какія высшія государственныя соображенія побудили въ теченіе почти одной недѣли 1) исключить почти всѣхъ учащихся женскаго медицинскаго института; 2) оффиціально опубликовать частью неточныя, частью просто неправильныя свѣдѣнія о шести профессорахъ того же института; 3) на основаніи этихъ неточныхъ и неправильныхъ свѣдѣній требовать отъ шести профессоровъ подачи прошенія объ отставкѣ; 4) опубликовать «иронический» отвѣтъ профессорамъ петербургскаго университета; 5) издать циркуляръ, «разъясняющій» родительскіе комитеты? 15 іюля черезъ С.-Петербургское телеграфное агентство было опубликовано оффиціальное сообщеніе, редактированное такъ:

«Распоряженіемъ министра народнаго просвѣщенія *исключены всѣ* слушательницы женскаго медицинскаго института, не являвшіяся на занятія не только въ теченіе весенняго семестра, но не пожелавшія, несмотря на предъявленныя къ нимъ требованія, приступить къ занятіямъ послѣ 18 апрѣля до конца семестра, продленнаго совѣтомъ института до половины іюля. Распоряженіе не коснулось лишь 27 слушательницъ, подчинившихся требованію»

«Коснулось» же распоряженіе, какъ пояснили газеты, на основаніи частныхъ свѣдѣній, почти 1300 слушательницъ; а такъ какъ изъ числа 27, которыхъ распоряженіе «не коснулось», большинство заканчиваетъ курсъ, то институтъ «очищенъ» наголо,— оставленъ безъ учащихся.

Такимъ образомъ женскій медицинскій институтъ съ его клиниками, амбулаторіями, обслуживаемой имъ огромной Петропавловской больницей безъ суда обращенъ въ катастрофическое состояніе. 1300 молодыхъ жизней также безъ суда въ самомъ началѣ карьеры исковерканы. 1300 семей подвергнуты горю... При этомъ совершенно не объяснено, въ чемъ виноватъ женскій медицинскій институтъ, какое преступленіе совершено населеніемъ, насущныя нужды котораго институтъ призванъ обслуживать и обслуживаетъ, и въ частности,—чѣмъ провинились паціенты той же хотя Петропавловской больницы. Можно лишь предполагать, что институтъ, все вообще населеніе, вся страна наказаны за то, что провинились 1300 слушательницъ. Таковъ, повидимому,

первый высшій государственнный принципъ: бить всѣхъ, потрясать до основанія цѣлыя учрежденія за вину сравнительно немногихъ лицъ.

Въ чемъ же виноваты эти лица? Вѣроятно, они совершили нѣчто ужасное если отъ имени государственной власти послѣдовало распоряженіе, равносильное стихійному бѣдствію? Что же именно они совершили? Преступленіе 1300 слушательницъ въ сущности тоже не объяснено. Указанъ лишь нѣкоторый внѣшній признакъ и при томъ туманно и загадочно: не являлись на занятія не только въ теченіе весенняго семестра, но не желали, несмотря на предъявленныя къ нимъ требованія, приступить къ занятіямъ послѣ 18 апрѣля... Въ самой редакціи этого пункта есть что-то неладное: одно дѣло—«не являлись», не приступили къ занятіямъ, другое—«не пожелали». «Не являться» я могу вопреки собственному желанію,—по болѣзни, по семейнымъ и всякимъ другимъ причинамъ. Желая выполнить въ точности предъявленныя ко мнѣ требованія, я все таки могу оказаться вынужденымъ не выполнить ихъ,—хотя бы, напр., потому, что мнѣ надо заработать средства на будущій семестръ, и согласно заключенному мною съ NN условію, я долженъ именно съ 18 апрѣля быть въ его имѣніи и до сентября репетировать его дѣтей. Наконецъ, пусть даже я не являлся именно потому, что не желалъ. Ну, вотъ просто по разнымъ причинамъ не желаю я учиться въ этомъ полугодіи,—намѣренъ возобновить занятія съ будущаго года и, пользуясь законнымъ правомъ сохранять за собою свое мѣсто въ учебномъ заведеніи, вношу установленную плату. Спрашивается, съ какихъ поръ и на какомъ основаніи это считается преступленіемъ, за которое надо карать безъ суда не только меня, моихъ родителей, мою семью, но и цѣлое учрежденіе, и все, что съ нимъ связано? За разъясненіемъ газеты частнымъ образомъ обратились къ исполняющему обязанности директора института проф. Кадьяну. Но, оказалось, и для г. Кадьяна «распоряженіе министра явилось совершенной неожиданностью,—какъ снѣгъ на голову». О дѣйствительныхъ мотивахъ кары г. Кадьянъ высказалъ нѣкоторыя свои догадки. Но онѣ—личное его мнѣніе, для насъ теперь неинтересное. Намъ нужно знать оффиціальное объясненіе правительства. Къ сожалѣнію, и профессору Кадьяну оффиціально извѣстно только то, что изъ института почти всѣ учащіяся исключены. Что же касается «неявки на занятія»,—объяснилъ профессоръ Кадьянъ—то во-первыхъ, по уставу каждая слушательница имѣетъ право оставаться въ институтѣ по личному желанію на второй годъ; а во-вторыхъ, «по уставу института исключеніе слушательницъ могло послѣдовать по постановленію профессорскаго дисциплинарнаго суда, но у насъ не было *основаній предавать ихъ дисциплинарному суду, такъ какъ онѣ не совершили никакихъ проступ-*

ковъ противъ института»... *) Это понятно, — административная кара тогда и примѣняется, когда нѣтъ проступковъ, подлежащихъ вѣдѣнію суда. Но тѣмъ болѣе загадочный оборотъ принимаетъ дѣло: распоряженіе, равносильное бѣдствію, послѣдовало за какую-то вину 1300 медичекъ, которыя, однако, никакихъ, даже дисциплинарныхъ проступковъ не совершили. По поводу столь невѣроятнаго положенія вещей выступили: «Россія», «Новое Время», «Голосъ Москвы»... Собственно, отзывы этихъ газетъ для насъ мало интересны. Наказаны, повторяю, не только 1300 медичекъ и не только институтъ, наказаны мы всѣ, имѣющіе счастье или несчастье быть обывателями государства Россійскаго. И не «частныя» якобы изданія, не оффиціозы, само правительство въ порядкѣ совершенно оффиціальномъ обязано объяснить намъ, за что и на какомъ основаніи оно караетъ насъ. Но оффиціальныхъ объясненій нѣтъ. По неволѣ приходится обратить вниманіе и на то, что объясняется въ порядкѣ оффиціозномъ.

«Россія» пишетъ:

„Какіе бы извороты ни выдѣлывали" оппозиціонные публицисты, „они не могутъ доказать, что удаленіе слушательницъ женскаго медицинскаго института, за исключеніемъ 27, сдѣлано министромъ противъ ихъ желанія. Не мотря на всѣ предоставленныя имъ льготы, онѣ не пожелали заниматься, а, слѣдовательно, онѣ не имѣютъ основанія быть недовольными и освобожденіемъ ихъ отъ званія слушательницъ, которому онѣ придавали такъ мало значенія".

Маленькая неточность: 1.300 медичекъ не «освобождены», не уволены, а *исключены*. Установившееся на практикѣ различіе этихъ терминовъ должно быть понятно «Россіи». А главное, на какомъ основаніи «Россія» повторяетъ вслѣдъ за правительствомъ: медички «не пожелали заниматься»? Откуда правительству извѣстно, что онѣ желали и не желали? Есть фактъ: около 1.300 слушательницъ не въ теченіе всего весенняго семестра, а, какъ увидимъ ниже, съ 27 января до конца учебнаго года не посѣщали лекцій. Сужденіе же о желаніяхъ есть именно сужденіе, догадка, домыслъ, неизвѣстно на чемъ основанный. И, если полагаться на приведенное объясненіе «Россіи», то дѣло получаетъ такой, совершенно невозможный, видъ:

— Г. Кассо почему-то умозаключилъ, что медички не желаютъ учиться, и, хотя это умозаключеніе вскорѣ послѣ 15 іюля оказалось не только не обоснованнымъ, но и неправильнымъ, тѣмъ не менѣе объединенное правительство, стремясь удовлетворить воображаемое г. Кассо желаніе медичекъ, нанесло немаловажный ущербъ государству.

Съ своей стороны, «Голосъ Москвы» тоже утверждаетъ, будто медички кому-то и когда-то заявляли: «не хочу учиться, хочу

*) „Рѣчь", 16 іюля.

бастовать»... Но, повидимому, газетѣ октябристовъ извѣстно, что такого заявленія не было. Какъ видно изъ ея статей, она лишь облекаетъ въ форму фактическаго сообщенія опять-таки собственный домыслъ:

— Бастовали,—значитъ, не хотѣли учиться.

Умозаключеніе это основано, какъ сейчасъ увидимъ, на весьма своевольномъ отношеніи къ фактамъ. А пока мы все-таки имѣемъ указаніе вины, за которую наложена кара: медички «бастовали». Такое же объясненіе предложили и другіе оффиціозы. Оно признано единственно возможнымъ независимою печатью. И трудно сомнѣваться, что наказаніе наложено именно «за забастовку». Передъ нами такимъ образомъ и еще одинъ высшій государственный принципъ: карать всѣхъ, огульно, не объясняя истинныхъ причинъ, а лишь предоставляя догадываться о нихъ.

Всѣ догадались, что кара наложена безъ суда за забастовку. Но получить оффиціальное подтвержденіе этой догадки до сихъ поръ не удалось. Не трудно понять, почему именно медички подвергнуты массовому исключенію, хотя одновременно съ женскимъ медицинскимъ институтомъ «бастовали» многія высшія школы, а учащіеся, просто пропускающіе тотъ или иной семестръ, есть всегда и всюду. Вообще «довольно затруднительно»—жалуется «Новое Время»—«узнать, кто правъ и кто виноватъ». Но въ медицинскомъ институтѣ оказалось очень легко установить имена. Еще при прежнемъ директорѣ института С. С. Салазкинѣ, министерство предложило совѣту продлить весенній семестръ до 15 іюля. Совѣтъ нашелъ эту мѣру безплодной, указавъ, между прочимъ, на разныя техническія и бытовыя условія, вслѣдствіе которыхъ лѣтнія лекціи не найдутъ слушателей и сведутся къ простой фикціи. Затѣмъ, послѣ отставки проф. Салазкина, совѣтъ принялъ предложеніе министра. Но первоначальное мнѣніе совѣта оправдалось. Лѣтнія занятія привлекли только 27 учащихся. По словамъ г. Кадьяна сотруднику «Рѣчи», поименный списокъ этихъ 27 былъ представленъ совѣтомъ института попечителю учебнаго округа по требованію послѣдняго *). Оставалось лишь изъ общаго перечня слушательницъ вычеркнуть 27 фамилій, и самъ собою получился проскрипціонный списокъ. Въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ ловушекъ, подъ видомъ продленія семестра, не было устроено, составить списки все-таки труднѣе. Что именно такъ составленъ проскрипціонный списокъ, подтверждается сообщеніемъ 15 іюля, которое предписываетъ: исключить *всѣхъ*, кромѣ 27. И уже одинъ этотъ упрощенный способъ находить виноватыхъ привелъ къ тому, что стало затруднительнымъ объяснить причину наказанія. Министерству народнаго просвѣщенія послѣ 15 іюля было указано, что не всѣ 1.300 исключенныхъ «бастовали»,—многія не посѣщали

*) „Рѣчь", 16 іюля.

лекцій по болѣзни и другимъ причинамъ незабастовочнаго свойства. Въ отвѣтъ на это министерство повторило свою формулу: исключены *всѣ, не приступившія къ занятіямъ.* И какой другой отвѣтъ можно было дать? Оффиціально признать, что кара наложена за забастовку, значило бы осудить способъ, какимъ опредѣлены имена «забастовщицъ». А отказаться отъ этого способа,—гдѣ и какъ найти другой? Способъ великолѣпный, но пользуясь имъ, невозможно сказать, кто за что наказанъ.

Да и по существу не такъ просто объявить, что причиной кары послужила забастовка. «Забастовка»—терминъ разговорный, привнесенный въ академическую жизнь по аналогіи, не совсѣмъ резонной. Въ другихъ областяхъ забастовка означаетъ прекращеніе обязательной, обусловленной договоромъ или закономъ работы. Забастовавшій рабочій дѣйствительно прекращаетъ работу, составляющую въ данный моментъ его спеціальность. «Забастовавшій» студентъ весьма часто вовсе не оставляетъ своихъ учебныхъ и научныхъ занятій,—онъ продолжаетъ работать, учиться. И въ частности едва-ли для кого секретъ, что «забастовавшія» медички именно во время забастовки работали не только дома и въ библіотекахъ по книжкамъ и учебникамъ,—онѣ работали также въ больницахъ, амбулаторіяхъ *). И то, что называется «академической забастовкой» послѣдняго весенняго семестра, было въ дѣйствительности массовымъ временнымъ отказомъ учащихся отъ своего права посѣщать лекціи, причемъ этотъ отказъ былъ мотивированъ ссылками на политическія событія, вызвавшія въ студенческой массѣ протестъ и не позволяющія ей сохранять въ аудиторіяхъ спокойствіе, необходимое для учебной работы. Между прочимъ, въ числѣ такихъ событій, волнующихъ студенческую массу и не позволяющихъ сохранять необходимое спокойствіе, были указаны: 1) экзекуціи въ тюрьмахъ надъ заключенными за политическія преступленія; 2) нарушеніе правительствомъ прямого, нынѣ дѣйствующаго закона, по которому министръ не имѣетъ права исключать студентовъ по своему усмотрѣнію, ибо суровое и отвѣтственное право исключать законъ предоставляетъ особому дисциплинарному суду, правильность и основательность рѣшеній котораго обусловлена извѣстными гарантіями. Кстати сказать, такъ понимаютъ законъ не только профессора и студенты,—такъ понимаютъ и октябристскіе юристы,—бар. Мейендорфъ, напримѣръ. Безъ сомнѣнія, подобные мотивы очень непріятны правительству. Но объявить, что наказаніе наложено именно за нихъ, значило бы пойти навстрѣчу цѣлому ряду непріятностей. Во-первыхъ, если ужъ карать за мотивы, то надо поименно установить, кѣмъ они предъявлены, а это дѣло трудное и во многихъ случаяхъ невозможное. Во-вторыхъ, указанныя въ

*) См., напр., отзыв. члена Государственной Думы В. С. Соколова въ „Рѣчи“,—№ 2 августа.

мотивахъ событія волнуютъ не только студентовъ,—они волнуютъ значительную часть всего русскаго общества. Въ одиночествѣ каждый изъ насъ напряженіемъ воли подавляетъ крикъ души, находитъ силы заниматься обычными текущими дѣлами. Но самому правительству извѣстно, что личныя волевыя напряженія дѣйствительны, пока человѣкъ одинъ, самъ по себѣ. Въ собраніи, въ толпѣ подавить волнующія многихъ чувства не такъ-то легко, и чаще всего прямо таки невозможно. Правительство, съ своей точки зрѣнія, поступаетъ вполнѣ цѣлесообразно, не выполняя возложенную на него словами манифеста 17 октября обязанность предоставить населенію свободу собраній. Дѣло лишь въ томъ, что когда студенты приходятъ на лекціи, то сама собою получается толпа, и на сцену выступаютъ законы массовой психологіи... Наказывая за это, правительство при данномъ направленіи его политики превращаетъ высшую школу въ своеобразный полицейскій капканъ для молодежи.

И вообще, какъ можно карать за мотивы поступка, если самый поступокъ тѣмъ болѣе не можетъ быть преступленіемъ, что закономъ установленъ извѣстный максимальный срокъ, въ теченіе котораго студентъ можетъ вовсе не приступать къ занятіямъ, необходимымъ для полученія особыхъ правъ и преимуществъ по образованію. Да и по истеченіи максимальнаго срока, такой студентъ *увольняется*,—признается выбывшимъ изъ школы по своей волѣ. Медички *исключены*, и министерство пока толкуетъ этотъ терминъ такъ, что онѣ безъ особаго разрѣшенія уже не имѣютъ права поступить ни обратно въ женскій медицинскій институтъ, ни во всякую другую государственную высшую школу Россіи. Примѣняя *исключеніе* къ учащимся другихъ учебныхъ заведеній, правительство ссылалось все-таки на нѣкоторые фактическіе резоны: за устройство явочныхъ сходокъ, за обструкцію, за противодѣйствіе желающимъ слушать лекціи. Но въ данномъ случаѣ и этихъ резоновъ, каково бы ни было ихъ достоинство, привести нельзя. Вопросъ о сходкахъ въ женскомъ медицинскомъ институтѣ ликвидированъ ранѣе. Обструкцій у медичекъ не обнаруживалось. Непользованіе правомъ посѣщать лекціи у нихъ протекало мирно. Такимъ образомъ мы подходимъ къ обнаруженію и еще одного высшаго государственнаго принципа: наказаніе наложено за поступки, преступность которыхъ не доказана юридически и не обоснована логически; да и не можетъ быть доказана и обоснована.

Понадобилось прибѣгнуть къ методу, такъ сказать, нечленораздѣльнаго выраженія мыслей. А вскорѣ получилось подтвержденіе, что этотъ методъ дѣйствительно таки необходимъ. Уже тотчасъ послѣ 15 іюля «Новое Время» выступило съ намеками, что виноваты не однѣ «курсистки», виноваты и «преподаватели»; и если «курсистокъ» наказали, то и преподавателей надо привести въ порядокъ. 21 іюля новымъ оффиціальнымъ сообщеніемъ пра-

вительство подтвердило, что профессора, дѣйствительно, виноваты, и на этотъ разъ объяснило, въ чемъ именно. Вина профессоровъ состоитъ въ слѣдующемъ:

«Послѣ рождественскихъ вакацій профессорами женскаго медицинскаго института *не было возобновлено чтеніе лекцій, какъ то слѣдуетъ изъ донесенія бывшаго директора института*, а совѣтомъ института *не было принято никакихъ мѣръ* для возобновленія правильнаго теченія учебной жизни. Когда же совѣту института министерствомъ народнаго просвѣщенія было предложено озаботиться возобновленіемъ занятій, *совѣтъ отказался принять какія бы то ни было для сего мѣры*, и лишь впослѣдствіи, благодаря настоятельнымъ требованіямъ министерства, занятія въ институтѣ все-таки возобновились... Однако и тогда *нѣкоторая часть профессорскаго состава, какъ это явствуетъ изъ донесеній институтской администраціи, вовсе не возобновила занятій по своимъ курсамъ*».

Таково преступленіе. Наказаніе же такое: правительство всему совѣту профессоровъ института ставитъ на видъ, что «подобное отношеніе ихъ къ служебному долгу безусловно недопустимо», «а членамъ совѣта, которые не прочитали въ теченіе *всего* весенняго полугодія, съ января по іюль мѣсяцъ, ни одной лекціи, и не вели клиническихъ занятій, а именно—ординарнымъ профессорамъ Левину, Тилле, Хлопину и экстраординарнымъ профессорамъ Чистовичу, Виноградову и Савваитову, предложено теперь же подать прошенія объ отставкѣ, дабы министерство могло освободить ихъ отъ обязанностей, которыя они *не пожелали* выполнять» *).

Вотъ оно что значитъ не только карать, но и объяснять, за что наложена кара. Оказывается, профессора in corpore до 18 апрѣля по просту бастовали,—«не возобновили чтенія лекцій», отказывались возобновить, а шестеро поименованныхъ и послѣ «настоятельныхъ требованій министерства» *не пожелали* возобновить. И такимъ образомъ за непосѣщеніе лекцій, не возобновленныхъ профессорами, а потому, очевидно, и не существовавшихъ на всѣхъ вообще курсахъ съ начала полугодія до 18 апрѣля, а на курсахъ 6 профессоровъ не существовавшихъ все время, вплоть до 15 іюля, исключено 1300 слушательницъ. Другими словами, фактическія обстоятельства дѣла въ оффиціальныхъ сообщеніяхъ видоизмѣняются сообразно цѣлямъ и объектамъ обвиненія. 15 іюля обвиненіе было предъявлено слушательницамъ. И всѣ слушательницы, кромѣ 27, исключены за то, что не посѣщали лекцій,—тѣмъ самымъ, очевидно, удостовѣрялось, что профессора предоставляли медичкамъ полную возможность слушать лекціи; 15 іюля профессора были правы. 21 іюля обвиненіе было предъявлено къ профессорамъ, и оказалось, что они виноваты въ томъ, что не читали,

*) Цит. по „Рѣчи", 21 іюля.

а нѣкоторые и не желали читать лекціи,—тѣмъ самымъ удостовѣрено, что слушательницы потеряли семестръ по винѣ профессоровъ.

Правительство до сихъ поръ ничего не сдѣлало, чтобы оффиціально разъяснить и примирить это видимое противорѣчіе. Къ сожалѣнію, одними противорѣчіями дѣло не ограничивается. Утверждая, что профессора *не возобновили* занятій *«послѣ рождественскихъ вакацій»*, правительство дѣлаетъ ссылку: «какъ то слѣдуетъ изъ донесенія бывшаго директора». Изъ оглашенныхъ въ печати донесеній бывшаго директора С. С. Салазкина «слѣдуетъ» нѣчто другое: профессора являлись читать лекціи, а слушательницъ не было. Правильность этого сообщенія подтверждаютъ и профессора. А г. Кадьянъ отмѣтилъ и еще одну фактическую неточность: послѣ рождественскихъ вакацій вплоть «до 28 января лекціи, практическія занятія, экзамены и сдача экзаменовъ шли вполнѣ нормально» *). Утверждая далѣе, что и послѣ 18 апрѣля «нѣкоторая часть профессорскаго состава» не возобновила занятій, правительство дѣлаетъ новую ссылку: «какъ это явствуетъ изъ донесеній институтской администраціи»... Повидимому, рѣчь идетъ о донесеніяхъ Кадьяна. Но послѣдній категорически утверждаетъ, что авторы сообщенія и въ этомъ пунктѣ впали въ цѣлый рядъ фактическихъ неточностей **), и при томъ заходящихъ слишкомъ далеко. Профессора Тиле, напр., правительство обвиняетъ въ томъ, что онъ *«въ теченіе всего весенняго полугодія»* не прочиталъ *«ни одной»* лекціи и «не велъ клиническихъ занятій». На повѣрку оказывается, что «профессоръ Тиле съ 17 по 28 января читалъ 2 лекціи», затѣмъ, «какъ и всѣ другіе профессора являлся на всѣ положенныя по росписанію лекціи, но за полнымъ отсутствіемъ слушательницъ лекцій читать не могъ»;

«что же касается практическихъ клиническихъ занятій, то, хотя *такихъ обязательныхъ занятій по курсу профессора В. А. Тиле не полагается, за неимѣніемъ институтомъ соотвѣтственной клиники*, тѣмъ не менѣе профессоръ Тиле, по личной иниціативѣ испросилъ частнымъ образомъ у министерства двора разрѣшеніе „вести практическія занятія со слушательницами“ въ дворцовомъ госпиталѣ, и велъ эти занятія въ теченіе всего семестра „до 20 мая, т. е. вплоть до закрытія госпиталя“ ***).

Авторы оффиціальнаго сообщенія сумѣли такимъ образомъ найти цѣлыя клиники тамъ, гдѣ ихъ въ дѣйствительности не существуетъ, и обвинить видныхъ профессоровъ въ неисполненіи не лежащихъ на нихъ обязанностей. Больше того. Сообщеніе утверждаетъ: 6 профессоровъ *«не пожелали»* выполнять свои обязанности. Это одинъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ обвиненія. Оказывается, неизвѣстно, на чемъ онъ основанъ. О своихъ «пожеланіяхъ» въ этомъ смыслѣ

*) „Рѣчь“, 22 іюля.
**) Тамъ же.
***) „Рѣчь“, 27 іюля.

профессора не освѣдомляли министерство народнаго просвѣщенія Фактически же ссылка на нежеланіе совершенно невѣрна: всѣ 6 профессоровъ желали выполнять свои обязанности, и нынѣ желаютъ выполнять: по газетнымъ свѣдѣніямъ, всѣ шестеро отказались подчиниться требованію подать прошенія объ отставкѣ, находя это требованіе незаконнымъ, а предъявленныя обвиненія фактически невѣрными. То есть выходитъ такъ, что либо сами авторы правительственнаго сообщенія, либо ихъ инспираторы и освѣдомители предположили, какія желанія имѣются у 6 профессоровъ, и собственное предположеніе внесли въ оффиціальный документъ, какъ точно установленный фактъ.

II.

Возможно, однако, что передъ нами не предположеніе, а всего лишь фигура ироніи,—вродѣ той, какую позволяютъ себѣ иногда, напр., купцы относительно приказчиковъ: приказчикъ обстоятельнѣйше докладываетъ, почему онъ не могъ продать товары—покупателей не было, цѣны не подходящи, условія рынка не благопріятны, а купецъ свое твердитъ:

— Нѣтъ, ты мнѣ этого не размузыкивай... Любви у тебя къ хозяину нѣтъ,—вотъ что... Не желаешь, голубчикъ, дѣломъ заниматься, погулять хочется,—ну что-жъ, оченно пріятное желаніе—получай разсчетъ, вотъ и погуляешь...

Я понимаю, что подобныя фигуры ироніи въ оффиціальныхъ сообщеніяхъ государственной власти совершенно недопустимы и невозможны. Къ сожалѣнію, намъ не только приходится предполагать невозможное и недопустимое. Невозможное и недопустимое совершается передъ нами воочію. Беру еще одно оффиціальное сообщеніе, опубликованное 19 іюля въ отвѣтъ на ходатайство совѣта петербургскаго университета. Совѣтъ просилъ отмѣнить распоряженіе 4 января, воспрещающее студенческія организаціи и сходки, а равно «ускорить пересмотръ дѣлъ объ уволенныхъ изъ университета студентахъ». Оба ходатайства были мотивированы, между прочимъ, тѣмъ, что удовлетвореніе ихъ поможетъ возстановить нормальную жизнь въ университетѣ. Въ отвѣтъ на это отъ имени государственной власти до всеобщаго свѣдѣнія доводится:

...«Совѣтъ университета только *лишній разъ* выказалъ свою полную безпомощность въ борьбѣ съ безпорядками»...

...«Совѣтъ С-Петербургскаго университета, *совершенно, по видимому,* не интересуясь необходимой выработкой дѣйствительныхъ мѣръ для установленія надзора за учащимися и предупрежденія безпорядковъ, въ то же время озабоченъ лишь скорѣйшимъ дозволеніемъ студенческихъ сходокъ и возвращеніемъ въ университетъ лицъ, уволенныхъ за безпорядки»...

Въ заключеніе, отклоняя ходатайства, правительство предлагаетъ совѣту «озаботиться принятіемъ всѣхъ мѣръ, способныхъ парализовать старанія зачинщиковъ безпорядковъ и забастовокъ, дабы послѣдніе не оказались *лишній разъ* хозяевами въ университетѣ».

Стиль настолько великолѣпенъ, что на выясненіи его красотъ можно не останавливаться. Не лучше и смыслъ. Возбуждая свои ходатайства, совѣтъ, между прочимъ, мотивировалъ ихъ тѣмъ, что они помогутъ предупредить дальнѣйшія волненія. Правительство можетъ не соглашаться съ этимъ мнѣніемъ, можетъ считать его ошибочнымъ, можетъ противопоставить ему свое мнѣніе. Но, разъ правительству предъявленъ этотъ мотивъ, оно должно признать, что совѣтъ озабоченъ изысканіемъ мѣръ, предупреждающихъ волненія. Однако, съ необыкновенной бойкостью и легкостью авторы оффиціальнаго сообщенія пишутъ: «совѣтъ университета, совершенно, повидимому, не интересуясь» и т. д. Что же это такое? Кто это писалъ? Столоначальникъ, который воспитался на фельетонахъ «Новаго Времени» и беретъ ихъ за образецъ изящества и остроумія? Допустимъ, столоначальникъ и не то можетъ сочинить. Онъ можетъ не понимать, что подобный тонъ даже въ фельетонахъ «Новаго Времени» никому не дѣлаетъ чести. Столоначальникъ можетъ не соображать, что даже въ частномъ быту, даже въ отношеніи, напр., купца къ приказчику, подобное остроумничанье считается признакомъ умственной неразвитости и самодурства. Столоначальникъ—человѣкъ маленькій, отъ него можетъ ускользнуть не только то, въ какомъ видѣ предстаетъ государственная власть, благодаря такимъ неумѣстнымъ вольностямъ; онъ можетъ не представлять, къ какимъ практическимъ послѣдствіямъ ведутъ они. Вотъ правительство сообщаетъ намъ, напр., что медички не посѣщали лекцій и не желали посѣщать. Мы принимаемъ это «не желали», какъ фактическое обстоятельство. Но возможно, вѣдь, что это не фактъ, а всего лишь ироническій оборотъ рѣчи, подражаніе легкомыслію нововременскихъ фельетоновъ. Мы лишь путемъ сужденій и догадокъ пришли къ выводу, что категорическое утвержденіе правительства въ другомъ сообщеніи: профессора *не пожелали* выполнять свои обязанности, вѣроятно,—фигура ироніи. Утрачивается возможность разобрать, гдѣ фактическое указаніе, гдѣ фантазія канцеляристовъ, упражняющихся въ остроумничаньи. Представьте, далѣе, что составители оффиціальныхъ документовъ вносятъ тотъ же стиль въ свои докладныя и всякія другія записки, а начальство, принимая плоды ихъ остроумія за фактическія обстоятельства и руководясь этими якобы фактами, отдаетъ вполнѣ опредѣленныя распоряженія... Фантасмагорія, вѣдь, должна получиться. Да она таки и получается. Конечно, столоначальники, повторяю, могутъ ничего этого не понимать. Но, вѣдь, они, если что и дѣлаютъ, то, самое большое—пишутъ, по порученію начальства,

проекты оффиціальныхъ сообщеній. Утвержденіе проектовъ — не ихъ дѣло. Распоряженіе опубликовать исходитъ не отъ нихъ. Да и вносится остроумничанье не только въ сообщенія.

Передъ нами и еще одинъ документъ—циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія о родительскихъ комитетахъ при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Комитеты возникли въ острый моментъ ученическаго броженія. Они помогли наладить школьную жизнь. Но затѣмъ и общая, и школьная политика получили такое направленіе, что комитеты для начальства стали чаще всего безсильной, но все-таки непріятной помѣхой. А теперь, когда школьная политика докатилась до потѣшныхъ, до организаціи паломничествъ a là Иліодоръ, самая возможность организованнаго родительскаго даже не противодѣйствія, а хотя бы только мнѣнія должна быть убрана съ дороги. Съ другой стороны, большинство комитетовъ избрало тактику упадочныхъ временъ и психологій: помаленьку, потихоньку, не возбуждая острыхъ вопросовъ, помалкивая, не раздражая начальство,—лишь бы сохранить бытіе, хотя бы и цѣною утраты его смысла. Это привело къ тому, что родительскіе комитеты не пріобрѣли большого значенія среди широкихъ общественныхъ круговъ, у которыхъ они могли бы имѣть поддержку. По меньшей мѣрѣ, ненужные начальству и не возбуждающіе живого интереса въ обществѣ, комитеты, такъ сказать, самою судьбой обречены на то, чтобъ умереть, хотя и съ надеждою воскреснуть. Кое-гдѣ они и умерли тихо, естественною смертью. Кое-гдѣ ихъ изъ году въ годъ постигала смерть насильственная. Однако, во многихъ мѣстахъ родители цѣпко держались за возможность организованнаго, хотя бы и сѣренькаго, существованія. Надлежало ожидать общаго приказа. И приказъ нынѣ послѣдовалъ. Новый циркуляръ не упраздняетъ комитеты. Это было бы очень просто. Наоборотъ, предписывается по прежнему въ началѣ каждаго года созывать родителей для выбора членовъ комитета. Но при этомъ предлагается считать избирательныя собранія дѣйствительными только въ томъ случаѣ: 1) если соберется $^2/_3$ общаго числа родителей, 2) если это будутъ родители учениковъ, учащихся не менѣе, какъ въ $^2/_3$ всѣхъ классовъ, 3) и если по каждому изъ этихъ классовъ соберется не менѣе $^2/_3$ родителей. Представьте для примѣра восьмиклассную гимназію, имѣющую 213 учениковъ, при чемъ по классамъ они распредѣляются такъ: 48, 45, 30, 24, 21, 18, 15, 12. Въ такой гимназіи начальство позволитъ приступить къ началу выборовъ членовъ комитета, если явится на собраніе не менѣе 142 родителей. Но прежде, чѣмъ приступить къ выборамъ, эти 142 должны разбиться по классамъ, въ которыхъ обучаются ихъ дѣти, при чемъ требуется, чтобы въ каждомъ классѣ оказалось послѣдовательно не менѣе 32, 30, 20, 16, 14, 12, 10, 8 родителей. Если хотя бы въ трехъ классахъ окажется некомплектъ,—выборы прекращаются. Некомплектъ можетъ быть допу-

щенъ только въ 2 классахъ изъ 8. Родители, не составившіе комплекта, лишаются представительства. Если они, вслѣдствіе этого уйдутъ, то начальство, сосчитавъ оставшихся и удостовѣрившись, что ихъ меньше 142, объявитъ выборы не состоявшимися... Вотъ бы какой принципъ установить г-ну Столыпину для западнаго земства! Начальству, разумѣется, извѣстно, что почти во всѣхъ средних школахъ значительную часть учениковъ даютъ родители, не живущіе въ томъ городѣ, гдѣ находится школа. Опасенія, что комплекты составятся, весьма не велики. Но въ циркулярное распоряженіе введенъ и еще одинъ пунктъ:

„Въ случаѣ вреднаго направленія дѣятельности комитета, попечитель округа *немедленно* доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія министра, которому принадлежитъ право закрыть комитетъ" *).

А такъ какъ, разумѣется, попечитель можетъ *немедленно* донести лишь въ томъ случаѣ, если ему въ свою очередь *немедленно* донесетъ директоръ училища, то смыслъ вполнѣ ясенъ: родительскіе комитеты, если они какимъ-либо чудомъ гдѣ-нибудь возникнутъ, отдаются подъ надзоръ директора училища и на его усмотрѣніе!.. Мы понимаемъ, что родительскіе комитеты все-таки мѣшаютъ. Конечно, ихъ предпочтительнѣе упразднить. Пусть такъ,—упраздняйте, уничтожайте,—мы, вѣдь, ничего другого и не ждемъ. Но зачѣмъ же проявлять остроуміе въ духѣ фельетоновъ «Новаго Времени»? Долженъ же хотя бы и г. Кассо понимать, что не такъ ужъ это содѣйствуетъ укрѣпленію авторитета государственной власти, предоставившей ему полномочія...

Однако, и то сказать,—никакъ нельзя безъ остроумія. Что тамъ ни говорите, а, вѣдь, надо и родительскіе комитеты упразднить, надо и медичекъ исключить, надо и весь медицинскій институтъ покарать, надо и профессоровъ не помиловать, надо и на совѣтъ петербургскаго университета прикрикнуть. Послѣднее въ особенности надо. Правительство объявило, что отъ студенческихъ сходокъ происходятъ «безпорядки», а совѣтъ утверждаетъ, что сходки необходимы для поддержанія порядка. Правительство исключило за участіе въ послѣдней «забастовкѣ» изъ высшихъ школъ около трехъ съ половиною тысячъ учащихся, и, судя по распоряженію относительно медичекъ, этой цифрой г. Столыпинъ не удовлетворится. Даже «Голосъ Москвы» признаетъ, что въ число не только исключенныхъ, но и сосланныхъ, попали и совершенно не участвовавшіе ни въ «забастовкахъ», ни въ иныхъ преслѣдуемыхъ правительствомъ дѣяніяхъ. Прося ускорить пересмотръ дѣла о студентахъ, исключенныхъ изъ петербургскаго университета, совѣтъ послѣдняго напомнилъ именно объ этомъ щекотливомъ обстоятельствѣ—наказаніи невиновныхъ въ томъ, за

---

*) Цит. по „Школѣ и Жизни", № 25 іюля.

что ихъ наказываютъ. Какъ хотите, а это дерзость. И за нее надо сдѣлать строгій и публичный выговоръ. Но нельзя же просто дѣйствовать. Необходимо все-таки обставить дѣйствіе хоть какими-нибудь мотивами. А какіе же можно найти мотивы, если не прибѣгнуть къ остроумію фельетонистовъ «Новаго Времени»?

Кромѣ того, г. Столыпинъ уже объяснилъ намъ, что ему желательно дѣлать «яркую политику». Желаніе это, какъ онъ самъ пояснилъ, вытекаетъ изъ необходимости,—я бы добавилъ лишь: и изъ потребности—внѣшнею стремительностью и изобрѣтательностью прикрыть отсутствіе положительныхъ задачъ и внутреннее безсиліе. «Яркой» при этихъ условіяхъ можетъ быть только политика кричащая,—чтобы люди ахали и глазамъ не вѣрили. Крикъ имѣетъ существенное неудобство: онъ кажется замѣчательнымъ лишь въ томъ случаѣ, если въ каждый послѣдующій день кричать сильнѣе, чѣмъ въ предыдущій. Крикъ, хотя бы и очень громкій, перестаетъ обращать на себя вниманіе, кажется обычнымъ явленіемъ, ничѣмъ не замѣчательнымъ, если онъ остается на одномъ уровнѣ, не повышается отъ крика-forte до крайнихъ предѣловъ крика-fortissimo. Эту особенность хорошо иллюстрировалъ на своемъ примѣрѣ знаменитый Иліодоръ. Онъ началъ въ 1905 г. митинговыми рѣчами, въ которыхъ, не смотря на ихъ погромный тонъ, чувствовался все-таки преподаватель духовнаго училища, окончившій курсъ петербургской духовной академіи. Теперь его пастырская проповѣдь приняла такую форму:

— Мерзавцы! Морды! Шапки долой! Русь идетъ.

И газеты разнообразныхъ направленій чувствуютъ и видятъ въ немъ сходство всего лишь съ хулиганами. Въ дальнѣйшемъ Иліодору неминуемо придется придать своей проповѣди совсѣмъ нечленораздѣльную форму, — да онъ уже и началъ мазать прохожихъ нефтью. Въ такомъ же родѣ «эволюціонировала» и практическая дѣятельность Иліодора: отъ попытокъ организовать крестьянъ кременецкаго уѣзда на почвѣ вражды противъ поляковъ и, въ частности, помѣщиковъ къ царицинскому бесту, отъ беста къ набѣгамъ на пассажировъ волжскихъ пароходовъ, отъ набѣговъ къ буйному паломничеству въ Саровъ; теперь онъ старается устроить что-то еще болѣе буйное и яркое.

Иліодоръ—фигура достопримѣчательная, логическя неизбѣжная въ переживаемую нами полосу «яркой политики» и, пожалуй, только въ такія полосы возможная. Въ нѣкоторомъ смыслѣ самая эта полоса можетъ быть названа иліодоровскимъ періодомъ русской исторіи. И путь Иліодора является пророческимъ для г. Столыпина и столыпинцевъ. Имъ тоже нельзя остановиться. Имъ тоже надо дѣйствовать, чѣмъ дальше, тѣмъ ярче. Исключали студентовъ десятками, исключали сотнями,—эка невидаль! А вотъ сразу исключить всѣхъ учащихся въ медицинскомъ институтѣ,—это дѣйствительно... Европа ахнула. Преслѣдовали евреевъ всячески,—выселяютъ, искореняютъ.

Не диво. Почуднѣй, поярче нужно что-либо придумать. И придумали,—установить для евреевъ процентную норму по учету векселей въ банкахъ. Пусть вся Европа смѣется,—а Россія достаточно сильна, чтобъ вынести яркую политику. Неурожай и начавшійся уже голодъ въ восточной половинѣ Европейской Россіи и на хлѣбородномъ югозападѣ Сибири. Возникаетъ вопросъ о сѣменныхъ ссудахъ. Но это слишкомъ просто—выдать ссуды, это всѣ умѣютъ. Другое дѣло, если въ противовѣсъ ходатайствамъ о ссудахъ выдвинуть другой вопросъ: почему надо покупать въ урожайныхъ губерніяхъ сѣмена на посѣвъ? почему не сѣять мѣстное зерно, какое Богъ неурожайнымъ губерніямъ послалъ? Пока будутъ судить да рядить, время для посѣва озимыхъ уйдетъ. За то оригинально. За то ярко. Возникаютъ ходатайства о продовольственныхъ ссудахъ. Никогда онѣ не отпускались охотно. А все-таки въ прежніе неурожайные годы была и продовольственная ссуда. Но это такъ обыкновенно,—по-сипягински, по-горемыкински, по-булыгински. Теперь покушаются на сравненія съ Бисмаркомъ. Теперь нужно что-либо новое, кричащее. И новое быстро явилось. Объявлено: никакихъ продовольственныхъ ссудъ не будетъ, а будутъ устроены во всѣхъ пораженныхъ неурожаемъ мѣстностяхъ общественныя работы... Правда, у правительства нѣтъ ни плана этихъ работъ, ни технической организаціи, которая могла бы ихъ во время осуществить. Въ печати высказывается надежда, что г. Столыпинъ въ концѣ концовъ вынужденъ будетъ поступить по-обыкновенному, неярко,—согласится на продовольственную помощь. Можетъ быть, и согласится. Но желаніе и необходимость вести «яркую политику» такъ или иначе, вѣроятно, скажутся. Можно связать продовольственныя ссуды съ разселеніемъ на хутора, съ «укрѣпленіемъ» надѣльныхъ земель въ личную собственность, съ цензомъ политической благонадежности, съ припискою ко «всероссійскому національному союзу», съ укомплектованіемъ потѣшныхъ полковъ... Мало ли что можно придумать? Что-либо яркое необходимо изобрѣсти, и трудно надѣяться, что оно не будетъ изобрѣтено. А дальше и еще должно быть «ярче».

По поступкамъ и стиль. Въ данное время «яркость» поступковъ достигла такого совершенства, что авторы оффиціальныхъ сообщеній усвоили тонъ нововременскихъ фельетоновъ и передовицъ «Русскаго Знамени». Появились уже такіе яркіе шаги, что даже этотъ стиль оказывается слишкомъ высокимъ; возникла необходимость,—напр., по случаю раскассированія женскаго медицинскаго института—въ совершенно нечленораздѣльномъ стилѣ. И только развѣ неблагопріятный г-ну Столыпину поворотъ событій освободитъ его отъ дальнѣйшаго совершенствованія въ этомъ направленіи.

III.

14 марта правительство вдругъ открыло, что 6 губерній: Витебская, Волынская, Кіевская, Минская, Могилевская и Подольская, «почти полвѣка искони» жаждутъ получить земство. Необходимо,—писала въ тотъ же день правительственная «Россія»,—«успокоить умы русскаго населенія западныхъ губерній, смущеннаго и нравственно потрясеннаго» отклоненіемъ правительственнаго законопроекта Государственнымъ Совѣтомъ. На этомъ основаніи законопроектъ былъ объявленъ закономъ въ порядкѣ 87 стат. А затѣмъ въ порядкѣ управленія установленный экстреннымъ «закономъ» порядокъ выборовъ и, въ частности, опубликованія избирательныхъ списковъ былъ столь же экстренно измѣненъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы можно было совершить то, чего нельзя сдѣлать, если бы исполнять въ точности опубликованный «законъ»: 1) въ теченіе 3—4 мѣсяцевъ, и притомъ лѣтнихъ, заполненныхъ сельско-хозяйственными работами, составить избирательные списки, выждавъ сроки, необходимые для ихъ опротестованія и исправленія; 2) произвести выборы, съ соблюденіемъ опять-таки извѣстныхъ сроковъ, установленныхъ, какъ гарантія закономѣрности выборнаго производства; 3) конструировать уѣздныя и губернскія земскія собранія и управы; 4) передать въ ихъ вѣдѣніе суммы, инвентарь, учрежденія и дѣлопроизводство нынѣшнихъ земскихъ комитетовъ. Между тѣмъ правительство считало необходимымъ, чтобы къ 15 октября новыя земства были вполнѣ конструированы, «находились въ полномъ ходу». Оффиціозный «Кіевлянинъ», а за нимъ и «Новое Время» объяснили, почему именно это необходимо: надо поставить и Думу, и Совѣтъ передъ совершившимся фактомъ; «разъ земская жизнь» въ западныхъ губерніяхъ «будетъ фактически введена», то Дума и Совѣтъ затруднятся отклонить законопроектъ. Таковъ стратегическій планъ. Дума могла помѣшать ему, прежде чѣмъ наступилъ конецъ сессіи. Но правительство задержало представленіе законопроекта въ Думу и ускорило окончаніе сессіи: по словамъ газетъ, указъ о роспускѣ на каникулы былъ объявленъ буквально за часъ до поступленія законопроекта о западномъ земствѣ въ думскую канцелярію.

Не всегда можно только поступать; временами надо еще мотивировать поступки, давать имъ то или иное разумное объясненіе. Резонъ, предложенный «Россіей», мы уже знаемъ: населеніе западныхъ губерній «смущено и нравственно взбудоражено»; умы взволнованы; и чтобъ «успокоить» ихъ, правительство должно ввести земскія учрежденія,— ввести немедленно, не позже, какъ къ 15 октября. Эта мотивировка и въ Петербургѣ производила такое впечатлѣніе, что

даже оффиціозы на ней не настаивали. На мѣстахъ она и вовсе оказалась неудобной.

Въ одномъ, напр., селѣ Балтскаго у., Подольской губерніи, крестьяне отказались принимать участіе въ выборахъ:

— Не хочемо выбирати. Не треба...

— «Покажите манихвесты,—тоди будемо выбираты»...

Газета, изъ корреспонденцій которой я заимствую этотъ эпизодъ, дѣлаетъ такую догадку: въ западныхъ губерніяхъ о земствѣ населеніе судитъ по учрежденнымъ Плеве земскимъ комитетамъ,—эти чиновничьи учрежденія замѣтнаго благодѣянія не принесли, но постарались расширить бюджетъ, за 6—7 лѣтъ увеличили земское обложеніе на 300—400%, и, вѣроятно, поэтому, какъ догадывается газета, крестьяне кричали: не треба намъ земства *). Поэтому или не поэтому, но часть населенія встрѣтила столыпинскую «реформу» враждебно, другая часть не воспользовалась или не могла воспользоваться избирательными правами. Въ среднемъ, пожалуй, не болѣе 10% общаго числа имѣющихъ избирательныя права приняли участіе въ выборахъ. Но и среди этихъ 10% спѣшка и несвоевременность вызывали сильныя нареканія:

— Какъ разъ, когда сѣно надо косить, хлѣбъ убирать,—начальству приспичило выборы устраивать?

Сама собою возникла потребность сообразить: почему и зачѣмъ начальство такъ поступаетъ. Народъ у насъ догадливый. О «соціальной базѣ», на которой покоится «политическая надстройка», онъ, въ особенности за послѣдніе годы, узналъ не по наслышкамъ. И догадка явилась: выборы во время лѣтней страды на руку крупнымъ владѣльцамъ,—панамъ.

Такимъ образомъ, возникла необходимость «показать манихвесты» и такъ или иначе объяснить спѣшку. Оказалось нужнымъ еще, чтобы объясненія опровергали слухъ, что начальствомъ избрано страдное время въ интересахъ «пановъ». Объясненіе, удовлетворяющее этимъ условіямъ, сложилось само собою. Вкратцѣ оно можетъ быть сведено къ слѣдующимъ положеніямъ:

Правительство—по словамъ предвыборныхъ воззваній (напр., Винницкаго уѣзда) — хочетъ оказать народу благодѣяніе, передать въ руки русскихъ православныхъ людей заботу «о народномъ образованіи, призрѣніи бѣдныхъ, врачебной помощи, дорогахъ, земледѣліи, торговлѣ, промышленности, страхованіи имуществъ и проч.» *). Но паны вообще, а въ особенности тѣ паны, которые засѣдаютъ въ Государственномъ Совѣтѣ, этому противятся. И вотъ правительство пустилось на хитрость,—старается все устроить лѣтомъ, чтобы—какъ явствуетъ, между прочимъ, изъ статей «Кіевлянина» и другихъ оффиціозовъ—къ осени, когда паны опять съѣдутся въ

*) «Русское Слово», 26 мая.
**) „Кіевская Мысль“ 4 іюля.

Петербургъ, все было окончено. Разрушать сдѣланное они, вѣроятно, не осмѣлятся.

Разрушать, вѣроятно, не осмѣлятся. Но испортить могутъ. «Русскіе православные люди»,—пишетъ въ одномъ изъ своихъ воззваній къ крестьянамъ почаевскій архимандритъ Виталій,—благодаря стараніямъ правительства, нынѣшніе «выборы въ вашихъ рукахъ:» «кого захотите, пропустите, кого не захотите, не пропустите гласнымъ, потому что ваша сила»; но это только теперь, на этотъ разъ, «а на слѣдующій разъ, можетъ быть, сила будетъ за крупными владѣльцами... *). Почему можетъ случиться такое измѣненіе нынѣшняго закона,—о. Виталій въ своихъ печатныхъ трудахъ, дошедшихъ до меня, не объясняетъ. Но у «православныхъ русскихъ людей» есть смекалка,—сами могутъ понять, что паны, конечно, постараются повернуть дѣло въ свою пользу и на свой ладъ.

Агитацію въ этомъ духѣ тѣмъ легче и тѣмъ соблазнительнѣе было развернуть, что мѣстные помѣщики въ значительномъ, а мѣстами и преобладающемъ числѣ—поляки, т. е. именно тотъ элементъ, къ ограниченію котораго и направлены «національныя куріи» земства. И давно уже мѣстные «патріотическіе» дѣятели въ своей антипольской пропагандѣ пользуются мотивами соціальнаго свойства. «Національныя куріи» дали лишь новый поводъ. Однако, и въ западныхъ губерніяхъ не всѣ же паны — поляки. Есть и межъ здѣшнихъ пановъ «православные русскіе люди». Есть межъ ними и такіе, которые за одно съ правительствомъ поддерживаютъ нынѣшній благодѣтельный для народа законъ о западномъ земствѣ. Эти хорошіе паны оказались вынужденными такъ или иначе объяснять, чѣмъ они отличаются отъ пановъ плохихъ. Объяснялось различіе, конечно, многообразно. Для примѣра же приведу мнѣніе гр. Бобринскаго, развитое имъ на торжественномъ собраніи въ Минскѣ по случаю открытія отдѣла «всероссійскаго національнаго союза». Православные, русскіе, хорошіе паны, понимаютъ, конечно, что новый законъ о западномъ земствѣ для нихъ убыточенъ. Но,—говорилъ гр. Бобринскій,—«мы занимаемъ привиллегированное положеніе, мы получили образованіе, мы въ долгу передъ народомъ, и долгъ этотъ платить обязаны», «это мы должны сознавать и этимъ жить»; «мы,—говорилъ далѣе гр. Бобринскій,—должны сознавать» и другое: «только то прочно, устойчиво, несокрушимо, что соотвѣтствуетъ народному складу, сознанію, что народъ пережилъ, перечувствовалъ, переработалъ Вотъ почему «нашъ лозунгъ, лозунгъ націоналистовъ, русской народной партіи,—*все для народа, все черезъ народъ*... *).

Такъ говорилъ гр. Бобринскій, разумѣется, въ присутствіи начальствующихъ лицъ. Такихъ опасныхъ для правительства эвфе-

---

*) Цит. по «Кіевской Мысли», 14 іюля.

**) «Утро Россіи», 25 мая.

мизмовъ потребовала «національная» политика. И потребовались столь рискованные эвфемизмы не только потому, что, кромѣ поступковъ, оказались нужными мотивы. Нѣкоторую роль сыграли и тѣ реальныя условія, съ которыми приходилось считаться, проводя «реформу». Задача состояла не только въ томъ, чтобы въ теченіе трехъ мѣсяцевъ (май, іюнь, іюль) составить списки и произвести выборы. Нужно было еще на выборахъ получить извѣстный, заранѣе опредѣленный результатъ. Если плодомъ всѣхъ чрезвычайныхъ мѣръ и средствъ окажется неблагонадежное, крамольное земство, то иниціаторамъ дѣла грозитъ позорный провалъ. Юридически задача была облегчена: администрація надѣлена необходимыми полномочіями, законъ подвергнутъ экстренному измѣненію, а въ теченіе выборовъ его еще и «разъясняли». Но реально для начальствующихъ лицъ все-таки задача оставалась едва ли выполнимой. И на помощь были призваны «люди изъ общества».

— «Администрація просила насъ заняться выборами, помочь ей»,—какъ объяснилъ сотруднику «Русскаго Слова» нѣкій проживающій въ Житомирѣ генералъ Красильниковъ.

«Насъ просили» и «мы» составили «житомирскій уѣздный предвыборный русскій комитетъ».

— Кто же выбралъ этотъ комитетъ?—спросилъ у генерала Красильникова сотрудникъ названной газеты.

— Мы сами себя выбрали...

...Просто опубликовали, что существуетъ комитетъ. И только *).

Такими «предвыборными русскими комитетами», губернскими и уѣздными, былъ покрытъ весь юго-западный край. Свѣдѣнія о выборахъ въ трехъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ болѣе скудны. Но, повидимому, и на сѣверо-западѣ, «русскихъ предвыборныхъ комитетовъ» было достаточно. Комитеты распространяли, а многіе и фабриковали, избирательную литературу. Комитеты устраивали предвыборныя «собранія», вели агитацію и пропаганду, объясняли значеніе «реформы», доказывали ея необходимость, намѣчали и составляли списки «желательныхъ кандидатовъ», содѣйствовали устраненію или устраняли нежелательныхъ. Конечно, они располагали и необходимыми средствами. Безъ комитетовъ мѣстныя власти были бы какъ безъ рукъ. Но само собою понятно, что съ просьбою «заняться выборами», администрація могла обратиться только къ людямъ испытанной политической благонадежности. И, разумѣется, только людямъ испытанной благонадежности администрація могла позволить такого рода дѣятельность. Цензъ благонадежности—это все, что нужно властямъ. Но передъ избирателемъ надо изложить credo. Являясь къ избирателю, надо такъ или иначе назвать себя. Какое же имя всего цѣлесообразнѣе было избрать себѣ благонадежнымъ туземцамъ? На мѣстахъ «союзники» «просто про-

*) „Русское Слово", 1 іюня.

воровались» *). Самое слово «союзникъ» пріобрѣло ругательный смыслъ. Кое-гдѣ—между прочимъ, въ Минскѣ—нѣкоторые «союзники» именно въ моментъ предвыборной агитаціи перешли въ отдѣлъ «націоналистовъ». Но и это званіе оказалось не очень привлекательнымъ не только для «простонародья», но и для многихъ виднѣйшихъ представителей мѣстнаго и при томъ «русскаго» дворянства. Въ Подольской губерніи даже среди тамошнихъ *назначенныхъ* предводителей дворянства нашлись лица, рѣшительно отклонившія переданное имъ отъ имени мѣстнаго союзника г. Раковича предложеніе вступить въ ряды «всероссійскаго національнаго союза» *). Даже въ Кіевской губ., которая считается главнымъ оплотомъ столыпинскаго націонализма, обнаружился «полный некомплектъ націоналистовъ» **). Кіевскіе націоналисты нашли необходимымъ передъ земскими выборами отказаться отъ своей партіи.

— Вы націоналисты?—спрашиваютъ ихъ.

— И не думали ими быть. Мы безпартійные прогрессисты.

Этотъ отказъ подсказанъ тяжелой необходимостью. Націоналисты, какъ и союзники, успѣли потерять всякое уваженіе и довѣріе въ Кіевской губерніи... Они провалились уже разъ на городскихъ выборахъ, выкинувъ свой флагъ. Теперь поэтому лучше прикрыться фиговымъ листкомъ безпартійности и, конечно, прогрессивности ***).

Произошла любопытная политическая метаморфоза: рекомые націоналисты и союзники вдругъ объявили себя «прогрессистами», «умѣренными либералами». И сообразно этому, только что образованныя организаціи получили новое названіе: не просто *«русскіе* омитеты», но *«безпартійные* русскіе комитеты». Нѣкоторыя газеты выражали увѣренность, что «изъ этой уловки ничего не выйдетъ». Въ дѣйствительности кое-что вышло. Столыпинцы, именующіе себя то черносотенцами, то націоналистами, то октябристами, то прогрессистами и либералами, могли бы отвѣтить грубою русской поговоркой: «на нашъ вѣкъ дураковъ хватитъ». Но, во всякомъ случаѣ это политическое хамелеонство связано съ нѣкоторыми практическими неудобствами и послѣдствіями. Извѣстно, напр., что кіевскій дѣятель г. Демченко—націоналистъ, членъ мѣстнаго національнаго клуба, одинъ изъ виднѣйшихъ въ Кіевѣ націоналистическихъ лидеровъ. Затѣмъ тотъ же г. Демченко является къ земскимъ избирателямъ, уже наслышаннымъ объ его дѣятельности, и объявляетъ себя либераломъ и прогрессистомъ. Естественно, избиратели къ либерализму г-на Демченко не могутъ отнестись иначе, какъ съ недовѣріемъ и предубѣжденіемъ. Съ другой стороны, естественно, г. Демченко почувствуетъ необходимость сломить недовѣріе, дока-

---

*) «Русское Слово», 1 іюня.

**) „Русское Слово", 31 мая.

***) „Кіевская Мысль", 15 іюля.

****) „Русское Слово". 8 іюня.

зать, что существующія о немъ свѣдѣнія и слухи неосновательны. А прямой и наиболѣе легкій способъ доказательствъ въ такихъ случаяхъ—говорить яркія либеральныя слова. И въ газетахъ читаемъ: «лидеръ націоналистовъ г. Демченко... передъ избирателями является ревностнымъ сторонникомъ земскихъ интересовъ» *); онъ всецѣло стоитъ за неуклонное развитіе земскихъ началъ и земскаго представительства; онъ горячо высказывается за широкую постановку народнаго образованія... И если его называютъ почему-то черносотенцемъ, то это просто клевета.

Г-на Демченка вкупѣ съ его соратниками обвиняютъ еще въ стремленіи разжигать человѣконенавистническую національную рознь. «Безпартійные прогрессисты», т. е. опять-таки г. Демченко и К° созвали губернскій съѣздъ полноцензовыхъ избирателей,—крупныхъ землевладѣльцевъ. На съѣздѣ присутствовали только «русскіе»; тѣмъ не менѣе зашла рѣчь и о разжиганіи національной розни. Объясненія по этому поводу далъ одинъ изъ соратниковъ г-на Демченка, г. Чихачевъ, бывшій кіевскій вице-губернаторъ. Оказалось, разумѣется, что все—клевета. Дѣйствительно, «мы», «безпартійные прогрессисты», отстаиваемъ дѣленіе избирателей по національнымъ куріямъ. Но почему отстаиваемъ?

„Правительство, вводя куріальную систему выборовъ, желаетъ, чтобы поляки, если они захотятъ поработать на благо населенія на ряду съ русскими избирателями, пришли имъ на помощь, чтобы они защищали свои интересы, и поэтому дало имъ мѣсто въ земствѣ даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ поляки не имѣли никакихъ шансовъ попасть, въ виду своей малочисленности, въ ряды земскихъ дѣятелей. Правительство надѣется, что такимъ путемъ состоится сближеніе русскихъ съ поляками въ земскихъ собраніяхъ **)

Гг. Демченко и Чихачевъ отстаиваютъ права національнаго меньшинства: они желаютъ создать братское единеніе разноплеменныхъ народовъ на почвѣ совмѣстной культурной и государственной работы. Если избиратели все-таки прогрессивности гг. Демченка и Чихачева не вѣрятъ, то... можно, вѣдь, произнести и еще болѣе яркія либеральныя слова. Есть еще слова радикальныя, потомъ есть слова лѣвыя, совсѣмъ красныя. Повышая тонъ, сообразно потребности и необходимости сломить подозрѣніе въ черносотенствѣ, можно дойти и до предъявленія, въ видѣ доказательства, и тѣхъ фразъ, какими ознаменовалъ свою минскую агитацію гр. Бобринскій:

«Все для народа и все черезъ народъ»...

Разумѣется, когда выборы окончились, тѣмъ «безпартійнымъ прогрессистамъ», которые добились избранія, ничто не помѣшало снова объявить себя «правыми», «черносотенцами», «націоналистами». Наоборотъ, переименованіе было не только желательно,

*) „Кіевская Мысль“, 9 іюля.
**) „Русское Слово“, 8 іюня.

но и крайне необходимо. Отчасти благодаря ему, «Новое Время» получило возможность радостно объявить: «страхи демократическаго земства оказались напрасными»... Ниже мы увидимъ, что «страхи» далеко не прошли. Самая радость «Новаго Времени» имѣетъ нѣсколько дипломатическія свойства. Положеніе г-на Столыпина, взявшаго на себя ручательство за вѣрность новыхъ земскихъ учрежденій «національнымъ» завѣтамъ, спасено лишь пока. Но о выборахъ и ихъ результатахъ рѣчь впереди. Для насъ въ данный моментъ важно возстановить и понять картину предвыборнаго времени.

IV.

Нельзя сказать, что въ предвыборное время правительство нашло много помощниковъ. Виднѣйшій органъ юго-западнаго края «Кіевская Мысль» такъ характеризовалъ положеніе дѣлъ въ своемъ районѣ:

„Попытка захватить въ руки самозванныхъ русскихъ безпартійныхъ губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ весь ходъ выборовъ и составленіе списковъ кандидатовъ въ гласные и члены управы совершенно провалилась въ Волынской, свелась въ значительной мѣрѣ на нѣтъ въ губерніи Кіевской“ *).

Это отзывъ «лѣвой» газеты. А вотъ что писало о томъ-же югозападномъ краѣ «Новое Время». «Большинство» крупныхъ русскихъ землевладѣльцевъ нашего края относится отрицательно къ русскому національному движенію»; даже «среди правыхъ русскихъ землевладѣльцевъ царитъ космополитическое настроеніе», а кромѣ правыхъ среди русскихъ землевладѣльцевъ есть еще лѣвые, составившіе, вмѣстѣ съ мѣстной интеллигенціей, ядро такъ называемой «земской группы», которая выступила на выборахъ противъ правительственныхъ «русскихъ безпартійныхъ комитетовъ»; и къ этому противоправительственному «космополитическому блоку»—сокрушается «Новое Время»—присоединилось «большинство назначенныхъ предводителей дворянства». Словомъ, даже въ Волынской и Кіевской губерніи, гдѣ столыпинцы развернули наиболѣе активную дѣятельность, правительство не нашло достаточнаго контингента дѣятелей, которые помогли бы мѣстной администраціи воплотить въ жизнь «національную идею». Въ Подольской губерніи дѣятелей оказалось тоже не очень много. И мѣстныхъ патріотовъ, призванныхъ на помощь, губернская оффиціозная газетка «Подолянинъ» въ серединѣ мая энергически называла «трупами».

До сихъ поръ—т. е. до 15 мая—не было ни одного совѣщанія относительно выбора гласныхъ, не было выработано никакой программы будущихъ

*) „Кіевская Мысль“, 15 іюля.

дѣйствій на выборахъ, не намѣчены лица, достойныя быть выбранными въ гласные *).

Три губерніи сѣверо-западнаго края оказались также скудны. Замѣтную дѣятельность столыпинцы сумѣли развить въ Минскѣ; въ Могилевской губерніи дѣятели нашлись для Гомеля; третья губернія, Витебская, земскіе выборы производила молча. «Русскіе комитеты», повторяю, были и здѣсь заведены. Но объ ихъ публичной дѣятельности свѣдѣній имѣется очень мало. Въ Витебской губерніи — писалъ мѣстный корреспондентъ «Смоленскому Вѣстнику»,—

если и замѣтны признаки „избирательной кампаніи", то ими мы обязаны лишь администраціи и духовенству, которыя примѣняютъ всѣ усилія и средства, чтобы избранные въ земство гласные „оправдали надежды"... Какъ изъ рога изобилія сыпались... циркуляры съ предложеніями и указаніями лицъ, которыхъ желательно было бы „въ интересахъ дѣла" провести въ земскіе гласные **).

За недостаткомъ свѣтскихъ помощниковъ, пришлось чрезвычайно обременить избирательными обязанностями духовную власть. Въ Подольской, напр., губерніи, по словамъ «Русскихъ Вѣдомостей»,

„на каждый уѣздъ было назначено изъ приходскихъ іереевъ по нѣскольку агитаторовъ, которымъ при указѣ консисторіи было выслано по 50 рублей на разъѣзды по своему району для подготовки крестьянъ къ выборамъ ***).

Одинъ изъ такихъ разъѣздныхъ агитаторовъ Волынской губерніи, почаевскій инокъ Виталій, проявилъ чрезвычайно кипучую энергію. Сверхъ того, и приходскому духовенству епархіальное начальство предписало: 1) пастыри, имѣющіе цензъ, должны «непосредственно участвовать въ выборахъ»; 2) всѣ вообще должны разъяснять, «внушать» прихожанамъ, подготовлять ихъ въ «желательномъ» направленіи и всячески содѣйствовать тому, «чтобы въ земство попали по преимуществу русскіе люди». *) Возложена была на батюшекъ и еще одна, болѣе деликатная обязанность, обычно выполняемая либо спеціальными органами охранной полиціи, либо добровольцами сыска. Батюшкамъ было предписано о каждомъ выборщикѣ въ ихъ приходѣ «сообщать» по начальству «полную характеристику», «о лицахъ же совершенно нежелательныхъ немедленно сообщать владыкѣ». **) Это—инструкція, дѣйствовавшая въ предѣлахъ Подольской епархіи. Въ предписаніи по Волынской епархіи даны болѣе подробныя указанія:

„предлагается вамъ—гласилъ циркуляръ, разосланный батюшкамъ,— незамедлительно дать точный и обстоятельный отзывъ о выбранномъ на волостномъ сходѣ кандидатѣ въ гласные земства, буде таковой окажется жи-

*) Цит. по „Русскому Слову", 26 мая.
**) „Смоленскій Вѣстникъ", 8 іюля.
***) "Русскія Вѣдомости", 7 іюля.
****) Тамъ жѣ.
*****) Тамъ же.

вущимъ въ вашемъ приходѣ... Въ отзывѣ должно быть непремѣнно указано, какого направленія кандидатъ, какой нравственности, какъ относится къ церкви, трезвъ ли, грамотенъ ли... не находится ли подъ вліяніемъ евреевъ и поляковъ, въ какихъ особенно фактахъ обнаружилась его положительная или зловредная дѣятельность ***).

И это не все. Въ Волынской епархіи приходскимъ батюшкамъ предписывалось «внушать» волостнымъ уполномоченнымъ, чтобы они, отправляясь на избирательный съѣздъ,

„ѣхали прямо на общую крестьянскую квартиру при монастырѣ, а гдѣ нѣтъ монастыря, при соборѣ. На этомъ особенно нужно настаивать, чтобы кандидаты были вмѣстѣ и не поддались жидовскому вліянію" ****).

И можно думать, что предписанія были не только въ Подоліи и Волыни. Въ Витебской, напр., губерніи «крестьянскіе уполномоченные въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доставлялись на выборы священниками тѣхъ селеній, въ которыхъ они живутъ; въ городѣ ихъ всячески оберегали отъ дурного глаза», на самые выборы являлись «отцы благочинные, произносили пространныя рѣчи о значеніи новаго закона, о той роли, которую должно сыграть земство въ жизни населенія, при этомъ указывали, «какихъ людей слѣдуетъ выбирать» *). Словомъ, на православное духовенство одновременно возлагались обязанности и пропагандистовъ, агитаторовъ, и агентовъ, добывающихъ и доставляющихъ справки о политической благонадежности, и конвоировъ, и своеобразной карантинной стражи, охраняющей избирателей «отъ жидовъ», «отъ поляковъ», отъ какого-то «дурного глаза». И уже одно это вполнѣ оправдываетъ тѣ выводы, къ какимъ пришли даже такіе органы, какъ «Новое Время» и «Московскія Вѣдомости»:

— Западное земство приноситъ большія разочарованія. «Національная политика» обнаруживаетъ всѣ признаки худосочія. Для нея правительство не находитъ людей.

Почему? «Новое Время» сочло необходимымъ высказать нѣкоторыя соображенія по этому поводу. Низшія массы населенія, крестьянство, оставимъ въ сторонѣ. Но почему «національная идея» правительства на сей разъ не нашла поддержки даже среди землевладѣльцевъ? Почему «куріальное земство, направленное противъ польскихъ вожделѣній, встрѣчено враждебно» не только поляками, но и многими русскими помѣщиками, какъ лѣвыми, такъ и правыми? «Новое Время» находило двоякое объясненіе этому факту. Во-первыхъ, русскіе помѣщики края получили такое же, какъ и поляки, «европейское», «космополитическое» воспитаніе,— школа виновата. Во-вторыхъ, классовая солидарность: «для русскаго аристократа землевладѣльца въ большинствѣ случаевъ полякъ землевладѣлецъ понятнѣе, ближе и роднѣе, чѣмъ русская

*) Цит. по „Рѣчи", 16 іюня.
**) Тамъ же.
***) „Смоленскій Вѣстникъ", 8 іюля.

масса». Съ домыслами «Новаго Времени» можно бы и не считаться. Но соображенія относительно классовой солидарности не разъ повторялись и въ независимой печати. Нѣкоторыя газеты не только въ настроеніи мѣстнаго дворянства, но и въ вотумѣ Государственнаго Совѣта, отклонившаго законопроектъ о западномъ земствѣ, усматривали и усматриваютъ

протестъ представителей крупнаго землевладѣнія противъ стремленія слабить солидарность землевладѣльческаго класса путемъ раздѣленія его національныя группы. Divide et impera—примѣняйте этотъ принципъ, гдѣ хотите и какъ хотите, но только не къ землевладѣльческому классу *).

Конечно, существуетъ и классовая солидарность. Существуютъ и тѣ мотивы интеллектуальнаго свойства,—убѣжденія, образъ мыслей, которыя «Новое Время» ставитъ въ вину «утонченной», «европейской», «космополитической культурѣ». Есть, однако, и вещи, болѣе простыя. Остановимся для поясненія хотя бы на такомъ эпизодѣ: даже нѣкоторые изъ назначенныхъ предводителей дворянства отказывались распространять полонофобскую литературу націоналистовъ **). Для того, чтобы отказаться, не нужно ни лѣвыхъ убѣжденій, ни сознанія классовой солидарности. Прежде всего не надо забывать, что даже среди назначенныхъ предводителей западнаго края есть лица, связанныя съ поляками бытовыми узами родства, свойства, знакомства, пріятельскихъ, сосѣдскихъ и дѣловыхъ отношеній. У одного мать полька, другой—женатъ на полькѣ; у третьихъ имѣются просто родственники среди поляковъ: дяди, племянники, невѣстки, зятья, дѣдушки, бабушки... У многихъ ничего такого нѣтъ,—но есть пониманіе, что, раздавая мѣстнымъ людямъ агитаціонную литературу, объявляющую поляковъ «элементомъ вреднымъ», совершишь цѣлый рядъ ненужныхъ и вредныхъ безтактностей. Дѣло не только въ узахъ родства, сосѣдства, свойства, знакомства. Въ петербургскихъ темныхъ закоулкахъ ничто не мѣшаетъ произносить приговоры: поляки—нація вредная, подлежащая дополнительному уничиженію: языкъ безъ костей. На мѣстахъ, въ виду многихъ очевидныхъ фактовъ жизни, поддерживать подобные приговоры иногда значитъ ставить самого себя въ неловкое положеніе. Для примѣра приведу на справку одинъ изъ подобныхъ обезоруживающихъ полонофобство фактовъ

Въ Винницкомъ уѣздѣ (Подольской губ.) ...помѣщикъ полякъ Э. К. Старжа-Якубовскій... 35 лѣтъ занимается хозяйствомъ въ своемъ имѣніи. Онъ заинтересовался (плевенскимъ) земствомъ и послѣдніе три года принималъ дѣятельное участіе въ немъ. Былъ земскимъ дорожнымъ попечителемъ, членомъ управы (гласнымъ), членомъ губернскаго земскаго комитета, членомъ землеустроительной комиссіи; выстроилъ на свои средства помѣщеніе для министерской школы; на свои средства устроилъ земскій складъ кровельныхъ матеріаловъ, платилъ завѣдующему, далъ безплатно помѣщеніе, и земство,

*) „Кіевская Мысль“ 17 іюля.

**) „Смоленскій Вѣстникъ“, 3 іюля.

благодаря этому, могло отпускать населенію матеріалы по самой низкой цѣнѣ *).

Полезнымъ и желательнымъ дѣятелемъ признавало г. Старжу-Якубовскаго прежде всего само правительство,—что и подтверждалось оффиціально актами назначенія въ число членовъ плевенскаго земскаго комитета. Но затѣмъ на сцену явился боевой «національный» столыпинскій законопроектъ о «западномъ земствѣ». И отъ г. Старжи-Якубовскаго мѣстный предводитель дворянства получилъ нижеслѣдующее заявленіе:

„Такъ какъ депутаты Думы отъ Подольской губерніи съ думской трибуны заявили, что поляки—вредный элементъ, то я прошу васъ освободить меня отъ всѣхъ занимаемыхъ мною должностей" **).

Легко диктовать «національную идею» столыпинцевъ, пока она стоитъ отвлеченно, и ея несообразности имѣютъ характеръ теоретическій, а потому и не для всѣхъ понятный и ясный; но въ жизни, гдѣ теоретическія несообразности воплощаются въ конкретныя явленія, та же «идея» представляется прежде всего, какъ безтактность. И это—безтактность не тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ лицъ. Она вошла въ законъ, какъ руководящій принципъ. Въ силу этого получила общій характеръ, превратилась въ общее явленіе. Слѣдовательно непріязненное отношеніе къ тѣмъ источникамъ изъ которыхъ она исходитъ, не могло не стать явленіемъ, имѣющимъ также общій характеръ.

И не только неумной постановкой «польскаго вопроса» вызвано это непріязненное отношеніе. Передъ избирательной кампаніей и во время ея оффиціальная пресса старалась придать «національнымъ куріямъ» стройный и удобоусвояемый видъ. Есть русскіе-побѣдители, а стало быть, и хозяева. И есть поляки-побѣжденные, а стало быть, и подвластные. Побѣдители могли бы совсѣмъ устранить подвластныхъ отъ участія въ земскомъ хозяйствѣ,—какъ устранили, напр., евреевъ. Но, по особому своему великодушію, побѣдители все-таки отводятъ полякамъ нѣкоторое мѣсто,—пусть же будутъ благодарны и за это. Если бы это живописаніе можно было воплотить въ дѣйствительность, то «національныя куріи», оставаясь антигосударственнымъ и вреднымъ измышленіемъ, все таки способны были бы тѣшить первобытный племенной эгоизмъ русскаго населенія. Но въ томъ и дѣло, что «идея» возникла, окрѣпла, стала закономъ въ условіяхъ крайне беззаботнаго отношенія къ дѣйствительности. Во что она воплотилась, легко замѣтить при самомъ бѣгломъ знакомствѣ съ избирательнымъ спискомъ. Фамиліи избирателей-*поляковъ*: Орловскій, Лубенскій, Сушинскій, Иванскій, Козаковскій... Фамиліи *русскихъ* избирателей: Витгенштейнъ, Костюшко, Фитингофъ, Потоцкій, Гильдесбандъ, Звѣрбумъ, Богуцкій, Шамборонтъ, Заремба, Эмануилъ Ватаци... Остроумная задача: раздѣлить населеніе пестроплеменныхъ и много-

*) „Русское Слово". 31 мая.

**) Тамъ же.

вѣрныхъ западныхъ губерній на поляковъ и русскихъ и установить, разумѣется, между этими двумя группами юридически опредѣляемое различіе, привела и къ остроумному рѣшенію. Въ русскую курію были приписаны нѣмцы, чехи, греки, молдаво-валахи... Въ число русскихъ не попали развѣ только евреи не-караимы. Вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о юридически опредѣляемомъ различіи между русскими и поляками окончательно былъ запутанъ. При составленіи списковъ администрація пыталась было держаться религіознаго признака: католикъ—значитъ, полякъ; не католикъ и не еврей—значитъ, русскій. Но, во первыхъ, не всѣ поляки католики; а во-вторыхъ, многіе завѣдомо русскіе—уніаты и католики. Пытались найти различіе въ бытовыхъ признакахъ,—образъ жизни, языкъ семьи. Но это—признакъ, еще болѣе сложный и тонкій, чѣмъ религія. А такъ какъ надо было при этомъ дѣйствовать спѣшно, не задумываясь, то избирателей стали тасовать по куріямъ по вдохновенію, на глазомѣръ. Мнѣ ужъ приходилось отмѣчать, напр., что мѣстами бѣлоруссы и малороссы за принадлежность къ уніатству были перечислены въ поляки. И, наоборотъ, люди съ польскими фамиліями и католики кое-гдѣ попали въ русскую курію. Въ газетахъ не разъ высказывалось, что такія перетасовки производились не совсѣмъ случайно: завѣдомыхъ русскихъ администрація объявляла поляками по религіозному признаку (уніаты, католики), если этимъ надѣялись ослабить «оппозицію» въ русской куріи, и, наоборотъ, «благонадежныхъ» поляковъ, основываясь на бытовыхъ признакахъ, объявляли не поляками, если находили необходимымъ усилить правительственныя кандидатуры въ той же русской куріи. Такими же тактическими соображеніями объяснялось невнесеніе въ списки многихъ русскихъ, обладающихъ цензомъ, не ограниченныхъ по суду, но извѣстныхъ администраціи неблагонадежнымъ образомъ мыслей или подозрѣваемыхъ въ неблагонадежности,—они попадали въ одинъ разрядъ съ евреями, совершенно лишенными представительства въ земствѣ. И немудрено, что такія объясненія давались, быть можетъ, случайнымъ иногда ошибкамъ, неизбѣжнымъ при чрезмѣрной спѣшности работы и неподготовленности мѣстныхъ административныхъ механизмовъ къ новому дѣлу. Слишкомъ очевидна чисто полицейская подоплека столыпинскаго національзма. Трудно не замѣтить, что правительство, поручающее отвѣтственные посты гг. Саблеру, Крыжановскому, Кассо, объявляетъ тѣ или иныя національности вредными на основаніи огульныхъ приговоровъ: среди евреевъ и особенно среди еврейской интеллигенціи чрезвычайно много политическихъ неблагонадежныхъ, а потому.. среди поляковъ неблагонадежныхъ меньше, но все-таки много, а потому... Несостоятельность этого приговора дала себя знать на практикѣ:

Не знаю, что дѣлать,—жаловался сотруднику „Гражданина" какой-то губернаторъ западнаго края.—Мнѣ предписывается заботиться о привлеченіи

русскихъ для составленія среднеземельнаго земскаго элемента, а оказывается, большая часть ихъ или ярые-кадеты или соціалъ-демократы *).

На сколько основательны термины: «кадетъ», «соціалъ-демократъ»,—разумѣется, надо оставить на отвѣтственности губернатора. Но, вообще говоря, не даромъ г. Меньшиковъ объявилъ «колыбелью революціи» не окраинныя инородческія губерніи, а Великороссію. Мѣстной администраціи, прекрасно освѣдомленной, что отъ нея требуется, самый долгъ службы повелѣвалъ исправлять несовершенство закона домашними средствами, — ослабляя, на сколько это возможно, «вредные элементы» русской куріи и усиливая элементы полезные прививкою инородческихъ отпрысковъ. За неимѣніемъ подъ рукою иныхъ полезныхъ инородцевъ, въ число русскихъ могли попасть и особо благонадежные поляки.

Получилось слѣдующее. Столыпинцы стараются обострять племенной эгоизмъ русскихъ:

— Русскіе—читаемъ, напр., въ одномъ изъ оффиціозныхъ воззваній къ избирателямъ винницкаго уѣзда—должны стать «хозяевами своей земли». «Кровь нашихъ прадѣдовъ на поляхъ родного края, изрубленныя кости на земляхъ Винницы, пролитая и сложенныя въ защиту вѣры и родины отъ инородцевъ и иновѣрцевъ, дали свои ростки въ высочайшемъ указѣ» *)—разумѣется, очевидно, указъ о введеніи западнаго земства по 87 ст.

На нѣкоторыхъ людей подобные аргументы, вѣроятно, и до сихъ поръ способны оказывать дѣйствіе. Представьте человѣка, который повѣрилъ такому воззванію, проникся убѣжденіемъ относительно полноты своихъ хозяйскихъ правъ надъ инородцами и иновѣрцами. И вдругъ видитъ, что наравнѣ съ нимъ такимъ же хозяиномъ «нашего родного края» правительство признаетъ и нѣмца, и грека, и чеха, и молдаванина, и многихъ прочихъ инородцевъ, гораздо болѣе чуждыхъ и мѣстному краю, и мѣстнымъ интересамъ, чѣмъ поляки, коренные, хотя и «покоренные» жители. Мало того, оказывается, что православный крестьянинъ, оффиціально и оффиціозно объявляемый «хозяиномъ», находится въ худшемъ положеніи, нежели такой же крестьянинъ старообрядческаго, баптистскаго, лютеранскаго, католическаго или иного неправославнаго исповѣданія. Православный общинникъ или мелкій собственникъ особыми распоряженіями отданъ на время выборовъ подъ особый надзоръ духовенства. Батюшка везетъ или ведетъ православнаго на выборы, батюшка зорко бережетъ его «отъ дурного глаза»,—не даетъ ни со своими столковаться, ни съ чужими поговорить. Иновѣрцы и инородцы, занимающіе такое же соціальное положеніе, освобождены, по крайней мѣрѣ, отъ батюшекъ, выполняющихъ обязанности сыскной полиціи, и уже по одной этой причинѣ имъ легче было явиться на выборы въ организованномъ видѣ, держаться свободнѣе и независимѣе. Наконецъ, кто этотъ хозяинъ, прадѣды котораго

*) Цит. по „Смоленскому Вѣстнику", 12 іюня.

«проливали кровь на поляхъ родного края»,—того же хотя бы винницкаго, напримѣръ? Мѣстные, винницкіе, аборигены едва-ли признаютъ такимъ «хозяиномъ» «москаля», «кацапа». Если ужъ правительству угодно было поднимать націоналистическіе вопросы, то съ точки зрѣнія винницкихъ аборигеновъ, «кацапы»—такой же инородный, пришлый элементъ, какъ и нѣмцы. Пожалуй, даже болѣе непріятный, такъ какъ съ именемъ «кацаповъ», «москалей» связаны всѣ нынѣ переживаемыя стѣсненія и репрессіи. Словомъ, если бы правительство задалось спеціальною цѣлью дразнить и малорусское, и бѣлорусское, и великорусское населеніе 6 губерній, то «національныя куріи» были бы не плохимъ средствомъ.

Дразнили не только русскихъ. Возвратимся на минуту къ только что цитированной винницкой прокламаціи. Она исходитъ отъ «русскаго предвыборнаго комитета», обращена къ «русской» куріи и начинается словами: «Гг. выборщики по земскому самоуправленію». Такихъ воззваній было сфабриковано не мало. Это—цѣлая литература. Одинъ архимандритъ Виталій въ Волынской губерніи выпустилъ цѣлый рядъ «писемъ къ русскимъ избирателямъ». Авторы многочисленныхъ «воззваній», «обращеній» и «писемъ» всячески стараются убѣдить «русскихъ» избирателей, чтобы они не поддавались вліянію «жидовъ и поляковъ», какъ инородцевъ и иновѣрцевъ. Разъ ступивъ на эту скользкую почву, авторы вынуждены доказывать вообще превосходство «русскаго ума», «русскаго сердца», «русской вѣры», вообще вредоносность «инородцевъ», «иностранцевъ», «пришлецовъ»... Духовные авторы, смѣшивая, по своему обыкновенію, національность съ вѣроисповѣдностью и называя избирателей русской куріи: «православные русскіе люди», не забывали оснащать свои произведенія перлами полемическаго богословія. Все это носило оффиціальную или оффиціозную марку. И все это разсылалось и раздавалось, читалось всѣми вообще избирателями «русской» куріи--старообрядцами, уніатами, лютеранами, нѣмцами, чехами, латышами...

Къ первороднымъ грѣхамъ, вытекавшимъ изъ самаго заданія—провести, обосновать и оправдать дѣленіе гражданъ на вредныя и полезныя національности, присоединились и другіе грѣхи, частью тоже первородные, но вытекающіе изъ другихъ источниковъ, частью благопріобрѣтенные, объясняемые привычкой не церемониться. Вести борьбу на почвѣ положительной земской платформы администрація и правительственные кандидаты, по весьма понятнымъ причинамъ, не могли. Для устраненія противниковъ приходилось отыскивать мотивы чисто личнаго свойства. Мы уже видѣли, что, напр., духовенству прямо было предписано разузнавать и сообщать «особые факты» о выборщикахъ, причемъ пояснялось,—въ циркулярѣ по Волынской епархіи,—что

*) „Кіевская Мысль", 4 іюля.

«эти выпуклые факты особенно важны, такъ какъ ими легче и яснѣе всего можно охарактеризовать данную личность предъ прочими выборщиками»*)

На практикѣ собираніе «выпуклыхъ фактовъ» превратилось либо въ запугиваніе полицейскими расправами, либо въ безпардонное сплетничество. Противъ одного, напр., крестьянскаго выборщика былъ выдвинутъ такой аргументъ:

— Не выбирайте его, потому что *«у него сынъ студентъ»*...**).

При томъ особомъ смыслѣ, какой имѣетъ въ крестьянскомъ языкѣ слово: «студенты», поддерживать опороченную такимъ способомъ кандидатуру стало дѣломъ опаснымъ. Въ одномъ изъ своихъ «писемъ къ русскимъ православнымъ» избирателямъ архимандритъ Виталій опорочиваетъ непріятныхъ ему кандидатовъ указаніями на такіе „выпуклые факты":

„объ одномъ говорятъ, что онъ продалъ свою жену"...

„О другомъ говорятъ, что сей предсѣдатель (?) женатъ на полькѣ, ѣздилъ во время первой Думы въ Выборгъ писать извѣстную прокламацію противъ Царя. Говорятъ еще, что сей культурный мужъ допьянствовался разъ со своими земскими (?) подчиненными въ трактирѣ до того, что ихъ офицеръ загналъ кулакомъ подъ диванъ"... ***)

Такъ *писалъ* и такія вещи *печаталъ* инокъ Виталій,—отнюдь не скрывавшій, что онъ дѣйствуетъ по порученію архіепископа Антонія, а этотъ послѣдній также не скрывалъ свои полномочія;— между прочимъ, благодарственное письмо, полученное имъ отъ П. А. Столыпина по поводу проповѣди о западномъ земствѣ, оглашено печатью въ началѣ іюня. Можно представить, какіе «выпуклые факты» сообщались изустно или черезъ посредство почтеннаго сословія уѣздныхъ «кумушекъ». О. Виталій въ данномъ печатномъ произведеніи выступалъ «съ открытымъ забраломъ», онъ составилъ свой листокъ такъ, что никто не названъ, никто не можетъ сказать, что рѣчь идетъ с немъ и привлечь автора къ отвѣтственности, и въ то же время всякому предоставляется думать о любомъ изъ неугодныхъ автору кандидатовъ: не этотъ ли человѣкъ продавалъ свою жену, пьянствовалъ съ подчиненными, и т. д.? Въ анонимныхъ листкахъ, неизвѣстно гдѣ напечатанныхъ и кѣмъ написанныхъ, «выпуклыми фактами» можно было распорядиться еще болѣе остроумно. Пожалуй, и упоминать о такихъ художествахъ не стоило бы. Мало ли къ какимъ пріемамъ прибѣгаютъ неопрятные люди во время избирательной борьбы? Дѣло лишь въ томъ, что эти неопрятные люди являлись также людьми правительственными, они, если не прямо утверждали, то давали понять, что занимаются собираніемъ и распространеніемъ «выпуклыхъ фактовъ» въ интересахъ правительства и по его порученію. Едва-ли нужно объяснять, какія чувства и мысли вызывало все это у мѣстнаго населенія, у избирателей, и особенно у тѣхъ, кто прямо или косвенно былъ задѣтъ

---

*) „Рѣчь", 16 іюня.

**) „Кіевская Мысль", 4 іюля

***) „Кіевская Мысль", 14 іюня.

подобными выступленіями на защиту «патріотическихъ началъ».

Далѣе,—мы уже видѣли, что для проведенія «реформы» понадобились «русскіе комитеты». Имъ правительство, такъ сказать, «передало часть своей власти»,—пользуюсь счастливымъ выраженіемъ г. Шульгина. Приведу для примѣра отзывъ объ одной изъ такихъ организацій, основанной въ Сквирѣ, Кіевской губерніи.

„Еще во время составленія избирательныхъ списковъ—пишетъ корреспондентъ „Кіевской Мысли"—компанія мѣстныхъ политикановъ образовала особый комитетъ, цѣль котораго была—провести... „своихъ". Самочинный комитетъ уже распредѣлилъ всѣ будущія должности и теперь оставалось только оформить ихъ выборами" *).

И не только въ Сквирѣ такъ было. Чтобъ не плодить указаній на конкретные примѣры, ограничусь однимъ общимъ соображеніемъ. «Комитеты» брали на себя обузу не ради прекрасныхъ глазъ П. А. Столыпина. Русскій служилый человѣкъ, получивъ казеннаго воробья на прокормленіе, умѣетъ построить себѣ каменныя хоромы. Было бы совсѣмъ не похоже на него, если бы онъ не постарался извлечь выгоду изъ такого важнаго препорученія, какъ организація земскихъ выборовъ въ желательномъ правительству духѣ и смыслѣ. Представлялась во всякомъ случаѣ возможность использовать «реформу» въ цѣляхъ, такъ сказать, семейственнаго или родового благополучія. Кого изъ «комитетчиковъ» администрація «просила помочь», кто самъ назвался помогать,—разбирать трудно и не стоитъ. Но правительство съ возникновеніемъ «комитетовъ» не могло не оказаться связаннымъ съ людьми, желающими провести на выборахъ если не себя, то своихъ близкихъ, или и себя и «своихъ». А нѣкоторые изъ такихъ дѣятелей—тотъ же, напр., о. Виталій—сумѣли внести въ избирательную кампанію и принципъ: чего моя нога хочетъ...

Отъ мѣстныхъ людей, отъ сосѣдей, по условіямъ провинціальной жизни, не могли остаться тайной замыслы и подготовительные шаги «комитетчиковъ».

— NN съ родственниками и свойственниками можетъ за нашъ счетъ проводить дороги къ своимъ маетностямъ, хочетъ вообще захватить въ свои руки распоряженіе нашими средствами.

Въ нѣкоторой части мѣстныхъ людей это не могло не вызвать желанія дать отпоръ,—не допустить. А такъ какъ «комитетчики» оказались правительственными кандидатами, то ихъ противники, доселѣ, быть можетъ, очень далекіе отъ какихъ бы то ни было «лѣвыхъ» или «оппозиціонныхъ» убѣжденій, самымъ фактомъ своего выступленія противъ кучки, желающей захватить земскія мѣста, попадали въ число «противо-правительственныхъ» дѣятелей, травимыхъ доносами, сплетнями и всякими другими средствами. Отсюда цѣлый рядъ несообразностей. Собственно, правительство имѣло

*) „Кіевская Мысль", 24 іюля.

на мѣстахъ готовые кадры дѣятелей въ лицѣ назначенныхъ предсѣдателей и членовъ плевенскихъ «земскихъ управъ», упраздняемыхъ новой «реформой». Эти дѣятели во время избирательной кампаніи получили названіе «староземцы». Ихъ политическая благонадежность доселѣ не подлежала сомнѣнію, доказана и едва ли можетъ быть заподозрѣна. Чего-либо политически неблагонадежнаго у староземцевъ не указалъ даже о. Виталій. Тѣмъ не менѣе они ему почему-то не понравились. И противъ нихъ онъ открылъ спеціальный походъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ «русскимъ православнымъ людямъ» онъ писалъ:

„будутъ проситься у васъ пропустить тѣ, кто прежде заправлялъ земствомъ... Они уже попробовали земскаго пирога и имъ не хочется выпускать его изъ рукъ. Они долго спорили между собою и торговались и теперь уже распредѣлили между собою должности въ новомъ земствѣ. Конечно, для нихъ очень выгодно: будетъ получать тысячное жалованье, а самое главное— не будутъ сдавать отчета за прежніе грѣхи"...

Въ силу какого сложнаго переплета общихъ и мѣстныхъ обстоятельствъ значительная часть «староземцевъ» не попала въ комитеты,—судить мудрено. Но разъ не попали,—значитъ, очутились противъ «комитетчиковъ»: основаніе, вполнѣ достаточное, чтобъ травить. И уже одной этой полемики было достаточно, чтобы въ Волынской губерніи произошло нѣчто, мало вѣроятное при другихъ условіяхъ: значительная часть староземцевъ, т. е. мѣстныхъ людей, подобранныхъ администраціей, признанныхъ заслуживающими особаго довѣрія, во время выборовъ примкнула къ «противоправительственной» «земской группѣ».

Правительство старательно мобилизовало силы. Въ газетахъ появлялись, напр., такія сообщенія:

Томскъ. Имѣя въ виду, что среди чиновъ сибирской желѣзной дороги могутъ быть лица, числящіяся въ составѣ земскихъ избирателей Западнаго края, начальникъ дороги распорядился по всѣмъ отдѣламъ о безпрепятственной выдачѣ отпусковъ между 7 и 22 числами іюля. Распоряженіе начальника дороги является слѣдствіемъ общаго циркулярнаго распоряженія министра путей сообщенія по казеннымъ дорогамъ *)

А это послѣднее является также слѣдствіемъ общаго распоряженія предсѣдателя совѣта министровъ. Правительство имѣло основаніе надѣяться, что пріѣзжіе чиновники окажутся полезнымъ для его цѣлей придаткомъ къ мѣстному благонадежному элементу. И эта надежда отчасти оправдалась. Однако у о. Виталія свои разсчеты. Онъ составилъ свой списокъ. Онъ предполагаетъ, что избиратели, «поразстроившіе и промотавшіе свои имѣньица и теперь не знающіе, гдѣ пристроиться», «будутъ проситься въ гласные». «Вы, русскіе,—пишетъ онъ—спрашивайте: а кто свое имѣніе не промоталъ? живетъ ли въ немъ? знаетъ ли хозяйство? не сдаетъ ли въ аренду?» и т. д. Словомъ, пріѣзжимъ не довѣряйте... Разумѣется, я далекъ отъ мысли отмѣтить всѣ главнѣйшія вліянія

*) „Русское Слово", 8 іюня.

даннаго момента, подъ которыми складывалось самочувствіе избирателей. Перечисляю кое-что, немногое, пожалуй, даже не самое характерное. Быть можетъ, слѣдовало бы подробнѣе остановиться и еще на одномъ противорѣчіи: «комитетчики» говорили избирателямъ либеральныя слова, возбуждали либеральныя и даже радикальныя мысли; а поступали съ тѣмъ же избирателемъ по-столыпински. И вся избирательная компанія протекала при самомъ столыпинскомъ образѣ дѣйствій администраціи. Но на всемъ не остановишься. Полагаю и сказаннаго достаточно для поясненія, какія реальности скрываются подъ жалобами охранительной печати на неуспѣхъ «національной идеи» въ Западномъ краѣ.

V.

Наиболѣе яркую дѣятельность правительственные люди развернули въ Волынской губерніи. Въ ней и наиболѣе ярко сказался законъ: дѣйствіе равно противодѣйствію. Именно на Волыни сложилась во время выборовъ та самая «земская группа», которую назвали «противоправительственной»,—названіе столь же неожиданное, какъ и самое появленіе новорожденной общественной группировки. Достаточно сказать, что къ ней примкнулъ, напр., ровенскій предводитель дворянства г. Андро, бывшій кандидатомъ въ члены Государственной Думы отъ союза русскаго народа *). Теперь комитетскими дѣятелями на него посланъ доносъ губернатору и министру внутреннихъ дѣлъ **). Къ ней же, какъ я упомянулъ выше, примкнула значительная часть «староземцевъ». По политическимъ убѣжденіямъ вошедшіе въ нее распредѣляются на консерваторовъ, либераловъ, демократовъ,—правыхъ, умѣренныхъ, лѣвыхъ и «сумбуристовъ»,—терминъ, предложенный одной мѣстною газетою (не помню, какой именно), и означаетъ онъ людей неопредѣленнаго, сумбурнаго образа мыслей; говоря вообще, организаціи, подобныя «земской группѣ», предрасположены къ тому, чтобы «сумбуристы» занимали въ нихъ видное, по численности, мѣсто. По національностямъ,—въ группу вошли малороссы, бѣлоруссы, великороссы, нѣмцы, чехи... Къ ней же примыкаютъ и поляки. По соціальному составу,—она вмѣщаетъ: аристократовъ, носящихъ громкія имена, крупныхъ землевладѣльцевъ, городскихъ и мѣстечковыхъ торговцевъ и промышленниковъ, среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, представителей свободныхъ профессій (напр., адвокатовъ, врачей), чиновниковъ и рядовыхъ крестьянъ (представителей сельскихъ обществъ)... Въ центрѣ поведеніе г. Столыпина въ вопросѣ о національныхъ куріяхъ объединило противъ правительства самыя разнообразныя группы. Такое же объединеніе получилось и на мѣстахъ.

*) „Русское Слово", 28 іюля.
**) Тамъ же.

Выше я сказалъ, что правительственные кандидаты не могли предложить платформу положительной земской работы. Не могла этого сдѣлать и «земская группа»: ей также приходилось повторять общія мѣста: нужны школы, нужны дороги, нужны больницы, врачи... Попытка сдвинуться съ этой мели привела бы къ треніямъ и къ вскрытію внутреннихъ противорѣчій. Повидимому, въ группѣ преобладаетъ болѣе культурное отношеніе къ полякамъ, чѣмъ то, которое усвоено творцами національныхъ курій. Между прочимъ, эта черта подмѣчена и о. Виталіемъ, взывавшимъ въ своихъ «письмахъ»:

— Не выбирайте культурныхъ людей,—«они вступили въ союзъ съ поляками»...

Но, вѣроятно, и этотъ пунктъ подлежитъ ограниченіямъ. Съ точки зрѣнія мѣстныхъ крестьянъ, польскій вопросъ есть прежде всего вопросъ соціальный,—вопросъ о панѣ-помѣщикѣ и землѣ. При извѣстной некультурности населенія соціальныя распри легко окрашиваются въ націоналистическіе цвѣта. И, пожалуй, не будетъ ошибкой—сказать, что «земскую группу» объединяетъ только непріязненное чувство къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ правительства и къ его кандидатурамъ; но и въ основѣ этого чувства лежатъ, безъ сомнѣнія, чрезвычайно разнообразные мотивы.

Правительственные люди старались казаться либералами, прогрессистами. Ихъ противники нерѣдко были вынуждены держаться противоположной тактики. По полицейскимъ условіямъ, приходилось «тщательно прикрыть—какъ выражается «Рѣчь»—свою политическую физіономію». Иные доводили прикрытіе столь далеко, что объявляли себя правыми, «истинно-русскими».

Это сбивало съ толку начальство, спутывало самихъ избирателей; вполнѣ возможно, что многіе далеко не сразу умѣли попасть, куда имъ нужно, а иные, вѣроятно, такъ и оставались въ неподходящей для нихъ компаніи до конца выборовъ. Тѣмъ удивительнѣе, что «земская группа» сумѣла все-таки сложиться. Но и тѣмъ загадочнѣе ея характеръ. Словомъ, «земская группа» пока—уравненіе со многими неизвѣстными. Но уже одно то, что на томъ мѣстѣ, гдѣ ничего не было, вдругъ появилась какая ни на есть общественная группировка, сумѣвшая на выборахъ не безуспѣшно помѣряться силами съ правительственными «комитетами», свидѣтельствуетъ о достигнутыхъ г. Столыпинымъ успѣхахъ.

Къ моменту выборовъ «успѣхи» были достаточно выяснены. Но остановиться нельзя. Надо выбирать. И при томъ, во что бы то ни стало надо спасти положеніе, добиться некрамольныхъ результатовъ. Первоначальное заданіе—создать *націоналистическое* земство—пришлось бросить за невыполнимостью. Требованія были значительно измѣнены: лишь бы прошло, какъ можно больше, крупныхъ землевладѣльцевъ и «правыхъ»,—все равно, какихъ «правыхъ»; пусть правительственный, пусть антиправительственный (а такихъ за время выборовъ появилось не мало),—лишь бы

«правый». И вотъ, съ одной стороны, понеслись къ крупнымъ землевладѣльцамъ призывы явиться на выборы и напоминанія, когда и куда нужно являться. А съ другой... Привожу газетный отзывъ о выборахъ въ Сквирскомъ уѣздѣ, Кіевской губ.

„Организаторы выборовъ... рѣшили принять всѣ мѣры къ тому, чтобы мелкіе цензовики совсѣмъ не явились на выборы уполномоченныхъ или же явились бы въ ничтожномъ количествѣ"... Объявленія о дняхъ выборныхъ съѣздовъ организаторы напечатали только въ „губернскихъ вѣдомостяхъ, которыхъ не читаютъ не только заурядные обыватели, но даже обязанныя выписывать ихъ учрежденія. Дни съѣздовъ спеціально приноровлены были ко времени разгара полевыхъ работъ, когда у всякаго хозяина работы и хлопотъ по горло... Кромѣ того, не всякій изъ заурядныхъ обывателей могъ понять самое объявленіе, если бы даже случайно прочелъ его: „1-е отдѣл. 1-го съѣзда, 2-е отдѣл. 1-го съѣзда"... Слишкомъ ужъ неясно. Результаты такой политики комитета выразились въ томъ, что однодесятниковъ явилось на выборы только 103, а однопятниковъ 52, и всего было избрано ими 34 уполномоченныхъ,—всѣ крестьяне" *)...

Это общее явленіе. Только въ немногихъ уѣздахъ губерніи, въ видѣ исключенія, «мелкіе цензовики» извѣщались особыми повѣстками. Обычно же обязанность извѣстить о днѣ выборовъ выполнялась лишь формально: печатали объявленіе въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, и при томъ даже эти объявленія составлялись такъ, что только люди, хорошо ознакомленные съ новымъ закономъ, могли понять, о чемъ идетъ рѣчь. Любопытно, что, одновременно съ этимъ, крупнымъ землевладѣльцамъ въ томъ же, напримѣръ, Сквирскомъ уѣздѣ разсылались и повѣстки, и, сверхъ повѣстокъ, телеграммы. Выбирали время, наиболѣе неудобное для мелкихъ собственниковъ. А сверхъ того, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и мѣсто для нихъ назначалось такое, куда для многихъ трудно явиться. Не менѣе остроумно было поступлено съ собственниками-горожанами: ихъ избирательныя права были «въ порядкѣ разъясненія сокращены въ два съ половиною раза»,—горожанъ велѣно было заносить въ списки не по земской (высокой), а по городской (архаической и низкой) оцѣнкѣ имуществъ **). При неподготовленности и малоосвѣдомленности населенія, при несочувствіи самому закону и, въ особенности, способу его проведенія эти спеціальныя мѣры во многихъ случаяхъ помогли достигнуть поразительныхъ результатовъ. Вотъ на выдержку (по газетнымъ свѣдѣніямъ) нѣсколько цифровыхъ справокъ о выборахъ уполно-

*) „Кіевская Мысль", 24 іюля. Не лишни, быть можетъ, нѣкоторыя поясненія. Законъ разбиваетъ русскую курію на 2 части: 1) гласные отъ сельскихъ обществъ, избираемые особо; 2) личные собственники. Послѣдніе также раздѣляются: 1) на полноцензовиковъ, получившихъ прямое избирательное право, и 2) на неполноцензовиковъ, коимъ предоставлено выбирать лишь выборщиковъ. Неполноцензовики также разбиты на 2 „отдѣленія": 1) среднихъ собственниковъ (однопятники), 2) мелкихъ собственниковъ (однодесятники). Выборные отъ этихъ отдѣленій, вмѣстѣ съ полноцензовиками, составляютъ общій избирательный съѣздъ, на которомъ и выбираютъ гласныхъ.

**) „Кіевская Мысль", 15 іюля.

моченныхъ отъ мелкихъ владѣльцевъ (однодесятниковъ) русской куріи:

Витебскій уѣздъ	изъ 1046	избирателей	явилось	на	выборы	39
Бобруйскій »	» 1876	»	»	»	»	16
Игуменскій »	» 1098	»	»	»	»	10
Могилевскій »	» 867	»	»	»	»	59
Оршанскій »	» 1170	»	»	»	»	19
Каменецъ-Подольскій »	» 206	»	»	»	»	3

Въ цѣломъ рядѣ уѣздовъ выборы уполномоченныхъ отъ мелкихъ собственниковъ русской куріи вовсе не могли состояться за неявкою избирателей. Въ нѣсколькихъ уѣздахъ не могли состояться выборы уполномоченныхъ и отъ среднихъ владѣльцевъ («однопятники») русской куріи. Однако, не смотря на ординарныя мѣры, были уѣзды, гдѣ неполные цензовики являлись въ числѣ, наводившемъ уныніе на «русскіе комитеты». Приходилось принимать мѣры экстраординарныя. Чтобы спасти положеніе, напр., въ Острожскомъ уѣздѣ, Волынской губерніи, гдѣ предварительный подсчетъ силъ обнаруживалъ неизбѣжность провала самыхъ видныхъ правительственныхъ дѣятелей (гг. Шульгинъ, Пихно-старшій, Рейнъ, Борисовъ) борьба съ мелкими цензовиками приняла прямо таки эпическія формы. Избирателей томили съ 1 часа дня до $3^1/_2$ часовъ ночи, такъ какъ они не соглашались на условія, поставленныя правительственнымъ дѣятелемъ, г. Борисовымъ.

Съ ранняго утра ничего не ѣвшіе сторонники земской группы... расположились бивуакомъ въ залѣ, гдѣ кто могъ, чтобы отдохнуть. Двери заперты наглухо и запечатаны. Въ залу проникнуть нельзя. Но нѣкоторые друзья, находящіеся на улицѣ, контрабандою подали имъ черезъ окно хлѣбъ и колбасу *).

Такъ какъ сломить упорство и этими мѣрами не удалось, то предсѣдатель уѣхалъ, а собраніе не состоялось. Потомъ, правда, было назначено вторичное собраніе, но на немъ были приняты мѣры еще болѣе серьезныя, и положеніе удалось таки спасти.

Однако были уѣзды, гдѣ, не смотря на экстраординарныя мѣры, выборы на съѣздахъ неполныхъ цензовиковъ давали значительное число «нежелательныхъ элементовъ». Такой случай вышелъ, напр., и въ упомянутомъ выше Сквирскомъ уѣздѣ. Мы уже видѣли, что тамъ неполные собственники избрали 34 выборщика. Всѣ они и явились на общій съѣздъ для выбора гласныхъ. А полныхъ цензовиковъ явилось только 19.

Комитетъ увидѣлъ, что при такомъ соотношеніи силъ его игра проиграна, и рѣшился на крайнее средство: предсѣдатель потребовалъ отъ всѣхъ явившихся на выборы крестьянъ предъявленія удостовѣренія личности. Этого никто не ожидалъ, никто о возможности этого не былъ предупрежденъ, и потому, конечно, никто изъ крестьянъ этихъ удостовѣреній предъявить не могъ, и крестьяне не были допущены на выборы. Удалены были даже крестьяне-помѣщики, лично знакомые съ присутствовавшими

*) „Кіевская Мысль", 30 іюня.

на избирательномъ съѣздѣ помѣщиками дворянами (Кіевская Мысль, 24 іюля).

Объ изъятіи нежелательныхъ кандидатовъ въ порядкѣ охраны и мѣрами административнаго остроумія, объ угрозахъ полиціей и отмѣною выборовъ высшимъ начальствомъ, о дѣятельномъ вмѣшательствѣ начальства и о многомъ другомъ говорить не буду. Повторяю, выборы во всѣхъ отношеніяхъ были столыпинскіе. И результаты тоже столыпинскіе. Для общей ихъ характеристики годится и примѣръ Сквирскаго уѣзда: удалили всѣхъ, кого только можно было и пришло въ голову удалить; но, вслѣдствіе этого, на избирательномъ съѣздѣ не нашлось даже столько кандидатовъ, желающихъ баллотироваться, сколько надо было выбрать гласныхъ; оказалось, что надо выбирать всѣхъ, кто изъявилъ согласіе; на сквирскомъ собраніи избрали даже двухъ отсутствующихъ. При такихъ условіяхъ не могло быть даже борьбы списковъ, ибо списокъ былъ возможенъ только одинъ, и, разъ «русскому комитету» не удалось набрать въ уѣздѣ столько единомышленниковъ, сколько требуется гласныхъ, онъ вынужденъ пополнить списокъ лицами, случайно уцѣлѣвшими. А затѣмъ оставалось лишь случайныхъ лицъ, волею рока попавшихъ въ списокъ кандидатовъ комитета, объявить націоналистами и послать реляцію о побѣдѣ. Правда, послѣ этихъ реляцій даже «Голосъ Москвы» изумляется: какимъ образомъ въ спискахъ, составленныхъ «комитетами», націоналистами кое-гдѣ очутились завѣдомые «кадеты-перводумцы», «лѣвые октябристы», «правые», враждебно относящіеся и къ націоналистамъ, и къ данной національной «реформѣ» г. Столыпина? *) Но реляціи на то разсчитываются, чтобы произвести первое впечатлѣніе. Провѣрка же ихъ—дѣло долгое.

«Побѣда» получилась только въ одномъ пунктѣ: не смотря на то, что крупные землевладѣльцы ослаблены выдѣленіемъ поляковъ въ особую курію, они въ значительномъ большинствѣ уѣздовъ, о которыхъ я собралъ свѣдѣнія по газетамъ, преобладаютъ среди избранныхъ отъ личныхъ собственниковъ. Правда, и эта побѣда достигнута не вполнѣ. Укажу для примѣра хотя бы Витебскій уѣздъ, гдѣ на выборахъ по куріи личныхъ собственниковъ землевладѣльцевъ одолѣли горожане. Но, повидимому, такихъ уѣздовъ немного. Второе заданіе—заполнить мѣста для гласныхъ если не націоналистами, то хоть правыми,—оказалось невыполнимымъ. Вообще изъ шести губерній, видимо, выжато все, что они могутъ дать въ желательномъ для правительства смыслѣ. И во всѣхъ шести губерніяхъ заполнить всѣ мѣста по куріи личныхъ собственниковъ желательными элементами не удалось. Оказался «некомплектъ». Въ однихъ уѣздахъ некомплектъ полный: получили рѣшительное преобладаніе прогрессисты; въ другихъ некомплектъ слабый—прогрессисты проникли въ ничтожномъ меньшинствѣ. Въ большинствѣ же

*) „Голосъ Москвы“, 2 августа.

уѣздовъ и во всѣхъ губерніяхъ составъ гласныхъ—я все время говорю о русской куріи собственниковъ—«пестрый». Особнякомъ стоитъ Волынская губернія, видимо, получившая, благодаря дѣятельности почаевскихъ иноковъ и архіепископа Антонія, болѣе серьезное политическое воспитаніе. Здѣсь—рѣчь опять-таки идетъ о той-же куріи—правительственные люди одержали рѣшительную побѣду только въ одномъ Острожскомъ уѣздѣ. Въ семи уѣздахъ побѣдила «земская группа». Въ остальныхъ четырехъ уѣздахъ обѣ стороны не могутъ похвалиться побѣдой.

Такой неопредѣленный исходъ сраженія не сулитъ начальству удовольствія, ибо, кромѣ «русской» куріи личныхъ владѣльцевъ, есть еще крестьянская курія, и курія польская. Крестьянская курія, не смотря на всѣ принятыя относительно нея мѣры, кажется, лишь подтвердила мнѣніе, что изъ всѣхъ внутреннихъ враговъ мужикъ есть врагъ наиболѣе скверный. Вражескія свойства мужика обнаружились даже въ Кременецкомъ уѣздѣ Волынской губ.,—въ самомъ центрѣ дѣятельности энергическаго инока Виталія. Здѣсь, какъ и всюду, подъ надзоромъ свѣтскаго и духовнаго начальства волостные десятидворники выбрали уполномоченныхъ. Обо всѣхъ уполномоченныхъ были собраны справки, отзывы и характеристики. На основаніи этихъ негласныхъ матеріаловъ былъ составленъ списокъ желательныхъ и допустимыхъ кандидатовъ. По окончаніи этой работы, уполномоченныхъ отъ волостей пригласили выбирать гласныхъ. И отправлялись или были отправляемы уполномоченные опять-таки подъ надзоромъ. Подъ надзоромъ происходили и выборы. Уполномоченнымъ предъявлялся заготовленный списокъ: вотъ кого выбирайте. Во многихъ мѣстахъ—назову для примѣра Рѣчицкій и Минскій уѣзды,—уполномоченные отклоняли предложеніе руководиться этимъ спискомъ. Но въ Кременецкомъ уѣздѣ и отклоненія не было,—уполномоченные выбирали по списку, предложенному о. Виталіемъ. Такимъ образомъ всѣ избранные оказались «почаевцами». А такъ какъ отъ куріи личныхъ собственниковъ въ подавляющемъ большинствѣ прошли прогрессисты, польская же курія и подавно неблагонадежна, то «почаевцы» были единственной опорой. Затѣмъ было созвано первое собраніе,—оно оказалось въ общемъ прогрессивнымъ, и, судя по отзывамъ газетъ, этого общаго характера не испортили крестьяне, прошедшіе по списку о. Виталія...

Словомъ, изъ волостей также старались выжать для земства весь сокъ благонадежности, какой только есть въ деревняхъ. И удалось выжать главнымъ образомъ лишь такого мужика, который пока «ни въ чемъ не замѣченъ». Впрочемъ, еще передъ выборами мѣстные помѣщики Волынской, напр., губерніи утверждали, что среди рядовыхъ крестьянъ, малограмотныхъ и вовсе неграмотныхъ,

нѣтъ такихъ дѣленій: правые, лѣвые. Это имъ навязываютъ. Всякій крестьянинъ въ вопросѣ о землѣ лѣвый. Да и во всѣхъ вопросахъ народныхъ

онъ лѣвый... Андрейчуки—исключеніе. Въ земствѣ такихъ людей не можетъ быть много *).

Къ этому отзыву, во всякомъ случаѣ правдоподобному, прибавлю: крестьяне часто выдвигали любопытный избирательный лозунгъ—выбирать только грамотныхъ.

Выборными усиліями создано то, что во многихъ уѣздахъ противопоставлены на земскихъ собраніяхъ двѣ далеко не дружественныя психологіи: 1) крупные «русскіе» помѣщики, и при томъ отборные,—«зубры»; 2) крестьяне. При чемъ на сторонѣ «зубровъ» должны оказаться: 1) нѣкоторый численный, хотя и далеко не рѣшающій перевѣсъ; 2) больше умѣнья, подготовки, знаній, пониманія своихъ сословныхъ интересовъ. По серединѣ между этими величинами польская курія, въ которой рѣшительное преобладаніе получили прогрессисты. Да и помимо этого преобладанія, поляки вошли въ земство не только, какъ культурный элементъ, обладающій и знаніями и навыками, необходимыми для общественнаго дѣла; они внесли и то опредѣленное чувство, какое возбуждаетъ въ нихъ вообще «національная» политика, и, въ частности, законъ о «западномъ земствѣ»; наконецъ, имъ надо такъ или иначе отвѣтить на многочисленныя оффиціозныя обвиненія, что они, поляки, являются злѣйшимъ врагомъ русскаго православнаго крестьянства.

Какъ фактически сложится соотношеніе этихъ трехъ основныхъ во многихъ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ величинъ,—предсказывать мудрено. Тутъ очень многое зависитъ отъ поведенія гласныхъ-поляковъ. Но внѣшнія обстоятельства сложились такъ, словно правительство, заполнивъ «русскую» частновладѣльческую курію крупными помѣщиками, позаботилось о томъ, чтобы и крестьяне не остались совсѣмъ безъ помощника и союзника, и какъ бы именно съ этой цѣлью оно создало оппозиціонную по необходимости польскую курію:

— Вотъ де, господа крестьяне, кто вамъ поможетъ...

Конечно, этой цѣли г. Столыпинъ совершенно не имѣлъ въ виду. Но такова судьба всѣхъ логически несостоятельныхъ замысловъ. При попыткѣ воплотить ихъ они приводятъ къ прямо противоположнымъ результатамъ. Какую форму примутъ эти противоположные націоналистическимъ замысламъ г. Столыпина результаты,—предсказывать, повторяю, трудно. Пока лишь имѣются довольно многочисленныя свѣдѣнія, что между поляками, прогрессистами частновладѣльческой «русской» куріи и крестьянами, избранными волостными уполномоченными, создаются соглашенія. Между прочимъ, въ Минской губерніи это настолько обезпокоило мѣстныхъ правительственныхъ людей, что націоналисты употребляютъ какія-то усилія, чтобы не допустить блоковъ между поляками, крестьянами и прогрессистами... Какія усилія,—неизвѣстно. Но безъ полиціи у насъ такія дѣла не обходятся.

---

*) „Русское Слово", 1 іюня.

Она поработала передъ выборами и на выборахъ. Сначала помогала тащить обывателя, внушать ему, что онъ хозяинъ, что теперь онъ самъ будетъ устраивать свои земскія дѣла. Потомъ, когда оказалось, что обыватель—штука опасная, его стали не пущать... Что изъ этого вышло, какія сѣмена посѣяны, какія настроенія созданы,—начальству думать некогда. Это скажется потомъ,—когда придетъ пора расхлебывать кашу... Выборное производство прекращено, населеніе 6 губерній опять на всѣхъ языкахъ молчитъ. Разговаривать, да и то лишь на нѣкоторыхъ языкахъ дозволяется теперь только гласнымъ на земскихъ собраніяхъ. Разговоровъ пока не происходило. Были лишь выборы предсѣдателей, членовъ управъ и комиссій. Но и этого оказалось достаточнымъ, чтобы вспомнить о полиціи. Уже возникла необходимость опротестовать въ цѣломъ рядѣ уѣздовъ выборы нежелательныхъ лицъ. Возникла опасность болѣе серьезная: по соображеніямъ «Новаго Времени» (№ 9, августа) земская группа, вступившая въ союзъ съ поляками и «протежируемая еврейской печатью», можетъ стать опасной «на предстоящихъ выборахъ въ четвертую Думу». «По этому поводу видные дѣятели русской партіи» уже готовятъ обращеніе къ П. А. Столыпину». Очевидно, и гласныхъ придется «успокаивать».

А. Петрищевъ.

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

ПОСТУПИЛО:

Съ благотворительной цѣлью:

от „группы студентовъ съ Рижскаго взморья“—25 р. 45 к.

Въ пользу Рижской столовой: отъ Е. М. С.—4 р.

На школу имени Г. И. Успенскаго: отъ Ф., Я. и О. Дуновичъ 29 іюня 1911 г. (18—18) 3 р. 24 к.

Въ фондъ имени П. Ф. Якубовича: отъ в-ча А. Рудольфа „въ память Бориса Левиса“—3 р.

А всего съ прежде поступившими . . . 198 р. 75 к.

На покрытіе штрафа въ 1000 р., наложеннаго за № 4 „Русскаго Богатства“: отъ политич. ссыльныхъ сл. Карпогорье—5 р.

А всего съ прежде поступившими . . . 488 р. 39 к.

Редакторъ-издатель *Вл. Г. Короленко.*

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118001913